

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
В. Г. БОНДАРЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Д. А. ЖУКОВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Сергей МИХЕЕНКОВ
Солдатские истории 8
- Иван ЕВСЕЕНКО
Битва. Рассказ 34
- Алесь САВИЦКИЙ
Лесная пристань. Роман 45
- Виктор БУДАКОВ
Гранаты на земляничной поляне
Рассказ 99

Поэзия

- Владимир БУШИН
Моё время 3
- Инэль ЯШИНА
Дети войны 31
- Ренат ХАРИС
Выставка Победы — 1975 40
- Андрей ЛОГВИНОВ (протоиерей)
Мне по сердцу та простота... 96
- Поэтическая мозаика 105
- Виктор ЛАПШИН**
Землю уже с высоты озираю... 112

Очерк и публицистика

- Юрий КЛЮЧНИКОВ
Маршал Жуков.
Уроки, заветы, надежды 120
- Ксения МЯЛО
Точка разъединения 129
- От Победы к развалу
(Беседы Александра ЗИНОВЬЕВА
с Виктором КОЖЕМЯКО) 140
- Александр СЕВАСТЬЯНОВ
"Мечтатели" рейха
и русские мальчики 150
- Олег ПРОЛЕСКОВСКИЙ,
Лев КРИШТАПОВИЧ
Национальная гордость
белорусского народа 176

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

В. Д. Попов —
зам. главного редактора —
(495) 625-02-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-41-03

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Юрий ЕМЕЛЬЯНОВ
Как у нас пытались
украсть Победу 187

Борис КЛЮЧНИКОВ
Международные факторы
стратегии Победы 208

Станислав КУНЯЕВ
Жрецы и жертвы Холокоста 221

Слово читателя

Отстаивая русские ценности 235

Критика

Сергей СЕМАНОВ
Михаил Шолохов
и православие 265

Владимир НЕВЕРОВ
В полуармейском
походном одеянии 268

Владлен КОТОВСКОЕ
Молодые гости Шолохова 270

Софья ГЛАДЫШЕВА
“Но боль моя
острей день ото дня...” 274

Книжный развал

Станислав ЗОТОВ
“Уповаю на воскресение...” 282

Трибуна

Станислав КУНЯЕВ
“Спасибо Джорджу Соросу” —
“Спасибо “Нашему
современнику” 284

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Сдано в набор 07.04.10. Подписано в печать 27.04.10. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ № 1447. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

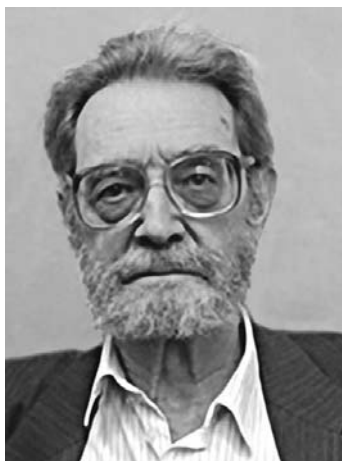
(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ПОЭЗИЯ

65 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ВЛАДИМИР БУШИН

МОЁ ВРЕМЯ

* * *

Я жил во времена Советов.
Я видел всё и убеждён:
Для тружеников, для поэтов
Достойней не было времён.

Я жил в Стране Социализма.
Я взвесил всё её дела
И понял: никогда Отчизна
Сильней и краше не была.

Я жил во времена Союза
В семье несметных языков,
Где дружбы дух и братства узы
Страну хранили от врагов.

Я жил в эпоху Пятилеток,
Я был голодным иногда,
Но видел я — мой глаз был меток, —
Нам светит горячая звезда.

БУШИН Владимир Сергеевич родился в 1924 году. Ветеран Великой Отечественной войны, известный прозаик, публицист и поэт. Автор множества книг, публиковался в самых разных жанрах. Член Союза писателей России.

Что ж, ошибались мы во многом,
Но первыми прорвали мрак.
И в Судный день, представ пред Богом,
Мы развернём
наш Красный Флаг.

ЕСЛИ...

Не дай мне Бог вас пережить, собратья...
А. Пушкин. 19 октября 1825 года

Я на войне зелёным был юнцом,
И если б долготетья тяжким даром,
Как фронтовик, был наделён Творцом,
То мог предстать бы пред Его лицом
Последним самым, хоть не самым старым.

Подумать страшно: вся ушла братва...
И что такое Т-34,
“Сорокопятка”, “пэпэша”, У-2,
И прочие старинные слова
Я буду понимать один лишь в мире.

Но и один я в майский день приду
К Могиле Неизвестного Солдата.
А если кто-то бросит на ходу,
Увидев, что гвоздики я кладу:
— Какой сегодня праздник? Что за дата?
А если кто-то будет сквозь смотреть
На выцветшие орденские планки,
То лучше мне сегодня умереть,
Чем заживо среди живых гореть
В забвения тяжёлом танке.

АЛТАРЬ ПОБЕДЫ

*Памяти всех моих одноклассников,
не вернувшихся с войны.*

Сорок четвёртый. Польша. Висла.
Мне двадцать лет. И как Вийон,
Я жизнь люблю сильнее смысла,
Сильней значения её.

Как все, хотел в живых остаться,
Без костылей придти с войны,
Но, как не трудно догадаться,
Я знать не мог ещё цены

Любви, испитой полным кубком,
Отцовства радостям простым,
Труду, смиренью и уступкам,
Ветвям черёмухи густым,

Неторопливым наслаждениям
Неспешного течения дум,
Случайным нежным песнопениям,
Тропе, что выбрал наобум...

Потом, лишь это всё изведав,
Я оценить сумел вполне,
Что́ бросил на алтарь Победы
10-й "А" на той войне.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

На смерть маршала Г. К. Жукова

— Спокойно спи, суровый маршал, —
Я прошептал издалека,
Когда пред ним в прощальном марше,
Чеканя шаг, пошли войска.

Парад последний принимал он,
Как встарь, у стен седых Кремля,
И шапки медленно снимала
Вся наша скорбная земля.

То был парад сынов и внуков
Солдат минувших грозных лет,
Которых он, Георгий Жуков,
Водил под стягами побед.

Для битв великих был он скроен
И в стане вражьем сеял страх...
Шли батальоны чётким строем,
Держа равнение на прах.

Но вот печальный и красивый
Прошёл последним старшина,
И вдруг с небес над всей Россией
Распространилась тишина.

И я увидел вещим оком,
Что нам дают иные дни,
Как за живыми вслед потоком
На площадь хлынули ОНИ.

ОНИ, что пали под Москвою,
Чьей жизнью выжил Ленинград,
Как будто их водой живую
Подняли нынче на парад.

О ком по всей стране рыдали,
И кем гордиться ей века —
Тут сталинградцы шли рядами,
Под Курском павшие войска...

Один в тулупчике, в ушанке,
Другой в пилотке, босиком,
Кто почернел в сожжённом танке,
Кто бел лицом, как снежный ком.

И те пришли из крайней дали,
Кто брал Берлин и сам рейхстаг,
Кого уже с победой ждали,
Да не учли один пустяк...

От генерала до солдата —
Все перед ним текли рекой.
Из них он многих в бой когда-то
Послал державною рукой.

И он порой при этом ведал,
Что не вернуться им назад,
Что не видать им дня Победы,
Как не войти в весенний сад.

Таков войны закон суровый.
И всё ж, им посланные в бой,
Они бы и теперь готовы
В бою прикрыть его собой.

И здесь, в его последней Ставке,
Хоть у стены стоял портрет,
Не старца видели в отставке,
А полководца в цвете лет.

...И вот уж прах замуровали,
И дело шло к исходу дня,
А тени всё маршировали,
Молчанье скорбное храня.

И уж закончили мы тризну,
И ночь сошла на ширь земли,
А те, что пали за отчизну,
Всё шли к нему, всё шли да шли...

ПАВШИЕ В СОРОК ПЕРВОМ

Всем, за Россию павшим, слава
И память скорбная вовек!
Их свято чтят и мать-держава,
И каждый честный человек.

О всех нам не избыть печали
Средь будней, праздников и дел,
Но у того, кто пал в начале,
Особый всё-таки удел...

Им, кто сражался в Бресте, в Орше,
В Смоленске, Вязьме, у Орла,
В земле лежать не всех ли горше? —
Им неизвестно, чья взяла.

Они не знают, удалось ли
Нам отстоять Москву зимой
И как и что там было после
Со всюю Русью, всей страной.

И что с детьми? И что с женою?
Жива ли мать? И где отец?
Ещё пойдём ломить стеною
Или уже всему конец?..

Над ними годы проплывают,
Как многотонные суда,
Но ничего они не знают
И не узнают никогда.

Но без раздумий всё отдали,
Всё совершили, что могли,
И, не колеблясь, прахом стали
Родной единственной земли.

* * *

О, годы! Что со мною случилось!
Очки, морщины, седина...
Неужто в самом деле старость
И чаша выпита до дна?

Но как же старость, если Моцарт
Теснит дыханье мне опять,
И сердце учащённо бьётся,
И как ему, мне тридцать пять;

И если Лермонтова строки
Зовут меня на бой за честь,
На бой бесстрашный и жестокий,
И как ему, мне двадцать шесть;

И если над судьбой Джульетты
Меня опять застал рассвет,
И я шепчу её обеты,
И мне, как ей, пятнадцать лет?

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЕ ИСТОРИИ

1944 ГОД

— Когда война началась, я работала на молокозаводе. На третий день нас, комсомольцев, направили под Желонец копать противотанковые рвы. Через несколько дней отпустили по домам. Сказали: сходите, мол, помойтесь, наберите продуктов и возвращайтесь обратно. Пришли мы в Муравьёвку. А нас сразу послали скот колхозный угонять. Собрались мы в дорогу. Нас, знать, семеро было. Все девчата. И мы это стадо коров согнали в Мордовию. Вон куда! Так что колхозные коровы немцу не достались.

Сдали коров. Куда самим деваться? Есть-то нечего. Обносились в дороге. Стали проситься, чтобы нас взяли куда-нибудь на работу.

Помню, под Куйбышевом, там тоже оборонительные сооружения строились, пришла я и говорю тамошнему начальству: “Возьмите меня на работу”. Они на меня посмотрели и говорят: “Куда ж мы тебя возьмём? Ты ж ещё ребёнок!” А и правда, росточком я была невелика. Я им опять: “Вы не сомневайтесь. Я многое умею делать. И работы не боюсь”. Взяла их своей настойчивостью. Они и говорят: “Ладно. Приходи завтра”.

Я где-то там переночевала. Утром пришла. А начальница спрашивает меня: “А откуда ж ты родом?” Видимо, по слову моему почувствовала свою родину. Я ей: так и так, из Смоленской области. Мы ж тогда, в начале войны, не Калужской, а Смоленской области писались. “Ой! Ты ж моя землячка!” Звали её Валентиной Евтихьевной. Фамилию забыла.

Взяла она меня на работу. А потом и говорит: “Катюх! Давай мы тебя на курсы шоферов пошлём?” Я и согласилась.

Курсы ускоренные. Стажировались на грузовике “ЗиС”. Машина большая. Помню, начнём заводить мотор. Ребята курсанты крутят-крутят ручку,

никак не провернут. Я им: “А ну-ка, дайте я попробую!” Подхожу. Шофёр, который обучал нас вождению, смотрит, посмеивается. А я дробненькая, с виду так себе. Но рука у меня крепкая, натренированная. На молокозаводе я крутила сепаратор. Это сейчас везде электромоторы. А тогда всё делали вручную. Сепаратор тяжёлый был. Вот взяла я ручку, раз-другой крутанула по-сильней да порезче, мотор и завёлся. Шофёр смеётся. И ребята все удивляются: “Ну и Катюха!”

Через два месяца — на фронт.

Дали мне полторку. Старенькую. Всю пробитую пулями. В кабине, на сиденье, кровь присохшая... Сказали: вот, мол, тебе машина, снимай мотор, ремонтируй. Разобрала я машину, все гайки поотвинтила. Мне механик помогал. Почистила клапана, поршни. Кое-что поменяли.

Собрали мы эту машинёнку. Села я за руль. Поехала. Едет моя машина, слушается!

Сперва возле гаража ездил. Разные задания выполняла. А потом, когда немца погнали, стали посылать меня и к передовой.

Вот, помню, под Минском...

Наши переправу делали, а я им доски подвозила. Сапёрам. Туда — доски, а обратно — раненых.

Шёл уже сорок четвёртый год. Наш батальон был в составе 2-го Белорусского фронта Рокоссовского.

Проснулись утром. Меня посылают на передовую. Я уже человек опытный. Девчата, подруги мои, в слёзы: “Ой, Катюха, больше мы тебя не увидим!” Прощаемся. А я передовой не боялась. Я будто знала, что меня не убьют.

Девчат в гараже у нас было много. А водителей только четверо: я, двое тульских и одна из Рязани. Но ездили они неважно, и их далеко посылать боялись. Я ж ездила всюду, куда пошлют.

Вот, значит, под Минском...

На передовой нагрузили мне в кузов раненых. Стонут. Все в бинтах, в крови. А тут налетел самолёт. Стал бомбить. Бомбы рвутся совсем рядом. Санитарки, которые сопровождали раненых, мне кричат: “Давай, быстрее уезжай! А то сейчас разбомбит!” Я им: “Никуда мы не поедем. Машина замаскирована. Он нас не видит. Улетит, тогда и поедем. А на открытом он нас сразу прихватит”.

Немец пролетел, нас не заметил. И мы благополучно вернулись в тыл.

Бывало, выедешь к передовой. Ребята, бойцы наши, в бой идут. Кричат: “Сестра! Прощай!” Не с кем им попрощаться, вот со мною и попрощались. Знали, что многим сейчас...

Раз забралась на кабину, посмотреть, как они там воюют. Стою. Гляжу, а один, с которым я только что разговаривала, вдруг упал, и к нему санитары подбежали. А меня пожилой боец схватил за ноги и — долой: “Ты что?! Тебя сейчас снайпер так и сымет!”

Другой раз едешь по дороге, глядишь, машина разбитая стоит. Или догорает. Кругом воронки. Значит, разбомбили. Иногда так и своих встречала, знакомые машины. Немецкие самолёты любили за машинами гоняться. Ни патронов, ни бомб не жалели.

А я ни разу ни под бомбёжку, ни под обстрел не попала. Мне в батальоне все удивлялись. Комбат, бывало, пошлёт куда-нибудь, откуда уже несколько машин не вернулось, а сам, видать, переживает, что меня, девушку, под пули отправил. Ждёт. А я, глядишь, вот она, и вернулась невредимая. Он мне: “Ну, Катюха! Какая же ты везучая!” В гараже узнаю: в батальоне опять большие потери.

А мне и правда везло.

Накануне войны я видела сон. И помню его всю жизнь. Проснулась и говорю матери: “Мам! Я сегодня с Богом летала!” — “Ну, ещё чище...” А мы ведь тогда в деревне не знали проводов. Это потом — столбы, провода, радио, электричество... Сон же мой был такой. Будто ко мне подлетает кто-то и говорит: “Полетели со мной!” — “Куда?” — “Увидишь, куда”. И я полетела. Лечу — по проводам! “Ой! — кричу. — Задену! Упаду!” — “Не

упадёшь. Лети! Ничего не бойся!” А лететь мне хорошо, сладко, приятно, хоть и страшно немножко. “А с кем я лечу?” — “Со мною”. — “А кто ты?” — “Я, — говорит, — Бог”. Я пытаюсь на него посмотреть, какой же он, Бог? Но не вижу. Не могу разглядеть его. “Какой же ты?” — говорю. “Смотри, какой!” — говорит и показался на мгновение. И увидела я его — маленький, как блошка. А мы всё летим, летим. “Теперь я не вернусь”, — говорю ему. А мне уже домой хочется. “Ничего, — говорит, — вернёшься”.

Вот такой сон. И всю войну я пролетала, как блошка, и нигде меня не задело. Я и сама порой удивлялась. Ведь не раз могла бы и погибнуть.

Однажды отправили меня в отряд минёров. Поехала. А я ж не знала, где мины, где нет. Приезжала к мостику через ручей. Перед мостиком мне бойцы постучали в кабину: “Потише едь!” Нет, думаю, что вы мне ни говорите, а тише я не поеду. Как всё равно мне кто подсказывал. Разогнала я машину и прямо перелетела тот мостик! Позади разорвалась мина. Никого не задело. Раненые мои кричат: “Гони скорее! Обстрел!” А я остановилась и говорю им: “Обстрел окончен. Теперь не бойтесь. Это противопехотная мина была”.

Так я и летала всю войну на своей машинёнке. И все пули, все осколки — мимо меня...

У тех сапёров, к которым я по минам приехала, были раненые. Я их повезла в тыл. Подехала к мостику через ручей. Перед мостиком мне бойцы постучали в кабину: “Потише едь!” Нет, думаю, что вы мне ни говорите, а тише я не поеду. Как всё равно мне кто подсказывал. Разогнала я машину и прямо перелетела тот мостик! Позади разорвалась мина. Никого не задело. Раненые мои кричат: “Гони скорее! Обстрел!” А я остановилась и говорю им: “Обстрел окончен. Теперь не бойтесь. Это противопехотная мина была”.

Так я и летала всю войну на своей машинёнке. И все пули, все осколки — мимо меня...

Однажды, когда немца прогнали из Минска, комбат наш, Роман Антонович, и говорит мне: “Катюх, поехали в Минск. Я хочу домой заехать, родных повидать. Живы ли, хоть узнаю”.

А войска наши наступают, все дороги забиты. Вперёд идут. Едем и мы. А тут у меня сигнал заклинило. Едем, а сигнал не отключается. Замкнуло где-то. Я комбату: “Роман Антонович, разрешите остановиться. Я сейчас быстро отремонтирую сигнал. И поедем дальше”. А он: “Нет, Катюха, теперь уж гони!” Так, с сигналом, до его дома и доехали.

Встретил комбат своего отца, сестёр. Выскочили все, обняли его. А я ремонтирую машину и смотрю на них. Думаю: эх, мне бы сейчас домой! Хоть на минуточку! Маму повидать, отца, сестру, братьев... Так радостно мне было смотреть на комбата и его семью!

Победа меня застала в городе Штеттине, на Одере. В Германии. Победили мы их.

Подруги меня уговаривали поехать в Москву, работать. Но я соскучилась по дому и решила ехать в свою родную Муравьёвку.

Приехала домой. А здесь всё разбито. Дома пожжены. Мать, сестру и младших братьев своих нашла. В землянке жили. Мать малярией болела. В землянке-то сыро. Недоедали.

Легко сказать — война. А как на неё поглядели... Не дай Бог нашим внукам — войны.

Сколько ж людей погибло! Всё молодые.

Отец мой и двое братьев, старших, тоже были на войне. Отец вернулся. А братья погибли. Иван и Сергей. Иван 1920 года рождения. Когда началась война, он служил действительную. Так сразу где-то и пропал. А Сергей с 1926-го. С Сергеем мы воевали рядом. Он погиб в Восточной Пруссии. Рядом был. А вот не встретились. Может, если бы встретились, я его как-нибудь и спасла...

— После ранения и госпиталя я был направлен в резерв. Часть стояла под Гомелем.

А тут как раз надо наступать. Операция “Багратион” началась. Формировали батальон штрафников. В штрафном батальоне так: солдаты — штрафни-

ки, а офицеры — кадровые. Я до госпиталя воевал в миномётной роте, был командиром расчёта и комсоргом минроты. После госпиталя закончил ускоренный курс офицерского училища. Закончил, лейтенантские погоны получил, ну, думаю, теперь мне командирскую должность дадут. Может, командиром миномётной роты назначат. Назначили... замполитом штрафного батальона.

Вечером переправились через реку Сож. Вышли на исходные. А утром всем выдали водки, поставили задачу и после артподготовки — вперёд! Я тоже водки выпил.

Наступали мы, офицеры, вместе с ротами. В одной цепи с солдатами бежали. Когда бежишь в атаку, о жизни своей и смерти не думаешь. Ночью, когда на исходных в траншее сидели, думали. По лицам видел — всех эти думы одолевали. И перед атакой, когда артподготовка началась, видел, как полы шинелей у ребят тряслись... А когда поднялись, уже всё позади. Летить — как на крыльях. Вперёд!

Прорвали мы фронт. Немцы на нашем участке упорные попались, не отошли. Так мы по их головам прошли. Узкими клиньями в двух местах к их обороне пробивались, прыгнули в траншею и пошли вдоль неё. В руках гранаты да сапёрные лопатки. Смяли мы их, пошли дальше. А соседи, как потом оказалось, не прорвались. Их немец не пропустил. Там штрафников на прорыве не оказалось.

Углубились мы километров на шесть. Остановились. Видим, на флангах никого нет. И начал нас немец окружать. Опомился. Обложил со всех сторон. И уже в громкоговорители кричит: “Иван! Штыки в землю!”

Мы связались по радию со штабом дивизии. Оттуда получили приказ: вернуться на исходную. Стали готовить прорыв. А немец уже за нами брешь замкнул. Даже миномёты подтащил.

Ладно, мы тоже уже воевать умели. Сосредоточились на участке метров в сто шириной и пошли опять в атаку. Рядом со мной троих убило.

Вышли. Сосчитали живых — около двухсот человек осталось, и те почти все переранены. А утром, когда пошли в атаку, нас 1200 человек было.

— Стояли мы под Могилёвом. Перед этим наступали. Несколько дней шли и шли вперёд. Бои, бои, бои... Ну и подвыбили наш батальон. Отвели во второй эшелон, на отдых. Помыться да обмундирование заштопать. Обносились. В бою ведь как: на локтях да на коленках всё до дырок протираешь, ползаешь, как змея... Пополнение получили. Молодых совсем ребят, двадцать шестой год.

Наше отделение хату заняло. Устроились хорошо. Печку топим. Живём, не тужим. Жителей-то немцы из деревни угнали к Витебску. Хаты поджечь не успели. Команду факельщиков местные партизаны возле речки на мосту перехватили — три мотоцикла, — всех там и положили. Факельщиков в плен не брали.

Ночами начали летать немецкие самолёты. У них тоже ночные бомбардировщики были.

Однажды утром просыпаемся от холода. Что такое? К теплу-то уже привыкли. Ребята: “Кто дверку распахнул?” Молодых принялись бранить, они у нас всё по ночам на двор бегали... Но глаза продрали, а посреди горницы — мать честная! — в полу бомба торчит стабилизатором вверх. Бо-ольшущая чушка! В потолке дыра, и небо через ту дыру светится.

Ночью прилетела, зараза. А мы и не услышали, когда её к нам занесло.

Мы ходили вокруг неё. Умылись. Молодых предупредили, чтобы бомбу не трогали. С кухни принесли котелки с горячей кашей. Сели вокруг бомбы и позавтракали.

Вскоре пришли сапёры. Выкрутили взрыватели. Вытащили через окно ту бомбу. Пятисоткилограммовая. Как они её выволакивали?

А ребята рядом спали. Она у них в ногах пол проломилась. Нижний взрыватель бракованный был. Судьба.

— А как попадали в штрафные роты и батальоны? Вот я сейчас расскажу один случай.

У нас в батальоне, ещё с Котельнича, был замполит по фамилии Гордон. Когда проводил с нами политзанятия, всегда говорил: “Вот я, когда попадём на фронт, стану обязательно Героем Советского Союза!” Уж очень ему хотелось воевать! И нас он настраивал на героический лад. Лучше бы его, такого боевого, начальство в тылу и держало — для укрепления боевого духа войск, которые направлялись к фронту. Говорил он умно, складно, красиво. И у нас настроение поднималось — поскорее кинуться на врага.

Пришли на фронт. И, когда нас немец в первом же бою потренил и погнал, он, наш замполит Гордон, с передовой сбежал. Комбат Шудров поручил ему отвести в безопасное место обоз, а он обоз бросил. И обоз тот, со всем имуществом и лошадьми, попал в руки к немцу. Ездовые потом прибежали, всё, как было, рассказали. Несколько человек всего и вырвалось. Остальные в плен попали. Других убило. Наделал дел наш герой. Комбат хотел его лично застрелить. Но потом успокоился, доложил начальнику особого отдела. Провели разбирательство. И всё вроде затихло.

После боёв нас отвели в тыл, на пополнение.

Сидим однажды в хате. Хата без крыши, одни стены. Делать нечего, играем в карты. С нами и Гордон, наш замполит. Теперь он про героизм не говорит, анекдоты травил. Он их много знал.

Вдруг входит незнакомый младший лейтенант. Поздоровался. Смотрю, парень крепкий, мышцы под гимнастёркой так и играют. Говорит: “Можно и я с вами сыграю?” — “Садись”. Играем. А мы уже заметили, что на улице стоят пять или шесть солдат с винтовками. Пришли они с младшим лейтенантом. Ждут.

Вдруг этот младший лейтенант наклонился к Гордону и говорит: “Гордон, вы арестованы!”

Гордон вскочил, сразу за наган. Был у него револьвер, с которым он ходил постоянно, не расставался. Небось, когда обоз с ребятами бросил, за револьвер не схватился... Младший лейтенант будто только и ждал того — кинулся на Гордона, как кошка, сгрёб его, руку с наганом заломил. Вошли солдаты, связали замполита, повели. Посадили в погреб, выставили часового.

На другой день осудили. Разжаловали в рядовые и отправили в штрафной батальон.

Штрафников посылали только на прорыв. В обороне их не держали. Не надёжные. Часто перебежали к немцам. А на прорыве действовали хорошо. Да ещё если водки дадут... Стояли всегда в тылу, километрах в пяти-шести от передовой. Подводили только, когда готовился прорыв.

Встретил я своего разжалованного замполита Гордона уже после Победы в Москве. Жил он в Ленинграде, работал где-то в торговле. На жизнь не жаловался. А потом я узнал: стал он председателем Совета ветеранов нашей дивизии.

— Два раза я это дело повидал — окружение.

Под Вязьмой они нас, а под Минском, потом, мы их на части рвали. Вот, помню, вывалит толпа из лесочка, налегке бегут, на прорыв. Мы из миномётов как дадим! Только вой стоит! Через некоторое время — запахло... В жару трупы быстро разлагались. Если ещё и ветер оттуда, всё, одуреешь от этого запаха. На кашу смотреть не могли...

— Форсировали мы реку Нарев. Это — в Польше. Нарев — чуть меньше нашей Оки. Утром сыграли на миномётах. Хорошо, плотно застелили. Перепахали им там за рекой всё. Пехота пошла. Подошли к реке, и тут мост взлетел на воздух. Отступая, немцы взорвали единственную на нашем участке переправу. Что делать? Форсирования с ходу не получилось. Ночью нашли кое-то из плавсредств. Приготовились. Утром пошли. Прорвались в глубину километра на два. Захватили плацдарм. Немцы попались нам на этот раз какие-то смиренные, не контратаковали.

И где-то в лесу, на том плацдарме, ребята мои нашли гусей. Разжились по случаю... А что гуси? Они в списках не значатся. Ощипали и — в ведра этих гусей! Варим. И уже запахло гусятиной. Хорошо, по-домашнему запах-

ло. Ещё бы минут двадцать, и мы этих гусей прибрали бы по назначению. И тут — командир нашего полка, майор Королёв: “А это что такое?!” Командир миномётной роты подбегает, руку к козырьку: “Товарищ майор, вторая минрота...” — “Что это такое, я спрашиваю?! Там люди гибнут, а тут!.. Вперёд! Марш!”

Мы — бегом! Миномёты разобрали. И — вперёд. Вышли к траншее, где залегла наша пехота. Ещё не подбежали мы, смотрим, на той стороне, недалеко, метрах в ста уже, на опушке леса — немцы. Высыпали густой цепью, почти толпой, кричат по-своему. И — на нас. Вот тебе и смиренные. “К бою! Заряд основной! Прицел...” А что прицел, тут уже каждому наводчику, побывавшему в боях, прицел ясен. Быстро развернули огневую, прямо на открытом месте. И — весь свой НЗ высыпали в несколько минут прямо в немецкие цепи. Каждый миномётчик, свободный от переноски матчасти, носил всегда десять мин. В специальной коробке. Неприкосновенный запас. Вот этот неприкосновенный запас мы и пустили в ход. Беглый огонь по всей ширине цепи. Они ещё и развернуться как следует не успели. Слышим, там, на опушке, завывли, застонали. Живые тоже залегли. Всё, конец атаки! Отбились.

Потом, назавтра, в День артиллерии, комполка поздравлял нас так: “Вот миномётчики!.. Я подхожу, а они картошку варят. И где они эту картошку нашли? Они картошку варят, а немцы уже в атаку разворачиваются! Но молодцы, потом они себя быстро оправдали! Отбили атаку лихо! Спасибо, миномётчики!” А мы слушаем и думаем: ну, спасибо тебе, товарищ майор, что про гусей не вспомнил...

А гусей мы после боя всё же оприходовали. Не пропали наши гуси.

— После второго ранения я закончил Тамбовское артучилище и в июне 1944 года получил назначение в 366-й Могилёвский орден Суворова тяжёлый самоходный артиллерийский полк РКК.

ИСУ-152. В полку двадцать одна машина. Командир полка майор Гаевский. В полку я состоял на должности арттехника.

Выгрузились под Одессой на станции Раздельная. Пошли. Под Тирасполем стали напротив Кицканского плацдарма. Постреляли через Днестр, помogli нашей пехоте. Снова пошли.

Вскоре перешли румынскую границу. В Фокшанах четыре наших машины были повреждены. Бой ещё шёл, а мы уже отремонтировали самоходки. За ремонт машин отвечал я.

До Плоешти шли без боёв. Мы шли, а кругом всё горело.

Повернули. Переправились через Дунай и вошли в Болгарию. Болгарский город Силистрия. Болгары нас встретили хорошо — виноградом, вином и цветами.

Недолго мы отдыхали в Болгарии. Пошли в Югославию.

Первый югославский город Заичар. Он расположен в долине. Кругом горы, возвышенности. Наши передовые самоходки с ходу, без поддержки пехоты, ринулись в атаку. Сверху, с горы, мы наблюдали за их атакой. Уже вечерело. И вот вспыхнула одна машина, за ней другая, третья... И так все шесть машин были подбиты.

Немного погодя к Заичару подошли основные силы полка и стрелковые части. Пошли в атаку.

Во время боя я находился в одной из машин. Помню, движемся по улице. Вдруг из одного дома начала бить малокалиберная пушка. Ударили и мы. Расчёт сразу разбежался. В пролом от нашего снаряда сразу полезла пехота. Из подвала вывели девятерых власовцев.

В Заичаре немцев я вообще не видел. Город обороняли власовцы.

Разыскиали мы и наших ребят из подбитых накануне самоходок. Кто в дровах прятался, кто в погребках. Сербы их прятали, никого не выдали власовцам.

— Ротный у нас был большой любитель выпить. И наши гвардейские сто граммов иногда зажимал. А сам напивался. Раз так, перед самой атакой,

поднабрался, что всё ему нипочём, дай только отличиться. Ещё не закончилась артподготовка, поднял нас в атаку. Мы и пошли. Он, правда, тоже с нами. Идёт, с пистолетом, пистолет на отлёте держит, как стакан... Смело идёт, даже головы не гнёт. Пример подаёт. А команда роте была такая: как только займём первую линию немецких окопов, так сразу должны обозначить себя ракетой. Чтобы наша артиллерия перенесла огонь глубже. Ракетника же нашего убило во время атаки. Добежали мы до немецкой траншеи, выбили их. Где ракета? Нет ракеты! И по проводной связи никто в батарее не сообщит, что мы в траншее. Проводную связь ещё не наладили. И наша артиллерия бьёт и бьёт. Вот тут и начались потери. Ввалились мы в их ходы сообщения. Снаряды рвутся. Много наших полегло во время атаки, а тут ещё больше народу побило. Из восьмидесяти человек в нашей автоматной роте в строю после этой атаки осталось только тринадцать.

— Командиром батареи меня назначали несколько раз. Несколько раз назначали и несколько раз снимали. Я ведь был сын “врага народа”. Мой отец, коммунист с 1917 года, в 1920-м вышел из партии добровольно. Его потом посадили. “Особняк” наш об этом всё знал.

Бывало, что и по году командовал батареей, офицерское звание уже имел, а всё же числился *исполняющим обязанности*. Глядишь, нового командира батареи прислали, а меня опять в сторону.

Ладно.

Так однажды на марше, мы уже наступали на Никель, и наступление наше развивалось успешно, приходит старшина и докладывает: “Товарищ лейтенант, прибыл новый командир батареи”. — “Ну, что ж, прибыл так прибыл. Пусть принимает батарею. Имущество числится у тебя, ты и передашь”.

А прибыл капитан. Как же его фамилия? Вспомнил! Страхов! Страхов его фамилия! Сволочь такая! Гад! Пришёл он в батарею. А меня оставили при нём старшим офицером. И что он, этот капитан Страхов, делает! Меняем мы 14-ю дивизию. Ночью меняем. Он мне: “Прокофьев, иди на НП. Возьми с собою разведчиков и иди. А я что-то приболел”. Я и пошёл. Подчиняюсь. Хотя впереди, на НП командира стрелковой роты, которую мы поддерживаем огнём, должен находиться командир миномётной батареи. Чтобы во время боя корректировать огонь. Прихожу. Их там от роты всего человек пятьдесят осталось. Ротный мне: “Утром не высывайся. Снайпер так и стережёт. Вон сколько наших наваял”.

Командир пехотной роты сидел в небольшом котловане. Когда строили дорогу, там, видимо, брали песок. До войны. Вот там и был оборудован НП. Миномёты мои позади. Семь расчётов. В то время я уже воевал в батарее 120-миллиметровых миномётов.

Утром к нам приходит командир полка. С ним начальник артиллерии капитан Рыжаков и ещё какие-то офицеры. Комполка издали кричит: “Что, глаза и уши? Проспали? Немец-то — ушёл! А вы ему даже пятки не подмазали!”

Я себе думаю: проспять-то мы проспали, но далеко он не уйдёт. Так и получилось. Погнались мы за отходящим противником, и вскоре передовой батальон завязал бой. А нам, миномётчикам, надо пехоту поддерживать! Капитан Страхов пошёл с разведчиками вперёд. И тут убило командира отделения разведки Просвириякова. Хороший был человек и разведчик. Его убило, а капитан Страхов перепугался, губы растрепал... И он тогда мне ставит такую задачу: Прокофьев, бери, мол, свой взвод и живо выдвигайся вперёд, надо поддерживать пехоту.

А дорога идёт так: в сторону противника пологий спуск, и один участок весь простреливается противником. Чуть только кто появляется, сразу залп артиллерийского огня с той стороны. Пройти невозможно. Я шёл вместе с командиром батальона пехоты капитаном Присяжником. Комбат просит: поддержи моих, проберись как-нибудь через это чёртово открытое пространство! А как тут проберёшься? Других-то дорог, кроме этой, нет. А если куда-то в обход, то это сутки можно проездить. А пехоту за это время всю на той стороне перебьют.

У меня во взводе три упряжки. На двух — миномёты, третья с боеприпасами. Я тогда своим ездовым и расчётам ставлю задачу: “Дистанция сто метров! Аллор, три креста! Вперёд, ребята!”

Ни один снаряд не попал в наши повозки. Проскочили опасный участок. Взрывы остались позади. Ниже немцы уже нас не видели. Продвинулись вперёд ещё километра на три, приняли немного вправо, установили миномёты. Навели связь. Определили точку стояния. Это ж всё нужно сделать грамотно, а то и по своим можно лупануть. Приготовились к бою. И вечером вдруг подъезжает дивизион “катуш”, восемь машин, и становится мне “на голову”. Я говорю командиру дивизиона: “Что ты делаешь? Прими немного куда-нибудь от нашей позиции”. А он: “А что тебе? Мы — гвардейцы. Надо тебе, ты и принимай в сторону. А эта позиция — наша”. Вот тебе и весь хрен! Смотрит свысока! Старший лейтенант!

Ладно, думаю. Мы хоть и не гвардейцы, а тоже из двух миномётов за три минуты тонну боеприпасов на голову немцам перекидываем. За три минуты! Тонну! Представляешь!?

Стали они. Расположились. Позиция-то — хорошая. Переночевали. На утро назначена артподготовка. На восемь часов. А немец-то не дурак! В половине восьмого, когда мы уже изготовились, как он дал по “катушам”! Видимо, засёк ещё с вечера. Они ж сюда лезли, как слоны... У меня были открыты окопы. Для каждого расчёта. А гвардейцы-то окопов не копают, руки не пачкают. Я в ровике с ребятами своими сижу. Смотрю, гвардейцы как повалились на нас сверху! Я кричу: “Да вы, братцы, нас тут живём задавите! Откуда столько народу?” А рядом со мною миномётчик лежит, командир первого расчёта, и говорит он мне: “А это, товарищ лейтенант, наши гвардейцы. Они без окопов воюют. Когда прижмёт, в чужих норвоят схорониться”.

Они-то сами схоронились. А две их машины разбило. Мины сползли вниз. А остальные, смотрим, не отстрелявшись, начали уезжать. И раненых своих побросали. И мешки, и другое кое-какое имущество. Раненых мы перевязали, отправили в тыл. Ровно в восемь провели артподготовку. Пехота наша осмелела, смотрим, пошла вперёд.

Пехота пошла, а мы её поддерживали огнём. Связь-то налажена. Куда надо, туда и кидали мины. Стрелять в тот день на нашем участке пришлось нам одним. Что ж, мы и отстрелялись. Нам только мины подвози. За три минуты — тонну! Да обед не забывай вовремя доставлять. А остальное — наше дело.

За эти бои, за точную стрельбу, начальник артиллерии полка приказал командиру батареи написать на меня представление к награде орденом Отечественной войны. А капитан Страхов, тот самый сукин сын, который вперёд вместо себя меня послал, — что ты думаешь, а? — вместе с представлением пишет, что я его будто бы обложил матом. Ну, может, где-то и сказал ему что... Что он заслуживал. А что ж он хотел? В тылу отсидеться, и чтобы ему никто ничего не сказал? Представление моё на орден где-то по пути в штаб дивизии застряло, а донесение пошло. Начальник артиллерии дивизии читает его и делает такую резолюцию: лейтенанта, мол, Прокофьева судить судом офицерской чести. Сук-кины они дети! Вот какой орден они мне решили вручить!

А я в полку уже два года с лишним. Почти всегда в бою. Воевал хорошо. Мои расчёты всегда стреляли неплохо. Ребята, офицеры полка, и говорят: знаем мы, мол, лейтенанта Прокофьева, не за что его судить. Судить меня не стали. А то бы пошёл я прямым в штрафную роту рядовым солдатом. Судить не стали, но награды лишили. Наградной лист в штабе дивизии порвали.

Ко мне и шпиона засылали. Приходит раз солдат с пополнения. И вдруг при мне заводит такой разговор: “Немцы воюют лучше”. Я ему и говорю: “Ты тут язык прижми. Тебе-то самому кто мешает воевать лучше немцев?” — “А что я такого сказал?” — “А вот что. Мы ещё не знаем, что ты за человек... И какой ты солдат, в бою увидим. А что касается нашей батареи, то мы немцев больше бьём, чем они нас”. Правда, сразу же рот прикрыл. Но долго тишком всё вынюхивал. Ребята потом мне, то один, то дру-

гой: про тебя, мол, лейтенант, всё выпытывает. А потом солдат тот неожиданно пропал. И “особняк” наш меня вызывал, “два ноля”, как мы его звали. Но тот ласковый такой гад, скользкий. Что и спросит, сразу не поймёшь, к чему, сволочь, клонит. Прямо не скажет: ты, Прокофьев, сукин сын такой-сякой, чтобы порядок и дисциплину держал, а то я тебя в штрафную!.. Нет, скучаю ли по дому, да какое настроение у бойцов?.. Какое у бойцов настроение... Немцев поскорее угондобить! Вот какое настроение, говорю ему. Посмеётся, сигаретку помнёт и опять: а что из дому пишут? Тыфу! Как будто я дурак такой, что тут же и душу свою ему выложу!

Конечно, я понимаю, человек я и на фронте был непростой. Анкета с изьянцем. Да и характер у меня такой — прямой, как добросовестно выструганная оглобля. Если что, так прямо и скажу: замудонец ты последний! Будь там хоть мой заряжающий или сам капитан Страхов. И никто на меня зла и обиды не держал. Кроме капитана Стрехова.

Поэтому с солдатами и офицерами, с кем мы вместе месили дороги войны, отношения у меня были хорошие, боевые. Никого я никогда не предал, ни за чью спину не прятался, никого под пули не подставлял. Когда надо было идти в пекло самому, шёл, не придумывал, что у меня живот болит. А на передовой это сразу видно.

Долго я злился на капитана Стрехова. Нет, не за орден. Хрен с ним, думаю, с орденом. Жив буду, ордена от меня не уйдут. Так оно, кстати, и вышло. Ордена-то, вон они! А Отечественной войны — целых два! Но капитана Стрехова я ненавидел. За подлость его. Подопью, бывало, и думаю: ну, если сейчас в бой, пристрелю, собаку. Даже, помню, пистолет, свой безотказный ТТ, специально чистил и смазывал, на боевой взвод ставил... Так меня ранила его несправедливость.

Против нас стояли финские части. И немецкие горные стрелки. На пилотке у них был беленький цветок, эдельвейс. Эмблема такая. У убитых видел.

А сталинским соколам я простил. Когда в сорок четвёртом мы уже вовсю наступали, на Мурманском направлении увидел я однажды такую картину.

Видимо, шла немецкая колонна. Растянута она была километров на пятнадцать. И вся была разбита и положена. И люди валялись — сотнями. И техника — машины, тягачи. Разбитые орудия. И мотоциклы, и велосипеды. Наши “горбатые” атаковали злее, чем их штурмовики “Ю-87”. А навстречу нам шли пленные немцы. Но, надо сказать, они и пленные форс держали. А может, рады были, что выжили, что не валялись вот так, как их братья и однополчане, по обочинам дорог.

А тут, после Победы, приехал домой. Спрашивают: “Где ты воевал?” — “В Заполярье”, — говорю. Смотрят недоумённо и опять: “А разве там война была?” Инженер! В дорожном отделе — инженер. Я там работал тогда. Посмотрел я на него: “Там мы, — говорю, — пирогами с немцем кидались. Мои пироги — сто двадцать миллиметров! Все как один!” Замолчал. А тут сестра родная: “Ты был в артиллерии?” — “Да, в артиллерии”. — “Немца-то живого видел?” Тыфу ты, думаю! Хуже капитана Стрехова...

Немца... живого... Повидал всякого — и живого, и мёртвого.

А миномёты наши были хорошие. Ста двадцати! Как дадим! Батарейка за одну минуту тонну мин к немцам перекидывала! Не хуже гвардейских били. Гвардейцы — что? Отстрелялись, залп сделали и — ходу. В тыл. А мы всегда рядом с пехотой.

— Вошли мы в Восточную Пруссию.

На прорыв шли в сплошном тумане. Возможности использования тяжёлой техники почти не было. Авиация находилась на аэродромах. И танки, и бронетранспортёры, и “катюши” шли позади нас. Мы продвинемся на километр-два, и они на километр-два следом за нами. В бой их не вводили. А потом, когда мы прорвали на всю глубину, танки в этот прорыв и пошли сплошной лавиной. Ночью, со включёнными фарами. В тумане. Они шли, обгоняя нас, часов пять или шесть. Почти всю ночь. Мы смотрели на этот грохочущий поток и думали: ну, пошла махина, теперь не остановишь. Утром мы двинулись следом за ними.

Вот так была отрезана Восточная Пруссия от Центральной Германии.

Первую деревню мы взяли — там всего две старухи, древние-предревные. “Где же народ?” — мы их спрашиваем. А они нам: “Ушли все. Нам сказали: придут русские, с рогами, всех будут убивать и вешать. Уходите. Вот все и ушли. А мы уже старые, смерти не боимся”. Подошли к нам, потрогали, убедились: не черти, рогов нет. Дальше больше стали немцы появляться.

— На фронте вся сохранность есть земля. Чуть что — окоп выкопал, и уже ничем тебя не взять. Лопата на фронте — главное оружие солдата. Не успел окопаться — и нет тебя при первом же обстреле. Лопата, ложка, котелок. Никогда не видел — а я до самого Берлина дошёл! — чтобы солдат где-нибудь бросил лопату, ложку или котелок. Всё, бывало, бросали, а это — никогда.

— В Восточную Пруссию мы, можно сказать, заползли на пузе. Немец там сопротивлялся особенно сильно.

Тут, в Восточной Пруссии, меня поразило вот что. В каждой деревне, в каждом дворе много скота. У одной хозяйки, может, десять или пятнадцать коров. Видать, со всего Советского Союза сюда коровушек согнали. Со всей оккупированной территории. На фермах работали наши люди. Угнанные. Девчушки наши, по пятнадцати-семнадцати лет. Из наших русских областей, Белоруссии, Украины. В рабстве у них были.

Среди хозяев мужчин не было. Видимо, всех призвали в армию, все воевали.

— На реке Пилице сменили нас части Войска Польского. Бывало как: своим сдавали то, что имели сами. А полякам приказано было сдать оборону в образцовом виде. Траншеи и ячейки копали всю ночь.

Утром они подошли. Оружие у поляков хорошее. Новое всё. Кроме автоматов, много пулемётов и миномёты. Ну, думаем, эти постоят. А у нас уже много потерь было. Из вооружения — одни автоматы. Пулемётов — раз-два и обчёлся...

Но мы рады, что — во второй эшелон, что — на отдых, что — живы.

— В Познани. Город мы полностью ещё не взяли. Одним махом не получилось. Стояли напротив немецкого госпиталя. Командир пронюхал это дело и говорит мне: “Так, Жаворонков, там должна быть водка. Или спирт”. И послал меня разведать и, если что есть, принести.

Приказ есть приказ. Его надо исполнять. Пошёл, делать нечего. Иду. Познань горит. Отблески от пожаров играют на стенах домов, высвечивают дорогу. Дело было в феврале сорок пятого года.

Подхожу я к госпиталю. Немцев нет. Вошёл в госпиталь. Меня встретили врачи. Сразу, я ещё не сказал ни слова, выложили на стол свои пистолеты. Пистолеты миниатюрные, разных систем. Я им показываю: найн, мол, мне этого не надобно. Они переглянулись, пожалы плечами. Я им тогда: “Шнапс!” Тогда один из врачей повернулся и ушёл. Вскоре вернулся. Протягивает мне бутылку коньяка. Я ему: “Данке”. Повернулся и пошёл. Пистолеты их остались лежать на столе.

Пришёл я к командиру роты, отдал бутылку. А мне так спать хотелось! Я потом прилёг где-то. Даже не прилёг, нет, сел и сидя тут же уснул. А в те дни за удачную проведённую разведку ротный подарил мне новенький ППС — пистолет-пулемёт Судаева. Он без приклада. Приклад откидывался, как у нынешних Калашниковых. Магазин рожковый. И, покуда я спал сном праведника, мой пистолет-пулемёт кто-то у меня спулемётил! Проснулся, хватать-хватать, а ведь я — безоружен! Хорошо, что у меня был бельгийский пистолет и несколько горстей патронов к нему. Подарил мне его один солдат: “На, товарищ гвардии сержант, тебе он, в разведке, пригодится больше”. Вот с этим бельгийским пистолетом я дня четыре и воевал. Пока не нашёл себе новый автомат, простой ПППШ, с которым провоевал уже почти полтора года.

Но до того, как уснуть, я ещё раз сходил “в разведку”.

Офицеры бутылку коньяка выпили быстро. Что им — одна бутылка? Мало. Посылают меня опять. Мне бы зайти за угол, да постоять там с полчаса, а там вернуться и сказать: нету, мол, больше ни коньяку, ни водки... А я, дурак, пошёл опять в госпиталь. К немцам. Прихожу. А уже стыдно: вот, мол, ещё пришёл... Я опять врачу: так, мол, и так, шнапсу ещё командирам надо. А он: “Найн!” Ну, “найн” так “найн”. Я повернулся и пошёл. И сразу мне легче стало.

Да, чуть не забыл! Вот что со мною приключилось по дороге в госпиталь.

Иду в темноте, а навстречу мне, из темноты, вдруг вынырнул немец. С автоматом, в каске. Я его узнал по каске и нашивкам. У них на левом рукаве шинели нашивки клинышками... Блеснули в темноте нашивки, и я подумал: это ж немец пошёл... И я, и он на мгновение остановились, посмотрели друг на друга. И пошли дальше — каждый своей дорогой. Никто не схватился за автомат. Я-то, понятно, в какую разведку ходил. А вот чего немцу не спалось? А видать, тоже разведчик был.

Командиру роты я доложил: нету больше. Ну, говорит, нету так нету. С тем он меня и отпустил. А я иду и думаю: зачем же я, дурак, ходил туда! Совесть свою, русскую, из-за вас, пьяниц, мучил!

— В Познани наш взвод наскочил на пулемёт. Наступали вдоль домов. Обычный уличный бой. Продвигались хорошо. Немцы где начнут стрельбу, мы тут же — из всех стволов. Ребята зайдут, пару гранат бросят, и дальше пошли. А тут — прихватил нас... Вперёд — ни шагу. Режет, сволочь, длинными очередями. И стреляет точно, со знанием дела. Чуть кто из наших ребят голову поднимет, или перекатится в сторону, к тротуарному брусу, смотришь, уже в луже крови лежит.

Мы отползли и начали обходить его сбоку. Но к самому пулемёту подойти всё же не можем. И гранату кинуть нельзя — стена. А слышим, как рядом совсем, вот, за стеной, лупит. А как его достать? Тогда мы пробили стену, пролезли туда и схватили этого пулемётчика. Оказалось — власовец! Нашивки на рукаве — РОА. Русская освободительная армия. Схватили мы этого освободителя, поволокли. А вторым номером у него немец был. Ребята его сразу застрелили. А этого затащили на седьмой этаж и сбросили вниз. Когда вытолкнули на балкон, и он всё понял, как заплачет! Что-то он пытался сказать. Но кто его будет слушать, когда он столько наших ребят положил?!

— Вислу мы форсировали и начали расширять плацдарм. В то время я был уже помощником командира автоматного взвода. Звание — сержант.

После небольшой артподготовки рота пошла в атаку. Немцы, видимо, знали, что мы будем атаковать, и, чтобы не попасть под огонь нашей артиллерии, первую линию траншей и окопов оставили без боя. Отошли во вторую линию. Там у них была более выгодная позиция. Возвышенность. И с неё-то они простреливали перед собою по фронту буквально всё.

Заняли мы немецкую траншею.

А нашего командира взвода, лейтенанта, во время атаки ранило в обе руки. И командование взводом пришлось принять на себя мне.

Подморозило. А когда бежали в цепи и стреляли по отступающим немцам, я вгорячах рукавицы где-то и бросил. И теперь руки стали замерзать.

Занял позицию на правом фланге взвода. Справа от меня — соседний взвод. Поднялись. Пошли. Впереди — второй эшелон немецких траншей. Они долго не стреляли. Подпускали на верный выстрел. И вот ударили. И цепи наши сразу положили. Наш взвод оказался ближе других к немецким траншеям. Ротная цепь вначале шла ровно, а потом сломалась клином. Как журавли мы на них летели...

Я вначале подумал, что мой автоматчик просто не выдержали и залегли. Немцы стреляли из пулемётов. Стреляли почти беспрерывно. Пулемёт есть пулемёт. Это — не автомат. Залёг и я. Не бежать же в атаку одному, хоть я и исполняю обязанности командира взвода. Но вскоре я понял: взвод-

то мой почти целиком расстрелян и я тут, перед немецкой траншеей, остался один! Лежу. Наблюдаю. Сердце моё колотится. Стрельбу они немного ослабили. Задвигались. Закричали. Это уже верный знак: к контратаке готовится. Гляжу, и правда, поднимаются. Прикинул: шагив сто до них. Что ж, думаю, никто из моих ребят не стреляет? Ведь кто-то же есть живой! А немцы — идут. Тогда я приподнялся и с колена прицельно дал несколько очередей. Посмотрел направо: соседний взвод тоже без лейтенанта, и тоже уже отступает — бегут ребята что есть мочи! Только шинели заворачиваются! Пули вокруг меня — цив-цив! Я опять залёг. Лёг за труп своего товарища. А немцы опять встали и идут. Я снова вскочил, выпустил последние патроны и рванул к своим.

Бегу. По мне стреляют. Но стреляют уже другие. А эти, которые на меня шли, больше уже не вставали. Видимо, я их срезал последней очередью.

Прибежали мы, кто остался живой. Ротный нас встретил, говорит мне: “Молодец! Достоин высокой награды!”

Вот, думаю, за удачные атаки не награждали, а тут...

Ко мне ребята стали собираться, остатки взвода. У одного глаз выбит, висит, и он его в ладони придерживает. А другой, из недавнего пополнения: “Меня, товарищ сержант, в руку вроде ранило”. — И вертит своей перебитой рукой туда-сюда. В горячке. Я и сам ещё плохо соображал.

На нейтральной полосе вскоре всё утихло. Немцы больше не контратаковали. Из взвода нашего больше никто не вернулся.

— Утром 7 мая нашему полку был зачитан приказ о штурме Севастополя.

На боевое задание я вылетел в самолёте командира группы штурмана полка Коновалова. Я к нему спросился сам. У него стрелок заболел.

Мы должны были нанести удар по артиллерийским позициям немцев юго-западнее Сапун-горы. Немцы там закрепились основательно и не давали нашим войскам продвинуться вперёд.

Взлетели. Видно, как с других направлений на Севастополь идут группы бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей. Некоторые уже возвращаются с задания. В эфире иногда узнаём голоса знакомых лётчиков. Впервые наблюдаю в воздухе такое количество самолётов одновременно.

В воздухе к тому времени уже установилось наше превосходство. Но дрались немцы по-прежнему отчаянно и смело. Зенитки же не стали за это время менее опасными. Смотри и смотри.

Подходим к Севастополю. Город весь в дыму. Видны очертания береговой линии, бухта. Вдали, слева — Херсонес. Коновалов докладывает на КП генералу о готовности группы: “Я — Стрела-три! Уточните цель!” — “Стрела-три! Из района северо-западнее Балаклавы ведут огонь батареи противника. Заставьте их замолчать!”

Еще до подхода к Сапун-горе наша группа начала противозенитный манёвр. Зенитные снаряды рвутся со всех сторон. Коновалов умело маневрирует, по радио подсказывает лётчикам, как действовать. Зенитный огонь всё плотнее. Но и нам дороги обратной уже нет. Проскочили без потерь.

Поворачиваю голову, хочу посмотреть вперёд. Стелок в Ил-2 всегда сидит лицом назад, спиной к пилоту. Должен прикрывать машину сзади. Но вперёд тоже посмотреть охота.

Виднеется Балаклава. Северо-западнее от неё те самые артиллерийские батареи. Видно, как они беспрерывно стреляют в сторону наших позиций. “Илы” снижаются. Так, значит, атакуем с ходу. Бьём из пушек. Затем пускаем реактивные снаряды. С пикирования бросаем бомбы. Три батареи замолкают. Делаем второй заход. Хотя в воздухе полное наше превосходство и нас плотно и старательно прикрывают истребители, я внимательно слежу за обстановкой. Вот, наконец, отработали. Теперь — домой. Поскорее на базу. Стрелять пока не пришлось, но спина потная от напряжения.

Возвращаюсь. Со стороны солнца появились две точки. Солнце бьёт в глаза даже через светофильтры очков, но я уже вижу: истребители, и не наши. Вот они перестраиваются для атаки и пикируют на нашу группу. Смелые, сволочи.

В эти дни, последние дни боёв за Севастополь, немецкими истребителями командовал обер-лейтенант люфтваффе Эрих Хартман — ас номер один Германии. Командир 9-й особой эскадрильи 52-й истребительной эскадры. Так что мы имели дело с лучшими экипажами противника. О Хартмане я узнал уже после войны, когда работал в Германии. А о том, как они умели воевать, знал уже тогда, на фронте.

Включаю переговорное устройство, кричу: “Манёвр!” Но Коновалов командует штурмовиками группы и меня не слышит. Когда у нас включён передатчик, приёмник не работает, такая уж радиотехника была. Я включаю световую сигнализацию: на приборной доске лётчика мигает красный свет — предупреждение об опасности. Коновалов не реагирует, и “мессы” берут наш самолёт в клещи. У меня один выход — уничтожить истребителя, атакующего первым, а потом, если повезёт, отпугнуть огнём второго. Но ничего не выходит: немец атакует грамотно, сближается с нами под большим углом, так что вертикальный угол обстрела моего пулемёта не позволяет стрелять по нему. Угол атаки он контролирует, не подставляется. Что делать? Мгновенно сбрасываю сиденье, становлюсь на колени на дно кабины и доворачиваю ствол пулемёта на угол, не предусмотренный тактико-техническими данными “Ила”. Огня пока не открываю, надеясь, что немец пока не понял, что ситуация изменилась. Он всё так же, под углом, подходит к нам ближе. Видать, думаю, не одного нашего “горбатого” так свалил. Со знанием дела подходит. Восемьсот метров, шестьсот, четыреста... Я прицеливаюсь особенно тщательно, так как знаю — второй очереди просто не будет. И вот моя огненная трасса прочертила в воздухе и сразу же упёрлась в самолёт противника. Не успевая выстрелить, он вспыхивает и, весь охваченный пламенем, не меняя направления, несётся на наш “Ил”. К счастью, после моей очереди Коновалов резко рванул самолёт вправо, и горящий “мессершмитт” пронёсся совсем рядом.

Тем временем второй истребитель приблизился к нам справа и дал очередь. Снаряд попал в антенну. Осколки угодили в кабину. Задели на мне шлемофон. Я рванул пулемёт влево. Увидел в каких-то ста метрах выходящий из атаки вверх закопченный жёлтый “мессер” с чёрными крестами. Нажал гашетку и стрелял, пока пулемёт не отказал. Меня прижало к пулемёту и вытягивало из кабины. Понял, что наш самолёт сбит и стремительно падает. Хватаюсь обеими руками за турель. И тут перегрузка сразу уменьшается, и наш “Ил” переходит в горизонтальный полёт. Хвостовое оперение разбито, в фюзеляже две пробоины. А земля, вот она, совсем рядом.

Командир сидит согнувшись. Но самолёт ведёт уверенно. Мотор работает, кажется, нормально. Коновалов оборачивается, и я вижу его окровавленное лицо. Капли крови брызгают на фонарь кабины. Но он показывает большой палец: самочувствие хорошее, машина в порядке.

Я — опять к пулемёту. Задержка произошла из-за разрыва гильзы. Вытаскиваю гильзу. Наш “Ил” несётся низко над землёй в сторону моря, к Балаклаве. Где другие наши самолёты? Не вижу никого. Мы одни. Истребители нас отбили от группы. Несёмся вдоль моря. Затем Коновалов поворачивает на север. Прижимаемся к горной гряде. Прячемся.

И тут я заметил: пара “мессершмиттов” идёт вдоль берега со стороны мыса Херсонес. Повернул голову: ага, а вон и наши, тоже пара — “Яки”. Но — как далеко! А “мессы” уже перестраиваются для атаки. Я открыл огонь по ближайшему — лишь бы отогнать, выиграть время. Кажется, получилось. Истребитель прекратил атаку и начал набирать высоту. Но тут же его перехватил подоспевший “Як”, дал длинную очередь. Немец задымил. Война: только что был охотником, и вот уже — добыча другого охотника, более смелого и удачливого. Второй “мессершмитт” отвернул и исчез, не стал искушать судьбу.

Но, пока мы отбивались от “мессершмиттов” на подбитом, плохо слушающемся рулей штурмовике, оказались в ущелье. Положение... Справа и слева — горы, впереди тоже гора. Коновалов пытается набрать высоту. Трудно набрать высоту, когда скорость мала и самолёт так и швыряет из стороны в сторону. Чувствую, летим как-то боком. Переваливаем через хребет буквально в нескольких метрах от скал. Разворачиваемся и берём курс на север.

Над нами — пара “Яков”. Они сопровождают нас до Симферополя и потом уходят на свой аэродром.

Мимо нас пролетают самолёты в направлении Севастополя. Свежие группы — на штурмовку.

Плавно снижаемся, тянем к своему аэродрому. Коновалов ведёт самолёт на самом экономном режиме. Вот-вот кончится горючее — лишь бы дотянуть.

И вот наш аэродром, ровное зелёное поле, землянка КП, радиостанция, самолёты на стоянках. У КП толпятся люди. Стоит машина с красным крестом. Нас ждут. Как же не ждать, командир группы с задания не вернулся.

Коновалов выпускает шасси и заходит на посадку. Но не садится, уходит на второй круг. Вот оно что: внизу левая часть знака “Т” завёрнута — запрет посадки. Не вышло левое колесо. Коновалов уходит на второй заход и знаком подаёт мне команду покинуть самолёт при помощи парашюта. Но я не решаюсь: прыгать с парашютом мне ещё не приходилось. Тогда Коновалов показывает знаком, что будет сажать самолёт на одно колесо. Я хватаюсь за борта кабины: если перевернёмся, так больше шансов уцелеть. Коновалов лётчик опытный. Самолёт уже бежит по земле, но, чем сильнее теряет скорость, тем сильнее клонится влево. Задевает консолью крыла землю. Однако скорость уже безопасная. Уже не опрокинемся. Не опрокинемся... Не опрокинемся... А значит — живём! Нас разворачивает на сто восемьдесят градусов. Самолёт замирает. Сели. Живём! Твою-мать!..

Я бросился к кабине командира. Коновалов сидит, устало откинувшись к бронеспинке. Ранение у него неопасное. Однако потеря крови сказалась, ослаб и выбраться из кабины сам не может.

Тем временем на “стартере” подъехал командир полка. Коновалов доложил, что группа задание выполнила: батареи противника подавлены, были атакованы истребителями противника, один “мессершмитт” сбит. И кивнул на меня.

Комполка выслушал доклад, улыбнулся: “А что вы там ещё натворили? Пришёл запрос на вас!”

Мы с Коноваловым переглянулись. А комполка и говорит: “Ваш бой наблюдали многие. Почему не докладываешь, как второго “месса” срубили?” Мы с Коноваловым снова переглянулись. “Ладно, ладно... Командование дивизии приказало представить вас к наградам”. Вот так, оказывается, второго “месса” мы тоже свалили. Напоролся он на мою очередь. А нам было не до него, не увидели мы, как он падал. Сами чуть не грохнулись.

За этот бой я получил второй орден Славы.

1945 ГОД

— Первого декабря сорок четвёртого года, после второго ранения, я попал на курсы младших лейтенантов. Три месяца ускоренной учёбы. Нам прилепили по одной звёздочке и — на фронт. Назначение я получил в 1297-й стрелковый полк 160-й дивизии.

Бои уже шли в Польше. Мы шли на Гдыню-Данциг. Там мы окружили довольно большую группировку немцев. Но окружили их с суши, а с моря — нет. И они продолжали сражаться. Наша дивизия ударила в центр группировки с целью расчленив её. Впереди перед нами лежал город Сопот. Там я впервые в жизни увидел море.

Но до моря было вот какое дело...

Местность под Сопотом лесистая. Артиллерию применить было нельзя. Мы с немцами сошлись так близко, что стрелять артиллеристы не решились, чтобы не перебить своих. Мой взвод был правифланговым в батальоне. Взводу придали расчёт станкового пулемёта. Справа шёл другой батальон. Вот стык наших батальонов и должен был прикрывать этот пулемёт.

Шли лесом. Впереди — овраг. И вдруг из-за оврага немцы открыли сильный огонь из пулемётов и автоматов. Мы сразу залегли. Моя позиция оказалась как раз перед оврагом. Спуск в овраг пологий. Я приказал пуле-

мётчикам, чтобы контролировали перед собою по фронту противоположную сторону оврага и не пускали немцев сюда, если те вздумают контратаковать.

Расставил я свой взвод, жду. А слева от меня, смотрю, другие взводы нашей роты поднимаются и, отстреливаясь, начали отходить. Я встал за деревом. Бегут пулемётчики соседнего взвода. “Куда? — кричу им. — Быстро ко мне! Устанавливайте пулемёт и бейте вдоль оврага!” Те послушались. Быстро развернули “максим” и начали стрелять.

А немцы уже полезли в ложину. Но мы их остановили. Когда согласованно лупят два пулемёта с флангов, трудно преодолеть их огонь.

Лежим. Одну атаку отбили, ждём новой. Пулемётчики соседнего взвода рядом со мной. Второй номер заправил новую ленту. И вдруг — взрыв! “Максим” — кверху колёсами! Первого номера отбросило. Живой он остался или его тогда убило, я так и не узнал. Второй номер невредимый. А у меня от близкого взрыва такой шум в голове, что я и соображать-то стал плохо.

Оказывается, немец подполз к нашей позиции и выстрелил из фаустпатрона. Но, счастье наше, немного промахнулся. Граната ударила в дерево и разорвалась поодаль. Я — к пулемётчику. Перевернули мы пулемёт, поправили ленту. Я лёг за гашетку. Немцы уже поёрли. И начал я стрелять. Стреляли мы по ним почти в упор. И опять отбили.

Я лежу и думаю: что ж это за части нас контратакуют так жесточно? Совсем с потерями не считаются, напролом идут. Неподальёку, на краю оврага, лежит офицер. Не добежал до нас совсем немного. Я подполз к нему. На фуражке череп с костями. Так это же СС! Я снял с убитого часы. Хорошие, швейцарские часы. Долго потом, уже после войны, носил их.

Погода приходит связанной из соседнего взвода: “А вы здесь?!” — И смотрит на нас и на трупы немцев удивлёнными глазами. “Мы-то здесь, а вот вы где?” — “А мы, товарищ лейтенант, за лесом”, — как ни в чём не бывало отвечает он. Мы с пулемётчиком даже засмеялись.

Собрались мы все. Командир роты пришёл. Перешли овраг. Немцы оттуда ушли в Сопот. Теперь предстояло атаковать Сопот. Там меня и ранило.

...А ранило меня вот как.

Ворвались мы в Сопот. Отбили у немцев костёл. Костёл мы брали, мой взвод. Дальше пошли. От дома к дому. В одном месте спустились в подвал. В подвале много народу. Поляки. Когда мы вошли, поляки сразу протянули нам навстречу руки. Что такое? В руках, смотрим, часы и разная ерунда. Э-э, да нам, говорим, этого ничего не надо! Кое-как объяснили им, что мы не мародёрничаем, а немцев ищем. Воюем. Тогда они сказали, что немцев в подвале нет.

Вышли мы из подвала. Пошли дальше. Слева по улице стоит наш подбитый танк, “тридцатьчетвёрка”. Башня у неё вывернута и ствол пушки упёрся прямо в мостовую. Видимо, внутри был сильный взрыв. Под танком лежит танкист. Увидел меня, позвал: “Браток, пристрели”. Это он мне такое говорит. Я ему: “Да что ты? Мы тебя сейчас вытащим. В тыл отправим”. — “Меня уже никто не вытащит и не спасёт. Пристрели. Прошу тебя. Сил моих больше нет. Вон, посмотри, на той стороне улицы сколько наших лежит. Пытались меня вытащить. И экипаж мой весь там”. Я посмотрел через улицу — правда, лежат трупы наших бойцов и несколько танкистов. Я ему опять: “Потерпи, дружище. Поверь, уж я-то тебя вытащу”. И так мне захотелось вытащить, спасти этого танкиста! Что ж, думаю, придумать?

Смотрю, идёт двуколка. Колёса у телеги широкие. В телеге двое гражданских. Подъехали к танку, развернули двуколку. Подняли мы танкиста и положили в повозку. А ноги у него болтаются, перебиты. И пока мы грузили танкиста, ни один немец с той стороны не сделал ни одного выстрела. Дома напротив, откуда только что вёлся сильный огонь, как будто вымерли. И снайперы там сидели, и пулемётчики. А вот ни один не выстрелил.

Двуколка с двумя гражданскими и раненым танкистом уехала. И тут снова загремело.

Пошли мы дальше. Идём. И вдруг я стал валиться. И повалился на мостовую. Что это, думаю, со мною? Зачем это я повалился? Схватился за

грудь. Потому что почувствовал, что вроде как воздуха не хватает... И встать уже не могу.

Мы ж там, между домов и в переулках, из-за угла друг в друга стреляли. Почти в упор. Так что просмотрел я своего противника. Офицер. Выскочил из-за угла и выстрелил из пистолета. опередил меня. Это потом мне ребята рассказали.

Бойцы мои меня подхватили. “Командир, что с тобой? Командир, ты ранен?” Я хочу им что-то сказать, а у меня кровь изо рта. Хлюпает в горле, печёнками выходит. Всё, думаю, вот меня и убило... Видел я, как после таких ранений умирали.

А солдаты у меня во взводе были ребята бывалые. Некоторые из-под Вязьмы шли, в сорок втором в окружении там побывали. Может, слышали что про 33-ю армию да про её командующего, генерала Ефремова? Наша 160-я стрелковая дивизия вместе с Ефремовым и погибала тогда под Вязьмой. А я в неё пришёл уже позже. Так вот, ребята гимнастёрку на груди разорвали, бинтами рану перемотали, чтобы кровью не изошёл. Понесли в тыл. Они-то меня и спасли.

Это было зимой 1945 года. Третье ранение. Слепое пулевое. Пуля до сих пор сидит в лёгком. Доктора говорят: трогать, мол, не надо, она там вроде как обросла и прижилась. И правда, не беспокоит.

— Наступали мы так быстро, что наша артиллерия иногда не успевала перенести огонь в глубину немецкой обороны и попадала по нашим атакующим цепям. Помню, заняли мы немецкую конюшню. Расположились в ней. И тут — залп “катюш”. Кругом всё загорелось. Только отстрелялись наши реактивные миномёты, немецкие орудия начали бить. Бьют прицельно, снаряды ложатся всё точнее и точнее. Тут мы смекнули, что из конюшни надо уходить. Пристреляли — сейчас накроют. Выскочили. Рассыпались в цепь. Прочесали поле, стали переходить ручей. И в одной из промоин поймали затаившегося немца. У него рация, листок с таблицами расчётов. Корректировщик! Это ж он нас выкурил из конюшни! Лицо и руки его были вымазаны илом и какой-то зеленью вроде краски. Когда его прихватили, он тут же стал показывать на пальцах: “Драй!.. Драй киндер! Драй киндер!” Ребята: “А кто же пожалел наших детей?” — И — из автомата его, прямо там, в яме.

Прошли мы ещё немного. Нас догнала самоходка ИСУ-152. Тяжёлый калибр. Остановилась. Командир вылез из люка: “Садись, пехота!” Мы сели. Нам, пехоте, наступать с артиллерией, да ещё у неё на закорках, легче. И им с пехотой — тоже. Командир самоходки нам и говорит: “Увидите пулемёт или орудие, стреляйте туда трассирующими. А мы уже — по вашим трассам...”

Едем. Вроде всё хорошо. Удобно. Наступаем быстро, даже с комфортом. Не пешком всё же... Смотрим, немецкий пулемёт заработал. Мы стали стрелять по нему. Постучали по броне. Самоходка остановилась, немного развернулась, опустила ствол и — как даст по тому пулемёту, что мы сразу с брони все и попадали. Ну её к чёртовой матери, эту самоходку! Все задницы нам поотбивало. Пошли в наступление пешком. Дело привычное. Для пехоты лучший транспорт — ноги.

— Второй раз меня ранило в Польше. Я тогда воевал уже в кавалерии. В бой мы ходили как пехота. Оставляли лошадей коноводам, а сами — вперёд. Вооружены были автоматами ППШ. А передвигались на лошадях. Переходы делали большие и довольно быстро. Поэтому кавалеристские части были очень маневренными. Часто именно мы замыкали “котлы”.

В тот день мы атаковали польский город Радом. Наша цепь шла по окраине города, по огородам. Впереди уже показались какие-то строения, где можно было укрыться. И тут ударил их миномёт. Один разрыв, другой, третий... А мы на открытом пространстве. Чувствую, в живот толкнуло.

Упал. Лежу. Потрогал живот — кровь. Думаю: в живот ранило — плохо. Ребята подхватили, поволокли...

Потом, в госпитале, на операционном столе, лежал и наблюдал в отражатель лампы, как хирург перебирал через руку мои кишки. Операцию де-

дали без наркотика. Сунули мне в рот кляп, чтобы зубы не подробил, и начали резать и вычищать.

В Польше немец был уже не тот. Под Сталинградом он дрался не на жизнь, а на смерть.

— На фронт я пошёл добровольцем. Хотелось мне, хохлацкого и казацкого происхождения, попасть в кавалерию. Поэтому я долго просидел на пересыльном пункте в Солнечногорске. Всё ждал, когда же придут вербовщики из кавалерийской части? Мало нас там осталось, человек пятнадцать. Всех разобрали. И тут приезжает мичман с Балтийского флота. Приехал и давай с комендантом ругаться: почему, говорит, людей на пересыльном пункте нет? Я, говорит, у тебя должен забрать семьдесят два человека, а тут только пятнадцать! Комендант: недобор, мол, то да сё... “Ну, ладно, составляй строёвку”. А я тогда уже состоял писарем на пересыльном пункте. Грамотных было мало. Составляю я список, а себя не вписываю. Мичман мне: “А где твоя фамилия?” Я ему: так, мол, и так, в кавалерию решил... “Дурья твоя голова! — он — мне. — Какая кавалерия?! Война другая пошла! Ты знаешь, что любой захудалый матрос на голову выше самого лучшего солдата?!”

Я и согласился.

Учебный экипаж в Петергофе. Учили меня на баталёра. Это — капитанармус и помощник старшины. Одновременно изучал медицину. Приобретал специальность санинструктора. В бою должен был оказывать первую медицинскую помощь.

Оставалось мне совсем немного. Уже стали водить на корабли. Но вскоре отчислили из экипажа и направили в отдельный десантный батальон морской пехоты. Отчислили вот за что: однажды в увольнении мы, несколько моряков, подшутили над женщиной-милиционером — отняли у неё наган. Она заплакала. Наган мы ей вернули. Извинились даже. А она возьми да и доложи о происшествии. Шутку не восприняла...

В феврале 1945 года мы уже брали штурмом Инстербург. Городок небольшой. Старая крепость.

До нас немцы уже отбили несколько атак. наших много полегло. Стрелковый полк наступал. Выдохлись. В штабе 87-й дивизии стали решать: кого? А кого? Давай полундру.

Подняли наш 88-й сводный десантный батальон. Подвели на исходные. Все ребята были ловкие. Не один бой прошли. Ворвались. О, там было дело...

Рукопашная. Это не расскажешь. Ты хоть раз слышал, с каким хрустом кости ломаются? А как люди по-звериному рычат? Весь бушлат уже в крови, а в диске автоматном ещё с десятка патронов осталось. И те выстрелил, пока к крепости бежали.

Я своих ни одного не помню. Всё как во сне. Только потом — руки болят. И чья кровь на бушлате, на сапогах... А чья кровь? Того, кто на пути попался.

— В другой раз нас, семьсот пятьдесят десантников, на малых судах высадили на побережье косы Фрише-Нерунг. Надо было захватить плацдарм, перерезать косу и не дать немцам воспользоваться косой при отходе от Бранденбурга и Пилау на Данциг. Чтобы не ушли к союзникам.

Четыре часа утра. Выбрались мы на берег. Ещё не рассвело. Стоял апрель 1945 года. Пирс не был приготовлен, и мы прыгали прямо в воду. Катера поддерживали нас как могли, вели по берегу огонь из крупнокалиберных пулемётов. А у немцев там были закопаны артиллерийские батареи. Обнаружили они нас почти сразу. И — как дали шрапнелью! А шрапнель — такая гадкая штука. Вверху рвётся. Никуда от неё не схоронишься, ни в окопе, ни в воронке.

Командир роты у нас такой бедовый лейтенант был. Бывало, всё впереди нас бежит. Первый в атаку поднимался. В Инстербурге тоже первым в немецкую траншею кинулся. И вот он только высунулся из траншеи, ему в каску осколком сразу и ударило. Каска так и разлетелась. Я подполз к нему. Положили мы его на дно траншеи. Он нам сказал: “Ребята, оставьте ме-

ня. Перевязывать бесполезно. Держитесь. Отходить вам не разрешаю”. И тут же помер.

Командование ротой принял на себя мичман Копыльцов.

За полсуток нас перемолотили там основательно. В строю осталось чуть больше восьмидесяти человек. Многие были ранены. Без поддержки тяжёлого вооружения наступать трудно.

Меня контузило и ранило в ногу. Контузило так сильно, что в себя я пришёл только в августе.

Когда мы шли на высадку, приказано было никаких документов с собою не брать. И вот меня, раненого и контуженого, вывезли с косы и отправили в госпиталь в Друскининкай. Рана моя вскоре зажила, а контузия не проходила.

И однажды на госпиталь напала банда литовцев, “лесных братьев”. Поднялась паника. Народ весь куда-то побежал. Крики. Как будто рукопашная началась... И тут, во время этой паники, я и пришёл в себя. Очнулся, гляжу, на спинке моей койки висит табличка: “Неизвестный матрос”.

А домой из штаба батальона ушло извещение, что, мол, так и так, ваш сын, старший матрос Виктор Сумников пропал без вести во время боя...

В августе я написал домой письмо, что жив и выздоравливаю.

А “лесные братья” приходили к нам за продуктами. Оголодали в своём лесу. Лежачих они не тронули. А вот батальон выздоравливающих, который сразу оказал сопротивление, положили почти весь. У них же и пулемёты были, и гранаты. Многие раненые выскочили через окна и убежали по шоссе в сторону Каунаса. Я, когда пришёл в себя, тоже побежал по этой дороге. Нас подобрала попутные машины. Все, кто мог, бежали из госпиталя. Оружия-то у нас не было. А навстречу, на Друскининкай, на большой скорости уже мчалась колонна грузовиков с войсками НКВД. Запомнил я вот что: у них на погонах были номера.

Когда я пришёл в себя, спросил у ребят, какое сегодня число. Они называли. “А какой месяц?” — “Август”. Это был мой день рождения. Мне исполнилось восемнадцать лет.

— А вот за что я был награждён медалью Ушакова на цепях. Правда, теперь её у меня нет. Украли. Но удостоверение цело.

1945 год. Восточная Пруссия.

Пошли мы вперёд. Разведка боем. Рота. Полундра сразу прорвала оборону, затоптали мы их окопы и траншеи и рванули в глубину. Узким клином прошли. И вскоре оказались у них в тылу. А что тыл? В тылу войск нет. Боевать не с нем. Прошли мы немного вдоль фронта и уже начали поджигаться к траншеям. Надо ж было возвращаться к своим. Вышли к долине. Долина вроде котлована. Меня и ещё нескольких пехотинцев посылают в разведку. Пошли. Смотрим: в той котловинке немцы остановились. Оружие в пирамидах. Завтрак готовят. Жратвою пахнет. Что-то лопочут. Я прислушался, но ничего не понял. А интересно было узнать, что они говорили. Я к языкам всегда был чутким и любопытным. Вернулись мы, доложили.

Так командиры наши тоже ребята лихие были. Решили их, тех немцев, братъ. Несколько взводов ушли в обход. Обложили мы их со всех сторон. Они даже ничего и не почувствовали. Боевые охранения бесшумно сняли. Полундра финками умело работала. Поднялись по условному сигналу: “Полундра!” Они сразу переполошились. Закричали: “Шварцен Тойфель! Шварцен Тойфель!”* И — ни одного выстрела. Нам тоже было приказано огня не открывать — до первого выстрела с той стороны. Хорошо, что никто из них не успел схватиться за оружие... Мы уже пулемёты установили. Ребята некоторые, гляжу, финки за голенища сунули. Всех бы до одного положили. Один только офицер выхватил пистолет и хотел было выстрелить в себя, но к нему кинулся матрос и прикладом автомата выбил из руки пистолет. Всех мы их взяли в плен. Привели в батальон 250 человек.

Когда брали, я подбежал к одному, ударил его ногой, пихнул стволом автомата. Он, смотрю, сразу заплакал, весь в саже... Я спросил потом: “Ви-

* “Чёрные черти!” (нем.).

филь яре?” И он мне показал на пальцах, что — двадцать восьмого года рождения. На год моложе меня. Нет, там уже были немцы другие, не такие нахальные, какие к нам сюда пришли, под Калугу, под Москву. Там были уже остатки, замухрышки. Старики да непризывная молодёжь. Артиллерии при них не было. Вооружение — стрелковое, в основном винтовки.

— Однажды, перед Инстербургом, тоже пошли в разведку боем. Всем батальоном. Нам в поддержку придали миномётную роту. Там мы здорово их покромсали. Не сдавались. А когда не сдаются, у полундры столько злобы появляется...

Помню, сдружился мы с одним младшим сержантом из миномётного расчёта. Недели две мы с ним ели из одного котелка. 14 апреля его ранило.

Ему всё хотелось найти аккордеон. Вот возьмём какую-нибудь деревню. Дома стоят пустые. Он мне: “Пойдем, сходим, посмотрим. Может, где аккордеон найдём”. Я ему: “Вась, а что это такое — аккордеон?” Не знал я тогда, что это за штука такая. На хуторе у нас только гармошка и была. А он мне: “Да это такая жёлтая гармошка. Только с клавишами. Вот найдём, я тебе покажу, как на нём играть надо”.

Однажды полез на чердак и там подорвался на mine.

Через тридцать шесть лет я узнаю, что тут у нас начальник коммунального хозяйства с такой же фамилией. Прихожу: “Василий Иванович?” — “Да”. — “В сорок пятом там-то был?” — “Был”. Узнал. Обнялись. Собрались у меня дома. Отметили.

Ветров Василий Иванович. Боевой мой товарищ. В Восточной Пруссии мы им здорово давали. Наша братва, морские пехотинцы, и миномётчики. Если мы чуть где замешкались, пулемёт там ихний или пушка, миномётчики сразу — залы туда. Всё, проход свободен, можно продвигаться дальше.

В прошлом году я поехал в профилакторий, наш, стариковский, за Калугой он тут недалеко. Приезжаю домой, а мне моя Егоровна и говорит: “Похоронили Василия Ивановича”.

— Как-то, помню, стоим на переправе. Уже не помню, на какой реке это было. Там же, в Восточной Пруссии. Навстречу гонят колонну пленных. Ждём, пока их проведут.

И вдруг один, из колонны, выскакивает к нам и: “Товарищи, дайте закурить!”

Во взводе у нас был матрос, звали его Иваном Николаичем. Годов, может, так под сорок. Нам, молодым, он казался стариком. Мы его и звали по имени-отчеству. Глядим, наш Иван Николаич мигом с плеча автомат и — чирк его! Завалился. А Иван Николаич весь векипел! И дальше бы, наверно, очередь повёл. Подскочила охрана: “Что такое?! Кто стрелял?!” А мы уже Ивана Николаича затолкали в свою колонну и: “Не знаем, кто. Наши не стреляли”.

А после, когда на другую сторону реки перешли, его и спрашиваем: “Ты что ж это, Иван Николаич?” — “Такие товарищи, — говорит, — всю мою семью расстреляли в Псковской области”.

Власовцы.

— А один раз... Тоже... Стоим где-то, костры запалили. Немцы далеко. Гармошка заиграла. Ребята сразу: “Гоп со смыком!..” Пошла круговерть! Молодые все! Задорные! В медалях! А у кого и по две!

Немцы, гражданские, похоронились.

А были там, в Восточной Пруссии, хутора поляков. Эти наглые. Только мы пришли, а они уже ходят, торгуют. А торгуют разной чепухой, что и купить-то нечего. Вот одна полька ходила-ходила вокруг нас. Никто ничего у неё не покупает. Осмелела, подошла, толкнула меня: “Ты! Пердулиный жолнеж!” Это что-то вроде: ты, засранный солдат! Я поворачиваюсь и ей тут же: “Цо чебо пердолюдо дубу твоя matka тоже курва засрата бува!” Глаза у неё сразу выкатились и — как кинулась бежать! Мне ребята: “Откуда ты польский знаешь?” Я и рассказал им, что до войны на хуторах под Калу-

гой мы на четырёх языках разговаривали: русском, украинском, белорусском и польском.

Я был приписан ко взводу разведки. Как снайпер. Мы отдыхали. Приходит капитан-лейтенант, командир взвода разведки, и говорит: “Кто знает польский язык?” — “Я, — говорю, — малость знаю”. — “Пошли”.

Приходим на хутор. А там уже какой-то поляк палатку раскинул, брагу продаёт. Разливает ковшиком. Мне капитан-лейтенант: “Спроси, какие деньги берёт, наши или польские?” Я тому: “Яки пан бере пенёны?” — “А, яка разница, что порты, что сподныця!” Ага, поляк, глядим, весёлый попался, с этим столковаться обо всём можно. Выпил взводный браги. Видать, понравилась. Гляжу, его уже немного разобрало. И: “Ты ему скажи, что нам надо двух девок”. Я поляку: “Пан, треба два цурки”. — “А цо я буду мать?” — “Пенёны”. — “Добже. Вшистка бендить”. Тогда мне капитан-лейтенант: “Скажи ему, чтобы девки были надёжные. Ну, это... Чтобы от них никакой заразы не подхватить. А то тут, после немцев...” Я — поляку. Тот засмеялся: “Добже, добже, пан офицер”.

Прихожу во взвод. А уже слух разошёлся. Разведка! И все ребята позабыли мою фамилию и стали меня звать: “Пан Калиновский! Пан Калиновский!” Так и звали, пока меня на косе той проклятой не ранило.

— Была у меня снайперская винтовка. Стрелял я неплохо.

Стояли мы в Кёнигсберге. Ночевали в полуразрушенном подвале разбитого дома. Занавесились плащ-палатками и спали. Утром встали. А разведчик один, Витя Шишлов, такой бедовый мальш, потянулся и говорит: “Ну, братва, сон сегодня снился!.. Или убьют, или обсеруся!..”

Днём со снайперской винтовкой я пробрался на нейтральную полосу. День просидел. И ни разу не выстрелил. Бывали и такие дни — ни одного немца! И уже стало вечереть. Я знал, что смены не будет, и стал собираться назад. А уйти с “нейтралки” надо тихо, незаметно, а то и самого на мушку возьмут. С той стороны тоже ребята зоркие за нами наблюдают. Смотрю на немецкую сторону: что такое? — наши бегут за нашими! Кричат! Матерятся! “Стой! Такой-рассякой!..” Я быстренько расчехлил прицел, глянул: это ж наш Витя Шишлов бежит! За ним вроде как кто-то из пехоты. Одежда — пехотная. Матерятся, догоняют. Что там происходит, не пойму. Смотрю, окружили Витю. Стали подходить. Но тут — сразу дым! Все попадали. Тут я понял: Витя Шишлов гранату взорвал.

После ребята рассказали: полез на “нейтралку”, хотел, видимо, трофей какие-то собрать... А власовцы его и прихватили. В нашу форму одеты были.

И куда его, дурака, понесло?.. Война-то уже кончалась.

— Однажды наши артиллеристы подбили немецкий танк. Стоял он, подбитый, на нейтральной полосе. Я со снайперской винтовкой выполз вперёд, затаился. Веду наблюдение. Гляжу, один высунулся из башенного люка. В комбинезоне, в шлеме — танкист. Уже по пояс вылез. Я прицелился — щёлк! — он сразу и провалился в люк. И я потом целый день лежал и ждал, не высунется ли ещё кто. А у них же там нижний, десантный люк...

Стрелял я и ещё, как говорят, “по движущимся предметам”. Попадал или нет, кто знает. Дело прошлое, да простит мне Господь, что я стрелял в людей. А стрелял я хорошо. Видимо, попалал...

Я был против того, чтобы мстить им тем же, что они у нас натворили. Помню, было... Заскочат наши в дом и из автоматов — по зеркалам! На столах, прости ты... нагадят. Ну что это, к чему? Вроде как им уподоблялись. Когда они к нам в сорок первом пришли, наглые, сытые, в соседней деревне за дворами вырыли траншею для туалета, настелили жердей и, после обеда, садятся — задницами к деревне. Всей ротой. И сидят, гогочут... Тьфу! Разве ж это люди были?

— А уже слышать было, особенно по ночам, как наши идут. Тяжёлая артиллерия била. Фронт валом катился. Тут уж наши хлосили почём зря, не то что в сорок первом, под Вязьмой.

Иногда нас отправляли на железнодорожную станцию — разгружали вагоны. Обычно, когда нас гнали туда, вдоль дороги стояли жители, в основном угнанные немцами из оккупированных областей. Кричали: кто из Тулы? кто из Брянска? Деревни называли. Раз так, слышу, кричат: зимницкие есть? Поворачиваюсь, кричу вслепую: я из Зимниц, а ты кто? Стоит мальчик: ты что, дядя Ефим, не узнал меня? Боже ты мой, гляжу, это ж Витя Лавреев! До войны такой шалун малый был! Что в Зимницах, спрашиваю? Он мне всё и порассказал: что Зимницы немцы сожгли дотла, что мужиков всех, и даже ребят по пятнадцать-шестнадцать лет, постреляли, что только кое-кто случайно остался жив. Бабы-то с детьми живы? Живы, говорит. А отец мой? Нет, говорит, расстрелян. А тесть, Кирила Арсентьевич? И он, отвечает мне Витя. А дядя Охрем? Дядя Охрем, говорит, живой остался. Условились мы с ним назавтра встретиться возле проволоки. Гражданским к нам приходило было можно, охрана не препятствовала. Да что-то не пришёл Витя.

И надо ж было такому случиться, что встретились мы с ним потом ещё раз, уже в Германии, куда нас дальше угнали. И рассказал он мне тогда побольше. Например, что в Минске с ним вместе Степанида была с детьми. Это одна женщина наша, тоже зимницкая. А у нас в Минске комендантом лагеря в то время был немец по фамилии Кац. Раньше, когда мы только-только туда поступили, другой был. Тот всё, бывало, ходил с расстёгнутой кобурой. Чуть что, стрелял без предупреждения. Много нашего брата пострелял. А Кац был добрый. Вот, помню, подойдёт к проволоке женщина, уговорится с кем из наших, и — к нему: мол, господин комендант, мужа наша, отпусти отца к детям? Усмехнётся немец да и прикажет отпустить пленного. Отпускал насовсем. Слыханное ли дело — на волю, после таких-то мучений... А вот же отпускал. Вот бы мне встретиться тогда со Степанидой!..

Витю Лавреева я встретил после 3 мая, когда нас англичане освободили. Англичане нас передали нашим.

За мною ничего такого не числилось. Поэтому после передачи я сразу попал на хозяйство и, считай, опять, как в сорок первом под Новодугнинской, на должность старшины. Жили мы в польской деревне, работали на маслобойне. Снабжали войска продовольствием.

Раз так приезжают двое молодых офицеров. Из особого отдела. Поговорили и тут же отпустили. Больше трепали тех, кто в сорок третьем и позже в плен попал. А нас, кто в сорок первом да в сорок втором... Знали, какая война на нашу долю выпала.

— В госпитале задержался недолго. После излечения отправили в свою часть.

Но, прежде чем попасть в полк, пришлось пройти через фильтрационный пункт. Подождать, пока придёт из части подтверждение на моё имя. Тогда дали запрос, и я ждал подтверждения на него. Отфильтровывали полицаяев и дезертиров, которые ушли с немцами. Так что недельку пришлось посидеть за перегородкой...

Полк уже стоял в пятидесяти километрах от Берлина. Готовились к общему штурму. Но нас, кавалерию, послали в обход. Нам другую задачу поставили.

Когда шли вдоль моря, попали под обстрел немецких кораблей. Мы вначале и не поняли, что вышли к морю. Едем, чувствуем, что холодом веет откуда-то. Холодом и влагой. И думаем себе: чёрт возьми, наверное, опять реку форсировать!.. А это — Балтика.

Потом повернули на Берлин.

Когда шли на Берлин, мне, как бывалому солдату, преподнесли подарок — новенький ручной пулемёт Дегтярёва. Тяжёлая железяка. Ну, думаю, от Сталинграда прошёл, а тут, видимо... По пулемётчикам, как известно, весь огонь.

Но в Берлине повоевать нам не пришлось. В город мы вошли по развалинам. Повсюду валялись трупы. Огонь. Возле Бранденбургских ворот нас остановили и приказали занять оборону.

Вот почему наш корпус получил название 70-го гвардейского Бранденбургского. А я воевал в 3-м эскадроне 57-го гвардейского кавалерийского полка 15-й кавалерийской Мозырской дивизии.

— Война для нас, молодых солдат и сержантов, закончилась в феврале сорок пятого. В полку собрали весь двадцать шестой год, у кого образование было не меньше семи классов, и отправили в Казань, в высшее танковое училище.

Ехали мы отдельным эшелоном. А трофеев набрали столько, что за сто километров вперёд народ уже знал: едет очень богатый поезд. На станциях нас уже встречают. Тогда ведь как было: где станция, где скопление народа, там и базар. Мы везли и обувь, и бельё, и отрезы материи, и разные безделушки. На пристанционных базарчиках всё это добро меняли на продукты. Помню, как выйдем где, так весь базар и скупаем!

Был такой эпизод. В нашем вагоне. Ребята банку тушёнки ровненько срезали, содержимое вытряхнули, съели, в банку насыпали шлаку и так же ровненько закрыли. Так закрыли, что — ни шва, ни вмятинки. Солидолом обмазали — полная! Подошёл к вагону цыган. Вот ему-то эту банку и запродали. Чуть погодя цыган тот возвращается и говорит: “Ребята, кто же это сделал?” А — кто? Кто ж теперь признается? Дело сделано. Мясо съедено. Банка — продана. Тогда он: “Да я пришёл вас поблагодарить. Ну, молодцы! До чего же ловко сделали! В первый раз меня, цыгана, обманули!”

— Был в нашем полку экипаж Паши Бердникова. Хорошие, боевые ребята. Настоящие герои!

Когда мы взяли Владиновац, это в Югославии, Бердников на своей машине вырвался вперёд. Ушёл километров на восемьдесят. Полк завяз, а он прорвался и пошёл с боем дальше и дальше, пока не кончилось горючее в баках. Навалились немцы. Хотели, видимо, взять живым. Но не взяли нашего Пашу Бердникова ни живым, ни мёртвым.

Догнали мы его вскоре, видим: стоит самоходка, а кругом столько трупов навалено! Всё в воронках. Немецкие танки горят, машины, бронетранспортёры... Побойще было великое.

Наш снаряд тяжёлый, сорок три килограмма! Калибр хороший — 152 миллиметра. Пушка бьёт на восемнадцать километров! И если прямой наводкой, то броню “тигра” прошивала насквозь. Перед Пашиной самоходкой несколько “тигров” стоят, догорают.

Это было, как я уже сказал, в Югославии, между городами Владиновац и Крушевац.

Экипаж весь цел. Встретили нас. Обнялись. Мы стали расспрашивать. Паша Бердников и говорит: “Что рассказывать? Сами видите”.

А у них уже ни горючего, ни снарядов, ни патронов.

— 5 мая наш полк отвели на пополнение. Пехота пошла на отдых. А нас, миномётчиков, направили на другой участок. На артподготовку. В соседнюю дивизию. Чтобы увеличить плотность огня перед атакой.

Отстрелялись мы седьмого числа. Восьмого сворачиваемся и едем в свой полк.

Полк на отдыхе. Едем на лошадях. Были у нас в то время хорошие трофейные лошади. К концу войны мы всем обзавелись. Всё у нас было. Это не под Зайцевой горой... Проезжаем мимо штаба дивизии. Навстречу девчата из штаба: “Ребята! Война кончилась!” Мы знаем, что девчата из штаба дивизии народ осведомлённый. Мои миномётчики сразу переполошились, радуются. Схватились за оружие, палят вверх направо.

А ехали мы вдоль фронта. Там, слышу, гремит. Нет, говорю, ребятам, рано радуетесь. И на душе как-то неспокойно. Если бы штабные девчата ничего не сказали, спокойнее бы себя чувствовали. А тут разволновались. Неужели, думаю, и правда домой живым вернусь?

Едем себе дальше. Въезжаем в деревню. А в деревне пусто. Тишина. Где полк? Узнаём: полк наш часа два как вступил в бой. Вот тебе и конец войны. Вот тебе и победа.

Сердце моё заколотилось. Так уж нам не хотелось воевать! Жутко как не хотелось. Думаю: всю войну провоевал, а тут, может, в последнем бою пуля найдёт... Под Зайцевоу горой выжил, не замёрз. В чужих валенках выжил! Под станцией Зикеево санитары выволокли полуживого. От тифа не умер. А тут, в самом конце...

Но что поделаешь? Пошли к передовой. Не будешь же в тылу отсиживаться, когда там, впереди, твои товарищи дерутся. Может, гибнут без нашей поддержки. Перешли дамбы. Несколько раз на мостах ждали очереди, чтобы проехать вперёд со своими миномётами. А противник занимал соседнюю деревню, и снаряды оттуда так и летят. Большой калибр. Так и проходят над головами с жутким шорохом. Падают глубоко в тылу. Вслепую бьют.

К утру соединились со своим батальоном.

Рассвело. Я приказал ребятам отрыть огневые. И сам себе окоп копаю. Посматриваю в сторону немцев. И вдруг мимо идёт капитан. Идёт свободно, не прячется, головы не пригибает. По передовой так не ходят. Посмотрел на меня, остановился. И говорит: “А ты что делаешь, старший лейтенант?” — “Как что? — говорю. — Ты что, первый день на войне? Огневые отрываем. Как положено”. — “Первый не первый, — говорит капитан. — А что последний — это уж точно. Война-то кончилась!” — “Как кончилась?” Ребята мои сбежались в кучу, рты разинули, стоят, ждут. “Хорошо, — говорю, — если и вправду кончилась. А если ещё воевать... Если воевать, то лучше уж заранее и как следует огневые отрыть, чтобы быть готовым и людей зря не положить”. Капитан усмехнулся на мои слова и пошёл себе дальше. Я и верю, и не верю тому капитану. Думаю: один раз мы уже про победу слышали...

А утро наступает такое хорошее! Тёплое. Запахи весенние, добрые. Земля свежая, умытая. Благодать, а не утро!

И вдруг вверх взлетели ракеты. Много ракет. Разных цветов — красные, зелёные, белые... Что такое ракета, я тоже знаю: или в атаку идти, или нас атакуют. Но тут — букетами летят! Прямо — цветами рассыпаются в небе! Ну, думаю, наверное, и правда конец войне.

Стал я смотреть в бинокль. Пристально смотрю в сторону противоположной деревни, где засели немцы. У нас-то, думаю, победа, а у них что? Вижу: мостик штурмовой между нашей и их деревней, и там, за мостиком, виднеется белое полотнище. Сдаются! Твою-мать! — сдаются! Тишина. Ни голоса, ни выстрела. И верится уже, что всё, конец войне, и не верится. До слёз!

Тут вышел заместитель командира полка по политчасти. С ним полковая разведка. И уходят они по тому мостику в деревню. Прямо к немцу пошли. Долго их не было. Мы уже стали беспокоиться: вдруг, думаем, сейчас подпустят поближе и расстреляют? Но выстрелов не было. Расстояние между нашими деревнями метров восемьсот. И вот через час-полтора, видим, идут. Немцы — сюда, а наши — туда. Наши смеются. Победа! Всё! Взяли мы их! Взяли! А немцы — понурые.

Вот тут-то я и понял окончательно, что всё, дожил всё-таки до Победы. Живой остался.

ПОЭЗИЯ

65 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ИНЭЛЬ ЯШИНА

ДЕТИ ВОЙНЫ

* * *

В. С. Фортыгину

“Ты не в мать, не в отца!..”
А в кого?
 В молодца?
Эту присказку слышать не ново.
Полиняла с лица?
 Так ведь я образца
Довоенного, сорокового.

Никого не кляню.
 Нас, почуя войну,
Из надёжного лили металла.
По завету кого
 и во имя чего
Величайшей державы не стало?

Не повешу вины
 я на плечи страны:
Не судья своей матери дочка.

ЯШИНА Инэль живёт и работает в Архангельске. В журнале “Наш современник” публикуется с 1975 года. Является автором 7 поэтических книг. Лауреат литературных премий имени Ф. Абрамова и Н. Рубцова.

Только вспомнить должны
То, что дети войны —
Доживают в кручинах денёчки.

Не повешу вины
я на плечи страны.
Не по мне старой нищенки повесть.
Только вспомнить должны
то, что дети войны —
Это гордость России и совесть.

* * *

Расчихался мотор. И промолвил водитель:
“Устают и машины, полсуток в пути.
Вы пока разомнитесь, вокруг поглядите.
Жаль, темнеет. Красивее мест не найти!”

Вечер. Морось. Хожу по земле осторожно.
Указателей нет. Как деревню зовут?
Телефон-автомат (!?) на столбе придорожном,
Возле дома, что призраком кажется тут.

Три передних венца в прах рассыпаны тленом.
Где хозяин избы? Видно, в город утёк.
Наклонилась изба, словно встав на колена,
Возле самой из хлябных российских дорог.

Умирает изба. Треугольник фронтона,
Как нахмуренный лоб, ей глазницы прикрыл.
Их пяток, мёртвых изб, только вижу — у склона —
Есть живая! Там светит фонарь у перил.

Подошла, поклонилась. Костистая бабка
Улыбнулась в ответ, просветлела лицом.
Обмахнула ступеньку рядом, для порядка,
И присесть пригласила рядком, на крыльцо.

— Вам не страшно одной?
— Так ведь взять с меня неча...
— А не скучно?
— Скучать непривычна, дела...
И Клавдейка, подруга, живёт недалеча,
Мне пустяк — три версты до еёна села.

Вишь, синяк на столбе? Телефон учредили!
Хошь — в межгород звони, хошь — в родной сельсовет.
Как тогда, с кукурузой, опять начудили.
— Не звоните?
— Кому? Да и карточки нет.

...Мы продолжили путь, поспешали на праздник.
И остались: бабулька на чистом крыльце,
На столбе — телефон, словно свежий подглазник
У российской деревни на скорбном лице.

У МОГИЛЫ ФЁДОРА АБРАМОВА

Мятежный дух и горечь терпкую,
Чем жил великий человек,
В твоих домах, деревня Веркола,
Годам не выветрить вовек!
И я клоню седую голову
На стылый розовый гранит.
Не разделить печали поровну,
Пускай Россию Бог хранит!
А сколько жить ей —
будут помниться
Тиха, задумчива, чиста
Деревни Верколы околица
И свет могильного креста.
Ему, правдивому, упрямому,
Свою свечу зажгла заря,
Звонят по Фёдору Абрамову
Колокола монастыря.
То звоны всей России слышатся —
Зовут, плывут и вширь и ввысь,
И где-то кем-нибудь допишется
Его непрерывная мысль.

СТАРОВЕРКА

Седоволосая и рослая,
Доныне гордая осанкой,
Лицом — боярыня Морозова,
И той же веры — христианской.
Мудрее старого провизора,
Врачует травкой да кореньем.
Она окошко телевизора
Считает дьявольским твореньем.
И, осенив себя двуперстием,
Бранит его, как люта ворога:
“Ух, как рогатиной бы треснула!
Да стоит, дьявол, шибко дорого...”

*Поздравляем с юбилеем нашего давнего друга
Инэль Петровну Яшину и желаем ей
крепкого здоровья и неукротимой творческой энергии!*

Редакция

ИВАН ЕВСЕЕНКО

БИТВА

РАССКАЗ

В самом раннем, дошкольное ещё возрасте, да и в первые уже школьные годы был Стёпа Колокольников мальчишкой тихим и даже робким. Чуть затеется где ребячья свара, он сразу отпрянет в сторону, а то и вообще убежит домой. Но годам к восемнадцати-девятнадцати тишину и робость свою Стёпа оставил и объявился вдруг парнем задиристым и неуживчивым. Завёл он себе красную выходную рубашку (куда твой Стенька Разин; его и стали сразу дразнить Стенькой Разиным) и в этой рубашке красовался на любом деревенском празднестве: на свадьбах, на проводах в армию, в пасхальные и престольные, храмовые дни. Но ладно бы — красовался (кто в молодости не любит покрасоваться, позагориться, кому не хочется выказать свою удаль и молодечество на миру, особенно если хороводятся и глядят на тебя во все глаза ровесницы-невесты), а то ведь, выпив рюмку-другую, вымётывался Стенька в круг, рвал на груди кумачовую свою рубаху и задирался к любому и каждому:

— Ну, выходи, кто смелый!

Поначалу деревенские ребята, которых он понапрасну задирали, тоже распаялись, выбегали в круг и били Стеньку нещадным боем, поскольку он, хоть и был задиристым и крикливым, а в драках не так уж, чтоб и ловким.

Но потом, с годами, ребята на его вызов никак не откликались, сдерживали себя, и вовсе не потому, что не находилось смелых и храбрых, а пото-

ЕВСЕЕНКО Иван Иванович родился в 1943 году в селе Займище Щорского района Черниговской области. Окончил Литинститут им. А. М. Горького. Автор многих книг прозы. Лауреат литературных премий им. И. А. Бунина, им. А. П. Платонова, им. И. С. Тургенева "Бежин луг". Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

му, что с дураком связываться не хотелось. Они так и говорили Стеньке в глаза, принародно. Он взвизывался ещё сильнее, хватался за жерди и кольца, но постепенно затихал и шёл домой в понапрасну порванной рубахе не битый, не окровавленный, чему кажется, очень огорчился.

Повзрослев, Стенька, глядишь, и вовсе успокоился бы, коль нет ему достойных честолюбивых противников.

И вдруг такой противник объявился.

Наша деревенская девчонка Наташа Онищенко вышла в самой Москве замуж за серьёзного возрастного уже парня, Руслана, не то татарина, не то казаха. Сыграв городскую, не больно многолюдную свадьбу, молодые приехали в деревню, и тут родители Наташи, люди зажиточные и горделивые, решили сыграть для любимой единственной дочери свадьбу повторную, по всем деревенским обычаям и обрядам.

На эту свадьбу был зван и Стенька Колокольников. Он доводился Наташе хоть и дальним, но всё-таки родственником (троюродным братом), а в деревне так заведено, что родню, пусть и дальнюю, на праздник, да ещё такой, как свадьба, зовут непременно, иначе будет укоризна и кровная обида на долгие годы.

Само собой разумеется, что пришёл Стенька в гости в красной своей с косым воротом рубахе. В первые часы гуляния вёл он себя достойно и разумно, расплетал даже Наташе на правах брата (иных, более близких братьев у нее не было) косу. Но потом заметно стал беспокоиться, тяжелесть взглядом, пить больше, чем полагалось бы брату невесты. Когда же молодёжь, притомившись сидеть за столами, высыпала на улицу и затеяла там танцы под гармошку, баян и магнитофон, он не выдержал, выскочил в круг и, задирая то одного, то другого парня, рванул на груди рубаху так, что посыпались на ней пуговицы, и закричал своё излюбленное:

— Ну, выходи, кто смелый!

В ответ ребята лишь усмехнулись, стерпев надрывные его придирки и крики, и опять же не потому, что не нашлось на всей свадьбе храбрых и смелых, а потому, что действительно, чего связываться с дураком, портить праздник и себе, и Наташе, срамить её родню перед лицом мужа.

Тогда Стенька стал приставать к мужикам постарше, давно женатым, остепенившимся, “дружкам”, повязанным по обычаю на свадьбе через плечо вышитыми рушниками. Но те и вовсе отмахнулись от него, как от назойливой мухи: кричать кричи, а рукам воли не давай.

Больше приставать Стеньке было вроде бы не к кому (остались нетронутыми только старики да мальчишки-подростки), пора бы и успокоиться, танцевать-веселиться, как другие гости, или посидеть где-нибудь в сторонке, пережить хмель, тем более что Наташа несколько раз подходила к Стеньке и просила не затевать скандала. Но кровь кипела и играла в нём, глаза совсем одурманились, налились такой яростью, что казалось, если она не вырвется сейчас наружу, то Стенька упадёт посреди круга замертво. И тут он словно впервые увидел мужа Наташи, жениха, молодого татарина или казаха.

— А ты, косоглазый, — крикнул он ему прямо в лицо, — Руслан Кирибеевич, Одыхманьев сын, почему не выходишь?!

Стенька ладно что был драчливым и несносным, а в школе когда-то учился неплохо, и после школы библиотечные книжки любил почитать, так что кое-что знал и хранил в уме.

Наташа, упреждая Руслана, что-то шепнула ему на ухо, должно быть, сказала впопыхах, кто такой Стенька, и чего стоят его крики. Но Руслан, задетый за живое, уже вспыхнул, остановился напротив Стеньки и во всеулышание на чистейшем русском языке сказал:

— Отчего же не выйти? Можно и выйти.

И не успела Наташа и остальные гости опомниться, как Руслан снял с себя свадебный пиджак, галстук и рубаху и вышагнул в круг по поясе голый. Глядя на него, все просто ахнули: таким сильным, мощным и натренированным было его тело. Чувствовалось, что оно дано ему не только по природе и рождению, а ещё и накачено ежедневными упорными стараниями, что он атлет и спортсмен, может, каратист какой, самбиист или боксёр.

Стеньке при виде такой мощи и силы (сам-то он щупленький и неказистый, одно только утешение, что красная шитая по груди крестом рубаха) сразу бы отступить, пойти на попятную и примириться. Но надо было знать Стеньку: на попятную и примирение без боя, без битвы, он не шёл никогда — такой характер, доподлинно русский, разинский. Не пошел он и нынче.

Руслан действительно оказался мастером какого-то восточного единоборства. Выйдя в круг, он выбросил вперед себя руки с сабельно острыми ладонями и стал зорко следить за каждым движением противника. Стенька, привыкший драться по-деревенски, с широкого заплечного замаха, и на этот раз не изменил своей привычке, размахнулся, сколько можно широко (в плече даже что-то хрустнуло), и пошёл на Руслана буром, метя ударить того кулаком в голову. Но Руслан легко уклонился от этого простодушного замаха, передёрнул сабельно острые свои ладони и вдруг хлётко и отрывисто и с какой-то невероятной силой достал Стеньку прямо в переносицу. Кровь сразу хлынула у того из раны; рубаха его из красно-кумачовой сделалась алой, но удар Стенька выдержал. В драках он, несмотря на тщедушный свой вид, был удивительно вынослив и живуч.

— Ах, так! — сплевывая кровавую сукровицу, злобно закричал Стенька. — Тогда держись! — и опять в открытую, никак не сторонясь и не испугавшись, двинулся на Руслана.

Второй удар пришёлся Стеньке в грудь, перекрыл дыхание, сдавил горло. Жадно хватая широко открытым ртом воздух, он пошатнулся и едва не упал на колени; его ярко-голубые, с сиреневым отливом глаза вдруг сузились и как-то по-татарски скопились. Но и этот удар Стенька всё-таки вынес. Он лишь отрезвляюще мотнул головой и, стараясь хотя бы раз ответно задеть Руслана кулаком, сделал навстречу ему несколько нетвёрдых шагов.

Добил Руслан Стеньку с третьего удара, уже не такого сильного и хлесткого, пренебрежительного даже какого-то удара, вялого. Но Стенька от него, безвольно раскинув руки, упал на вспыленную землю ничком и затих.

Можно было ожидать, что сейчас за него заступятся деревенские друзья-товарищи (всё-таки своих, наших бьют), но никто за Стеньку не заступился. Подлинных друзей-товарищей у него не было: со всеми он успел перессориться и передрались.

Они лишь, приводя его в чувство, окатили ведром воды, а потом подхватили под руки и отвели домой отлёживаться и умирать.

Свадьба о Стеньке тут же и забыла, продолжила своё гуляние и веселье. А чего о нём помнить и горевать, когда каждый праздник заканчивается у Стеньки всегда одним и тем же: заполошным криком и побоищем. Все уже притомились от подобной разинщины.

— Так ему и надо! — законно гордясь отважным своим зятем, сказал отец Наташи. — Его давно пора проучить.

Хмельные гости единогласно согласились с горделивым Наташиным отцом — так и надо! А то, может, и пострашней не мешало бы: положить на плаху да отрубить голову, чтоб другим неповадно было.

Руслан тоже недолго пребывал в беспокойстве. Вымыв измазанные кровью Стеньки в бою руки, оделся и занял место рядом с Наташей. Отваги ему и вправду было не занимать. Это ведь не каждый-любой решится в чужом селе, среди чужого народа выйти один на один с главным их предводителем в красной рубахе. Выйти и победить, не опасаясь, что весь этот народ вдруг сплотится и встанет против тебя неодолимой стеной и крепостью.

* * *

Отлёживался, приходил в себя Стенька, наверное, недели две или три, а потом как ни в чём не бывало пошел на работу (работал он в образовавшейся на месте колхоза новой сельскохозяйственной артели трактористом и комбайнёром). Первый раз, что ли, бьют его до полусмерти и свои, и чужие. К тому же Стенька был не злопамятен. Залечив раны, он быстро забывал все нанесённые ему обиды.

Забыл и теперь.

Но летом, когда Наташа опять приехала в отпуск с Русланом, и её отец затеял по этому случаю родственную беседу-застолье, повторилось то же самое.

Приставать к своим деревенским несговорчивым ребятам и мужикам Стенька на гулянии-беседе не стал, а сразу, как только вдосталь выпил и захмелел, задрался к Руслану.

— Ну, Мамай Кирибеевич, выходи! — разрывая на груди рубаху до последней пуговицы, заголосил Стенька. — Видали мы такую орду!

И Руслан опять вышел. Бил он Стеньку в том поучительном бою с какой-то особой жестокостью, старательно и расчетливо бил, выбирая места побольней и позримей. Донельзя искровянил Стеньке лицо, оставив вместо голубых с сиреневым отливом глаз лишь узенькие монгольские щёлочки, да и те чернозёмно-чёрные, заплывшие ночным туманом. Кумачово-алую Стенькину рубаху Руслан изорвал в клочья (одни только рукава, считай, и уцелели), истоптал ногами и, уходя, бросил поверженному и уже почти бездыханному Стеньке.

И снова никто из друзей-товарищей не пришёл Стеньке на подмогу, не встал плечом к плечу перед грозным соперником, чтоб защитить если не самого Стеньку, то хотя бы порадеть за родное, отечественное село, всё-таки наших, своих быт. Но не встали. Стенькины дружки-товарищи лишь погрузили его на оказавшуюся под рукой бортовую машину и отвезли домой отлёживаться и набираться ума.

* * *

Всё повторилось и на следующий год, и на последующий, да, кажется, и на третий. Правда, бил теперь Руслан Стеньку уже без прежней злости и жестокости, нехотя даже как-то бил, по привычке, только бы не обижать Стеньку, которому, несмотря на все прежние уроки, очень уж хотелось быть побитым, да потешить гулевою Наташину родню.

А потом года три-четыре подряд Наташа с Русланом в селе не появлялись. То Наташа рожала сына Улугбека (Улушку, как его после стали называть у нас в селе), то навещали они родственников Руслана в Татарии или в Казахстане, то отдыхали всей семьёй где-то на юге, за границей. Руслан оказался парнем изворотливым, предприимчивым, у него было в Москве своё торговое дело — и они могли позволить себе такие поездки.

Стенька Колокольников за эти годы тоже неожиданно переменился. Может, действительно поумнел от частых поучений в битвах и драках, а может, просто время подошло ему поумнеть и остепениться — как-никак уже клонилось к тридцати. Но, скорее всего, перемена произошла в Стеньке оттого, что он, к удивлению односельчан, вдруг взял и женился. Ни одна своя девчонка, зная неспокойный Стенькин характер, за него ни за что бы не пошла, и он нашёл себе невесту в дальнем заречном селе, в Старых Боровичах, куда разбойная его слава пока не дошла, не долетела.

Жена ему попалась покладистая, ласковая, но характера упорного, строгого. Она где лаской и вниманием, а где строгостью и упорством быстро прибрала Стеньку к рукам. Да Стенька, кажется, и сам хотел прибраться, прильнуть хоть к кому-нибудь под защиту и понимание. В один год забыл он обо всех своих битвах и сражениях, сделался тихим и даже робким, каким был лишь в далёком раннем детстве. Чуть где ребята или мужики заскандалят и примутся махать кулаками, Стенька тут же отпрянет в сторону, а то и вовсе уйдёт домой к жене Анюте и недавно только родившемуся сыну-младенцу, Тимофею, Тимошке.

Но вот на четвёртый год Наташа с семьёй опять приехала в село (у неё к этому времени ещё и девочка родилась — Машенька). Отец, соскучившись по дочери, зятю и внукам, на второй день по их приезде созвал в доме богатую хлебосольную беседу. Зван на неё был и остепенившийся, утихомирившийся Стенька с женой Анютой.

Беседа поначалу текла тихо и мирно, гости, привечая в родительском доме Наташу с семьёй, заздравно пили и ели, затевали весёлые застольные пес-

ни, пускались в танцы и пляски. Первым застрельщиком всего был Руслан в зелёной, со стоячим по последней заграничной моде воротником рубахе, которая очень шла и льнула к его смуглому скуластому лицу, к его тёмно-карым с ночным отливом глазам. Но, распевая песни и искусно танцуя в паре с Наташей, Руслан нет-нет да и поглядывал на Стеньку, укромно сидевшего за краешком стола (петь и танцевать он был мало охоч, да и не обучен) и, похоже, думавшего какую-то свою потаённую думу. В последние годы Стенька стал время от времени так вот тяжело и безысходно, чисто по-русски задумываться. Взгляды Руслана он улавливал, но никак на них не откликался, хотя глаз и не отводил, не прятал, смотрел прямо и открыто. Руслан стал нервничать, беспокоиться и вдруг не выдержал, остановился посреди круга и во всеуслышанье задел Стеньку, вспомнил старое:

— Ну, что же ты меня не вызываешь, Илья Муромец? Или слабо?!

— Отчего же — слабо?! — прервал свою горькую думу Стенька. — Можно и вызвать.

Он снял красную рубаху, бережно сложил её и передал жене, которая решила, что Стенька с Русланом просто решили побороться, померяться силами, и особой тревоги не проявила.

Когда Стенька снял рубаху, то все гости лишь горестно покачали головами — такой он был щупленький и донельзя изработавшийся на тракторной своей и комбайнёрской работе, одни кожа да кости. И лишь кулаки у Стеньки от этой повседневной неразгибной работы гляделись непомерно тяжёлыми и сильными. Пудовые гири, а не кулаки. Но вряд ли он что мог сделать ими против искусного бойца Руслана. Помашет, помашет, да опять и падёт перед ним на землю ничком, окровавленный и посрамлённый.

Руслан же зелёной своей рубахи со стоячим воротом снимать не стал. Оно и верно, чего её снимать для минутной всего, победной схватки. Руслан лишь закатал на рубахе рукава и, лёгким пружинистым шагом выйдя в круг, выбросил вперёд остроносими лодочками ладони, заиграл ими, замелькал перед самым лицом Стеньки. Все ожидали, что сейчас он нанесёт ему сокрушительный свой удар в переносицу, и дело будет закончено. Молодая Стенькина неразумная жена, не сумевшая удержать мужа подле себя, пусть грузит его на какую-нибудь случайную телегу или машину и увозит домой, залечивать раны и окончательно умять.

Но Стенька, к удивлению гостей, жаждавших быстрого окончания боя (не всё ещё за столом было выпито и съедено, не все песни спеты, не все пляски станцованы), ловко уклонился от остроносых лодочек Руслана, поднырнул под них тщедушным своим телом и вдруг внахлёт с разворота ударил противника точно промеж глаз. Руслан от неожиданности обронил руки, погусиному дёрнул головой, потерял устойчивость и бдительность. Стенька тут же подловил его на этой оплошности, сокрушимо ударил вначале по одной острой скуле, а потом и по другой. Кровь хлынула у Руслана из рассечённых ран на зелёную его рубаху, и та сразу потемнела, сделалась почти чёрной.

Но сокрушающие эти удары Руслан выдержал: всё-таки бойцом он был закалённым и опытным. Опасно качнувшись назад, он в следующее мгновение опять обрёл равновесие, принял какую-то новую бойцовскую стойку и, низко наклонив голову, с гортанным, никому из собравшихся не понятным криком пошёл на Стеньку. Глаза его были широко (почти навывкате) открыты и превратились из тёмно-карих в нежно-голубые с сиреневым майским отливом.

Следующий Стенькин удар пришёлся Руслану в грудь, между рёбер. Он согнулся от него пополам, оборвал боевой свой клич и, пробежав в горячке ещё несколько шагов навстречу Стеньке, безропотно упал перед ним на пропылённую чёрную землю.

Вся ближняя и дальняя родня Наташи тут же бросилась к Стеньке и, если бы не отважная его жена, растерзала бы победителя на месте. Но жена, закрыв Стеньку своим телом, оборонила, сказала разъярённой родне таким голосом и таким тоном: “Только попробуйте!”, что метители замерли на полушаге и отступились, почуяв, что Анята ради Стеньки ни перед чем не остановится.

Усмирив разгневанную толпу, Анюта помогла Стеньке надеть рубаху, застегнула её на все пуговицы и увела целого и невредимого домой, к малому сыну Тимошке.

* * *

Отлёживался, обретал заново жизнь Руслан у тестя, наверное, недели две. Тесть советовал ему написать заявление в милицию, чтоб Стеньку за такой разбой и надругательство привлекли к ответственности, судили справедливым народным судом. Но Руслан никакого заявления писать не стал, а, кое-как залечив раны (и нигде не показываясь на людях), прервал отпуск и раньше времени уехал с Наташей, сыном Улутбеком и дочерью Машей домой, в Москву.

Деревенские наши сострадательные жители думали, что больше он никогда в селе не появится. Это ведь каждый встречный-поперечный будет тыкать в него пальцем, вспоминать, как в кровавом побоище его победил тщедушный, малосильный Стенька Колокольников, у которого одно только утешение, что красная шитая крестом на груди рубаха. А каково выносить все эти тайные и явные насмешки Руслану — человеку гордому и знающему себе цену?!

Но он приехал, едва-едва пережив в Москве суровую, морозную зиму.

И снова повторилось то же самое. Во время беседы-застолья у тестя Руслан не сдержался, задел (и очень обидно) Стеньку и на глазах у притихших гостей, которые никак не смогли остановить его, вызвал в круг.

Стенька вышел. И с первого же замаха стал бить неудачливого Руслана смертным, беспощадным боем, усмирять чрезмерную его гордыню.

Случилась битва и на следующий и на последующий год. И каждые раз Стенька бил Руслана при стечении всего честного деревенского народа. Правда, и самому ему доставалось: алой горячей кровью умывался Стенька досыта.

Похоже, будет битва, побоище между Русланом и Стенькой и в этом году. Наташа уже написала отцу с матерью, что они приедут погостить в день Казанской Божией Матери — престольный день у нас в селе. Битва случится, в этом сомневаться не приходится (кое-кто так даже и с вожделением ожидает её, чтоб потешиться в престольный, праздничный день), а вот на чьей стороне будет победа, того знать не дано никому.

Но, может, Стенька с Русланом как-нибудь и помирятся. Делить им вроде бы нечего. Да и не малые они уже дети, а серьёзные, в зрелых годах мужики. Дай Бог, чтоб помирились, забыли всю прежнюю кровь и обиды. А то ведь, того и гляди, однажды выйдут в круг и сойдутся в смертельной битве их сыновья, Тимофей и Улутбек...

РЕНАТ ХАРИС

ВЫСТАВКА ПОБЕДЫ — 1975

ПОЭМА

Я много лет с усмешкой принимал
слова о том, что нам нельзя без прошлого.
Я ход судьбы тогда не понимал,
не видя в прошлом ничего хорошего.

Но в некий год, в большой картинный зал
явившись к другу — живописцу знатному,
я словно вдруг на тридцать лет назад
перелетел по волшебству внезапному...

* * *

Я — рано вырвался в начальство,
стал замминистра — в тридцать лет!
(Тогда таких не назначали:
считалось — опыта, мол, нет.)

ХАРИС Ренат — народный поэт Татарстана, автор более чем сорока книг на татарском, русском и других языках России, лауреат многих литературных премий, в том числе и премии Российской Федерации за 2005 год. Член Общественного совета и постоянный автор журнала "Наши современники".

Публикация осуществляется при участии Международного Сообщества Писательских Союзов (МСПС).

Не по знакомству, не за взятку
жизнь эту должность мне дала, —
организаторская хватка
в Ренате с юности была!

К тридцатилетию Победы
в те дни готовилась страна.
И, забывая про обеды,
мы перелистывали беды
те, что отцы и наши деды
в былом извели сполна.
(В нас всех жила ещё война...)

Чем ближе подходила дата,
тем больше сыпалось идей,
как возвеличить нам Солдата,
что от фашизма спас людей.

Чтоб не остался не воспетым
из дней военных — ни один,
в музейном зале, в честь Победы,
открылась выставка картин.

И, плача красками, полотна
кричали, горечи полны,
о тех кровавых, тех голодных,
о тех великих днях войны...

* * *

...И вот — в те месяцы, когда
Казань кипела, как вода,
а праздник сыпал жар и искры, —
из-под берлинских тополей
на наш победный юбилей
попал немецкий замминистра.

Он в ГДР* жил, и в народ
культуру нёс из года в год,
и хоть он был меня постарше,
но я приставлен был к нему,
чтоб объяснять, где, что, к чему —
о чём гласят стихи и марши.

Но, впрочем, с этой стороны
мои услуги не нужны
ему, по сути, оказались,
поскольку с русским языком
он был давным-давно знаком
и им владел легко, на зависть.

Признаться, немцев я тогда
не видел близко никогда,
был первым — этот Клаус Хёпке.
А он легко со мной острил,
цитатами стихов сорил,
словно сидел и говорил
в нём — робот от нажатья кнопки!

* Германская Демократическая Республика (восточная часть Германии, бывшая с 1945-го по 1987 год социалистической).

При слове “немец” — предо мной
не образ Гёте, мне родной,
тогда всплывал и не Бетховен,
а Гитлер и горящий край —
тот изуверски страшный “рай”,
чтоб был войной нам уготован.

К тому толкала нас не месть
(хотя к фашизму счёты есть
у каждого в семье советской) —
то дух Победы в нас пылал,
он жёг нам душу и толкал
на вызов к нации немецкой.

Конечно, я не забывал,
что Хёпке — сам не воевал
и был к фашизму непричастен.
Но дух возмездия во мне
таился громом в тишине
и разрывал меня на части.

Он — ни при чём, но он — из тех,
кто нас губил, так пусть за всех
покается передо мною!
А донесёт потом... Ну что ж —
меня не ввергнешь этим в дрожь,
так — поквитаюсь я с войною!

Я изо всех крепился сил,
а после — немца пригласил
в музей высокого искусства.
Там золотая блещет вязь,
там меж веками вьётся связь,
там пир изящества и вкуса.

Он согласился. И сказал,
что для него музейный зал —
во много раз священной храма.
“Для Вас ведь тоже? Разве нет?..” —
и я легко кивнул в ответ,
но взгляд его — не встретил прямо.

* * *

...И вот — мы в музее. Продлив распорядок,
сотрудники нам открывают Восток.
И видно, что все они искренне рады,
когда что-то гостя приводит в восторг.

И с трепетом, будто и вправду мы в храме,
мы слушаем повесть, идя по коврам,
о тайнах закалки, литья филиграни,
что только болгарским далась мастерам.

И, глубже вникая в Востока истоки,
спросил он, прервавши словес караван:
— Вы разве не тех же кровей, что жестокий
и сеявший ужас вокруг Чингисхан?

И я, тот вопрос принимая по праву,
ответил, не пряча пылающих глаз:
— Он здесь пронесил свою чёрную славу,
и сажа той славы — испачкала нас.

Вот так, проходя меж сокровищ старинных,
не трогая тему войны и вины,
мы вышли в тот зал, где висели картины,
что дням победительным посвящены.

Я сам его вывел туда ненароком,
чтоб, видя, как правда окружит его,
не думал он о Чингисхане жестоком,
а Гитлера вспомнил хоть раз своего.

* * *

...Я, как в кино, смотрю со стороны —
и грудь мою злорадством распирает,
когда на Хёпке жалко со стены
пленённые эсесовцы взирают.

Он переходит дальше к полотну,
но та же тема всюду в каждом зале.
Не выкинешь из памяти войну,
что твои предки в мире развязали!

Вокруг — ни звука. Как на море в штиль.
Он к полотну Якупова* подходит —
На нём застыл поэт Муса Джалиль
(он до сих пор в татарском жив народе!).

На полотне изображён допрос:
Муса — в кольце немецких офицеров.
Поэт — велик. Он будто в вечность врос!
Ну, а фашисты... свора шавок серых.

Вот Клаус Хёпке стал у полотна.
Муса — прекрасен... Мерзко окруженье...
Мне пять минут видна одна спина —
он в полотно глядит, как в отраженье.

И вдруг спокойно, как растёт трава,
сквозь тихий зал ко мне стихи поплыли.
Я их услышал, я узнал слова —
то были строки славного Джалиля:

“Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждёт палач и вырыта могила,
Я ко всему готов. Но мне ещё нужны
Бумага белая и чёрные чернила...”**

Он так читал, что дивно стал хорош,
и показался — на Мусу похожим...

Закончил чтение и сказал: “Ну, что ж...
Поехали ко мне... и там продолжим...”

* Х. А. Якупов, академик живописи АХР, автор картины “Перед приговором”.

** Строки из стихотворения Мусы Джалиля.

* * *

И вот — мы в гостиничном “люксе”.

Коньяк и лимоны
стоят на столе в ожидании нового тоста.
Когда же он каяться будет за жертв миллионы?
Я жду покаянья от нашего умного гостя.

Но тонкие рюмки успеваю между делом наполнить,
так просто спросил меня Клаус, к столу приглашая:
— Скажи мне, коллега... о чём ты хотел мне напомнить,
на выставке этой глазами меня прожигая?

Ты гневом пылал и стрелял, как из пушки, очами,
бросая в меня через зал свои взгляды косые.
Ты, видно, смешал меня в сердце своём с палачами,
которые жгли в сорок первом деревни России.

Так ты бы спросил меня лучше со всей прямою,
и я бы рассказал, как гестапо отца расстреляло,
а после — и мать. И остался я жить сиротою
у тётки, и та — меня в тёмном подвале скрывала.

Отец мой и мать были видные антифашисты,
и Гитлер казнил их... Я даже примерно не знаю,
где место могилы... и ставлю букетик душистый —
пред Русским Солдатом, в Берлине Девятого мая...

* * *

И, взгляда не пряча, ничуть не лишив себя гордости,
сказал я: “Прости”, — каясь в мелкой предвзятости.
Но стыдно — и ныне. (У совести нет срока годности,
как нет его также у подлости или у святости).

— Подобные выставки делаем мы и в Германии,
ничуть не боясь, что покажется правда обидною, —
итог подводя, молвил Хёпке. И за понимание
мы подняли тост — как за истину, нам очевидную.

— Народ — не шеренги, одетые в форму мышиную,
готовые топтать вперёд за бравурными маршами.
Народ — это те, кто не стали военной машиною.
Народ — это мы. Ты и я. Вместе с болями нашими...

Так он говорил.

И коньяк в наши рюмки долил.
И вновь над столом зазвучал
наш бессмертный Джалиль:

Если жизнь проходит без следа,
В низости, в неволе, что за честь?
Лишь в свободе жизни красота!
Лишь в отважном сердце вечность есть!..

Мы рюмки сомкнули. И высекли радостный звон,
и тост за героя советского провозгласили.
Не часто приходят такие поэты, как он,
для этого надо — и дух, и просторы России!

.....
И, глядя на Хёпке, я был ему так благодарен...
Как будто был в чём-то мой гость настоящий татарин.

Перевод с татарского Н. Переяслова

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

ЛЕСНАЯ ПРИСТАНЬ

РОМАН

Почему-то теперь, когда затих выветленный вечерним солнцем лес, когда резво топал и хорошо тянул конь, Шаплыко упал духом. Погасшая папироса, словно продолжение глубокой складки около губ, зависла в правом уголке рта; папироса изредка шевелилась, словно толстый ус, который приклеился к нижней губе, и снова замирала. Правая рука всё время в движении: зажатой в ней тряпкой с мокрым песком она упорно шуровала лезвие ножа, зажатого в левой. Уже, кажется, давно надо бы бросить это занятие — блестит же лезвие! — а Шаплыко никак не успокоится: посмотрит на нож, прищурит глаз, покрутит, поплюёт — и снова с настырным упорством, как заведённая, движется рука, точит лезвие ножа. Видно, о толстяке думает, старается, чтобы и следа от рук того поганца не осталось на ноже.

— Яблоч в этом году нарастёт, — с распевом проговорил Шаплыко и, размахнувшись, швырнул тряпку в ельник, который вплотную подступал к лесной дороге. — Наверное, везде так, как у залесцев — даже листьев не видно. И тогда, и теперь меня грызёт мысль: неужели фашист будет их жрать?

— Пока яблоки созреют, фашиста этого погонят назад. Сам же говорил: поплятят они домой без оглядки, да ещё им подмажут пятки, — ответила Настя.

Шаплыко тоскливо хохотнул.

Припоминая события прошедшего дня, Настя решила, что дело совсем не в счастливой судьбе — и об этом говорят все факты! — а в определённой тактике Шаплыко. В отношении к бывшей продавщице и толстяку он вёл себя уверенно и смело. А на винокурне, когда искал бывшее начальство, действовал не просто с напором, а скорее чрезмерно отчаянно и дерзко.

* Окончание. Начало в №4 за 2010 год.

Роман публикуется при участии Международного сообщества писательских союзов (МСПС). Перевод с белорусского Нины Чайки.

Теперь на телеге, кроме того, что взяли у бывшей продавщицы, лежал мешок картошки, полпуда крупной ядрицы, которую бывший кладовщик винокурни, ласково улыбаясь Насте, отдал вместе с новым чугунком. Был ещё ладный, килограмма с два, брус сала, завернутый в чистое полотенце, а также ведро, в котором под широкой чёрной сковородой позванивали, когда воз трясло на корнях, четыре погнутые эмалированные миски с остатками розовой окантовки по краям и пять ложек из тёмного, как мокрый пепел, дюрала. На задке воза горбились два ватника военного образца, длинный брезентовый плащ и клетчатое пальто без воротника — всё это Шаплыко прихватил в здании бывшей конторы винокуренного завода.

На душе было тревожно и скверно. Радость оттого, что они выбрались из беды, окончательно развеяли невесёлые слова Шаплыко.

“Кто ж знает, чем всё это обернётся”... Что он имел в виду?

Шаплыко неожиданно рассмеялся, папираса, похожая теперь на обожжённый гороховый стручок, тряслась вместе с губой:

— Ох, и попылил наш Стас! Трава, наверное, раскалилась под его подошвами. Падла! Это же он на станцию попёр и немцев на нас наслал. Кажется, синела на машине его рубашка. Видела?

— Я не рассмотрела. Но одно ясно: немцы узнали, что мы были на винокурне, потому что мчались именно туда.

— Толстяк, наверное, своему дружку дал знак. А я тот знак, балда, не заметил. Надо было, теперь жалею, шпокнуть его...

— Ты что? — вырвалось у Насти. — Стрелять в своего человека?

— Он такой свой, как папа римский. Пальцы его видела? Это же когти хищника! Я сразу догадался, куда гад нацелился, когда он к ножу потянулся. Сижу, как будто вправо наклонился, — сделал вид! — а ногами твёрдо в землю упёрся. Потому и успел прикладом колотнуть его. А если бы не успел? Он бы с нами не церемонился. Сюда, гад, ножом целился. — Шаплыко похлопал себя по левой стороне груди. — В сердце метил. И имей в виду: война — не игра. Или ты — его, или он — тебя. Железная логика.

— Страшная твоя логика.

Шаплыко потёр ладонью подбородок, сжал его так сильно, что около пальцев побелела кожа. Голос его прозвучал задумчиво и грустно:

— Да нет, это не моя логика. И вообще если рассудить... Ты мне скажи, куда подевалась наша сила? И где наши армии, как будто испарились? Толстяк с таким напором и полез, потому что мою брехню по поводу нашего полка хорошо уловил. И вот мучает меня одно и то же: как случилось, что фашист нас так погнал?

— Ты же сам говорил: отступаем временно. Чтобы разгон взять. И мне эта мысль очень по душе пришлась.

— Ха, говорил! Туман тем гадам напускал. И тебя, между прочим, этой чутью утешал. Ну, на полсотни километров отойти — понимаю. А когда на пятьсот попёрли? Почему? Вот что ты мне объясни, пожалуйста!..

Шаплыко страдал искренне. Он больше не старался показать себя уверенным и бодрым, и эта его растерянность угнетала Настю.

— Неожиданное нападение, — сказала она, начиная злиться, что они вдруг поменялись местами, и не она, а он у неё ищет поддержку. — У нашего командования наверняка есть свои соображения, которые, естественно, нам неизвестны.

— Поторопился Грач, замполита не назначил. А ты на эту должность тянешь.

— Дался тебе Грач...

— Нашёл дурака Шаплыко, назначил комендантом, бросил в лесу. А сам — фью-ють!

Настя прыгнула с подводы, выпалила гневно:

— Не имеешь права!.. Не имеешь! Я запрещаю тебе так о нём говорить!

Шаплыко сморщился, наклонил голову и посмотрел в Настины глаза с усмешкой. Голос, тем не менее, прозвучал серьёзно:

— Всё, японский бог, правильно! Не имею... Тут ты глубоко берёшь. Но скажи, положила руку на сердце, что мы в этом лесу высадим? Молчишь?..

Шаплько вытащил из кармана кисет с махоркой, который, неизвестно чем растроганный, подарил ему бывший кладовщик винокурни, потом спрятал его и взял с плащ-палатки окурочок. Прикурился, потряс коробок в руке и вздохнул:

— Спичками мы слабо расстарались. Стас, чтоб ему пусто было, всю обедню испортил — все мысли о спичках тогда из головы выскочили. Ничего не поделаешь: будем от уголёчка прикуривать. Кладовщик, правда, один коробок отжалел. — Шаплько выпустил дым струйкой себе на ладонь, сжал кулак, словно ловил синенькое облачко. — Обо всех нас разговор. О нашей общей судьбе надо пораскинуть мозгами. Наших же хлопцев раненых в лесу одних не бросишь. А в деревню, как ты заметила сегодня, не больно-то вломишься. Такой Стас или Яночка всегда найдутся. Меня, чтоб ты знала, об этом Грач предупреждал. А человек он опытный.

Шаплько сказал это спокойно, без иронии. От этого у Насти поднялось настроение, сердце её успокоилось. Грач — человек славный, мужественный и добрый. Даже Шаплько теперь говорит о нём с уважением. А ведь у него есть основания обижаться, попрекать, даже ненавидеть его. Ведь сватов обещал заслать, когда война окончится, на вечную верность, пусть и шуточно, присягал. А всё вон как повернулось непредсказуемо!

“Грачок... Грачок мой!..”

Вздогнуло сердце, и в него ворвалась жаркая волна...

Шаплько натянул вожжи: “Тпру-у...”

— Ты туда посмотри, — он кивнул головой на задок воза. — Примечаеть, какая верёвочка за нами вьётся?

— След мы оставляем, — дошло до Насти, потому так и встревожился Шаплько. — А там, где дорога усыпана хвоей, он совсем незаметен.

— Да везде он виден, японский бог, если присмотреться. Одним словом, рисуем чёткий указатель фашисту, как нас найти.

— Может, нам по лесу...

— В разумную сторону мысли направляешь, одобряю. Так и сделаем.

Шаплько решительно повернул коня с дороги. Вскоре они выбились к густому, молодому сосняку, и тот как бы сразу расступился, открыв неширокий пробел в посадках. Пахнуло знакомым сладковатым ароматом люпина.

— Что-то уж очень знакомый сосняк... И правда: мы тут уже были, — Настя от души обрадовалась, соскочила на землю. — Точно, вот, с той стороны я тогда подходила...

— Следопыт ты прирождённый, всё примечаеть. Давай к Вахтангу заглянем...

С каждым шагом Настя чувствовала себя всё увереннее. Да, именно в этот пробел она тогда и повернула. Берёзы остались позади, они выходят на ту поляну, только с другого конца люпинового шнура. Сладковатый аромат становится всё сильнее, даже голову кружит. Широкий, беловатый след стлался за Шаплько, и Настя шла по нему, словно по мягкому ковру. Мелькнул бугорок, зажелтел вдруг, словно выскочил из зелёного люпина. Шаплько стал на колени около него и, опираясь одной рукой на карабин, старательно и медленно выводил карандашом на затёсанном берёзовом столбике:

“Вахтанг. Погиб героем. Тысяча девятьсот сорок первый”.

Настя была потрясена:

— А фамилия?

— Допиши, если ты её знаешь, — огрызнулся Шаплько и, согнувшись, начал рисовать рамочку; столбик был затёсан не очень гладко, и карандаш тихо скользил по волокнистому дереву. Насте казалось, что никаких других звуков, кроме этого тихого шороха графита, в лесу не существует.

Назад возвращались молча. Настя видела, что Шаплько чем-то угнетён, всё время хочет что-то сказать, но тут же глушит свой порыв...

Он распряг коня.

— Ну что, грузимся?.. Хотя нет, подожди... Из ватников сделаем седло, плащом прикроем, а тогда уже... Спину коню сохраним, не натрём.

Конь захрапел, когда на него взвалили поклажу, замотал головой.

— Мягко, дружок, мягко. Как себе делал.

— А как же картошка? — удивилась Настя. — Разве не берём?

— Завтра сюда верхом подскочу. А вот ведро прихвати. Придётся тебе нести. Силёнок хватит?

Она решила, что Шаплыко её испытывает, быстро схватила ведро, в котором лежали миски и графин со спиртом, завёрнутый в старое пальто без воротника. Ведро было не очень лёгким, но она не призналась, сказала бодро:

— Как-то донесу...

— Э-э, ты нос не очень-то задирай. Когда почувствуешь, что устала, скажешь, остановимся, отдохнём.

Вначале люпином, а потом сосновыми ветками они забросали на подводе мешок картошки. Шаплыко вытянул из кармана тетрадь, вырвал лист и большими буквами написал: “Заминировано”. Немного подумав, подчеркнул дважды и поставил три восклицательных знака.

— Ты думаешь, поверят? — Настя едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

— Зато не сразу подступятся. А, скорее всего, затылок почешут и дальше пойдут: не мы, мол, бросили, не нам и брать... Ну, двинули.

Довольная, словно только и ждала команду, Настя потопала следом за Шаплыко. Всё внимание теперь занимало ведро, которое с каждым шагом становилось всё тяжелее.

— Давай поднесу, — добродушно предложил Шаплыко, заметив, что Настя всё чаще меняет руки.

— Нести не тяжело, только неудобно. Ручка за всё цепляется. Она какая-то широкая, какая-то нелюдская...

Шаплыко взял ведро, какое-то время нёс, потом перехватил дужку в левую руку, хмыкнул:

— Действительно, нелюдская. Надо попробовать его к мешку пристроить. Как раз и место определилось — осела поклажа...

Шаплыко привязал вожжами ведро к мешку и с наслаждением потёр напряженные ладони.

— Кажется, ничего нет тяжёлого в этом ведре, а вот освободились от него — и словно гора с плеч свалилась. И телу легко, и душе.

— Уверенно себя чувствуешь, когда руки свободные, — призналась Настя.

— О чём разговор! Если бы у нас с тобой руки были свободными!..

В сумрачно-унылом взгляде Шаплыко Настя уловила тайный вызов её словам и, обидевшись, отвернулась в сторону...

— Ну вот, что бы я ни сказал, ты сразу в меня камень бросаешь. Мы как будто какую-то игру затеяли. А на то, что есть, глаза закрываем, всячески себя успокаиваем: всё как-то обойдётся, беде кукиш под нос сунем. А вот ты рискни, ответь на мои вопросы, только искренне. Дошёл, скажем, Грач до линии фронта. Перешёл, скажем, он эту линию. Сможет сразу назад вернуться? Сможет отыскать лесную дорожку, которая ведёт к нашей смолокурне?

— Грач вернётся.

— Японский бог! Святая она, действительно. Но ведь с неба, где живут святые, хорошо всё видно. Так неужели ты не видишь, что там, за линией фронта? Грача могут сразу — на цугундер. Почему, мол, себя спасал, а знамя полка где-то в болоте бросил. Что он на это ответит?

— Ты чего прицепился к Грачу? Зачем эта грязь...

Настя замолчала. Замолчала не потому, что отчаянье сжало горло. Она подумала о том, что Грач при расставании с ними не был до конца искренним. Почему он не сказал Шаплыко, что знамени полка в том ящике нет, что они унесли его с собой? Почему приказал молчать об этом, сказал, что даже пальцем нельзя прикасаться к ящику? Получается, что он не доверяет Шаплыко. А Конопелько? А Буркуну и Авдошко? К ним у него нет доверия, только ей, выходит, и доверился Грач?

От этих мыслей стало звенеть в голове. О чём-то сосредоточенно думал и Шаплыко. Вдруг он повернулся к Насте, поправил на голове фуражку:

— Всё! Язык себе отрежу, если хотя бы раз произнесу эту фамилию, —

и похлопал по чёрной ручке тесака, что болтался на ремне. — Молиться на него буду.

— Начинай молиться уже сейчас, — искренне посоветовала Настя. — Вернётся. Вернётся, потому что я этим живу!

Шаплыко растерянно и с какой-то доброй усмешкой почесал затылок.

Какое-то время шли молча. На землю около молодых елей и широких приземистых кустов можжевельника на глазах оседали вечерние сумерки. Непонятная тревога сжала сердце, и Настя с недоверием посмотрела на человека, который шёл рядом с ней.

Кажется, никогда Шаплыко не был с ней искренним. Шутил, иногда поддразнивал, шпильки подпускал. И каждый раз бросал эти шпильки очень уж вьедливо, с натиском, словно испытывал её, к чему-то подталкивал. Она правильно сделала, когда резко его оборвала. Пусть знает, что она умеет постоять за себя. И Грача защитит, доброе его имя марать не позволит. Грач вернётся. Конечно, не сегодня и не завтра — время какое-то, и по всему видно, немалое! — пройдёт. Хотя — и до завтра надо ещё дожить!

Сухой стук послышался вблизи, потом вдруг стих, как осёкся, и слева, в вышине, между золотистыми сосновыми ветками, мелькнула чёрная тень, раздался полный растерянности крик дятла.

— Слышишь? Голоса!

— Да дятел это...

— Голоса, говорю тебе! Похоже, около смолокурни. Она уже недалеко, за этим березняком.

Шаплыко торопливо закрутил повод за ствол высокой берёзы, протянул Насте карабин:

— Дай сюда автомат. И — за мной! Подойдём тихо...

Настя шла за Шаплыко, но не слышала голосов. Она удивилась не тому, что Шаплыко голоса услышал, а что так быстро и незаметно закончилась их дорога.

Начался хвойник, густой и колкий. Он быстро закончился, открылось болото, поросшее знакомыми низкими лохматыми сосенками, и Настя вдруг чётко услышала голоса.

— Там, — она схватила Шаплыко за руку. — Впереди. Как будто человек крикнул. И вот снова!

— Около смолокурни это, — твёрдо определил Шаплыко и зверовато оглянулся вокруг. — Неужели кто-то на наших наскочил? Поставь на боевой. И предохранитель, предохранитель... Споткнёшься вдруг, пальнёшь мне в спину...

Шли молча, прислушиваясь. Под ногами мягко, как вата, пружинил беловатый мох, за болотом кроваво светилась узенькая полоска неба, кружилась голова от густого и горячего, как из печки, воздуха, удушливо пропахшего багульников.

Смолокурня была совсем близко. И вдруг оттуда, очень выразительно, долетел чей-то голос. Но не растерянность была в нём, а волнение и радость. Настя оторопело посмотрела на Шаплыко. Это же Конопелько хохочет. Его это голос.

— Похоже, он, — согласился Шаплыко. — Но не высывайся, не высывайся! — осадил он Настю. — Подойдём осторожно.

Краем болота они приблизились к молодому осиннику, из него перебежали в орешник и, наконец, увидели Конопелько. Полудёжа около входа в погреб, он тасовал карты и выговаривал громко, радостно посмеиваясь:

— Не везёт тебе, Буркунок! Седьмого дурня на себя взял. А на это, скажу, не абы какой ум надо иметь.

Не обращая внимания на Настю, Шаплыко ругнулся, подскочил к Конопелько. Выхватил у него из рук карты, бросил на землю, стал топтать сапогом, зло сопя:

— Вы что? Подурнели? Откуда здесь взялись карты?

— Карты Авдошкины, — Конопелько растерялся, смотрел на Шаплыко виновато, заикаясь от неожиданности, начал оправдываться.

— Тут же с ума можно сойти, день на одном боку лежать. А игра эта дурная — спасение. Время бежит незаметно. И сердцу — облегчение, о весёлом думаешь.

— А то, что крику на весь лес, — об этом не подумали? — Шаплыко шалел по-прежнему. — Спалю сейчас это паскудство. Тут жилы рвёшь, харч им тянешь, а они — о весёлом думать взялись.

Настю душил дурной смех. Тревога исчезла! Она без сил присела на вересковую кочку. Руки её погрузились в сплетение упругих твёрдых стеблей, натруженные ладони ласкала мягкая, врачующая теплота. На миг показалось, что вернулся Грач, и они сидят в том вереске, что густо порос около ствола стройной сосны у поворота лесной дороги...

Настя сидела, прислонившись к стене смолокурни, положив на колени руки, и только одно ощущение заполняло всё её существо — усталость! Ни одной свободной минуты не было у неё с самого утра: приготовила отвар из зверобоя, сделала перевязки, потом полоскала бинты. Полоскала их в холодной воде до невыносимой боли в руках, и делала это не один раз: пришло время, когда уже невозможно было их отмыть добела. А от Шаплыко никакой помощи. Правда, наломал сухих веток, сложил штабелями у костра. Больше ничего. Даже коня, пасущегося в низине, не подвёл к ручью, а попросил сделать это Настю. Вот и сейчас сидит под елью и сосредоточенно налегает на ненужную работу — мастерит из старого пальто седло. С самого утра! И видно, что ничего у него не получается, так нет же: с завидным упорством режет, кроит, шивает...

— Что-то долго ты копаешься с этим седлом.

— Ох, и неблагодарный ты, однако, человек! Изобретение у Шаплыко одно, другое, третье... А где премия?

— Какое изобретение?

— Смотри: вот тебе цыганская иголка, вот нитки, а это шило — всё сам придумал. Вот закончу седло, привезу тебе картошку. А награда где? Сто граммов пожалела, эх ты!

— Мы же договорились, что на лечение оставляем.

— Как в той песне, одним словом: “Хаим, Хаим, что мы с тобой маем”. Вот чёрт! Иголка сломалась, японский бог!

Кудеватая толстая иголка, которую смастерил Шаплыко из сухого можжевеловника, казалось, твёрдая как кость, хрустнула у самого ушка. Настя потрогала острые короткие кончики, Шаплыко поймал её руку и мягко покрутил.

— Совсем вылетело из головы, — с сожалением сказал он. — Мыла не расстарался... Тебе же руки — перевязки делаешь! — в чистоте надо держать...

Растроганная неожиданным вниманием, она стала рассматривать свои загрубевшие руки, почерневшие, в царапинах пальцы.

— Дым от смоляков вьелся так сильно, что не ототрёшь даже песком... Но я беру немного спирта, протираю руки перед тем как делать перевязки.

— Завтра мыла привезу. А спиртик тот — мне выдай на внутреннее лечение.

— Про спирт даже не думай. Пусть у тебя голова болит, как иголку смастерить.

— Вот скажи ты, где тонко, там и рвётся, правильно в народе говорят. Сейчас новую иглу сделаю, а ты мне нитку наканифоль...

Из погребца донёсся мелодичный звук — кто-то пальцем барабанил по котелку. Настя поднялась и пошла к погребу.

— Принесите, пожалуйста, мне миску, — попросил Конопелько, как только Настя заглянула в погреб.

— Миску? Так она же пустая. Всё, что мы приготовили, съедено.

— Пустая мне и нужна. Положу на дно бумагу, писать будет удобнее.

Буркун громко засмеялся:

— На пустой миске пустое и напишешь!

Конопелько никак не среагировал на эту шпильку.

— Хорошо, я сейчас принесу...

Настя пошла к ручью, где на вереске сохли вымытые миски, взяла одну, принесла в погреб. Буркун словно разозлился, что Настя ласково разговаривает с Конопелько, и раздражённо бросил...

— Пусть комендант сюда подбежит.

Настя начала объяснять, что Шаплыко занят, но Буркун прервал её и разозлился по-настоящему:

— Пусть комендант придёт сюда. На мужской разговор!

Шаплыко нисколько не удивился, услышав, что Буркун зовёт его на “мужской разговор”, спокойно воткнул нож в землю, повернул в руках беловатый, как старая полынь, можжевельный сучок, обструганный с одного конца:

— Подождёт “мужской разговор”. У меня теперь в мыслях, знаешь, что? Всемирная история!

Настя с удовольствием наблюдала за проворной, ловкой работой Шаплыко. А мыслями была далеко. Где сейчас Грач? Что делает в этот тёмный вечер?

— Ты как будто и не слышишь, — донёсся до неё голос Шаплыко. — А я говорю, что, наверное, лучше сегодня картошку привезти.

— На ночь глядя? Мы же договорились: завтра едем за картошкой. Вместе.

— А кто думал, что у меня работа так быстро покатит? Седло почти готово. Надо его проверить, чтобы потом, в большой дороге, переделывать не пришлось.

Она глянула на него, но спорить не стала. Хотя, кажется, всё обсудили утром. Завтра привезут картошку, позавтракают, и только тогда Шаплыко погонит верхом на другую сторону железной дороги, посмотрит, что делается на той стороне. Если всё будет хорошо, рванёт в сторону Двины, доберётся до Экимани, что под Полоцком, — там живёт учитель, у которого они вместе с Лабуком слушали радио. Конечно, план рискованный: дорога — не близкий свет, и неизвестно, на месте ли тот учитель. Но это единственная реальная возможность услышать Москву, точнее узнать, что делается в мире.

Настя молча поднялась, медленно пошла в сторону ручья. Остановилась около кочки, поросшей старым вереском, на которой сохли миски и ложки, — отнести надо в дощаник, не стоит оставлять на ночь! — и вдруг, увидев маленькую, вёрткую гадуку, ойкнула и отскочила в сторону.

— А-а-ай!

Шаплыко мгновенно оказался рядом, держа наготове автомат. Услышав о гадуке, даже сплунул от досады.

— Тьфу! Ты меня прежде времени в гроб положишь. Я чёрт-те что подумал. Подумаешь, гадука, да и не гадука это вовсе. Уж тут живет! Вчера его ещё приметил.

— Я их всех боюсь. Такое чувство, что гадука скользнула по ноге... — Согнувшись, она потёрла ноги выше щиколоток, ноги были красными от укусов комаров.

— Обувь у тебя, мамки-лямки, не приспособлена по лесу бродить. Как ещё терпишь... Знаешь, что сделай! Собери пепел, и около дощаника натряси. Гадуки не любят этот запах.

Она убрала посуду, принесла из костра пепел, рассыпала его у порога дощаника, аккуратно притоптала. Шаплыко тем временем закончил мастерить седло и поманил её пальцем.

— Бери, — сказал он, — протягивая ей две коричневые портянки. — Крепко, японский бог, это клетчатое пальто нам помогло. Мне — седло. Тебе портянки. Знаешь, как наматывать? Садись на седло, начнём изучать эту науку. Без портянок, чтоб ты знала, сапоги не носят. Вмиг мозоли натрёшь...

Она покорно села, и только тогда рядом с седлом увидела сапоги Вахтанга. Оказывается, Шаплыко и обувь ей сообразил. Он что, с ума сошёл?! Заставляет надевать сапоги покойника!

— Я не хочу, — тихо сказала Настя... — Не буду надевать сапоги Вахтанга!

— Детские выходки тут не к месту, — он решительно протянул ей портянки. — Бери, накручивай. И знай, что не его это вовсе сапоги. — Шап-лыко переставил сапоги слева от самодельного седла, ближе к Насте. — На фабрике их пошили. Потом сапоги попали на армейский склад. Старшина получил их и выдал солдату. Солдат не успел их сносить — его вины в том нет. И сапоги тоже не виноваты.

— К чему ты клонишь?

— А к тому, что военные законы надо знать — начал он снисходительно и совсем без обиды. — Молодой солдат, поступивший на службу, думаешь, новое обмундирование получает? Дудки. Вначале старое носит, а потом уже... Я через это, чтоб ты знала, тоже прошёл. Видела бы ты мою первую обмундировку...

— Нашёл что сравнивать!

— Я ничего и не сравниваю, только заметь: штучки детские в нашем положении — на грани военного преступления. Поняла? И перед памятью Вахтанга — нехорошо это. Разве не так?

Что тут возразишь. Правда на его стороне: в своих парусиновых санда-ликах, из которых уже пальцы торчат, походит ещё день-два по лесу. А даль-ше что? Босиком? В чемодане, который остался в поезде, лежат её доброт-ные кожаные туфли. Она, конечно, надела бы их, но мама не разрешила, побоялась, что новенькие туфли обобьются в дороге... Вот чудо: она жалеет свои новые туфельки. А вот о маме теперь вспоминает всё реже, словно зна-ет, что судьба её сложилась счастливо. А так ли это на самом деле? Ниточ-ка колкого озноба расплылась, знакомая горечь подступила к сердцу.

— Давай портянки. Завтра надену. И не смотри так, раз сказала, зна-чит надену.

Шап-лыко обрадовался, с подчёркнутой осторожностью скрутил в неров-ный жгут портянки и сунул в сапог.

— Сапоги поставь в погреб, под нары. Ночью может дождь хлестануть.

— Поедешь всё-таки? — спросила Настя. — Чем тебе помочь?

— Да ничего не надо...

Когда растаял топот копыт, Насте вдруг стало страшно. Она отнесла са-поги в погреб, поставила под нары и... нечаянно зацепила палку Конопель-ко, которую в полдень Шап-лыко высек из старого можжевельника. Палка была удобной, с широкой загогулиной, как раз под ладонь.

— Забыл положить на нары, — подал голос Конопелько. — Положи, чтобы под рукой была. Завтра обстругаю и попробую ковьялить.

Из тёмного угла погреба донесся глуховатый голос Буркуна:

— Когда комендант вернётся? Я спать не буду. Бульбочки сразу поджа-рим. Эх, бульбочки жареной поесть, да ещё с малосольным огурчиком. Или с укропчиком и чесноком...

Конопелько тут же бросил шпильку:

— А с хреном бульбочки не хочешь?.. Ночью ему, видишь ли, костёр па-лить и бульбу жарить. Потерпишь до утра.

— Я, может, не доживу до утра.

— Помолчи, Буркунок, — тихо попросил Авдошко. — Помолчи.

— Помолчу. Только вначале хочу знать: зачем надо было колёса бросать так далеко? Зачем? Пусть Настя объяснит!.. Нет, ты подожди, Конопелько, не перебивай. Если что случится, ты на палку обопрёшься и доковыляешь к болоту. А я? Когда обе ноги не служат... Мне и шагу не сделать. И Авдош-ко не сделает. Он молчит, но тоже так думает, я знаю. Вот вытащи ты из моей головы эту манозу, тогда я согласен помолчать. А то, что комендант нам бубнит, ни о чём мне не говорит. Какой след в лесу? Хоть десять подвод про-кати по вереску — никакого следа не останется...

Ссора по любому пустяку уже не была для Насти в диковинку. Но те-перь она вошла в русло жестокой вражды, приобрела оттенок непримиримой ненависти. Насте показалось, что Буркун обвиняет только её, и всё в ней взбунтовалось.

— Позор! — она пыталась говорить спокойно, убедительно. — Стыдно слушать. В горе люди становятся добрее... А вы?

Выпалив это, она выбежала из погреба, легла в углу дощаника на жёстком лежаке и закрыла глаза. Зачем ей всё это видеть? Зачем слушать эти ссоры? Она не виновата в том, что подвода стоит в молодом сосняке около жёлтого шнура люпина! И Шаплыко не о себе думал, когда прятал колёса и оглобли — о них и думал, об этих, что пилят один другого. Но попробуй объяснить это Буркуну или Конопелько! Попробуй убеди их, что всё правильно сделано, разумно! А может, эта настёрная грызня имеет какой-то смысл? А может, правда, Шаплыко сейчас поставил коня в оглобли, прикрутил колёса и покатил... Да нет, какой-то бред. И ты, голубушка, придави, притисни эту свою подозрительность!..

Настя ворочалась на своём как никогда твёрдом лежаке, наконец, не выдержала, поднялась и вышла из дощаника. Медленно подошла к ручью. Днём он был сияющим, игривым и звонким. Теперь, укрытая лёгким туманом, вода почти не журчала, казалась чёрной, словно дёготь. Ничто не отражалось на её поверхности, под которой, казалось, таится опасная глубина. Звенели и гудели обезумевшие комары.

С пригорка от погасшего костра потянуло чадом — на угли и пепел упала роса. Настя почувствовала знакомый колкий озноб. Прижала плотнее к телу кофточку, скрестила руки, обхватила ладонями локти, но так и не согрелась, почувствовала себя одинокой, беззащитной. И снова мелькнула предательская мысль: а что если злой на всё Буркун прав — бросил их Шаплыко.

“Если Шаплыко не вернётся, я здесь не останусь...”

Она понимала, что никогда этого не сделает. Но чёрная мысль о побеге всё же заглянула в душу, и от этого стало невыносимо тяжело...

Утром её разбудил басовитый голос Шаплыко — в дощанике было совсем светло.

— Сто-ой, дружок!.. Пшиехали, как тот поляк говорил. Дзенькую тебе.

Настя услышала, как фыркает конь, как скрипят удила, торопливо вскочила со своего согретого ложа. Сердце наполнилось радостью. Вернулся Шаплыко и никуда не сбежал. А она уже начала подозревать, что он задумал побег ещё тогда, когда они возвращались с винокуренного завода. Как же это противно — подозревать человека, который тебе искренне верит!

В радостном возбуждении она подбежала к Шаплыко, который развязывал мешок с картошкой.

— Почему так долго? — глянула на Шаплыко, бросилась помогать. — Мы даже перестали следить за дорогой. Просто заждались!

— Это уж точно, — он стоял, согнувшись под тяжестью мешка, и сверлил Настю насмешливым взглядом. — Наверняка, мамки-лямки, проклинали: мол, подался, гад, куда-то! Себя решил спасти, а нас, горемык, в лесу бросил, коня свёл...

Настя повела головой и опустила глаза.

— Ну что ты несёшь? Давай коня отведу к ручью.

— Э-э, нет. Коня я сам угощу водицей. А вот перво-наперво тебя хочется наградить. И знаешь, за какие заслуги? Примета есть такая, если тебя встречает женщина, которая и в дорогу провожала, — ты счастливый человек. Что мы имеем с этого? А то, что ты, Шаплыко, счастливый человек.

— Позволь, счастливый хвастунишка, отвести коня на луговину, напоить, чтобы счастье тебе ещё больше подвалило. А ты сиди, отдыхай. И пусть сбудутся твои приметы.

— Веди, — коротко сказал он после некоторых раздумий. — Но сначала — подарок. Держи!

— Что это? Мы-ыло, — взволнованно протянула Настя. — Это же мыло!..

— Оно. Галка внесла два куска мыла в тот список.

— Так ты в Залесе был?

— А ты как думала? Только кладовочка та пустая, всё как ветром сдуло. И знаешь, что она сказала? Приходили, мол, такие же, как вы, и всё начисто мобилизовали. А в глазах — затаённый злой огонёк. Припрятала всё, гадовка!

— А что слышно? Какие новости?

— Неважные новости. Помнишь школу, что на пригорке, слева от дороги на винный завод? Немцы там стоят. Человек сорок. Говорят, станционная охрана.

— А фронт? О нём что-нибудь слышал?

— Ничего определённого никто не знает. Но видно по всему, что наши отступают. Знаешь, как они в школе живут? Окна ярко светятся, гармошка наяривает, песни горланят. А днём только одно и слышат от них люди: “Москау — капут”. Это, конечно, брехня. Но что меня потрясло? Степановна, та женщина, у которой мы тогда с тобой были, искоса на меня посмотрела. Даже хлеба не дала. Да Бог с ней... Веди коня, а я тем временем сапоги сниму. А это положи в дощаник — булка хлеба тут — расстарался у одного человека. Поговорим потом...

Шаплыко отвязал от седла сумку, которую Настя вначале не заметила, и отдал ей. Сыромятная уздечка, нагретая в руке Шаплыко, была мягкой, почти невесомой. Конь теребил уздечку, мотал головой, как будто силился что-то сказать.

Новости, которые привез Шаплыко, угнетали, и Настя, едва ступив на луг, потрепала рукой конскую гриву. “А что скажешь ты мне? Конечно, что ты можешь сказать? Это я должна тебе сказать спасибо, что бульбочки привёз”.

Конь зафыркал, потянулся к плечу. Настя щедро отозвалась на его вполне осмысленное сочувствие, припала щекой к конской гриве. Шерсть была холодной, но под ней струилось, трепетало живое тепло, оно било в щёку мягкой тёплой волной.

Когда она вернулась с луговины, Шаплыко стоял около костра. Он снял с рогульки закопчённый котелок, протянул Насте и неожиданно приказал:

— Возьми котелок и подскочи в тот березняк, около первого поворота, в низине, насобирай земляники. Там её полно! Только вглубь березняка зайти.

— А почему такая спешка? — её неприятно удивил внезапный командирский тон.

— Оно всё спешка... Вот так же, как мне заснуть — ох и прибился же я. Посплю! Поговорим потом...

Собирая спелые крупные ягоды, Настя всё время думала о том, что он не случайно дважды повторил одно и то же — “Поговорим потом”. Наверное, привёз ещё какие-то плохие новости, потому и не захотел рассказывать о них сразу.

Шаплыко крепко спал. Она попробовала его разбудить: громко разговаривала с Конопелько, шумно ломала сосновые ветки и бросала их в костерок, но всё было напрасно. Тот спал как убитый.

Пересыпав землянику в миску, Настя начала мыть картошку. Мыла по одной, тщательно обтирая каждую, потом сложила в котелок, залила водой и, поднявшись, глазам своим не поверила. Шаплыко уже проснулся и даже оседлал коня.

Он подошёл, спросил весело:

— Ну, так что? “Расстаться настало нам время...” Думаю, ехать надо немедленно.

Настя смутилась:

— А может, поешь, сейчас сварю бульбу.

— Что-нибудь поесть я и в деревне найду. Там, как видишь, нашу продавщицу мне никак не обойти. Вот обрадуется. Конечно, если того толстяка во дворе не встречу.

— Ты что, одурел? В деревню он днём поедет!

— Да нет, кажется, голова варит нормально. Но вот спал и увидел сон: я в хате Гальки, и она меня встречает по-царски: яичница на всю сковородку.

Он шутил, а глаза были невеселые, и Настя поняла, что Шаплыко шутит намеренно, чтобы отвлечь её от главного, от того, что он сейчас должен сказать, что всё им продумано, решение принято, и он его не изменит.

— Им ты сказал, что уезжаешь? — Она посмотрела в сторону погребца, около которого гнулись под ветром молодые берёзки. — Ведь им надо объяснить...

— Сказал. Правда, не всё объяснил: разведка есть разведка. Но на прощание сказал: на время моего отсутствия ты остаёшься моим заместителем. Всю власть отдаю тебе. На четыре дня.

Ей показалось, что она что-то не так поняла.

— На четыре дня? Ты же сказал вчера, что упрaviшься за два. Ведь день — туда, день обратно — вот и вся дорога.

— Это вчера! Утром в голове толку больше. Сейчас, когда коня седлал, я и подумал, что спешить ну никак нельзя. Если бы только к Двине и назад, так можно и галопом по Европам. Но ведь надо подыскать жильё, где можно их разместить, — он кивнул в сторону погребца и добавил решительно: — Из леса их надо вывозить. Вот о чём я хотел с тобой поговорить...

Конь дёргал повод, словно торопил Шаплыко в далёкую, опасную дорогу, и Настя, понимая, что она ничего не может изменить, отчаянно запротестовала:

— В плен хочешь их пихнуть? В ту загородку на станции? За колючую проволоку?

— Снова то же самое толкует, — проговорил он с сожалением, но с сожалением злым, непримиримым. — Откуда в тебе это чёрное недоверие? Есть деревни подальше от железной дороги, и люди добрые есть. Они и одежду дадут, и примут, и помогут...

— Я на это согласия не даю. Вот Грач вернётся, пусть тогда и решает. Он их судьбу доверил нам с тобой. А мы, получается, изменим ему и нашим товарищам.

Шаплыко улыбнулся:

— Между прочим, я знал, что именно так ты и встретишь моё предложение. Наверное, правда всё же на твоей стороне...

Он брёл по лесу, не выбирая дороги, задумчиво тянул за повод коня, и она шла за ним с каким-то странным чувством непонятной тяжести.

— К продавщице ты всё же не заходи. Вдруг кто увидит и немцам сообщит. Будет тебе тогда яичница на сковородке...

— Да что я, дурак какой, чтобы в петлю самому голову совать? Мне она ещё пригодится.

Настя спохватилась и сделала это искренне, без всякой фальши:

— А вот я действительно глупая. Надо же было тебе кусок хлеба с салом на дорогу дать. Подожди, я принесу.

— Не в лес, а из лесу еду. С голода не умру — к людям еду, — правдоуучительно начал он и неожиданно сменил тон. — А ты им роскошь не устраивай. Бережно расходуи продукты, чтобы хватило на неделю...

— Неделью? Ты же говорил — четыре дня. А теперь уже неделя?

Шаплыко обрадовался её волнению и заметил со смешком:

— Это я ваши возможности взвешиваю. Комендант должен иметь резервы. Обо всём должен думать.

— Ты лучше думай, как побыстрее вернуться. Узнай обо всём и поскорее назад. Не рискуй, не бросайся очертя голову.

— Да уж... к военной науке я приучен. Ухо трубкой умею держать...

— Знаешь, очень не хочется, чтобы ты ехал, — призналась она искренне. — Я вчера заждалась. Даже разная глупость начала лезть в голову.

— А я, между прочим, догадался. И очень хорошо, что призналась. Когда человек искренний, на него можно положиться, полностью довериться...

— Я тебе доверяю.

— Знаю! Я это чувствую. Ты на Шаплыко тоже можешь надеяться. Он лучше погибнет, но подлости не сделает. И на Конопелько можешь рассчитывать. А вот Буркуну не очень доверяй. Какое-то у него нутро трухлявое.

— Раненый человек как ребёнок. Я тебе это уже говорила...

— Ты много чего говорила. А я тебе на прощанье одно скажу: доброе у тебя сердце. Говорил и снова говорю. Но доброта нужна в мирное время. А на войне доверчивость губит.

Шаплько сильно пожал руку, потом вдруг прижал Настю к себе, поцеловал в висок, оттолкнул от себя и вскочил в седло.

Настя обхватила руками берёзу, — казалось, если не зацепится за что-нибудь, не устоит на месте, побежит за Шаплько, — почувствовала под ладонью твёрдый колкий нарост, испуганно оглянулась. Это же здесь она расставалась с Грачом...

Фигура Шаплько раза два мелькнула за деревьями и исчезла. В душе что-то оборвалось, она бессмысленно посмотрела на зеленоватый зубчатый уступ, медленно провела по нему рукой и почти физически ощутила невыносимую боль, отчаянное рыдание вырвалось из груди. Она уже не могла остановить слёзы. Они катились и катились по щекам, заливая лицо, руки гладили ствол берёзы, пальцы до боли сжимали выступ на дереве... Как будто какой-то знак — этот корявый зеленоватый нарост на берёзе. Молчи, терпи, голубушка, потому что ничего другого тебе не осталось. Сколько же это прошло с момента расставания с Грачом? А сколько дней ещё ждать! Какая страшная это вещь — неизвестность. Наверное, он не всё рассказал, о чём узнал в Залесье. На фронте у нас дела совсем плохи. Давно уже не слышно ни того фронта, ни взрывов, ни выстрелов. И Шаплько по-настоящему встревожен. “Из леса их надо выводить...” Сейчас он на этом стоит твёрдо. Потому так и торопится, даже есть не стал... Хотя есть он не стал по другой причине: хотел, чтобы им тут, в лесу, больше осталось. Но что это? Не машины ли гудят?.. Да нет, самолёты где-то совсем близко заныли. Они летели низко, один за другим, угрожающе чёрные, с крестами на крыльях. Их было много, казалось, от рёва моторов сотрясаются земля и воздух, деревья и вереск.

Утро снова было ясным и чистым. Настю разбудила звонкая, весёлая трель берестянки. От ручья тянулся беловатый, почти прозрачный туман. Он цеплялся за ветки старых сосен на том берегу, густел, окутывал их в синеватое облачко. Оно было не сплошное, а составленное из отдельных полосок, и невозможно было проследить, где оно начинается и где заканчивается.

Пение берестянки неожиданно оборвалось. Куда она метнулась, Настя не успела заметить. Но, увидев, как из погребца, громко зевая, вылезал Конопелько, понял, кто спугнул утреннюю певунью. Опираясь на винтовку, он с трудом запрыгал по траве. Заметив, что Настя наблюдает за ним, приветливо закивал головой, сделал знак, чтобы подошла.

Она подбежала к нему, напустив на себя строгость:

— А кто ходить разрешил? Лежать был приказ. Говоришь им, говоришь... Как об стенку горохом!

— Показалось, что вернулся Шаплько, — не замечая упрёка, проворчал Конопелько. — Второй раз показалось... — И неожиданно ласково и доброжелательно продолжил: — Не сожрали тебя эти ненасытные комары?

— А я в ватник завернулась.

— Разумно. А у нас, в погребце, душно. И долго не давала уснуть молния. Вспыхнет, как огонь из-под земли, по глазам как полыхнёт, а потом гром прокатится... Всю ночь глаз не сомкнул...

Когда сварилась бульба, Конопелько попросил:

— Отнеси вначале им. Чтобы не сопел Буркуну, что его обделили.

Да, ладу между её подопечными, судя по всему, нет и не будет. Конечно, разные они люди. А что она знает о них? Ведь никто ничего о себе не рассказывал, наверное, и не расскажет. Как будто люди чего-то побаиваются, потому и таятся. Хотя Грач и Шаплько о себе рассказали. Но, признайся, много ли ты знаешь о Граче? А о Шаплько и того меньше; этот только шутить мастер. А вот о себе не очень-то много рассказал... Поставив котелок на краю нар около Буркуна, Настя ждала. Пусть возьмёт сколько хочет. Но он почему-то заметил сурово:

— Ты повар, тебе и делить.

Она отсыпала четыре картофелины Буркуну, столько же — Авдошко, взяла свой ломоть хлеба с тоненьким кусочком сала и вышла из погребца. Её остановило злое замечание Буркуна:

— С нами есть она не хочет. Из графинчика, значит, наливает себе по капельке.

От неожиданности Настя растерялась, спрятала обиду за шуткой:

— Графинчик испарился.

А потом, смеясь, пообещала:

— Лучше я вам водички горячей из чугунка налью.

На душе стало тяжело. И Конопелько это сразу заметил, как только Настя подошла к дощанику:

— Что, Буркун берёт за горло? Он вбил себе в голову, что мы тут пируем.

Она поставила котелок с картошкой на чёрный горбыль, который пристроили вместо крыльца у входа в дощаник, и, улыбнувшись, заметила:

— Да я не обращаю внимания.

— Настенька, знай, в обиду я тебя не дам.

Это обещание не вызвало в ней ни благодарности, ни радости.

Как только они съели хлеб с салом и картошку, Конопелько протянул руку и добродушно заметил:

— А теперь наукой займёмся, — и, встретив её недоумённый взгляд, добавил: — Пушечку свою вытяти из кобуры.

— Наукой так наукой, — согласилась Настя.

Взял Конопелько парабеллум, взвесил его на ладони, сильно стиснул рукоятку:

— Мастера делали, ничего не скажешь. Как приклеился к ладони. Ствол лёгонький. Весь груз в рукоятке, — Конопелько провёл пальцами по стволу, нажал на край ребра; щёлкнула и на ладонь вылетела обойма, из которой, словно головка гадуки, торчал жёлтый носик пули. Передёрнув какие-то выступы, он оттянул и опустил затвор. Потом, подняв руку, прицелился в какую-то точку в орешнике за дощаником, сухо щёлкнула пружина бойка. — Видишь, как надо делать? Бери, попробуй и ты. Тут главное, чтобы рука привыкла. И смелее, смелее!.. Оттяни затвор. Затем прицеливаешься и нажимаешь на спуск.

Он заставил её трижды взводить затвор, прицеливаться, и каждый раз, в ожидании выстрела, которого, знала, не должно быть, потому что Конопелько вынул обойму, у неё сжималось сердце, пальцы становились горячими, словно рукоятка парабеллума была раскалённой. Дважды Настя поймала на мушку сосновую шишку, потом небольшое дупло на старой осине за ручьём...

— Сильнее жми, сильнее! Она щёлкнуть должна. Вот так. Теперь без нужды не жми.

Настя медленно застёгивала кобуру и, вслушиваясь в буханье своего сердца, призналась:

— Не берёшь это проклятое оружие в руки — на душе спокойно. А дотронешься — сердце буквально срывается с места. Сразу тот бой в голове, всё в глазах плывёт.

— Плюнь и каблуком разотри. Мы на своей земле от смерти спасаемся — потому и стреляем.

— Я понимаю.

Конопелько нахмурился, голос его сразу сделался жёстким:

— Ты ещё не всё понимаешь. А не понимаешь, потому что на Немане, около Мостов не была. Не видела, как их танки из наших солдатиков кровавые котлеты делали.

— Сделают из них то же, придёт время. Чужой дом разрушаешь — свою судьбу губишь. Так люди говорят.

— Если доживу до того дня, когда гитлеровский дом на дым пойдёт... Честное слово, пойду в церковь, свечку поставлю...

— И от меня поставишь свечку. Даже лучше две рядышком.

— Поставлю, — твёрдо, без тени иронии пообещал Конопелько.

— А пока то будет, пойду, помою котелок, — сказала Настя и поднялась, но не пошла, продолжала стоять, будто ожидала продолжения разговора...

Но Конопелько, опустив голову, сжал губы и с ожесточением стал стру-

гать тесаком берёзовый костыль, всем видом показывая, что, мол, сильно занят работой и продолжать разговор не хочет.

Ей невыносимо захотелось туда, в деревню, к людям, в обычный, никем не разрушенный быт. Она глушила в себе это желание, понимая, что должна заботиться о раненых, которые только на неё и надеются. И ещё она не должна сидеть сложа руки.

Надо, между прочим, изучить лес вокруг. Толку мало сидеть на одном месте и беречь себе душу. Следует пройтись вдоль ручья. Повезёт, на землянику выйдет, обычно её больше на вырубках, а не в глухом лесу. Та делянка, которую Шаплыко показал, пустынная уже, надо новые места искать.

Конопелько её замысел похвалил. Только строго наказал:

— Далеко от ручья не отходить. За него, как за нитку, держись, чтобы не потеряться. — Он взял тесак, словно кому-то угрожая, добавил: — Смотри, одни, без тебя, мы погибнем.

Признание было искренним, шло от души, и услышать его, наконец, Насте было очень приятно. Выходит, её забота не напрасна: люди ей благодарны.

— К обеду вернусь, — пообещала она.

— Ты ядрицы в чугунок сыпани, поставь на костёр — каша и сварится. Я чугунок сторожу. Как-нибудь соображу обед к твоему приходу.

— Не стоит. Вернусь и сама всё быстренько сделаю. Сегодня у меня по плану — макароны. Так что сыпану в чугунок, сверху кину шкварку, — и, застёгивая ремешок на запястье, добавила: — Часа через два вернусь.

— Карабин не берёшь?

— А зачем? Он только мешать будет. И далеко я не пойду. К тому же — пистолет всегда при мне, — она поправила чёрную кобурку на ремне.

— Если кого встретишь, на глаза не лезь, — посоветовал Конопелько всё с той же строгостью в голосе. — Лучше спрячься. А если какое лихо — стреляй без предупреждения. Стреляй первой. Кто первым стреляет — тот и выигрывает...

Приветливо шумели над головой сосны, от макушек до корней высветленные солнцем. В вереске, в папоротнике и в черничнике, который вначале встречался пятнами, а потом заполнил всё вокруг и был густо усыпан крупными, совсем неспелыми ягодами, тоже всё сверкало ласковым, приветливым светом — даже страшно было ставить ногу в зелёную ягодную гущу.

Дальше черничник погустел, пошёл узкой полоской вдоль ручья по левую сторону. Справа на покатых пригорках зажелтел бор со следами старой подсеки. Настя вышла из тени на освещённую солнцем поляну и даже закрыла глаза. Яркое солнце на какое-то мгновение ослепило. И земляничный аромат! Да вот и ягода, густо рассыпанная на поляне. Настя не заметила, как котелок до краёв наполнился сочной земляничкой. Она с аппетитом отправляла ягоды в рот, ощущая удивительную свежесть и аромат.

Настя поставила котелок на почерневший, в крупных трещинах сосновый пенёк, начала было снимать кофточку и... смутилась. Показалось, или действительно послышался приглушённый голос? Как будто кто-то её звал, неуверенно и пугливо. Настя, смущённая, присела, оглушённая биением собственного сердца. Вокруг никого не видно, но всё равно надо быстрее убежать с этой поляны...

Только когда увидела дощаник, успокоилась и даже посмеялась над своим страхом. Да показалось ей всё это. От порыва ветра загудели вершины деревьев, и послышалось неведь что. Трусиха! Неслась как угорелая, посмеется Конопелько, если узнает. А он по-прежнему сидит на том месте, где она его оставила. Сидит неподвижно, закрыв глаза. Нет, вот открыл и наблюдает за ней.

Она подошла и устало заговорила:

— О-ох, находилась. Ноженьки гудят. Духота в лесу. А тут — роскошно, ветерок, прохладно — одна беда — ягоды не растут. А я, видишь, на какое место наткнулась, бери, ешь!

Он мельком глянул на крупные ягоды, взял одну, что прилепилась к ручке котелка, бросил в рот, и звучно причмокнул:

— Самая лучшая ягода, когда лесная. Лесное в лесу хочет жить — закон природы. Около дома земляника слабо растёт. Я со своим Игорьком пробовал выращивать. Но реденькие кустики поднялись, а потом и вовсе завяли. И вкус у пересаженной земляники не тот. Нет духа лесного.

Он взял ещё несколько ягод, потом вытащил из кармана гимнастёрки сложенный треугольником лист, протянул Насте.

— Письмо своему Игорьку написал. Когда будешь в деревне, отдай кому-нибудь. Как договорились, одним словом. Прочитай!

— Зачем? Это же не мне письмо.

— Мы ведь здесь своими стали, одну беду хлебаем. Ты когда ушла, меня такая тоска взяла, что хоть волком вой. Вот и взялся чиркать. Даже костыли не успел постргать...

Она, подчиняясь этому пронзительному взгляду, взяла письмо и неожиданно почувствовала, что у неё дрожат пальцы, как-то странно сохнет от волнения и непонятной тревоги в горле, обручем сжимает сердце.

“Игорёк, дорогой мой сынок! Война теперь идёт, ты это видишь, война кровавая, и фашист прёт по нашей земле, уничтожает всё, убивает, сжигает города и деревни, и никто не знает, какая судьба может встретить нас на этом пути. В судьбу я не верю, я верю в добрых людей, сердобольным и отзывчивым сердцам верю, — они передадут тебе это письмо, слова мои не погибнут, и ты их прочитаешь.

Думается, вернуться домой, в наш красивый и милый Ленинград, суждено не скоро. Война, судя по всему, затянется не на день-два, и в этом году я конца ей не вижу. Но рано или поздно она, проклятая, закончится. И это, Игорёк, святая правда. Ты в это верь непоколебимо и твёрдо, верь, как верит твой отец. А то, что фашист забрал у нас много городов и деревень, ещё ничего не значит: мы, думается, заманиваем их вглубь, как когда-то делал Кутузов, чтобы потом со всех сторон гвоздануть им под самый дых. Помнишь, я читал тебе книжку о русском князе, который осилил, побил своих врагов и сказал: кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет. Ты даже не представляешь, какие нечеловеческие издевательства ожидают нас, если Гитлер нас одолеет. Но он не победит! Не победит потому, что и у меня, и у каждого нашего солдата нет страха, есть только одно желание — бить врага, уничтожать фашистов, как бешеных собак, которые хотят проглотить нас и нашу землю. Но Россией они подавятся, их кости ислепеют в нашей земле: такой конец ожидал всех захватчиков, которые пытались покорить русскую землю. Тебе сейчас пятый год, и ты ещё не всё знаешь. Но мама тебе объяснит то, чего ты ещё не понимаешь. Она расскажет тебе о том, что самое страшное горе на земле — это война, когда человек убивает человека. Но разве это человек, который хотя и имеет облик человеческий, но льёт кровь людскую? Нет, это — шальной зверь. И спасение от него одно — убить такого гада, чтобы он не наделал ещё большей беды.

Был я, сынок, ранен в бою. Сейчас лежу в госпитале. Скоро мои раны заживут, потому что нас лечит очень хороший врач, душевный, чуткий, и сил у меня прибавляется с каждым днём. Поправлюсь — и сразу в бой. И если твой отец не вернётся домой, ты должен знать: он погиб в бою за Родину. Наш командир в бою под Мостами — есть такой городок в Беларуси — был ранен. Но из боя не вышел, сказал, что хочет встретить смерть лицом к врагу, лицом на Берлин. Если придётся, то и твой отец погибнет так же.

Крепни, сынок, набирайся силы. Когда подрастёшь, иди на завод, на котором работал я. Родной Кировский завод дал мне всё, чем я горжусь. Попросишь, чтобы тебя поставили на тот же станок, на котором работал я: он в цеху первый справа. Если бы ты знал, как хочется мне увидеть тебя взрослым и вместе прийти на наш завод.

Расти, сынок, смелым. Никогда и нигде не склоняй головы, если знаешь, что правда на твоей стороне.

И ещё я хочу попросить тебя: не огорчай маму, знай, что ты сейчас единственный мужчина в доме и должен маме во всём помогать, чтобы она могла опереться на тебя и отдохнуть, если ей придётся тяжело. А трудностей

хватит, потому что идёт война, и вы только вдвоём, без меня, и вам придётся нелегко.

Крепко обнимаю тебя, целую. И маму поцелуй за меня, скажи ей, что я обязательно напишу и ей. А ты ложись спать и вставай раненько только с одной мыслью: победа будет на нашей стороне. Будет и у нас праздник.

Твой отец. Фронтовой госпиталь. Июнь 1941 года. Беларусь”.

Прочитав письмо, Настя вновь — в который раз — подумала о матери...

Она стояла молчаливая и печальная, в глазах её были укоризна и вопрос: “А ты, дочушка, почему не написала мне письмо? Где ты сейчас, живая ли, здоровая — что ж ты мне весточки не подаешь? Болит, болит моё сердце, а ты как неродная, не кровиночка моя...”

И действительно, почему она не додумалась до того, что сделал Конопелько? Могла и она написать письмо, оставить в деревне, людей попросить... На всякий недобрый случай остался бы след, люди потом её письмо переправили бы по адресу, и оно дошло бы до мамы... Ведь было и время, и возможность сделать это. Но у неё даже мысли такой не возникло. Наверное, потому и не возникло, что всё это время она думала о Граче, надеясь на скорую с ним встречу. Настя всем своим существом верила, что он скоро вернётся. И тогда всё пойдёт по-другому, повернёт на радость...

Так значит, ты думаешь, что впереди у тебя только радость, только хорошее. А Конопелько? Оказывается, он знает, что впереди только плохое? Потому и решил оставить завещание сыну, чтобы знал мальчишка, кем был его отец, чтобы гордился им.

Но что это? Как будто тень мелькнула за соснами, как раз в том месте, где лесная дорога теряется за стволами деревьев. И как будто застучали копыта. Действительно, конь почти рядом. Копыта стучат мягко, приглушенно, как-то осторожно. Да вот и конь заржал...

“Грачок вернулся!..”

Мысли о Граче были такими естественными и желанными, что Настя сразу поверила в них: Грач! Едет мой Грачок, спешит ко мне!

Настя выскочила на лесную дорогу и оторопела. Конь знакомый, на нём Шаплыко ускакал. Почему так рано возвращается, да ещё коня пустил вперёд?

Конь заметил её, потряс головой, заржал, и в том продолжительном, с перепадами ржания было что-то похожее на тревожный человеческий голос.

Настя испуганно сделала несколько шагов назад. А за ней, как будто толкая её с лесной тропинки, в глубь леса, двигался конь. Она отступала и, наконец, остановилась, упершись спиной в старую сосну. Остановился и конь, он тянулся к её рукам, как будто чего-то просил.

— Шаплыко! Ты где, Шаплыко?

Она звала сдавленным от испуга голосом, поперхнулась, закашлялась и, всё ещё не теряя веры в то, что он рядом, что он просто пошутил и прячется где-то, чтобы поугадать её, взялась за уздечку и попыталась вернуть коня.

Не выпуская уздечки из руки, Настя осмотрела седло, которое сползло на левый бок. Седло было чёрным и блестящим. Настя дотронулась до пятна рукой.

“Кровь... Это кровь Шаплыко!”

Она смотрела на блестящую шерсть около конской гривы, на верёвочные стремена, на которых запеклась и высохла кровь, и окончательно поверила в самое страшное: Шаплыко убит! Он упал из седла на этот бок, потому седло так и перевернулось, стремена свернулись на другую сторону.

— Беда случилась? Скажи, конёк, скажи, дорогой! Почему ты молчишь?

Настя спросила тихо, с надеждой, как будто и в самом деле поверила, что конь ей ответит. Слова родились против воли. Их смысл сердце не принимало и трепетало, словно зажатое в удушьяющей, гибкий обруч.

Надвигались сумерки, они неумолимо наползали из глубины леса на засыпанную хвоей дорогу, и Насте показалось, что кто-то подкрадывается к ней, прячась за деревьями. Она прижалась к конской шее, словно закрыва-

яся от беды, и, озираясь, торопливо пошла к погребу. Около входа, опираясь на костыли, стоял Конопелько, она, увидев его, немного успокоилась. Наверное, она делает ошибку, что ведёт сюда коня. Надо было бы оставить его в лесу, привязать к дереву, чтобы никто из раненых не знал пока, какая беда случилась с Шаплько.

И слова, удивляя её, вырвались совсем другие:

— Вот конь... Конь Шаплько прибился. Я сидела около сосны, а он: топ-топ... — и снова подумала о том, что совершает новую ошибку, потому что её слова слышат в погребе. — И седло, кажется, в крови...

Подскочив на одной ноге, почти не опираясь на костыли, Конопелько пощупал седло, стремя, провел по лоснящемуся пятну на конской гриве. Лицо его зло перекоилось:

— Бога мать, — Конопелько выругался, не обращая внимания на то, что Настя стоит рядом. — Храбрость свою, холера, наверное, показывал. Попёр куда-то, не осмотревшись... Вот и напоролся на горячее...

— Тут сидя, легко рассуждать, — рассердилась Настя.

— Ты лучше на седло посмотри, доктор, не видишь, как кровь запеклась? Она утром пролилась... Так что, если и лежит Шаплько, то не близко... Какие следы в темноте. Веди коня к орешине, хотя нет, лучше к дощанику. Там скоба в стене — надёжнее будет.

Она послушно отвела коня за дощаник, привязала уздечку к ржавой скобе и вернулась назад. В погребе спорили. Но как только она приблизилась к входу, голоса стихли. Немного погодя её позвал Конопелько:

— Входи, Настя, — и спросил, когда она вошла и села у входа: — Надёжно привязала?

— Надёжно.

— Тогда ложись и спи. Утром что-то прояснится... Если мы доживём до утра. — Что-то похожее на отчаянье прозвучало в голосе Конопелько. Но Настю удивил не тон, а то, что они тут обсуждали тайком, а это значит, что ей не доверяют. И она решила действовать самостоятельно, независимо от них:

— Пойду в Залесье. Шаплько наверняка не обошёл деревню. Если его не найду, то хотя бы что-то узнаю.

Конопелько хмыкнул:

— И как ты найдёшь в темноте дорогу?

— Найду. Утром я уже тут буду.

— Не пуццу! Никуда ты не пойдёшь, на ночь глядя.

— Нет, надо идти, — неожиданно отозвался Авдошко. — Человек, может, лежит раненый, а коня специально погнал, чтобы знак дать. Чтобы спасали. Положи ей хлеба в вещмешок. И не жалей. Мы тут как-нибудь обойдёмся. Из банки своей выгребви всё, что там есть...

И эти рассудительные слова Авдошко решили всё. Настя схватила сапоги Вахтанга, сняла со стены карабин. Усевшись на доску около порога, начала обуваться и в мыслях успокаивать себя. Не потеряется она в лесу — дорога знакомая. И луна вон какая вышла, через час будет светло, как днём.

Огромный тёмно-терракотовый круг луны висел теперь совсем близко, казалось, она зацепилась за верхушки сосен. Но темнота возле земли сгустилась. От прохладного влажного тумана, который наполнил от болота, у Насти по плечам побежала дрожь. Наверное, не совсем разумно она делает, наверное, надо подождать утра. Но и назад пути нет, потому что Авдошко, конечно же, прав.

Из погреба, постукивая костылями, выбрался Конопелько. Ей показалось, что он сейчас снова запротестует, начнет её отговаривать. И в душе она была готова уже согласиться с ним.

Он, однако, больше не уговаривал её, протянул вещмешок и тихо выругался:

— Чтб ему, Гитлеру этому, завтра и околеть...

Настя шла быстро, но через какое-то время замедлила шаг и вскоре остановилась перед неожиданным препятствием: огромное дерево лежало прямо на её пути, да так, что не пройти, сучья густо торчали во все стороны,

как будто переплетённые проволокой. Не было, не было этого бревна, когда они ехали с Шаплыко. Значит, она повернула не в ту сторону, потеряла дорогу; где и как это произошло, она не могла даже представить.

Стало тяжело дышать, в виски била невыносимая боль. Карабин резал плечо, тянул к земле... Настя сняла его, потрогала холодную рукоятку затвора, страх отступил. Она вооружена, и можно не бояться...

Холодные капли дождя упали на разгорячённое лицо. Капли шуршат в ветках, как будто кто-то трясёт хвою. Удивительно! Небо было чистым, когда она шла от болота, и луна была большой и светлой. Теперь она точно не найдёт нужной дороги. Надо переждать, а тогда двигаться дальше.

Настя протиснулась под густой навес из веток, села на мягкие, сухие листья, перемешанные с хвоей, развязала вещмешок. Хлеб был очень вкусным, казалось, что такого она ещё никогда не ела. Надо будет сказать спасибо Авдошко, это он позаботился. И что-то уж очень унылое было в голосе Конопелько, говорил, как будто прощался навсегда. Нет, об этом сейчас думать нельзя. Ей надо искать Шаплыко! Закончится дождь, и она продолжит дорогу.

Настя слушала шум дождя и засыпала, спокойная и уверенная в том, что вот сейчас, как только стихнет шелест капель на ветках, она поднимется и двинется дальше, найдёт Шаплыко, и они вместе вернутся к болоту, где их ждут. Вещмешок она положила под голову, карабин прижала к себе, сжав приклад рукой, приклад согрелся, от него руке было уютно и хорошо.

Било в глаза яркое солнце, и Настя, с удивлением смотрела на могильный холмик, на поблёкший люпиновый шнур, который теперь цвёл только по краям поля, а в середине серел кривоватыми стручками пепельного цвета. Это же она спала почти рядом с могилой Вахтанга! И как ещё спала. Как будто провалилась: ничего ей не приснилось, ничто её не потревожило до самого утра. И вся теперь она бодрая, полная сил.

Земля на холмике осела, берёзовый столбик покосился и стал коричневым, и надпись, которую сделал Шаплыко, стала почти незаметной. Густой щетиной порос вокруг могилы пырей, можно подумать, что человек тут похоронен давно, может, даже весной.

“Вахтанг в земле... А я ношу его сапоги...”

Эта мысль настолько потрясла, что Настя отшатнулась от потемневшего на солнце берёзового столбика, кинулась прочь, не оглядываясь. Вспомнила, как уговаривал, а потом даже ругал Шаплыко, когда заставлял надеть сапоги. А ведь он был прав! Как бы она в своих босоножках или босиком брела по ночному лесу! Хватит, хватит ей выжигать себе душу. Не о тех, кто в земле, а о тех, кто на земле, надо сейчас думать. Думать о том, как найти Шаплыко, как добраться к людям, найти продовольствие и вернуться назад к тем, кто сейчас в погребё, надеется на неё и ждёт. А она проспала всю ночь...

Вот если бы сейчас был конь! Вскочила бы на него и помчалась... Интересно, узнает ли её та хозяйка, в доме которой они были с Шаплыко, прежде чем пойти к продавщице? Кажется, её зовут Степановой? Да, конечно, Павлина Степановна.

Точно... Как хорошо, что вспомнила. Вот скажи ты... А там, на болоте, как ни старалась, не могла вспомнить. А здесь сразу имя всплыло в памяти... Только неизвестно, стоит ли вообще заходить в дом? Нет, всё же надо. Степановна женщина искренняя, ей можно довериться, можно спросить, может, она что знает о Шаплыко. А вот карабин, наверное, следует оставить в лесу, хорошенько спрятать где-нибудь. Парабеллум жакетиком прикрыт — даже если бы хотел увидеть кто, не заметит.

В густом орешнике, где в тот раз Шаплыко оставлял телегу, Настя припрятала карабин и смело направилась к опушке. Глянула на узкое поле, что открылось перед ней, и смутилась.

К Залесью ли она вышла? Залесье. Вон и знакомый дом.

Настя посмотрела на крышу дома, над блестящим коньком курился лёгкий туман. Она миновала кучу камней и куст орешника, в середине которого пряталась в тот раз, когда ожидала знака, и совсем близко, на ржище,

почти перед собой, увидела ту женщину. Она шла, пригнувшись, с корзиной, переплетённой белой проволокой; по одну сторону ручки торчал большой пучок зверобоя, а по другую щетинились ржаные колоски.

Настя сразу узнала женщину, радостно поздоровалась. Но та как будто не услышала её приветствия, глянула поверх Настиной головы и, наклонившись, бросала колоски в корзину.

— Вы меня, наверное, не узнали, — сказала Настя. — Мы к вам, Павлина Степановна, заходили однажды. Вдвоём...

Женщина молча перешла в узкую борозду на другую сторону дороги, топала по ней, раз за разом оглядываясь назад, на затенённые яблонями дома, и только тогда, когда зашла за орешник, заговорила:

— Пригни, доченька, голову. Не высовывайся... Чего, чего? А то, знаешь... Деревенские у нас теперь не больно-то в лес и суются. Кто из леса выходит, по нему немец сразу садит. Из пулемёта сразу секут. Как ещё по тебе не влупили? Кофточка у тебя приметная. Издали увидела тебя и сразу признала.

— Значит, вы меня помните? — Настя обрадовалась, и особенно тому, что догадалась припрятать карабин в лесу: не надо, чтобы видели деревенские, что к Степанихе заходил вооружённый человек. — А того военного, что тогда был со мной, вы не видели?

Женщина поправила колоски в корзине, потом ответила:

— Видела. Вчера всех нас согнали к школе в полдень, чтобы узнать, из какого дома этот человек. Галька орала — бандит, не наш, мол, ограбил меня. А он, бедненький, весь в крови, верёвкой к машине привязан...

Земля дрогнула под ногами Насти, в горле пересохло. Поверила сразу, что Шаплык повстречала беда. Но спросила снова, упрямо:

— Вы не ошиблись? Это тот человек, с которым тогда я заходила к вам?

— А как же. Не ошиблась, детка. А как он в беду попал, не знаю. Теперь каждый своё говорит. А я вот колосочки подгребаю. Наши специально жали так, чтобы колосков побольше легло на землю. Потому что всю рожь немец на станцию попёр. Подчистую.

— А что в деревне говорят? Убили человека, и чтобы в деревне ничего не знали? В это тяжело поверить.

Женщина оглянулась на деревню, проговорила скороговоркой:

— Говорят, что машину хотел угнать. Около школы машина стояла. В машину он вскочил и поехал. А за ним — на мотоциклах. Перед самым лесом его и нагнали.

— По какой же он дороге ехал?

— По старой, что на винокуренный завод идёт. И не знал, бедняга, что машины наши новой дорогой обычно гнали. А на старой — мостик слабоватый. Оттуда, от того моста, его к школе и привезли. А потом машина на станцию поплыла. А его, на верёвке, сзади...

Больно стучало в висках. И Настя, чтобы хоть как-то унять боль, наклонилась к земле, словно горе согнуло её крючком. На глаза попало два колоска, и она машинально положила их женщине в корзину. Женщина молча приняла их, перекинула корзину из левой руки в правую, подальше от Насти, пытаясь побыстрее отделаться от неё.

— А что, ваш Владка бывает на станции? — спросила Настя, пытаясь как-то задержать женщину, чтобы поговорить...

Короткий хмурый ответ не смутил Настю. Ей показалось, что она чем-то очень озабочена, хотя какая-то заинтересованность и пробивалась в её настороженном взгляде.

— А зверобой надо перебрать, — заметила Настя и показала на растеньице с мелкими листочками. — Вот эти надо выбросить. Видите, какие тут стебли? На лекарство они не подходят. А вот эти — хорошие прямые стебли, листья ровненькие. В них очень много эфирных масел и каротина...

Женщина глянула на неё внимательно, с неподдельным интересом:

— Грамотная ты, детка. Учёному человеку хорошо. Хотя кому нужна сегодня эта учёность. У кого есть хлеб — тот и господин. — И вдруг посове-

товала строго: — В деревню днём не заходи. Только когда стемнеет. Ты же, смотрю, по каким-то делам шла в деревню.

Настя сказала искренне:

— Конечно, кто теперь без особой нужды ходит? Только беда и гонит людей, да ещё и днём...

И неожиданно, сама себе удивляясь, Настя открылась женщине, которую видела всего один раз. Она рассказала ей о Конопелько, о письме, которое он просил передать кому-нибудь в деревне, — только не сказала, кто такой Конопелько и где он, — о том, что ей очень надо расстараться продуктами. И тут же поняла, что совершает ошибку, рассказывая обо всём так открыто. Потом как бы случайно, решив проверить женщину, заметила, что хотела бы зайти к продавщице Гальке, чтобы купить у неё продукты, деньги на это у неё есть.

Женщина испугалась, замахала руками:

— Ни ногой туда, слышишь, ни ногой, дитяtko. В тот день, скажу тебе, как вы у меня были, Галька эта около моего дома встала и на всю округу орала: только узнаю, кто на меня насрал тех бандитов, каждому по макаронине засуну в глотку. Она, чувствую, за моим домом наблюдает, шпионит...

Настя поняла, что больше ничего не узнает от женщины, и всё-таки, отчаянно пытаясь войти к ней в доверие, спросила:

— А что люди про фронт говорят? Где наши теперь?

— Да разное гомонят. А в газетке, что Владка со станции припёр — немецкая же газетка, — пишут, что Смоленск взят. И Москву уже берут, мол, скоро Кремль увидят...

Женщина говорила неуверенно, как будто хотела услышать совсем другое. И Настя почувствовала это и сказала твёрдо:

— Увидят они, звери гитлеровские, Московский Кремль, как свои поганые уши. Нелюди проклятые!

Женщина снова оглянулась на дома, смутилась и попросила тихо:

— Ты уж с такими словами поосторожней. Теперь не каждому их можно говорить.

— Но вам — можно. Вы наш человек, советский.

Женщина ещё больше забеспокоилась, попросила настойчиво:

— Ты иди себе, дитяtko, иди. Вон там просёлочная дорога. А за березничком бульбяное поле, колхозное... Немцы запретили копать. Но люди бульбочку копают, и ты наберёшь.

— Я в Полоцке живу, — совсем неожиданно проговорила Настя. — Сгорело там всё. А в деревне хлеба можно купить. Деньги у меня есть. На деньги я не поскупились. И торговаться не стану.

Она торопливо стала развязывать вещмешок, но женщина её остановила:

— Да что теперь эти деньги? Дым. Коробок спичек на станции — пятьдесят рублей. Теперь же марки какие-то у них ходят. Их марка — наша десятка. А за маленькую булочку хлеба так триста наших рублей надо отдать.

— А я и триста могу дать. Торговаться, говорю, не буду.

— Нет нужды мне с тобой торговаться. Только послушай, что скажу тебе, — женщина наклонилась к Насте, потом оглянулась, будто кто-то мог подслушать их разговор. — Больше никому такие сказки не плети. Моднее надо обманывать.

— Не хотите мне верить? Не надо!

— А я теперь только Богу верю. Хочу попросить тебя вот о чём. Ты, когда стемнеет, приходи к моему дому, только от сада приходи, чтобы никто не увидел. А я тебя встречу. Может, Владку моего посмотришь. Его проклятый немец на станции железным прутом отстегал. Так теперь лежит мой хлопец, на ноги встать не может.

Настя обрадовалась.

— Так можно сейчас пойти, я его и посмотрю.

— Боюсь, чтобы беды не было. Галька эта так и шпионит за мной. А тебя она запомнила, поверь мне. Ты сейчас уходи, чтобы тебя никто не заметил, а когда стемнеет, я тебя буду ждать в саду.

— Ждите, я обязательно приду.

Настя обошла реденький молодой березняк и сразу увидела картофельное поле, разделённое песчаной дорогой. Картошка около дороги была вся выбрана, сухой картофляник там-сям торчал из земли. Невыбранная картошка была только в центре поля, и Настя направилась туда по еле заметной тропинке. Вдруг сзади заржал конь, она оглянулась, испугавшись, — следом за ней быстро, словно перерезая дорогу, катила подвода. Никуда не спрячешься, до березняка слишком далеко. А впрочем, зачем ей прятаться? Кажется, человек на подводе без оружия.

Настя бросила быстрый взгляд, но этого хватило, чтобы рассмотреть возницу. Мужчина был в латаных штанах, в коричневой рубашке с измятым воротником, засаленная кепка надвинута на лохматые брови, щетина короткой бороды как будто присыпана пеплом от осевшей на ней пыли. И сидит мужчина уж очень форсисто, свесив над передним колесом босые ноги, сведённые крест-накрест.

Телега катилась рядом, не вырываясь вперёд, но и не отставая. Так тянулось минут пять, и Настя, смутившись, неожиданно остановилась. Возница тоже приостановил коня.

— Ишь, какая гордычка, — проговорил со смешком мужчина на подводе. — И не попросит, чтобы подвёз.

— Спасибо. Мне недалеко. Может, как раз это поле и нужно.

— Бульбочки дармовой захотелось?

Настя совсем смутилась. Но ответила твёрдо, с вызовом, подчёркивая нежелание говорить:

— На что надо, на то и нацелилась.

— У-ух ты, какая норовистая. Такой помощник мне и нужен. Пойдёшь в помощники, смелая? Да не пугайся — работки всего на две минутки: поможешь мне мешки забросить на воз. Бульбы себе накопаешь, сколько поднимешь, — и словно всё уже решено, добавил: — Садись. И на мою работку не нагоняй лентку.

Весёлая молодцеватость, которая прозвучала в голосе возницы, вызвала доверие, смущение исчезло, и Настя смело села на подводу.

— Н-но-о! — возница дёрнул вожжи. — Теперь, как тот говорил, слушай сюда. Я — Фёдор. А ты?

— Зина, — сказала первое, что пришло в голову.

— Пусть себе и Зина. Но не из нашего магазина. Н-но-о! — он снова дёрнул вожжи, взглядываясь вперёд.

Скрипел под колесами песок. Прислушиваясь к этому мягкому звуку, возница тихо, как будто для себя затянул песню:

— Они ехали молча в ночной тишине, по широкой украинской степи... Славная, между прочим, песня. А ты чего не подтягиваешь?

— Беда вокруг у людей, а вы — песня.

— Буду, скажу тебе, без песни не одолеешь, — рассудительно, без обиды заметил Фёдор. — Если беда навалилась, а человек только то и делает, что тоскует, — пропадёт.

Дорога вошла в березняк. Фёдор остановил коня, бросил Насте вожжи, приказав следить за дорогой. А сам, оглянувшись, бросился к молодым ёлкам, вытащил из-под них длинный широкий мешок, завязанный белой проволочкой, потом вытянул другой и замахал рукой, подзывая Настю. Она заступилась, не зная, за что зацепить вожжи, и Фёдор сердито крикнул:

— Бегом! Конь умный, не сбежит!

Настя подхватила мешок, стараясь казаться сильной, не сгибаясь, потащила его к подводе, но сил не хватило, и она еле-еле сумела дотащить его к колесам. Второй мешок, который оказался тяжелее первого, был завязан коротко и, не успев передохнуть, едва переступив неглубокую борозду, густо заросшую конским щавелем, она выпустила мешок. Фёдор от неожиданности споткнулся, грузно сел на землю.

И, подбадривая её, снова приказал: — Берись, берись...

Шатаясь, обессиленная, она взялась за тёплый хохол, помогла забросить мешок на подводу. Фёдор быстро растряс слежавшийся пласт увядшего кле-

вера, набросал его на мешки, заставил Настю сесть около них и дёрнул поводья:

— Но-но-о, родимые!

Подвода минула реденький березняк и покатила по густому молодому сосняку. Он вдруг хлопнул концами вожжей по ладоням, обернулся к Насте и, хитровато сощурившись, признался весело:

— А вдвоём, скажу тебе, веселее воровать. Ночью, один, пока я эти мешки нашинковал, а надо было ещё с поля унести да спрятать, потому что коня не было. Коня сегодня занял. А тут и ты подвернулась на счастье...

Молодой сосняк закончился, по левую сторону дороги открылось картофельное поле.

— Видишь? — Фёдор махнул рукой, в которой были зажаты вожжи. — Как будто корова языком слизала. А комендантский приказ был строгим: бульбочку аккуратно выкопать и свезти на станцию. А мы на тот приказ плевали. Правленцы поделили клин между деревнями. И ночью каждая деревня выкопала свою делянку. Поработали славно, по-стахановски...

Фёдор повернул коня с дороги, теперь ехали краем редкого орешника, по опушке, направляясь к дому, который стоял немного на отшибе, как бы отгороженный от деревни длинным садом.

— А это ваш конь? Он давно у вас? — спросила Настя, сжавшись от ожидания.

Фёдор ответил, немного помедлив, как будто даже с неохотой:

— У братовой жены его попросил. Кому счастье так счастье... На той неделе её Димка пошёл в лес жердину срубить. А в конце поля — вот этот Каштан стоит. И ты скажи, ведь не знали, как его зовут, а позовёшь: Каштан, Каштан — сразу голову поворачивает.

— А что, около коня никого не было? — прервала его Настя.

— На земле солдатик лежал убитый. Молоденький, белявенький такой. Видно, пуля его где-то зацепила, а конь вынес его из огня. Умер и на землю упал. А Каштан стоял, ждал, пока его хозяин не поднимется. Не поднялся. А конь всегда человека понимает и чувствует. “Ты, конёк вороной, передай, дорогой, что я честно погиб за рабочих...” — Какое-то время ехал молча, свесив голову, потом мужчина продолжил рассказ: — Мы солдата того на кладбище похоронили, там и кладбище недалеко — как знал, куда ехать. А где-то же его ждут, слёзы льют. — Он покачал головой. — Так его хоть по-людски похоронили. А что я в Полоцке видел, что там делается! Сотни солдатиков наших согнали в лагерь, за колючую проволоку. И стреляют беспощадно. И в первую очередь кого? — и сам ответил, картавя, подстраиваясь под немецкую речь: — “Камандирэн, палиткамисарэн унд юден”. На той неделе я там был, брата Лёньку искал. Так наши пленные за той колючей проволокой — как мухи мрут. Их в ров волокут и бросают. Даже землёй не присыпают, потому что завтра — новый пласт ложится из тел...

Он замолчал, как будто чего-то ждал от Насти, и она, чувствуя искреннее доверие к Фёдору, спросила его, может, слышал, где теперь наши.

— Слышал, — ответил он, как будто был готов к этому вопросу. — Но лучше, чтобы мои уши этого не слышали. Смоленск им, гадам отдали! Это же не город, а крепость на холмах. А может, наши снова его взяли, как ты думаешь?

Фёдор ждал ответа, и Настя начала сомневаться: чего это она так доверяет человеку, которого до этого дня никогда не видела и не знала. Сомневалась, колебалась, что же всё-таки ему ответить. А с губ сорвалось:

— А может, совсем и не отдали его наши! Теперь люди такое плетут, слушаешь, так уши вянут!

— Вот это ты правильно делаешь, что с незнакомым человеком не говоришь искренне. Но я о тебе столько знаю, что ты очень удивишься, когда услышишь.

— А мне и хочется услышать!

— Тогда слушай. Ты ищешь человека, с которым у залесской продавщицы была, а потом на винокуренный завод поехала. Правда? Правда. Ты комсомолка? Комсомолка. Парабеллум имеешь? Имеешь. Что, хватит вопросов на сегодня?

— Вопросов и я могу вам столько накидать, что Каштан не потянет, — пошутила Настя, смущённая и растерянная. Страха, тем не менее, она не испытывала, сердечко её никакой беды не предчувствовало.

— Так я не только вопросы тебе задаю. Ты послушай моего совета: того, с кем на заводе была, не ищи. Немцы его на станции повесили. К тому же надо тебе быть более осмотрительной. Твой парабеллум под кофточкой издали виден. И третье... Хорошо, если только я один заметил, как ты из лесу убежала и со Степанихой разговаривала... Она, знай, человек наш. И Владка у неё парень хороший. Но уж очень горячий и неосмотрительный. Ну, разве можно было с тем немцем, что погрузкой руководил, огрызаться. Не одного тебя, всех залесских парней на разгрузку погнали. Стерпи. Так не захотел же. Отстегали, паразиты, пластом лежат. Неизвестно, когда и на ноги встанет.

Они приблизились к палисаднику, в котором около молодой антоновки, густо увешанной яблоками, цвели бледно-розовые мальвы. Реденький штакетник как бы связывал в одно небольшой сеновал под гонтовой крышей и дощаник, около которого были разбросаны дрова. Скособооченные ворота сеновала были не починены, и Фёдор подогнал подводу к нему вплотную, взял мешок, приказал коротко и отрывисто:

— Помогай. Если кто и увидел — клевер Фёдор привез. А потом мешки в свинарник запрячу...

Настя делала всё, что ей приказывали, машинально, словно во сне. Неожиданные известия, которым сердце просто не хотело верить, бежали только в одном направлении. Кто же этот не знакомый ей до сих пор Фёдор? Даже когда она сидела и запивала холодным молоком свежий житник — Фёдор почти силой затянул её на просторную застеклённую террасу, — она терлась в догадках... А молоко вкусное и холодное. И свеженький житник! Кажется, она никогда пила такого холодного молока... А как внимательно на неё смотрят глаза Фёдора.

— Налить тебе ещё? — Он взял почерневший от времени кувшин, оплетённый снизу берестой.

— Спасибо. Это будет уже третья...

— А ты не считай. Пей и ешь, пока рот свеж. И не стесняйся.

— Спасибо. Сколько я должна вам за хлеб и молоко?

— У-ух ты! Гордая, да ещё и богатая на деньги!

Она положила на стол пачку тридцаток. Фёдор взял их, развёл веером, как будто пересчитывал. Оживился.

— А мы с тобой — одного поля ягодки. Фёдор бульбочку с колхозного поля ворует, а Зина, что не из нашего магазина, — банк где-то ограбила. Обрати внимание: номер за номером на тридцатках. Значит, по рукам деньги ещё не ходили.

Настя отсчитала две тридцатки.

— Этого хватит? Тогда спасибо за всё, а мне надо идти.

— И гордая, и на деньги богатая, и на ноги быстрая, — засмеялся Фёдор. — А ты послушай, что я тебе скажу. Тебе необходимо продовольствие, сама сказала. Бульбы много на себе не потянешь. Что та бульба! Сало, хлеб, соль — без этого в лесу не обойдёшься. И то, и другое, и третье ты, если и купишь сегодня, то в одной пригоршне понесёшь. Деньги теперь — пустая бумага. А вот за сапоги, которые у тебя на ногах, можно кое-что выменять. Избавляйся тебе от них надо как можно быстрее.

— А почему я должна от них избавляться, мне в них удобно.

— Зато стучат они громко. И каждому глаза мозолят. Теперь люди не фасонистые: всё больше в лохмотья одеваются. А ты в каких сапогах щеголяешь — в армейских, комсоставовских хромовиках. Да первый полицай на них глаз положит. Вцепится и живьём сдерёт.

— На тот глаз у меня накидка есть. Выстрелю, — сказала Настя.

— Один глаз, может, и выбьешь. А вдруг их будет много! Так гавкнут, что десятому закажешь. Так что снимай комсоставовскую обувь. Мы её на сало и соль сменяем, а ты скороходы наденешь...

Не вставая с низкой скамеечки, он запустил руку за высокий, покрашенный в яркий бордовый цвет порожек и вытянул мужские ботинки.

— В самый аккурат будут, — сказал он деловито. — Тут и стелечка есть. Обувай.

И снова, словно загнипнотизированная, Настя делала то, что ей приказывал Фёдор. Сухие холодноватые ботинки приятно ласкали кожу. И шнурки продёргивались легко. Хорошие ботинки, мягкие, и ногам в них уютно.

— Мне надо идти. Я пойду...

— Вот горе на мою голову, — Фёдор глянул на ходики, которые висели в углу террасы, стремительно открыл двери. — Сейчас же дают сводку. А я тут про соль и сало с тобой толкую...

Он исчез в доме, оставив полуоткрытыми двери. Там что-то пискнуло, как будто резанули железом по доскам, потом мягко стукнуло, скрипнуло... И вдруг из динамика послышался не очень громкий, но выразительный голос:

— Говорит Москва. От Советского Информбюро...

Настя замерла. От волнения у неё пересохло во рту, забилося сердце. Приёмник! Это же Фёдор включил приёмник! И Москва передаёт сводку о событиях на фронте! Она затаила дыхание, влущивалась с напряжением, до боли в висках.

— Ставка Верховного командования преобразована в Ставку Верховного Главнокомандующего. Президиум Верховного Совета СССР назначил товарища Сталина Верховным Главнокомандующим Вооружённых Сил СССР.

...За мужество и героизм в партизанской борьбе в тылу врага против фашистских захватчиков Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями большую группу белорусских партизан. Это первые партизаны, которые награждены орденами и медалями Советского Союза.

...Издан приказ Военно-инженерного управления Красной Армии о немедленном развёртывании строительства оборонительного рубежа и специальных сооружений внешнего пояса обороны Москвы.

...Авиация Краснознаменного Балтийского флота нанесла бомбовый удар по военным объектам противника в Берлине.

Голос диктора внезапно смолк. За дверями снова что-то свистнуло, и на террасу вышел Фёдор. Лицо его было хмурым и замкнутым, прищуренные глаза смотрели в одну точку во дворе.

— Плохо, значит, — глухо проговорил он. — Вчера передали, что две наши армии вырвались из кольца под Смоленском и организовали оборону на рубеже речек Воп и Днепр. А сегодня хотя бы одно слово о событиях на фронте. Говорят: наши войска ведут тяжёлые бои на отдельных участках фронта, а сегодня и этого не сказали. Одно только радует: не скрываем, что говорим о рубежах обороны под Москвой. Значит, есть силы, если об этом говорим вслух.

Он, сторбившись, взял Настины хромовики, вышел на террасу и исчез за дощаником. Почти сразу же и вернулся, неся какой-то небольшой узелок в руках. Молча взял Настин вещмешок, положил туда свёрток и, завязав шлейку, объяснил:

— Соль и сало тут. Я вряд ли сегодня хромовики поменяю. Отдохнёшь пока на сеновале. Я скоро вернусь. Дождись меня, не исчезай.

— А вдруг кто придёт? Что мне говорить?

— Сиди и жди! Я вернусь.

Настя сидела на сеновале, где приятно пахло яблоками, и думала, что именно сюда и надо ей перевести раненых, даже не в дом, который стоит на отшибе, а на этот сеновал, спрятанный от постороннего взгляда старыми яблонями! Можно сделать двери в том фронтоне, тогда вообще всё будет хорошо. И сухо здесь, не то что в том погребе на болоте. Как славно пахнет свежее сено. Подстилочка мягкая, и место такое уютное... Спать тут — такое наслаждение. Но спать нельзя. Фёдор что сказал? Сиди и жди! Надо дожидаться его и поговорить обо всём откровенно. Где-то гудят самолеты. В лесу редко был слышен самолётный гул, всё глушило болото и лес... Гул приближается быстро, да и не самолёт это вовсе, где-то поблизости гудит машина.

Настя всполошилась. Да, она не ошиблась. Машина это, и остановилась

совсем рядом, около дома. Стукнули дверцы кабины, теперь другие. Разговор на немецком... И голос Фёдора — громкий и звучный:

— Мой дом, мой!

Настю пробил холодный озноб. Да, не просто посадил Фёдор её на этот сеновал. Дождалась. Заманил, даже лестницу убрал, чтобы не убежала! Но просто так она им в руки не дастся. И первая пуля будет ему, предателю этому проклятому.

Она вытянула парабеллум из кобуры, подползла к узкой двери, затаилась. Машина стоит около самого дома, за жасмином, виден только зелёный задний борт и блестящая цепь на крюках. И Фёдор идёт, взмахивает руками, показывая на дом. Следом за ним следует кто-то в черном пиджаке, с карабином на плече. На рукаве широкая белая повязка. Немец в расстегнутом френче топает вдоль штaketника, стебает хлыстом подорожник. Теперь остановился около палисадника, наклонился над мальвой, водит носом по крупным розовым цветам — с наслаждением нюхает.

— Я же не скрываю, господин староста, — и громко, и звучно снова зазвенел голос Фёдора. — Не хотел везти её, сырую, в земле перепачканную, на станцию.

— Приказ был какой? Выбрать и везти. А ты почему нарушаешь? Теперь на своём горбе и потащишь. Я человек добрый, поэтому сделаю тебе скидку: от одного мешка тебя избавлю — грузы на машину. А другой — на горбе будешь переть!

Мужчина с карабином на плече теперь стоял совсем близко, лицом к сеновалу, и Настя узнала его. Это же тот толстяк, который был на дворе продащицы! Оказывается, он староста. А Фёдор не предатель! Специально говорит так громко, чтобы предупредить, уберечь её от беды.

Фёдор вытянул мешки с картошкой во двор, но в сторону сеновала даже не смотрел.

— Чего остановился? — рявкнул толстяк. — Тяни к машине.

— Тяжело одному.

— А ты жену позови. С ней, мне передали, вёз бульбу.

— У меня братова жена заболела, так она поехала к ней. А погрузить какая-то беженка помогла — шла дорогой. Хлеба дал ей, она и помогла.

— Беженка? А может, жидовочка, как прошлый раз? Где она?

— Да пошла, сказала, что на Полоцк...

Толстяк погрозил Фёдору кулаком:

— Ну, Дубчонок, смотри у меня. Ещё раз замечу, что какую-нибудь беженку будешь привечать, оторву голову, понял? Грузы мешок.

— Я же говорю, что тяжело одному поднять. Пусть этот, что мои цветы нюхает, поможет. Им же бульбу везём...

— Ты-ы что? — толстяк сбросил карабин с плеча и дулом ударил Фёдора в бок.

Подожёл немец, стоя в расстегнутом френче, он равнодушно смотрел на разыгравшуюся сцену, изредка постёгивая хлыстом примятый подорожник. Толстяк что-то сказал немцу, и когда Фёдор, согнувшись, поволок мешок к машине, тот, вызверившись, больно ударил его хлыстом по спине:

— Фауль русише хунд! Ферфлюхтер*.

Предохранитель сделался мягким, Насте показалось, что он начал плавиться в руке, потом сделался каляным, и кожа ощутила полированный гладкий металл.

“Вначале по тем, что ближе. А тогда — по немцу... Нет, надо стрелять по немцу, чтобы не сбежал в палисадник. А толстяк не скроется”...

Она не приказывала себе, а просто определяла очерёдность действий. И в этот момент Фёдор повернулся, махнул рукой, как будто оттолкнул толстяка, закричал:

— Не стреляй! Слышишь? Не стреляй!

— Неси, носи. Стрелять не буду, — цыкнул толстяк. — Мы таких, как ты, пока кнутом учим...

* Ленивая русская собака! Проклятье! (нем.)

Левой рукой Настя сняла палец с гладкого спуска, сильно сжала ладонь, так что ногти больно врезались в кожу. Она закрыла глаза, лежала, ощущая, как согревается в ладони рукоятка парабеллума. Неприятная, холодная дрожь растекалась по всему телу... Не толстяку, а ей кричал Фёдор! Это же ей он приказал не стрелять! Как будто чувствовал, что она прицелилась, и палец был на спусковом крючке. Это же просто счастье, что она не выстрелила. Видимо, на машине есть ещё кто-то, и Фёдор, не зная, как ей это сказать, закричал, надеясь, что она услышит и поймёт! Рукой он не на толстяка махал, а ей подавал знак, чтобы не стреляла.

Только теперь Настя поняла, что едва не совершила роковую ошибку. Ну, попала бы она, скажем, в тех, кто был во дворе. А дальше? Шофёр наверняка сидит в кабине, да и в кузове, может, их полно. Стоило ей выстрелить, как они сразу же сыпанули бы во двор!..

“Сиди и жди... Так надо”.

Фёдор с трудом тянул мешок на плече. Он дважды оглянулся, и Настя увидела его красное от напряжения лицо, плотно сжатые губы. В ушах по-прежнему звучал его голос, казалось, он совсем рядом, за спиной, и она медленно и осторожно, опасаясь шороха сена, оглянулась... Во дворе уже ничего не было. Заревел мотор, и машина покатила по дороге.

Настя осторожно подползла к щели во фронтоне сеновала: теперь был виден весь куст жасмина и кусок дороги. Снова на высоких оборотах заработал мотор, шофёр дважды просигналил, гул машины начал удаляться и скоро затих.

Настя долго лежала неподвижно, сжимая в руке парабеллум. Потом положила его на край подстилки, потрогала холодный ствол с толстой мушкой на конце, начала растирать онемевшие от напряжения пальцы. Неожиданно охватило сомнение, и почему-то именно сейчас, когда миновала беда. Всё же надо было стрелять. На машине, как она поняла, кроме шофера, немцев больше не было. Значит, она испугалась? А может, всё было правильно. Она сделала то, что приказал ей Фёдор. Ведь отчаянный крик — не стрелять — был обращён именно к ней, а не толстяку.

Настя окончательно успокоилась. Видимо, самое время теперь убежать отсюда. Нет, всё же надо дождаться Фёдора! Ему можно доверять во всём. Она так и сделает: дождётся Фёдора и всё, не таясь, расскажет ему. Он даст и правильный совет, и поможет. К тому же здесь она снова сможет послушать Москву! Потом вернётся в лес, на болото, которое стало ей домом, расскажет раненым все новости, и они быстрее поправятся, поверят в то, что всё будет хорошо.

Настя ждала Фёдора до заката солнца. Изучила, казалось, на сеновале всё до последнего гвоздика. Чего только не передумала за это время, что только не лезло в голову. Но всё же старалась заглушить недобрые мысли, убеждала себя, что всё обойдётся и она, наконец, услышит немного глуховатый, словно простуженный, но весёлый и насмешливый голос Фёдора. Но когда совсем стемнело, и в сумерках на яблонях белыми каплями засветились яблоки, в душе поселилась тревога: напрасно она надеялась на доброе: Фёдора ей не дождаться...

Ей больше здесь нечего делать. Надо возвращаться на болото, где её наверняка ждут, даже сильнее, чем она здесь Фёдора.

Надо спустить жердину, по ней будет легче сползти на землю. Но прежде чем это сделать, она снова пыталась понять, что могло случиться с Фёдором. Машина покатила в сторону Залесья. Дорога на станцию идёт мимо дома Степанихи. Она что-то может знать. Фёдор говорил, что Степаниха наш человек, ей можно доверять. Степаниха или Степановна? Перепутал он, хотя нет, вспоминал больного Владку, которого немец отхлестал железным прутом. Ещё осуждал его за несдержанность... А вот теперь и сам не сдержался...

Мысли путались, перескакивали с одного на другое. Она обещала прийти в Залесье, когда стемнеет, чтобы посмотреть Владку, парень не встанет на ноги. Значит, так и надо сделать. Почти стемнело, а ей надо ещё решить, в какую сторону идти...

Стреляют!..

Услышав далёкое цокотанье пулемёта, Настя не испугалась, а открыла настежь дверь, чтобы определить, в какой стороне стреляют. Очередь шла густая и длинная... Кажется, это в Залесье. Хотя нет, Залесье совсем в другой стороне. Но именно в ту сторону, где сейчас стреляет пулемёт, поехала машина.

“А может, тот толстяк и до болота добрался? Может, именно там сейчас и стреляют?..”

Днём, когда до сеновала долетали отзвуки далёкой стрельбы и взрывов, она особенно не волновалась. Но теперь Настя насторожилась, напряглась в тяжёлых предчувствиях. Как они там? Наверное, заждались. И некому перевязать раны, накормить, защитить...

Настя решительно бросила вещмешок, потом, ловко цепляясь за жерди, прыгнула на землю.

“Ну, спасибо тебе, душистый приют!”

Подхватив вещмешок, она кинулась под яблони, обвисшие от тяжёлых, налитых соком плодов. Похоже, тропинка ведёт в конец сада. Не помешает, наверное, минуточку обождать, прислушаться, кобуру надо передвинуть под правую руку...

А яблоки такие крупные! Что, если она кинет несколько в вещмешок и отнесёт раненым? Фёдор не обидится — обещал же ей картошки накидать, сколько сможет унести. Так что вместо картошки она отнесёт им яблок...

Без особых приключений — дорогу узнала сразу, едва пересекла луг за садом, — Настя дошла до опушки. Отыскала необычно густой и плотный в темноте лещинник, с наслаждением сбросила с себя вещмешок и, став на колени, стала искать карабин. Почти сразу нащупала под шероховатыми засохшими листьями холодный деревянный приклад и на мгновение расслабилась. Как же она устала, как натёр плечи этот вещмешок! И что в нём такого тяжёлого! Три пачки соли, два бруска сала и сверху яблоки. Может, немного отсыпать их: слишком длинная впереди дорога. Видимо, так и придётся сделать, потому что хлеб уже некуда будет положить. Ведь Степаниха обещала продать ей немного хлеба. Хотя хлеб можно нести и в руках.

Вдруг впереди блеснула медная точка света. Настя сразу же пригнулась к земле. Светлая точка погасла. Но потом снова блеснула и теперь светила долго, но как-то странно дрожала и передвигалась. Кажется, этот огонёк светился в доме Степанихи. Так оно и есть. Вот снова зажётся и мигает красным цветом. Может, она какой знак подаёт? Настя прошла ещё несколько шагов в напряжённом ожидании. Стих за спиной сиповатый шелест осиновой листвы, ветер мягко ласкал разгорячённое волнением лицо. Предупредительный знак тебе только мерещится, а если там сидит толстяк, высматривая всех, кто выходит из леса? Сидит в засаде, покуривает, потому огонёк и мечется из стороны в сторону. Впереди, рядом с огоньком, рванул в небо огненный столб и донёсся душераздирающий женский крик... Он звучал скорбно и жалостливо. Плакала Степаниха, а её успокаивал тихий детский голос.

С правой стороны в небо взметнулась ракета и всё залила оранжевым светом. Настя увидела, что дома Степанихи нет, а только огненным столбом искрится печная труба. Дом сгорел, но запаха дыма не было — ветер дул от леса, он отгонял чад в противоположную сторону.

— Тётя Павлина, пойдём. Мы уже ничем ему не поможем. Пойдём, прошу!..

Заглушив детский голос, гулко и трескуче заработал пулемёт. Разноцветные трассирующие пули летели низко над землёй в одном направлении — над садами деревни в сторону леса. Стреляли, похоже, от школы, которая стояла на пригорке посреди Залесья. Вдруг пулемёт стих, и тогда снова поплыло тоскливое причитание, из которого вдруг вырвались слова Степанихи:

— А мой ты сыночек, ты мой родимый, ты мой цветочек!.. Это же я, дурная, недоглядела, недосмотрела... Тебя, неразумного, не спасла. Зачем только побежала на станцию. Ведь была бы дома, разве я допустила такое горе? Я бы тебя из огня выхватила, на руках вынесла... От пуль поганых защитила...

Настя слушала, прижавшись к земле, дрожа от ужаса и какого-то колкого холода, который спутал ноги и руки, медленно заползал в самое сердце. Не было сил двигаться, что-то делать, и Настя лежала, словно прикованная к неглубокой и узкой борозде.

Причитание прерывал настойчивый девичий голос:

— Тётка Павлина, пойдём же! Ведь теперь ничего не сделаешь! Беду не поправишь.

А Степаниха, оглушённая невыносимым горем, вела своё, как будто ничего и не слышала:

— Это всё Федька! Это он моего Владку подучил: оружие надо собирать, оружие... Я же это слышала. А вот не сообразила, зачем он на чердаке винтовочку спрятал, и гранаты, и патроны... Федьке я не прощу. Он же взрослый, он же с умом. Почему моего парня на нож погнал. Своего в Ленинград отослал, ещё до войны...

— Тихе, тётя Павлина. Ночью далеко слышно.

— Спалили мой цветочек ясный, сгорел мой сыночек славенький! Нет, Зосечка, доченька, скажи мне, неразумной, зачем он гранаты те бросал? Кого он спас этой своей стрельбой?

Ракета погасла, и в этой непроглядной темноте исчезла печная труба, которая совсем недавно белела на пепелище. Только торопливый девичий голосок звенел, катился по пустынной улице.

— Не вытерпел он, тётка Павлина. Я же вам рассказывала, что тут было. Фёдор тащил мешок на спине, а немец его кнутом по спине хлестал. Староста ещё и прикладом бил. Фёдор в крови: все руки в крови, и лицо, и волосы... Сил нет тот мешок тащить. А они его — бьют. Немец так всё кнутом по лицу, по глазам... Немцы, которые на легковушке прикатили, смотрели, хохотали, что-то весело кричали и пальцем показывали...

— Ну и пусть бы себе хохотали, пока кровью не зашлись...

— Вот это им и досталось! А Владка ваш герой, тётка Павлина. Он немца того, что Фёдора бил кнутом, сразу же и убил. И староста, гад проклятый, без ног лежит. Отбежался, не будет по деревне летать да железным прутом людям рёбра ломать... Не плачьте, тётка Павлина. Владка ваш герой.

— Зачем мне его геройство?... Пусть бы жил сыночек, пусть бы песни пел. Как же он их пел с отцом, с моим Степанкой! “Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...”

— Не надо петь, тётка Павлина. Владки нет, так не надо петь. Пойдём, тётка Павлина, пойдём. Немцы нас услышат, снова стрелять начнут.

Высокой, пронзительной нотой снова взвился голос Степанихи.

— Степанко, не смотри на меня! Стреляй по ним, гадам, стреляй. Это же нелюди! Звери на нас налетели!

— Бежим, тётка Павлина! Бежим отсюда. Слышите? Немцы совсем близко кричат.

Раздался громкий выстрел из винтовки, близко, как будто за трубой сожжённого дома, и следом за ним короткими очередями захлестал пулемёт. Голосов около пепелища не было слышно, только злобно строчил пулемёт. Прижимаясь к земле, Настя поползла от опасного места. Ползти по узкой борозде было тяжело, мешал карабин, его ремень всё время цеплялся то за стерню, то за какие-то корни.

Когда борозда закончилась, она вскочила и побежала по стерне в сторону леса. Опомнилась только на опушке. Мягко хлестнули по лицу холодные листики молодых берёзок, она остановилась, осознав, что никто её не преследует, а это страх гнал её вперед. Опираясь на карабин, она тяжело дышала, лояя ртом ароматный лесной воздух. Оглянулась — не видно ни огненных искр, на самого пепелища. Только ветер тихо шепчет в вершинах деревьев. Может, всё это ей приснилось? Может, в дурном сне были и искры на пепелище, и причитание Степанихи, и быстрый девичий голосок, и ужасное повизгивание пуль почти у самой головы?..

Снова вспыхнула ракета, теперь зелёная, и, не разгоревшись хорошо, звёздочкой понеслась к земле. Ракета погасла. Настя стояла в ожидании, настороженно прислушиваясь. Глаза привыкли к темноте, будто стало светлее...

Под этими длинными пушистыми ветками она спрятала вещмешок. Да вот же он, родненький. Обрадовавшись, прижала к себе мешок и села на тёплую шероховатую листву. Отдышавшись, ужаснулась, связав в одно всё, что пришлось пережить во дворе Фёдора и услышать тут, в борозде на ржаном поле.

“Ваш Владка герой...”

Кто же эта девочка, которая успокаивала Степаниху? Попробуй, узнай теперь. Не надо было ей прятаться, а подойти к Степанихе, сказать хотя бы слово в утешение. А она, испугавшись разрывных пуль, выпущенных просто наугад, бросилась бежать. Ну не побежала, и что бы она сказала убитой горем матери, кто она ей — чужой человек. Разве утешили Степаниху слова той девочки. А ведь девочка, видать, хорошо знает Степаниху. Смелая, отчаянная голова. Прибежала спасать человека в беде — не побоялась разрывных пуль и ракет. А ты? Всё время себя утешала, что выполняла наказ Фёдора. А может, надо было совсем по-другому поступить там, на сеновале?..

Настя поднялась, закинула вещмешок за спину, повесила карабин на грудь и удивилась. Это же так удобно: один локоть на ствол положила, другой — на приклад. Как будто твои руки лежат на скамеечке. И можно подерживать вещмешок, чтобы лямки не врезались в кожу.

Настя быстро шла по лесной дороге, радостно узнавая знакомые повороты. На втором повороте, около люпинового шнура, остановилась, вспомнила, что именно здесь ошиблась вчера, повернув не на ту тропинку. Но это не беда, в конце концов, она вышла правильно к цели, а вот настоящая беда там, где совсем недавно догорели головёшки.

На лесной дороге просветлело — это берёзы, которые стояли вдоль неё, осветлили всё вокруг. Вскоре в прогалине между деревьями замигали звёзды. А вон и низенький столбик под рогатой дичкой — могила Вахтанга...

Настя села около ствола старой берёзы. Её ветки обвисли, потихоньку, но почему-то беззвучно, мотались под порывами ветра, который изредка повевал в сторону люпинового клина. К сердцу подкатила новая волна тоски и тревоги.

Болото совсем близко. За этими старыми соснами начинается полоса ровных и тонких сосен, под которыми плотным ковром растёт вереск. В конце этой полосы дорога круто поворачивает влево, к болоту. Пройдя несколько шагов, Настя остановилась — осторожность не помешает. Вот у болота горит костёр. Горит ровно, языки пламени поднимаются высоко в небо. Наверное, это Конопелько! Но ведь он знает, что Грач запретил жечь ночью костёр!..

“Грач... Не иначе, Грач вернулся!”

Настя так стремительно поверила в это, что сердце едва не разорвалось от счастья. Вернулся, он вернулся! Сидит у костра и готовит ужин. Потому так и притягивает этот костёр, так ярко светит в ночи, ведь разжёт его человек, который уверен, что всё делает правильно, и который ничего не боится...

Настя бежала по вереску — откуда только взялись силы, — бежала, не замечая, что плачет от волнения и радости. Тревога, отчаянье, боль — всё отступило разом. Слышала теперь только одно: взволнованное своё дыхание и шорох вереска под ногами.

От костра, как выстрел, ударил встревожено — радостный и в то же время напряжённый, до отчаянной ноты голос Конопелько:

— Кто? Настя? Настя, это ты?

— Я это! Я!

— У-у-р-ра! Хлопцы, Настя вернулась!

Настя подбежала к костру, содрала с плеч вещмешок, бросила карабин и увидела чёрный закопчённый котелок, в котором поблескивала вода, схватила его, жадно, большими глотками стала пить, шумно выдохнув воздух. Потом всё же решила спросить о Граче, хотя не верила, что услышит добрые и радостные вести. Разве спал бы Грач в погребке? Нет его!

Спросить, однако, она не успела.

— С добром вернулась? — нетерпеливо наседал Конопелько. — Узнала что-нибудь о Шаплыко? А фронт? Что люди говорят?

— Дай передохнуть. Как вы тут?

— Гарнизон в полном порядке, — каким-то шутливо-дурашливым тоном ответил Конопелько.

Радость, не разгоревшись пламенем в душе, внезапно угасла, угасла совсем: Грач, значит, не вернулся...

Спросила вяло, раздражённо:

— Ты что, ошалел? Такой огонь ночью развёл. Как будто специально сюда беду зовёшь.

— Это же для тебя мы сделали, — теперь сдержанно и как будто недовольно заметил Конопелько. — Может, думали, заблудилась в темноте. Авдоля наш и говорит: зажигай, мол, маяк, чтобы издали увидела и сориентировалась.

— Огонь не только я могла увидеть. Об этом вы не подумали?

— Да кто ночью сюда полезет? Не близкий свет... — Конопелько беззаботно рассмеялся. — А тебе — знак. Я же им твердил с самого утра: Настя вернётся сегодня. А Буркун всё дудел: оплеуху, мол, каждому на ухо припечатает, если обману. А теперь — слышишь? — Авдоля ему печатки набивает на уши...

В погребке хохотал, чего-то требовал Авдошко, и Настя почувствовала, как окончательно исчезает напряжённость, глаза застилают слёзы, и, чтобы спрятать свою радость, которая наплывала на неё, снова пододвинула к себе котелок, стала пить холодную воду маленькими глотками. Вот, оказывается, как её здесь ждали! Ждали и верили в сто раз больше, чем она об этом думала. В котелке на тёмной поверхности колыхались отблески пламени, и Настя подтягивала их губами и глотала, и вода катилась в горле приятными и мягкими комочками.

Понимая, что сейчас начнутся расспросы, а она ещё не решила, говорить ли всю правду о том, что случилось, попыталась оттянуть тяжёлый разговор:

— А я вам яблочек принесла. Полный мешок. Вкусные яблоки!

Развязала вещмешок, достала яблоки. Но Конопелько даже не взглянул на яблоки:

— Яблоки — потом. Ты рассказывай. Это дороже яблочка, сама знаешь...

Она сомневалась, ещё медлила, всё ещё сомневалась... Может, утаить, как лежала на сеновале и не решилась стрелять. Может, рассказать только о том, что увидела и услышала около пепелища в Залесье?

Настя не спеша положила яблоки в мешок, завязала его, прислушиваясь к знакомой боли, которая началась в затылке и медленно поползла к вискам. Что ж тут обманывать! Они страдали не меньше её, рассказать надо буквально всё, ничего не скрывая и не приукрашивая...

Проснувшись, Настя лежала спокойно, прислушиваясь к приглушённому и не очень частому ритмичному звону. Вначале подумала: идёт дождь. Полежала немного, стала прислушиваться внимательнее: да нет, это не дождь. Откуда же такое загадочное и глуховатое: “бо-ом”. В погребке темновато, даже стрелок часов не разглядеть. Сонное царство досматривало предутренние сны. Ровно похрапывает Конопелько, Авдошко сопит, причмокивая губами. Вчера он больше всех сопротивлялся, не хотел мыться. Вспомнила вчерашний банный день с улыбкой. В железной бочке — в яме за орешинной, под истлевшими досками и прошлогодними листьями — она нагрела воду, помыла всех, одела выстиранное и высушенное на солнце бельё. Устала так, что едва дошла до нар, бросилась на сухой мох и уснула, как провалилась в пропасть. И всё же проснулась всё равно раньше всех. А они, словно дети после бани, спят крепко и беззаботно. Даже этот назойливый звук их не тревожит.

Настя осторожно сползла с нар, вышла из погреба и зябко поежилась — за воротник упала большая, холодная капля. Лес стоял молчаливый, умиротворённый, окутанный густой и плотной моросью. Затуманенное небо оседало на вершины деревьев, запутывалось в толстых ветках, откуда-то, из той туманной мглы, потихоньку сочилась прозрачная водяная пыль, которая оседала на папоротник, спадала на вереск. На кончиках сосновых иголок висели крупные прозрачные капли. Близилось утро. Уже седьмой час. Скоро и день начнётся.

Только глянула на часы — снова слышала знакомый звук: да это же слетают капли с орешины, бьют по дну ведра. Вчера она так устала, что бросила пустое ведро, даже не принесла воды.

Настя схватила ведро, побежала к ручью. Пока сбегала туда и обратно, намочила всю юбку. Неприятно, неудобно в лесу, какую травинку, какую веточку ни зацепи — на тебя обрушивается целый водопад. Хорошо ещё, что вчера Конопелько посоветовал сушняка под нары натаскать. Где ж ты всё предусмотрешь? Как только наступает новый день, так начинаешь с того, что анализируешь свои вчерашние ошибки, и всегда получается: что-то не успела сделать, что-то недоглядела, что-то до ладу не довела.

Хотя о вчерашнем дне этого не скажешь. Вчера у неё в руках всё просто горело. Может, потому, что вернулась из Дягилей с хорошими вестями, принесла и крупы, и хлеба, и сала. Да ещё ту удивительную записку, которую нашла совсем случайно. Пришла она в Дягили утром, без оружия, с вещмешком за плечами — беженка идёт, сочувствия людского ищет. И едва не заплакала, когда увидела замок на дверях. Посидела во дворе, дважды вокруг дома обошла, и когда решила уходить, заметила краешек бумаги под кирпичом на углу дома: “Дорогая Зина, что не из нашего магазина, сапоги поменял удачно. То, что наменял, лежит в той хате, под одеялом. Увидимся через неделю. Фёдор”.

...Живой! Живой Фёдор! Но какая хата? Какое одеяло? Зацепилась глазами за лестницу, приставленную к фронтону сеновала, и сразу всё поняла: там, на сене, под одеялом, что-то лежит. И действительно, там лежал ладный мешок, который она, счастливая, принесла сюда на болото.

Вообще, вчера день был счастливым. Как будто Фёдор знал, что ей так нужно мыло — два куска было в мешке. И Настя на подъёме, с песней, переделала всю тяжёлую работу. А сколько было смеха и шуток, пока она перемыла всех раненых! Конечно, это не баня. Но голову помыла каждому, мокрой тряпкой вышуровала всем плечи. Но главное — бельё в щёлке выварила. Вот поэтому, видно, и спят, как дети. Но уж больно норовистыми становятся. Стали поправляться, здороветь, силы набираться, так из каждого характер так и лезет. И какая-то непонятная зависть у каждого появилась. Высмотрел позавчера Буркун в миске Конопелько лишний кусочек сала, так даже по стене стал стучать, мол, чтобы никаких любимчиков здесь не было. Подозрительно стал смотреть вечно молчаливый Авдошко.

Настя тихонько зашла в погреб, устроилась в своём уголке, попыталась уснуть. Но сон не шел, снова думала о своем удачном походе в Дягили. Фёдор — жив. И это — её счастье. Есть человек, на которого можно положиться, которому можно доверять. С какой гордостью тогда говорил он о приказе, переданном по радио, о награждении белорусских партизан. Первое награждение! Значит, партизаны есть! Их надо найти! Не исключено, что Фёдор связан с ними. Именно тут её спасение. Так что зря Настя жалуется на свою судьбу.

Проснулся Конопелько:

— Девятый уже. Надо готовить завтрак. Что варим?

— Макароны. С салом, конечно.

— Только много не клади в котелок: макароны заканчиваются.

— С чего это такая бережливость? Коня нашего проспал, так теперь совесть мучает?

— Мучает, — признался он неожиданно. — Тебе же всё на своём горбу приходится таскать.

Надо было что-то сказать в ответ хорошее, а слов нужных не было, и она промолчала...

Настя вышла из погреба. Ночью она хорошо отдохнула, поэтому настроение у неё было прекрасным, и стоило ли портить его?.. От туманной дымки, которая зависла над болотом, не осталось и следа. Дул тёплый полуденный ветер, тучки, наплывавшие на солнце, стремительно ускользали в сторуону, и всё вокруг затихало от тёплого, ласкового света.

После завтрака Настя сварила макароны и, не скупясь, заправила салом; быстро, весело болтая, перевязала Конопелько, потом Авдошко и Буркуна.

Подмела земляной пол в погребке и даже об обеде побеспокоилась: на костёр пристроила котелок с ядрицей — пока хлопочет, каша подварится, она завернёт котелок в старый ватник, и каша дойдёт сама по себе.

Прополоскав бинты, Настя сбежала и насобирала под старыми соснами коротких смолистых веток, сложила их ровненько в дощанике, оглянулась вокруг — кажется, всё в порядке, и обрадовалась — такое удачное сегодня утро: и работы столько сделала, и никакой усталости не чувствует, и тоска не душит...

Из погребка долетел голос: Конопелько снова что-то втолковывал Буркуну... Настю стала беспокоит рана Конопелько. Если раны Буркуна и Авдошко затянулись, кожа по краям стала почти нормального цвета, то у Конопелько нога начала понемногу отекает, около коленного сустава появилась слабая краснота, которой раньше не было. Настя решила, что это результат чрезмерной нагрузки: сделав себе костыли, он стал много передвигаться по их маленькому лагерю. Когда последний раз собиралась в Дягили, она вообще запретила ему ходить. Но, вернувшись, увидела, что Конопелько смастерил пристаньку у ручья и перепрыгнул почему-то ящик с документами. Отчитала его, а что толку? Краснота сегодня заметна не только около колена, уже до щиколотки дошла. И, кажется, увеличилась отёчность.

“А может, я и тут виновата?..”

Подумала так и пожалела, что вчера после бани, в хорошем настроении, расщедрилась и налила каждому по капельке из той бутылки, которую прихватил на винокурне Шаплыко. Хотя именно это не могло ему повредить... Нельзя много двигаться. А он целый день с этим костылём не растается... И откуда только силы в человеке берутся, который совсем недавно буквально истекал кровью!.. В воскресенье, когда она встретится с Фёдором, надо будет договориться, чтобы раненых все же переправить в деревню. Есть же у него верные друзья. Только бы встретил её, только бы дождался!

Ей даже жарко стало. Прямо сейчас надо к нему идти, немедленно! Мешок на крыльце оставить, под тот кирпич положить записочку. Надо идти!

Настя сняла с огня котелок, понесла в погреб... Тревожные раздумья начали терзать с новой силой.

— Ошибку я, наверное, сделала, что записку Фёдору не оставила, — сказала с она с тревогой. — Думаю, надо мне идти в Дягили, и немедленно. Наше спасение — там, и вы это знаете...

Какое-то время в погребке все молчали. Первым отозвался Буркун. Кашлянув, сказал резко:

— Надо так надо.

— Вот и беги, если тебе надо, — выпалил Конопелько. — И-и-шь, бегунья нашлась!

Тихо, рассудительно попытался остудить Авдошко:

— Третье друг друга за волосы, конечно, легко. А тут надо правильный ход найти. Поэтому порассуждать не повредит. Сомнения у Фёдора, конечно, возникнут. Мешочек схватила, мол, и хвостиком накрылась. Конечно, знак ему дать надо — это моя мысль. Но пойти завтра, перед рассветом...

— Я пойду сейчас, — прервала его Настя. — Обед у вас есть: ядрица в котелке хорошо упреет, только не трогайте прежде времени. Часа через два она будет мягкой. Вечером вернусь.

Когда собиралась в дорогу, приказала Конопелько:

— С нар, вам, голубчик, не следует вставать. Лежать, не двигаться!

— Двигаться я хотя бы немножко, но буду, даже лёжа, — пошутил Конопелько. — А встречать так наверняка выползу!

Шутка не получилась, его не поддерживали, и Настя неожиданно взорвалась: — Мне что, верёвкой вас привязывать? Вижу, придётся... Почему с Буркуна не берёте пример? Лежит человек, силы бережёт, и раны у него заживают быстрее. Будете завидовать, когда он танцевать пойдёт.

— А мне не горит, — снова попытался шутить Конопелько. Он разозлился, заметив, что остальные своим молчанием поддерживают Настю. — Во-первых, до танцев я не охотник. А во-вторых, этот лесной курорт мне по душе. Птицы поют. Тишина. Если бы ещё не храпел под ухом Буркун, так вообще — райская жизнь.

Буркун — диво дивное — никак не отреагировал на эту шпильку. А Конопелько, как ни протестовала Настя, взял костыли и поковылял за ней из погреба. Проводил до ручья и, когда прощались, сказал печально и озабоченно:

— Может, хотя бы парабеллум взяла, малина поспела, всякие люди в лес попрут...

— И я малины соберу, когда буду возвращаться. Котелок в мешок кинула...

Конопелько бубнил, как старый дед:

— Парабеллум, поверь мне, не помешает!

— Спокойнее без него идти по деревне. В тот раз я в этом убедилась.

— Поверь мне, не повредит, — в третий раз сказал Конопелько и вытянул из-за пазухи Настин парабеллум.

Настя подняла удивлённые глаза. Когда это он успел её парабеллум выхватить с нар? Буквально следом вылез из погреба! Вот теперь пусть назад и тянет. Сказала — не будет брать оружие, значит, не будет!

Конопелько поджал губы. А Настю это начало раздражать. Какая-то настырная опека! Ведёт себя странно в последнее время: делает вид, что имеет право на опеку, и относится к ней, как к ребёнку, которого надо на каждом шагу наставлять, проверять. Впредь ей надо учесть это и не всем делиться. Она, наверное, поспешила рассказать о Степанихе и смерти Владки. Конопелько сразу перебрал патроны, почистил винтовку, теперь кладёт её, и две гранаты рядом, под правую руку, когда наступает вечер. Буркун тоже хотя и шутит, а винтовку на ночь тоже кладёт рядом, проверяет перед сном.

— О-ох, и попил же ты моей кровушки, Конопелько, ну, что ещё советовать будешь? — вырвалось у Насти.

— Дорогой не иди.

— А как мне идти?

— По лесу, — не обидевшись, заметил Конопелько. — Из лесу тебе хорошо видно, что на дороге делается. Это я тебе как бывший охотник советую. Клянусь, сейчас заволокусь в погреб и пластом лягу. Пока не вернёшься, даже не шевельнись.

Конопелько поковылял назад, и она, глядя, как он с трудом переставляет самодельные костыли, с удивлением подумала, что за эти дни лесной жизни она уже сроднилась и с Конопелько, и с Буркуном, и с Авдошко.

Она шла, далеко не отходя от дороги, прислушиваясь к ласковому шепотку веток над головой. Мысли приходили тоже приятные: на радость человеку создала природа лес на земле. Какой он ни есть, а всё равно врачует душу человека, полнит сердце добротой и приятными надеждами. Сколько прошло времени, как отправилась Настя в дорогу, а уже как не бывало того осадка, что оставил на душе разговор с Конопелько. Чего стоят эти споры, поучения, упрёки? Всё — мелочь по сравнению с этим лесным величием...

“Буду возвращаться, насобираю арники, видно, она лучше зверобоя по своим медицинским качествам: потому так быстро и стали заживать раны у Буркуна и Авдошко. А вот Конопелько она слабо помогает. Но всё равно, когда буду идти из Дягилей, арники надо набрать”.

Настя остановилась, стала оглядываться: дорога повернула вправо, к поляне, где люпин, а влево пошла широкая тропинка — в Дягили. Прошлый раз Настя нашла эту дорожку, которая оказалась гораздо короче. Вон и старая сосна, обозначенная беловатыми рёбрами старой подсежки. Сосны упираются прямо в ручей, который отсюда круто заворачивает от пригорка, кстати, внизу около него тогда лежали штабеля метровки.

Обрадованная, Настя бегом влетела на вершину пригорка и прислонилась к шершавой, удивительно теплой сосне. Как хорошо она научилась ориентироваться в лесу! Вон и те штабельки. Только разбросанные. Наверное, кто-то всё же был здесь и брал дрова...

Она спустилась с пригорка, похвалив себя за то, что прошлый раз рискнула и пошла напрямки и нашла эту хорошую дорожку.

Настя вышла на перекрёсток и остановилась как вкопанная: на укатанной дороге чётко был виден след машины. По всему видать, что после дождя тут катили машины, и не одна, и, наверное, в Залесье, потому что дорога ведёт именно туда.

Она забежала поглубже в лес, присела под старым рогатым можжевельником, но услышала только, как звонко заливается вблизи берестянка, как шумят вверх макушки деревьев. Гула моторов не слышно. Она ещё дальше отбежала от дороги, шла осторожно, внимательно осматриваясь по сторонам. Тревога понемногу прошла, и на опушке, увидев картофельное поле, Настя совсем успокоилась. Вытянула из мешка котелок, припрятала его под молодой раскидистой ёлочкой. Когда будет возвращаться, котелок и прихватит. А теперь остаётся самое главное: перебежать это поле. Бежать надо по борозде, чтобы незаметно выбраться на дорогу, по которой тогда ехал Фёдор.

Всё было продумано заранее до мелочей, тем не менее, Настя шла по дорожке, и в который раз повторяла и повторяла, что она должна здесь сделать. Ни в коем случае не задерживаться. Положить мешок на дрова — Фёдор сразу заметит. Если кому и бросится в глаза, так в этом ничего необычного — сушить хозяин повесил. Записку — на крыльцо, под тем кирпичом есть выбоинка. Записка коротенькая: “Зина придёт к магазину”, Фёдор сразу сообразит. Прочитает, будет ждать. Рано утром она сюда и зайвится, вон по той тропинке и придёт...

Настя перебежала-пересекла дорогу с глубокой и широкой колеёй, что оставили на песке рубчатые колёса. Лучше подальше от опасности, в глубь леса, за ручей. Вот этот пригорок надо перебежать, потом другой, перейти ручей, и там малины видимо-невидимо, котелок она быстро насобирает.

Настя немного прошла вдоль дороги и увидела справа густой и ровный, словно точно вымеренный, прямоугольник. Малины на кустах немного, но ягоды были крупными. Настя терпеливо обобрала делянку, приблизилась к молодому, вполовину человеческого роста, березнячку, пробилась через него и сразу вздохнула с облегчением: здесь не так чувствовалась жара, что допекала на том участке, дышать стало легче, даже иногда чувствовался порыв ветерка, который приятно охлаждал обожжённые крапивой ноги.

Вот уже и котелок полный, даже с верхом: Настя постелила свою зелёную, в белую полоску косынку, встала на колени около неё и, сидя так, пригоршню за пригоршней сыпала на неё крупные, спелые ягоды. Теперь надо поесть вволю этой вкусноты. Руку протяни — ягоды сами просятся, так и липнут к пальцам. А около того пня так малина ещё крупнее, просто тает во рту!

Настя опустила руки на твёрдые тёплые, похожие на брусничник, листья толокнянки и почувствовала, как струится по пальцам живительная могучая сила лесной земли. Глаза закрылись сами по себе. Настя гнала сон прочь, понимая, что спать тут нельзя. Она только полежит немножко, прикрыв глаза, послушает тихое шелестение берёзовых листьев, отдохнёт под едва уловимым дуновением ветерка в молодом редком малиннике...

Настя вырвалась из полусна, села, с трудом разлепила непослушные веки. Солнечный свет резанул по глазам, сделалось даже темно, она устала в землю. Темнота исчезла, она увидела около ног тёмно-зелёные, почти чёрные листья толокнянки, лоснившиеся на солнце, и уже не в сладком сне-полусне, а реально услышала: где-то с левой стороны, не очень далеко, что-то глухо бумкнуло. Настя оперлась ладонями на каляный и тёплый ковёр толокнянки, услышала, как зашуршали листья. Собралась вкочить и, подняв глаза, почувствовала, как от удивления и ужаса у нее остановилось сердце: “Немец!!!”

Взгляд охватил широкую панораму вырубки: узкая лента молодых берёзок, взгорок с единственной ёлкой, в которой обрублены все нижние ветки, обрублены очень высоко, как будто к ним добирались, подставив лестницу, машина в конце старого заросшего травой зимника под соснами, чёрные фигуры людей, которые таскали метровки, бросали их в кузов, они падали на дно машины с громким бомканьем. Но и этот звук, и детали всей панорамы, что охватил мгновенно взгляд, отодвинулись далеко. Реальным был только немец: в рыжем табачного цвета френче, расстёгнутом на все пуговицы, такого же цвета пилотка, чёрная широкая пряжка ремня, на которой повисла сероватая майка...

“Немец! Это же немец сидит!..”

Немец сидел на корточках, подгрёбал щепоткой малину с Настинной косынки, бросал ягоды в рот, каждый раз мотая белёсым чубом, который свисал над широким потным лбом. Соком малины были перепачканы щёки и кончик тупого носа, на широком подбородке прилипла раздавленная ягода, и когда двигались скулы, эта красно-розовая ягода как будто ползла с одного конца подбородка на другой. Светлые, как пустые перловицы, глаза прищурились от удовольствия.

— Гутен таг, вальде фогеляйн, — проговорил немец, увидев, что Настя открыла глаза. Голос доброжелательный, напевный, — её поразил не голос, а то, что косынка почти пустая — последние ягоды подгрёбает. Значит, сидит здесь давно. Сидит, ест ягоды, а она спит! А теперь и поддразнивает: добрый день, мол, лесная птичка... — Настя знала немецкий.

— Гут! Алес гут! — Он стряхнул косынку, вытер ею руки, отбросил в сторону, поманил согнутым, красным от сока пальцем. — Ком, ком, майн фогеляйн!

— Ку-урт! — долетело снизу, и Настя боковым зрением заметила, что работа около машины остановилась, все смотрят сюда, на пригорок. — Хватай птичку за крылья. Вспорхнёт — не поймашь!

Крикнул кто-то, и голос снова, показалось, как будто знакомый. Настю удивило, как медленно, не спеша, с ласковой усмешкой поднимается немец. Вот он встал и согнутым в крюк пальцем, красным от раздавленных ягод, подзывает к себе, и его голос теперь звучит настойчиво и требовательно:

— Ком, ком!

Настя сжалась. Её душили слёзы отчаянья, злости, обиды. Фогеляйн, значит... Лесная птичка... Вот и попалась, словно тот неразумный птенчик, в петлю. И схватят её сейчас за крылья, как советуют те, что стоят около машины и наблюдают. Почему ей кажется, что этот голос ей знаком?... А этот Курт, немец, всё одно и то же: “Ком, ком...” И всё ближе, ближе к ней... Руки у него огромные, пальцы красные и блестящие от сока ягод...

Она услышала выстрел, видимо, около машины.

“Глупая! Надо стрелять!”

Мысль возникла внезапно, рука автоматически потянулась, чтобы схватить твёрдую кобуру, но пальцы ухватились за холодную ручку котелка... “Глупая! Я же не взяла парабеллум!”

И это неожиданное, как молния, открытие подкосило Настю.

В виски ударила холодная волна, вмиг остудившая голову. Гулко билось сердце, под его ударами, казалось, выгибаются рёбра. Настя, онемев, смотрела на немца, который дышал, широко открыв рот.левой рукой немец схватил Настю за плечо, а правой, с красно-малиновыми пальцами от ягод, потянулся к котелку, подёргал за ручку, потом взял обеими руками, потянул осторожно и как-то игриво, словно дурачась.

“Ах ты, гад. Хочешь забрать мои ягоды. Так нет же, не отдам!”

Мелькнула спасительная мысль, что немец решил забрать ягоды, и надо отдать их и броситься бежать. Бог с ними, с этими ягодами, пусть берёт и идёт к машине.

Так думалось, но из горла, сухого и шероховатого, само собой выкатилось:

— Не отдам... Моя малина!

Немец, как будто поняв её, молча покачал головой и резко выхватил из Настинной руки котелок. Потом слегка потряс его, как будто утрясал ягоды, осторожно поставил на чёрный сосновый пенёк и снова протянул к Насте руки.

— Майн фо-огеляйн...

Настя не успела вскочить на ноги, немец стремительно, как коршун, схватил её и бросил на спину. Одной рукой он держал её за горло, а другой сильно дернул за юбку. Пояс был узким, влажным от пота, и пальцы немца скользнули по нему. Изловчившись, Настя подогнула ногу и коленом ударила немца. Метила в пах, но не рассчитала, колено ударило в живот. Сразу почувствовала, что пальцы отвалились от шеи; дохнула жадно, в полную грудь, и вскочила.

— П-пусти!

Настя закричала, попробовала вырваться, вцепилась зубами в сильные загорелые руки. Но голова её мотнулась в воздухе, и ей показалось, что она летит куда-то в бесконечное солнечное пространство. Подбросив её в воздух, немец, однако, не выпускал Настиных рук, дёрнул за них, и она упала спиной в брусничник...

Курт сбросил френч, закатал рукава и согнулся над Настей. Она снова рванулась. Но ноги её были уже прижаты к земле тяжёлым и грузным телом. Она почувствовала на своих бедрах его твёрдые пальцы, почувствовала, как ползёт по коленям разорванная юбка, и закричала отчаянно, осознавая тщетность своих усилий. Правая рука оказалась свободной, и Настя дотянулась до лица немца, вцепилась ему в глаза. В следующий миг раздаётся страшный стон, и она, почувствовав, что свободна, вскочила на ноги и кубарем слетела вниз по склону в густой малинник. Немцы что-то орали ей вслед, затем раздались выстрелы, но пули пощадилы Настю... Она бежала, не понимая, откуда у неё берутся силы...

Холмы, поросшие сосняком, окончились, начался густой лиственный лес, где, тесно сплетаясь ветками, как жерди в заборе, стояли зеленоватые, местами тёмно-красные осины. Настя засмотрелась на солнце, что всходило где-то далеко за теми осинами, без радости, равнодушно и печально, отмечая, что точно таким же оно было утром, вчера и позавчера. Два дня, что прошли, Настя не выходила из леса. На ночь она забиралась под сосну или ель, где на толстом слое прошлогодней хвои было тепло и уютно, а днём бродила по лесу, не заботясь о том, куда вынесут её ноги. Обливаясь горькими слезами, она бессмысленно поднималась с пригорка на пригорок, останавливалась в ласковых березняках, насквозь пробитых солнечным светом, и снова топала вперёд. Ей попадались удивительные заросли брусничника, потом она набрела на небольшое болотце, где на шершавых кочках было сине от ягод. В малинник она не заходила, боялась, обходила его. Правда, вчера, где-то в полдень, всё же забегала. Он открылся неожиданно, когда вышла из густого сосняка. На краю малинника, на пенёчке, сидела молодая женщина в белой косынке. Настя крикнула ей что-то, теперь уже и не помнила что, но женщину словно водой смыло. Настя выскочила из малинника, увидела около пенёка какой-то маленький свёрточек, схватила его. В нём лежало два кусочка хлеба и между ними тоненькие ломтики сала. Хлеб и сало она съела, спрятавшись в сосняке. Но женщина к ней так и не вышла, и она снова побрела по лесу.

Ночью проснулась — мучила жажда. Потрогала мягкий пласт хвои, будто надеялась, что сейчас же и найдёт канавку с водой, вспомнила пристаньку у ручья, которую смастерил Шаплько, а потом достроил Конопелько, и снова залилась горькими слезами. Слезы принесли облегчение, и неожиданно созрело решение: утром она должна выбраться из леса. Завтра же воскресенье! А в воскресенье её ждёт Фёдор. Она зайдёт к нему, расскажет о погребке, попросит забрать раненых, а сама пойдёт своей дорогой. Ждать Грача она больше не будет. Он, Грач, во всём виноват! Почему он не вернулся? Зачем бросил её? Если бы он не бросил её около того болота или вернулся во время, не попала бы она в беду, не лежала бы сейчас здесь, под старой ёлкой, и не обливалась горькими слезами... Жалость душила больше, чем жажда, Настя плакала, слизывала солёную горечь с губ, и снова уснула.

Во сне она бежала. Бежала вниз по склону, прижимая правой рукой парабеллум, а левой — держала котелок, полный крупных, как из воска, белых ягод. Сзади, за спиной, бухали сапоги, но она не оглядывалась, бежать было легко, словно кто-то тянул её вперёд невидимой верёвкой. Ветки сильно хлестали по котелку, и этот глухой звук басовито отзывался, словно где-то в низу, под ногами, молотил раз за разом бубен. Впереди кучкой стояли синеватые сосенки, окружённые кольцом берёзок, и Настя знала, что там, около этих сосенок, она повернётся и выстрелит...

Когда Настя проснулась, в лесу была разлита предрассветная серость. Заныло сердце, жажда, которая мучила ночью, стала невыносимой. Настя

бросилась к тёмному блодцу, которое неожиданно блеснуло из-за ствола старой берёзы. Ручей! Наконец она нашла его! Наконец она избавится от этой сухости, что выпотрошила ей горло и душу.

Став на колени около ствола старой берёзы, упираясь руками в толстый корень, что ровной дугой стоял над ручьём, Настя жадно, по-собачьи хлебала воду. Пила долго, большими глотками и никак не могла утолить жажду. Потихоньку сухость во рту проходила, но от холодной воды стали ныть зубы. Настя оттолкнулась от корня, прилегла около шероховатого, в глубоких расколинах берёзового пня. Жажда всё ещё пекла, хотя было такое чувство, что вода стоит в горле. Если бы проглотить этот комок, то можно было ещё похлебать, чтобы залить, задушить её окончательно. Но двигаться, а тем более наклониться к воде не было желания. Настя лежала и смотрела, как шевелятся на бережке зеленоватые столбики хвоща.

Словно в коротком суетливом кино, перед глазами проплыли события последних дней. Рисунки мелькали быстро, некоторые были расплывчатыми, и только выразительно выделялись самолёты с крестами на крыльях, что стремительно нависли над их эшелонами. Там начало Настиной беды, оттуда, с того косогора над насыпью, и понеслась под откос Настина жизнь. Если бы она тогда не побежала к тому ручью, не отстала от поезда, сейчас была бы с мамой, работала в каком-нибудь госпитале...

От этих мыслей заныло сердце, но в душе начала расти ненависть к своей слабости.

Она поднялась. Мысли были чистые и ясные. Хватит шататься по лесу! Надо идти в Дягили. Завтра — воскресенье! Фёдор будет её ждать. Но почему он должен её ждать? Это она будет ждать его. Затаится около дома или в саду спрячется, и будет ждать. В конце сада стоит небольшая старая банька. Вот в ней она и затаится, а к дому, наверное, не стоит даже близко подходить.

Настя поправила юбку, в трёх местах завязанную толстыми узлами — пригодилась та тряпица, в которую были завёрнуты хлеб и сало! — оторвала доску от кофты и завязала волосы. Только теперь догадалась, почему так испуганно бросилась бежать от неё та женщина. Конечно, бросишься убежать, когда кинется к тебе такое создание: разорванная юбка, лохмотьями висит кофта, волосы вклокочены, да ещё шипит каким-то хриплым голосом.

Настя, как могла, привела свою одежду в порядок. Главное теперь — она может двигаться. Юбка и кофта не свалятся, волосы не будут цепляться за ветки.

Вспомнила о болоте, о погребке, где её наверняка ждут. Желания возвращаться туда не было: ждали два дня, подождут ещё немного, пусть лежат, набираются сил. перевязки она делала через два дня, так что нечего туда спешить. Тревога, однако, не давала покоя, но Настя усилием воли заглушила её: о них же забота, не только о себе. Чем раньше она найдёт Фёдора, тем лучше будет всем.

Она шла по лесу быстро и уверенно. Но то спокойствие, которое на какой-то миг поселилось в сердце около ручья, исчезло. Нет радости. Нет покоя. Слезы душили её, она больше не могла удержаться и снова, как тогда, громко и отчаянно зарыдала... Когда успокоилась и оглянулась вокруг, поняла, что потеряла ручей. Всё время он был справа, всё время поблескивал за можжевельником. Теперь же и кустов тех не видно.

Настя выгнала слёзы, быстро взбежала на пригорок: да вон же ручей! Нигде он не потерялся, вон, родненький, хорошо и весело блестит на солнышке. И уже довольно широкий! Да, правильно говорил Конопелько, ручей в лесу — ниточка надёжная. Вот за эту ниточку она и будет держаться. И хватит, хватит лить слёзы! Только ненависть она будет растить в сердце! Растить каждую минуту, каждый миг своей жизни, чтобы потом не дрогнула рука, когда будет нужно стрелять точно, как она стреляла в институте!

Впереди посветлело, и Настя ускорила шаг. Близко опушка и сейчас будет поле — то знакомое поле, за которым вьётся дорога на Дягили. Нет, это не поле. Кажется, вырубка. Очень старая, и в конце малинник. И какой-то уж очень знакомый широкий пенёк. Это же на этом пне сидела тогда женщи-

на, что юркнула в малинник, когда увидела, что к ней бежит Настя. Тот это пень, тот. Значит, где-то недалеко деревня!

Настя обошла вокруг знакомого пня, снова и снова убеждая себя в том, что деревня где-то недалеко. Пень напомнил про хлеб и сало. Не видела его, так и есть не хотела. Может, какой кусочек тогда затерялся? Нет, только седой мох, ни одной крошечки хлеба.

Она снова шла по лесу, пытаясь приметить что-нибудь знакомое. Лес вдоль ручья густел, земля под ногами становилась мокрой. Наконец мягко зачавкал торфяник. Похоже, начинается болото. Но места совсем не знакомые: тут Настя ещё никогда не ходила. Ручей стал ещё шире. Как теперь его перейти, чтобы не попасть в ещё большее болото? Сколько же тут комаров, даже в рот налезли. Надо, видимо, ориентироваться по солнцу. Солнце, помнится, заходило по левую сторону дома, когда они на колесах ехали к саду Фёдора. Да, солнце садилось по левую сторону от дома.

В глаза ударила ослепительная синева, и в густом синеватом облаке мелькнуло лицо матери. Мама смотрела, грустно, зажав рот рукой, в глазах отражались боль и тоска.

— Переживётся, доченька, переживется, милая...

— Ма... Мамочка! — из груди вырвался сдавленный, хриплый стон.

Да, это был её голос!

Настя снова нежно погладила ствол сосны, у которого остановилась отдохнуть. Нет, не с этим молчаливым деревом она разговаривала. С мамой она говорила, ей рассказывала обо всём, что приключилось с ней за эти долгие мучительные дни. Всё рассказала без утайки. Настя исповедалась, и мать приняла её боль, успокоила. Оттого ей стало легче на душе, боль отдалилась, и беда ушла, и больше не вернётся. И дорогу в Дягили она найдёт. Она не остановится ни на минуту, пока не найдёт тот картофельный клин, за которым около жёлтой лозы бежит дорога к деревне, где живёт Фёдор.

Ближе к вечеру, когда Настя прошла небольшую берёзовую рощу, вышла на пригорок и увидела чёрное поле, обозначенное полосками сухой картофельной ботвы, она не удивилась, а просто отметила, что первая часть её пути окончилась, теперь можно и отдохнуть. За чёрным картофельным полем не было видно ни дороги, ни деревни, ни знакомой низины с островками рыжей лозы. Но она была уверена, что это именно то поле, к которому она так рвалась, когда бродила по лесной чащобе.

Настя зашла в березняк, легла около ствола молодой берёзы и, поджав колени, сразу провалилась в сон. Сон был чуткий, как у зверя: спало только усталое тело, спали ноги, а голова бодрствовала, точнее, только какая-то частичка в ней не спала, и эта частичка чутко улавливала всё, что происходило вокруг. Улавливала шёпот листьев, далёкое воркование диких голубей, шорох прошлогодней травы, торопливое шарканье ящерицы, что пробежала у самых ног, как ползёт на запад солнце... Когда последние солнечные лучи перестали высвечивать ветки молодых берёз, она, словно по команде, очнулась, села, с наслаждением потёрла руками затёкшие от неудобной позы колени.

“Как хочется есть!.. Хотя бы кусочек хлеба...”

Первая мысль была именно о хлебе. Уже который день она ничего не ела, если не считать брусники, которую на ходу рвала и бросала в рот. Брусника была крупная, но уж больно зелёная. Ягоды на какое-то время приглушали голод, но совсем скоро он начинал мучить её с ещё большей силой, заставляя думать только о боли в желудке. Теперь голод так зажал в свои безжалостные тиски, что она решила: до утра ей просто не дожить. Если Фёдора нет, надо поискать что-нибудь съедобное в доме. А вдруг приехала жена... Нет, жене на глаза не стоит показываться. Ей нужен только Фёдор! Только он может её спасти. И она будет его ждать в той старой баньке, что стоит в конце сада.

Сухо хрустнула ветка под ботинком, и Настя напряглась, готовая броситься назад, в глубь сада, в спасительную темноту раскидистых яблонь. Постояла, прислушалась и снова осторожно двинулась в сторону дома. Кажется, висит замок. Да, замок! Записка на прежнем месте. Значит, дома Фёдора нет. И хозяйки тоже...

Всё ещё не веря в то, что видит, Настя бросилась к сеновалу. Мешок, вот он... Значит, не было Фёдора в доме, не было его и здесь. И нечего метаться по двору.

«Сяду в баньке и буду ждать. До рассвета буду ждать. Никуда не пойду, пока не дождусь».

С этой мыслью она пошла в предбанник. По пути, около сеновала, нашла пустое ведро, насобираала яблок, поставила его рядом и принялась жадно есть сочные яблоки. Стали мёрзнуть ноги, она поджала их, пытаясь согреться. Но дрожь ползла вверх, вот она уже перескочила на спину, начала трясти плечи.

«Надо подняться, пройтись по тропинке, ноги согреются, и тогда снова вернуться сюда».

Поднимаясь, зацепила рукой одежду, что висела на стене, остановилась, торопливо потрогала всё, что висело на деревянных рогульках. Кажется, юбка какая-то, пиджак, кепка... Вот так повезло! Сейчас она всё это натянет на себя и наверняка согреется. А когда встретит Фёдора, попросит прощения, что похозяйничала в чужом предбаннике.

Потом она уснула крепко, сломленная усталостью и неопределённостью завтрашнего дня.

Прснулась так же внезапно, как и уснула. Через узкие щели в двери цедились рассвет. Настя никак не могла сообразить, как это она заснула. Она же была убеждена, что спать ей нельзя. А вот же уснула... Под головой у неё лежала сложенная в узелок рубашка. Она точно помнит, что вчера эта рубашка висела на гвозде, и перед тем, как уснуть, она даже не прикасалась к ней. Как она оказалась у неё под головой? Неожиданная догадка заставила бешено забиться сердце. Фёдор был здесь! Видимо, возвращался на рассвете, увидел полуоткрытые двери и заглянул в предбанник, подсунул под голову рубашку, потом закрыл двери, оставив только узкую щель...

Испуганно закудахтала за стеной курица, в глубине сада крикнул петух и тут же стих, словно подавился, и вслед за этим послышался гул мотора. Резко захлопали дверцы машины, послышался твёрдый, настойчивый стук в двери дома, и басовитый голос заревел:

— Хозяин, открывай! Знаем, что не спишь. Один всё хочешь знать?

Послышалась немецкая речь, какие-то команды доносились со стороны улицы, и всё тот же басовитый голос настойчиво требовал:

— Открывай, слышишь? Сам господин комендант приехал твоё радио послушать. Слышишь? Если громко включишь, господин комендант простит, что до этих пор не сдал приёмник. Смелей!

Оглушая от бешеных ритмов крови в висках, Настя подползла к узкой щели в двери. Во дворе, упираясь радиатором в жасмин, стояла легковушка. Все дверцы открыты, и около каждой стоит солдат, направив в сторону дома автомат. Около крыльца медленно расхаживает офицер в зелёном френче. На крыльце стоит крупный, в длинном пиджаке с сероватой нашивкой на рукаве мужчина и с ожесточением бьёт в дверь

— Долго мы будем ждать? — снова заревел, как поняла Настя, полицейский. — Пропустим последние известия! Господин комендант специально приехал послушать. Или не говорит твоя Москва? Сдохла, наверное? Что-о-о? — Полицейский сбросил винтовку с плеча, прижался ухом к двери, потом, резко отпрянув, радостно сообщил:

— Дома он, господин комендант! Дома! Говорит, собирается открывать. Сейчас откроет. Давай, мы ждём!

Какое-то короткое время все как будто замерло во дворе, и вдруг в этой тишине громко и выразительно зазвучал голос из динамика:

«В Москве состоялся Всеславянский митинг. В обращении ко всем славянским народам участники митинга указывают на смертельную опасность, угрожающую славянам от немецко-фашистских полчищ, и призывают славян выступить на священную борьбу против гитлеризма. Обращение подписали представители русского, украинского, белорусского, польского, чешского, словацкого, хорватского, словенского, черногорского и болгарского наро-

дов, а также представители Македонии и Закарпатской Украины. Полный текст обращения мы будем передавать...”

Голос диктора заглушили выстрелы и ругань офицера. Он что-то кричал, размахивая парабеллумом, и солдаты, что стояли около машины, короткими очередями строчили по дому. Настя видела, как густо отлетала с крыши белая дранка. Полицейский бросился к окну и ударил прикладом по раме.

Динамик теперь звучал слабее, звук его как будто отдалился, слова диктора трудно было разобрать. Неожиданно над этими притихшими словами, через треск автоматов и глухие удары приклада, на отчаянно высокой ноте взвился знакомый голос Фёдора:

— Слышите, люди! Москва жива! Москва поднимает на борьбу всех славян! Уничтожайте фашистов, как диких собак! Где можете, там и уничтожайте! Уничто-о-о-жайте!

Ослепительное сине-белое пламя рвануло прямо в лицо, ударило по глазам... Насте показалось, что вокруг неё выжгло весь воздух, дыхание остановилось, напрасно она пыталась вздохнуть, лёгкие словно свернулись — она потеряла сознание. Когда очнулась и осмотрелась, предбанник был полон дыма, она попыталась открыть дверь, но та плотно была прижата чем-то снаружи. Настя поняла: если сейчас же не откроет дверь, задохнется от удушливого, смрадного дыма, и тогда ей не выбраться наружу. Она заставила себя подойти к двери, ударила изо всей силы в перекладину, дверь медленно открылась и внезапно упала в сторону, Настя словно выпала из предбанника и плашмя упала на землю. И в следующий миг до неё дошло, что она упала, поскользнувшись на траве, и лежит среди яблок, которые от ударной волны все до единого осыпались с яблонь...

“А где же дом? И сеновал горит ярким пламенем. Неужели дом Фёдора взорвали немцы?... Нет, нет... Это же он сам!.. Около сеновала перевёрнутая легковушка, объятая пламенем. Там Фёдор! Мне надо туда! Помочь!..”

На яблоне около сеновала висели какие-то лохмотья, они мотались из стороны в сторону, словно хоругви. Такими же лохмотьями, только красными, был буквально застлан весь двор, а на том месте, где стоял дом Фёдора, зияла глубокая яма. Дом просто исчез, как будто его никогда и не было. Но полкрыльца осталось целым, оно стояло на краю ямы, чистое, как будто только что вымытое заботливой хозяйкой. И было странно видеть блестящий прямоугольник среди щепок, развороченных балок и красного кирпича.

“Парабеллум! Парабеллум лежит!..”

Настя растерянно смотрела на немецкий парабеллум, который сиротливо лежал на земле возле ступенек крыльца, и снова какая-то сила бросила её вперед, она схватила оружие, бросилась за крыльцо и распласталась на земле. В тот миг, когда почувствовала в руке знакомую прохладную тяжесть, которая мгновенно словно приклеилась к её ладони, за её спиной раздался шорох. Только теперь до неё дошло: рискованно было бежать сюда... Где немцы, где полиция? Неужели спрятались и сейчас внимательно и враждебно наблюдают за ней?!

Чадно дымит перевёрнутая легковушка, пышные языки пламени вырываются через фронтон сеновала, падают вниз; на лестнице, упавшей на перекосившиеся ворота, покачивается офицерская фуражка с блестящим козырьком — всё, что осталось от немецкого офицера...

Настя уверенно, не глядя под ноги и не оглядываясь по сторонам, шла по лесной тропе, густо усыпанной прошлогодней хвоей, узнавая почти каждое дерево, каждый кустик. С облегчением вздохнула только тогда, когда впереди просветлело и тонкие, ровные сосны как будто отскочили в глубь леса, открыв над болотом кусок неба. Всё, наконец окончилась трудная и небезопасная дорога, Настя прибилась к дому, где тишина и покой. Это чувство обрушилось волной, всё поглотило, и она свернула с тропинки и сразу увидела в густом лилово-синем вереске знакомую кочку около ствола сосны и села. Её совсем не волновало то, что могло произойти и что произошло здесь за эти дни, пока она бродила по лесу. В её сознание вдруг вошёл голос Конопелько, который звенел на высокой радостной ноте:

— Янка сеяу кавуны, а я журавины...

Радостное настроение мгновенно сменилось раздражением, которое она не могла унять: Конопелько беззаботно шутит, ему весело. Приглушённо бубнит Буркун... Опять ругаются... Снова что-то не поделили! Почему они такие неразумные, ведут себя как дети?! И так громко разговаривают, а если за орешинной кто-нибудь спрятался и теперь слушает, мотаает на ус полицай... А может, уже пилит на станцию, к немцам, чтобы сообщить о каком-то странном таборе в лесу. Ведь кто-то же навёл на Фёдора немцев!

Снова вспомнилось ослепительное пламя, что хлестануло тогда по глазам, и тревога забралась в самое сердце. Совсем неосмотрительно ведёт себя Конопелько — так дерёт горло. Она ругала и Конопелько, и Буркуна, упрекала себя и в то же время, вслушиваясь в знакомые голоса, радовалась: пусть ругаются, значит, всё хорошо, нет никакой беды. И она правильно сделала, что собрала арнику — лекарство это о-ой как пригодится, она должна поставить их на ноги как можно быстрее.

Настя поднялась, осмотрела пиджак, который довольно ловко сидел на ней, провела рукой по юбке и снова с благодарностью и болью подумала о Фёдоре, подумала, словно просила у него прощения: вот взяла у него одежду без всякого на то разрешения.

С каждым шагом, который приближал её к погребу, в душе нарастала тревога. Как-то странно звучат голоса. Ссора там, видимо, кипит не на шутку. О чем только спорят?

Остановилась около самого погреба:

— Вот где твоя порода выширает! — выкрикнул в растерянности Конопелько. — Вот же соплик перекишений. Ты что её перегибаешь да пальцем вес щупаешь?

Что ответил Буркун, Настя не разобрала. Но его ответ буквально взорвал Конопелько, голос его зазвенел от возмущения:

— Совесть у тебя есть, ты, слонтяй. Та, что идёт, её и бери. Давай ещё одну... Видишь? Двадцать у меня!..

Настя остановилась у входа. Ах, они в карты режутся! Но откуда у них карты? Те, что были, давно дымом ушли...

Настя громко кашлянула. В погребе воцарилась тишина, потом что-то со звоном упало, и она, испугавшись, что там, в погребе, не разобравшись, могут и стрельнуть по ней, сказала бодро:

— Это так меня встречают! А где почётный караул? Комендант же гарнизона прикатил. Да ещё на своих двоих!

— Ура-а-а! Настя! Настенька наша!

— Да здравствует наш славный комендант!

— Музыка! Даешь рапсодию!

— Настенька! Тебе — лучшее. Ты наша спасительница. — Буркун пододвинул на нарах ведро, в котором горбился большой кусок мяса.

В полосе света, что сочился из окна, возникла рука Авдошко, он сидел, прислонившись спиной к стене; указательным пальцем нетерпеливо подзывал к себе Настю:

— Настя, сестрица любимая! Да иди же ты сюда, я тебе всё растолкую, всё, как есть. Это же я, через окно убил дикого кабана. Точнее, я попал ему прямо в голову. А у этих, что считают себя охотниками, — патроны сырые. Чирк... А не стреляет!

В тяжёлом воздухе Настя ясно почувствовала острый запах сивухи и сразу всё поняла, растерянно глянула на пустую, перепачканную в песке бутылку, в которой ещё недавно был спирт. Как бережливо она его расходовала, боясь пролить хотя бы каплю! Настойку арники ещё собиралась сделать. Как будто предчувствуя недоброе, перепрятала бутылку, когда уходила в Дягили. Значит, нашли и выпили... И карты самодельные на нарах.

Конопелько тоже тянул к ней руки, порываясь сказать что-то. Но она опередила его вопросом, который был адресован ему и всем остальным:

— А карты откуда взяли? Это же карты, как я понимаю?

— Моя работка, — Буркун постучал себя в грудь.

Она машинально взяла в руки два бумажных клочка, разгладила, ощу-

шая ужасную пустоту в сердце. Вот на что пригодилась та ученическая тетрадь и карандаш.

— Профессионально сделано, — машинально проговорила Настя. В голове крутились совсем другие мысли, но с губ сорвались эти никчёмные и пустые слова.

— А как же! Художественное училище перед армией в первой тройке окончил, — в карих глазах Буркуна светилась гордость. — И почему только я нашу Настеньку до сих пор не нарисовал? Вот дурак. Но ведь Конопелько всё свой карандаш жалел. Вот только вчера и расщедрился, когда дикий кабан на обед прибежал. Теперь, когда карандаш национализирован, обязательно нарисую. Из погребка вылезу, посажу в вереске... Чтобы так и было: море лиловых цветов и среди них — Настенька.

Настя снова покрутила бумажные листочки, бросила их на нары, и они лёгкими лепестками опустились между Буркуном и Конопелько. Горькая усмешка появилась на лице, Настя почувствовала, что губы кривятся в какой-то большой гримасе:

— Рисовал бы портреты? А что же ты испортил бумагу на эту ненужную дурь?

— Э нет! Карты не дурь, а отдых сердцу. Сыграл разок-другой, и на душе — радость.

— И как же вы тут играли втроём?

В Настино сердце ворвалось непонятное, разрывающее его на части чувство. Ей хотелось кричать, что-то сделать такое, чтобы заставить их всех страдать, стыдиться, это чувство нарастало в ней, вместе с ним появилась жалость к ним и сочувствие к тем, кто там, в деревне, уже в полной мере ощутил и боль утраты, и ненависть к врагу.

— Но ты нас пойми, Настенька, — заметил Авдошко, как-то дурашливо усмехнулся, скребя грязными пальцами густую, блестящую от жира бороду. — Мы уже потеряли всякую надежду, что ты вернёшься. Тут ещё этого кабана подстрелили. А тебя всё нет и нет... На нарах целыми днями качаемся — голова уже не выдерживает. Хоть пулю себе в сердце... И решили мы: пропадать, так с песней.

— Каждый, значит, за себя... — распевно произнесла Настя.

— Не слушай ты, что этот бот несёт, — в отчаянье, как-то решив сразу и окончательно расставить все акценты, начал Конопелько, виновато глядя Насте в глаза, протягивая к ней руки. — А тут ещё филин вчера прилетел, сел на дичку и всю ноченьку бухал, как будто поминки справлял. Я и решил этих горемык как-то подбодрить. Когда проговорился про бутылку, так Буркун едва за винтовку не схватился: тyani, говорит, и всё!

Она смотрела в глаза Конопелько, с ужасом чувствовала, что её захлестывает волна злости и ненависти к этой его дурноватой ухмылке, к этому острому с маленькой горбинкой носу, к его узким, как будто завитым в шпурок, бровям. Значит, он подглядывал, когда она прятала баклагу. Он притащил её в погреб! Он устроил тут бал! Он подохотил их играть в карты! Он тут песни распевал, когда она стонала от отчаянья и боли, когда брела по лесу, обливаясь слезами! Он тут мясо и сало жрал, когда она, голодная, дрожа от страха, голода, засыпала в предбаннике в саду у Фёдора! Пронзительно, тонко зазвенело в висках, какой-то непонятный свет родился где-то под сердцем, ударил в глаза. Настя словно задохнулась от злости и ненависти.

— Это т-ты! Это ты всё, пьяница! — выкрикнула и наотмашь ударила Конопелько вначале по одной, потом по другой щеке. От неожиданного удара он упал на нары, руки безвольно обвисли и мотались вместе с головой.

— Ты!.. Ты тут был заводилой. А что обещал мне? Что говорил? Ещё клялся, присягал!..

Конопелько что-то промычал, и это ещё больше привело в бешенство Настю. Она хлестала его наотмашь, кричала и на него, и на всех гневно, обиженно, со злостью и ненавистью:

— Каждый — за себя! Вы так решили, пьяницы несчастные? Черкас, Шаплыко за кого погибли! За себя? А Владка за кого погиб! За себя? А Фёдор за кого свою жизнь отдал, взорвал себя вместе с немцами? А я тут,

усердствуя, о себе заботилась? Я слезами обливалась, сюда бежала. Думала, что голодные, холодные, без присмотра... А они? Каждый — за себя! А те, что на фронте головы свои кладут каждый день тысячами? Так же кричат: за себя, за себя, за себя?! Господи, какие же вы поганцы!..

И задохнувшись от рыданий, что перехватили горло, отшвырнув ногами арнику, она выскочила из погребца. Огромное, ослепительное солнце висело над болотом, от лёгкого дуновения ветра шелестели листья орешины, и Настя, словно живительную воду, глотала чистый, наполненный ароматом жизни воздух. Она стояла недолго, потом, озираясь по сторонам, медленно побрела к ручью. Наклонившись над ним, опустила руки в прохладную воду, только когда остудила жар, от которого разрывалось сердце, стала медленно пить холодную прозрачную воду. Злости уже не было, а только невыносимая усталость и предательское равнодушие сковало её тело, сделало его пустым и безвольным. Сожаления о том, что произошло в погребце, не было. Не было и ненависти, которая совсем недавно разрывала сердце и душу. Осталась только горькая обида.

“Сколько мне ещё терпеть? Сколько ещё тут страдать? Каждый, значит, сам за себя?”

Вопросы возникали сами по себе, искать ответы на них не было желания, она даже не старалась искать их, а только печально замечала, что на душе становилось всё хуже и хуже. Настя пошла в дощаник, села в углу на узкую лежанку, вытащила из кармана пиджака парабеллум, потёрла ладонью короткий чёрный ствол, молча, с горечью покачала головой. Ей казалось, когда вернётся сюда, на болото, этот парабеллум вызовет и удивление, и расспросы, и она будет рассказывать обо всём серьёзно и независимо... А получилось? Смотрит на него одна, никто этот парабеллум даже не заметил, а у неё даже не было возможности похвалиться своим трофеем, который попал к ней так неожиданно...

“Подарок от Фёдора...”

Мысли эти совсем подкосили Настю. Трагическая гибель Фёдора, которая случилась у неё на глазах, казалась нереальной; в ней всё время жила надежда, что в последний момент Фёдор выскочил из дома, спрятался, уцелел...

Настя устроилась на хрустящей и, как показалось, очень мягкой самодельной постели, укрылась пиджаком Фёдора, закрыла глаза и неожиданно почувствовала дикую, невыносимую усталость. Парабеллум, который она снова положила в карман, плотно прижал пиджак к её телу, ощущая его спасительную тяжесть, она хотела только одного: поскорее провалиться в крепкий сон, чтобы избавиться от этих мучений, чтобы не рвалось сердце, чтобы всё перечеркнуть и забыть, хотя бы на время короткого сна.

Сон сморил перед заходом солнца, но был он не крепкий, а как тот, в лесу, когда она пряталась под старой елью. Точно так же в каком-то уголочке её сознания притаился чуткий сторож, который контролировал каждый звук, каждое движение за пределами её укрытия. И этот часовой сразу поднял Настю, как только у дверей дощаника заскрипели самодельные костыли Конопелько.

Настя привстала, набросила на себя пиджак Фёдора и сидела неподвижно, словно фарфоровая статуэтка, не зная, что делать, что говорить, как вести себя, если Конопелько зайдёт в дощаник. Она понимала, что он направляется к ней, у неё даже тени сомнения не было, что тот войдёт в дощаник.

Вот он поставил на пороге ведро с варёным мясом, потом продвинул его вглубь дощаника и сел на небольшой порожек.

— Я мясо принёс, — глухо сказал он. — Тебе надо поесть.

Ничего не собиралась говорить, а губы сами произнесли коротко и враждебно:

— Не хочу.

— Мясо вкусное. Кабан был молоденький.

— Не хочу, — повторила она по-прежнему враждебно и непримиримо. — Не хочу и не буду!

Он вздохнул, потрогал правой рукой бороду, потом взял костыли, опёрся на них, помотал головой. Снова вздохнул:

— Ты прости меня... Всех нас прости. — Голос его звучал не виновато, а доброжелательно и рассудительно. — Не думай, что Конопелько пьянчуга пропащий, что они такие же... А что пощёчин надавала, так правильно сделала. Моложе ты всех нас, но именно ты нам глаза и открыла. Сила воли у тебя огромная, мужчинам позавидовать. Настенька, поверь, мы тоже не слабаки. Мы тут посоветовались и вот что решили: через недели две мы становимся на ноги — и марш! Идём к линии фронта. Мы бойцы, мы давали клятву, отсиживаться здесь — не наша дорога. Ты пойдёшь с нами, потому что боец ты настоящий. И глаза у нас есть, и сердца не одеревенели, мы понимаем, что к чему. На ноги ты насставишь. Жизнью мы тебе своей обязаны, до конца дней...

Большой твёрдый комок осел в горле, и Настя, чтобы раздавить его, начала есть. Она доставала из ведра кусок за куском, молча жевала, глотая твёрдую, пересоленную дичину.

— Прости нас, что мы эту бутылку нашли, сегодня утром мы её прикончили. И знаешь, почему: проснулся сегодня поздно, почти в полдень, глянул на свои ноги, а красноты нет, как будто её и не было. Спросил у Авдоля, у него то же самое.. Всё оттого, видимо, что всю ночь спали крепким сном, как никогда, душу ничто не точило, не пригнетало. Конечно, если бы тогда, перед твоим походом, ты нам хорошо раны не промыла, не привязала, может, и не случилось такое. Как на исповеди тебе говорю, первую чарку сегодня мы за твоё здоровье подняли. Знаешь, сколько мы пережили, когда тебя не было: решили, что ты больше не вернёшься, и мы тебя больше никогда не увидим... Но говорили о тебе только хорошие слова. Авдоля... Так тот даже заплакал...

Настя снова протянула руку, и Конопелько молча пододвинул к ней ведро, повернул его, чтобы ей удобнее было выбирать. Она не смотрела на Конопелько, а сосредоточенно жевала, уставившись в одну точку, боясь одного — что Конопелько начнёт расспрашивать, где была и что делала...

Она ела, понимая, что расспросы ещё впереди: Конопелько специально так много и торопливо говорит, давая ей возможность, не горячась, всё обдумать. Она почувствовала, что не боится расспросов, что скажет только то, что сама решит рассказать, и никто большего не вправе требовать от неё.

— Дикому кабанчику мы ещё спасибо скажем, — продолжал Конопелько, и по его голосу поняла, что он улыбается. — А за что это? А за то, что помог пересмотреть оружие. Ведь это правда — нажал на курок, а выстрела нет: отсырел порох. Не только у меня так получилось. Так это если на дикого зверя, ну что ж — голодным останешься, а если на зверя, который на двух ногах! Тогда — голова долой. А как говорит Авдоля, без головы на плечах сидеть неудобно, а лежать так совсем нет никакой нужды.

Она слушала Конопелько, жевала медленно, ощущая, что давно насытилась, но не могла остановиться. Настя боялась только одного: чтобы он в третий раз не попросил прощения, потому что стоит ему только это сделать — она бросится к нему, начнёт сама просить прощения, прислонится к нему, и будет ждать, чтобы руки Конопелько обнимали не берёзовые костыли, а несчастную Настину голову, изболевшуюся от скорби, тоски и грусти, которая заполнила сердце.

Прощание с погребом было грустным. Около высокой звонкой сосны Настя оглянулась, посмотрела на низкий, словно придавленный к сизому багульнику сосняк, на печально обвисшие ветки орешины, на зелёную ленту хвоща, которая обозначила все извивы ручья до самого луга, на одинокую грушу-дичку, потом перевела взгляд на кочки вереска, с трудом проглотила накотивший комок в горле... Тоска подступила ещё утром. Едва проснувшись, Настя посмотрела на нары, где все ещё спали глубоким сном. Вчера, позавчера они обсудили всё до мельчайших подробностей, всё, кажется, подготовили как надо, но ей показалось, что всё-таки они не всё просчитали, что-то сделали не так. Свои сомнения она не собиралась высказывать, свои чувства старалась загонять внутрь. Но они всё настойчивее бередили сердце.

Конопелько! Его пронизательность начала тревожить и беспокоить Настю в последнее время — как будто он подслушивал, что тревожит её душу. Однажды, проснувшись, он, не торопясь, слез с нар, приказал Авдошко принести из ручья воды, Буркуну разжечь костер, и когда они исчезли из погребка, тихо сказал:

— Напиши ты записку Грачу... Мы её тут на стояке и пришпандорим: “Отправились в ту дорогу, куда пошёл и ты. Сейф не разминирован”. Он сразу поймёт, что к чему.

— Почему я должна её писать?

— Как хочешь. Могу и я написать. Мне не трудно.

Перебирая в памяти тот разговор, Настя мучительно пыталась припомнить то неуловимое, что мелькнуло в его глазах, что трудно было понять. Понимала, что в её выводах не всё логично, не всё справедливо, и втайне надеялась, что Грач в конце концов вернётся и всё переиначит. Надежда на это жила до последнего мгновения, пока она не дотопала до этой сосны, не оглянулась на болото, с которым суждено расстаться, может быть, навсегда. Навсегда исчезала и надежда на встречу с Грачом, от этого на сердце стало невыносимо тоскливо.

— Прощай, — тихо промолвила Настя, бросая последний взгляд на синее марево над болотом. — Прощай, болотинка... И дощаник наш, прощай, и погреб, тоже прощай...

Как в ответ на её слова, где-то над лесом раздался сухой клич ворона, и Насте показалось, что там, за вершинами сосен, кто-то крикнул издали: “Г-г-ра-ач... Г-г-ра-ач...”

Она резко тряхнула головой и стала догонять короткую цепочку людей, что мелькали за соснами.

Сейчас на знакомой и действительно не раз хоженной дороге Настя не думала о предстоящем далёком маршруте, не думала о железной дороге, переходить которую они рассчитывали, когда стемнеет. Неожиданный разговор с Конопелько не просто помог отбросить тоску, что бередила сердце с самого утра, а перевернул все её мысли и мечты. Да, война перепутала всё, но война и свела её с Грачом. И сейчас он в её сердце.

Мысли эти согрели и успокоили. Настя шагала быстро, изредка оглядывалась на три фигуры, которые двигались следом с равным интервалом друг от друга.

Настя двигалась в голове цепи, шла торопливо, не озираясь. Она словно убегала от того узкого люпинового клина, на краю которого был похоронен Вахтанг. Много раз ночью и при ярком свете дня проходила она около этой старой берёзы, и каждый раз чувствовала тоску и печаль, когда видела почерневший столбик на могиле Вахтанга. Скорее бы Залесье. Как же опротивели ей эти лесные дороги и тропинки! Миновали знакомый перекрёсток, Настя пошла напрямую, направляясь к тому месту, где когда-то они с Шаплько бросили подводу. Вон уже виден тот раскидистый куст орешника. А вот след конских копыт, вот надломленный и засохший черничник, вот коричневый на изломе папоротник. Из деревни донеслись три слабых выстрела.

— Ого-о, — протянул Конопелько. — Салют в нашу честь... — И добавил, обойдя куст орешника, словно отодвинул Настю с той стороны, где прозвучали выстрелы с равными интервалами. — И где, как ты думаешь, стреляют?

— От винокуренного завода, — сказала Настя. — Школу по пьянке немцы сожгли. Так теперь комендатура у них на винокуренном заводе. Я на той неделе кладовщика отыскала, он мне всё это и рассказал. Мы от него тогда с Шаплько ядрицу привезли. Как стемнеет, зайдём к нему. Он расскажет, что тут делается. Я сюда давно не приходила, многое могло измениться.

Снова с той стороны прозвучал слабый выстрел. Одиночный и какой-то испуганный, тупой.

— На заводе, говоришь? — спросил Конопелько и тут же сам себе и ответил: — Точно. Ошибки нет. В том же направлении. Из парабеллума стреляют.

— Наверное, новый комендант развлекается. Банцевич говорил, что во время обеда, выпив рюмку коньяку, комендант выходит во двор и стреляет по изоляторам на столбах.

— Шаплыко около завода машина тянула?

— Но... Там дорога на станцию.

— Значит, мимо завода нашего Шаплыко тянули, — снова вернулся к прежней мысли Конопелько. — А дом твоего Банцевича от леса далеко?.. Это то, что нам надо, если он последний в посёлке, рядом с лесом. Тогда соображаем такую диспозицию, — в голосе Конопелько пробились игривые нотки. — Шуруем опушкой, чтобы напротив завода стать. Дальше ты, Настенька, пойдёшь к этому бывшему кладовщику и позовёшь его сюда, к нам.

— Я пойду без оружия, как будто беженка. Банцевич говорил, что их много теперь ходит. Даже из Полоцка и Витебска приходят, меняют вещи на продукты...

— Он нам нужен, Настенька, — перебил её Конопелько, лицо его померкнуло, узкие брови выгнулись. — Он нас ночью к заводу удобной дорогой подведёт.

— Зачем нам этот завод? Мы его обойдём и станцию обойдём, пусть Банцевич нам даст нужное направление, может, новости какие узнаем. А где железная дорога, я знаю.

Конопелько неожиданно рассмеялся:

— Я хочу, чтобы этот поганый фашист больше не развлекался. Поэтому на обсуждение ставлю следующий план, — лицо Конопелько снова померкнуло, брови вытянулись. — Подойдём ночью к той комендатуре и зашмалюем в окна гранаты. А дальше — руки в ноги и пошёл. В бою с нашими силами не больно-то разгонишься. Вот их гранатки им и отдадим. Это им будет за Шаплыко. Ну не могу я просто так отсюда уйти... Я — солдат. И, как пел Чапаев, “я солдат ещё живой...”. И хотя вы меня около болота выбрали комендантом, я приказа давать не буду. Пойдут добровольцы. Кто?..

— Да все пойдём, — поспешно ответила Настя, как будто испугалась, что кто-то может дать согласие первым.

— Конечно...

— Конечно, пойдём, — следом за Авдошко, немного помедлив, проговорил Буркун.

— Это ещё прошлый раз, когда мы с Шаплыко ехали, он всё смеялся: мол, с балкончика этого начальство рабочим рассказывало о вреде алкоголя. А мне, помнится, он говорил, что тут работает только тот, кто не пьёт.

— Пусть тебя это не волнует, — перебил Буркуна Конопелько. — Кого берут на винный завод, а кого не берут. Тебя не возьмут, если бы даже и просился.

Буркун громко хохотнул:

— А я и сам туда не пошёл бы, даже если бы под конвоем вели.

Шутливое это признание Буркун сделал таким искренним и дружеским тоном, что трудно было понять, где он шутит, а где говорит правду.

Конопелько приказал всем остановиться, но Настя настояла на том, чтобы в разведку пойти сейчас же, не откладывая на вечер. Вечером людей на улице посёлка будет мало, и каждый новый человек сразу же бросается в глаза.

Конопелько проводил её к густым ольховым зарослям, откуда начиналась низина, за которой немного вдалеке торчали трубы домов. Он сел на чёрный пенё старой ольхи, положил автомат на колени:

— Здесь я тебя и буду ждать, — сказал Конопелько и попросил, выставляя пальцем по ремню автомата: — Только ты не бойся. Сказала, и сразу назад. Или лучше вместе и топайте. Он пусть топор возьмёт, как будто за дровами в лес...

— Главное, чтобы дома был.

— Да дома он. Я уверен...

Конопелько, однако, ошибся: Банцевича дома не было. На двери висел замок, на деревянном, покрашенном когда-то в каштановый цвет крыльце была пыль, Настя поняла, что хозяев в доме не было уже несколько дней, и

быстро пошла дальше. Она пошла мимо завода по улице, глянула на голубой балкончик красивого деревянного дома. Около входа, словно высеченный из камня, неподвижно стоял часовой в каске, с короткоствольным автоматом в руках. Заметила, что двери на балкончик открыты и около перил стоит широкое кресло, застеленное блестящей накидкой. По левую сторону строения работали какие-то мужчины, все в гимнастёрках без ремней — вкапывали столбы, на которых от дороги была уже натянута проволока, — в одинаковых брюках рыжего цвета. В отдалении от них прохаживался немец в пилотке, с толстой палкой. Ей показалось, что у немца не было левой руки, но вот он подбежал к мужчине, который присел на бревно, и Настя увидела, что левая рука, спрятанная за спиной, поддерживает автомат.

“Пленные... Это же работают наши пленные красноармейцы...”

Настя увидела, как немец подбежал к солдату и изо всей силы ударил палкой. Пленный упал, немец молотил его палкой, что-то кричал, потом ударил сапогом в лицо, откатил от бревна, словно ненужный чурбан. Настя передёрнулась от нервной дрожи, она возникла внезапно в плечах, поползла к затылку, обвила тугой верёвкой шею под подбородком. Она сжала горло рукой, дрожь отступила к затылку, поползла по спине. Настя перебежала низиной и вскопчила в ольховые заросли.

Конопелько сидел всё на том же месте, в той же позе, молча смотрел на Настю. Она торопливо сообщила обо всём, что увидела, он, выслушав её, некоторое время молчал.

— Обойдёмся без помощников, — проговорила Настя, понимая, что Конопелько недоволен новостями и словно упрекает, что она вернулась одна. — Ограждение они сегодня не закончат. За штабелями брёвен мы сможем добраться незамеченными. Я проведу, — и добавила любимую поговорку Конопелько: — Як мага быць, подведу к господину коменданту... Вы что, не верите?

— У меня совсем не о том мысли... Подумалось вдруг... Да нет, это совсем нереально... Это не то, что комендантский домик... Охрана там, видимо, посильнее. И ничего о том лагере военнопленных мы не знаем. Было бы неплохо тех горемык — на волю.

— Банцевич говорил, что лагерь недалеко от железнодорожного вокзала. Туда мы никак не пройдем.

— Жаль, нет твоего Банцевича. Последний раз, когда ты у него была, что он говорил? Вообще, не слишком ли ты ему доверяешь?

— Я ничего конкретного о нашем месторасположении не говорила. А его сведения точные. Говорил, что комендатуру переведут на станцию, а тут останется только жильё коменданта. Оно так и есть. Машин стало меньше, и только один часовой стоит.

— Что будем делать, если и комендант наш не прикатит в свой домик?

— Я думаю, мы это сразу узнаем. Банцевич говорил, что у них каждый вечер гулянка. Заводят три патефона, и на каждом своя мелодия играет.

— Весело они, однако, живут. Не то, что нам в том погребе было. Лежи да комаров слушай. — Конопелько безнадежно махнул рукой. — Но то было и сплыло и уже не вернется. Здорово будет, если мы комендантику комара подпустим. — Конопелько потрогал деревянную ручку гранаты, что торчала за ремнём, и резко приказал: — Приведи наших сюда...

До вечера они лежали в молодом орешнике. Сумерки опустились на землю рано, из-за леса выплыли волны серого тумана и мягким одеялом накрыли всё вокруг. Как этот серый туман, текли и мысли Насти. Теперь план Конопелько — забросать комендантский дом гранатами — не казался ей блестящим. Глубоко в душе жила надежда, что Конопелько всё же отменит свой приказ — тем более что это был вовсе и не приказ! — они, в конце концов, перейдут железную дорогу, найдут гравийку, что ведёт в Полоцк, и пойдут дальше. К утру они могли бы быть уже недалеко от Полоцка. А там — знакомые места.

Настя даже вздрогнула, когда услышала сдавленный голос Конопелько:

— По-однимайся! В колонну по четыре становись! — Он внезапно сменил тон, заговорил озабоченно и рассудительно: — Отходим сюда. В случае даже самой крайней невыкрутки — всё равно сюда! Тут собираемся, подводим итоги. Повторим задачу. Буркун, твои окна?

— Те, что от станции.

— Авдошко, твои?

— От сада.

— Твои, Настенька?

— Отсюда, от леса. С этой стороны, где лежат дрова.

— Твои, Конопелько? — И сам себе ответил: — Мои — от дороги. И часовой на мне. Я ползу на него. А каждый из вас — к своим окнам. Моя очередь — всем команда. Повторяю опять — бросать только наверняка. Не всади гранату в окно — пиши пропало, потому что она тебе по пяткам врежет. Всем ясно? Тогда — вперёд! Порядок движения, как договорились: за Конопелько — Авдошко, за ним — Буркун, а за Буркуном — Настенька... Здесь тоже всё ясно? Тогда — вперёд!

Настя не волновалась до той поры, пока впереди не высветились два ярких проёма окна. Они возникли внезапно, как будто вырвались из-за стены тёмных деревьев, что росли в конце низины. От неожиданности Настя споткнулась, зацепилась ногой за мягкий кротинный бугорок, свет дёрнулся и стал ещё ярче. Чтобы не упасть, Настя упёрлась рукой в мягкий бугорок, непроизвольно выпустила гранату, та упала в траву, как будто кто-то туда её втянул. Настя обшарила траву, нашла гранату и сильно сжала деревянную ручку.

Тёмные фигуры за это время отделились, Настю охватил ужас. Они что, побежали вперед? А если бы она сломала ногу? Это всё может закончиться очень плохо. Тогда зачем она поддержала Конопелько. Нет, он хорошо всё продумал. Надо отомстить за Шанлыко... И за себя она отомстит. Увидеть бы того немца, что выкручивал ей руки на пригорке... Она шла быстро, почти бежала, едва не ткнулась Буркуну в спину. Остановилась, спросила шёпотом:

— Что случилось, ведь ещё далеко?

— Где же далеко? Сад окончился, видны уже столбы ограды, поблескивает проволока, горбятся окоренные, белые столбы. Их осталось совсем мало. Вряд ли можно укрыться за ними. Значит, придётся отсюда ползти...

— К брёвнам продвигаемся, пригнувшись, дальше по-пластунски. Гранаты под ремень, за спину, — тихо скомандовал Конопелько и обошёл каждого, потрогав гранаты. Вдруг весело хмыкнул: — А патефоны действительно режут. И спасибо нашему коменданتيку, что завёл их. Ползти будет легче. На нас, между прочим, твои окна, Настенька смотрят.

— Со своими окнами я справлюсь.

— Пусть тебе и всем нам повезёт. Пошли!..

К брёвнам они подошли фронтом, Настя оказалась теперь в его центре, идти, хотя и сгорбившись, было легко. Тяжёлое началось сразу, как только руки легли на росистую траву. Настя машинально глянула на часы и неожиданно остро и ясно вспомнила тот момент, когда Грач надел их на руку и застегнул ремешок. Как он тогда говорил? Часы чик-чик, а Грач — топ-топ, к Насте, мол, топтать будет.

Разве сейчас ей надо об этом думать? Скоро бой, комендантский дом совсем близко. Как ярко светит окно, в которое она должна бросить гранату. Всё постороннее — вон из головы, только бы не промахнуться... Всегда, когда она уходила из лагеря и на руках у неё были часы Грача, ей везло. Ведь тогда на пригорке она была без часов. И в предбаннике Фёдора она тоже была без них. Вот глупая, опять отвлекается. Смотри вперёд на окно!

Настя ползла, не обращая внимания на то, что вся мокрая от росы. Неожиданные воспоминания о Граче, так не вовремя ворвавшиеся в её сердце здесь, на росной траве за садом, как ни странно, принесли спокойствие и уверенность в своих действиях. Грач как будто был рядом и подсказывал ей: «Смотри внимательно, рассчитай расстояние до окна, когда будешь бросать гранату, размахнись как следует...»

Окно совсем близко. Почему свет в нём какой-то мутноватый, как будто придушен? Наверное, занавески висят... Да, занавески. Вот кто-то дёрнул

их — свет яркой полосой ударил в глаза. Надо доползти до границы этой яркой полосы и затаиться в ожидании сигнала. Нельзя попадать в световую полосу, она сразу же станет заметной. Слышна немецкая речь около машин. Три легковушки стоят у входа. Одна так едва на крыльцо не влезла. Гранату надо готовить. Конопелько уже ползёт по левую сторону машины. Как-то странно у него светится спина... Это же со второго этажа свет, как это он попал в световое пятно? Нас предупреждал, а сам ведёт себя так неосторожно. А кто это там из-за двери, словно коршун, наступает тенью на Конопелько?

Немец! Это же немец! Грудь белая, оттого что френч расстёгнут!.. Сейчас он бросится на Конопелько сзади, а тот ничего не видит. Не видит, конечно же, потому что немец подкрадывается по тёмной полосе!..

Эта мысль возникла уже в движении. Словно подброшенная взрывной волной, Настя рванула наперерез тени с белой грудью, ткнула карабин во что-то мягкое, податливое, как резина, и, с яростью нажав на курок, выкрикнула протяжно и хрипло, как будто её схватили за горло:

— Э-у-у-у!..

И этот сдавленный крик заглушил выстрел. Пламя из дула карабина, которое отскочило, как будто вырвалось из-под мышки немца, высветило толстую пузатую бутылку в руке немца и оглушило Настю. Пламя перелилось в яркие огненные струи, которые бросал на блестящее стекло машины автомат Конопелько.

— Грана-а-а-ты! — заревел Конопелько.

Настя отскочила назад, отброшенная этим яростным, злым приказом. Первую гранату она бросила в правое окно, успев заметить, как брызнуло во все стороны стекло. Другую бросила в левое окно, которое было почти тёмным, и ей показалось, что граната не долетела до стекла. С правой стороны сыпануло гривастое пламя, красное, с какой-то дивной белой стрелой в центре, эта стрела вонзилась Насте в левое плечо, сломалась и, словно железный раскалённый бур, врезалась в позвоночник, прокатилась по нему, высекая колочки.

Настя ещё успела заметить фигуру Конопелько, высокую, мужественную, хорошо освещённую белым огнём, от его фигуры вверх, к балкону, тянулась огненная нить.

“Это он по балкончику строчит. Почему он не бросает гранаты?!”

Хотела закричать, закричать так же яростно, как кричал Конопелько, но губы лишь слегка шевельнулись, она успела только почувствовать, как порыв тёплого, но странно чёрного, как сажа, ветра залепил ей глаза и губы...

Настя пришла в сознание только утром и на короткое время: открыла глаза, оглядела нары, на которых лежала, увидела знакомый стояк, поняла, что находится в знакомом погребке, рядом с ней сидит Конопелько. По правую сторону от него стоит Авдошко. Конопелько, заметив, что Настя открыла глаза, сделал знак Буркуну. Буркун сразу исчез, как будто его ветром сдуло. Его стремительное исчезновение взволновало Настю:

— Куда он побежал? — спросила она и сразу застонала от острой, невыносимой боли, которая возникла в плече, мгновенно перетекла под левую лопатку, парализовала всё тело.

— Водички принесёт. Холодненькой! Ты попьёшь и поздоровеешь, — как-то суетливо проговорил Конопелько и, склоняясь над Настей, добавил: — И сразу же двинемся дальше...

Какая-то странная парализующая слабость связала ноги, руки, она не чувствовала их, не могла пошевелить даже пальцем. Но мысли были чистыми, ясными, она вспомнила недавний бой и всё поняла.

“Я потеряла много крови... Меня несли сюда раненую. Перевязали плохо”. Она посмотрела на руку, которая была мокрой от крови, кровь была и на полу, значит, рана кровоточит.

“Вторую гранату я всё же не добросила. Потому всё так и случилось”. Спросить о том, чем закончился бой, там, около комендантского домика, у неё не хватило смелости.

— Нет, Настенька, нет! — заговорил Авдошко. Присев на нарах напротив Конопелько, склонился над ней. — Ты бросила гранаты точно, и они попали в окна. Ты хорошо прицелилась.

— А чего же тогда я...

— В тебя выстрелил какой-то гад, — торопливо прервал Конопелько. — Выстрел и взрыв были одновременно. Его там разнесло на кусочки и всех, кто был около тех окон. Вот выстрелить он всё же успел... Но и мы успели. Угли и пепел там одни теперь. Всё это благодаря твоей смелости. Как только ты его высмотрела?.. Если бы ты в него не выстрелила... И чего, холера на него, было ему там, на углу, стоять? Вот же стоял, да ещё с двумя бутылками шампанского...

— Может, хотел тебе налить шампанского, — как-то вымученно пошутил Авдошко. — Чтобы за встречу дерябнуть. По душе ты ему был, вот же к Настеньке не кинулся, как будто знал, что она не пьёт...

— Рана у меня ужасная?

— Да мелочь, Настенька, — с деланным смешком ответил Буркун. Он стремительно влетел в погреб с котелком в руке. — Вышей! Вот увидишь, встанешь на ноги через недельку, если не раньше. Это отвар, которым ты нас поила. Я насобирал травки и наварил. А потом в ручье остудил. Хороший напиток! Только ты не двигайся, лежи тихонечко. Я тебе из ложечки, из ложечки буду давать, — он торопливо вытащил из кармана ложку...

— Нет, я хочу из котелка. Помогите кто-нибудь встать. Мне надо сесть.

— А зачем тебе садиться? — Конопелько предостерегающе выставил перед собой руки, осторожно придерживая Настю за правое плечо, как будто боялся, что она может действительно вскочить и сесть на нарах. — Ты должна лежать, набираться сил. Не надо тебе двигаться.

— Из ложечки хорошо, из ложечки просто, даже очень удобно, — настаивал Буркун и лил ей в рот коричневый отвар зверобоя. — Вышей хотя бы капельку. А может, с шоколадом будешь? Я из машины четыре плитки выхватил для тебя — на сиденье лежали.

— А я, между прочим, только сейчас сообразил, чего тот гад около угла отирался, — продолжал Конопелько, отводя в сторону руку Буркуна с плиткой шоколада. — Ну не хочет человек сладкого. Отцепись. — И снова вёл свое, словно только это его теперь и занимало. — Там на углу стояла какая-то посудина на земле. В ней — бутылки охлаждались. Вот он за ними и вылушился из дома.

— Я что, сама сюда дошла? — спросила Настя и неожиданно отметила, что лицо Конопелько начало вдруг отдаляться.

— Мы ехали сюда. В Залесье подводу взяли. И коня нам запрягли. Это Авдоля наш постарался...

Голос Конопелько слабел, отдалялся, лицо отплывало, становилось прозрачным и серым. Какими-то невыразительными становились фигуры Авдошко и Буркуна, они медленно колыхались, словно кто-то их раскачивал. Слабость охватила и заполнила всё тело. Настя попыталась пошевелить руками, но они её не слушались.

— Нужен врач, я это чувствую. Вы не справитесь...

— Найдём врача, сегодня же привезём, — быстро и горячо заговорил Авдошко. — Только ты лежи, не волнуйся. Чтобы сила была, помнишь, ты нас этому учила?

— Если я умру, вы меня никуда не везите отсюда. Похороните у сосны, в вереске. Там, где поворот...

Говорить больше не было сил. Она глянула на Авдошко: он вытирал слёзы, смотрел в окошко, откуда пробивался в погреб короткий солнечный луч, слышала голос Конопелько, сильный и неровный. Настя удивилась, что голос звучит откуда-то с высоты, как будто Конопелько сидел не на нарах, рядом, и гладил её руку, а взобрался на потолок, зацепился там за что-то и завис, медленно покачиваясь. Настя прищурила глаза, и Конопелько куда-то исчез. На его месте теперь был Авдошко, он медленно шёл ей навстречу, и в его огромных заплаканных глазах ярко светились непонятные огненные светлячки. Один из них вдруг порхнул к Насте, сел на грудь, бил крыльями по рёбрам, рёбра гнулись, из них выширал, лез в горло чёрный, гривастый туман. Настя жадно глотала его и чувствовала, что становится прозрачной, бестелесной и плывёт в глубь этого чёрного шлейфа, который наматывается на блестящую острую пику.

Оттуда, из-под белой блестящей пики, неожиданно зазвучал спокойный и ласковый голос Грача. Грач звал Настю, и она пошла к нему, радуясь, что чёрный шлейф мягко ложится ей под ноги, и ноги легко, беззвучно вдавливают гривастый туман в землю.

Потом на месте Грача стояла мама... Это было так естественно, и так же естественно лились слова их сердечного, задушевного разговора. Правда, они были глуховатыми, отдалёнными — где-то совсем близко татакали вагонные колёса.

“Ты прости меня, мамулечка. Я прибежала, а поезда уже нет”.

“Как же это нет? Он ждёт нас. И не надо было тебе бежать. Павлик сказал, что на машине сюда тебя привезёт: дорога к смолокурне хорошая, словно шоссе”.

“Мамочка, а ты не знаешь, где мой Грач, почему он не приходит ко мне?”

“Доченька, нет его рядом со мной. Ты потерпи, он спешит к тебе, только дождись его... Ты его держись, дочушка, — он тебя в обиду не даст, у него сердце доброе и глаза ласковые. Он торопится к тебе, но дорога у него длинная, тяжёлая. Ты посмотри, как он меня устроил хорошо в вагоне. И водицы холодненькой мне принёс. Полный бидончик!”

Из-за сосны неожиданно плеснуло багровое пламя с удивительным белым копьём в середине; копьё падает на вереск, и по нему бежит Конопелько, прижимает копьё к земле, крутит, пытается сломать; копьё вырывается из рук, он бежит по вереску и вдруг подскакивает, плывёт над верхушками сосен, что стоят на болоте густо, словно стена.

— Не умирай, Настенька! Живи! Почему пуля не меня резанула? Почему?..

Голос Конопелько возник внезапно, возник совсем близко, звучал выразительно, на отчаянно высокой, пронзительной ноте.

Чудак Конопелько! Да не собирается она умирать. Просто Грач во-он стоит, зовёт её. Вот она и пойдёт к нему, а потом вернётся, сделает им перевязки и приготовит ужин...

Похоронили Настю, как и просила, в вереске, у сосны, что росла на повороте. Вернувшись к дощанику, они сидели молча, не думая о том, что предпримут завтра, смогут ли снова повторить тот путь, который так трагически прервался в ту роковую ночь. В их гнетущий, молчаливый круг ворвался неожиданный звук, он приближался, и уже можно было различить конский топот. В следующий миг из-за поворота дороги показался Грач.

Специальная развебивательно-диверсионная группа, которую он возглавил и в состав которой вошли четырнадцать человек, двигалась следом на четырёх повозках с боевым снаряжением. На взмыленном коне Грач подскочил к дощанику, спрыгнул на землю, по очереди облапил всех троих, что повисли на нём, крикнул радостно в сторону погребца, над входом в который висела поблёкшая на солнце трофейная плащ-палатка:

— Настя? Чего прячешься? Я ещё издали увидел, как ты мелькнула в окошке!..

Буркун махнул в сторону сосны и глухо сказал:

— Там Настя. Похоронили только что.

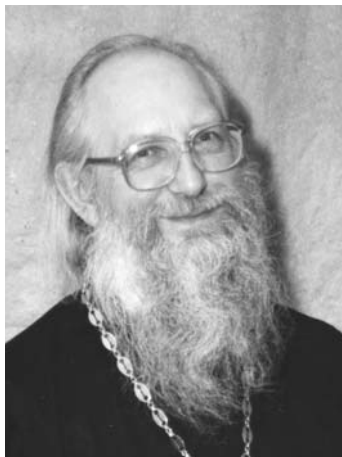
— Ка-ак? — не спросил, а выдохнул Грач. — Как это случилось?..

Грач медленно, как будто через силу шёл не по тропинке, а напрямик, по вереску. Около могилы он снял с себя новенький автомат, осторожно положил его на вереск, потом медленно опустился на колени и долго стоял так на коленях, неподвижно, словно окаменел.

Над болотом заходило солнце, огромное и багровое. Его лучи скользили по блестящей стали автомата, по густому лиловому соцветию вереска, били в ствол сосны, как будто высвечивали её изнутри. Звенели дикие пчёлы, на могильный холмик ложился лиловый, местами кроваво-бордовый отсвет, и казалось, что солнечные лучи слизывали его с вереска и медленно угасали в приглаженном руками песке...

Впереди были четыре года страшной войны. Грач не боялся смерти, он шёл ей навстречу, но смерть, потрясённая мужеством и отвагой партизанского командира, обходила его стороной...

АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ (ПРОТОИЕРЕЙ)

МНЕ ПО СЕРДЦУ ТА ПРОСТОТА...

НА МОНЗЕ

И в поэзии и в прозе
сердце искренности ждёт...
Не на Темзе, а на Монзе
чистый снег и звонкий лёд.

Здесь не знают, что за банки
создают рекламный гам.
Только избы, только баньки
прилепились к берегам.

Здесь душой о Вечном плачет
преподобный Ферапонт.
Церковь над селом маячит,
раздвигая горизонт.

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич (о. Андрей) родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учительствовал в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Св. праведного Иоанна Кронштадтского. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий: им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

Стали рощи вместо чаши,
но осталась суть вещей.
И воды не сыщешь слаще,
чем вблизи святых мощей.

Здесь закаты стынут в бронзе
и рассветов льётся мёд...
Не на Темзе, а на Монзе
сердце русское поёт.

* * *

Пригодиться б душе человеческой,
побеседовать с нею ладком...
Волге русской живительной речи
послужить бы лесным родником...

А вселенскую нашу разруху
и грядущую смертную ночь —
лишь служеньем
бессмертному Духу,
верой-правдой
дано превозмочь...

* * *

На обломках русского величия
на костях изглоданной России
на могилках миллионов павших
над ушедшими в песок безвестно
всё равно мы огоньки затеплим
и Христос Воскресе пропоём.

* * *

Кроют золотом купола.
Снова в блеске иконостас —
чтоб душа в небеса взошла,
чтоб она расцвела у нас.

Но бывает, что пестрота
и сусальный золота блеск
затмевают для нас Христа,
душу гонят, как волка в лес...

Я зашёл как-то в нищий храм —
кирпича торчало ребро —
а любовь ощущалась там,
и дышало, как печь, добро...

Мне по сердцу та простота,
где, не взятая под арест,
есть живая Любовь Христа
и Его спасающий Крест.

* * *

Построить легче дом,
чем выстроить себя.
Там — силой и трудом.
тут — плача и скорбя.

Дом нынче не вопрос —
хватило бы рублей.
А тут — не хватит слёз,
не хватит жизни всей...

ВИКТОР БУДАКОВ

ГРАНАТЫ НА ЗЕМЛЯНИЧНОЙ ПОЛЯНЕ

РАССКАЗ

Опушки недалёкого от слободы Черноклёна-леса зелено дымились сильными травами, первозданные, задичалые. На них густо разрослись земляничники; ягод — пропасть. Удивляться ягодному изобилию было нечего: не до земляники народу, переживавшему лихолетные времена. И, может быть, мы были первые здесь “лукошники” с той поры, как война началась, как закончилась. Наши матери — спорые руки — сразу же принялись собирать ягоду в корзинки, мы же ели-наедались, пригоршнями бросая её в рот; соковитая, пахучая. И чем больше мы рвали земляники, тем, казалось, больше становилось её: пятнистый красно-зелёный земляничник стлался до дальних берёз на опушке, да и там, навёрное, не кончался. Земля, за месяцы войны измученная взрывами, чуждыми ей металлом, порохом и толлом, теперь с жадной удесятерённой силой исцелялась. И этот земляничник был первым вестником возрождённой жизни: ведь ещё многие по закраю леса деревья не отошли от войны, иные были выкорчеваны, другие, опалённые, надломленные, тянули ввысь нагие ветви, а ягодный скос у леса будто молчаливо свидетельствовал, что война — тяжкая быль, тяжкий сон — навсегда ушедшее прошлое, их нет... Есть только эти алые земляничины.

БУДАКОВ Виктор Викторович родился в 1940 году в Воронежской области. Окончил историко-филологический факультет Воронежского пединститута. Заслуженный работник культуры РСФСР. Лауреат литературной премии имени И. А. Бунина. Автор книг «Далеким недавним днем», «Миронова гора», «Осокоревый круг», «Родине поклонитесь», «Отчий край Ивана Бунина», «В стране Андрея Платонова» и других. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Но приманчивой россыпью, приманчивей, чем земляничины, чуть взблеснули в траве бело-красные крыльчатые весёлые, как игрушки, гранаты. На детские возгласы поспешили матери. Тревожным полукругом постояли. “Надо сказать председателю, чтоб вызвал саперов”, — порешили они; а нас увели подальше от гибельных, в весёлой упаковке игрушек. Подальше... и никто не догадался, не почувствовал, что в Толиковой плетёнке, на дне её, прикрытая травой и рубашкой, уже лежала притаённая радужно-красная смерть; Толик первым обнаружил гранаты в траве и спрятал одну из них. Нам он ничего не сказал.

Вечером в левадном кустарнике раздался взрыв. Несильный, как бы хлопучесный, был он почти не слышен за мычанием коров, возвращавшихся с пастбища.

И за сорок без малого лет эхо и прогорклый дымок того взрыва истаяли, бесследно растворились в мире.

Но сухими вечерами на вербяном комле у своего дома подолгу сидит молчаливый слепец и время от времени что-то вычерчивает тонкой палкой, что-то рисует на пыльной земле.

И думаешь: почему так? Почему случай, перст судьбы, рок выбрал именно его, самого одарённого из нас? Почему именно глаза поразили у него? Без ног — тоже не радость — он всё-таки смог бы рисовать.

Кто вытачивал, кто красил для него эту зловещую гостью? Может, тоже художник, призванный под знамя со свастикой?

О земляничная поляна, прекрасная проклятая земляничная поляна, где на короткий миг и на всю жизнь — свет и тьма!

НЕ ОДНА В ПОЛЕ ДОРОЖЕНЬКА...

Из глубины наплывает первое впечатление большой дороги. Раздольное, чуть волнистое срединнорусское поле — ни конца, ни края. Чистыми волнами взмывают поспевающие хлеба, редкие терновники темными каплями плавают в них. На горизонте синеют перелески, неподалёку от лога-лещинника, по непаханому склону которого мы с матерью пасём овец, белеет цепочка деревенских мазанок.

А через всё поле, через лога и увалы, тянется старинный большак — прадедовская дорога. Неподалёку к ней примыкают четыре — в соседние деревни — просёлка, образуя что-то вроде длиннопалой ладони. Телеграфные столбы вдоль большака — как задумчивые стражи.

Уже несколько месяцев кряду эта дорога — дорога возвращений. Бывает, промчится выдавшая виды полуторка, мелькнут солдатские пилотки; бывает, не торопясь проскрипит арба-подвода — на ней возница и солдат, а то и двое в гимнастёрках. Чаще, однако, пешие. Один пройдёт, ещё один, ещё...

В тот воскресный день их возвращалось так много, что могло представиться да и представлялось моему благодарному ребячьему сознанию: все возвращаются в дома свои...

(Через четверть века в родном селе буду стоять у мемориальной плиты с именами погибших. Две роты не вернувшихся.)

Поле казалось бесконечным, и были другие дороги, и по ним текли человеческая беда и надежда.

Не одна во поле дороженька...

“ЕЖИ” НА РЕКЕ

Дон здесь в Отечественную войну был не привычной рекой, но прошиваемой пулями и осколками ломаной фронтовой полосой, разделявшей две противостоящие силы: немцев и наших. Кончилась война, но по затравелому, ржавому от осколков берегу и в воде чернели угрюмые “ежи”; скрещен-

ные рельсы тянулись из воды, из земли, как железные руки на время замерших великанов, как угроза, колючая проволока густо опутывала их и связывала в жёсткую, жестокую связь. Со временем поотцепили колючую проволоку, и подростки, вскарабкиваясь на верх рельсов, прыгали в реку, кто боясь, кто не боясь, кто ногами, кто головою вниз; и тогда вид “ежей”, до блеска захватанных ребячьими руками, при солнце и многолюдье был не страшен. Но в вечерние часы, при луне, в них вновь словно бы просыпалась угроза. Потом приехали военные и убрали ненужные заграды. Слобода избавилась от них.

У памяти, однако, своя боль, свои шипы и “ежи”. У памяти особое зрение, и она видит то, чего давно нет, она умирает и заново рождается в лучших из нас.

ТОНКАЯ РЯБИНА

...В деревушке той не было ни одной рябины. Стоял послевоенный весенний вечерний час, и — что ж? — смуглое деревце это странным образом возникло, затрепетало узорчатыми мерцающими листьями; был праздник Победы, и на подворье моей родственницы тётки Ольги — в хате не разместились — за праздничный стол собралась чуть ли не вся деревня, человек пятьдесят, и вот что бросилось в глаза: кроме нас с отцом, забредших из соседней слободы, не было здесь ни одного мужчины. Даже среди детей одни лишь девочки.

Все женщины показались мне тогда немолодыми и словно бы на одно лицо “тётками”, хотя иные из них, верно, были и молодые, и красивые, и, будь я несколькими годами старше, я бы это почувствовал вернее, а так... Вспоминай теперь, какою она была, с какими — серыми или карими — глазами, “тётка” Мария, чей голос, задушевно-пленительный, и повёл:

*Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина?..*

И женщины, сколько было их, подхватили песню, грустнее и краше которой я не слышал; они пели так, что сама загадочная песенная рябина словно бы обретала образ прекрасной женщины; я будто чувствовал её дыхание, и казалось, она сейчас откроется взору. В то же время и в каждой из певших словно бы соприисутствовал и образ рябины...

Мне только позже стала понятной потрясающая проникновенность того пения. Ведь каждая пела о своей судьбе: в деревню, отдавшую фронту полсотни мужчин, не вернулся ни один.

*Видно, сиротине
Век одной качаться...*

Гораздо позже, думая о том, как много у нашего народа песен, столь чутко выражающих его душевную жизнь, что их никогда не устаёшь слушать, потому что всё, что есть сильного и подлинного в нашем народе: доброта, открытость, ширь-размах, воля, тоска, согоревание, сострадание, радость, печаль, удаль — есть и в них, думал я неизменно и о судьбе песни-рябины.

Или тот, кто создал её, предчувствовал, что будет в серединной России деревенька, в которой после войны не останется мужчин, а лишь молодые вдовы?

Когда я приезжал в последний раз в родные места, деревеньки той уже не увидел. Бугорки глины, сотлевшие брёвна в бурьянах, яблоневые пни — вот и всё. Но часто, возвращаясь с работы домой и видя тонкие рябиновые деревья меж панельными глыбами, слышу, как давным-давно в вечерний час женщины поют свою чистую поминальную песнь.

ВО САДУ ЦВЕТУЩЕМ

Глухой мокрой осенью, возвращаясь из соседней деревни, завернул я в старый усадебный сад, черневший недалеко от дороги, на пологом косогоре. Не знаю, почему я решился на этот крюк: сад дважды в войну был полем боёв, столь ожесточённых, что уже и после войны смерть не хотела уходить отсюда, таясь в неразорвавшихся минах, гранатах, патронных обоймах; дважды здесь подрывались колхозные телята; и хотя потом сапёрная команда “пропахала” всё окрест, но старшие постоянно наказывали нас держаться от сада подальше.

И вот в первый раз медленно брёл я меж задичалых яблонь и груш, меж кустов терновника и сирени, по бурой палой листве, то и дело останавливаясь. На бугорках, смутно вычерчивавших основание разорённой усадьбы, в бурьянах, в палой листве на каждом шагу попадались осколки, гильзы, ржавый искорёженный металл. Иные стволы были будто срублены, лишь чёрные огрызки; из одного торчал, величиной с ладонь, осколок. Но не это меня поразило. В размытом водой овраге я резко увидел, будто ожёгся: кости, много костей и чуть в стороне два человеческих черепа... Мне уже минуло двенадцать лет, иными словами, я уже был в той предотроческой поре, когда чувствуешь ещё острее, чем в раннем детстве, и спрашиваешь уже не только других, но и себя. Кто они были? Двое наших? Или пришельцев? Отступавших или наступавших? Или то были наш воин и чужой, схватившиеся в единоборстве? Эти кости вымыты весенними водами, но разве здесь им место?

Так случилось, что я вновь побывал в том саду лишь годы спустя. Было самое начало мая, и сад стоял в цвету. Боже мой, как же он бессмертно цвёл, какой белый звон гудел вокруг! Правда, пни — пасынки войны чернели в бурьянах, как несуразно толстые грифельные стержни, но что до них было этому воскресшему саду, цветшему так яростно?

В празднично гудящем сновании пчёл, опыляющих белые деревья, в торжественном гуле майских жуков и шмелей, в свадебных празднествах божьих коровок — во всём начиналось новое, рождалась жизнь новая!

Но те черепа... Обелиск на братской могиле был почти невидим в зарослях сирени, тоже зацветающей.

И как же не благодарить Божий мир, если сад воскресше цвёл, переборов тлен, отраву тола, жестокие осколочные порезы, не столь давнюю здесь человеческую ненависть!

ИЮНЬ

...И всё бы идти по густому дурманному разнотравью, и дойти до ночью, где тихо вздрагивают мучимые бессонницей кони, и, упав на кошну молодого терпкого сена, глядеть на зыбкие очертания их, на неслышные почерки звёзд, на глубинный месяц июнь. Только надо поспешить, чтобы увидеть июнь, ибо мгновенен он, юный дозорный лета, не летом единым живущий, взявший от весны доцветающие ландыши и черёмухи и предупреждающий об осени изжелта-серыми, близкими к смерти бурьянами на косогорах. И начало зимы, когда падает первый снег, и начало весны, когда пробуждается дерево, замечает даже на городской площади, но июнь... Его видишь лишь вдаль от геометрически уложенного камня, потому что только там, где горизонту ничто не препятствует быть горизонтом, кроме зазубрин леса, — только там он предстаёт во всём своём многоцветном откровении.

Итак, идти бы через июнь, по густому дурманному разнотравью, в которм средь белого нашествия одуванчиков темнеют тонкие колокольчики, да стрекохут кузнечики, да птицы гнездятся; видеть, как нежнейшая семицветная радуга вполсвета, вполнеба полыхает после дождя, как земляника краснеет час от часу, как над сиреневыми сумерками стоит сиреневый запах, хотя её, цветущей сирени, уже нет. Идти бы...

И хотя нет дороги в детство, но нахлынет из детства: тот черёмуховый, за Прораной луг, подводы в тени верб, ломаные цепи косарей, весёлые го-

лоса. “Поубавь, Илья Иванович: перепёлка поднялась!” Держали в руках серенькие комочки, потом бережно клали их в гнездо, окашивали его, оставляя зелёный островок. Таких островков к вечеру набиралось немало. В ночь оставались на лугу. И всю ночь — последние соловьиные песни. “Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...” Уже не потревожат: спят вечным сном в братских могилах войны, первые залпы которой раздались в июне.

И потому, — и, наверное, ещё надолго — при слове “июнь” в нас мгновенно словно бы вспыхивает, взрывается это число: 22 ИЮНЯ. Самый длинный день. И самая короткая ночь. И самая тяжёлая война.

...У наших предков июнь назывался червень — красный месяц. С червлеными, красными стягами древнерусские дружины выходили на врага.

И весь июнь сорок первого, и четыре долгих года умирали мы под красными знамёнами, чтобы продолжилась жизнь.

Чтобы можно было идти и идти по родимой, вскормившей тебя земле и дойти до ночного. И там, упав на кошну свежескошенной травы, глядеть в мироздание и ни о чём не думать, потому что само — думой и радостью — наплывает: как прекрасен этот, в зарницах, июнь и как прекрасна земная жизнь...

ПИСЬМА ЖИВЫХ И ПОГИБШИХ

Война. Фронт и тыл. Шли в города и деревни письма, и бывало тех писем на день — как солдат на войне. Эшелоны конвертов — разноугольных, сразу всё объясняющих форм. Если в три угла конверт — значит: жив! Если в четыре, казённый — значит: похоронка! Страшные четырёхугольники, острые, как бритвы, углы! Хотя, случалось, и они — в горькую радость: казённое письмо-извещение из госпиталя: приезжай, забирай калеку!

Почтальон-письмоносец был как Харон, как Гонец, как всеильный Вестник. А почтальонами-то письмоносками были сплошь женщины, чаще девушки; взрослевшие от двора ко двору, за один обход деревни, потому что в сумке была непомерная тяжесть скорби и укромная ноша надежды.

— Много ль беды несёшь, дочка? — спрашивал у молоденькой письмоноски старик; он потерял уже двоих, а война ещё не кончилась, и третий сын воевал, если только ещё воевал...

— Радость несую, дедушка, радость!

И уже знала она каждую кочку и выбоину на дороге от почты в соседнем селе до деревни, и знала, как родную, каждую хату, и в каждой хате — у кого какие глаза. Потому что часто не выходило разговаривать иначе, как на языке глаз.

А сердце было молодое, а сумка тяжёлая...

БАНДЕРОЛЬ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ

Четверть века спустя после того, как он оборонял Севастополь, оттуда пришла крохотная, из фанерных дощечек бандероль. Раскрыл её и увидел полустлелвшие документы своей молодости — комсомольский билет, воинскую книжку да клочок источенного сыростью письма, ничего не разобрать, кроме двух не окончательного выцветших слов “...тянется ночь...”

То была последняя ночь обороны, и он уже не мог отправить написанного письма, он даже с жёсткой солдатской ясностью подумал, что последняя ночь обороны — его последняя ночь вообще, когда увидел в предутреннем мраке молчаливо и угрюмо стывшие на взгорье немецкие танки, первый миг настолько расплывчатые, что их можно было принять за возы с сеном. Но откуда здесь было взяться им? Танки, да не просто вразброс, но в строгом соответствии с геометрией обхватов, котлов и колец, железная дуга, концы которой едва не упирались в море. Но как удалось приблизиться им так тихо и так близко? И как безнаказанно и казняще стоят, будто зная, что у обороняющихся уже нет ни противотанковых ружей, ни гранат, а в полку остались считанные калеки, отрезанные от своих с земли, с неба и с моря.

Самое противоестественное заключалось в том, что в танках ничем — ни единым звуком — не выдавалось присутствие наступающих, будто немцы, спеша заняться иными участками, покинули свои машины в уверенности, что те управятся и сами... Что-то психологически сламывающее было в этой молчаливой недвижной железной дуге.

На миг ему остро, до крика захотелось оказаться далеко по ту сторону от железной дуги, очутиться в родном селе, с высокой кручи взглянуть на зелёный в жёлтых вспышках одуванчиков дуг, увидеть семью, сына. Но тут же пришло и отрезвление и спокойствие. Только было жаль, что сын никогда не узнает, как он двести с лишним дней и ночей оборонял его и таких же малых, как он, защищал Севастополь, родное село, полевой край, и, наконец, всю Россию здесь, на этих безрадостных, выжженных огнем и солнцем приморских холмах. Не узнает сын, раз эти танки... их железная дуга...

Но и у жизни своя дуга! И ещё выпало ему освобождать Севастополь, и не только Севастополь: он вернулся в сорок пятом в родное село, и было у него одних лишь медалей “За освобождение...” да “За взятие...” пять. И сын узнал о том, как сражался Севастополь! Может, узнает и внук. Он ещё крохотный, но что ж... У жизни своя дуга!

СТРАННЫЙ ОФИЦЕР ИЗ ДРЕЗДЕНА

В сорок втором немцы заняли придонскую слободу и разместились в ней ротой. Офицеру — теперь уже никогда не узнать его имени — понравилась хата тётки Верухи: просторно, чисто, горница пахнет богородичной травкой, чабрецом и любистоком. С интересом человека, попавшего в мир непривычный, офицер разглядывал горницу. Вдруг он направился к дальнему углу, и тётке Верухе стало не по себе: она ещё неделю назад думала снять со стены портрет сына, сфотографированного в военной, офицерской форме, да забегалась-замоталась. Немец подошёл вплотную и всё глядел, глядел. А когда вышел, она кинулась снимать портрет и, волнуясь, никак не могла управиться: верёвка зацепилась за гвоздь. А немец неожиданно вернулся и сказал порусски медленно-раздельно: “Не надо! Может, я его уже убил... Может, он меня убьёт”.

Офицер был из тех, кто до войны много размышлял о судьбах германского и славянского мира в контексте всемирной истории. Его любимая книга была “Бесы” Достоевского, и он видел, как они разгулялись, перепархивая из одного лагеря в другой, словно бы из одной революции в другую; и страшней всего были те, что вселялись в души воюющих, ослеплённых ненавистью.

НЕ СРАБОТАЛИСЬ

После войны, в сухом августе, отряжает предрик уполномоченного в одно придонское село — “трудное”, дерзкое и мятежное ещё со времён первой большевистской продразверстки. Председатель райисполкома начальнически поучает: “Упрямцы ещё те! Без любви к нашей власти живут. Так что будь с ними пожётче. Как на войне! Поднимать надо сельское хозяйство!” Уполномоченный прошёл войну разведчиком, а в разведке демагогов не любят. Знал он, что за птица предрик — бывший дивизионный интендант. “Сельское хозяйство, говоришь, поднимать? Тогда почему же ты привёз из Германии не какой-нибудь лемех, а чемоданы барахла? Отрезы не плужные, а шёлковые да шерстяные?”

Не сработались.

“ПОДВИГ ВАШ ОБЪЕДИНЯЕТ НАС...”

Ни одна из войн, которые вело человечество на протяжении всей своей истории, не породила столько великих явлений культуры, сколько наша священная Отечественная война.

Бессмертные песни, великие стихи и поэмы, незабываемые кинофильмы и симфонии, грандиозные исторические полотна и гранитные монументы. Михаил Шолохов, Александр Твардовский, Клавдия Шульженко, Дмитрий Шостакович, Александр Дейнека, Евгений Вучетич, Вячеслав Клыков, Исаак Дунаевский, Михаил Ульянов, Виктор Астафьев, Юрий Бондарев — всех не перечислишь! Каждый из них по своему утверждал мировое величие и высшую справедливость борьбы нашего народа с мировым западным злом. Энергетика Великой Победы до сих пор удерживает от распада и от отчаяния.

ВАЛЕНТИН ДИНАБУРГСКИЙ

ПОЗЫВНЫЕ

“Сокол”, “Сокол”,
ответь! Я “Ока”, я “Ока”!”
Я — река
 довоенного детства.
Я бегу по лугам из того далека.
Так бегу, что заходится сердце!
Я сжимаю в зубах эти два проводка.
Я — строка, перебитая взрывом!
Отвечай, отвечай! Я теку под обрывом.
...Через зубы его, через скулы его,
через душу, навеки угасшую,
пролетели созвездья далёких миров,
васильками, ромашками ставшие.

ЗОЛОТАЯ ДУША

С безучастным лицом фельдшерица
Не спеша в “неотложку” садится,
И летит “неотложка”, как птица,
По ночному асфальту шурша.
А тогда санинструктор Людмила —
Сколько в ней сострадания было! —
По-пластунски у стен Сталинграда
К нам ползла, а над ней — канонада!
Но её упреждая, рвалась к нам, спеша,
Молодая её, золотая душа!

ПОСЛУШАЙ, БРЯНСК

Тряхнув багряными кудрями,
сентябрь шагал навстречу нам.
Он шёл полями, шёл лесами.
Был непреклонен и упрям!
Ах, брянский лес —
 какое чудо
 твой листозвон,
 твой листопад!
Сквозь чащу пробирались люди,
и не было пути назад.
А город плыл в дыму и гари,
полуразрушен, но живой.
Мне вспомнился какой-то парень —
принявший первым этот бой!
Послушай, Брянск, тебе не снится
голубоглазый паренёк
с копной волос — осенних листьев?
Ему ведь было невдомёк,
что он останется навеки,
что и о нём взгрустнёт гранит...
Смеются дети, мчатся реки,
и лес раскатисто шумит.

СЕРГЕЙ ПОПОВ

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

На Родительскую Субботу
Полагается помянуть...
А особенно ту пехоту,
Что внезапно отправилась в путь.
Неотпетую, непрощённую,
В окружении красных снегов,
А особенно некрещёную —
Всю, что нас спасла от врагов.

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Дяде Боре

Переставляет стул жена,
А он копает грядки.
И глубина, и ширина —
Всё у него в порядке.

Солдат всегда умел копать
Окопы да могилы.
Копать труднее, чем стрелять —
Тут больше нужно силы.

Вот так, даст Боже, и умрём
На сотках, на участке —
А то, что мы Берлин берём,
Мерещится как в сказке.

ВАГНЕР

Вагнер, Вагнер, что ты понял?
Пил старинное вино...
Аполлон или полоний —
Музыканту всё равно!

Вагнер, Вагнер, музыканты
Мундштуки вставляют в рот,
Покоряются таланты
Волшебству германских нот.

Вагнер понял всё как надо.
“Нибелунгов” прочитав,
Пала лишь у Сталинграда
Высота его октав.

ВЛАДИМИР СКОРИК

ВДАЛИ ОТ ЭНСКОГО СЕЛЕНЬЯ

*(Посвящаю фронтовой медсестре
Талле Батычко)*

Меня осколки по коленям
Стегнули среди спелой ржи,
Вдали от энского селенья,
Где ветры горькие свежи.
А время в предрасветной рани,
О, как же медленно бежит,
И автомат мой весь изранен,
Землёй присыпанный, лежит.
Как знать, собою он, быть может,
Часть тех осколков задержал.
Кому за жизнь свою я должен?
Я долго в этой ржи лежал.
Быть может, ей, что колосилась,
Собою заслонив меня,
А может, птице, что кружилась
Тревожной песенкой звеня.
Быть может, той сестре курносой,
Что рота Кнопкой нарекла,
Когда, с плеча шинельку сбросив,
Меня от смерти волокла.

г. Эссендуки

НИКОЛАЙ САВОСТИН

* * *

...Да неужели всё пройдёт —
Бесследно,
 сгинет прахом?..
Какую нить она прядёт
Неведомая пряжа
Истории?

Куда, куда
Уносит нас планида?
Неужто сгинем без следа,
Как в море — Атлантида?

Да неужели были зря
И пропадут бесследно
Порыв и жертвы Октября
И час войны победный?

“Рабы — не мы, мы — не рабы!” —
Писали в детстве в школе.
И что же, молча склоним лбы
Пред новым рабством, что ли?..

Кому внимать, чему служить,
К какой стремиться цели?
История свивает нить
Из спутанной кудели...

* * *

Освоясь понемногу,
Я часто на войне
Определял дорогу
По чьей-нибудь спине.

Пусть пули лупят гуще,
Пусть мрак и стужа, —
Что ж,
За впереди идущим
Держись — не пропадёшь.

Как за бронёю, выжил...
Иду своей тропой,
Уже давно не вижу
Спины перед собой.

* * *

Сорвался в омут,
И — до свиданья.
Вот так и тонут
В воспоминаньях.
Ах, там не проза,
Не мемуары,
А кровь и слёзы,
Стрельба, пожары,
И в стужу злую
У эшелона
Вкус поцелуя
Горько-солёный...

И я там, юный,
В шинельке драной,
Прикрыт фортуной
Непостоянной...
И в этой бездне
Почти бездонной
Остались песни
И наши стоны...
А там немало
Всего, что было,
Что не увяло
И не остыло...

г. Кишинёв

ЛЕВ ЧУЛКОВ

УРОКИ ГЕОГРАФИИ

*Светлой памяти
Фёдора Григорьевича Прохорова*

Защитного цвета китель,
Колодочки — в три ряда.
На карте старый учитель
Показывал нам города.

Скользит по Европе указка,
От Волги до Варты бежит —
Туда, где пробитая каска
На братской могиле лежит.

Лежит эта каска под Курском,
Лежит на могиле в Орле,
И в эн-ском городе русском,
И в эн-ском русском селе.

А мы, совсем желтороты,
Врываемся в город Елец,
В котором от пятой роты
Остался один боец.

Во рту запекается горечь,
Теряю остатки сил...
Но вовремя Фёдор Григорьевич
Из боя нас выносил.

Защитного цвета китель,
Колодочки — в три ряда...
Уроки твои, учитель,
Мы будем помнить всегда.

г. Москва

ВИКТОР БОКОВ

* * *

Сердце болит за живых и за мёртвых,
Связь поколений не порвалась.
Сколько израненных, сколько растёртых,
Сколько безжалостно брошено в грязь!

Вижу, навстречу идёт калека,
Передвигается не спеша,
От него осталось полчеловека,
Но уцелела живая душа.

Ветку нагнул — ах, черёмухой пахнет!
Вот зачем-то крапивку сорвал.
Вспомнил вдруг — как, бывало, шархнет,
Как подымет девятый вал!

Видят все — у него раненья,
А спасали хирурги-спецы.
Носит он это не для сравнения,
А для справки, откуда рубцы.

Сколько всюду оград, обелисков,
Не простится такое врагам!
— Где воевал-то? — Это не близко!
— Ну, а всё же? — Малахов курган!

МОНОЛОГ УЧАСТНИКА ВОЙНЫ

Война меня пытала на излом,
Решила погубить любой ценою.
А я завязан был морским узлом,
А я заклёпан клёпкою стальнойю.

А я казак. Я Шолохову брат,
Казачья сталь в сраженье не крошится.
А я сказал: — Да замолчи ты, гад!
И задушил проклятого фашиста.

Победа. Я стою у зеленой,
И ветер шевелит мою шинельку.
Враг думал, что взойдёт на Мавзолей,
А мы его запрятали в земельку.

г. Москва

ВСЕВОЛОД ГАЛКИН

ЛАДОЖСКИЙ ЛЁД

Каждый год весной, в начале мая,
Я встречаю невский ледоход:
В эти дни всех молча вспоминаю,
Кто ушёл на Ладоге под лёд.

Ладожские льды приходят в город,
Птичий хор смолкает в ясном дне.
Майский лёд всегда приносит холод
С той дороги, что лежит на дне.

Лёд идёт Невой с Дороги Жизни
Днём и ночью в гулкой тишине.
Битый лёд идёт с Дороги Жизни —
Входит острой болью в сердце мне.

Льдина надвигается на льдину.
То не лёд! Поверьте мне... не лёд!
Вон! Смотрите все на середину —
Там проходит мой стрелковый взвод.

Всех ребят я вновь живыми вижу...
В шуме льдин чуть слышу голоса.
Лица всё видней — ко мне всё ближе:
Сотни глаз глядят в мои глаза.

В их глазах — война, блокада, стужа,
Чёрный снег, и красный снег, и лёд,
А в моих — туман из белых кружев
Застит мой по льду идущий взвод.

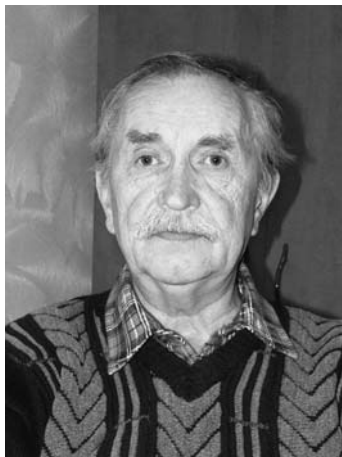
Дальний голос слышу в ледоходе:
— Не тужи!.. Ты в том не виноват,
Что остался жив один из роты...
— Боже мой!.. Да это — наш комбат!

Цепь за цепью движется к заливу —
Всем спешу я в лица заглянуть.
Мой стрелковый взвод неторопливо
Белым льдом на запад держит путь.

Может, завтра Жизнь меня оставит...
Я вернусь со взводом в ледоход!..
Верю, вслед идущий всех восславит,
Кто ушёл на Ладоге под лёд.

г. Ленинград

ВИКТОР ЛАПШИН

ЗЕМЛЮ УЖЕ С ВЫСОТЫ ОЗИРАЮ...

ФРОНТОВИК

Давно не вспоминался мне ты...
Жил на весёлом матерке
И, как обычные монеты,
Носил медали в кошельке.

Без них ты из дому ни шагу,
И брякали в мороз и в зной
“За боевые...”, “За отвагу”,
“За взятие...” — все до одной.

Хотя ты не сидел без дела,
Таскал, как бешеный, кули,
В кармане туго не хрустело,
К другим повадились рубли.

Другим ты был не очень нужен,
Глядели косо и вприщур:
“Бежал из плена, был контужен,
Хмельное любит чересчур...”

Детей не спрашивал ты: “Чьи вы?” —
Знал почему-то всё о нас.
Свистульки вырезал из ивы
И снежных баб лепил не раз.

Жизнь коротал ты одиноко,
Был даже нищенкам не мил.
Твоё единственное око
Взирало ласково на мир.

ПОХОД

Шагом марш! И грянули колонны,
И ушли навек за горизонт
Слесарь Афанасий из Коломны,
И из Гори брадобрей Резо,

И кузнец Вакула из Диканьки,
Из Баку ашуг Мамед-оглы...
Вы в народной памяти не каньте,
В День Победы сядьте за столы.

Живы в наших лицах ваши лики,
Подвиг ваш обурекает нас,
И поход, единый и великий,
В клевете и глуме не погряз.

...Кабы знать вам, что уже родился
И сосцы у ведьмы истребал
Тот, кто чуждой славой возгордился,
Сатаной запрятан и беспал!..

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Детства далёкого диво...
Там-то уж, как ни прикинь,
Пахнет полынью крапива
Или крапивой полынь.

Под обомшелым забором
Им хорошо до сих пор.
Длится за садом и бором
Аж до Москвы тот забор.

Доски глазасты в заборе,
За бесконечной доской
Вечно шумит либо море,
Либо владыка морской.

По мановенью трезубца
Мчится могучий фрегат.
Волны кипят и трясутся,
Ими владыка богат.

Кто капитан на фрегате?
Сам адмирал Ушаков.
Я у него на подхвате,
Лучший из всех моряков.

И, с флотоводцем на пару,
В громе, огне и дыму
Задал османам я жару
Да и ещё кой-кому.

Всей очарованной синью,
Всей вольной мощью волна
Пахнет крапивой с полынью,
Чем и родная она.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Кто же надоумил и сподобил
Одарить часовенкой наш край?
Вот тебе топор, пила и скобель;
Брёвен сколько хочешь — выбирай.

Слышал я, что ты не веришь в Бога
И не наших, кажется, кровей...
Всё равно с тебя Он спросит строго,
Коль в работе не сгоришь своей.

Местные-то что ж? Отнюдь не лень им.
Погляди-ка: ни души вокруг.
Грех не освятить благословеньем
Божье дело из безбожных рук.

ДОРОГА

За лешевым лесом, русалочьим плёсом
Дорога лежит, — ни развилок, ни тропок.
Ногам не стоптать, не разъехать колёсам
Песка причитанье, булыжника ропот.

Приседам кустов и древесным поклонам
Хранители душ путеводные рады.
Что мнилось под вербой, что снилось под клёном —
Виденья и думы таёжной громады.

Окольных путей, стёжек замысловатых
И говор, и гомон далёко-далёко.
Туда ярый сокол в сияющих латах,
Оттуда — в отрепье, нахохлен до срока.

Дорога для дали, для древних хождений
На зов Беловодья, на берег кисельный,
Где думал найти дерзкий лапотный гений
Отраду от бега мирской карусели.

Чужой шантрапой вволю высмеян лапоть,
И даже для нас он забавен немного,
Но каждой забытой песчинкой царапать
Нам душу подспудная будет дорога.

ПУТНИК

Висел Иуда на осине.
Шёл мимо добрый человек, —
Увидел, побелел, как снег,
Как о родном заплакал сыне:

“Несчастный, облюбван ты
Какой бедой или виною?”
И грянул голос с высоты:
“Оставь его, он проклят Мною!

Взор ныне осквернился твой,
И вот гноится в сердце рана.
Скорей глаза свои омой
Водой святого Иордана”.

К реке он прынул и спеша
Зеницы оплеснул устало,
И в путь пустился, а душа,
Как та осина, трепетала.

ПОЧИН

Когда ударил брата Каин,
Лбом низок и широк в кости,
Тот молча грянулся на камень
И тихо простонал: “Прости...”

На поле брата брат оставил,
В родной вернулся уголок.
— Не спрашивайте, где ваш Авель,
Я разбудить его не мог.

Без ветра нива трепетала,
И долго было слышно там,
Как Ева слёзно причитала
И проклинал себя Адам.

Над неоскудным бездорожьем
Взошли созвездия давно,
И наливалось гневом Божьим
В колосьях тощее зерно.

НА РОДИНЕ

Вдали зловещий гул Содома
С его коварной новизной.
Здесь под любым кустом я дома,
Пылинке каждой я родной.

Мне и в науку и на благо
Весёлый василёк во ржи,
Ключ озорной на дне оврага
И в небе резвые стрижи...

Рябина кумачовой кистью
Дороже всяческих знамён.
Не заклеимён я здесь корыстью
И завистью не осквернён.

Взыскую мира я и лада,
Во мне и солнце, и луна.
Душа без счастья жизни рада
И тайной радостью сильна.

ПЕТРУ

Памяти октября 1993 года

Встань из гроба, Государь,
Величием, грозой и славой!
Духовным взором над Державой
Рачительно промчись, как встарь.

Обуреваем злобой вечной,
Корыстью, завистью зачат,
Неблагодарный, бессердечный
Мир на твоих идёт внучат.

Распутьями земного круга
На поруганье и урон
Спешат сюда, тесня друг друга,
Со всех сторон, со всех сторон.

Давно трещат и швы, и скрепы
Тебе родного Корабля,
И радуется тень Мазепы,
В восторге призрак короля.

Утраты и ущербы года
Напоминают нам в укор
И срам азовского похода,
И боя нарвского позор.

Знак не измены, так распада —
Высоток сдача и высот.
И армия лишь для парада.
И лишь для выборов народ.

Он жив не только хлеба ради,
Пусть чужебесием томим.
Мы не забыли: сила — в правде,
На том стоим, на том стоим.

Наследственной правдой правы,
Мы ношу вытерпим креста.
Величия, грозы и славы
Сокровищница не пуста.

ВЕТЕР

Утро мне радость сулило;
Грезилось: ветер несёт
Благовест Иерусалима
Или Афонских высот.

Глядя в небесное лоно,
Слышу в ночи над собой
Башенный гром Вавилона
Или Потопа прибой.

Ветер, пророчишь ли мне ты
Благо умерить в тиши
Крен сумасшедшей планеты
Встречным наклоном души?

ОСЕНЬ

Осени меня, осень, сиянием ясным,
Дуновеньем прощальным небес.
Тишины запредельной предчувствием властным
Я живу, но я в нём не исчез.

Будто землю уже с высоты озираю,
Из грядущего словно гляжу,
Одинаково свой и родимому краю,
И неведомому рубежу.

Осень, я у тебя на печальной примете,
И пускай, когда грянет зима,
Проступлю бледной буковкой в Новом завете,
Слабым вздохом в напеве псалма.

РОДНЯ

На лавке боров, к бойне гожий,
Вчерашний в зенках перепой,
И рыжий кот с бандитской рожей
Самодовлеюще тупой.

И рядом девочка-красотка
Усердно лепит “пирожки”,
На деда взглядывает кротко,
Лепечет: “Посмотри, каки!”

Из деда прёт отрывка трубно,
И он бутылкой вновь и вновь
Рот затыкает; льётся трудно
“Ячменное”, его любовь.

“Смотри, ещё!” Он ей ни слова,
Пивная бочка, волчья сыть.
И как такая у такого
Родной кровинкой может быть?

Песок в ручонках чист и влажен,
Им лепка вовсе не игра.
Кряхтит старик, но голос важен:
“Молекула, домой пора!”

ПАМЯТИ В. В. КОЖИНОВА

Не хватает его, не хватает,
И душа нелюдимо томима.
Ах, мой друг, неужели светает?
Разве солнце взойдёт без Вадима?

Скоро снег необъятный растает,
Для него безнадёжно последний.
Нарастают наветы и сплетни.
Не хватает его, не хватает.

По-буслаевски жил он и славно.
Это он-то покой обретает?!
Не хватает его, не хватает,
Нас ему не хватает недавно.

ВСЕГО ЛИШЬ

Всего лишь ночь с её судьбою,
Всего лишь я и рядом ты,
И воедино мы с тобою
Изваяны из темноты.

Сквозняк поёт в дверные щели,
Дождь в мире шелестит шальном.
Нам снится долгий звон капли
И вешний ветер за окном.

Ещё невзгодой и утратой
Не окольцованы сердца.
Нетерпеливо конь крылатый
Копытом роет у крыльца.

И предвкушение полёта
Восторженнее, чем полёт;
И нам пока чудесный кто-то
Покинуть землю не даёт.

Тяжкое известие пришло из Галича. Не стало Виктора Лапшина.

Его ранние стихи ещё успел приветить и оценить Николай Рубцов. А когда первые крупные подборки стихов Виктора появились в московских журналах – они были восторженно встречены Инной Ростовцевой, Вадимом Кожиновым, Юрием Кузнецовым. Имена говорят сами за себя.

“Что же неоспоримо значительно в творчестве Виктора Лапшина? – писал Кожинов. – Прежде всего – очевидная сила, воля, энергия поэтического голоса, которых так недостаёт в стихах последних лет, написанных новыми именами... Виктор Лапшин... – поэт самого широкого диапазона... В каждой из... разнородных форм творчества Виктора Лапшина – особенный поэтический строй; даже самый их словарь, сама художественная лексика имеют явные отличия. И в то же время несомненна единая и глубоко личностная творческая воля, воплотившаяся во всём... жанровом многообразии”.

Отзыв Кузнецова был вообще беспрецедентным. Вопреки распространённому мнению, Юрий Поликарпович умел по-доброму ценить любое проявление поэтического дара. Но подобного тому, что он написал о Лапшине – не писалось им ни до, ни после.

“...Вспыхнула новая звезда. Загадай желание, читатель! Я уже загадал. Это Виктор Лапшин! Это настоящий поэт. Это не летучий метеор. Он слишком крупен по массе и сокрушителен по удару, и можно легко предугадать, что, рассекая плотную атмосферу современного литературного внимания или сопротивления (что одно и то же), он войдёт в русскую поэзию. Уже вошёл...”

Виктор Лапшин удивительно целомудренный поэт. После чтения многих его стихов в душе остаётся тонкий неуловимый аромат обаяния. И между тем он – сложный поэт, с широким эпическим видением, его воображение клубится, его умонастроение глубоко и полно тончайших смысловых оттенков. Человек, Родина, Природа – вот триединый объект его самых пристальных дум...

Крик улетающих осенних гусей для него что предсмертный стон. Гуси-то летят за предел. А Лапшин не хочет туда. Как будто за чертой окоёма сама смерть. Смерть и есть для него самый страшный предел...

Ясно одно. В русскую поэзию вошёл новый поэт. Снимите шапки, братья по цеху!”

В предисловии к поэме Лапшина “Дворовые фрески” Кузнецов органично сопрягал лапшинскую ноту с тютчевской — и был абсолютно прав в этом своём послыле. Земная жизнь во всех её многоцветных переливах, в удивительных человеческих образах, на глазах оживающих в поэзии Виктора, в тончайших энергиях, пронизывающих её изнутри, сочетается с глубинной тревогой за само земное бытие. “С болью наблюдает поэт, как разрушение достигает глубин Руси, кротких, простых и отзывчивых человеческих душ, делает людей равнодушными и жестокими... Ему ещё доступен психологизм — плод многовекового монашеского делания, который позже был подменён психоанализом и во многом ушёл из русской литературы, оставшись достоянием классиков XIX столетия. Лапшин зряч ко греху, запрытанному в глубинах, к притаившейся темноте”, — так писала о поэте Наталья Егорова.

Последние годы в Галиче были для Лапшина тяжкими и трудными, как для всякого русского человека, не пожелавшего и не смогшего вписаться в жизнь современных джунглей. Он с радостью отзывался на каждое известие из “Нашего современника”, на каждую публикацию его стихов, с благодарностью принимал любую нашу посильную помощь. Жизненных сил оставалось всё меньше и меньше, но талант не угасал, а стихи обретали всё большую классическую точность и строгость.

Сидеть бы целый век у речки говорливой,
Да чтоб сосновый дух и шум с окрестных гор!
Кто смеет говорить о жизни несчастливой?
Не счастье ли глядеть в сияющий костёр?

Лик пламенный его... ликующие искры!
Как будто смертный грех испепелён в огне!
Путь вечен предо мной, но благодатно быстры,
Мгновенны Божьи дни, дарованные — мне.

Незадолго до смерти Виктор Лапшин прислал нам из личного архива свою обильную переписку с друзьями-поэтами и новую поэтическую рукопись, из которой мы в этом номере публикуем первую, но не последнюю посмертную подборку его стихотворений.

Снимите шапки, братья по цеху! Ушёл в мир иной поэт, о котором нам всем ещё предстоит и писать, и говорить, и думать...

Сергей Куняев

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

МАРШАЛ ЖУКОВ. УРОКИ, ЗАВЕТЫ, НАДЕЖДЫ

Будущий Маршал родился в 1896 году в деревне Стрелковка Калужской губернии. Отец Георгия Константиновича – деревенский сапожник, мать – полубатрачка. До революции таких называли “чумазами”, после неё происхождение из крестьян-бедняков считалось элитарным. Теперь вот снова пошла мода отыскивать в своих родословных дворянские или купеческие корни. Жуков был слишком крупной фигурой, чтобы заниматься сословной мимикрией. Выбившийся до революции в так называемые мелкобуржуазные слои, он и после неё не терпел бедности. Но личное благополучие никогда не играло существенной роли в планах Георгия Константиновича. И когда в своей книге “Воспоминания и размышления” он написал: “Революция дала мне возможность прожить жизнь яркую, очень интересную, полную сильных переживаний и больших дел”, он сказал большую правду от имени целого созвездия уникальных россиян. Октябрь пробудил творческое начало в российском “чернозёме”, на дрожжах революции люди, подобные Жукову, стремительно поднялись “из грязи в князи”. Многих чистки 30-х годов возвратили в грязь лагерей, иным из них удалось выкарабкаться, и, не помня обид, они продолжали верой и правдой служить своему народу. Рокоссовский, Туполев, Королёв, Чижевский (называю лишь тех, кто прошёл через репрессии) – какие драматические величественные имена!

Жуков не сидел в лагере, но полной мерой испил горькую чашу времени. Он долгие годы ходил по острию бериевской бритвы, был не однажды объектом доносов. Маршал не проиграл ни одного сражения на войне и был неизменно в проигрыше в мирное время. Жуков спас страну трижды: во время войны; после смерти Сталина, когда над вакантным тронем вождя нависла тень Берии; и третий раз, когда стране угрожало возвращение к сталинским методам руководства со стороны группы Молотова, Маленкова, Кагановича. Награда была неизменной: услугами Жукова пользовались, а затем старались убрать Маршала куда-нибудь подальше с глаз. Слишком крут и независим!

Как же складывался такой характер?

Фотографии донесли до нас облик молодого Жукова в пору его работы в скорняжной мастерской, а затем унтер-офицера на Первой мировой войне. На нас смотрит решительный молодой человек в штатском и лихо надетой военной фуражке. Подбородок ещё не обрёл позднюю жуковскую массивность, но уже свидетельствует о мужском характере хозяина. Так оно и было.

Приехал однажды Георгий в родную деревню из Москвы навестить родителей. Отправился с другом на танцевальную вечеринку. Пригласил танцевать

девушку. К нему подошёл парень, вытащил наган (парень работал почтальоном, возил ценности и имел право на ношение оружия), пригрозил Георгию:

– Ещё раз пригласишь её, смотри!..

Жуков хладнокровно вырвал наган из рук парня, забросил его в крапиву и снова пошёл танцевать с девушкой.

Подростком во время пожара вбежал в горящую избу, вынес из неё малых детей и старуху. Но мужество соседствовало в Жукове с трезвостью, нравственная чистота – с высокой расчётливостью. Вот эпизод 1915 года. Призванный в армию молодой солдат был направлен в учебную команду для подготовки к унтер-офицерскому званию. Старший унтер-офицер команды, славившийся крутым нравом и тяжёлой рукой (одним ударом валил самых крепких новобранцев), невзлюбил Жукова, постоянно придирался к нему, отправлял в наряд. Но поднять руку остерегался. Жуков терпеливо сносил все издевательства, ни разу не вспылит, старался ещё исправнее выполнять службу.

“Однажды унтер-офицер позвал меня к себе в палатку, – вспоминал Маршал, – и сказал: – Я вижу, ты, парень, с характером, и тебе легко даётся военное дело. Но ты москвич, рабочий, зачем тебе каждый день потеть на занятиях? Ты будешь моим нештатным переписчиком, будешь вести листы нарядов, отчётность по занятиям и выполнять другие поручения.

– Я пошёл в учебную команду не за тем, чтобы быть порученцем по всяким делам, а для того, чтобы досконально изучить военное дело и стать унтер-офицером, – был ответ “нижнего чина”.

В этом эпизоде суть характера Жукова. С молодых лет он интуитивно почувствовал свою жизненную линию и шёл по ней, не сворачивая ни влево, ни вправо – никогда не теряя чести, с одной стороны, а с другой – не впадая в амбициозность, сохраняя чёткое понимание сверхзадачи.

Он не получил систематического военного и другого образования, формально окончил лишь три класса церковно-приходской школы. Но его огромная целеустремлённость позволила ему подняться на вершины культуры. Американский военный историк Солсбери, назвавший Жукова “полководцем полководцев”, заметил, что советский Маршал изучил военное искусство от Цезаря до Клаузевица как никто в мире.

Дочь полководца Элла вспоминает: “В семейной библиотеке было больше 20 тыс. томов. Была представлена, прежде всего, военная литература. Как сейчас помню три тома Клаузевица “О войне”, примечательные тем, что они испещрены подчёркиваниями и пометками отца... Отец читал Шлиффена, Фоша, Фуллера и Лид-дель-Гарта, он штудировал и отечественных теоретиков военного искусства”.

По настоянию Жукова, в бытность его министром обороны в 1950-е годы, были переведены на русский язык и изданы многие мемуары западных генералов, также в распоряжение специалистов поступил шеститомник Уинстона Черчилля “Вторая мировая война”.

Но, конечно, Жуков не стал бы Жуковым, если бы его интересы сводились исключительно к военным делам!

– Читайте и учите Пушкина, пьесы Островского! – говорил он дочерям. – Это сама жизнь. Толстого, Тургенева, Чехова. Русской литературе нет равной в мире.

Не раз перечитывал Маршал “Тихий Дон”, восхищаясь мастерством Шолохова.

В сорок третьем после Сталинградского сражения захотел выучиться игре на баяне. И выучился через год, урывками между сражениями наигрывал “Коробейников”, “Славное море, священный Байкал”, “Тёмную ночь”, “Соловьёв”. В 1945 году аккомпанировал Л. Руслановой, которую очень любил.

– Для маршала совсем неплохо, – так оценила его игру Русланова.

Нельзя сказать, что при жизни его недооценили. Орденский “иконostas” на парадном мундире Маршала был самым великолепным. Народ и армия его любили, враги боялись, иные соратники завидовали, вожди терпели рядом только по великой нужде. Его ледокольная воля наложила неизгладимый отпечаток на всю эпоху Второй мировой войны.

“Оценивая полководческие качества Жукова, – пишет генерал-лейтенант Н. Г. Павленко, – надо сказать, что он наделён был ими весьма щедро. Причём его железная воля и могучий ум находились в оптимальных пропорциях, что заметно выделяло его из числа других полководцев.

Опыт многочисленных войн показал, что пробелы в интеллектуальных и организаторских способностях полководцев, недостатки в их знаниях можно было ещё как-то компенсировать. Что касается волевых качеств, то их нельзя было восполнить ничем и никем. Железная воля Г. К. Жукова не была скрыта в глубинах его характера. Она находила выражение в его суровом взгляде, в выступавшем вперёд подбородке, в категоричности суждений, в краткости и сжатости формулировок, в металлическом голосе”.

К этому набросанному генералом Павленко портрету Маршала можно добавить ещё одну характерную внешнюю черту – высокую верхнюю часть черепной коробки Жукова. Такого великолепно сформированного черепа не было ни у одного из военачальников Второй мировой войны. Недаром битый Жуковым Кейтель с ненавистью изучал лицо Маршала во время подписания акта о безоговорочной капитуляции. А союзник, американский генерал Паттон, встретившись с Жуковым, предпочёл не увидеть его высокого лба, а отметил лишь “доисторическую нижнюю челюсть, как у обезьяны”. Понять Паттона нетрудно – сказался комплекс союзнической неполноценности, ведь если бы не наступление войск Жукова в 1945 году, истекающий кровью фашистский зверь мог бы устроить западным союзным войскам второй Дюнкерк. Именно так развивались события в Арденнах. Об этом “объективные” военные историки Запада не любят вспоминать.

Работавшие с Маршалом люди отмечали его выдающуюся интуицию, позволявшую предвидеть многие планы противника, а также неожиданность, порой парадоксальность его оперативных и стратегических решений. И первое, и второе качества базировались на огромной работоспособности Жукова.

Мне рассказывал о нём человек, учившийся вместе с Георгием Константиновичем на Высших курсах в Москве. Чем отличался будущий Маршал уже в ту пору? Прежде всего усердием. Курсанты могли организовать вечеринку, пойти в театр, к знакомым. Всё время Жукова было отдано учебе. Вечером в пустом классе его можно было увидеть над картой или у ящика с песком.

О днях военной страды рассказывает генерал Л. Ф. Минюк: “Будни маршала Жукова – это работа и работа. Даже в затишье на фронте, когда, казалось бы, следовало дать отдых организму и унять нервное перенапряжение, он не щадил себя, будто и впрямь был высечен из какой-то кремневой породы. Бывало, уже глубокая ночь, пора бы маршалу отдохнуть, а он стоит у огромной карты всего театра войны. Стоит и час, и другой в глубокой задумчивости”.

Он был человеком прямым, открытым и бескомпромиссным. Время, в которое он жил, такие черты не поощряло, мало кто сумел пронести их через всю жизнь. А он пронёс. Вот строки из его интервью писателю К. Симонову: “Кто знает, как вышло бы, если бы я (до революции) оказался не солдатом, а офицером, если бы кончил школу прапорщиков, отличился в боях (а в боях он отличился, имел два Георгиевских креста. – Ю. К.), получил другие чины... Может быть, доживал где-нибудь свой век в эмиграции?”. Это сказано и напечатано не в 1993 году, а в те времена, когда принято было писать: “Революцию встретил с радостью, колебаний не имел”.

Когда официальная пропаганда писала о немецко-фашистских офицерах и солдатах как о бандах трусливых хищников, Жуков говорил: “У нас их изображают карикатурно, принижают. А это неверно. И с какой стати так делается? Против кого мы воевали? Мы воевали против сильнейшей армии в мире. Таких солдат и офицеров не было. Они воевали до последнего”.

Как никто другой, Маршал противостоял отечественному репрессивному аппарату, подобного которому тоже не бывало в мире. Летом 1945 года в группу войск, которой командовал Жуков в Германии, прибыл заместитель Берии Абакумов.

“Когда стало известно, – пишет Жуков, – что Абакумов производит аресты генералов и офицеров, я приказал немедленно вызвать его. Задал два вопроса: почему по прибытии не изволил представиться мне как Главнокомандующему и почему без моего ведома арестовывает моих подчинённых? Ответы его были, на мой взгляд, невразумительны. Приказал ему: всех арестованных освободить. Самому убить, откуда прибыл. В случае невыполнения приказа отправлю в Москву под конвоем.

Абакумов убит восояси”.

Через год чекисты нагрянули уже к самому Жукову на его московскую дачу. “Собирался лечь отдыхать, – вспоминает Маршал, – услышал звонок и

шум. Вошли трое молодцов. Старший из них представился и сказал, что им приказано произвести обыск. Кем, было ясно. Ордера на обыск они не имели. Пришлось наглецов выгнать, пригрозить, что применю оружие. . .”

Но приходили и с ордером. И трижды (в ту пору) Герой Советского Союза, сжимая кулаки, глядел, как роятся в его белье и в бумагах. . .

В ряду мемуарной литературы, а мемуары написали почти все маршалы и многие генералы, книга Жукова “Воспоминания и размышления” выделяется не только первоклассным анализом итогов и уроков войны, но и справедливой оценкой своих и чужих успехов и просчётов. В этом её отличие от многих генеральских сочинений, где самореклама авторов нередко основана на недооценке или даже унижении соратников. Тем более важна оценка Жуковым личности Сталина. У Маршала не было личных причин обелять Генералиссимуса. Многие несправедливые упрёки, понижения в должности без причин, неоднократные угрозы ареста, наконец, реестр допущенных военных просчётов и ошибок – всё это давало Маршалу достаточные основания свести счёты со Сталиным на страницах своих “Воспоминаний и размышлений”, что до сих пор делают мелкие люди безо всяких оснований и без особых размышлений.

Жуков на это не пошёл. Как не пошёл на то, чтобы вставить в свою книгу слово похвалы бригадному комиссару Леониду Брежневу, в эпоху правления которого печатались “Воспоминания и размышления”. “Я не знал такого генерала”, – отрезал Маршал подхалимам. Впрочем, те управились сами: они без ведома Жукова вставили в книгу сюжет о том, как полководец ездил на Малую Землю “советоваться” с комиссаром Л. И. Брежневым.

Что же касается личности И. В. Сталина, то вот несколько выдержек из книги “Воспоминания и размышления”: “Сталин внёс большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и её союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик. . .

Невысокого роста и непримечательный с виду, И. В. Сталин во время беседы производил сильное впечатление. Лишённый позёрства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность чётко формулировать свою мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память заставляли во время беседы с ним даже искушённых и значительных людей внутренне собраться и быть начеку. . .

Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку. . .

Трудно сказать, какая черта у него преобладала. Человек разносторонний и талантливый, И. В. Сталин не был ровным. Обычно спокойный и рассудительный – временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, взгляд становился тяжёлым, жёстким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар”.

Среди таких немногих был Жуков. Известна его крутая реакция на вспышку сталинской ярости, когда Георгий Константинович предложил в стратегических целях отдать немцам Киев. Тогда эмоциональная схватка двух исполинов закончилась вничью: Сталин не принял в расчёт мнение своего начальника Генерального штаба, понизил его в должности и отправил командующим Резервным фронтом под Ельню. А Жуков выиграл сражение под этим городом и доказал, что был прав. Были и другие стычки, одни из них заканчивались тем, что принимались решения Жукова, в других конфликтах навязывал мнение Сталин. На этом основании иные военные историки пытаются создать Маршалу имидж военной тени Сталина. Гвардии полковник запаса, доктор наук, профессор А. Мерцалов пишет в журнале “Родина” (№ 6, 7 за 1991 год): “Некоторых приводит в восторг то обстоятельство, что Жукову не удалось “пройти академией”. Нужно ли доказывать, однако, что одних природных данных не доставало для того, чтобы руководить военными действиями, да ещё при полуграмотном Верховном? Не только Сталину, но и Жукову были свойственны порочный стиль “любой ценой”, грубость и самодурство”.

В этом же номере журнала рядом со статьей А. Мерцалова опубликовано тщедушное (другого слова не подберёшь) стихотворение Иосифа Бродского “На смерть Жукова”, аккомпанирующее военному профессору:

*Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую! что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
Белой кровати? полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
Области с ними? “Я воевал”.*

Литературные достоинства этих стихотворных фантазий на тему Жукова судить не стану, также мне неизвестно, какими военными заслугами подкреплёно учёное звание профессора А. Мерцалова. Но историческое невежество военного историка и поэта налицо. А ещё инфантильный цинизм И. Бродского, которому, видимо, и в голову не пришло, что звание Нобелевского лауреата не даёт права на ношение ключей от рая... куда Бродский не пустил Жукова.

Статистика наших военных потерь свидетельствует: в будапештской наступательной операции, которую проводил один из лучших советских военачальников маршал Ф. И. Толбухин, было задействовано 712 500 человек. Из них погибло 80 026, то есть 11,1% участников. В Берлинской операции, которой руководил Г. К. Жуков, участвовало 1 906 200 солдат и офицеров. Число погибших составило 78 291 человек, то есть 4,1%.

Профессия полководца обязывает проливать на войне солдатскую кровь, а не воду, и документы подтверждают: Жуков делал это очень бережно. Сказанное не умаляет заслуг других полководцев, но лишь подчёркивает, что он был лучшим из лучших.

Вспоминает маршал Василевский: “В самые трудные, даже критические моменты я никогда не видел Жукова растерянным или подавленным. Напротив, в такие часы он был, как никогда, деятелен, сосредоточен и целеустремлен”.

Так было до войны, во время и после неё.

Когда в 1957 году возникла угроза захвата власти группой Молотова, Маленкова и Кагановича, Хрущёв обратился за помощью к Жукову. Тот послал военные самолёты за членами ЦК. На собравшемся 22 июня Пленуме с докладом выступил Маршал. Своим чеканным, металлическим голосом он бросал заговорщикам тяжёлые обвинения об их участии в репрессиях сталинских времён. Если бы докладывал кто другой, например, Хрущёв, могла последовать ответная атака: “А сам-то...” И как её отразить? Жукова оппозиционеры тоже пытались одернуть: дескать, время было такое, и если порыться в архивах, то можно найти “некоторые документы”, где стоит подпись Жукова. Маршал немедленно возразил:

– Нет, не найдёте. Ройтесь! Моей подписи там не найдёте.

И не нашли до сих пор. Ни одной.

Выразительные эпизоды, связанные с арестом Берии. Принять участие и возглавить эту операцию предложил Жукову в 1953 году его тогдашний начальник, министр обороны Булганин. Маршала предупредили: Берия – человек физически сильный, владеет приёмами восточных единоборств.

– Ничего, справлюсь, нам силы тоже не занимать, – ответил Жуков. Во время заседания Президиума ЦК КПСС Жуков подошёл к Берии и скомандовал:

– Встать! Вы арестованы.

Берия медлил. Тогда Жуков схватил его, заломил руки, приподнял, встряхнул и тут же провёл ладонью по бедрам – нет ли пистолета. Оружия при Берии не оказалось.

“Злость на Берию у меня была беспредельна, – вспоминает сам Жуков, – глядя в его испуганные глаза, я сказал:

– Сволочь, доигрался! Ты хотел посадить всю страну, теперь ответишь за все!”.

Чтобы при выезде из Кремля не возник инцидент с чекистами, которые могли вступить за своего начальника, Жуков посадил в свою машину известных военачальников – Москаленко, Батицкого и Серова, которых охрана знала в лицо. Берию с кляпом во рту положили на пол между сиденьями под ноги генералам, да так и вывезли из Кремля. 57-летний Жуков не забыл приёмов, с помощью которых ещё в Первую мировую брал разведчиком “языков”.

Когда много позже кто-то из журналистов спросил у Жукова о дальнейшей судьбе Берии, Маршал сухо ответил :

– Я его арестовал, а судил Конев. Пусть и расскажет.

Ответил по-жуковски – ни слова домыслов, ни тени пересудов.

Примечательную историю рассказывает журналист Трояновский. Во время войны приехал он однажды в штаб Жукова с корректурой статьи, которую должен был завизировать полководец. Пришлось долго ждать приёма, адъютант пропускал других посетителей, преимущественно генералов. Наконец, настала очередь Трояновского. Жуков быстро прочёл статью, поставил подпись, затем обратился к корреспонденту:

– Почему не вошли сразу, у вас же срочное дело?

– Ваш адъютант не пускал.

Жуков резко отчитал Трояновского. Смысл выговора сводился к тому, что солдаты ждут номер газеты, что дело корреспондента архиважное, и он должен был любыми путями пробиться к командующему и выполнить поручение редакции. В заключение Жуков сказал:

– Передайте бригадному комиссару Ортенбергу (редактору “Красной Звезды”), чтобы больше он вас ко мне не присылал. Вы не умеете работать.

Обо всем этом Трояновский много лет спустя рассказал не с обидой, но с восхищением профессионала перед великим профессионалом.

Возникает вопрос, уж не рисую ли я икону Маршала? Ведь были же у него недостатки? Отвечаю: на фоне современной ему человеческой панорамы, а пожалуй, и теперь – это действительно облик иконописный. Русланова при жизни Жукова назвала его Георгием Победоносцем. И чем дальше в историю уходит фигура Жукова, тем более проступает над прекрасной головой Маршала ореол святости.

Кого называют святым человеком? Того, кто отдал всего себя без остатка самой великой цели. Мы привыкли связывать святость лишь с религиозным служением Всевышнему. Но XX век раздвинул наши понятия о святости и дал примеры подвижников в разных областях жизни. Александр Чижевский в науке, Антуан де Сент-Экзюпери в летном деле, в литературе и философии, Альберт Швейцер в медицине и философии – все они подвижнически служили Богу как Истине, Добру и Красоте. Георгий Жуков служил той же Высшей Цели в эпоху Небесного и земного Армагеддона как святой воин. Это чувствовали тонкие люди.

Анна Миркина, редактор книги Жукова “Воспоминания и размышления”, вспоминает, что когда у постели уже глубоко больного полководца собрались врачи на консилиум, находившийся среди них француз-профессор встал перед Маршалом на колени, преклонил голову и сказал: “Я кланяюсь человеку, который спас мир от фашизма”.

Воин духа – монах, как правило, бывает строг к себе и мягок к людям. Жуков действовал в жестоком мире, не мог не считаться с его законами и поэтому к людям относился, как правило, жёстко. Но жестоким и мстительным никогда не был. Самые суровые решения его освящены чистотой помыслов и благородством поступков. Это равняет его с русскими старцами. Он высоко поднялся над своей эпохой, где бурлило слишком много низости. Эпоха больно ранила Жукова, но запятнать его не сумела ни в чём. Потому мы имеем полное право назвать его святым человеком. Таким же примером для подражания, как Александр Невский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский.

Был ли Жуков религиозен в церковном смысле? Прямых свидетельств на эту тему нет, но есть некоторые косвенные, например, что под обшивкой легковой автомашины Маршал возил икону Казанской Божьей Матери. Утверждают, что все свои сражения полководец начинал словами “С Богом!” и что он носил крест. Наверное, подобных данных недостаточно, чтобы объявить Жукова человеком “воцерковлённым”, гораздо больше сведений на этот счёт относительно маршалов Шапошникова и Василевского. Но внутренняя религиозность великого полководца у меня не вызывает сомнений. В связи с вопросом о религиозности Жукова уместно рассмотреть проблему взаимодействия Высших Сил с Советской властью и коммунистическим режимом.

Известно, что во время войны многие препоны для церкви были убраны, и её активность необычайно возросла. Богослужения проходили даже в действующей армии. Это происходило спонтанно и, понятно, не было директивой ни Сталина, ни Жукова. Что же происходило в стране на духовном фронте?

Церковная литература свидетельствует, что когда гитлеровская Германия начала агрессию против Советского Союза и весь православный мир молился за спасение России и мира, митрополит Ливанской православной церкви Илия

укрылся в подземной церкви и там три дня молился перед иконой Божьей Матери о спасении России. Ему было видение Богородицы. Она сказала, что Россия будет спасена, если российский правитель Сталин выполнит следующие условия: 1) разрешит, где только можно, работу храмов и монастырей, а также духовных академий и семинарий; 2) будут совершены богослужения перед чудотворными иконами в действующей армии; 3) не будут сданы города Москва, Ленинград и Сталинград; 4) определение Высших Сил будет доведено до сведения советского народа.

Информация о видении ливанскому митрополиту была сообщена по посольским каналам Сталину. Советскому лидеру не оставалось ничего другого, как принять определение Божественных Сил, тем более что он в своё время учился в духовном учебном заведении и каким бы атеистом себя ни считал, наверное, чувствовал, как всякий крупный человек, что с Богом шутки плохи.

Во время войны, как известно, по распоряжению властей было открыто много храмов, монастырей, духовных учебных заведений. Икона Божией Матери по распоряжению Сталина была помещена в самолёт и совершила облёт неба Москвы. В осаждённом Ленинграде непрерывно шла Божественная Литургия, чудотворная икона Казанской Божьей Матери побывала в Ленинграде, Сталинграде, под Кенигсбергом. Формально было выполнено и последнее условие Высших Сил: митрополита Илию после войны пригласили в Москву, наградили Сталинской премией 1-й степени, от которой священник отказался и ещё внёс 200 тыс. долларов на восстановление разрушенного войной хозяйства страны. Сталин предложил самому митрополиту сообщить факты, связанные с определением Богородицы, что тот и сделал перед собранием духовенства и верующих. Таким образом, православная церковь давно знала, с чьей помощью победил Советский Союз.

Всё это очень серьёзные вопросы, требующие научного осмысления. Большая наука всегда, а в наше время особенно, погружаясь в глубины материи, неизменно натывается на присутствие каких-то парадоксальных разумных сил, действующих за гранью элементарных частиц, но управляющих самыми грандиозными скоплениями материи. И человеческим обществом тоже. Как же понять парадокс помощи Бога безбожникам?

Но разве не Библия дала нам притчу о блудном сыне, прощённом отцом? Разве не Богородица назвала Россию своим домом? Если мы считаем Бога высшей Справедливостью, мог ли он не помочь народу, который с невиданным упорством, самоотверженностью и мужеством защищал свой дом? Между прочим, когда началась русско-японская война 1904 года, во всех храмах Российской Империи шли службы в честь русского оружия, тогда сам царь Николай II молился вновь причисленному к лику святых Серафиму Саровскому, чтобы тот помог русским воинам. Высшая Помощь не состоялась. По этому поводу левая пресса начала века иронизировала: царь пытается победить японцев молитвами, а они бьют русскую армию новейшими бризантными снарядами.

Во все века людей волновал вопрос, как достучаться до Бога, как заслужить Его помощь? Много сказано о любви, о милосердии, о смирении, наконец, о справедливости. Но не всегда вспоминают, что Бог – это напряжение, что без предельной концентрации сил человека нет и помощи Высших Сил. Не в том дело, что Бог помогает только сильным, он помогает и слабым, но при максимальных их собственных усилиях. “Царство Божие берётся силою, и всякий стремящийся к усилению восхищает Бога”. Все подвижники и Божьи угодники были, прежде всего, великими тружениками.

В величайшем напряжении народа – тайна нашей победы в Великой войне. В катастрофических условиях мы победили немцев лучшим военным искусством, лучшими танками, лучшими самолётами, то есть плодами беспрецедентных в истории усилий народа и его лидеров.

Сегодня ситуация повторяется. И хотя из атеистов мы внезапно чуть ли не все превратились в верующих, хотя повторяем, что Бог назначил России лучезарное будущее, что духовное возрождение нашей страны – залог спасения всего мира, но только на условиях труда, но не попрошайничества. Так называемый Страшный Суд подводит черту, за которой окажутся все, надеющиеся вехать в рай на чужих плечах. “Теплых” “изблюю из Уст Своих”, – говорит Бог устами апостола Иоанна.

Мы сегодня стали умными и понимаем, что без помощи Бога не было бы нашей Победы в мае 1945 года. Но Победы не было бы и без солдат, офице-

ров и генералов. Сегодня о них говорят разное. Договариваются даже до того, что напрасно они не сдали страну Гитлеру, что, возможно, в этом случае более высокая немецкая цивилизация обеспечила бы нам рыночное процветание и товарное изобилие. Подобные мысли мы уже слышали из уст одного литературного героя – Смердякова в “Братьях Карамазовых” Достоевского. Он рассуждал примерно в той же тональности: проиграй Россия Наполеону, она присоединилась бы к семье цивилизованных государств.

Есть и другие “философы”, которые упрекают нас за то, что мы воевали за ложные коммунистические идеи.

Я понимаю горькие чувства сегодняшних ветеранов, которым приходится выслушивать подобные речи, и полностью присоединяюсь к ним. Но можно понять и великого полководца, не раз вкушавшего чёрный хлеб неблагодарности. Где находил он силы, чтобы сохранить достоинство и веру? В самом себе. Среди жестоких политических вождей и угодливых хамелеонов он сохранял высоту коммунистических идей, прежде всего, линией собственной жизни. Он был из той когорты коммунистов, к которой принадлежали Шолохов, Королёв, Шукшин и тысячи других известных и неизвестных благородных россиян, чьей духовной силой держалось могущество коммунистической идеологии.

Как известно, коммунистические идеи изобретены не Марксом и не Лениным. Преданными коммунистами, то есть общинниками, жившими на общее благо, были Будда, Пифагор, Христос, Франциск Ассизский, Сергей Радонежский. Самый великий из названных выразил своё отношение к идеалам рыночной экономики весьма недвусмысленным образом: он свил кнут и выгнал этим кнутом всех торгашей из храма. Как видите, и Спаситель мира порой прибегал к очень недемократическим приёмам. Беда наша не в самом торгашестве, куда от него денешься, а в том, что мы поселили рынок в наши души и даже Бога призываем в соучастники рыночного “преображения”.

Коммунистические идеи, за которые сражался Георгий Жуков, непременно вернуться в поле зрения россиян, когда пройдёт наше “демократическое” помрачение. Вернутся, конечно, не в прежнем виде, не в лицемерной форме, когда столпы общества клялись в верности Марксу, Ленину, а сами терлись у западной кормушки. Нет, общество будущего будет постоянно приближаться к идеалам Христа, Сергея Радонежского.

Что же касается насильственного коммунизма, то, отвергнув его, мы должны сохранить уважение к советской истории, как и к истории вообще.

Разве христианство во всём мире внедрялось ненасильственным путем? Разве инквизиция, религиозные войны, крестовые походы не оставили за собой горы трупов? А кто развязал Первую мировую войну? Даже рыночная экономика и права человека произросли на костях буржуазных революций.

Насилие ужасно и отвратительно, но оно неизбежный спутник низших ступеней нашего сознания. Проклясть его бесполезно, отшатнуться от него недостаточно, им нужно переболеть, его нужно перетерпеть и пережить. Так что большевистская прививка России и миру была неизбежна и даже необходима.

... Жуков все свои 77 лет нёс разнообразную и очень тяжёлую ношу. Но не посетовал на это ни разу. Наоборот, только трудную жизнь он считал достойной человека. Цитирую строки из письма дочери Маше: “Пусть тебя не угнетает тяжёлая жизнь. Тяжёлая жизнь – лучшая школа жизни. Тот, кто перенесёт тяжёлую жизнь, тот будет хозяином жизни, а не её рабом”. Прекрасный завет тем, кто сегодня растерялся, паникует, кто считает, что битва за Россию проиграна. Она только начинается.

Может возникнуть также вопрос, зачем тревожить военные тени, не лучше ли обратить взор к образу ещё одного мирного подвижника? Действительно, кровавые лапы войны одряхлели. Ими уже никому и ничего не докажешь. Почему же человек, апофеозом которого была самая большая в истории человечества война, стал предметом нашего пристального внимания? Именно потому, что война не ушла из нашей жизни, но переменила формы. Оттого, что на полях России не стучат копыта боевых коней и не гремят гусеницы танков, легче не стало. Мы открыли врагу границы наших душ. Идёт массовая охота на человеческие души, в том числе с помощью различных эмоциональных капканов и духовных ловушек. А безбрежные заросли жизни нашей куда как удобны для такой охоты.

По телевидению, в газетах нередко проповеди о вселенских катастрофах и адских муках, ожидающих нас. Кого пугать?! Народ страны, который этих мук натерпелся столько и таких, что ни одно пророчество не вместит?

Религиозное оцепенение в предчувствии “конца света” презренно, покаяние, не сопровождающееся энергией действия, абсолютно бесперспективно. Давно пора усвоить этот урок. Молитвой Маршала Жукова была его тщательная ратная работа, а покаянием — анализ допущенных в работе ошибок.

В молитве нам могут быть даны огромные силы, но если человек проквасит их в бездействии, лучше бы ему не прибегать к помощи Бога. Древний мудрец, человек в высшей степени религиозный, сказал: “Если есть безоружные, хорошо вооруженные их побивают. Не дело Бога сражаться вместо тех, кто не хочет драться. Закон таков, что на войне спасает храбрость, а не молитва. Чтобы получить урожаи, надо не молиться, а возделывать почву, и если пренебрегаешь здоровьем, будешь болеть... Если злые люди стоят у власти, то это из-за трусости их подданных, и обратное было бы несправедливо”.

Как свежо звучат мысли древнегреческого мудреца Плотина в наше время, когда нас захлестывают волны духовной обломовщины!

Есть религиозное поверье: герой одним геройским поступком может искупить многие грехи своей жизни, тогда как иной добродетельный человек за минуту низости и подлости будет долго и дорого уплачивать долг Богу. С таким поверьем трудно не согласиться. Неудачи жизни, пьянство, семейный и психический разлад и распад в судьбе таких людей — это и есть то, что мы называем карой Божьей.

Пусть идут своим чередом и политические события. Не будем отчаиваться при любом их повороте. Это не гражданская пассивность, но экономия душевных сил. Они нам очень понадобятся в ближайшие годы. Главные события впереди, нам предстоит выдержать колоссальное напряжение, но не в политической, не в экономической и не в военной сферах. Все чувствуют, что над миром нависла какая-то ещё неведомая опасность, причём чаша испытаний не минует ни одну страну, ни одного человека. Через мощные потрясения предстоит рождение нового мира. Пионером этого мира является наша страна и народы, её населяющие, которые прошли уже часть родовых мук. Но в одном сходятся и Откровение Иоанна (Апокалипсис), и пророчества многих старцев, и древние священные книги Индии, и Освальд Шпенглер, и Эдгар Кэйси, и мнения новейших футурологов: современная цивилизация обречена. Планета должна возродиться на каких-то иных, принципиально отличных началах. И выживут не те, кто приберёт больше денег, больше продуктов или нашёл другую экологическую нишу для тела. Предмет главных наших забот — экология души, чистота и высота духа.

Если мы хотим выдержать экзамен на житие в новой земле — в России, мы должны соединить свои усилия с Россией Небесной, следовать в жизни её великим Обликам. Душа Маршала Жукова принадлежит к их сонму.

Как следовать?

Однажды Жукова спросили, чем была вызвана немилость Сталина к нему после войны. Подумав, Маршал ответил: “Во время Парада Победы подомной был слишком белый конь”.

Как вы помните, Георгий Победоносец топчет дракона копытами белого коня. Поэтому фразу статьи о том, что Жуков не проиграл ни одного сражения на войне и был неизменно в выигрыше в мирное время, хотелось бы уточнить: он не знал поражения никогда. Забытый, униженный, отодвинутый в тень, он оставался лучше, чище, нравственнее других. Белый конь жизни — вот главный символ спасения сегодня. Но лучше сказать: не спасения — ПОБЕДЫ!

Р. С. По сообщениям прессы, музей-кабинет маршала Жукова в здании старого Генерального штаба будет выселен сразу после празднования Дня Победы. “Военные музеи, как Эрмитаж, должны приносить доход”, — заявила на заседании военного ведомства помощница министра Сердюкова (“МК” 20.04.2010). Видимо, с покойного маршала взять нечего. А потому Жукова из Генштаба — вон!

Благодарная память потомков не знает границ. Похоже, и между добром и злом, благородством и подлостью в том числе.

КСЕНИЯ МЯЛО

ТОЧКА РАЗЪЕДИНЕНИЯ

Возможно ли представить себе такие юбилейные торжества, уже на дальних подступах к которым усердно, со всей возможной тщательностью и даже с подлинной страстью, заготавливался подробный, – подобный тому “длинному свитку”, который, согласно христианскому преданию, будет развёрнут перед нами в наш смертный час, – список всех совершённых юбиляром ошибок, прегрешений, а то и всех мыслимых и немыслимых грехов? Возможно ли, чтобы деятельность эта, по мере приближения торжественной даты, приобретала всё больший размах и накал, заставляя, в предчувствии недоброго, тревожно сжиматься сердце тех, кому юбиляр – сам, быть может, по наивности или по возрасту ещё не чующий беды, – близок и дорог?

Наверное, хотя и с большим трудом, но всё-таки возможно – однако лишь в том случае, когда устроители торжеств заведомо и ставили своей целью вовсе не превознесение его заслуг (пусть даже несколько гиперболизированное, но так принято – так, во всяком случае, было принято *до сих пор*), не воздаяние хвалы всей прожитой им жизни, словом, не *чествование* его, а как раз наоборот – публичное унижение виновника торжества, почему-то возомнившего, что он и впрямь нечто достойное, а то ещё и героическое совершил. Нет, *этого* ему позволить, конечно же, нельзя, а потому похвалы хотя и будут звучать, но, как требует сам жанр задуманного шоу, в той глумливой, пародийной манере, в которой принято воздавать почести царю-шуту. Что-то вроде “конечно же, дорогой N.N., мы Вас чтим и помним о Ваших заслугах, но уж позвольте всё-таки напомнить Вам и о другом”, – и далее по списку, где изощрённо сплетены быль и небыль, а всем балом правит бессмертное “клеветчи, клеветчи – что-нибудь да останется”.

Надо думать, не всякому удастся пережить подобное празднество, но даже если именинник и останется жив, устроителей позорища это отнюдь не огорчит – напротив, они, возможно, сочтут, что это даже к лучшему: ведь обвинения в убийстве (хотя бы в убийстве по неосторожности) не предъявить, а главное достигнуто – *убит сам памятный день*. День, который, как представлялось, должен был стать для кого-то днём признания ценности всей прожитой им жизни, а ставший днём её позорного “обнуления” под жалгие, подобно туче ос, смешки и шипения со всех сторон: “И он ещё ждёт благодарности?!”

И вот чем ближе становится, чем неотвратимее надвигается 9 Мая, день 65-летнего юбилея Победы – будем смотреть правде в глаза, вполне возможно, последнего для многих из не только ещё живущих среди нас ветеранов, но и для “детей войны”, – тем очевиднее становится, что за этим рубежом День Победы уже никогда не вернётся к нам таким, каким, хотя и без устали грязно атакуемый, осыпаемый клеветой и оскверняемый самой грубой ло-

жью, он всё-таки ещё жил и дышал, ещё оставался сохранным в своём главном смысловом ядре и несводимости его ко дню любой другой сколь угодно блистательной победы. И при всех спорах о Сталине, о тех или иных военных операциях, о правильности или ошибочности тех или иных решений руководства СССР, при всех бесчестных спекуляциях на больном вопросе о цене Победы, для большинства граждан России, да и не только России – и здесь была территория для общественного согласия – Великая Отечественная оставалась войной священной, *праведной* в своей основе.

Но теперь как раз по этому ядру нанесены удары такой меткости и силы, которые просто обязывают участников множющихся, словно грибы после дождя, предъюбилейных конференций, симпозиумов, семинаров всё-таки отвлечься, наконец, от своего излюбленного занятия, суть которого давно уже обозначена в не устаревающих строках Руставели. Конечно, занятие это, и всегда-то мало приглядное, в постсоветской России приобрело черты особо отталкивающие, потому что в роли таких, высокомерно обсуждающих “бой со стороны” (заметим, безопасной) стратегов, которые, конечно же, и под Сталинградом, и в битве за Берлин всё сделали бы гораздо лучше и уж, конечно, не допустили бы страшного лета 1941 года и *таких военных потерь* (потери среди гражданского населения, по последним официальным данным – почти в три раза превышающие военные потери СССР, “стратегов”, как правило, не интересуют, не в последнюю очередь потому, что обращение к ним всё-таки вынудило бы отвлечься, наконец, от сталинского праха и перенести своё внимание на кого-то другого), как правило, выступают историки и политологи, в подавляющей своей части принадлежащие к поколениям 60-70-х годов прошлого века. То есть люди, даже детьми не пережившие 22 июня 1941 года, когда, как пишет, говоря о начале операции “Барбаросса”, автор ставшей уже классикой политической биографии Гитлера, немецкий историк Иоахим Фест, на Советский Союз была обрушена “самая огромная сосредоточенная на одном театре военных действий вооружённая мощь, которую когда-либо знала история”, но всё-таки умудрившиеся – в условиях, мягко говоря, гораздо более щадящих, – начисто проиграть, лишиться исторического достоинства и разорить спасённую для них ценой великого подвига и великой жертвы страну. И, наверное, по всем законам, божеским и человеческим, им уместнее было бы, по крайней мере в юбилейные дни, если уж не взглянуть открытыми глазами на свои собственные грехи, то по крайней мере сделать паузу в перечислении грехов отцовских. Тем более – сегодня, когда в свете по меньшей мере двух событий, совершившихся на протяжении предъюбилейного года, эта, ставшая уже рутинной, традиция разоблачений (в исходном, библейском смысле *открывания наготы отцов*) не просто непристойна, но являет собой трусливое уклонение от вызовов времени.

Потому что события эти, отодвинувшие на второй план даже вопрос “почему же всё-таки победили – такую мощь! – при таком-то изобилии, в лучшем случае, ошибок?”, во весь рост поставили перед нами другой – “что победили?”. И без ответа на него праздник не только окончательно утрачивает свой особый, сокровенный смысл, сближающий его с событиями Священной истории (плёнки документальной хроники ведь ещё и доньше излучают жар тех особых чувств, которыми не окружалась ни одна, сколь бы блистательной она ни была, военная победа), но и вообще рискует обернуться пародией на самоё себя. Когда-то ответ этот представлялся столь же ясным и бесспорным, как солнечный свет – когда-то, но не в преддверии юбилея; и, может быть, точнее всего и, наверное, даже непреднамеренно ощущение мглы, поглощающей былую ясность, выразили организаторы конференции, названной столь же просто, сколь и ёмко: “Война 1941-1945 годов: что это было?” В самом деле – что?

* * *

По правде сказать, появление на свет в конце июня – начале июля прошлого года документа, вошедшего в историю не только не затухающих, но, напротив, по мере приближения юбилея Победы набирающих обороты политических игрши вокруг Второй мировой войны под названием “Вильнюсская декларация ПА ОБСЕ”, не слишком удивило меня. Нескрываемая подготови-

тельная работа к этому шла уже давно, слабость же – а лучше сказать, дряблость – нынешней российской дипломатии, то ли не сумевшей предотвратить очередной удар по нашей национальной истории, то ли не посчитавшей предмет заслуживающим особого внимания и усилий, конечно же, создавала самые благоприятные условия для его нанесения. Удар и последовал – причём такой, который, даже отбросив в сторону эмоции (а это, признаться, в таком большом вопросе нелегко), нельзя расценить иначе, нежели удар по самим восходящим к 1945 году оценкам характера войны. А также – роли каждого из её участников не только в самой войне, но и, особенно, в утверждении послевоенного мироустройства.

Германии как стране-агрессору, подписавшей Акт о *безоговорочной* капитуляции, естественно, в процессе такого утверждения отводилась нулевая роль – *предопределённая*, даже в сугубо юридическом смысле, самой этой безоговорочностью.*

А вот Советскому Союзу как одной из держав-победительниц – причём такой, решающая роль которой в разгроме фашизма *тогда* никем не ставилась под сомнение (по крайней мере, открыто – этого просто-напросто не приняло бы “мнение народное” во всём мире), – в нём, соответственно, принадлежала одна из ключевых ролей. В том числе – и в создании Организации Объединённых Наций, ссылок на Всеобщую декларацию прав человека которой и открывает свой обвинительный вердикт вильнюсское послание депутатов ОБСЕ. Равно как и на Хельсинкский заключительный акт, под которым также стоит подпись СССР, тогда как подписи Третьего рейха никто ещё не разглядел. Однако все эти ссылки утрачивают всякий смысл в свете п. 3 Вильнюсской декларации, в соответствии с которым “в двадцатом веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, *нацистский и сталинский*, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества” (курсив мой. – **К. М.**)

В формулировке этой неприятно поражает не только публицистическая агрессивность, абсолютно не подобающая официальному документу, но и ещё более – кричащая неопрятность формулировок и полное отсутствие доказательной аргументации, безусловно необходимой при выдвигании обвинений подобной тяжести. Её, разумеется, и не может быть, потому что, в отличие от нацистской Германии, основанием для обвинения которой по этим статьям явились материалы Нюрнбергского процесса, никакого расследования такого рода в отношении СССР не проводилось, и, соответственно, не существует никаких документов, которыми можно было бы хоть сколько-нибудь подтвердить заявленное в Декларации. Обвинение строится исключительно на эмоциях, но последние, при отсутствии более весомых доказательств, не могут служить основанием для вынесения приговора даже по обычным уголовным делам.

Более того: перед нами нечто беспрецедентное по сравнению даже с деятельностью Гаагского трибунала по Югославии, который, при всей своей вопиющей пристрастности и необъективности, по крайней мере формально придерживается установленных норм права и следует требуемым им процедурам. И с этой точки зрения юридический способ действий по отношению к СССР, предложенный в Вильнюсе, приближается к тому, который действует в Гуантанаме по отношению к заподозренным в причастности к “международному терроризму”.

Впрочем, за прецедентами можно обратиться и к самой европейской истории, которая далеко не всегда была столь безупречна с правовой, не говоря уже о нравственной, точки зрения, как это мнится сегодня депутатам ПА ОБСЕ. Но, может быть, депутаты забыли как раз об этих страницах становления европейской демократии, о том, в какую цену обошлась Декларация прав человека и гражданина, до сих пор справедливо почитаемая неоспоримым завоеванием Великой Французской революции? Забыли, что именно она яв-

* Ведь и оба послевоенных немецких государства возникли только в 1949 г., четыре года спустя после учреждения ООН, причём сегодня, когда столь многое забыто или до неузнаваемости искажено – стоит напомнить, что первый шаг к разделению Германии сделал именно Запад: ведь первой была создана ФРГ, создание же месяца спустя ГДР стало ответным ходом СССР.

ляется фундаментом, на котором утвердилась та самая Всеобщая декларация человека Организации Объединённых Наций, к которой они апеллируют, вынося приговор СССР, и что камни в этом фундаменте скреплены потоками крови? Вот ведь даже Патрик Луи, депутат от Европарламента от Франции, категорично, словно проповедник с амвона, вещает: **“Будь то чума красная или чёрная, она всегда останется чумой.** В нацизме, ленинизме и сталинизме есть общая составляющая – тоталитарный режим и миллионы жертв” (“Власть”, № 27 (830) от 13.07. 2009. Выделено в тексте. – К. М.). А уж ему ли не знать, что в одной только мятежной Вандее, по собственным словам одного из командующих отрядами “адских карателей” (официальное название частей революционной армии, направленных на подавление мятежа в Бретани), превращённой в “залитое кровью пепелище”, погибли сотни тысяч людей.

Цифры варьируют – от порядка 200 тысяч до миллиона; наиболее близкой к истине (которую при подобных операциях, с сожжением целых деревень, не исключая стариков и грудных младенцев, вряд ли вообще возможно с полной точностью установить) считается цифра в полмиллиона. Но даже если согласиться с известным французским писателем Максом Галло, автором вышедшего в прошлом году и вызвавшего громкий резонанс двухтомного исследования “Французская революция”, и принять цифру в 120 тысяч (в течение менее года) и если учесть, что операцией в Вандее, ставшей своего рода олицетворением эпохи Террора, подвластная ему территория, конечно же, не ограничивалась (только в Париже ежедневно совершалось до 50–60 казней), то общее число его жертв не уступит, а если и уступит, то ненамного, реальному – я подчёркиваю, реальному, а не мифическому – числу приговорённых к смертной казни в эпоху того, что стало принято именовать “сталинскими репрессиями”, а оно составляет около 650 тысяч. Так что на совести г-на Блуи придётся оставить “миллионы”, сопоставимые – а ведь в этом и заключается самая соль Вильнюсской декларации – с миллионами жертв нацистской Германии. Об источнике подобной информации догадаться, конечно, нетрудно, но только ведь давно ни один из уважающих себя историков не пользуется сочинениями Солженицына в качестве источника – если он, конечно, хоть в какой-то мере стремится докопаться до истины, а не просто получать политические дивиденды с пролившейся когда-то крови. К сожалению, вся история с принятием Вильнюсской декларации приводит к выводу о том, что большинство депутатов Европарламента (ведь Декларация могла быть принята только большинством голосов) установление истины отнюдь не занимало и что принималась она, стало быть, вовсе не для того, чтобы фарисейски прочитывать “мировому сообществу” нравоучение на тему о том, как нехорошо убивать людей и прочая, и прочая в том же роде.

Да, конечно же, нехорошо, кто же спорит – ужасно даже, и 650 тысяч это тоже очень много, но если цели преследуются нравоучительные, а проповедники честны, то пусть они добавят в список и “ленинизм”, и “робеспьеризм”, и о “кромвализме” пусть не позабудут – да о многом ещё. Например, о том, о чём пишет в своей замечательной книге “Кровавые бани” такой известный человек, как Ноам Чомски, полагающий, что, в конечном счёте, число жертв *правого* террора намного превосходит число жертв террора *левого*, то есть революционного. Но поскольку преследуются цели совсем иного порядка, то, разумеется, депутаты Европарламента своё негодование распространять намереваются отнюдь не на каждый случай “уничтожения людей”, но лишь там и тогда, где и когда такое негодование может послужить достижению весьма конкретных целей, слабо связанных с реальной озабоченностью страданиями жертв исторического насилия. Волшебная формула полного избавления от которого вообще человечеством покуда, к несчастью, не найдена – или мы ошибаемся и нам следует взглянуть на мир глазами Игоря Чубайса, директора Центра по изучению России? Ведь, как следует из его интервью той же “Власти”, лично ему известны лишь два случая такового – нацизм и пресловутый “сталинизм”, только эти двое “связаны с уничтожением людей”, то есть мы уже как бы приближаемся к райскому состоянию. А для того, чтобы приблизиться к нему вплотную, требуется совсем немного: просто “руководители нашего государства должны сделать заявление, осуждающее сталинизм, заявить, что это явления одного порядка. Пока мы не распрощаемся *таким образом* с прошлым, будущего у нас нет” (курсив мой. – К. М.).

Нетрудно заметить резкий контраст между наигранной наивностью послышки и жёсткой категоричностью вывода, не говоря уже о грозном тоне “последнего предупреждения”. Ну, а поскольку есть основания полагать, что подобный “способ прощания” может и впрямь стать реальностью*, то, на мой взгляд, стоит взглянуть на вопрос о нашем будущем и с другой стороны, а именно: что произойдёт, если российское руководство, прислушавшись к рекомендациям Игоря Чубайса (или представителя столь влиятельной в РФ организации, как РПЦ, глава ОВЦС которой митрополит Иларион (Алфеев) тоже, притом неоднократно и весьма эмоционально, заявил о своём согласии с основной идеей принятого в Вильнюсе документа), сделает ожидаемый от него шаг и примет соответствующий документ? Ведь нет никаких оснований полагать, что этим очередным актом самоунижения России её дело, наконец, будет закрыто. Напротив, на протяжении последних 20 лет она ведь только и делала, что становилась на колени, притом порою неоднократно в одном и том же месте – например, в Венгрии, где за 1956 год вначале извинялся Ельцин, а потом Путин, причём ни тот, ни другой не сочли нужным напомнить, что хортистская Венгрия была союзницей Гитлера во Второй мировой войне, что её солдаты воевали на нашей земле и отнюдь не проявили себя кроткими голубями и что, коли уж дело дошло до извинений, то неплохо было бы услышать их и нам со стороны Будапешта. Но так и быть, покаяться – и что же? Умягчились сердца наших бывших союзников по ОВД? Смешно даже задавать подобный вопрос, когда ответ на него как раз и дала Вильнюсская декларация, которую можно считать первым – на таком политическом уровне – и чрезвычайно важным шагом на пути, ведущем к главной цели: полному и окончательному пересмотру роли СССР во Второй мировой войне. С вытекающими из такого пересмотра весьма важными и очень конкретными политическими выводами.

* * *

Не стоит забывать, что своё место в Совете Безопасности ООН Российская Федерация занимает лишь как правопреемница Советского Союза – державы-победительницы, которую, вплоть до её кончины, никто не посмел бы, на сколько-нибудь официальном уровне, поставить в один ряд с гитлеровским рейхом. Новая Россия, однако, эту планку не удержала. Хуже того: именно она сама едва ли не более всех поспособствовала развязыванию того процесса “переоценки ценностей”, который закономерно поставил нас перед перспективой нового Нюрнберга – такого, где на скамье подсудимых окажется как раз СССР, чьё место в СБ *покуда* занимает *правопреемница*. Но что произойдёт, если стране, плодами усилий и подвигов которой она безмятежно пользовалась, одновременно безжалостно шельмуя её, и впрямь будет вынесен приговор, если дело не ограничится только сентенциями, не имеющими юридической силы, а перейдёт в плоскость права – наследницей *чего* окажется в таком случае Россия? И можно ли представить себе, чтобы она по-прежнему могла претендовать на место, унаследованное ею от государства, овеянного славой победителя фашизма, а теперь осуждённого *по тем же* статьям (см. п. 3 Вильнюсской декларации), что и нацистские преступники в Нюрнберге? Между тем мысль о необходимости нового Нюрнберга уже носится в воздухе, и тот же Патрик Блуи формулирует её со всей определённойностью: “...Жаль, что не было процесса, подобного Нюрнбергскому, который бы осудил сталинизм и коммунизм. Нужно его провести, потому что многие ещё верят в правоту Сталина и Мао Цзэдуна”.

Последний намёк может, конечно, заинтересовать Китай, однако в любом случае “Мао Цзэдун” ещё в далёком будущем. В котором, я не сомневаюсь, Китай, коль скоро вопрос в этом будущем и в самом деле встанет подобным

* Меня, во всяком случае, поразило количество людей, принадлежащих к социальному слою, у нас не слишком корректно именуемому “элитой”, которые на страницах “Власти” – понятно, что незлитные люди такой журнал не интересуют – не только выразили своё согласие с Вильнюсской декларацией, но сделали это в сугубо циничной, непристойной манере. Между тем, именно эти люди, располагая отнюдь не ординарными возможностями влияния и на СМИ, и на саму власть, могут сдвинуть процесс в желанном для них направлении.

образом, сумеет защитить своё достоинство гораздо лучше, нежели это сделала Россия. А вот для неё речь может идти о будущем совсем недалёком, а в чём-то уже и о настоящем. Потому что в контексте Вильнюсской декларации и заявлений, подобных сделанному Патриком Блуи, сама раскрутка темы *Катыни*, совершенно оттеснившая – и как раз в предъюбилейные дни – тему *Хатыни*, то есть преступлений рейха на оккупированных советских территориях, преступлений, которые не исчерпывались одним лишь уничтожением еврейского населения, вполне возможно, имеет сугубо инструментальное значение. Ведь РФ, как правопреемница СССР, в лице своего руководства уже призналась в совершении последних *военных преступлений*, а как раз это и требовалось для не только дальнейшей обработки общественного мнения, но – самое главное – для подготовки к процессу, который, естественно, не может строиться на одних лишь выкриках негодования.

Да, конечно, дело до “нового Нюрнберга” ещё не дошло, но уже сегодня не вызывает сомнений, кто, буде такое случится, займёт место на скамье подсудимых.

Ну, а кто же будет судьями на этом новом суде народов – так ведь, помнится, называли *старый* Нюрнберг? Какие народы станут выносить нам приговор? Не наши ли бывшие союзники, в лице своих представителей подписавшие Вильнюсскую декларацию, а теперь вдруг – впервые за все десятилетия, протекшие со времени окончания Второй мировой, а для нас Великой Отечественной войны, – возжелавшие пройти церемониальным маршем по Красной площади? Желание более чем неожиданное – ведь совсем недавно Россию даже не приглашали на празднования “Дня Ди”, то есть высадки союзников в Нормандии. С тех пор потоки грязи, вылитой на Советский Союз, разбухли тысячекратно, а процесс переоценки места СССР во всемирной истории вообще, а в частности и в особенности – его роли во Второй мировой войне вступил в новое качество, принеся первый плод в виде Вильнюсской декларации, и вдруг... Неужели протянута рука дружбы и поддержки? Вряд ли – поскольку единственным убедительным доказательством последних стало бы просто–напросто дезавуирование позорного документа.

Дело, однако, представане в совсем ином свете, если и вопрос будет задан иной: а не идёт ли речь о превращении *нашего* парада Победы в парад их торжества? В самом деле, они выходят на него не осквернёнными даже намёком на их тождественность поверженному противнику (не говоря уже о смердяковщине позорных дискуссий на тему “кто хуже?... оба хуже... нет, мы хуже”, в которых потонули наши СМИ); они выходят, не утопив в непролазной грязи имена своих главнокомандующих и политических лидеров, предоставив историкам взвешивать на точных весах их деяния, их заслуги, ошибки и грехи; они выходят, не выбросив в утиль знамёна, под которыми была одержана Победа, не изменив имён городов, с которыми связаны ставшие легендарными битвы и подвиги страшной войны. Нам же предлагается научиться смотреть на Великую Отечественную как всего лишь на одну из страниц Второй мировой – при том далеко не самую безупречную и достойную благодарной памяти потомков.

Что ж, забыть о том, чем была война на Востоке, Европе (не говоря уже о Соединённых Штатах) нетрудно, и тем легче, что в её собственном опыте соприкосновения с нацизмом не было ничего, хотя бы приблизительно сравнимого с происходившим на оккупированных территориях СССР. Так, Вадим Андреев, старший сын знаменитого русского писателя, переживший войну во Франции, вспоминает: “...Немецкая оккупация во Франции не была похожа на оккупацию в других странах. Она началась под знаком коллаборации: немцы вели себя “корректно”, старались избегать конфликтов и даже грабили страну по закону: за все реквизиции и поставки платили наличными” – из средств, выделенных им вишистским правительством (“История одного путешествия”. М., 1974). И даже не только в столь позорно падшей Франции, но и в других, особенно западноевропейских, оккупированных гитлеровцами странах достаточно было не быть евреем, цыганом или коммунистом, а также, само собой разумеется, не участвовать в движении Сопротивления, чтобы иметь немалые шансы выжить. Так не потому ли для граждан этих стран немецкая практика “народоистребления” отождествляется только с истреблением евреев? Как правило, не вспоминают даже о подлежащих такому же полному уничтожению цыганах: по крайней мере, о них не вспомнила Вильнюсская декларация, подчеркнувшая лишь “уникальность Холокоста”. Где уж

тут помнить о “восточной политике” Гитлера; а между тем и сам термин “народоистребление” впервые прозвучал именно в контексте этой политики, о чём подробно рассказывает в своих воспоминаниях Герман Раушнинг, один из политических сподвижников Гитлера, в 1936 году порвавший с национал-социализмом и эмигрировавший из Германии.

Ещё в 1932 году, рассказывает он, в Первом Коричневом Доме в Мюнхене в довольно узком кругу состоялось в присутствии и, разумеется, под руководством фюрера обсуждение основных направлений “восточной территориальной политики”. Конечно, основные её контуры, как и политики в “еврейском вопросе”, были обрисованы ещё в “Майн кампф”, однако, уточняет Раушнинг, “без выводов относительно демографической и аграрной политики”. На совещании 1932 г. честь развить их была предоставлена будущему рейхслайтеру и шефу Центрального управления СС Рихарду Даррэ, и последний, будучи человеком сельскохозяйственного образования, с профессиональной прямотой, а порою прибегая к откровенно скотоводческим аналогиям, обрисовал характер той “плановой политики народонаселения и народоистребления”, которую потребуются проводить на восточных территориях для успешного решения центральной задачи: создания “новой аристократии”, расы господ. Главное условие успеха — “подорвать славянскую плодovitость”^{*}.

Другое, не менее важное, — “создание определённой современной формы послушания или, если хотите, рабства...” (Г. Раушнинг. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. Москва. “Миф”, 1993, с. 44). После подробного развития аграрием Даррэ деталей формирования из восточнославянского стада рабов-батраков, которым, между прочим, надо перекрыть доступ к образованию, ибо образованные рабы, подчеркнул он, “опасны для класса господ”, слово взял сам Гитлер.

Согласившись в главном и с Даррэ, и с выступавшим тогда же Гиммлером, подчеркнул также и со своей стороны, что “свобода образования — привилегия элиты и тех, кого она лично допустит к этой свободе”, он, однако, сделал ряд не просто важных, но принципиальных уточнений, касающихся той стороны фашизма, которая, в связи со сведением его только к этническому насилию, в свой черёд сведённому исключительно к Холокосту, в постсоветские десятилетия вообще выпала из поля зрения общественности и даже многих профессионалов, в том числе и отечественных. И с немалым удивлением прочитала я суждения известного историка Роя Медведева, который, также приняв основополагающую идею Вильнюсской декларации, счёл нужным с забавной в данном случае важностью “углубить” вопрос. Конечно, нацизм и сталинизм равны, поведал он, однако следует учитывать, что “все диктатуры похожи по форме, но не по содержанию. Фашизм — это ненависть и уничтожение людей по расовому признаку. Сталинизм — это форма социального тоталитарного государства. Здесь уничтожению подлежат классы эксплуататоров, то есть определённые социальные слои. Это другая природа” (“Власть”, цит.).

Комментировать подобное я не считаю нужным, ибо писателю Медведеву (так представляет его “Власть”), конечно же, хорошо известен и один из самых знаменитых кличей Французской революции “Аристократов на фонарь!”, и то, главное, что в России уничтожение эксплуататорских классов было начато вовсе не Сталиным, равно как и не им была разработана доктрина, легшая в основание Октябрьской революции. Думаю, что прекрасно осознаёт он и полную непригодность для серьёзного исторического анализа самого понятия “сталинизм”. Изначально конъюнктурное и лукавое, оно сегодня утратило даже и тот делавший его хоть сколько-нибудь содержательным смысл, который имело при своём зарождении, в эпоху XX съезда, и ядром которого было противопоставление “хорошего Ленина” и “плохого Сталина”. Однако Гитлер, в отличие от г-на Медведева, разумеется, никогда не испытывал никаких симпатий к Ленину и всегда говорил не о “сталинизме”, но именно о

^{*} Надо заметить, что нацисты были буквально помешаны на этой будто бы невероятной “славянской плодovitости”, словно они ещё жили во времена готского историка Иордана, когда-то назвавшего славян “племенем самым многочисленным и расселившимся на огромном пространстве”. Гитлер в “Майн кампф” даже утверждал, что вследствие аграрных преобразований, проведённых большевиками, плодovitость восточных славян ещё возросла, что явно не соответствовало действительности, хотя, конечно, ни о каком вымирании русских, подобном тому, о котором нельзя не говорить сегодня, в предвоенном СССР и речи быть не могло.

большевизме, в котором видел, однако, не только первый прецедент практического воплощения идей марксизма, но также – и это имело особое значение при разработке основных направлений восточной политики Третьего рейха – сгущённое выражение исторического *бунтарства рабов против господ*. Особенно – славянского бунтарства, столь памятного немцам ещё со времён Яна Жижки, что и побудило фюрера специально отметить в своей речи на совещании у Даррэ: “Чехов надо убрать из Центральной Европы. Пока они находятся здесь, они всегда будут очагом гуситско-большевистского разложения”.

Как и в случае со “славянской плодовитостью”, калка с далёкого прошлого в случае именно Чехословакии, сдавшейся вообще без боя, оказалась не слишком верной, и ресурсы “гуситско-большевистского” бунтарства в душах современных ему чехов Гитлер явно переоценил. Это, однако, не отменяет и не изменяет значения его речи в главном: в том, с какой чёткостью была нарисована им картина связи между расовой и социальной доктринами нацизма – картина, не имеющая ничего общего с расхожим представлением, которого, как мы видели, придерживается и историк Рой Медведев. В этой одной из самых программно важных речей Гитлера, не случайно произнесённых в очень узком кругу, *расовое*, в буквальном смысле слова, хотя и сохраняя, конечно, всю свою важность, всё-таки уступает первенство *социальному*. Или, говоря точнее, открыто заявляется, что *раса господ* в перспективе будет формироваться не на сугубо этнической, а на иной основе. А поскольку сегодня, в угаре спекуляций вокруг “сталинизма”, об этой стороне и теории, и практики рейха стараются вообще не вспоминать (и так ли уж непреднамеренно?), то, думаю мне, уместно будет предоставить слово тому, кто более всех причастен и к разработке этой доктрины, и к организации этой практики. Итак, судите сами.

“Сегодня, – заявил Гитлер в своей заключительной речи на совещании у Даррэ, – мы стоим перед железной необходимостью создать **НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК**... Бесклассовое общество марксистов – глупость. Порядок – это всегда иерархия”, а “истинные господа возникают только тогда, когда возникает истинное порабощение. Не может быть и речи о преодолении неравенства между людьми – напротив, его следует углубить и, подобно всем великим культурам, с помощью непреодолимых барьеров превратить в закон. Никакого всеобщего равноправия не существует...” (Г. Раушнинг, цит., с. 47–48. Выделено в тексте. – К. М.) Трудно понять, как, сохраняя хоть малую долю исследовательской честности, можно обнаружить в этой конструкции хоть какое-то сходство с коммунизмом, большевизмом и даже “сталинизмом” (независимо от чьего-либо личного отношения к ним). И. Фест справедливо замечает, комментируя одержимость Гитлера таким, восходящим к самым древним и жестким не просто сословным, но *кастовым* системам, идеалом общественного устройства: “Как коммунизм провозглашал утопию последовательного равенства в обществе, так и здесь имела место утопия последовательной иерархии общества” (И. Фест. Адольф Гитлер. Пермь, 1993, т. 3, с. 267).

Зато гораздо больше общего с картиной, нарисованной Гитлером, можно обнаружить в становящемся у нас на глазах *новом мировом порядке*, с его доминантой возрастающего планетарного неравенства; и в таком контексте понятнее становится и возможная преднамеренность смещения акцентов, и сугубая ненависть новых *элит* к коммунизму, как, в социально-психологическом плане, выражению отказа *рабов* занять полагающееся им место в самом низу пирамиды “нового социального порядка”. А поскольку идёт интернационализация этих элит, то особый интерес для них может представлять сказанное Гитлером почти под самый занавес его речи и полностью обрушивающее господствующую сейчас простенькую интерпретацию соотношения расового и социального в предложенной им *не только Германии* доктрине. Да, подтвердил тогда в Мюнхене Гитлер, именно “немецкий народ призван дать миру новый класс господ”. Но “расово-биологическое – это всегда только **ОДНА** сторона процесса. Мы очень скоро выйдем за рамки нынешнего узкого национал-социализма. Партайгеноссен, мировые империи возникают на национальной основе, но эта основа очень скоро остаётся далеко внизу” (там же, с. 49. – Выделено в тексте).

Понятно, что любую мировую империю не могут не интересовать обширные и столь богатые ресурсами пространства России. Однако империю, при-

званную явить миру эталон “нового социального порядка”, не меньше интересовало ещё одно: многочисленное население, предназначенное стать подножием пирамиды такого порядка. Притом население, невероятно удачно для нацизма сочетавшее в себе ненавистную ещё с тевтонских времён “славянскую породу” и глубокую заражённость вирусом большевизма – согласно пониманию его лидеров, еврейской идеи коммунизма в русской огласовке. Словом, население “OST”, и стоит напомнить, что от ношения этого зловещего знака, помечавшего угнанную с советских оккупированных территорий в Германию рабочую силу (“остарбайтеров”), освобождались эстонцы, литовцы и латыши, как, в соответствии с указанием Гитлера, расово близкие к немцам, а потому подлежащие германизации, но отнюдь не уничтожению и не порабощению племени. В советское время это обстоятельство затушёвывалось, и речь шла о страданиях всего советского народа, без конкретизации того, кто именно, как и от чего пострадал. Однако теперь, особенно же в связи с той ролью, которую сыграли именно бывшие прибалтийские республики в принятии Вильнюсской декларации, и той настойчивостью, с которой они требуют продолжения, не вижу причин (и не понимаю, почему этого не делает российское руководство) не напомнить, что именно представители этих республик не вполне компетентны судить о том, чем была фашистская оккупация. Да, об уничтожении евреев они, конечно, знают, и отнюдь не все их соотечественники были при нём всего лишь свидетелями и наблюдателями. Но сами они в годы оккупации не испытали и половины того, что имел в виду Гитлер, когда в 1932 г. в Мюнхене заявил: “Восток – наше большое поле эксперимента. Здесь возникнет новый социальный порядок”. Социальный! Испытывался воистину мегапроект, сущностью которого было движение против часовой стрелки, в неисследимую древность, имеющие своей целью осуществление некоего небывалого ещё синтеза всех социальных приёмов и структур самого свирепого порабощения.

* * *

Как видим, основные параметры войны на Востоке, определившие ту её особость, которая позволяет, по мнению Феста, говорить о ней как о *третьей мировой войне*, шедшей внутри очевидной для всех Второй мировой, были очерчены ещё за 9 лет до начала “Барбароссы” и за 10 – до Ванзейского совещания, формально декретировавшего “окончательное решение еврейского вопроса”. Она не стала таковой – она изначально задумывалась как “нечто совершенно новое”, не похожее на войну в Европе. И хотя, отмечает Фест, “уже в Польше проявились признаки новой, более радикальной практики”, дальнейший ход событий показал, что только при подготовке нападения на СССР элементы такой практики стали объединяться в систему, о которой Западная Европа если и получила представление, то лишь самое слабое. Настолько слабое, что сегодня в Европе, не говоря уже о Соединённых Штатах (см., например, известный фильм С. Содерберга “Добрый немец”), большинство убеждено, что даже и душегубки использовались исключительно для убийства евреев, хотя подобное представление искажает картину самого Холокоста. Ведь ясно, что евреи на оккупированных территориях не могли свободно расхаживать по улицам без риска быть тотчас же схваченными, что они сгонялись в гетто и что по отношению к ним действовала особая программа, издевательским образом определявшая их “вину”. Душегубки же вообще ничьей персональной “виной” не интересовались, в них просто сгоняли всех – без различия пола, возраста и, разумеется, национальности – людей, захваченных во время облав, и чтобы узнать об этом, достаточно открыть материалы Нюрнбергского процесса и ознакомиться с показаниями свидетелей. Сходный эпизод вспоминает и актриса Л. Гурченко, рассказывая о своём детстве в оккупированном Харькове.

Ничего подобного не было даже в Польше, не говоря уже о Прибалтике, это предназначалось исключительно для восточных славян, считавшихся *скверной* даже и среди прочей славянской скверны: ведь в Германии носителей такого знака рекомендовалось изолировать от всех остальных иностранных рабочих, в том числе даже от поляков. Словом, это и был тот самый нижний слой пирамиды нового социального порядка, представителей которого можно было уничтожать, даже не утруждая себя проведением особых

совещаний и принятием особых решений. Ведь ещё в 1941 году рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер произнёс речь, где заявил о необходимости уничтожения 30 миллионов славян, и самого факта произнесения такой речи не отрицал на допросе в Нюрнберге и Геринг. Который, однако, в ответ на настойчивые уточнения прокурора Руденко столь же настойчиво подчёркивал, что “это был не приказ, а всего лишь речь ...в том духе, что 30 миллионов славян должны быть истреблены” – словно это (“всего лишь речь”!) могло послужить смягчающим обстоятельством! (Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Москва, 1953. Том II, с. 23).

Между тем именно в данном случае специального приказа, подобного Ванзейскому, и не требовалось, потому что такой способ действий вытекал из самой доктрины нового социального порядка, в основных своих чертах определённой ещё к началу 30-х годов и подтверждённой Гитлером на созванном 30 марта 1941 года в рейхсканцелярии в Берлине совещании высших офицеров всех родов войск. В своём дневнике Франц Гальдер (в 1938–42 гг. начальник Генерального штаба сухопутных войск) дал резюме длившейся два с половиной часа речи фюрера, надо думать, выделив главное, и это главное было таково: “Наши задачи в отношении России: вооружённые силы разгромить, государство ликвидировать... Борьба двух мировоззрений. Уничтожающая оценка большевизма: это всё равно что антиобщественное преступление. Коммунизм – чудовищная опасность для будущего. Нам не следует придерживаться тут законов солдатского товарищества. Коммунист не был товарищем и не будет. Речь идёт о борьбе на уничтожение”. И – самое существенное, подводящее черту под всем, что мир уже увидел в нацистском исполнении до “Барбароссы”: “Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке же жестокость – это благо для будущего” (там же, с. 241).

До сих пор идут – и, видимо, долго будут ещё идти – споры о том, насколько искренне сам Гитлер и впрямь считал *свою* войну мировоззренческой, в какой мере сам почитал себя воителем против рыщущего по земле нового “волка Фенрира”, большевизма, а в какой всё это было, в основном, пропагандистским прикрытием восходящего ещё ко временам Карла Великого “натиска на Восток”, колониальной, захватнической войны – правда, принявшей особо ожесточённый, даже по сравнению с историческими прецедентами, характер. Наверное, споры эти имеют право на существование, однако, на мой взгляд, преувеличивать их значение не стоит: ведь сама война с абсолютной ясностью показала, что слова Гитлера о грандиозном “эксперименте на Востоке” вовсе не были лишь формой прикрытия обычной, пусть и крайне жестокой экспансии – да и с чего бы фюрер, всегда очень откровенный в своих стремлениях к расширению “жизненного пространства”, именно в случае России стал бы их скрывать? Неужели опасаясь западного общественного мнения?

Нелепое предположение – ведь Запад и сам, заигрывая с Гитлером, в котором видел “защитника и коменданта крепости” (Фест), подталкивал его на Восток. Возможно, даже не имея ничего против проведения и самого эксперимента, идея которого имеет глубокие и разветвлённые, притом отнюдь не сугубо немецкие корни. Однако эксперимент вышел далеко за границы борьбы только с большевизмом, показав со всей очевидностью, что его конечной целью является не само по себе ослабление (против чего Запад никогда не возражал) или даже уничтожение России как таковой, будь она советская или нет, но нечто другое. Такое, что заставило содрогнуться даже и мало затронутую этим экспериментом Европу и, может быть, впервые побудило её осознать глубину предупреждения, сделанного Раушнинггом. Ведь ещё в 1939 г., когда война только стояла на пороге и никто не мог себе даже представить, какой она станет, эпиграфом к своей книге он выбрал вопрошание Иоанна Богослова: “Кто подобен зверю из бездны и кто может сразиться с ним?” (Откровение, гл. 13; 4).

В 1945 году ни у кого не было сомнений в том, кто был этим зверем и кто сразил его. И только из глубины такого чувства могла родиться сама идея суда народов – единственного в своём роде, потому что здесь судили не просто некое историческое насилие (для всех повинных в нём не хватит скамей, если даже уставить ими земной шар), но преступный и уже претворявшийся в действие умысел против человечества, которое, в случае победы зверя, во-

обще переставало существовать как таковое, будучи расчленённым на разные виды – сверх- и недочеловеков. Вильнюсская декларация, предлагая *продолжить*, аннигилирует этот, высший, смысл *старого* Нюрнберга и даже лишает его оправдания, потому что открывает дорогу бесконечным спорам на тему “кто хуже”. И “сталинизм” здесь никак не может претендовать на роль единственного кандидата.

А ведь о том, что не просто “сталинизм”, но именно коммунизм много хуже, ещё до принятия вильнюсского документа России в мае прошлого года и со всей определённостью поведал на кто иной, как Предстоятель Русской Православной Церкви. Именно тогда и в его устах ожил образ Гитлера-воителя против “волка Фенрира”. Потому что, поведал он *urbi et orbi*, война была Божьей карой за преступления большевиков против Церкви, а искупительной жертвы – и немалой – требовал сам Господь. Видимо, всё-таки умилованный этой гекатомбой, а потому и даровавший нам победу (писать это слово, как мы привыкли, с заглавной буквы в таком контексте представляется неуместным).

Эта мысль была высказана 6 мая, а 3 июня, возможно, в ответ на, конечно, несоразмерную событию, но всё-таки тревожную реакцию общества, Патриарх вновь вернулся к той же теме. На сей раз расставив точки над “I” с такой определённостью, которая не оставила места ни для какой уклончивости, ни для каких ускользаний или попыток смягчить сказанное рассуждениями вроде: “Но он же не сказал, что война была наказанием за большевиков”. Нет, он именно это и сказал. И негоже, не замечая сказанного, проявлять тем самым неуважение к самому Патриарху, с такой прямоотой высказавшему свои, видимо, не один день вызревавшие мысли. “Война, – повторил Предстоятель РПЦ 3 июня 2009 года, – была наказанием за попрание святынь, за кощунства и издевательства над Церковью. Если бы вместо страшного (!) наказания наступило материальное процветание и победа идеологии, тогда каждый здравомыслящий человек спросил бы: а где суд Божий?” (Цит. по: Независимая газета”, 2009, 16 июня. – Более подробно этот вопрос рассмотрен мною в статье “Русская Православная Церковь и советское наследие”. – “Россия XXI”, 6, 2009).

Но коли так, коли таково слово с амвона, то в преддверии ещё недавно самого великого и всё ещё объединявшего нас Дня уместно задаться вопросом: так что же мы собираемся праздновать? Под знаком этого вопроса, который никак не назовёшь триумфальной аркой, и входит к нам 9 Мая 2010 года. Что образует рубеж между ним и всеми другими, когда мы ещё могли праздновать его, не чувствуя себя соучастниками ритуала осквернения. Конечно, можно и сегодня сделать вид, будто ничего особенного не произошло – ведь танцевал же гоголевский поручик Пирогов мазурку, будучи выпорот, и ничего, не умер. Или всё-таки умер, утратив честь?

Конечно, каждый будет делать свой выбор, сообразуясь с тем, что подскажут ему совесть и сердце – каждый отдельно, потому что общий, объединявший нас смысл праздника разрушен, и как общество, скажу больше – как народ, допустивший такое, уклончивым ли отмалчиванием или прямым соучастием, словом, как целое, мы уже утратили право на него – за исключением, конечно, ветеранов, которого лишить этого права не может никто. Остальным же придётся осознать, что духовные смыслы больших исторических событий – такая же реальность, как и их доступная чувственному восприятию сторона. Однако и последняя становится всё менее осязаемой для приходящих на смену поколений, и ясно, что в дни, вошедшие в праздничный календарь той или иной страны, чествуются именно *смыслы* совершившихся некогда событий, именно они объединяют и консолидируют нацию не только в горизонтальном, пространственном, но также и в вертикальном, временном измерении. В противном случае они омертвляются и даже рискуют обернуться фарсом – примеров в истории более чем достаточно.

Что ж, мы достаточно долго, а в последние десятилетия и вовсе не по праву, проматывая и проедаая наследие великой страны, всё ещё почитали себя причастниками Дня Победы. Теперь вызов брошен, и мы либо сумеем принять его, вернув преданной нами Победе её честь, смысл и заглавную букву, а себе право считать её наследниками, либо... Но это будет уже другая страна и другая история – хотя, как правило, народы столь забывчивые вообще лишаются её.

ОТ ПОБЕДЫ К РАЗВАЛУ

Беседы Александра ЗИНОВЬЕВА с Виктором КОЖЕМЯКО

Две беседы с выдающимся русским мыслителем Александром Александровичем Зиновьевым, предлагаемые вашему вниманию, состоялись пять лет назад. Тогда, в 2005-м, мы отмечали 60-летие Великой Победы, и мне хотелось услышать, что думает об этом событии один из наиболее глубоких исследователей социальных процессов XX века, который в юности сам был участником той войны.

В предыдущих наших беседах (а их с 1994 года, то есть с первого его приезда в Россию из вынужденной эмиграции, состоялось тогда уже немало) он не раз так или иначе касался военной темы. Теперь же я её конкретизировал, предложив Александру Александровичу поговорить об отношениях нашей страны с Западом в ходе Великой Отечественной. Всё-таки в Зиновьеве я видел специалиста по Западу: он не только много лет там прожил, но и обстоятельно, всесторонне исследовал его как учёный в своих известных книгах “Запад”, “Глобальный человек” и других.

Тему мой собеседник охотно принял, однако ещё до обговорённой встречи она у меня расширилась. Не отпуская роковое совпадение: памятная дата величайшего триумфа нашей Родины, каковым стала советская победа в Великой Отечественной войне, совмещалась по времени с другой, тоже круглой, но вовсе не радостной датой – 20-летием начала нашего величайшего поражения, которое он, Зиновьев, назвал “катастрофой”.

Чем же была обеспечена Великая Победа Советской страны в 1945-м и результатом чего стало тяжёлое поражение наше спустя неполных полвека? И какова в этом роль Запада? Он вероломно ворвался к нам как злейший, лютей агрессор в лице гитлеровской Германии и её сателлитов; он был вместе с тем вроде бы нашим союзником по Второй мировой войне в лице США и Великобритании; но потом, очень скоро после победы над Германией и Японией, он же начал против нас многолетнюю, затяжную, изнурительную “холодную войну”. Исход её для нашей страны стал, как известно, поистине трагическим...

Вот о чём говорили мы с Александром Зиновьевым в 2005 году. Теперь идет 2010-й. Опять сошлись две круглые даты – на сей раз 65-летие Победы и 25-летие начала горбачёвской “перестройки”, обернувшейся катастрофой, то есть катастрофой для нашей Родины.

Перечитываю беседы с Зиновьевым пятилетней давности. Устарели они? Не выдержали испытания временем? Что-то оно в них опровергло или поставило под сомнение?

Нет, нет и нет! Наоборот, годы, прошедшие после нашего разговора, на мой взгляд, полностью подтвердили те мысли, которые Зиновьев высказывал о нашем вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне в связи с политикой Запада. Увы, всё более нагло проявляется отношение к России как к разгромленной, поверженной стране, с которой можно не церемониться. Всё очевиднее стремление не только лишить нашу Отчизну статуса главной победитель-

ницы в эпохальной войне, но и уравнивать её с агрессором или даже представить Советский Союз в образе страны гораздо большего зла, нежели фашистская Германия.

Словом, фальсификация истории, о которой резко говорил Зиновьев, продолжается в растущих масштабах. А что же созданная российским президентом комиссия по противодействию этой фальсификации, наносящей колоссальный ущерб нашей стране? Помалкивает! Да это и неудивительно, если знаковая фигура в комиссии не кто-нибудь, а Сванидзе...

Запад наступает, и “пятая колонна” в России делает своё подлое предательское дело. Так же, как она делала это во время “катастрофы”, служа врагу. Впрочем, сама нынешняя власть всячески угодничает, стелется перед врагом, сдавая позиции одна за другой, то есть границы расползающейся “пятой колонны” становятся просто-таки неувеливаемыми.

Однако спасение наше по-прежнему только в сопротивлении, которое тоже должно нарастать. Зиновьев, никогда не смягчавший тяжесть положения, в котором мы оказались, призывал не впадать в отчаяние и как аргумент приводил собственное видение ситуации начального периода великой войны: “Нас окружили превосходящие силы немцев, у нас плохое оружие. Казалось бы, мы были обречены. Одни сказали: да, мы обречены – и пошли сдаваться немцам... Другие сказали: да, мы обречены и поэтому будем сражаться до конца. И прорвались, какая-то часть вырвалась. Так вот, сегодня от людей нередко слышишь: надо надеяться, что кто-то всё-таки нам поможет... Нам не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя”.

Кстати, любопытный поворот у него дальше. Он ставит вопрос: “А что это значит?”, имея в виду, что значит рассчитывать на себя? И отвечает так: “Прежде всего – нужно мозгами шевелить. Выдвигаю такой лозунг: надо перемунить наших врагов!”

Он считал, что в сопротивлении врагам и в борьбе за спасение России главным оружием у нас сегодня должны стать наши мозги. “Надо, – говорил он, – как следует разобраться, понять на научном уровне, что такое был наш советский социальный строй, в чём его колоссальные преимущества и почему он рухнул. Что получилось после этого, каковы дальнейшие намерения Запада в отношении России, куда идёт процесс, на что можно рассчитывать? Вот всё это нужно понять. И находить, изобретать средства сопротивления в соответствии с этим пониманием”.

Интеллектуальное наследие, завещанное соотечественникам выдающимся учёным и настоящим патриотом России Александром Зиновьевым, может помочь нам в отстаивании нашего будущего.

Виктор КОЖЕМЯКО

ВОЙНА – ПОБЕДА. РОССИЯ – ЗАПАД

Виктор Кожемяко: Вот есть проблема, не новая, конечно: Россия – Запад. Или, скажем, Запад – Россия. Вас, Александр Александрович, наверное, можно считать специалистом по этой проблеме. И мне хотелось бы прежде всего поставить вопрос о том, как видится сквозь её призму сегодня Великая Отечественная война – с учётом юбилея Победы, отмечаемого нынче всё-таки очень необычно. Имею в виду опять наши отношения с Западом. Уж столько претензий предъявлено нам в связи с победным юбилеем, столько счетов выдвигается! Причём идут по нарастающей: обвинения в оккупации Прибалтики, Польши, других стран Восточной Европы и так далее.

И вот невольно вспоминаешь на этом фоне, как складывались наши отношения во время войны. Думаешь и о том, что фашизм стал ведь порождением западной цивилизации, что Германия, нападая на нас, – это западная страна. Да, союзниками нашими были тоже западные страны. Однако сложность и определённая острота отношений с ними постоянно ощущались и в годы войны, а едва она закончилась – сразу же началась “холодная война”, и начал её Запад. Каков Ваш сегодняшний взгляд на всё это и каковы ваши оценки?

Александр Зиновьев: Я прожил достаточно долгую жизнь. По существу, вся основная часть советской истории прошла перед моими глазами, я её видел и, можно сказать, щупал. И западный мир наблюдал своими глазами.

Кроме того, пользовался самой разнообразной информацией, из которой, благодаря моей методологии, умею извлекать то, что заслуживает доверия.

Свои исследования я начал как советский человек, выросший в советских условиях, исходя из наблюдений советской жизни, а затем — современной жизни на Западе. Я исследователь современности и к истории обращаюсь постольку, поскольку в современности обнаруживается то, что сохраняется от прошлого времени. История не исчезает, она в сокращённом, концентрированном виде сохраняется.

В. К.: Значит, изучая современность, вы вместе с тем всё же изучаете историю? Она ведь так или иначе присутствует во многих статьях новой вашей книги...

А. З.: Основным объектом моего исследования с самого начала было советское общество. То есть общество, которое возникло после революции 1917 года. Его становление, формирование, его развитие. Советская история включила в себя такое колоссальное событие, как Великая Отечественная война. И западный мир я изучал постольку, поскольку эта война была не только с Германией, а с западным миром вообще. Изучал западный мир как врага в той войне, а также в предшествовавшей и последующей.

Считаю, что возникновение Советского Союза, сама Великая Октябрьская социалистическая революция и то, что получилось в её результате, есть величайшее явление XX столетия. Да и не только! Как социальное явление оно величайшее во всей истории человечества. В результате был осуществлён грандиозный социальный эксперимент. Возникло не просто общество коммунистического типа, какого не было никогда раньше, — возникла особая линия эволюции человечества, качественно отличная от той, которая имела место до этого. Отличная от западнистской, капиталистической линии эволюции. И этот феномен оказался очень жизнеспособным. В поразительно короткий срок начал задавать тон во всей мировой эволюции. Коммунистическая линия эволюции стала конкурирующей, причем успешно, с западнистской линией. Эта конкуренция, эта борьба и составляла основное содержание всей истории человечества в XX веке.

Подчеркну: сегодня всё, что касается Советского периода и вообще истории XX века, чудовищно фальсифицируется. И чем дальше, тем больше. В том числе, разумеется, Великая Отечественная война. Вот вы возмущаетесь, чем обернулось на Западе празднование 60-летия Победы.

В. К.: Ещё бы! Не празднование, а кощунство какое-то. Забыто всё доброе, что нами для них сделано, перевернуты с ног на голову понятия оккупантов, агрессоров, представления о героизме и предательстве...

А. З.: Меня тоже всё это возмущает. Но несколько не удивляет. Ведь фальсификация, которая была и раньше, теперь, как и следовало ожидать, значительно усилилась фактором поражения коммунистической социальной системы, Советского Союза, то есть России как коммунистической страны. Наступила эпоха мировой реакции. Вы знаете, после разгрома Наполеона тоже наступила в Европе известная реакция, реставрация всяких режимов феодальных, и пошло в значительной мере попятное движение. Но та реакция, которая наступила сейчас, в сотни и тысячи раз превосходит то, что было тогда. Наступила реакция социальная, она захватила целиком и полностью духовную сферу, всю сферу идеологии, культуры. А если взять Запад, то почти всё, что теперь пишется и говорится там об этом периоде истории и о нашей стране, включая Великую Отечественную войну, почти всё, без исключения, сфальсифицировано! И продолжает фальсифицироваться.

В. К.: Осуществление глобально поставленной задачи?

А. З.: Да, конечно. Интеллектуальный уровень фальсификаторов невысок, но их огромное число, они обладают огромными техническими, финансовыми средствами, и влияние на человеческие умы в итоге получается достаточно мощным. А сопротивление слабое. Силы сопротивления ведь не имеют возможности столь широких публичных выступлений, а потому и такого влияния на людей.

В. К.: Если говорить об официальной российской позиции, то она даже не слишком и сопротивляется. Более того, оказывается заодно с западными и доморощенными фальсификаторами, смыкается с ними зачастую на сто процентов. Я имею в виду позицию власти. Так хочет ли она, власть, действительно противостоять западной клевете и западным претензиям? Мы же ви-

дим: историческая фальсификация уже перешла из сферы пропаганды в плоскость государственных претензий – территориальных, финансовых и прочих. Совершенно аморальных, но предельно наглых!

А. З.: Причина та же. Советский Союз разгромлен, Россия разгромлена. Она капитулировала, её сдали, причём сдали без боя. А раз так, победители, распоряжающиеся судьбами человечества, в том числе нашей страной, делают, что хотят.

В. К.: Жалкое впечатление производит позиция нынешней власти и её пропаганды! Вот показывают по государственному телеканалу “Музей оккупации”. В Риге или Таллине. Говорят: при входе – бюсты Гитлера и Ленина. Вроде бы комментатор, приводя этот факт, осуждает его в контексте осуждения прибалтийских претензий. Но ведь в других передачах того же телеканала и разных прочих людям то и дело внушают тождественность Гитлера, Ленина, Сталина, идентичность фашизма и коммунизма. Это и в газетах, не только каких-то частных, но и государственных. Скажем, в правительственной (!) “Российской газете” всё это можно прочитать у какого-нибудь Радзиховского и других оголтелых “демократов”. Та же “пятая колонна”, которая разрушала Советский Союз, всюду действует и сегодня. Да что там! Сам Путин заявляет: победили, дескать, вопреки “тоталитарной” власти, которая, оказывается, всячески ослабляла страну...

А. З.: Действительно, наше высшее руководство активно участвует в фальсификации истории, говоря Западу: “Чего изволите?” Продолжение капитулянтства, признак бессилия! Когда был мощный Советский Союз, то этой сволочи мировой можно было противопоставить силу. С этой мразью можно бороться только силой. А в нынешнюю реакцию вовлечены вся мировая сволота, вся грязь международная и внутренняя. Здесь, в России, они по существу господствуют. И вести с ними полемику на уровне доводов невозможно. Они навязывают форму борьбы заведомо проигрышную.

Это касается и межгосударственных отношений, особенно если учесть двойственность, непоследовательность и неуверенность поведения нынешней российской власти, на что вы совершенно правильно обратили внимание. В самом деле, жалкое это производит впечатление! Например, Латвия предъявляет нам какие-то претензии, а в ответ: ведь мы тоже можем предъявить вам счёт. Возражения, протест звучат просто как лепет.

В. К.: От той же самой двойственности и непоследовательности. Скажем, по отношению к так называемому пакту Молотова–Риббентропа. Да и по отношению ко всей войне, к самой Победе, которая, получается, “неправильная”, если связывать её с Коммунистической партией и “тоталитарной” Советской властью.

А. З.: Пытаются оторвать, но это и есть самая большая фальсификация. Вся советская история, частью которой являются Великая Отечественная война и Великая Победа, – это событие глобальное, эпохальное. В истории человечества более грандиозных событий не было. И сразу после Великой Октябрьской революции началась борьба Запада со вновь возникшей эволюционной линией. Война, которая не прекращалась ни на минуту, принимая самые различные формы. Вот в чём суть! Так что вся советская история – это история борьбы западного мира против коммунистической линии эволюции.

В. К.: Значит, боялись, коль не принимали такую линию, развернув против неё войну?

А. З.: Это очевидно. С самого начала эта линия развития отвергла то, на чём основывалась западная эволюционная линия. Ликвидирована была частная собственность на средства производства, ликвидировано частное предпринимательство, всё было централизовано, объединено, и сложилась совершенно новая социальная структура, возник новый тип социальной организации. Сейчас это изображают как чёрный провал, как чёрную дыру. Но если бы действительно была чёрная дыра, то не стали бы с этим так яростно бороться.

В самые короткие сроки коммунистическая линия социальной эволюции обнаружила колоссальные преимущества перед западной. В кратчайший период страна из безграмотной стала самой образованной, был создан высочайший уровень культуры, созданы мощная наука и экономика. Что бы там ни говорили, советская экономика была в целом почти в два раза эффективнее западной, если её рассматривать как новое явление, а не переносить понятийный аппарат западной экономики на нашу.

В. К.: Наверное, недаром происшедшее в нашей стране многие называли чудом.

А. З.: Надо принимать во внимание конкретные исторические условия: состояние страны, геополитические условия, природные условия, человеческий материал, в каком состоянии он находился. Если всё это иметь в виду, то действительно произошло настоящее чудо. И во время войны коммунистический строй проявил свои колоссальные преимущества.

Западный мир готовил Германию специально для того, чтобы разгромить советское общество руками Гитлера. Это излишне доказывать. В прошлые годы для всех это было очевидно, это несомненные факты. Готовили гитлеровскую Германию, помогали ей, и фактически Германия располагала всеми ресурсами Европы. Когда начинают говорить, что Германия столько-то людей потеряла, а Советский Союз – столько-то, всё это жульнические приёмы. В распоряжении Германии, как в своё время и в распоряжении Наполеона, вся Европа была. Советский Союз все аспекты жизни обеспечивал за счёт своего населения. А немцы чисто немецкое население могли использовать главным образом для войны, а на полях и фабриках работали миллионы рабов. Гитлеру служила, по существу, вся европейская экономика.

В. К.: Кроме английской.

А. З.: Дело в том, что Вторая мировая война состояла из двух войн. Первых, это была война внутри самого западного мира и, во-вторых, война западного мира против коммунистического. Они совместились. Хозяева западного мира хотели двух зайцев убить. С одной стороны, ослабить внутреннего конкурента в лице Германии, а с другой – руками этого конкурента разгромить эпохального исторического противника – коммунистический мир.

Они, конечно, допустили очень грубый просчёт. Они многое просто не понимали.

В. К.: “Они” – это кого вы имеете в виду?

А. З.: Западных стратегов. Как гитлеровские, так и американские, английские, французские, они не понимали сущность того социального строя, который у нас сложился. Может быть, и советские руководители на уровне научном не вполне отдавали себе в этом отчёт, но они действовали внутри этой системы, средствами этой системы и в практическом опыте опирались на её закономерности.

Великая Отечественная война была как раз блестящим проявлением превосходства советской системы. Мелочиться и вступать здесь в дискуссии с фальсификаторами советской истории по каким-то частностям не собираюсь. Факт остаётся фактом: мы победили. Если взять всю совокупность факторов, благодаря которым мы добились победы, то элементарно можно показать, что решающую роль сыграла именно коммунистическая социальная система, то есть советская система власти и структура управления, Коммунистическая партия, сталинское руководство и лично Сталин.

Сейчас, когда праздновался юбилей Победы, президент и все прочие говорили: народ победил, народ победил... Но какой народ? Советский! А об этом, с моей точки зрения – самом главном, молчат. Если быть верным требованиям науки, то надо прямо сказать: в Великой Отечественной войне одержала победу советская социальная организация. То есть народ, организованный в коммунистическую систему; народ, создавший новый социальный строй; народ, коммунистически образованный и воспитанный. Это была победа Коммунистической партии, победа коммунистов, это была победа сталинского руководства и лично Сталина. И нечего тут финтить!

В. К.: Ну, сказать о ведущей роли партии коммунистов в достижении нашей Победы, а тем более о великом личном вкладе Сталина у нынешних руководителей России, судя по всему, просто язык не поворачивается.

А. З.: Имя человека, без которого немыслима Победа, либо не упоминается совсем, либо преподносится так, будто победили вопреки ему, а он вроде бы только мешал, делал ошибки и совершал преступления. Кстати, речь идёт и о некоей абстрактной России, а не о России Советской, не о Советском Союзе. Если же в этом аспекте что и говорится, то лишь как о чём-то второстепенном или чаще всего – негативном. Короче, из той войны и из нашей победы в ней выхолощивается самое главное – их социальная сущность и характеризующие их важнейшие факты истории.

В. К.: Вернёмся к теме Запада.

А. З.: А на Западе вообще нашей стране отводят теперь второстепенную роль в победе над гитлеровской Германией, присваивая заслугу Победы себе почти полностью. По крайней мере – в основном, в главном. Конечно, страны Запада свой вклад внесли, помогая нам выстоять и разгромить агрессора. Но ведь они это делали не из любви к русскому коммунизму, который всегда хотели уничтожить.

Стать союзниками СССР их вынудили исторические обстоятельства, включая внутренние конфликты в самом западном мире. Но решающим фактором в том, что они после долгого затягивания открыли наконец второй фронт, стали потрясающие победы Советской Армии, не оставлявшие на Западе уже никакой надежды на поражение Советского Союза. Мало того, тут сыграл роль страх того, что наша армия и без участия западных союзников добьёт гитлеровскую Германию и захватит всю Западную Европу. То есть союзники открыли свой второй фронт, спасая самих себя от угрозы победы коммунизма во всей Европе. И надо признать, что основания для этого в те годы были достаточно серьёзные.

В. К.: Тогда, в 1945-м, говоря вашими словами, победила коммунистическая линия эволюции человечества. Однако сразу же началась “холодная война”.

А. З.: Победа сталинского (именно сталинского!) Советского Союза над гитлеровской (именно гитлеровской!) Германией завершила первый этап эпохальной социальной войны западного капиталистического мира против коммунизма. А холодная война, которая началась против нас действительно сразу после Победы, означала второй этап. Результатом, увы, стал разгром советского, коммунистического строя.

В. К.: Давайте подробно поговорим об этом в следующий раз.

А. З.: Я согласен.

“КАТАСТРОЙКА” И ЕЁ ОТЦЫ

В. К.: Итак, Александр Александрович, в этом году сошлись юбилей Великой Победы, то есть величайшей славы нашей, и годовщина начала нашего поражения. Думаю, многие у нас в стране размышляют о том, как такая беда могла произойти. Надо глубже и точнее понять причины поражения, чтобы после него перейти в наступление. Именно так действовало советское руководство в годы Великой Отечественной войны. Ну а сегодня на руководство нашей страны надеяться не приходится – надо думать самим. Задам такой вопрос: какую роль в разрушении СССР сыграла холодная война и в какой связи она оказалась с начатой двадцать лет назад “катастрофкой”?

А. З.: После Второй мировой продолжилась война против нашей страны, но другими методами. Ведь Черчилль так и сказал тогда: в обычной войне мы русских победить не сможем. И вот была изобретена эта новая форма войны. Затяжная, она продолжалась почти полвека. За эти годы происходила эволюция Советского Союза, эволюция советского социального строя, и Запад тоже эволюционировал. Все эти факторы надо принимать во внимание. Десятки, сотни различных факторов, которые действовали совместно. Какой-то одной причиной происшедшее не объяснишь – это было бы примитивно, это донанучный уровень.

К началу горбачёвского правления накопилась некоторая совокупность факторов, ставших основой для последующего перелома. Факторы эти можно разделить на две категории: внешние и внутренние. Впрочем, они оказались воедино слиты, поскольку холодная война отражалась внутри страны и, в свою очередь, внутреннее развитие влияло на ход холодной войны. Приведу примеры, скажем, внутренних факторов. Эти годы не были вовсе временем застоя, провала, как иногда говорят. Ничего подобного! Это был колоссальный прогресс. Я уж не буду приводить такие факты, как космические полёты, водородная бомба и так далее. Только один штрих. В сравнении со сталинскими годами к концу брежневского правления число объектов, подлежащих управлению, увеличилось во много раз.

В. К.: Индустриальных объектов, научных?

А. З.: Всех, которыми нужно было управлять. Сюда входят кафедры, лаборатории, школы, больницы... Как минимум управляемых объектов стало

больше в 300 раз. Знаете, когда сравнивают какое-то время, например, с 1913 годом и приводят какой-нибудь один параметр – допустим, производство хлеба, и тем самым хотят показать, что дореволюционная Россия была на вершине, это всё жульнические приёмы.

Так вот, если сравнивать то, что производилось в конце брежневского периода в Советском Союзе, с тем, что было накануне Первой мировой войны, то доставшееся нам в наследство от прошлой, дореволюционной российской истории составляло меньше одного процента. То есть больше 99 процентов было создано в советский период!

В. К.: Колоссально.

А. З.: Это неоспоримый факт. А управленческий аппарат увеличился всего в два раза, даже меньше. И это – один из тех факторов, которые сыграли свою негативную роль. За десять лет до Горбачёва я писал и говорил об этом. И в ЦК писал, и в президиум Академии наук. Куда-то всё исчезало! А я писал, что назревает кризис.

Высказывал мысль о том, что это будет первый истории коммунистический кризис, поскольку коммунизм считался бескризисным, что нужно принимать меры, иначе это может кончиться катастрофой. Все это оценили как клевету на советское общество. Между тем, среди мер, которые я предлагал тогда, была и такая: увеличить управленческий аппарат. Надо мной хохотали...

В. К.: А что ещё вы относите к внутренним причинам кризиса?

А. З.: Страна обогащалась. И мне становилось всё яснее: чем богаче будет страна, тем острее будут социальные различия. Так и происходило: возникновение привилегированных слоёв, номенклатура, дачи, машины... Происходило расслоение населения. Причём у богатых, зажиточных слоёв аппетиты разрастались быстрее, чем удовлетворялись. Они смотрели на Запад, им хотелось того же самого!

Тем самым создавалась ударная сила контрреволюции. Ведь контрреволюционный переворот при Горбачёве осуществили сверху, а не снизу. Не народные массы, им это и в голову не приходило. И возглавили переворот кто? Генеральный секретарь ЦК КПСС и его пособник – фактически второй человек в партии, секретарь ЦК по идеологии Яковлев. Я об этом много писал, ещё находясь на Западе, и с вами мы на эту же тему говорили. “Пятая колонна” сложилась наверху во главе с самими членами Политбюро. Фактически они сдали страну без боя, предали, перебежали на сторону противника и отдали Родину на растерзание врагам. Эта тема занимает большое место в моей книге “Распутье”.

В. К.: Ну а если перейти к внешним факторам? Что среди них особенно повлияло на поражение СССР?

А. З.: Запад тоже не стоял на месте. На Западе происходил огромный прогресс. Именно существование Советского Союза и холодная война Запада против него способствовали этому.

В. К.: А как вы связываете это с холодной войной?

А. З.: Действовал такой закон, который я называю законом взаимного уподобления воюющих противников. Вот и Запад в чём-то уподоблялся Советскому Союзу. Влияние Советского Союза было колоссальным! То есть Запад по существу заимствовал из советской истории, из советского опыта очень многое. А теперь делают вид, как будто они сами всё это открыли.

В. К.: Планирование, например?

А. З.: И не только. Действительно многое. В результате получилось так, что уровень планирования в западных странах оказался не ниже, а даже выше, чем в Советском Союзе. Когда начали ломать советскую систему, наши “реформаторы” приезжали на Запад и удивлялись: “Ой, да у вас, оказывается, планирование!”

В. К.: Хватились, что называется.

А. З.: Вот именно. Ведь Советский Союз сложился не просто как рядовое общество. Это было объединение очень высокого уровня, сверхобщество. И Запад под влиянием Советского Союза эволюционировал тоже по направлению к сверхобществу.

В. К.: Александр Александрович, вы говорили мне, что задолго до тех катастрофических событий писали о том, что такого рынка, каким его представляют у нас в стране, на Западе уже нет.

А. З.: Да, я уже занимался Западом, у меня были работы по теории Запада. И я предупреждал своих соотечественников: западный мир теперь не та-

кой, каким вы его себе представляете. С этого у меня начиналась книга “Запад”. В западном мире происходили и централизация экономики, и планирование, использовались командные методы, система власти принимала всё более советскообразный вид и так далее. Надо сказать, что Запад в социальном отношении сильно отставал от нас, он отстал почти на 50 лет, потому многое и перенимал. И победы Запада связаны с тем, что он во многом пошёл по тому же пути, по которому шёл Советский Союз. То есть западные страны стали превращаться в сверхобщества. Это и есть важнейший фактор их победы.

В. К.: Это не так-то просто понять.

А. З.: У нас не понимали этого, а западная пропаганда всё время навязывала нам образ такой демократии, какой не было на самом деле, образ рынка, которого на самом деле не было. Недостаточный интеллектуальный уровень высшего руководства, неглубокий анализ реальности – тоже факторы нашего поражения.

Вот что происходило. Запад усиливался, в Советском Союзе назревал кризис, хотя прогресс шёл, никакого застоя не было. Это всё чепуха и враньё. Но сработали такие факторы, как идеологическое разложение наверху и образование “пятой колонны” Запада. И сыграл роль фактор предательства. Обычно предательство рассматривается в категориях морали или в юридических понятиях. В данном случае перед нами предательство как социальное явление. Поскольку оно стало массовым, то есть захватило многих, оно стало фактором социальным, и он сыграл большую роль.

Чем занимался Горбачёв, когда пришёл к власти? Он разрушил партийный аппарат и в конце концов перевел высшую власть на уровень Верховного Совета. Фактически при Горбачёве началось уничтожение сверхвласти. Партийный аппарат у нас – это была власть, а совсем не то, что партия западная. С этого началось разрушение советской системы власти. Это сверху проходило. Западные инструкторы, конечно, умело манипулировали верхами.

В. К.: Что это было – явление Горбачева двадцать лет назад?

А. З.: Это была холодная война, перешедшая, по моему определению, в стадию тёплой войны. К средствам холодной войны присоединились новые средства. Важную роль здесь сыграли диверсионные операции огромного масштаба. Проведение самого Горбачёва на пост Генсека – это была диверсионная операция. Его именно провели на пост Генсека. Если посмотреть, как западные службы работали над советским Кремлём, то тут сомнений никаких быть не может.

В. К.: Его высмотрели, разглядели?

А. З.: Его давно высмотрели. Не хочу копаться в детективном сюжете, но это так.

В. К.: И Яковлева, конечно?

А. З.: Да, это люди Запада. Горбачёв, по существу, сдал страну. Я не знаю, как это выглядело формально, но о том, что вместе с ним началась эпоха предательства, я говорил ещё в 1984 году, когда Горбачёв, будучи в Англии, не пошёл на могилу Маркса. Я комментировал для прессы это событие и сказал, что начинается эпоха предательства. Первый коммунист и будущий глава коммунистической страны не пошёл на могилу основателя коммунистической идеологии – это предательство!

В. К.: А его встречи с Тэтчер тогда?

А. З.: Конечно. И к тому времени в стране уже сложилась такая обстановка, что он был не одиночка. Много людей уже были готовы к капитуляции, к предательству, были заражены этим: Шеварднадзе, тот же Яковлев и другие, интеллигенция, особенно идеологическая... Так что сложилась целая армия предателей.

В. К.: “Катастройка” была, в общем, готова?

А. З.: Когда был употреблён термин “перестройка”, я сразу же сказал: это “катастройка”. Уже в 1988 году вышла моя книга “Горбачевизм”. А до этого было опубликовано более 50 статей на десятках языков мира на эту тему. Люди не видели многого и не понимали, потому что мозги были затуманены. Да и не хотели понимать. До Горбачёва на Западе планировали разрушение советской системы к середине XXI века.

В. К.: Горбачёв ускорил всё?

А. З.: Появление Горбачёва, когда, как он выразился, “процесс пошёл”, стало катализатором. Кстати, я предполагал, что будет именно такой оборот.

Во время одного из моих выступлений на Западе мне был задан вопрос о самом уязвимом месте в советской системе. Я ответил, что самое уязвимое место – партийный аппарат, считающийся самым крепким. В зале начался смехок. А в партийном аппарате, продолжил я, ЦК КПСС. Смех усилился. Продолжаю: а в ЦК КПСС – Политбюро, а там – генсек. Он за полгода может развалить всю страну. Так оно и получилось! Но я-то не знал тогда, что у них свой человек уже был на примете. Они его растили не спеша...

В. К.: До подходящего момента?

А. З.: Имейте в виду, что переворот ведь не в один день случился, всё происходило постепенно. Каждое мероприятие по отдельности не вело к краху. Так, все горбачёвские махинации с системой власти ведь на пленумах ЦК обсуждались. Собирались сотни людей. Что же, они слепые все были?

Процесс разгрома обсуждался, безусловно, и со стороны западных спецслужб. Они, конечно, контролировали всё, что происходило, и достаточно осторожно это делали. Действительно, каждое отдельное событие не вело к катастрофе, но они накапливались всё больше и больше. А следующие диверсионные операции спровоцировали этот “путч” ГКЧП.

Я в тот же день писал, что произошло два путча: один – провокационный, видимый. Что это за путч, если танки пришли без снарядов, без патронов, то есть танки, из которых нельзя стрелять? Это не танки, а материал для пропаганды. И одновременно происходил другой путч, возглавлявшийся Ельциным, реальный политический путч. Посмотрите об этом мои статьи в новом сборнике “Распутье”.

В. К.: А как вы смотрите с точки зрения сегодняшнего дня на все эти “оранжевые” и прочие цветные революции, на то, что произошло в Грузии, на Украине, в Киргизии, на попытку, предпринимающую в Узбекистане? Как вы это оцениваете?

А. З.: Дело вот в чём. Основные события произошли у нас. После 1991-го и особенно 1993 года началось стремительное разрушение советской социальной системы, образовалась новая система власти, разрушена экономика, проведена приватизация, отменена советская идеология, мутным потоком устремилась идеология западная. Короче, идёт стремительное падение страны во всех отношениях. В материальном отношении – вы это прекрасно знаете. Но, кроме того, идейная деградация людей, моральное разложение и физическое вымирание населения.

В. К.: То, что не удалось сделать в 1945 году Гитлеру, удалось сделать сейчас?

А. З.: Удалось. Другими методами, более для них успешными. Причём те, кто разгромил наш Союз, выглядят даже спасителями – дескать, благодетельствовали нас.

Вот что произошло. В результате этого разгрома Россия оказалась неспособной себя защищать. Естественно, оживилась в мире всякая мразь. И то, что сейчас творится на постсоветском пространстве, – неизбежное следствие этого.

В. К.: Плоды?

А. З.: Да, последствия. Кто-то придаёт этому значение: может, мол, и в России быть такое же. Так ведь в России самое страшное уже произошло! Россия разгромлена, хуже не бывает. А то, что там происходит, – это всё спектакли, которые устраивает западный мир, преследуя те или иные частные цели, осуществляя свою мировую агрессию. Это всё пустячки по сравнению с тем, что произошло.

И не стоит удивляться, что всякая мразь – из прибалтийских республик, с Украины, из Грузии, отовсюду – предъявляет России какой-то счёт. Это значит, что Россия не может оказать сопротивление и дать должный отпор, вот и хотят вырвать у нас какие-то куски.

В результате разгрома Советского Союза, его социальной системы, в результате того, что произошло в горбачёвско-ельцинское время, победители, включая не только западных хозяев, но и внутреннюю “пятую колонну”, отдали страну на растерзание мародёров. В политической сфере – политическим мародёрам, в экономической – экономическим мародёрам и в идеологической сфере – идеологическим мародёрам. И то, что стало происходить в стране, – это разграбление. Грабёж. В данном случае это не просто ругательное слово, а точная социологическая характеристика. Грабёж здесь – это научный термин.

Вот, например, стали проводить приватизацию. Но ведь это же не экономическая операция была! Одно дело, когда создавались крупные капиталы в течение десятилетий и столетий по законам экономики, — это один процесс. А в данном случае богатство, которое было создано миллионами советских людей за 70 лет, просто расхватали. Это делёж добычи теми, которые захватили власть, страну!

То же самое происходит в области идеологии, то же и в системе власти. Так что, как бы власть ни усиливалась, она усиливается для себя. Не о безопасности страны они думают, а о своей собственной. Если же говорить об управляемости страной, то та система власти, которая существует, не способна управлять. И вот пышным цветом стал расцветать показной, театральный аспект жизни, имитационный. Вроде что-то делается, а на самом деле — пыль в глаза.

И каждый день какой-то праздник, какие-то награды вручаются. Такое впечатление, будто идёт бурная жизнь. А в действительности — бурное разложение страны. Это пир во время чумы!

В. К.: Нужна мобилизация народа, чтобы добиться перелома?

А. З.: Нелегко добиться перелома. Я в таких условиях вспоминаю начало войны. Нас окружили превосходящие силы немцев, у нас плохое оружие. Казалось бы, мы были обречены. Одни сказали: мы обречены — и пошли сдаваться немцам. Немцы всех их убили. Другие сказали: да, мы обречены и поэтому будем сражаться до конца. И прорвались, какая-то часть вырвалась. Так вот, сегодня от людей нередко слышишь: надо надеяться, кто-то всё-таки нам поможет, кто-то принесёт свободу. Никто не принесёт, никто помогать нам не будет. Все союзники наши бывшие, которым мы помогали, которых вскармливали и которые жили за счёт русских, они будут теперь нас поливать грязью и грабить, как только можно — грабить во всём: в материальном отношении, в культуре, в идейном отношении. Им уже навязана идеология и психология шакалов. Им дали понять: вот вам, рвите, кромсайте. И они действуют. Нам не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя. А что это значит? Прежде всего — нужно мозгами шевелить. Выдвигаю такой лозунг: надо переумнить наших врагов!

Да, на мой взгляд, главное оружие у нас сегодня — наши мозги. Надо как следует разобраться, понять на научном уровне, что такое был наш советский социальный строй, в чём его колоссальные преимущества и почему он рухнул. Что получилось после этого, каковы дальнейшие намерения Запада в отношении России, куда идёт процесс, на что можно рассчитывать? Вот всё это нужно понять. И находить, изобретать средства сопротивления в соответствии с этим пониманием.

Чтобы правильно поступать, надо правильно понимать. Понимать, понимать и ещё раз понимать! И постепенно накапливать силы понимающих. Детей учить нужно, молодёжь. Вы посмотрите, что делают с нашей системой образования. Значит, здесь необходимо максимальное противодействие. Словом, надо накапливать интеллектуальный потенциал сопротивления. С учётом прошлого и на новом материале, с новым опытом.

В. К.: Вы сами можете участвовать в создании такого потенциала?

А. З.: Мне уже много лет. Очень остро переживаю всё, что произошло с моей Родиной. Но я работаю по мере сил. Постараюсь работать и дальше.

2005 г.

* * *

Он работал до последнего. Но жить ему уже немного оставалось — меньше года.

А эти две беседы, как и многие другие, вошли в книгу “Александр Зиновьев о русской катастрофе. Из бесед с Виктором Кожемяко”, выпущенную недавно издательством “Алгоритм”.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

“МЕЧТАТЕЛИ” РЕЙХА И РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ

1. ЧТО ДОЛЖНА ЗНАТЬ МОЛОДЕЖЬ О ВОЙНЕ

АТАКА НА ДУШИ ВНУКОВ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Разочарования последнего двадцатилетия, утрата перспектив, надежд и веры в свою страну, доверия к ней, ощущение горькой безотцовщины, брошенности всех вместе и каждого в отдельности, страх перед жизнью – привели к утрате или пересмотру едва ли не всех духовных ориентиров и к гнилому брожению в духовном существе народа. К новой варваризации и дегуманизации, упадку культуры, девальвации образованности, нравственных принципов и ценностных приоритетов.

Разложение коснулось даже русского национального движения, нашей последней надежды (говорю об этом как его давний и активный участник). В нём появились течения и веяния, свидетельствующие о глубоком идейном разладе и духовном кризисе, граничащем с массовым умопомрачением. В частности, возникла абсолютно, казалось бы, противоестественная для детей и внуков воинов-победителей мода на германофильство и даже гитлероманию. Создалась даже особая “Катакомбная церковь истинных православных христиан” псевдосвященника Амвросия фон Сиверса, которая причислила Гитлера к лику святых и молится иконе “Святого великомученика Атуальфа Берлинского”. Заметное увлечение национал-социализмом, особенно в молодёжной среде (но далеко не только), заставляет тревожиться за судьбу России.

Особенно опасны названные тенденции тем, что, по опросам, свыше 60% русских мечтают о дружбе и сотрудничестве с немцами, в то время как взаимностью им отвечают не более 20% немцев. Парадокс: безвинно пострадавший от немецкого нашествия русский народ с бессмысленным и наивным дружелюбием искренне тянется к жестокому и надменному чужаку, массово его грабившему и уничтожавшему, не признававшему русских за людей. И до сих пор не признающему нас за равных себе, не удостоивающему ответной искренней дружбы. Чем чревато такое изначальное неравенство подходов и позиций? Только одним: новыми жертвами с нашей стороны.

Между тем, идеологи гитлерофилии вполне откровенно и щедро делятся с массами своими идеями – глупыми, но лестными для ущемлённого национального самолюбия некоторых недалёких русских людей. А поскольку, увы, национальное самолюбие сегодня ущемлено у большинства русских по пол-

не объективной причине, эти идеи находят порой своих адептов. И вот уже пошёл гулять по малограмотной, но амбициозной аудитории миф о том, что-де «славянские народы и, разумеется, русский народ официально признавались в Рейхе расово-родственными, братскими этносами. Какой смысл уничтожать своих братьев – вот самый простой вопрос, который мы адресуем... фальсификаторам истории»¹.

Довольно нелепо слышать подобный «простой вопрос» как раз от наиболее злостных фальсификаторов, каких только породило наше больное, подлое время и их собственное нездоровое воображение. Но миф растёт, как клубок в опытных пальцах мотальщицы: вот уже якобы «полноценных доказательств существования подобных устремлений [уничтожения миллионов славян] у верхушки национал-социалистического государства не существует»². В доказательство приводится судьба ничтожных карликов-отщепенцев, которых немцам удалось правдами-неправдами запрячь в свою боевую колесницу: «Славянские государства – Болгария, Хорватия, Словакия – были верными и стойкими союзниками Новой Европы, приняв участие в крестовом походе против большевизма»³. (О том, что немцы при этом творили с югославами, поляками, чехами – не упоминается почему-то. Как и о том, что погиб каждый четвёртый белорус. Как и о жертвах украинцев и русских.)

И перекидывается логический мостик: «Лучшие представители Русского народа, не забывшие о своём арийском первородстве, плечом к плечу стояли с германскими соратниками в этой Священной Расовой войне»⁴. А то даже и так: «Все те, кто считал себя русскими, воевали на стороне Гитлера, в том числе и в элитных войсках СС. Те, кто считал себя совками или вообще людьми без роду, без племени, те воевали на стороне сталинской жидократии»⁵.

Так неосмысленное преклонение перед «германскими соратниками» (!?) оборачивается самопредательством и оплачиванием великого подвига наших предков. Основной удар при этом получают юные души русских мальчиков и девочек, которые с удивлением обнаруживают, в результате подобной пропаганды, что свою родную страну им не за что любить и уважать.

Если, скажем, американцы делают всё, чтобы присвоить себе Великую Победу 1945 года, понимая её всемирно-историческое значение, и добиваются этого с умом и настойчивостью, у нас порой всё происходит наоборот. Находятся не менее настойчивые умники, от этой победы отрешивающиеся... (Это при том, что на одного убитого американского солдата приходится 107 советских!) А потом мы удивляемся, почему это у нас слабеет патриотизм и государственничество, почему 45% молодого поколения, по некоторым оценкам, не хочет жить в России.

Победы и память о победах укрепляют и сплывают нацию как ничто другое. Попытка взять их под сомнение грубо подрывает национальную солидарность, наносит болезненный ущерб национальному единству. Это понимают, в общем-то, все. Именно поэтому трудно расценить деятельность русских поклонников нацистской Германии иначе как провокационную, подрывную, раскольническую и сознательно вредоносную.

Я вижу в насаждении культа гитлеризма весомую часть общей вражеской пропаганды, направленной на раскол русского народа и увековечение у русских комплекса неполноценности, ущербности и вины. Вины перед всеми – перед благородными немцами, мечтавшими нас облагодетельствовать и спасти, перед несчастными, оккупированными нами народами Прибалтики и Восточной Европы. А перед Польшей – отдельно и в особенности! Да заодно перед Западной Белоруссией и Западной Украиной (даром, что приросшие этими территориями Украина с Белоруссией вовсе не сожалеют по этому поводу). Чуть ли не перед всем миром, в общем. А главное – перед самими собой, поскольку надо было, конечно же, воевать против своей страны и своего правительства, против Сталина. Дураки мы, дураки, оказывается: не тому козлу рога обломали! Не распознали, где главное зло для нас таилось!

Между тем игра в «чёрное – это белое» развернулась сейчас не только в границах России, но и на широком международном поприще. К 70-летию начала Второй мировой войны в 2009 году на Западе и в бывших союзных республиках, прежде всего в Прибалтике и на Украине, прошла мощная информационно-пропагандистская кампания, в основу которой был положен тезис о равной ответственности СССР и Германии за всемирную катастрофу. 23 сентября польский Сейм на пленарном заседании принял резолюцию, в которой

квалифицировал освободительный поход Красной армии как агрессию против Польши и официально обвинил СССР в союзности с гитлеровской Германией развязывании Второй мировой войны. Вслед за поляками парламент Литвы разработал закон, предусматривающий уголовную ответственность за одобрение или отрицание агрессии СССР, как и Германии, против литовского государства. Продолжение, как говорится, следует.

Дело не только в том, что в случае успеха этой информационной кампании и пересмотра истории войны от нас могут потребовать компенсацию материального или территориального ущерба. Дело в том, что это переписывание призвано утвердить в умах всего света Новый мировой порядок, однополярный мир, в котором не будет места другим лидерам и героям, кроме сионизированных США. Если это произойдёт, то будущее России как суверенного государства, самостоятельного цивилизационного и политического центра просто отменяется. Нас переведут из положения государства – основной жертвы и главного победителя в войне, а также одного из основателей современной политической системы, в положение агрессора, потерпевшего от мировой демократии хоть и запоздалое, но заслуженное поражение.

Нельзя допустить, чтобы эти зловещие планы нашли опору в нашей собственной стране в лице соклонников нацистской Германии, фанатов Гитлера, сторонников национал-социализма. Нам не нужна здесь “пятая колонна” для очередных конкистадоров.

АМБРОСИЙ ФОН СИВЕРС И АЛЕКСАНДР ПОДРАБИНЕК – ЗАОДНО?

Величайшая победа мирового славянства над германцами, исторический перелом в полуторатысячелетнем противостоянии (в ходе которого славяне потеряли огромные территории в Южной, Центральной и Западной Европе, а целые славянские племена были истреблены), грандиозный реванш, взятый нами ценой величайшего напряжения национальных сил русского народа в эпохальное четырёхлетие 1941–1945 гг., – всё это трактуется гитлерофилами как несчастье и историческое недоразумение. День Победы над Германией они именуют “днём победы” сатанистов, уничтожавших и растлевавших Историческую Россию, над Национал-социалистической Германией, предпринявшей героическую попытку спасти европейскую культуру и наши общие расово-духовные ценности от иудо-коммунистического варварства⁶. Очевидно, под “сатанистами” надо понимать примерно 35 миллионов участвовавших в военных действиях против нацистской Германии людей, среди которых русские представляют собой большинство.

Презрение и нелюбовь к “совковым патриотам”, посмевающим так жестоко “обидеть” немецких братьев по крови, арийцев, несших-де нам, русским, европейскую культуру и свободу от “жидо-большевистского ига”, у авторов сего мифа были и есть очень велики. Я мог бы привести многие выдержки из подобного рода текстов, если бы чувствовал в себе азарт собирателя мусора.

Но самое парадоксальное: в этой ненависти к защитникам нашей Родины они полностью и целиком смыкаются с таким автором, как Александр Подрабинек, от которого, по соображениям “расовой чистоты”, им следовало бы держаться подальше. А между тем он, точно так же ненавидя “совков”, “патриотизм”, Сталина, советских солдат и военачальников и вообще русскую силу, сокрушившую самую могучую военную машину, какую знало человечество, опубликовал 21 сентября 2009 г. в “Ежедневном журнале” знаковую статью, где духовно породнился с русскими гитлероманами, обнаружив полное с ними заединство. Ибо там, в частности, писалось: “Пора прекратить лицемерные причитания о чувствах ветеранов, которых оскорбляют нападки на советскую власть. Зло должно быть наказуемо. Его служители – тоже. Презрение потомков – самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима”.

Изобразить убеждённых патриотов, грудью вставших на защиту Родины, проливавших за неё кровь и даже погибавших, – как недалёких “совков”, защищавших “кровавый сталинский режим”, – старая, изощрённая и подлая подмена понятий. Именно она роднит современных русских гитлеристов с евреем-русифобом Подрабинином.

Любопытно, что вся подобная аргументация чуть ли не дословно списана с гитлеровских пропагандистских листовок и тому подобных текстов. Ещё в специальной директиве “Указания о применении пропаганды по варианту “Барбаросса”⁷ предписывалось утверждать, что “противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство со своими чиновниками и коммунистическая партия, работающая на мировую революцию”. Затем 21.08.1941 г. вышла дополнительная директива: “Использовать в пропаганде только негативные образы недостаточно. Помимо угроз, запретов и предупреждений должно подчёркиваться, что немецкий солдат пришёл не для того, чтобы уничтожить социализм, но чтобы освободить русский народ от большевистского рабства и обеспечить социальную справедливость”⁸. А в знаменитой инструкции Министерства пропаганды, подписанной лично Й. Геббельсом 15.02.1943 г., особо подчёркивалось: следует избегать высказываний, дискриминирующих народы СССР, и ни в коем случае не упоминать о колонизаторских планах Германии.

Трогательное единство во взглядах подрабинеков и русских гитлерёнской-несмышлёншей очень показательно и характерно. Ненависть и презрение к русскому народу, одержавшему ослепительную и труднейшую победу над тысячелетним врагом, над титаном, растоптавшим всю Европу, зашкаливает у тех и других до такой чрезмерности, что начинаешь сомневаться в их здравомыслии. Не тронулись ли рассудком подрабинеки? Забыли, чем грозила им, их родным и близким победа Гитлера в войне? А русские мальчишки-“фашики”? Неужели верят, что жили бы лучше, если б не победа их отцов и дедов? Что Гитлер из арийской солидарности избавил бы нас “от преступного сталинского режима”, после чего мы наслаждались бы свободой и демократией и “пили бы баварское пиво”?

Самое удивительное: всевозможные подрабинеки убеждают в этом нас едва ли не громче доморощенных нацистов, забывая при этом весьма неблагоприятно, что без русского солдата (“совкового патриота”, ныне ветерана) всемирное еврейство постиг бы всемирный же Холокост!

Но данная медаль “патриотизма навыворот” имеет и обратную сторону: если восхвалять гитлеризм, признавать его историческую правоту, если клеймить и опускать защитников Родины, то одновременно придётся превозносить до небес тех, кто изменил ей с оружием в руках. Именно так это и делают заединщинки – Александр Подрабинек и доморощенные фанаты Гитлера.

Выше уже приводилась замечательная своим идиотизмом фраза о лучших русских людях, воевавших против всего нашего народа. Эту же мысль развивает и Подрабинек:

“В Советском Союзе кроме вас были другие ветераны, о которых вы не хотели бы ничего знать и слышать – ветераны борьбы с советской властью. С вашей властью. Они, как и некоторые из вас, боролись с нацизмом, а потом сражались против коммунистов в лесах Литвы и Западной Украины, в горах Чечни и песках Средней Азии... .

Немногие из них, оставшиеся в живых, не получают от государства пособий и персональных пенсий, живут в бедности и безвестности. Но не вы, охранники и почитатели советской власти, а именно они – подлинные герои нашей страны”.

(Интересно, читал ли Подрабинек власовские листовки, где писалось довольно прямолинейно, в лоб: “Изменник тот, который защищает жидовскую власть и рабство! Переходите к нам! Только свержение большевизма и жидовской власти положит начало мирной, свободной и счастливой жизни русского народа. За это боремся мы! Бей жидов! Спасай Россию!”. Понятно, когда национал-патриот с помощью этих листовок пытается обелить Власова. Но... Подрабинек?!)

Как взбесившийся шакал, не разбирающий, кого кусать надо, а кого не надо, Подрабинек, сперва искусавши защитивших некогда его жизнь “совков-ветеранов”, вдруг запел-завыл хвалы предателям нашей Родины. Начиная с изменивших России и издавна враждовавших с русскими народов, представители которых охотно выполняли грязную полицейскую работу, радостно “защищая” новоприобретённые территории Рейха от всеми любимых соплеменников Подрабинека. И кончая изменниками особого рода, перебежчиками, которые красивыми словами о борьбе с большевизмом маскировали некра-

сивую роль подручных смертельного врага славян. Защищая при этом от нашего справедливого возмездия вражеский Третий рейх вместо того, чтобы защищать свою Россию от иностранного оккупанта – убийцы и мародёра.

Не один только Подрабинек, – но вместе с ним и целая когорта охотников, среди которых, помимо недобитых власовцев и их родни, можно видеть немалое число людей, именующих себя русскими и даже русскими националистами, – пытаются реабилитировать генерала Власова, атамана Краснова и прочих подонков, поднявших руку на свою Родину и свой народ. По большей части это результат чудовищного невежества, а также больной, извращённой фантазии и скрытого комплекса неполноценности натурального недочеловека, мечтающего приобщиться к сверхчеловеку. Понять эту логику довольно трудно: казалось бы, именно победа русского над немцем позволяет говорить о нём как о сверхчеловеке, победившем, скажем так, недосверхчеловека! (Но тут идёт в ход иной аргумент: мы-де завалили немцев своими трупами. Хотя и это не так: чисто военные потери русских и немцев вполне сопоставимы, а основная часть погибших граждан СССР – жертвы мирного населения или военнопленные.)

Однако Подрабинек сотоварищи в своём антирусском запале не задаётся естественным вопросом, где был бы он сам и вся его родня по всему свету, если бы те самые ветераны, жертвующие собой и защищая свою страну, какой бы она ни была, не сломали хребет немецкому нацистскому государству. Вряд ли от разномастных подрабинек сегодня хотя бы уголёчки остались.

Точно так же его русские единомышленники не пытаются честно и до конца разобраться в том, что было бы с русскими, если бы победил Гитлер. Или дают заведомо ложную информацию на сей счёт.

В связи со всем этим я надеюсь в последующих главах решить две задачи.

Во-первых, хочется до конца развеять любые иллюзии об “арийских братьях”, не питавших якобы агрессивных, хищнических и человеконенавистнических намерений в отношении русского народа. Именно намерения и мотивы немцев, развязавших войну, должны быть раскрыты до конца.

Во-вторых, необходимо рассказать правду о предателях Родины, которых наши сознательные или несознательные противники упорно пытаются поставить на пьедестал и выдать за истинно русских людей, героев борьбы за освобождение народа. В первую очередь (но не только) о генерале Власове.

Эти два разъяснения необходимо сделать, чтобы заложить правильные основания истинного патриотизма и национализма у русской молодёжи и избавить её от ненужных иллюзий ложно понятой расовой солидарности.

Ибо дороже всего обходятся идейные ошибки.

2. КОММЕНТАРИИ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПЛАНУ “ОСТ”

Разговор о целях немецкого государства, напавшего на СССР, неизбежно всякий раз возвращает нас к центральному документу, который раскрывает эти цели с наибольшей откровенностью и убеждающей детальностью: к так называемому Генеральному плану “Ост”. Необходимо рассказать о нём достаточно подробно, чтобы указанные цели выявились максимально рельефно. Проблема в том, что существование этого документа оспаривается или же он объявляется фальшивкой на том основании, что протограф до сих пор не обнаружен. Однако это не означает, во-первых, что его не было. А во-вторых, отброшенная им реальная документальная тень такова, что позволяет уверенно судить о его существовании. Я предлагаю читателям самим в этом убедиться.

БЫЛ ЛИ ПЛАН “ОСТ”?

Немецкая пропаганда не жалела сил, чтобы затушевать, замаскировать истинные цели агрессора. К примеру, в циркуляре от 3 декабря 1942 года А. Розенберг предписывал “проявлять сдержанность в статьях и выступлениях, касающихся планов Рейха на Востоке... избегать следующих выражений: проводить колониальную политику...”. Ещё до нападения на СССР в 1941 го-

ду были изготовлены десятиминутные пропагандистские ролики о “друге русского народа Адольфе Гитлере” (“Гитлер – освободитель” и др.). В одном из них диктор убеждал зрителя: “Для русского народа это имя имеет особое значение, потому что Адольф Гитлер был первым государственным деятелем, объявившим беспощадную борьбу большевизму, этой многоголовой гидре, поработившей нашу родину. Помогать ему всеми силами – это долг каждого любящего свою родину человека”.

А что было на самом деле? Что несло для русских людей немецкое иго?

Достоверно известно и не оспаривается, что главное имперское управление безопасности под руководством Гиммлера совместно с восточным министерством Розенберга предпринимало усилия для подготовки Генерального плана “Ост”, который должен был решить судьбу оккупированных территорий и побеждённых, покорённых немцами народов.

Свидетельств того, что такая работа шла, достаточно. Некоторые из них – самого высокого уровня, как, например, письмо руководителя СС Генриха Гиммлера – государственному комиссару по делам укрепления немецкой расы Ульриху Грейфельту от 12 июня 1942 года, в котором упомянут некий “Совокупный (он же, по-видимому, Генеральный) план “Ост” главного имперского управления безопасности”. Не менее важным я считаю письмо руководителя НСДАП Мартина Бормана министру по делам оккупированных на Востоке территорий Альфреду Розенбергу от 23 июля 1942 года. В нём хотя и не упоминается план “Ост”, директивно излагаются от лица фюрера ровно те же принципы политики относительно покорённых народов. Нет сомнений, что авторы плана и Борман вдохновлялись одними и теми же идеями, исходившими, как видно, лично от Гитлера, и были в курсе продвижения самого плана.

Таким образом, независимо от того, существовал ли данный план в законченном виде на бумаге, он, вне всякого сомнения, жил во всю силу в головах руководителей, конструировавших настоящее и будущее Рейха⁹.

На сегодня выявлено шесть вариантов плана “Ост”, существование которых следует из источников, группирующихся вокруг имени привлечённых к работе над ним учёных: профессора Мейера, доктора Элиха и доктора Э. Ветцеля. Опубликована магистерская работа историка Карстена Шульца¹⁰, в которой данные ниже источники и все их интерпретации скрупулёзно анализируются. А именно:

1. Генеральный план рейхскомиссариата по укреплению германской государственности (автор проф. Мейер, январь 1940)¹¹.

2. Генеральный план “Ост” рейхскомиссариата по укреплению германской государственности (автор проф. Мейер, 15 июля 1941)¹².

3. Генеральный план “Ост” рейхскомиссариата по укреплению германской государственности (автор проф. Мейер, 28 мая 1942; 71-страничный план был развёрстан на 25 лет)¹³.

4. Генеральный план заселения (материалы рейхскомиссариата по укреплению германской государственности, автор проф. Мейер, 23 декабря 1942 г., переработан 15 февраля 1943)¹⁴.

5. Генеральный план “Ост” отдела III-B главного имперского управления безопасности (РСХА) (предположительно автор доктор Элих, январь 1942)¹⁵.

6. Совокупный план “Ост” главного имперского управления безопасности (РСХА) (апрель или май 1942)¹⁶.

Как видно, профессор Мейер¹⁷ с января 1940-го по февраль 1943 года работал над проблемой, неоднократно варьируя концепцию Генерального плана, которая в его исполнении была сравнительно мягкой. Она предусматривала лишь полную депортацию всех евреев из оккупированных областей: “В последующем мы исходим из того, что всё еврейское население (около 560000 человек) уже эвакуировано или покинет [Польшу] текущей зимой”. А также выселение 3,4 миллиона поляков из областей, граничащих с Рейхом. Изюминка планов Мейера, о которой неплохо сегодня напомнить нашим прибалтийским друзьям, состояла в том, что принудительному онемечиванию подлежали более 50% эстонцев, до 50% латышей, до 15% литовцев (о том, что такое онемечивание, могли бы рассказать пруссы, если бы в итоге сохранился хоть один прусс). При этом коренному населению запрещалось владеть собственностью в городах, чтобы использовать его преимущественно на сельскохозяйственных работах. Для контроля территорий с непреобладающим поначалу немецким населением вводилась форма маркграфства; первые три: Ингерманлан-

дия (Ленинградская область), Готенгау (Крым, Херсон), и Мемель-Нарев (Западная Литва – Нарва). Депортации подлежали около 30 миллионов коренных жителей всей оккупированной территории; в одной Ингерманландии население городов должно было быть снижено с 3 миллионов до 200 тысяч.

Дорабатывал ли проф. Мейер свой проект после Сталинградской битвы, а тем более после Орловско-Курской дуги, неизвестно. Как неизвестно и то, рассматривался ли он официально высшим руководством Рейха и лично Гитлером. Скорее всего нет, ибо победы русского оружия превратили труд профессора и его коллег в бессмысленное прожектерство и сняли его с повестки дня.

Кроме подготовительных проектов Мейера имелся также документ под саkraментальным названием “Генеральный план “Ост” рейхсфюрера войск СС”, в работе над которым участвовал штандартенфюрер доктор Элих. К сожалению, самый оригинал отсутствует. Но мы вполне достоверно судим о нём по косвенным источникам, поскольку на этот план есть, в частности, обширный отзыв доктора Ветцеля, подлинность которого не оспаривается ни европейскими ревизионистами, ни доморощенными гитлеристами.

Таковы основные документы, касающиеся Генерального плана “Ост”, изготовленного в ведомстве Гимmlера. Об аналогичных планах министерства по восточным территориям мы здесь не судим, но и они наверняка были. Об этом свидетельствует как раз тот самый профессиональный отзыв специалиста, который даёт представление о пресловутом плане. Речь идёт о “Замечаниях и предложениях по генеральному плану “Ост” рейхсфюрера войск СС”, изложенных Э. Ветцелем – начальником отдела колонизации 1-го главного политического управления “восточного министерства” (высокий чин в ведомстве А. Розенберга). Документ подписан в Берлине, датирован 27.4.1942, на нём вполне заслуженно стоит гриф “Совершенно секретно! Государственной важности!”, и начинается он со знаменательных слов: “Главное управление имперской безопасности работает над генеральным планом “Ост”. Жанр документа – типичная официальная служебная записка; на первом листе проставлен исходящий номер: 1/214.

Принимая в соображение всё сказанное, вряд ли стоит сомневаться в том, что такой план существовал на самом деле. Был ли он доработан до конца и утверждён или остались только отдельные разработки к нему высокопоставленных чиновников – неважно.

Важно, во-первых, что самые креативные и ответственные умы в имперском госаппарате – Гимmlер, Борман, Грейтфельт, Розенберг – были очень серьёзно озадачены проблемой в целом и этим проектом, обсуждали его со всех сторон.

Во-вторых, совершенно ясны те направления, в которых шла работа над проектом, вдохновленная лично Гитлером и другими высшими лицами империи, ясен его общий смысл, ясно, в чём состоял консенсус гитлеровской верхушки в отношении дальнейшей судьбы русского народа и вообще покорённых уже навсегда славян.

ЧТО НАМ СУЛИЛО НЕМЕЦКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Главные мечтатели Рейха понимали, что целиком заглотив и переварить такую махину, как СССР (да ещё плюс Польша) немцы не смогут физически. Поэтому предполагали распорядиться покорённым Советским Союзом как можно рациональнее.

По-видимому, в ведомстве Розенберга работали более подготовленные люди (Розенберг, сам фольксдойче, подбирал грамотные кадры). Начальник отдела колонизации Ветцель счёл нужным подправить в соответствии со своей компетенцией план, сделанный ведомством Гимmlера. По сохранившимся подлинным замечаниям Ветцеля историки судят о содержании плана, которого никто из них пока в глаза не видел. Подлинность текста Ветцеля признают даже опричники из братства св. преп. Иосифа Волоцкого, нередко ссылаясь на него.

Основу откорректированного Ветцелем проекта составили три пункта:

1) Примерно треть территории России к западу от Урала (Ингерманландия, Брянщина, Таврия и Крым), а также вся Украина, кроме Восточной,

Польша и Прибалтика почти полностью очищались от коренного населения, чтобы быть поделённой между примерно 8–10 млн немецких колонизаторов. Первоначально из 45 миллионов коренного населения 31 миллион подлежал отселению в Западную Сибирь, оставшиеся 14 миллионов должны были подвергнуться онемечиванию. Выселению подлежало 65% западных украинцев, 75% белорусов, 80–85% поляков и т. д. Но Ветцель подправил: с учётом плодovitости коренного населения число выселенных за 30 лет составит не 31, а 46–51 млн человек.

Замечу в скобках, что если Мейер в отношении евреев предполагал эвакуацию, то Ветцель пишет однозначно: “Примерно 5–6 млн евреев, проживающих на этой территории, будут ликвидированы ещё до проведения выселения”. Нас, славян, это касается мало, но вот подрабинекам есть над чем задуматься.

Ветцель предубеждённо считал, что “из всех народов, согласно плану подлежащих переселению, поляки – наиболее враждебно настроенный к немцам, численно больший и поэтому самый опасный народ”. Это была большая ошибка: о поляках с гораздо большим знанием дела рассуждал возглавлявший Польшу маршал Пилсудский, считая их “народом, который никогда не способен ни на какое действие, который является позором Европы и тридцатимиллионным пятном на человечестве”. Не меньшей ошибкой со стороны Ветцеля было считать, что “белорусы – наиболее безобидный и поэтому самый безопасный для нас народ из всех народов восточных областей”.

Эта ошибка скоро даст себя знать. Пока же Ветцель сильно тревожился по поводу именно поляков: “Принудительное переселение около 20 млн поляков в определённый район Западной Сибири, несомненно, вызовет постоянную опасность для всей территории Сибири, создаст очаг непрерывных мятежей против установленной немецкой властью порядка. Подобное поселение поляков, может быть, имело бы смысл в качестве противовеса русским, если бы последние снова обрели государственную самостоятельность и немецкое управление этой территорией стало бы вследствие этого иллюзорным”.

Что же делать с поляками? Тут нельзя не отметить тонко дифференцированный подход автора текста: “Совершенно ясно, что польский вопрос нельзя решить путём ликвидации поляков, подобно тому, как это делается с евреями. Такое решение польского вопроса обременило бы на вечные времена совесть немецкого народа и лишило бы нас симпатии всех, тем более что и другие соседние с нами народы начали бы опасаться, что в одно прекрасное время их постигнет та же участь. По моему мнению, разрешить польский вопрос надо так, чтобы при этом свести до минимума упомянутые мною выше политические осложнения. Ещё в марте 1941 г. я высказал в одном меморандуме точку зрения, что польский вопрос можно частично решить путём более или менее добровольного переселения поляков за океан”. Просто и гуманно, и совесть чиста.

2) Часть всей нашей территории между Уралом и условной линией от Старой Ладогой через Валдай и Брянск к Мелитополю, а также Восточная Украина без Житомирской, Каменец-Подольской, Винницкой областей и Крыма – становилась подчинённым Германии конгломератом из “комиссариатов” под внешним имперским управлением.

3) О колоссальных запасах нефти и газа в Сибири тогда ещё почти никто в мире не знал, мы и сами только догадывались, поэтому немцы к Зауралью отнесли несколько пренебрежительно, как к своего рода отстойнику расово неполноценных народов, включая и ненордических русских. В области за Уралом должны были быть выселены поляки, белорусы, украинцы, значительная часть литовцев и все расово неполноценные народы. Параллельно культивировалось создание якобы автохтонного “сибирского народа” – странная мифология, свидетельствующая о плохой подготовке авторов проекта¹⁸. Кроме того, за Урал предполагалось направлять западноевропейских колонизаторов ненемецкого происхождения, включая венгров, французов и румын, дабы по крайней мере европеизировать сибирские земли, на онемечивание коих у немцев просто не хватало биологических сил. (Русских они за европейцев, естественно, не считали.) Ветцель предусмотрительно писал в связи с этим: “Надо ещё раз подчеркнуть, что Сибирь является одним из факторов, который при правильном его использовании мог бы сыграть решающую роль в лишении русского народа возможности восстановить своё могущество”. Этакий анти-Ломоносов; не зря тот выступал против немецкого засилия!

Участь Дальнего Востока в плане не прописана, но все, кто читал “Майн кампф”, помнят, что эти земли Гитлер предполагал отдать Японии (в то время он мечтал разделить Россию с ней и с Англией).

Такой была основа представлений гитлеровской верхушки о дальнейшей судьбе Советского Союза, Польши и населяющих их народов.

Ещё раз скажу: был план “Ост” в законченном виде или не был – в конце концов это даже и неважно. Важно, что над ним работали люди уровня Ветцеля и предлагали именно такие меры в отношении русского народа¹⁹. Важно, что был общий немецкий дух, подчинявший себе старых и малых, богатых и бедных, руководителей и исполнителей, было общее извечное пренебрежительное отношение Немца – к Славянину вообще и к Русскому в особенности!

Даже если этот общий дух, это общее отношение, о котором свидетельствует всё и вся, не воплотились в конкретном пресловутом документе, он все равно материализовался во всём прочем: в словах и делах немецких нацистов – агрессоров и оккупантов.

Остановлюсь на некоторых важных частностях.

АРИЙСКАЯ ПСЕВДОБРАТИЯ

Особенно глупо, что отечественных гитлерофилов греет мысль об арийской солидарности, якобы двигавшей немецкими войсками, наступавшими на Москву, Ленинград, Киев, чтобы освободить славян от “жидовского ига”...

Как бы не так. Прежде всего: немцы никогда (!) не рассматривали нас как равных себе представителей нордической расы. Ни Гитлер, ни Розенберг, ни Гиммлер, ни иные.

Вот что пишет по данному поводу Ветцель: “Само собой разумеется, что политика онемечивания применима лишь к тем народам, которых мы считаем расово полноценными. Расово полноценными, сравнительно с нашим народом, можно считать в основном лишь тех местных жителей ненемецкого происхождения, которые сами, как и их потомство, обладают ярко выраженными признаками нордической расы, проявляющимися во внешнем облике, в поведении и в способностях”. При этом он был убеждён, что только в Северной России “население ещё в большой степени (но даже там не полностью! – А. С.) обладает признаками нордической расы”. Остальные могут не беспокоиться.

Как известно, русская национальная типажность весьма и весьма вариативна и представлена далеко не только нордическими образцами, составляющими явное меньшинство. Поглядите-ка на себя в зеркало, представители “русского гитлерюгенда”: все ли из вас удостоились бы высокой чести быть из русских переделанными в немцев? (Какой дикой и кощунственной показалась бы сама постановка подобного вопроса русским аристократам эпохи Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Льва Толстого, считавшим русских безусловно выше немцев! Как поиздевались бы над ней Гоголь или Достоевский, Тургенев или Гончаров!)

Ну, а те, которым всё же посчастливилось бы соответствовать расовым нордическим параметрам? Что ждало их? Об этом даёт понимание следующий абзац:

“Нежелательное в расовом отношении белорусское население будет ещё в течение многих лет находиться на территории Белоруссии. В связи с этим представляется крайне необходимым по возможности тщательнее отобрать белорусов нордического типа, пригодных по расовым признакам и политическим соображениям для онемечивания, и отправить их в империю с целью использования в качестве рабочей силы... Их можно было бы использовать в сельском хозяйстве в качестве сельскохозяйственных рабочих, а также в промышленности или как ремесленников. Так как с ними обращались бы как с немцами и ввиду отсутствия у них национального чувства, они в скором времени, по крайней мере в ближайшем поколении, могли бы быть полностью онемечены”.

Что ж, именно такая практика и проводилась веками по отношению к славянам в Пруссии, Померании, Мекленбурге и проч., метод апробирован и оправдал себя: славян там теперь как не бывало. Бескровный и необратимый геноцид и этноцид.

Подставьте вместо “белорус” слово “русский” и вы получите точный проект собственной судьбы. Это ещё в самом лучшем случае, поскольку Ветцель в принципе “тепло” относился к белорусам, считая их самыми безобидными, в отличие от поляков и русских.

А что ждало “ненордических” русских, не удостоенных переезда в Германию ради последующего благодатного онемечивания и тяжких физических работ?

Думаете, русским позволили бы самоуправление на своих исконных территориях? Или, может быть, милостивые и справедливые господа немцы сами бы взялись управлять дикими русскими ради их же блага? Как бы не так!

Ветцель: “На обширных пространствах Востока, не предусмотренных для колонизации немцами, нам потребуется большое число людей, которые в какой-то степени воспитывались в европейском духе и усвоили по меньшей мере основные понятия европейской культуры. Этими данными в значительной мере располагают эстонцы, латыши и литовцы... Нам следует постоянно исходить из того, что, управляя всеми огромными территориями, входящими в сферу интересов германской империи, мы должны максимально экономить силы немецкого народа... Тогда неприятные для русского населения мероприятия будет проводить, например, не немец, а используемый для этого немецкой администрацией латыш или литовец, что при умелом осуществлении этого принципа, несомненно, должно будет иметь для нас положительные последствия... Представителям этой прослойки населения следует прививать также чувство и сознание того, что они представляют собой нечто особенное по сравнению с русскими...”

Не немецкими холопами стали бы мечтающие об этом денно и нощно русские перерожденцы, а всего лишь латышскими и эстонскими. Прикиньте-ка! Достойная участь для тех, кто ищет себе на шею иностранного господина.

Холопы трудолюбивых европеизированных прибалтов... Завидная доля, ничего не скажешь! Как бы она выглядела в натуре? Ответу без труда. Вспоминается мне письмо одного эстонца, опубликованное мною как главным редактором “Национальной газеты” в 1998 году. Этакий отголосок немецкой пропаганды, успевшей прозвучать в своё время в Прибалтике и, видно, запавшей эстонцам глубоко в душу. Цитирую частично:

“Племя эстов сохранилось в расовой чистоте уже 5 тысяч лет, без разных там примесей и ассимиляций. Эстонская национальность единственная в постсоветском пространстве на протяжении веков сохранила свою цельность. Племя эстов как было 5 тысяч лет назад, так и сейчас осталось. Даже соседи латыши и финны смесь различных племён, латыши: курши, ливы, летьгола, селы и прочее, а финны: кемь, емь, сумь, карела и прочие вепсы. О вас, русских свиньях, даже и речи нет. С вашими грязными славянскими женщинами разве что папуасы не спали, и то в силу географической отдалённости... Эстонцы единственные из всех народов негерманского мира могли служить в СС. В СС служила элита арийской Европы, Гитлер в расовом вопросе знал толк. Что же касается вас, русских унтерменшей, то наши русские типы лица служили натурой для геббельсовских пропагандистских фильмов о том, каким должен быть азиатский варвар...”

С эстонским приветом Алекс Хинт. Скоплю “зелёных” и открою в Таллине ресторан, где у входа неоновыми огнями будет переливаться вывеска: “Только для эстонцев, русским и собакам вход воспрещён”.

Надеюсь, вопрос с арийским псевдобратством середины XX века ясен теперь всё до конца.

ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ГЕНОЦИД

Самое главное для нас, русских, содержится в нижеследующем тексте, где знатный гуманист Ветцель полемизирует с одним brutally настроенным профессором:

“Необходимо коснуться ещё одного вопроса, который совсем не упоминается в генеральном плане “Ост”, но имеет большое значение для решения вообще всей восточной проблемы, а именно – каким образом можно сохранить и можно ли вообще сохранить на длительное время немецкое господство перед лицом огромной биологической силы русского народа. Поэтому на-

до кратко рассмотреть вопрос об отношении к русским, о чём почти ничего не сказано в генеральном плане.

Теперь можно с уверенностью сказать, что наши прежние антропологические сведения о русских, не говоря уже о том, что они были весьма неполными и устаревшими, в значительной степени неверны. Это уже отмечали осенью 1941 г. представители управления расовой политики и известные немецкие учёные. Эта точка зрения ещё раз была подтверждена профессором доктором Абелем, бывшим первым ассистентом профессора Е. Фишера, который зимой этого года по поручению верховного главнокомандования вооружённых сил проводил подробные антропологические исследования русских...

Абель видел только следующие возможности решения проблемы: или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы”.

Вот это проговорочка!

Вам понятно ли, о чём, о каком выборе идёт речь, читатель? Какую альтернативу преподнесли немецкие профессора верховному главнокомандованию вермахта уже осенью 1941 года? Поясню ещё раз.

Русских следовало уничтожить. Предлагалось два варианта.

В первом случае — “полное уничтожение”.

Во втором — следовало уничтожить всех за исключением тех, кто “имеет явные признаки нордической расы”. Этим следовало подвергнуть онемечиванию, то есть в любом случае уничтожить как русских в конечном счёте.

Ветцель комментирует: “Эти очень серьёзные положения Абеля заслуживают большого внимания. Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их”.

Однако сам Ветцель, не рискнувший тотально уничтожать даже наиболее опасный, с его точки зрения, польский народ, в отношении русских также не одобрил подобной меры: “Предложенный Абелем путь ликвидации русских как народа, не говоря уже о том, что его осуществление едва ли было бы возможно, не подходит для нас также по политическим и экономическим соображениям”.

Что же делать? Ведь надо же что-то с этими плодовитыми русскими делать?!

В таком случае нужно идти различными путями, чтобы рационально и эффективно решить русскую проблему. Эти пути вкратце заключаются в следующем:

А) Как уже говорилось, ни о каком самоуправлении русских и речи быть не могло: всюду должна была распоряжаться немецкая администрация. При этом:

“Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населённой русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие... Нет сомнения, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа”.

Иными словами, русских следовало децентрализовать и вернуть в состояние феодальной раздробленности, из единой русской нации снова, как в XII веке, налепить тверитян, курян, владимирцев, нижегородцев, москвичей...

“Народам, населяющим эти районы, нужно внушить, чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву, даже в том случае, если в Москве будет сидеть немецкий имперский комиссар”.

Как напоминает мне всё это, кстати, мечтания “Северного братства”, изложенные в проекте НОРНА, автором которого является на старости лет прославившийся бегством из ненавидимой России на Украину национал-анархист и ренегат Пётр Хомяков. Зря трудился Пётр Михайлович: надо было просто нациста Ветцеля переписать.

Заодно следовало покончить с объединяющей ролью великого и могучего русского языка: “Как на Урале, так и на Кавказе существует много различных народностей и языков. Будет невозможно, а политически, пожалуй, и неправильно делать основным языком на Урале татарский или мордовский, а на

Кавказе, скажем, грузинский язык. Это могло бы вызвать раздражение у других народов этих областей. Поэтому стоит подумать о введении немецкого языка в качестве языка, связывающего все эти народы”.

Б) “Вторым средством, ещё более действенным, чем мероприятия, указанные в пункте “А”, служит ослабление русского народа в расовом отношении. Онемечивание всех русских для нас невозможно и нежелательно с расовой точки зрения. Что, однако, можно и нужно сделать, так это отделить имеющиеся в русском народе нордические группы населения и произвести их постепенное онемечивание. . .

Важно, чтобы на русской территории население в своём большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот германскому руководству. Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в руководстве. Если германскому руководству удастся не допустить сближения с русским населением и предотвратить влияние немецкой крови на русский народ через внебрачные связи, то вполне возможно сохранение германского господства в этом районе при условии, если мы сможем преодолеть такую биологическую опасность, как чудовищная способность этих примитивных людей к размножению”.

Комментарии излишни: всё просто и ясно. Перед нами очередные тексты к картинкам из пропагандистской гитлеровской брошюры “Унтерменш”.

Следующий пункт программы Ветцеля, изложенный им для корректировки Генерального плана “Ост”, – самый страшный и красноречивый.

Красной нитью через весь обширный отзыв доктора Ветцеля проходит его беспокойство по поводу демографических аспектов проблемы. Что его тревожило? Во-первых, “наблюдаемый с 1933 г. рост рождаемости. . . не может ни в коей мере считаться достаточным для существования немецкого народа, особенно принимая во внимание его огромные задачи по колонизации восточных территорий”. А во-вторых – “невероятная биологическая способность к размножению соседних с нами восточных народов”.

Должен напомнить читателю, что с конца XIX века и до самой войны 1941–1945 гг. русские занимали по рождаемости второе место в мире после китайцев, но первое в Европе. Немцы, даже после прихода к власти нацистов, поднявших плодovitость, были всего лишь вторыми. (По моему убеждению, именно стремительный рост этих двух народов и был главным фактором, определившим неизбежность военного столкновения.) Идеологи и планировщики Рейха непременно учитывали эти обстоятельства.

Меры по увеличению рождаемости немцев – вне нашего внимания. Чего нельзя сказать о мерах, направленных на снижение рождаемости русских, вообще славян (о других народах здесь не говорю).

Напомню, что статья 357 “геноцид” в УК РФ сформулирована (в соответствии с международным правом) так: “Действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путём убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы”.

В этой связи мы должны дать принципиальную и недвусмысленную оценку следующему пассажи Ветцеля:

“В) Есть много путей подрыва биологической силы народа. . . Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. . .

Чтобы избежать в восточных областях нежелательного для нас увеличения численности населения, настоятельно необходимо избегать на Востоке всех мер, которые мы применяли для увеличения рождаемости в империи. В этих областях мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т. п., мы должны постоянно внушать населению мысль, что вредно иметь много детей.

Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства. Нужно говорить о большой опас-

ности для здоровья женщины, которой она подвергается, рожая детей, и т. п. Наряду с этим должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств. Необходимо наладить широкое производство этих средств. Распространение этих средств и аборт ни в коей мере не должны ограничиваться. Следует всячески способствовать расширению сети абортариев. Можно, например, организовать специальную переподготовку акушерок и фельдшериц и обучать их производить аборт. Чем качественнее будут производиться аборт, тем с большим доверием к ним будет относиться население. Вполне понятно, что врачи также должны иметь разрешение производить аборт. И это не должно считаться нарушением врачебной этики.

Следует пропагандировать также добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. Следует сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям. Наряду с проведением этих мероприятий в области здравоохранения не должно чиниться никаких препятствий разводам. Не должна оказываться помощь внебрачным детям. Не следует допускать каких-либо налоговых привилегий для многодетных, не оказывать им денежной помощи в виде надбавок к заработной плате. . .

Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе. Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями. . .”

Что ещё нужно добавить к этой ясно и чётко изложенной программе геноцида русского народа, чтобы убедить наших доморожденных русских гитлерофилов и ариеманов, национал-социалистов и фашистов в их собственном безграничном идиотизме? Не знаю. По-моему, сказанного достаточно. Sapienti sat.

Перед нами документ, на коем незримо, но бесспорно стоит высшая проба гитлеровского государства. В отношении русских он недвусмысленно подразумевает самый настоящий геноцид.

3. СЛОВО О РУССКОМ ИУДЕ

АПОЛОГИЯ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ

Ни Деникин, ни Милюков, ни Керенский – все главные русские борцы с Советской властью, с большевиками, оставшиеся к тому времени в живых, – не пошли за Гитлером воевать с Россией в обличье СССР, как их ни уговаривали. Хотя были ещё в силах, да и авторитетом пользовались немалым. Однако они лучше всех понимали, что это – попытка заново сыграть в уже проигранную раз игру, но только теперь с чужой, вражеской помощью. А это для нормального русского человека – абсолютное табу, этого делать нельзя ни за что и ни под каким предлогом. Или, что ещё хуже, самообман, скрывающий реальную помощь вражескому нашествию со стороны проигравших свою войну белогвардейцев.

Раньше надо было по-другому биться с красными. Побеждать надо было! А проиграли – теперь вините себя. Кайтесь, кусайте локоть. Молитесь за Россию. Больше ничего не остаётся.

Именно так и поступали эти мужественные и честные патриоты.

Про писателей и прочую интеллигенцию, творческую и научную, оказавшуюся в эмиграции, я и не говорю. В своём абсолютном большинстве они приветствовали победы русского оружия, гордились ими.

Однако было немалое количество людей (относительно всего населения СССР всё-таки малое: менее 1%), которые перешли на сторону врага, поддавшись на его агитацию или спасая свою шкуру, хотя были, несомненно, и те, что руководствовались идейными соображениями. Наиболее известной среди перебежчиков личностью, о которой спорят до сих пор, был генерал А. А. Власов.

Что пишут о нём наши гитлеристы? Вот, например, некий Алексей Широпаев, соединивший в себе достоинства Сталина (как непризнанный поэт) и Гитлера (как непризнанный художник), прославившийся на редкость мерзко-руссофобной книжкой “Тюрьма народа”, вывесил у себя в ЖЖ такой текст: “Увы, мне трудно верить в русский народ как в некое целое после всего того, что с ним сделали. Трудно верить в его историческую состоятельность, в его разум. И лишь одно внушает некоторую, весьма осторожную надежду: в ответ на возрождение имени Сталина забрезжило слабой звездой имя его антипода – генерала Власова. . . Кто такой Власов? Нижегородский крестьянин, в котором несмотря ни на что сохранилась тяга к европейским ценностям. То есть к свободе, собственности, праву. Власов восстал не просто против Сталина, а против исторической России, суть которой концентрированно выражал Сталин. . .”²⁰

Немудрено, что откровение Широпаева либералы тут же разместили на сайте “Гайд-парк” под характерным заголовком: “Русский человек – сам себе палач, потому что в душе раб”²¹. Для них, ненавидящих русских всем нутром, это был славный подарок.

О Власове и власовцах написано вполне достаточно, чтобы до конца и до тонкостей разобраться в том, что это такое²². Я проделал эту работу для себя, у меня не осталось и тени сомнений. С лёгкостью сделает это и любой желающий. Однако я не прошу читателя доверяться моим убеждениям. Я прежде приглашаю на суд совести и чести более авторитетного, быть может, свидетеля: Александра Солженицына.

СОЛЖЕНИЦЫН ПРОТИВ ВЛАСОВА

Даже самый убеждённый его неприятель не заподозрит Солженицына в симпатиях к Советской власти. Вряд ли вообще можно назвать её большего ненавистника. И что же пишет Солженицын, которого одни называли совестью русского народа, а другие клеймили именно как “власовца”, только “литературного”, – о том самом генерале Власове? Казалось бы, должен трактовать его как минимум нейтрально, “с пониманием”. Ан нет! То есть понимание Власова у Солженицына – есть: великолепное, точное, патриотичное, с полным знанием предмета, с горьким опытом фронтовика, зэка, историка. “Литературный власовец” Солженицын знал больше, видел дальше и понимал дело куда глубже, чем сегодняшние задним числом очень смелые ненавистники большевиков. И пишет он о Власове и РОА вот что:

“Листовки, сообщавшие о создании РОА – “русской освободительной армии”, не только были написаны дурным русским языком, но и с чужим духом, явно немецким, и даже незаинтересованно в предмете, зато с грубой хвастливостью по поводу сытой каши у них и весёлого настроения у солдат. Не верилось в эту армию, а если она действительно была – уж какое там весёлое настроение?.. Вот так-то соврать только немец и мог.

Никакой РОА в действительности и не было почти до самого конца войны. Все годы несколько сот тысяч добровольных подсобников – *Hilfswillige*, рассеяны были по всем германским частям, на полных или частичных солдатских правах. Да существовали добровольческие противосоветские формирования – из недавних советских граждан, но с немецкими офицерами. Первыми поддержали немцев – литовцы. . . Затем из украинцев собралась добровольческая дивизия СС, из эстонцев – отряды СС. В Белоруссии – народная милиция против партизан (и дошла до 100 тысяч человек!). Туркестанский батальон. В Крыму – татарский. . . Когда немцы завоевали наш Юг, число добровольческих батальонов ещё увеличилось: грузинский, армянский, северокавказский и 16 калмыцких. . . При отступлении с Дона ушёл с немцами казачий обоз тысяч на 15, из них половина способных носить оружие. Под Локтем (Брянская область) в 1941 ещё до прихода немцев местное население распустило колхозы, вооружилось против советских партизан и создало до 1943 года автономную область (во главе – инженер К. П. Воскобойников), с вооружённой бригадой в 20 тыс. человек (флаг с Георгием Победоносцем), которая называла себя РОНА – Русская освободительная народная армия.

Однако подлинной всероссийской освободительной армии не создалось, хотя были фантазии и попытки к ней – от самих русских, рвавшихся к оружию

освобождать свою страну, и от группы немецких военных с ограниченным влиянием, средним положением по службе, но реальным видением, что с оголтелой гитлеровской колонизационной политикой выиграть войну против СССР нельзя... Эта группа тщетно пыталась убедить гитлеровские верхи в необходимости германо-русского союза. В их фантазиях выдумывалось и название армии, и будущий её ожидаемый статут, и нарукавная нашивка (с андреевским полем), носимая на немецком мундире.

...Это формирование к концу 1942 состояло из 7 тысяч человек, четырёх батальонов, предполагаемых к развёртыванию в полки, и понимало само себя как начало РННА – русской национальной народной армии. Добровольцев было больше, чем часть могла принять. Но – не было уверенности: из-за того, что не было доверия к немцам, и справедливо. В декабре 1942 часть была настигнута приказом о расформировании: по отдельным батальонам, в немецкое обмундирование и в состав немецких частей. В ту же ночь 300 человек ушли в партизаны.

Осенью 1942 Власов дал своё имя для объединения всех противобольшевистских формирований, и осенью же 1942 гитлеровская Ставка отклонила попытки средних армейских кругов добиться отказа Германии от планов восточной колонизации и заменить их созданием русских национальных сил. Едва решась на роковой выбор, едва сделав первый шаг на этом пути, – Власов уже оказался не нужен более, чем для пропаганды, и так – до самого конца.

...Агитационные поездки Власова по занятым областям (снова – самочинные, без ведома и воли Ставки и Гитлера). В самодельно-сшитой, никакой армии не принадлежащей шинели – коричневой, с генеральскими красными отворотами и без знаков различия, Власов совершил первую такую поездку в марте 1943 (Смоленск–Могилёв–Бобруйск) и вторую в апреле (Рига–Печёры–Псков–Гдов–Луга)... Выступал Власов в переполненных смоленском и псковском театрах, говорил о целях освободительного движения, притом открыто – что для России национал-социализм неприемлем, но и большевизм свергнуть без немцев невозможно. Так же открыто спрашивали и его: правда ли, что немцы намереваются обратить Россию в колонию, а русский народ в рабочий скот? почему до сих пор никто не объявил, что будет с Россией после войны? почему немцы не разрешают русского самоуправления в занятых областях? почему добровольцы против Сталина состоят только под немецкой командой? Власов отвечал стеснённо, оптимистичнее, чем самому осталось надеяться к этому времени.

Германская же Ставка отозвалась приказом фельдмаршала Кейтеля: “Ввиду неквалифицированных бесстыдных высказываний военнопленного русского генерала Власова во время поездки в Северную группу войск, происходившую без ведома фюрера и моего, перевести его немедленно в лагерь для военнопленных”. Имя генерала разрешалось использовать только для пропагандистских целей, если же он выступит ещё раз лично – должен быть передан Гестапо и обезврежен.

Шли последние месяцы, когда всё ещё миллионы советских людей оставались вне власти Сталина, ещё могли взять оружие против своей большевистской неволи и способны были устроить свою независимую жизнь, – но германское руководство не испытывало колебаний: именно 8 июня 1943 года, перед Курско-Орловской битвой, Гитлер подтвердил, что русская независимая армия никогда не будет создана и русские нужны Германии только как рабочие. Гитлеру недоступно было, что единственная историческая возможность свергнуть коммунистический режим – движение самого населения, подъём измученного народа. Такой России и такой победы Гитлер боялся больше всякого поражения.

...Гитлер... в сентябре 1943 распорядился разоружить все добровольческие части и отправлять их в угольные шахты, затем переименовал: перевести добровольческие части – на Атлантический Вал, против союзников.

Таков был уже, по сути, конец всего замысла о независимой российской армии...

Так потерян был последний ускользающий смысл этого горького добровольчества: отпразднать их пушечным мясом против союзников да против французского Сопrotивления – против тех самых, к кому только и была искренняя симпатия у русских в Германии, испытавших на себе и немецкую жестокость и немецкое самопревозношение...

Власовское окружение в мечтах и надеждах рисовало себя “третьей силой”, то есть помимо Сталина и Гитлера, но и Сталин, и Гитлер, и Запад вышибали из-под них такие подпорки: для Запада они были какой-то странной категорией нацистских пособников, ни в чём не замечательной.

...Жалкие газетки добровольческих частей были обработаны немецким цензурным тесаком. И оставалось власовцам биться насмерть, а на досуге водка и водка. Обречённость – вот что было их существование все годы войны и чужбины, и никакого выхода никуда.

Гитлер и его окружение, уже отовсюду отступая, уже накануне гибели – всё так же не могли преодолеть своего стойкого недоверия к отдельным русским формированиям, решиться на тень независимой, не подчинённой им России. Лишь в треске последнего крушения, в сентябре 1944, Гиммлер дал согласие на создание РОА из целостных русских дивизий, даже со своей малой авиацией, а в ноябре 1944 был разрешён поздний спектакль: созов Комитета Освобождения Народов России. Только с осени 1944 генерал Власов и получил первую как будто реальную возможность действовать – заведомо поздною.

...Давно таимая, теперь разгоралась во власовском руководстве надежда на конфликт Советов с союзниками. Это отмечалось и в докладе германского министерства пропаганды (февраль 1945): “Движение Власова не считает себя связанным на жизнь и смерть с Германией, в нём – сильные англофильские симпатии и мысли о перемене курса. Движение – не национал-социалистическое, и еврейский вопрос вообще им не признается”.

...Разве могло немецкое командование в свои тяжелейшие месяцы дать у себя в тылу беспрепятственно формироваться отдельной русской армии? Нетерпеливо дёргали они на Восточный фронт – то противотанковый отряд (И. Сахарова-Ламсдорфа) в Померанию, то всю 1-ю дивизию на Одер, – и что же Власов? Покорно отдавал, всеобщий закон однажды принятой линии уступок, хотя отдачею единственной пока дивизии обесмысливался весь план создания армии²³.

Ну, вот, собственно, всё основное тут и сказано. Что бы ни думали о себе солдаты РОА, какими бы мотивами ни руководствовались, а воевать им довелось, лишь защищая немецкий фатерлянд. Когда те вынуждены были бросить их в бой как последний ресурс непосредственно уже на территории Рейха. И не с “жидами и большевиками” бились власовцы, как грозились и обещали, а с такими же русскими ребятами в шинелях да с войсками союзников. Одна только Тонька-пулемётчица, арестованная, судимая и расстрелянная в конце 1970-х, перебила более полутора тысяч человек, однако не руководящих еврейских кадров или энкаведешников, а своих же русских соплеменников...

Ни о какой идейной войне с Советской властью говорить всерьёз тоже не приходится. Ибо, как мы видели, именно те мечты о “великой и свободной России”, которые только и мог использовать для успеха своей пропаганды Власов, были категорически неприемлемы для его немецких господ.

ВЛАСОВ: РЕЧИ И ДЕЛА

Да и полно, не врал ли генерал-предатель русским людям и самому себе, выступая с запоздалыми прожектами? Поклонники Власова ссылаются на его “Пражский манифест” 14 ноября 1944 года, в котором, всего за полгода до окончательного разгрома и капитуляции своих немецких хозяев, он пытается агитировать против Советской России народ, уже добившийся с невероятным трудом перелома в войне и уверенно идущий к победе. Страх перед поражением и его неизбежными последствиями выдавливал из Власова вымученные, неубедительные фразы такого типа: “За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания? Два года назад Сталин ещё мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель её – ещё больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всём мире”.

– Добить врага в его логове! Отомстить агрессору, наказать его сателлитов, компенсировать наши потери! – так, совершенно правильно и справедливо, понимали свою задачу в нашем лагере все, от Сталина до последнего солдата тыловых войск.

– Ни в коем случае не добивайте! – вопит Власов, перепугавшийся за свою шкуру. Он требует, вопреки логике войны и здравому смыслу: “Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит: ... Прекращение войны и заключение почётного мира с Германией”.

Кому должен – всем прощаю: так это, кажется, называется. Написано так, будто и не было нападения Германии на Россию, будто можно всё начать с чистого листа. “Почётный мир с Германией” – после всего, что она нам причинила?! В своём ли уме был генерал? До какой же степени надо было проникнуться интересами врага, чтобы предложить русскому народу такой вариант вместо блистательной Победы, чей призрак уже вполне зримо рисовался перед Красной Армией и всей нашей страной!

Власов, между тем, продолжал нести околесицу: “Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооружённую борьбу против сталинской клики”.

После того, что мы узнали о Генеральном плане “Ост”, что кроме горько-саркастического смеха может вызвать этот пассаж?

Власов равно не способен был понять ни немецкую, ни русскую ситуацию. Можно ли было перед концом войны всерьёз писать, например, что положение в России определяется “наличием антибольшевистских вооружённых сил в советском тылу; наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР”. Ничего себе ошибка!

И уж совсем неуместным, несвоевременным и идиотским выглядело финальное обращение к победоносно и неудержимо наступающему воинству: “Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обречших их на голод, страдания и бесправие”. Глупо-то как, Господи!

Власов был труслив и неумён. А взявшие его на крючок немцы, напротив, умны и видели его насквозь, ловко играя на его страхе, животном жизнелюбии и глупости. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, выступая 6 октября 1943 года в Познани на совещании высших чинов администрации, охарактеризовал Власова вполне исчерпывающе: “Этот человек выдал все свои дивизии, весь свой план наступления и вообще всё, что знал. На третий день мы сказали этому генералу примерно следующее: то, что назад вам пути нет, вам, верно, ясно. Но вы – человек значительный, и мы гарантируем вам, что, когда война окончится, вы получите пенсию генерал-лейтенанта, а на ближайшее время – вот вам шанс, сигареты и бабы. Вот как дёшево можно купить такого генерала! Очень дёшево. Видите ли, в таких вещах надо иметь чертовски точный расчёт. Такой человек обходится в год в 20 тысяч марок. Пусть он проживёт 10 или 15 лет, это 300 тысяч марок. Если одна батарея ведёт два дня хороший огонь, это тоже стоит 300 тысяч марок... А тут подспели идеи господина Власова: Россия никогда не была побеждена Германией; Россия может быть побеждена только самими русскими. И вот эта русская свинья (*diese russische Schwein*) господин Власов предлагает для сего свои услуги”.

Власовский безнадежно запоздалый манифест 1944 года – смесь банальностей с утопическими, противоречивыми и даже вредными положениями, останавливаться на этом пустопорожнем документе, не имевшем силы и последствий, дольше не стоит. А вот о личности генерала надо бы сказать несколько слов в дополнение к гиммлеровской характеристике.

Власов, выходец из “простого народа”, из нижегородских крестьян, успешно делал советскую карьеру, в 1930 году уже был начальником штаба полка. Вступил в ВКП(б). В автобиографии пишет: “Проводил агитмассовую работу, неоднократно избирался членом партийного бюро школы и полка... Был избран членом военного трибунала округа, членом Президиума районных организаций Осоавиахима и друг. Партвзысканий не имел. В других партиях и оппозициях никогда нигде не состоял и никакого участия не принимал. Ника-

ких колебаний не имел. Всегда стоял твёрдо на генеральной линии партии и за неё всегда боролся”.

Закрытая ориентировка на него давала “ответственным товарищам в органах” исключительно позитивный образ: “Много работает над вопросом ликвидации остатков вредительства”. Дело в том, что 1937–1938 годах тираноборец Власов был членом военного трибунала в Ленинградском и Киевском военных округах. Ни одного оправдательного приговора, вынесенного по его инициативе, историкам обнаружить не удалось, то есть Власов напрямую участвовал в массовом терроре против комсостава РККА. Именно активное участие в репрессиях коллег-офицеров позволило Власову в 1938 году получить важное назначение военным советником в Китай к Чан Кайши.

По возвращении из Китая Власов был отправлен инспектировать 99-ю стрелковую дивизию. В отчёте будущий сателлит Гитлера вскрыл недостатки командования, самым существенным из которых было, что начдив “изучает тактику боевых действий вермахта”. Того арестовали, Власова назначили на его место, он получает генеральское звание и награждается орденом Ленина № 770. Потом он подарит орден группенфюреру СС Фегеляйну, но партбилет сохранит.

В “Обращении к бойцам и командирам Красной Армии” (декабрь 1942 года) Власов заявит, что “объявляет врагами народа Сталина и его клику”. Но вот что он в начале того же года писал в интимном письме любимой женщине, военврачу Агнессе Подмазенко: “Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе, он беседовал со мной целых полтора часа. Сама представляешь, какое мне выпало счастье. Ты не поверишь, такой большой человек и интересуется нашими маленькими семейными делами. Спроси меня: где моя жена и вообще о здоровье. Это только может сделать ОН, который ведёт нас всех от победы к победе. С ним мы разобьём фашистскую гадину” (14.02.42). Почти слово в слово от том же – в письме к жене: “Ты не поверишь, дорогая Аня! Какая радость у меня в жизни! Я беседовал с самым большим нашим Хозяином. Такая честь мне выпала ещё первый раз в моей жизни. Ты представить себе не можешь, как я волновался и как я вышел от него воодушевлённым. Ты, видимо, даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так верь, он меня спросил, где у меня жена и как она живёт”. Восторг!

Отмеченный и облаканный самим Сталиным, сей в будущем “бескомпромиссный и самоотверженный борец с большевизмом” был весьма далёк от собственной пропаганды образца 1944 года: “Мы здесь будем бить фашистскую сволочь и мечтать о нашем хорошем будущем. Мне кажется, оно уже и не так далеко. Разобьём фашистов – заживём ещё лучше” (из письма за 21.02.42).

Таков был этот довольно примитивный и бесчестный человечиска, которого кое-кто норовит одеть в тогу великого героя. Уж кем-кем, а героем он точно не был...

* * *

Некрасивый поворот история с генералом Андреем Власовым обрела в наши дни. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) не просто оправдал Власова, а назвал его “символом сопротивления безбожному большевизму во имя возрождения Исторической России”.

Сделал это Синод в связи с изданной в Санкт-Петербурге книгой протоиерея Георгия Митрофанова “Трагедия России. “Запретные темы” истории XX века” (СПб., Моби Дик, 2009). Автор её – родившийся в городе-герое Ленинграде наш соотечественник, завкафедрой церковно-исторических дисциплин Петербургской духовной академии, призвавший пересмотреть отношение к генералу Власову, а также к другим известным русским коллаборационистам (в первую очередь, к белоказачьим генералам П. Н. Краснову и А. Г. Шкуро). В благодарственном письме автору книги Синод заявил, в частности, следующее: “Был ли генерал А. А. Власов и его сподвижники – предателями России? Мы отвечаем – нет, нимало. Всё, что было ими предпринято – делалось именно для Отечества, в надежде на то, что поражение большевизма приведёт к воссозданию мощной национальной России. Германия рассматривались

“власовцами” исключительно как союзник в борьбе с большевизмом, но они, “власовцы”, готовы были при необходимости противостоять вооружённой силой какой бы то ни было колонизации или расчленению нашей Родины”.

То, что мы знаем о Власове и власовцах, противоречит этому заявлению. Свидетельствует высокопоставленный представитель тогдашнего германского МИДа Г. Хильгер о своей беседе 8 августа 1942 г. с Власовым и полковником Боярским: “Я прямо сказал советским офицерам, что... не в интересах Германии содействовать восстановлению самостоятельной российской государственности на базе великорусских устремлений. Советские офицеры возразили, что между самостоятельным российским государством и колонией возможны различные другие решения, например, статус доминиона, протектората или государства, которому оказывается помощь, с его временной или постоянной германской оккупацией”.

Трудно увидеть в словах власовцев готовность “противостоять колонизации России”. Есть всё же некоторая разница между “мощной национальной Россией” и германским протекторатом, оккупированным вермахтом.

Вообще следует знать, что “освободитель России” Власов, как некий искусственный Голем, был сконструирован в немецких военно-политических структурах ещё до того, как возник в реальности. Вот что пишет по данному поводу специалист-историк:

“25 октября 1942 года эта проблема была затронута в заметках руководителя политического отдела Восточного министерства доктора О. Бройтигама, адресованных А. Розенбергу. Наряду с изменением форм управления на оккупированных территориях и мероприятиями экономического характера, по мнению Бройтигама, требовалось, чтобы “авторитетные германские круги дали славянским восточным народам успокаивающие обещания относительно их судьбы”. Лучшим средством для этого могло бы стать создание антисталинского правительства во главе с одним из пленных советских генералов или политического центра, способного сконцентрировать вокруг себя недовольных режимом лиц. Также предлагалось формирование в пропагандистских целях вооружённых сил (“освободительной армии”) этого центра. Во главе такого формирования рекомендовалось назначить “человека с известным именем и применять указанные силы на фронте, проводя при этом пропагандистские мероприятия с целью увеличения числа перебежчиков”. Бройтигам отмечал, что речь в данном случае идёт о будущем германского народа, даже о проблеме, быть ему или не быть. “Если мы не изменим в последние минуты курса нашей политики, — писал он, — то можно с уверенностью сказать, что сила сопротивления Красной армии и всего русского народа ещё больше возрастёт, и Германия должна будет и впредь жертвовать своей кровью... Если же мы сумеем переменить курс политики, то... этим самым нам удастся разложить Красную армию. Сопротивление красноармейцев будет сломлено именно в тот момент, когда они поверят, что Германия принесёт им лучшую жизнь, чем Советы...”.

Поднятая проблема обсуждалась 18 декабря 1942 года на организованной Розенбергом встрече в Берлине с участием начальников оперативных тыловых районов Восточного фронта и представителей центральных военных управлений, ответственных за проведение политики и осуществление хозяйственной деятельности на оккупированной территории. Обсуждая возможности привлечения советского населения к активному сотрудничеству с немцами, военные представители недвусмысленно заявляли, что вермахт нуждается в непосредственном использовании населения оккупированных районов для ведения боевых действий и восполнения потерь личного состава войск. Без привлечения сил местного населения, по их мнению, не могла быть успешной и борьба с набирающим силу партизанским движением. Ради этой цели они готовы были пойти на определённые уступки в обращении с населением, такие, как ускоренное восстановление частной собственности, в особенности на землю, улучшение продовольственного обеспечения, свёртывание принудительной депортации, участие, пусть и ограниченное, местных жителей в решении управленческо-административных вопросов. А главное — дать русскому населению такую политическую цель, которая пришлась бы ему по вкусу. При этом участники совещания открыто говорили, что “речь идёт лишь о мероприятиях временного характера, которые сразу же после окончания войны могут быть подвержены любой ревизии”²⁴.

И ещё трогательная деталь напоследок, неизвестная, быть может, зарубежным архиереям. Когда Власова, этого благородного борца с большевизмом, арестовали 13 мая 1945 года, он торжественно достал из-под подкладки немецкой шинели бережно сохранённый партбилет члена ВКП(б) № 2123998. Но не помог, не спас от заслуженной петли заветный документик...

Итак, часть Русской Православной церкви, находящаяся с 2007 года в каноническом единстве с Московским Патриархатом, выступила в защиту лиц, обособованно считающихся в нашей стране символом предательства России.

Это прозвучало особенно неожиданно, мерзко и непристойно. Не высшим бы иерархам РПЦЗ играть в подобную игру, пытаясь чёрное выдать за белое. Ведь именно от церкви мы вправе ждать неложных нравственных оценок людей и событий, и негоже в протянутую руку духовно жаждущей паствы класть камень вместо хлеба и змею вместо рыбы! А отечественный протоиерей Митрофанов и зарубежные архиереи именно так ведь и поступили, внося смущение и разлад в души миллионов верующих.

Веками наша церковь воспевала и славila истинных героев, канонизировала великих защитников Руси. Александр Невский, Дмитрий Донской, Фёдор Ушаков... И вдруг поставить в один ряд с их славными именами – обер-предателя и мерзавца Власова?! Можно ли больше оскорбить всё русское православие, наших воинов-святых, наших воинов-победителей, наших отцов и дедов, весь наш народ?

Могли ли мы вообразить себе такую пакость хоть бы даже в разгар перестройки, массовой переоценки ценностей? Поистине, бывали хуже времена, но не было подлей. И это говорят пастыри народа!

Правда, 11 сентября 2009 года доцент Санкт-Петербургского государственного университета диакон Владимир Василик раскритиковал позицию автора книги и Синода РПЦЗ. «С нравственной точки зрения реабилитация Власова означает оправдание иудина греха и героизацию предательства, а также массовых нацистских репрессий на территории России», – говорится в открытом письме отца Владимира первоиерарху РПЦЗ митрополиту Илариону.

Однако диакон по уровню авторитета несопоставим с архиерейским собором. Да и вопрос по важности не рядовой. Здесь мы вправе ожидать слова самого Патриарха Всея Руси. Поэтому некоторое недоумение вызывает позиция Святейшего, который не покарал подчинённого ему протоиерея за ложь и подлость, не дезавуировал его бесстыжие глаголы и вообще промолчал. Неужто нечего сказать Святейшему, столь находчивому в иных случаях?

Нельзя не заметить, что заявление зарубежных архиереев, в силу того, что они канонически объединены с Московским Патриархатом, бросает тень не только на РПЦЗ, и ранее известную своим коллаборационизмом, но и на всю РПЦ. Ибо у паствы может сложиться впечатление, что интересы православия не только оторваны Русской Православной церковью от интересов и судьбы русского народа, но и безоговорочно превознесены над ними. И что церковь предпочла бы видеть русский народ не победителем, а побеждённым и порабощённым только потому, что Великую Победу он вырвал у жестокой судьбы, не оглядываясь на церковные купола.

Обеляя Власова и иже с ним, РПЦЗ обеляет себя, это понятно. Но РПЦ Московского Патриархата, как известно, в годы войны заняла вполне однозначную позицию, поддерживая чем только возможно отечественное правительство и Красную Армию, вплоть до сбора средств на строительство танковых дивизий. Тогда для высших иерархов не возникал вопрос, на чьей стороне быть, кого благословлять, а кого – анафемствовать. Что касается зарубежной церкви, то там оказалось немало тех, кто, пылая мстью совсем не по-христиански, оказался на стороне Гитлера и благословлял власовцев на бой с сородичами. Корни сегодняшней позиции Синода РПЦЗ – в том давнем предательстве. Но если сегодня Патриарх Кирилл промолчит по поводу книги Митрофанова и заявления РПЦЗ о генерале Власове, не даст им однозначной оценки, то в двусмысленном положении окажется вся Русская церковь по обе стороны границ.

И только ли церковь? Ведь наша Патриархия знаменита своей оглядкой на Кремль. Неужели и Кремль, вместе со своей комиссией по противодействию фальсификации истории во главе с Николаем Сванидзе, сегодня заодно с повешенными иудами? То-то «Нашим» сверху велели убрать пикет от дома Подрабиника, прекратить угрозы в его адрес...

4. МЫ ОДОЛЕЛИ НЕМЕЦКОЕ НАШЕСТВИЕ, А НЕ “ФАШИЗМ”

“ВОЙНА НАРОДНАЯ”

Итак, хочется надеяться, что многое разъяснилось.

Не с добром шли к нам кованые немецкие сапоги, и не блага Родины и русского народа доискивались их добровольные (и недобровольные) отечественные приспешники.

Но есть и другая сторона у важнейшей проблемы: с чем и с кем мы воевали. Не меньшее возмущение вызывает примитивная трактовка этого вопроса.

Очень часто приходится слышать, что мы-де воевали с фашистами, что мы победили фашистов, что Россия – страна, победившая фашизм. И что в нашем лице, в конечном счёте, победило учение Маркса–Ленина–Сталина: коммунизм. В силу своего полного идейного превосходства.

Такая удобная концепция, камуфлирующая совсем иные факты, была выдумана правителями для возвеличивания их руководящей роли и той идеологии, которой они служили. Но она же одновременно была приемлема и для всего остального мира, позволяя ему мириться с нестерпимым и шокирующим фактом победы русских над Европой, с фактом ослепительного русского триумфа. Она нужна была и Сталину, готовившемуся управлять оккупированной Германией и давшему под конец войны знаменитую формулу: “Гитлеры приходят и уходят, а народ германский остаётся”. Чтобы оправдать оккупацию, снизить накал нашего возмездия и примирить самих немцев с неизбежным.

Но было именно и только то, что было. В 1945 году русские переломили полуторатысячелетний ход истории, остановили экспансию германцев на славянские земли и геноцид славян, вернули славянам часть утраченных земель и восстановили их независимость от германцев.

Следует ясно понимать: вторжение и оккупация, проводимая одним народом на территории другого – есть вторжение и оккупация, и ничего более. Это обычная этническая война²⁵. А под каким идейным соусом она происходит – это дело десятое. Правота нашей войны определялась вовсе не большевистскими идеями, а старой, как мир, логикой войны с чужаками-захватчиками, агрессорами.

Сегодня об этом стали подзабывать, да и послевоенная пропаганда сделала своё дело по массовому затмению мозгов. А в годы войны-то как раз все всё понимали правильно. И тому есть неопровержимые свидетельства.

ФРОНТОВАЯ ПРАВДА

Как-то на развале в Измайлово я приобрёл комплект газет “Правда” и “Красная звезда” за 1944–1945 годы. Эти газеты выходили миллионными тиражами, читались в тылу и на фронте; они служили основным подспорьем для десятков тысяч агитаторов; в них печатались письма с фронта, с оккупированных и освобождённых Красной Армией территорий. Ненависть к врагам разной (всегда конкретной) национальности – румынам, венграм, финнам, но в первую очередь к немцам – сквозит в большинстве материалов, является эмоциональным фоном даже для сухих фронтовых сводок.

Газета “Красная Звезда” и выходила-то под девизом: “Смерть немецким оккупантам!”. Прошу заметить: не “фашистским”, не “нацистским”, не “гитлеровским”, как политкорректно, но фальшиво именуется их сегодня официальная историография. Нет, в те грозные годы люди прекрасно понимали, что к чему, и не стеснялись называть вещи своими именами. Газета в каждом военном материале говорила о немецких войсках, немецкой агрессии, немецком сопротивлении. О немецких бандитах, немецких захватчиках, немецких зверствах, немецкой гадине... Словом, всю, как сегодня сказали бы броды-герберы, разжигала национальную рознь. Вот красноречивые цитаты.

“Всегда б цвели наши совхозы и колхозы, как сады, если б немецкие выродки бешеной орды не хлынули сюда. Зависть их взяла.

Ироды, людоеды, чтоб они подошли, на свет не родившись! Чтоб они в пропасть провалились!

*Щоб на того німця та вітер навіяв
Усі лиха зразу, що нам заповідяв!..*

Как они ограбили всю нашу Украину, наш милый край! Как трудно было снести лихую годину. Проклятый немец наш труд обратил в прах...

Крепко бьют врага запорожские дивизии и полки и наши земляки... Они нам пишут, что мутью живут, а чтоб немцам даже не снились ни пироги, ни калачи, ни пышки — день и ночь без передышки выпускают из них требуху и кишки!.. Навсегда запомнят, как на наше добро зариться!

Пусть же наши сыновья смертным боем врага бьют, силы и жизни не жалеют..." (Письмо И. В. Сталину. Обсуждено на собраниях рабочих, колхозников, служащих, интеллигенции и всех трудящихся Запорожской области. Подписали 270 489 человек. — "КЗ", № 89/44).

"Может быть, иные думают, что немцы, отступая, становятся если не человечней, то безобидней? Может быть, битые немцы кажутся кому-нибудь безвредными? Нет, немцы верны себе. Они хнычут, кричат "капут". А за час до этого они жгли сёла и терзали невинных [следует документальный рассказ о пленных немецких сапёрах, о их признаниях]...

Они говорят это спокойно, деловито: жгли, убивали, вешали... Немцы всё те же. Безумен тот, кто надеется их образумить, усостыжить, исправить. Сапёры или пехотинцы, ветераны или новички, они все повинны в чёрном деле, и они все ответят, все... Да будет наша ненависть едкой, как соль, и длинной, как жизнь!" (И. Эренбург. Те же! — "КЗ", № 88/44).

Да, да, господа ревнители политкорректности, это написал ваш соплеменник Илья Эренбург, тот самый, что создал знаменитый своей краткостью лозунг: "Убей немца!". И никто, представьте себе, на основании опубликованного текста не потребовал привлечь товарища Эренбурга к суду за разжигание национальной розни! Чтобы заставить Илью Григорьевича объясняться перед публикой и твердить, что он совсем не то имел в виду...

Кстати, об Эренбурге. Вот перед Вами любопытный исторический документ — письмо с характерным названием: "Убей!". Это письмо — не просто факт чьей-то личной биографии. Это знаменитое открытое письмо, написанное Эренбургом в середине 1942 года для опубликования в максимально широкой печати. Оно выдержало огромные тиражи, было перепечатано едва ли не в каждой прифронтовой газете, не говоря уж о таких специализированных изданиях, как "Красная звезда" или "Известия", вошло в различные сборники и брошюры. Его читали, и не раз, по радио и с эстрады (телевидения тогда не было), зачитывали перед солдатским строем. Общественное значение этого документа было и остаётся очень большим. Его заучивали наши бойцы, как молитву, наизусть. Его проходили в школе. Его, в переводе на немецкий язык, докладывали руководителям Третьего рейха как образец враждебной агитации. Вполне понятно, что Гитлер считал Эренбурга особым, специальным врагом немецкого народа, готовил ему плачевную судьбу.

Итак —

"УБЕЙ!"

Вот отрывки из трёх писем, найденных на убитых немцах.

Управляющий Рейнгардт пишет лейтенанту Отто фон Шираху:

"Французов от нас забрали на завод. Я выбрал шесть русских из Минского округа. Они гораздо выносливей французов. Только один из них умер, остальные продолжают работать в поле и на ферме. Содержание их ничего не стоит, и мы не должны страдать от того, что эти звери, дети которых, может быть, убивают наших солдат, едят немецкий хлеб. Вчера я подверг лёгкой экзекуции двух русских бестий, которые тайком пожрали снятое молоко, предназначавшееся для свиных маток..."

Матеас Цимлих пишет своему брату ефрейтору Генриху Цимлиху:

"В Лейдене имеется лагерь для русских, там можно их видеть. Оружия они не боятся, но мы с ними разговариваем хорошей плетью..."

Некто Отто Эссман пишет лейтенанту Гельмуту Вейганду:

"У нас здесь есть пленные русские. Эти типы пожирают дождевых червей на площадке аэродрома, они кидаются на помойное ведро. Я видел, как они ели сорную траву. И подумать, что это — люди!..."

Рабовладельцы, они хотят превратить наш народ в рабов. Они вывозят русских к себе, издеваются, доводят их голодом до безумия, до того, что, умирая, люди едят траву и червей, а поганный немец с тухлой сигарой в зубах философствует: “Разве это люди?..”

Мы знаем всё. Мы помним всё. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьёт твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьёшь немца, немец убьёт тебя. Он возьмёт твоих близких и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждёшь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай вёрст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! – это просит старуха мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!

24 июля 1942 г. ²⁶”.

Что ж, признаем: Эренбург умел ненавидеть. И мог этому научить. В той войне русские с евреями имели общего врага, стояли против него плечом к плечу, и эта наука была как нельзя кстати. Без ненависти к врагу победить невозможно. Мы забыли этот урок – и оказались сегодня побеждены. И мы не вернём себе победу, пока не вспомним всё заново, пока вновь не научимся ненавидеть. Цитированный текст переиздан в наши дни как литературный памятник, и это ни у кого не вызвало возмущения, не повлекло за собой уголовного преследования издателей. Его можно изучать, на него можно равняться. Так что спасибо Эренбургу.

Сегодня стоять плечом к плечу с Эренбургом может по ряду обстоятельств показаться зазорным для русского националиста. Не сомневаюсь, что найдутся желающие меня этим попрекнуть. Беда в том, что выбор у нас оказался небогат: либо с Эренбургом, либо с Подрабинком. Я выбираю Эренбурга. И пусть русский Бог судит тех, кто выбрал Подрабинка.

Но вернёмся к русским газетам времён войны. Заголовок передовой статьи “Добить немецкого зверя!” говорит сам за себя (“КЗ”, № 105/44). В этом же номере газеты читаем: “Этого врага нужно добить, чтобы он не мог больше вредить ни нашему народу, ни другим народам мира. Его нужно добить во имя высшего закона человечности. Смерть немецким оккупантам во имя жизни на земле!” (Д. Мануильский. Выдающиеся победы Красной Армии. – Там же).

Язык газеты был истинным языком фронта, ибо фронт с полным правом ворвался на страницы газеты. Слово газетчика – слово ненависти в том числе, – было могучим оружием, направленным точно в цель. Репортажи с передовой доносят до нас единое понимание происходящего – и единый лексикон: “У каждого из нас сердце жаждет победы. У всех нас одна цель и одно стремление: быстрее разгромить изверга-немца” (из выступления кавалера ордена Славы гвардии ефрейтора Галимова. Заметка “Будем громить врага беспощадно”. – “КЗ”, № 106/44); “Наша задача – ещё крепче бить немца, повсюду преследовать его” (из речи кавалера ордена Красного Знамени ст. лейтенанта Киреева. Заметка “У героев боев за Крым”. – Там же); “Раненый зверь не перестает быть опасным зверем... Мы сами это видим. И всё же мы добьём немецкого зверя, за какие бы горы и леса он ни прятался. Догоним его и в его же собственной берлоге добьём!” (выступление бронейщика Кузьмина. Заметка “В предгорьях Карпат”. – “КЗ”, № 105/44). В другом репортаже о митинге в действующей армии звучит та же мысль: “В каждом слове, в каждой фразе чувствуется великая вера в силу грозного русского оружия и в скорую победу над ненавистным немецким зверьём” (“КЗ”, № 107/44). “Перед строем выступает ветеран трёх войн ефрейтор Антуфьев. Он говорит: “Все мы свидетели страшных зверств и разрушений, которые чинили немцы на земле Ленинградской области. У кого из нас злорада не подошла к самому сердцу. Ещё в первую мировую войну я увидел, что немцы не люди, а теперь и подавно. Это звери, которых надо бить” (заметка “Вклад советских воинов”. – “КЗ”, № 108/44).

Надо полагать, политкорректные правозащитники, рьяно защищающие Подрабиника, никогда не признают ефрейтора Антуфьева, ветерана трех войн, за русского человека! Ну как же может русский человек держать в душе такое зло?! Как это, право, негуманно...

Ладно, скажут мне, “Красная Звезда” – армейский орган печати, у него своя специфика, чего не ляпнешь в бою сгоряча! Но, во-первых, газета полна таких “горячих” репортажей о преступлениях немцев, румын, финнов, которые с лихвой оправдывают любую русскую ненависть и ничего, кроме ненависти, вызвать у нормального человека не могут. А во-вторых, заглянем-ка в сугубо штатскую газету “Правда”: что там?

А там – та же ненависть к смертельному врагу. К немцу. К румыну. К венгру. К финну. И тот же Эренбург, объясняющий, чем плохи немцы, предчувствующие свой конец, и что “добить их нелегко”, и почему “мы хотим их уничтожить”, и что “напрасно немцы рассчитывают на нашу забывчивость” (“Правда”, № 13/45). И те же выразительные заголовки статей (например: “По следам зверя”. – “Правда”, № 27/45). И те же документальные рассказы о немецких зверствах – теперь уже на землях не только России, Белоруссии, Украины, но и Польши, Венгрии, Чехословакии, Прибалтики, в том числе о лагерях смерти. И такие, например, стихи Демьяна Бедного: “А дай над русским немцу власть, // Так покуражится он всласть, // Покажет нрав немецкий зверский // Детоубийца этот мерзкий” (“Правда”, № 28/45). И те же репортажи из действующей армии, в которых так же слышится один призыв: добить немца! Добить ненавистного супостата!..

Наши русские отцы и деды хорошо знали, что такое ненависть. Умели видеть самую вражью суть, умели её ненавидеть. Потому и били врага без пощады. Потому и сумели порвать смертельную удавку, накиннутую на нашу шею. Потому и познали счастье Победы.

И завещали на все времена нам, своим русским внукам и правнукам: “Тот не поднимется к высотам любви, кто не познал всей глубины священной ненависти к врагу”.

* * *

ПОДВЕСТИ ЧЕРТУ

Как говорит Екклезиаст, есть время любить и время ненавидеть, время собирать камни и время их разбрасывать. Мне могут сказать: зачем ворошить прошлое, сводить старые счёты. Нам бы сегодня лучше дружить с немцами, благо есть общие цели и задачи по сохранению белой расы и т. д.

На это я могу сказать одно. Мы, конечно, очень хотели бы дружить и сотрудничать со всеми, в том числе и с немцами. Однако никакие общие задачи мы не сможем решить, если не преодолеем то отношение немцев к русским, которое складывалось тысячу лет, которое привело к ужасающей трагедии Великой Отечественной войны, которое сегодня препятствует взаимопониманию и равноправным, взаимоуважительным отношениям. Преодолеть же это всё возможно только одним проверенным способом.

Дело за малым: немцы должны принести нам такое же покаяние, как евреем, и так же компенсировать наши протори и убытки. Должны отнестись к нам как к равным, с уважением, в том числе к нашим неисчислимым жертвам. Должны дать гарантии вечной дружбы. Должны понять, что их выживание как народа, да и спасение-сохранение белой расы вообще сегодня зависит именно от того, как сложится политическая судьба русских. Должны помочь русским вернуть своё государство Россию, чтобы русские снова смогли спасти если не весь мир, то хотя бы белое человечество.

А уж потом – обнимемся, поклянёмся в той самой вечной дружбе, забудем зло и пойдём вместе в светлое будущее. Но – только в таком распорядке действий. Иначе нет гарантий, что рано или поздно всё не повторится вновь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эта расхожая для германофилов мыслешка сформулирована именно так в издании без выходных данных: *Der Untermensch*. / Серия: Русская ариософская библиотека. — Опричное братство св. преп. Иосифа Волоцкого, 2007, с. 16.
- ² Там же, с. 13.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же, с. 3.
- ⁵ Частное письмо автору от известного московского гитлеромана.
- ⁶ *Der Untermensch*. / Серия: Русская ариософская библиотека. — Опричное братство св. преп. Иосифа Волоцкого, 2007 с. 2.
- ⁷ Разослана в июне 1941 года по линии Верховного командования вермахта за подписью начштаба оперативного руководства А. Иодля.
- ⁸ Окорков А. В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., Русский путь, 2007 с. 8, 10.
- ⁹ Специалисты высказывают и такую точку зрения: Генеральный план “Ост” не был отдельным документом, а состоял из целого ряда последовательных планов (1939–1943), которые продолжали создаваться один за другим по мере немецкого продвижения на Восток. К этому понятию относятся не только планы, созданные службами Гимmlера, но и, в широком смысле, документы конкурирующих нацистских учреждений — DAF (Германского трудового фронта), органов землеустройства и территориального планирования и т. д. Все они пропитаны единым духом, все предусматривают широчайшие аннексии, массовое переселение и геноцид славян.
- ¹⁰ Karsten Schulz. Nationalsozialistische Nachkriegskonzeptionen für die eroberten Gebiete Osteuropas vom Januar 1940 bis zum Januar 1943 Im Jahr 1996 als Magisterarbeit eingereicht und angenommen am Institut für Politikwissenschaft an der Technischen Universität zu Berlin. Gutachter: Prof. Dr. Helmut Müller. — <http://web.archive.org/web/20060506092843/http://lausche.tripod.com/planung.html>.
- ¹¹ Опубликован в книге: Müller Rolf-Dieter. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. — Frankfurt am Main, 1991.
- ¹² Документ отсутствует. Однако обнаружено сопроводительное письмо, с которым проф. Мейер переслал очередной вариант плана Гимmlеру.
- ¹³ Опубликован в книге: Müller Rolf-Dieter. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. — Frankfurt am Main, 1991.
- ¹⁴ Сохранился частично. Опубликован в книге: Rössler Mechthild: Schleiermacher, Sabine. Der “Generalplan Ost”. — Berlin 1993.
- ¹⁵ Документ отсутствует. Обширный отзыв доктора Ветцеля на этот план (опубликован: Heiber Helmut: Der Generalplan Ost, in: VFG, 6, 1958, а также: “Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte”, 1958, № 3, а также: “Военно-исторический журнал”, 1960, № 1, стр. 87–98) позволяет вполне достоверно реконструировать часть подлинного плана.
- ¹⁶ Документ отсутствует. Этот план упоминается в письме Гимmlера Грейфельту от 12 июня 1942 года. Его реконструкция также основана на вышеупомянутом отзыве Ветцеля.
- ¹⁷ Ординарный профессор и руководитель Института агрономии и аграрной политики Берлинского университета Конрад Мейер-Хетлинг был руководителем главной штабной службы планирования и земельных владений в Имперском комиссариате по укреплению духа немецкой нации. Штандартен-, а позднее обер-фюрер СС. Ведущий земельный проектировщик в рейхсминистерстве продовольствия и сельского хозяйства, сотрудничал с рейхсфюрером сельского хозяйства и министерством оккупированных восточных областей. В 1942 году выдвинулся на должность главного проектировщика развития всех подвластных Германии областей. С самого начала войны знал во всех подробностях о всех планах в этом отношении, поскольку сам сочинял решающие заключения. Был обвинён вместе с другими чинами СС по делу так называемого Главного управления по вопросам расы и переселения (дело № 8), приговорён судом Соединённых Штатов к незначительному наказанию только за членство в СС и освобождён в 1948 году. Скончался в 1973 г. в возрасте 72 лет в должности западногерманского профессора на пенсии.

- ¹⁸ Ветцель писал: “Мы должны также стремиться всячески усиливать сибирские народы, чтобы не допустить укрепления русских. Сибиряки должны чувствовать себя народом с собственной культурой”.
- ¹⁹ К примеру, к секретной Директиве начальника штаба верховного главного командования вооружённых сил Германии об установлении оккупационного режима на подлежащей захвату территории Советского Союза от 13 марта 1941 г. № 21 прилагалась “Инструкция об особых областях”, где указывалось: “Занимаемая в ходе военных действий русская территория должна быть, как только позволит обстановка, разделена, согласно специальным указаниям, на отдельные государства с самостоятельными правительствами”.
- ²⁰ <http://shiropaev.livejournal.com/38054.html#cutid1>
- ²¹ <http://gidepark.ru/News/Detail/id/12624/>
- ²² Александров К. А. Армия генерала Власова. 1944–1945. – М., 2006; Александров К. А. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. 1944–1945. СПб., 2001; Квицинский Ю. А. Генерал Власов: путь предательства. – М., 1999; Окороков А. В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007; Соколов Б. В. Оккупация. – М., 2002; и др.
- ²³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989, с. 243–252.
- ²⁴ Окороков А. Указ. соч., с. 12–13.
- ²⁵ Что такое этнические войны и в чем состоял этнический характер Второй мировой войны, читатель может в подробностях узнать из моей книги “Этнос и нация” (М., 2008).
- ²⁶ Эренбург И. Война. – М., АСТ, КРПА “Олимп”, “Астрель”, 2004.

**ОЛЕГ ПРОЛЕСКОВСКИЙ,
ЛЕВ КРИШТАПОВИЧ**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

У каждого народа есть свои особенности, свои яркие черты, по которым его узнают в мире. Есть определённые ценности, достоинства и свершения, которые его делают тем, кто он есть. Скажите, какое самое великое достояние нашего народа, за которое просто в ноги ему надо кланяться? Это — победа над фашизмом. Мы вместе с русским народом и другими народами пострадали больше, чем кто-либо иной. Мы выстояли. Мы не только отстояли свою независимость, но мы спасли человечество от нацизма и коричневой чумы.

Александр Лукашенко.
Исторический выбор Беларуси

ПРОВАЛ “БЛИЦКРИГА” НА БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

22 июня 1941 года на миролюбивый Советский Союз обрушился удар небывалой силы и мощи. Против СССР выступили не только Германия, но и её сателлиты. Немецкая военная машина опиралась на экономику и военные ресурсы практически всей Европы. Кроме того, в распоряжении вермахта оказались вооружение и боевая техника более 200 разгромленных или капитулировавших дивизий европейских стран. “Только во Франции немцы захватили почти 5 тыс. танков и бронетранспортеров, 3 тыс. самолётов, а французским автотранспортом оснастили 92 дивизии”¹. Нашим отцам и дедам пришлось иметь дело с сильнейшей армией мира. Никогда ещё не создавалась подоб-

ПРОЛЕСКОВСКИЙ Олег Витольдович родился в 1963 году в Загорске (ныне город Сергиев Посад) Московской области. В 1998 году окончил юридический факультет Белорусского государственного университета. С 2003 по 2006 год — заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь. В настоящее время министр информации Республики Беларусь. Автор нескольких книг и ряда публикаций по вопросам идеологии.

КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич родился в 1949 году в деревне Пекалин Минской области. Окончил исторический факультет БГУ. Доктор философских наук, профессор. Заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь. Автор книги “Беларусь и Россия: историческое и цивилизационное единство” (Минск, 2006).

ная машина агрессии, и поэтому гитлеровцы были вполне уверены в быстром разгроме Красной Армии и завершении войны в короткие сроки. “В настоящее время, — писал генерал Г. Блюментрит в докладе, подготовленном к совещанию высшего руководства сухопутных войск 9 мая 1941 года, — мы располагаем большим численным превосходством... Наши войска превосходят русских по боевому опыту... Нам предстоит упорные бои в течение 8–14 дней, а затем успех не заставит себя ждать, и мы победим”².

“Молниеносная” война против СССР по расчётам гитлеровских генералов должна была закончиться через 8–10 недель, и во всяком случае до наступления зимы. Гитлер указывал, что война должна вестись на уничтожение нашей страны. Из директивы Гитлера: “Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа”³. Из приказа начальника Германского военно-морского штаба: “Фюрер решил стереть с лица земли Санкт-Петербург. В этой войне мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города”⁴.

Начальный период Великой Отечественной войны был самым тяжёлым и опасным для нашей Родины. Используя внезапность нападения, немецкая армия захватила стратегическую инициативу и развернула стремительное наступление с массированным использованием танков и авиации. Красная Армия вынуждена была отступить, а ряд крупных её группировок оказался в окружении. В начальный период войны наши войска потерпели тяжёлые поражения. За три недели боевых действий было потеряно 3500 самолётов, 6000 танков, более 20000 орудий, 52% окружных складов. Необычайной силы удар немецко-фашистских войск привёл к потере важных промышленных и сельскохозяйственных областей, большим человеческим жертвам. Но несмотря на глубокое продвижение и захват обширных территорий, противнику не удалось разгромить советские войска и лишить их способности к сопротивлению. Красная Армия сумела задержать продвижение врага, нанести ему существенные потери и создать, за счёт войск первого эшелона, срочного формирования и выдвижения стратегических резервов, сплошной фронт обороны. Вот почему от начала до конца лживы утверждения тех зарубежных и местных псевдоисториков, которые тщатся доказать, что первые месяцы войны были победным шествием гитлеровских армий. А действия советских войск — чуть ли не паническим бегством. В действительности уже в первые дни боёв обнаружилась вся несостоятельность фашистских планов и расчётов на молниеносный разгром Советской армии, на непрочность советского тыла.

Видный русский философ, бывший диссидент и участник Великой Отечественной войны Александр Зиновьев в книге “Русская судьба, исповедь отщепенца” писал: “Должен заметить, что даже в самые трудные периоды войны ни у меня, ни у тех, кто окружал меня, не было сомнений в будущей победе. Воспитание, какое мы получили в школе тридцатых годов, давало знать о себе, несмотря ни на что”⁵.

Советские воины с непоколебимой стойкостью и самоотверженностью сражались с превосходящими силами врага, до последней возможности защищали родные города и сёла.

В районе Гродно застава пограничников во главе с лейтенантом В. Усовым в течение десяти часов отбивала атаки целого батальона немцев. Утром 22 июня лейтенант П. Рябцев таранил вражеский самолёт над Брестом, старший политрук А. Данилов — в районе Гродно. В первые дни войны на территории Белоруссии было сбито более 100 немецких самолётов. Героически сражался гарнизон Брестской крепости. Отдельные группы её защитников продолжали сопротивление почти месяц. На одной из стен сохранилась надпись “Умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20.VII.1941 г.”

Стойкое сопротивление врагу было оказано в районе Жабинки, в 40 км от Бреста, где 23 июня танкисты 22-й дивизии разгромили колонну немецких войск. Артиллеристы 235-го полка подбили более 20 вражеских танков в районе Малориты. Сильный контрудар из района южнее Гродно нанесли части 3-й и 10-й армий. Чтобы ликвидировать прорыв советских войск, враг бросил сюда два корпуса и повернул некоторые танковые части с Вильнюсского направления.

Ожесточённые сражения велись в Минском укрепленном районе. В ходе трёхдневных боёв войсками 64-й дивизии было уничтожено около 300 танков противника. Широкую известность во всей стране в это время получил подвиг

капитана Николая Гастелло и его экипажа, направившего 26 июня в районе Радосковичей свой горящий самолёт на вражескую колонну танков и автоцистерн. Многие годы спустя станет известно о таком же подвиге другого экипажа самолёта, командиром которого был капитан Александр Маслов – друг Николая Гастелло.

В конце июня напряжённые бои шли на Бобруйском и Борисовском направлениях. Севернее Бобруйска оборонялся 4-й воздушно-десантный корпус, в районе Борисова – прибывшие из резерва ставки Верховного Главного командования полки Московской мотострелковой дивизии, курсанты Борисовского танкового училища и другие части. Три дня под Борисовом шли тяжёлые бои. Враг потерял здесь около 70 танков.

Витебск героически защищала 153-я стрелковая дивизия. Около месяца она вела бои в окружении, затем, прорвав линию фронта, пробилась к своим. Напряжёнными были бои на рубеже Днепра, особенно в районе Могилёва и Орши. Под Оршей 14 июля немцы впервые испытали на себе мощь удара реактивных установок (позже названных “катюшами”), которыми командовал капитан И. Флёров.

23 дня продолжалась оборона Могилёва. Особо ожесточённые бои шли на участке 474-го и 388-го стрелковых полков. Только 12 июля в 14-часовом бою возле д. Буйничи было подбито 39 танков противника. 16 июля враг окружил город, но красноармейцы ещё 10 дней стойко сражались в окружении. Вместе с ними бились отряды народного ополчения. Шесть суток отбивал атаки врага батальон милиции в составе 250 бойцов под командованием капитана К. Владимирова. Более 230 работников милиции вместе с командиром погибли.

На Гомельском направлении оборонялись соединения 12-й армии. В разгар битвы за Могилёв и Смоленск они нанесли контрудар в направлении Бобруйска. Был форсирован Днепр, освобождены Жлобин и Рогачев. 12-дневный рейд в тыл противника западнее Бобруйска совершила кавалерийская группа генерала О. Городовикова. Она освободила Глуск, Старые Дороги, ударила в направлении Осипович. Все эти действия отвлекали на себя крупные силы противника, имели большое мобилизующее значение.

Встретив героическое сопротивление Красной Армии на территории Белоруссии, в конце июля немецко-фашистские войска вынуждены были приостановить наступление, перейти к обороне и укреплению флангов группы армий “Центр”. Бои в Белоруссии фактически показали провал плана “блицкрига”, то есть быстрого захвата Москвы, расчленения и уничтожения Советского Союза как независимого государства.

Таким образом, ожесточённые сражения в Белоруссии сыграли большую роль в срыве немецких планов “молниеносной войны”, позволили руководству Советской страны укрепить оборону на Московском направлении.

“4 августа Гитлер на совещании заявил, что если бы он перед войной был достаточно информирован о силе Красной Армии, то “принять решение о необходимости нападения на СССР ему было бы значительно труднее”⁶.

Стойкость и мужество Красной Армии вынуждены были признать и враги. Начальник Генштаба сухопутных войск Германии Гальдер 29 июня 1941 года сделал запись: “Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека”⁷. Немецкие солдаты, прошедшие победным маршем по многим странам Европы, в письмах родным признавали, что советские бойцы сражаются так, как ни один их противник не сражался. “У меня такое предчувствие, что я не вернусь к вам, и мы никогда уже не увидимся”, – писал родным Освальд Беллинг в августе 1941 года. Тогда же, в августе, ефрейтор Конрад Думлер признался в письме своим близким: “Четыре года я в армии, два года на войне. Но мне начинает казаться, что настоящая война началась только сейчас. Всё, что было до сих пор – это учебные маневры, не больше. Русские – отчаянные смельчаки, они дерутся, как дьяволы. В роте уже почти никого не осталось из старых товарищей. Кругом новички, но и они не задерживаются. Каждый день составляются длинные списки убитых и раненых”⁸.

Историческое значение имела победа советских войск под Москвой. Взятие Москвы было главной целью фашистов в 1941 году, условием победоносного окончания войны с СССР и важным этапом в борьбе за мировое господство. С первым поражением немецко-фашистских войск под Москвой рухнул миф о непобедимости немецкой армии, потерпела крах доктрина “блицкри-

га". Советский Союз выстоял и остановил агрессию. Вторая мировая война вместо серии быстропроводимых военных кампаний перешла вопреки планам гитлеровского руководства в длительную и кровопролитную войну с всё нарастающими силами СССР и складывающейся антигитлеровской коалицией. Таким образом, победа под Москвой изменила стратегический характер всей Второй мировой войны. Это был первый важный вклад в разгром фашизма. Мировая общественность увидела в Советском Союзе силу, способную остановить агрессию.

Победа Красной Армии под Москвой имела как стратегическое, так и политическое значение, активно влияя на формирование антигитлеровской коалиции. Образование этого уникального военно-политического союза государств с различным общественным строем стало олицетворением объединения всех антифашистских сил. В своём выступлении 22 июня 1941 года У. Черчилль сказал великие исторические слова: "Дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных народов во всех уголках земного шара"⁹.

БЕЛУРУССКАЯ ПАРТИЗАНАСКАЯ АРМИЯ

В истории освободительных войн не было такого массового партизанского движения, какое развернулось в Белоруссии против немецких захватчиков. В белорусском народе из века в век, из поколения в поколение передавались славные традиции сопротивления врагам, в частности, шведам, полякам, французам, немцам. В народе всегда чтились имена героев-партизан 1918–1920 гг. — А. Блажко, М. Левкова, А. Соловьёва, В. Талаша. Руководствуясь этими традициями и патриотическими чувствами, уже в первый день войны, 22 июня, стали формироваться партизанские отряды. В создании первых партизанских формирований большую роль сыграл опыт военнослужащих, оказавшихся на оккупированной территории. Так, отряд В. З. Коржа уже к 26 июня насчитывал 60 человек и 28 июня принял первый бой с захватчиками на дороге Пинск—Логинск, в котором партизаны уничтожили 2 броневика и свыше десятка фашистов.

В легендарной Карпиловке, посёлке Октябрьском Полесской области инициатива создания партизанских отрядов принадлежала партизанам периода Гражданской войны И. Кулею, Т. Жулге, Н. Падуте, В. Шантару, Л. Мельнику. Партизанское движение возглавили Т. Бумажков и Ф. Павловский.

На Минщине в Старобинском районе инициатива создания партизанского отряда принадлежала Д. Хамицевичу, в Любанском районе — Ф. Пашуну, на Вилейщине — А. Азончику, Ф. Маркову, в Кличевском районе — П. З. Изоху и Г. И. Изоху, в Чашникском районе Витебской области — Т. Е. Ермаковичу, в Дриссенском (Верхнедвинском) районе — П. А. Куксенку. Из числа рабочих картонной фабрики в Суражском районе Витебской области М. Ф. Шмырев создал партизанский отряд, отличившийся в боях с немцами уже в самом начале войны. В деревне Бостынь Лунинецкого района Пинской области семейный партизанский отряд (10 человек) создал Б. Н. Тельпук, в деревне Заболотье Октябрьского района партизанский отряд возглавил председатель местного колхоза А. П. Пакуш.

Подобных примеров, когда партизанские отряды возникали в первые дни войны по инициативе местных жителей, можно приводить много. Всё это свидетельствует о том, что партизанское движение в Белоруссии было неразрывно связано с самим белорусским населением.

Одновременно с возникновением партизанских отрядов создавались подпольные организации, которые наносили существенный урон немецким захватчикам на жизненно важных для вражеских войск коммуникациях. Так, диверсия подпольщиков на Минском железнодорожном узле в декабре 1941 г., во время боёв под Москвой, снизила его пропускную способность в 20 раз. В Оршанском железнодорожном депо активно действовала подпольная группа К. Заслонова. Ею было выведено из строя несколько десятков паровозов и неоднократно парализовывалась работа станции. В этот период вместо 90–100 планируемых немцами эшелонов под Москву через территорию Белоруссии проходило не более 5–10 вражеских эшелонов. Подпольные организации

в Минске объединил Минский подпольный комитет Компартии Белоруссии (КП(б)Б), которым руководил мужественный патриот И. Ковалёв. Антифашистское подполье объединило тысячи жителей столицы. Всего в рядах минского подполья боролись свыше 9 тысяч человек. За годы оккупации подпольщики вывели из города в партизанские отряды более 10 тысяч семей минчан, в том числе около тысячи семей смертников из минского гетто. Совместно с партизанскими структурами подпольщики разработали и осуществили акцию по ликвидации фашистского палача, гауляйтера Вильгельма Кубе. Белорусские подпольщики уничтожили бургомистра Минска Вацлава Ивановского, редактора профашистской «Беларуской газеты» Владимира Козловского и многих других фашистских коллаборантов.

Более 400 человек насчитывали подпольные организации Гомеля. Их деятельностью руководил оперативный центр. В Могилёве более 40 подпольных групп были объединены в «Комитет содействия Красной Армии».

Активным было подполье в Витебске, Борисове, Орше, Жлобине, Мозыре, Калинковичах и других населённых пунктах. 30 июня 1943 года подпольщики Осиповичей организовали мощную диверсию — уничтожили 4 эшелона с военной техникой, боеприпасами, горючим. Один из этих эшелонов был загрохучен танками «Тигр». Активный участник операции Фёдор Крылович был награжден орденом Ленина

Подпольные организации действовали и в западных областях Белоруссии. В мае 1942 года на базе антифашистских групп Василюшковского, Щучинского, Радунского, Скидельского районов был создан Окружной белорусский антифашистский комитет Барановичской области. Он объединял 260 подпольщиков. В Брестской области в это время действовал «Комитет борьбы с немецкими оккупантами».

Весной и летом 1942 г. партизанское движение в Белоруссии получило дальнейшее развитие. Разгром немцев под Москвой не только вселил оптимизм в ряды партизан, которые уже вели вооружённую борьбу с врагом, но и содействовал росту рядов народных мстителей. В результате боевых действий партизан от оккупантов освобождались значительные территории, на которых создавались свободные партизанские зоны и устанавливалась Советская власть. В Октябрьском районе такую зону контролировало соединение Ф. Павловского в составе 13 отрядов. Центром партизанского движения в Могилёвской области стал Кличевский район. 20 марта 1942 г. партизаны после ожесточённого боя взяли районный центр Кличев. В Витебской и Минской областях наиболее значительными партизанскими зонами явились Борисовско-Бегомльская, Полоцко-Лепельская, Сенненско-Оршанская.

По масштабности действий, численности, охвату территории, уровню управления партизанское движение в Белоруссии в полной мере соответствовало всем параметрам регулярной армии. Это был настоящий второй фронт в тылу врага.

С сентября 1942 года стал действовать Белорусский штаб партизанского движения. Это сыграло положительную роль в улучшении руководства партизанским движением, обеспечении его необходимым вооружением, снаряжением и продовольствием.

Немецкие захватчики вынуждены были выделять значительные силы на борьбу с партизанами. В мае–ноябре 1942 г. фашисты провели 40, а в 1943 г. 60 крупных карательных операций против партизан и населения с применением самолётов и танков. Всего за годы оккупации немцы осуществили 140 таких операций. Они отличались исключительным варварством. Трагическую судьбу Хатыни, все жители которой были заживо сожжены карателями, разделило 630 населённых пунктов Белоруссии. Бесчеловечные действия оккупантов не только не сломили дух белорусского народа и волю к сопротивлению, но и ещё больше привели к активизации партизанского движения, которое особенно усилилось после успешного завершения Сталинградской битвы и победы на Курской дуге. К концу 1943 г. под партизанским контролем находилось до 60% территории Белоруссии.

Партизанское движение в Белоруссии оказывало большое влияние на активизацию борьбы с оккупантами в других советских республиках. В результате объединения соседних партизанских зон стали образовываться целые партизанские края. На границе с Украиной, в четырехугольнике Мозырь–Туров–Овруч–Олевск партизанский край охватил территорию 14 районов, где

проживало более 200 тысяч человек. На границе с Россией и Латвией партизанский край достиг площади 10 тысяч кв. км.

Летом 1944 года мир стал свидетелем выдающегося события Второй мировой войны – операции “Багратион”. Успех операции “Багратион” в значительной степени был обусловлен активными действиями белорусских партизан против гитлеровских войск. Действуя в прифронтовой полосе и в глубоком тылу, белорусские партизаны вели успешные действия на коммуникациях противника, срывая подвоз вражеских войск, вооружения и боеприпасов к линии фронта. Народные мстители организовывали засады против отступавших немцев, уничтожали живую силу врага, захватывали в плен фашистских солдат и офицеров. Партизаны занимали ряд сел и райцентров и удерживали их до подхода советских войск. Во взаимодействии с Советской Армией они участвовали в освобождении ряда областных центров республики.

Руководство страны высоко оценило заслуги белорусских партизан и подпольщиков. За умелое руководство боевыми операциями многим партизанским командирам были присвоены высокие звания. Звание генерал-майора получили: командир Минского соединения южной зоны, первый секретарь подпольного обкома КП(б)Б В. И. Козлов; командир Гомельского соединения, первый секретарь подпольного обкома И. П. Кожар; командир Пинского соединения, первый секретарь подпольного обкома А. Е. Клещев; командир этого же соединения В. З. Корж; командир Барановичского соединения, первый секретарь подпольного обкома В. Е. Чернышев; командиры партизанских бригад Н. Ф. Королёв, Ф. Ф. Дубровский. Все они были удостоены также высокого звания Героя Советского Союза. Такого количества генеральских званий партизанским командирам не было присвоено во всех остальных вместе взятых оккупированных гитлеровцами регионах СССР.

Пятнадцать подпольщикам Белоруссии было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Историческое значение партизанского движения в Белоруссии ещё до сих пор не получило адекватной оценки. Тем более что в период так называемой “демократизации” нашего общества определённая часть историков, философов, литераторов начала усиленную пропагандистскую кампанию по реабилитации преступлений немецких оккупантов, фашистских прислужников и дискредитации партизанского движения в Белоруссии, стараясь тем самым исказить справедливый, освободительный, демократический характер Великой Отечественной войны, поставить на одну доску фашистского насильника-поработителя и советского воина-освободителя.

Некоторые из них перешли даже на лексикон фашистской пропаганды, называя партизан “бандитами”. Подобная “переоценка” истории партизанского движения в той или иной форме продолжается на страницах прозападной печати и ныне.

Основной аргумент этих “переоценщиков” сводится к тому, что если бы не было партизан, то не было бы и репрессий со стороны оккупантов. Вину за их зверства в Белоруссии они возлагают на партизан.

Однако факты и документы той поры полностью разоблачают аргументацию этих “исследователей”.

Из сообщения № 38 полиции безопасности и СД из занятых восточных областей от 22 января 1943 г.: “Существующая бандитская (партизанская. – **Авт.**) опасность на подотчетной территории особенно отрицательно сказывается на мобилизации населения. Действенность бандитской (партизанской. – **Авт.**) пропаганды и последствия недоразумений с использованием восточных рабочих в Германии, ставшие достоянием населения, привели к тому, что например, в Койдановском районе во время последней мобилизации из 2981 человека, вызванного для прохождения комиссии и отправки на работы в Германию, только 16 человек явились добровольно и 12 человек были доставлены полицией... Аналогичное положение и в Руденском районе. В одном из районов Барановичского округа из 30 вызванных для отправки в Германию юношей не явился ни один”¹⁰.

Эти факты свидетельствуют о том, что немецкие оккупанты поддержки у белорусов не имели. Следовательно, дело было не в партизанах, а в том, что само население нашей республики выступило против политики оккупантов, отторгло их демагогию “о вольной семье европейских народов и борьбе против большевизма”.

Из донесения полевого поста № 45728 в полевую комендатуру среднего фронта “W” о захвате рабочей силы для рейха от 14 июля 1943 г., подписанного полковником Шмидтом. В нём, в частности, сообщается, что “особо сильного размаха партизанское движение достигло в текущем году. Объясняется это такими причинами: ... массовая принудительная отправка в Германию на работу. Население не желает ехать и поэтому бежит в леса”¹¹. Разве это не красноречивое признание самой тесной связи населения и партизан?

А теперь об оценке самими оккупантами партизанского движения в Советской Белоруссии.

Из письма представителя правления гитлерюгенда Белоруссии начальнику командного пункта гитлеровской молодежи в Берлине гауптбанфюреру З. Никелю о визите генерального уполномоченного по использованию рабочей силы гауляйтера Ф. Заукеля в Минск от 15 июля 1943 г. (конфиденциально): “Затем бригаденфюрер СС фон Готтберг описал бандитскую (партизанскую). — **Авт.**) обстановку и результаты борьбы против банд (партизан. — **Авт.**). После такого описания гауляйтер Заукель вынужден был заметить: “Да, в таком случае нам не на что рассчитывать на этой территории”, с чем с глубоким вздохом согласились присутствующие”. И общий вывод оккупантов: “... до тех пор, пока невозможно проведение генеральной очистки территории от банд (партизан. — **Авт.**), мы сможем забирать людей лишь с находящейся в наших руках территории. В бандитских (партизанских. — **Авт.**) зонах, однако, так срочно необходимая нам рабочая сила сохранится”¹².

И ещё один документ. Из отчёта комиссара Брестского округа генеральному комиссару Волыни и Подолии в Луцке от 21 августа 1943 г.: “Огромные потребности в рабочей силе могут быть удовлетворены только в незначительной части, так как рабочая сила не может быть мобилизована ни в заражённых бандитами (партизанами. — **Авт.**) районах, ни в свободной от бандитов (партизан. — **Авт.**) сельской местности. Большая часть наличной рабочей силы систематически уходит в бандитские (партизанские. — **Авт.**) районы. Сегодня невозможно уже добраться до наших учреждений в Малорите и Домачево, так как все мосты на дорогах сожжены, да и вся местность находится в руках бандитов (партизан. — **Авт.**). Рабочие торфоразработок полным составом, забрав лошадей и приводные ремни, ушли в банды” (партизанские отряды. — **Авт.**)¹³.

Таким образом, клеветнический характер прозападных исследователей об истории партизанского движения в Советской Белоруссии очевиден. Добавим к этому, что в период немецкой оккупации Белоруссии большая часть её территории контролировалась партизанскими отрядами. “Всенародная борьба в тылу врага на территории Белоруссии продолжалась более трёх лет. Одним из наиболее общих её результатов, всесторонне характеризующих успехи этой борьбы, является образование партизанских краёв и зон, которые к концу 1943 г. охватывали около 60 процентов территории республики”¹⁴. Этот факт доказывает то, что только благодаря партизанскому движению был спасён генофонд белорусской нации и белорусский народ сумел сохраниться в качестве самостоятельного этноса. Если бы не было партизан, то белорусы подверглись бы полному физическому уничтожению, что и предполагали немецкие планы по “освоению восточных земель”.

Кстати, те страны, например, Польша, где партизанское движение практически отсутствовало, нисколько не уберегли себя от фашистской резни. Считается, что в Польше за время немецкой оккупации было уничтожено 6 миллионов человек.

Сегодня история партизанского движения актуальна ещё и тем, что она не только разоблачает фальсификации нынешних прозападных учёных, писателей, журналистов и политиков о Великой Отечественной войне, но и обнажает антибелорусский характер всех их программ “демократизации” и “европеизации” современной Беларуси. Обивая пороги западных фондов и контор, инсинуируя против белорусского пути развития, они пытаются навязать нашему народу такой путь в Европу, каким в 1941—1944 годах пытались повести его немецкие оккупанты с помощью своих прислужников. Этим нынешнее прозападное движение в Беларуси раскрывает своё истинное лицо — антидемократическое и антибелорусское.

В этом плане красноречива позиция объективных западных исследователей, которые подчёркивают историческое значение партизанской борьбы с

фашистами в своих странах. Они отмечают, что мужчины и женщины в рядах Сопrotивления и партизанского движения заслуживают самой высокой оценки, именно потому, что они вернули своим странам самоуважение, которое те потеряли в начале войны благодаря политикам-коллаборационистам.

Партизанское движение на территории Белоруссии зародилось в самой гуще народа. Белорусский народ оказывал партизанам всяческую помощь и поддержку, обеспечил успех их борьбы. Всенародный характер и массовость партизанского движения дали основание именовать Белоруссию партизанской республикой.

ВКЛАД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ПОБЕДУ

Неоценим вклад в Великую Победу героического белорусского народа. 1 миллион 300 тысяч белорусов находились в рядах сражающейся Красной Армии, 441 воину за мужество и героизм было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, 65 стали полными Кавалерами Ордена Славы. 217 белорусских генералов и адмиралов были во главе соединений, которые вели боевые действия с врагом. Свыше полутора миллионов жителей Белоруссии, эвакуировавшиеся в восточные районы страны, участвовали в героическом подвиге советского тыла. 400 тысяч белорусских партизан, 250 тысяч белорусов, числившихся в партизанских резервах, и 70 тысяч подпольщиков находились во главе всенародной борьбы с захватчиками. За три года всенародной партизанской войны было уничтожено 11 128 эшелонов врага, 1 323 километра железнодорожных путей, 500 тысяч солдат и офицеров фашистской армии, в том числе 47 генералов и других высших чинов.

Навсегда золотыми буквами в нашу историю Победы вписаны имена Константина Заслонова, Николая Гастелло, Фёдора Смолячкова, Тихона Бумажкова, Миняя Шмырева, Марии Осиповой, Елены Мазаник, Зинаиды Портновой, Веры Хоружей, Александра Горовца, Дмитрия Жмуровского, Николая Кедышко, Петра Куприянова, Степана Шутова, Марата Казея и многих других.

Белорусский народ выдвинул из своей среды выдающихся военачальников и полководцев – маршалов Советского Союза В. Д. Соколовского, И. И. Якубовского, генералов А. И. Антонова, Л. М. Доватора, вице-адмирала В. П. Дрозда.

Вклад белорусского народа в борьбу с фашизмом признан мировым сообществом. БССР вошла в число основателей и стала членом Организации Объединенных Наций.

В год 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне особенно актуальным является недопущение попыток принижения роли СССР в разгроме фашизма, фальсификации героической истории Красной Армии, спасшей мир от фашизма. Как отмечает Президент А. Г. Лукашенко, “ожесточается борьба за мировоззрение современного поколения людей. Не прекращаются попытки определённых сил извратить историческую правду о событиях, связанных со Второй мировой войной, оправдать агрессоров и принизить роль советского народа в освобождении человечества от фашизма. Такие фальсификации и устремления к ревизии истории, пересмотру послевоенного мироустройства совершенно недопустимы в год славного юбилея – 65-летия Великой Победы”.

На Международной конференции “Уроки Второй мировой войны и Холокоста”, состоявшейся в Берлине 15–17 декабря 2009 года, было решительно заявлено о недопустимости принижения решающей роли Советского Союза в победе над нацистской Германией и осуждены попытки героизации нацистских преступников и их пособников в Латвии, Литве, Эстонии, Украине, Румынии. В обращении конференции “К антифашистским организациям” подчёркивалось, что “данная политика преследует как внутри-, так и внешнеполитические цели: насаждение ультранационалистической идеологии, построенной на шовинизме и ненависти не только к соседям, но и в ряде стран – к части собственного населения, лишённого всей полноты гражданских прав; попытки пересмотреть послевоенные границы; стремление раздуть пожар ксенофобии и межцивилизационной вражды”. В резолюции данной конференции особенно отмечается последовательная политика России и Белоруссии против фальси-

фикации итогов Второй мировой войны и – что важно – “отдельного внимания заслуживает уникальный опыт Белоруссии – единственной из стран СНГ, где во всех учебных заведениях изучается специальный курс по истории Великой Отечественной войны. Такие усилия, несомненно, достойны уважения и подражания”.

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПОБЕДЫ

Победа над фашистской Германией и её сателлитами – одно из выдающихся событий мировой истории. Это непреходящая национальная и военная гордость советского народа. Он сплотился перед общей бедой, перед лицом угрозы порабощения и физического уничтожения немецко-фашистскими захватчиками, проявив невиданные стойкость, мужество и самопожертвование. На борьбу с фашистским нашествием поднялись все: стар и млад, мужчины и женщины, все слои советского общества.

Чувство патриотизма наших людей в годы Великой Отечественной войны достигло своего наивысшего накала. Стремление отстоять независимость страны, родную землю, свой домашний очаг было неукротимым. Речь шла о судьбе большой единой Родины – Советского Союза, о том, быть нашему Отечеству или погибнуть. Понимание этого объединило в общей ненависти к врагу и общем порыве людей всех национальностей, различного социального происхождения и положения. В массовом сознании людей того времени преобладал государственный патриотизм, поскольку система ценностей советского общества разделялась подавляющим большинством населения. Отсюда и сопротивление врагу было всенародным. Все слои советского народа воспринимали войну против гитлеровцев как войну справедливую, священную, Великую и Народную войну. Советские люди в военную пору сплотились во имя защиты Отечества, ценностей, подавляющему большинству понятных и близких. Врагу не удалось создать в нашей стране “пятой колонны”, расколоть её по национальному или по какому-либо иному признаку. Уделом предателей были гнев и презрение народа и, как правило, справедливое возмездие. Иначе говоря, советская государственная система выдержала величайшее испытание войной, стала одним из основных источников нашей Великой Победы.

Социалистическое народное хозяйство одержало победу над германской военной экономикой, использовавшей огромный потенциал всей Европы. Созданные в предвоенные годы мощная индустрия и колхозный строй обеспечили материально-технические возможности победоносной войны. Количество вооружения и боевой техники значительно превзошло немецкое, а по своему качеству оно было лучшим в мире.

Надо признать, что Коммунистическая партия была стержнем общества, идейной основой и организующей силой, действительным авангардом народа. Коммунисты выполняли самые трудные и опасные задания добровольно, были примером в выполнении воинского долга и самоотверженной работы в тылу. И напомним, что из общего числа погибших на фронте 3 миллиона – коммунисты. “Абсурдно также мнение, будто советские люди сражались за Родину, а не за советский социальный строй. Ко времени начала войны коммунистический строй для большинства советских людей стал их образом жизни, а не политическим режимом. Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве. Разгром коммунизма в России был равносильно разгрому самой России. Победа России означала победу коммунизма”¹⁵.

Советская военная наука и военное искусство доказали превосходство над военной теорией и практикой Германии, которые считались вершиной западного военного дела и принимались за образец военными всех западных стран. Превосходство советского военного искусства признавали все современники, в том числе и военные деятели побеждённой Германии (фельдмаршал Паулюс). Антисоветская пропаганда за рубежом и прозападные издания в Беларуси, России, Украине выдают фальсифицированные цифры советских потерь за главный “результат” войны. Фальсификаторы истории не упоминают о том, что Германия вероломно напала на нашу страну, обрушив на мирное население массовые средства поражения. Немцы применяли бесчеловечную блокаду городов, бомбардировки и обстрелы мирного населения,

проводили массовые расстрелы мирных жителей, угоняли гражданское население на каторжные работы и в концентрационные лагеря, где подвергали его массовому уничтожению. Наша же страна строго выполняла соглашения о содержании военнопленных, проявляла к ним гуманное отношение. Репрессий против гражданского населения на занятых советскими войсками территориях не проводилось. Отсюда понятна разность потерь среди гражданского населения СССР и Германии.

Следует учитывать, что Советский Союз вынес главную тяжесть борьбы с немецкой армией, а малые потери англо-американских войск определялись политикой затягивания открытия Второго фронта и периферийной стратегией в ожидании решительных результатов на советско-германском фронте. «Красная Армия разгромила 507 немецко-фашистских и 100 дивизий её союзников, почти в 3,5 раза больше, чем союзники на всех фронтах Второй мировой войны. На советско-германском фронте вооружённые силы Германии понесли более 73% потерь. Здесь уничтожена основная масса военной техники вермахта: более 75% самолётов (свыше 70 тыс.), до 75% танков и штурмовых орудий (60 тыс.), 74% артиллерийских орудий (167 тыс.)»¹⁶.

Важно подчеркнуть, что в сражениях Великой Отечественной войны была достигнута интеллектуальная победа над врагом. Превосходство интеллекта руководства, а вовсе не «горы трупов» – вот что определило блистательные победы наших войск на полях сражений и победоносное окончание войны в поверженном Берлине, полную капитуляцию фашистской армии. Данный вывод особенно актуален в свете нынешних попыток ряда политиков поставить под сомнение историческое значение Победы наших народов в Великой Отечественной войне, достигнутой якобы «неприемлемой ценой». Несостоятельность такой трактовки нашей Победы заключается в том, что к Победе подходят либо чисто бухгалтерски, либо сугубо абстрактно. 27 миллионов жизней советских людей – это «неприемлемая цена»? А 20 миллионов – «приемлемая»? В том-то и дело, если подходить с чисто бухгалтерской точки зрения, то определить цену Победы не представляется возможным, ибо всегда можно сказать, что такое-то количество жертв является неприемлемым. Правда, могут возразить, а что приемлемая цена – это цена потеря войск союзников в годы Второй мировой войны. Вот, дескать, если бы мы потеряли столько людей, сколько, к примеру, американцы, то тогда эта была бы приемлемая цена. Но в таком случае абстрагируются от реального положения дел, о том, что главная битва происходила на территории СССР, а не во второстепенных столкновениях США и Англии с агрессорами.

Абсурдно также утверждение фальсификаторов истории Великой Отечественной войны, что «Победа была достигнута не благодаря Сталину, а вопреки ему». Только обитатели сумасшедшего дома могут согласиться с тем, что советские люди стремились разгромить врага, а Сталин якобы всячески этому противодействовал. Но в этом сумасшедшем утверждении фальсификаторы истории нечаянно выбалтывают правду – правду не о Великой Отечественной войне, а о современной политической действительности России, когда так называемые либералы и верноподданные им средства массовой информации проводят политику, направленную на разгром России, а народ всеми силами противостоит этой политике национальной измены.

Вот почему ту цену, которую наши народы принесли на алтарь Победы, нельзя бухгалтерски калькулировать, так как наша Победа взвешена на весах Истории, которые зафиксировали роль советского народа в мировой цивилизации как народа – освободителя, народа – праведника. Вот истинная цена нашей Победы, за которую весь мир, в том числе США и Англия, должен быть вечно благодарен советскому народу и Советскому Союзу.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне – это не только сугубо военная победа, военный разгром фашизма. Это была духовная победа добра над злом, жизни над смертью, справедливости над несправедливостью, свободы над рабством, истории над антиисторией. Это была победа высших нравственных, человеколюбивых сил над силами безнравственными, человеконенавистническими. Великая Отечественная война имела характер общедемократической борьбы мирового масштаба, во главе которой находился Советский Союз.

Наша Победа бессмертна, ибо она признана и Небом, и людьми. Она навсегда останется в вечной памяти благодарного человечества. Это было

эпохальное событие мировой цивилизации, которое внесло нравственность в историю и определило дальнейший характер развития современного мира. Современная Беларусь стоит на плечах нашей Великой Победы. Наш белорусский путь развития, политика союза с братской Россией, патриотическое воспитание молодежи, строительство многополярного мирового порядка, создание системы европейской безопасности основываются на идейно-политическом потенциале нашей Великой Победы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ж а р к о в М. Г. Праздник со слезами на глазах. // Вестник МГЛУ. 2004. № 3. С. 5.
- ² История Отечества. М., 1991. С. 224.
- ³ Курс отечественной истории IX–XX веков. / Под ред. Ольштынского Л. И. М., 2002. С. 374.
- ⁴ Там же. С. 375.
- ⁵ З и н о в ь е в А л е к с а н д р. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 203.
- ⁶ Курс отечественной истории IX–XX веков. С. 377–378.
- ⁷ Ж а р к о в М. Г. Праздник со слезами на глазах. С. 6.
- ⁸ Армия и культура. 1991. № 5–6. С. 6.
- ⁹ Churchill W. The Second World War. London, 1951. Vol. 3. P. 333.
- ¹⁰ Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию. Документы и материалы. Минск, 1997. Книга 2. С. 13.
- ¹¹ Белорусские оstarбайтеры. С. 139–140.
- ¹² Белорусские оstarбайтеры. С. 142–143.
- ¹³ Белорусские оstarбайтеры. С. 204.
- ¹⁴ З а л е с с к и й А. И., К о б р и н е ц П. Н. О национальных отношениях в Советской Белоруссии. Гродно, 1992. С. 108.
- ¹⁵ З и н о в ь е в А л е к с а н д р. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 231.
- ¹⁶ Курс отечественной истории IX–XX веков. – С. 413

ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

кандидат исторических наук

КАК У НАС ПЫТАЛИСЬ УКРАСТЬ ПОБЕДУ

Загадки последних часов рейхсканцелярии

На рассвете 1 мая 1945 года на командный пункт командующего 8-й гвардейской армией генерал-полковника В. И. Чуйкова прибыл начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал от инфантерии Ганс Кребс. Немецкий генерал передал Чуйкову документ о своих полномочиях, подписанный Борманом, и “Политическое завещание” Гитлера. Одновременно Кребс вручил Чуйкову письмо к Сталину от нового рейхсканцлера Германии Геббельса. В нём говорилось: “Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушёл из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Дёницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождём советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс”.

Наиболее существенные детали состоявшихся затем переговоров и последовавших за ними событий в тот день были неоднократно описаны в мемуарах и книгах по истории. Они были изображены по меньшей мере в десятке отечественных и зарубежных фильмов. Кажется, что рассказ об этих последних часах битвы за Берлин является исчерпывающим. Однако их внимательное изучение заставляет усомниться в том, всё ли нам известно о том, как на самом деле происходила агония Третьего рейха.

Почему эти переговоры не привели к капитуляции Германии 1 мая? По какой причине через несколько часов после прибытия Кребса с письмом от Геббельса автор письма, его жена, их дети, а также его посланец к Чуйкову расстались с жизнью? Куда бесследно исчез Борман, уполномочивший Геббельса “установить связь с вождём советского народа”? Чтобы попытаться найти ответы на эти вопросы, следует указать на ряд событий, происшедших до 1 мая 1945 года.

В поисках сепаратного мира

Направляя Кребса к Чуйкову, Геббельс мог вспомнить о своих предыдущих попытках начать переговоры с СССР о мире. Уже поражение немецких войск на Курской дуге и капитуляция Италии заставили его задуматься о не-

избежности поражения Германии. Находясь в ставке Гитлера в Растенбурге, Геббельс записал 10 сентября 1943 г. в дневнике суть своих рассуждений о сепаратном мире: “Перед нами стоит проблема, к какой стороне мы должны повернуть сначала — к русским или к англо-американцам. Мы должны признать, что будет трудно вести войну против тех и других одновременно”. В беседе с Гитлером Геббельс спросил фюрера, “не стоит ли что-либо предпринять по отношению к Сталину”. По словам Геббельса, Гитлер “ответил, что пока ничего не надо делать. Фюрер заявил, что было бы легче договориться с англичанами, чем с Советами. В настоящее время, верит фюрер, англичане могут легче придти в себя”.

22 марта 1945 г. Геббельс вновь предложил Гитлеру “побеседовать с представителем Советского Союза” и опять получил отказ.

К этому времени рейхсминистерство иностранных дел во главе с Иоахимом фон Риббентропом уже не раз пыталось начать сепаратные переговоры с западными державами. С этой целью в Ватикан был направлен статс-секретарь рейхсминистерства Вайцзекер, в Швейцарию — советник рейхсминистерства фон Шмиден, а в марте 1945 г. в Стокгольм был направлен сотрудник Риббентропа Хессе. Все эти миссии окончились провалом, что вызвало злорадность Геббельса, ни в грош не ставившего Риббентропа и его министерство.

Тогда же Геббельс высмеивал появившиеся в западной печати сообщения о том, что инициатива мирных переговоров исходит от Генриха Гиммлера. 17 марта Геббельс писал: “Просто смешно, что в подобных сообщениях гарантом мира со стороны Германии вместо фюрера называют Гиммлера. Утверждается, что могущественная германская клика предложила голову фюрера в качестве залога. В этом, конечно, нет ни слова правды”.

Лишь через месяц с лишним Геббельс понял свою ошибку. Тогда выяснилось, что Гиммлер давно вёл такие переговоры через начальника зарубежной разведки СС Шелленберга, который установил контакт с представителем Международного Красного Креста графом Бернадоттом в Швеции. Одновременно через генерала Вольфа Гиммлер вёл переговоры в Швейцарии с руководителем Бюро стратегических служб США (в последующем ЦРУ) Алленом Даллесом и представителями английской разведки. В гитлеровском руководстве сторонниками сепаратного мира с западными державами являлись также Герман Геринг и Альберт Шпеер.

Чей флаг будет водружён над рейхстагом?

Впрочем, Геббельс признавал в дневнике: момент для сепаратного мира был упущен. В это время в повестку дня встал вопрос: кто будет брать Берлин? От этого во многом зависела расстановка сил в Европе и мире. Западные союзники, особенно Великобритания, предпринимали упорные попытки для того, чтобы не допустить усиления позиций СССР.

1 апреля премьер-министр Великобритании У. Черчилль писал президенту США Ф. Д. Рузвельту: “Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьёзные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах досягаемости, мы, несомненно, должны его взять”.

Английский премьер думал не только о соображениях престижа. В эти же дни командующий британскими вооружёнными силами в Европе фельдмаршал Монтгомери получил секретную директиву от Черчилля: “Тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легко можно было раздавать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжилось”. Видимо, Черчилль был готов направить армии союзников вместе с немецко-фашистскими войсками, чтобы ударить по Красной армии и выбить её из Центральной Европы.

Ещё 29 марта Геббельс записал в дневнике: “Монтгомери в своём заявлении подчеркнул намерение по возможности пробиться к столице рейха”.

Одновременно Геббельс признавал: “Вероятно, соответствует истине, что, как заявляют американские агентства печати, противник овладел мостами через Майн из-за предательства. Среди наших руководящих лиц на Западном фронте действительно есть такие элементы, которые хотели бы как можно скорее прекратить войну на западе и поэтому прямо или косвенно играют на руку Эйзенхауэру”.

Реализации планов союзников способствовали также их тайные переговоры с деятелями из германского руководства, включая Гиммлера. Эти переговоры стали предметом переписки между Сталиным и Рузвельтом, в которой советский руководитель не без оснований обвинил союзников в вероломстве.

Эти обвинения Сталина были направлены Рузвельту, хотя в своём послании от 3 апреля советский руководитель писал: “Мне непонятно... молчание англичан, которые предоставили Вам вести переписку по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать, хотя известно, что инициатива во всей этой истории с переговорами в Берне принадлежит англичанам”. Было очевидно, что сам Сталин считал бесполезным занятием читать мораль Черчиллю, который проявлял особую активность, чтобы ослабить позиции СССР. В то же время резкие слова, обращённые к президенту США, имели определённую цель: Сталин давал понять, что, нарушая союзнические обязательства в Европе, Соединённые Штаты ставят под угрозу выполнение союзнических обязательств, взятых СССР в Ялте об участии в военных действиях против Японии. Ведь этого Рузвельт добивался от СССР с конца 1941 года.

Сталин достиг своей цели. США прервали переговоры с представителями немецкого военного командования. В своём послании, полученном в Кремле 13 апреля, Рузвельт благодарил Сталина за “искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблёл и отошёл в прошлое, не принеся какой-либо пользы”. Рузвельт выражал надежду на то, что в будущем “не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать”. Он выражал уверенность, что “когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся”.

Однако в тот же день в Москву пришла весть о кончине Рузвельта, и Сталин направил новому президенту США Трумэну “глубокое соболезнование”, оценивая покойного как “величайшего политика мирового масштаба”.

Помимо дипломатических мер советское руководство принимало военные усилия для того, чтобы сорвать попытки украсть Победу у нашего народа. 1 апреля, в тот день, когда У. Черчилль направил послание Ф. Рузвельту, к И. В. Сталину были вызваны командующие фронтами Г. К. Жуков и И. С. Конев. По воспоминаниям И. С. Конева, генерал армии Штеменко “прочёл вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской Армии... Телеграмма заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше Советской Армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к его выполнению идёт вовсю. После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне: “Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?” Конев писал: “Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил: “Берлин будем брать мы и возьмём его раньше союзников”.

Тем временем сопротивление немцев на Западном фронте практически прекратилось. 16 апреля, в день начала Берлинской операции, Жуков сообщил Сталину, что, судя по показаниям военнопленного, немецкие войска получили задачу решительно не уступать русским и биться до последнего человека, если даже в их тыл выйдут англо-американские войска. Узнав об этом сообщении, Сталин, обратившись к Антонову и Штеменко, сказал: “Нужно ответить товарищу Жукову, что ему, возможно, не всё известно о переговорах Гитлера с союзниками”. В телеграмме говорилось: “Не обращайтесь внимания на показания пленного немца. Гитлер плетёт паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путём взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это сделаем”.

Разрубая паутину

Наступление на Берлин силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, начатое 16 апреля, привело к тому, что советские войска 21 апреля оказались в пригородах столицы Германии.

В это время нацистские руководители прилагали усилия для того, чтобы направить все силы на борьбу с Красной Армией. 22 апреля Гитлер принял предложение генерала Йодля о переброске вновь сформированной 12-й армии генерала Венка и 9-й армии генерала Буссе с Западного фронта на Восточный. Эти армии должны были двигаться в южные пригороды Берлина и, соединившись там, нанести удар по войскам 1-го Украинского фронта.

Конев вспоминал: “Распоряжения Гитлера в этот период, все его усилия деблокировать Берлин, все отданные на этот предмет приказания – и Венку, и Буссе, и командующему 3-й армией Хенрици, и Шёрнеру с его группой войск, и гросс-адмиралу Дёницу, который, по идее, должен был прорваться к Берлину с моряками, – всё это при сложившемся соотношении сил не имело под собой реальной базы. Но в то же время неправильно было бы рассматривать такие попытки как заведомый абсурд. Это мы своими действиями (и предшествовавшими, и теми, которые развёртывались уже в ходе боёв за Берлин) сделали их не реальными. Замыслы Гитлера не рухнули бы сами собой. Они могли рухнуть только в результате нашего вооружённого воздействия. Именно успехи советских войск, добытые в нелёгких боях за Берлин, с каждым днём, с каждым часом всё более обнажали иллюзорность последних надежд, планов и распоряжений Гитлера”.

Сознавая неизбежность краха, соратники Гитлера спешили договориться с союзниками о капитуляции. 23 апреля в бункер Гитлера поступила телеграмма от Геринга, который находился в Оберзальцберге. Геринг писал фюреру, что, поскольку тот решил остаться в Берлине, он, Геринг, готов принять “на себя общее руководство рейхом”. К этому времени Геринг решил лететь к Эйзенхауэру, чтобы капитулировать перед англо-американскими войсками. Получив послание Геринга, Гитлер пришёл в ярость и тут же приказал снять Геринга со всех занимаемых им постов. Вскоре Геринг был взят под стражу, а Борман подготовил сообщение об отставке Геринга с поста руководителя люфтваффе из-за обострения сердечного заболевания.

В своих воспоминаниях министр вооружений Германии Альберт Шпеер рассказал о беседе с Гиммлером, состоявшейся под Гамбургом после ареста Геринга. По словам Шпеера, Гиммлер не придавал значения случившемуся. Он говорил: “Сейчас Геринг станет преемником. Мы давно с ним договорились, что я буду у него премьер-министром. Даже без Гитлера я сделаю его (Геринга) главой государства... Естественно, принимать решения буду я. Я уже вступил в контакт с рядом лиц, которые войдут в мой кабинет”.

Гиммлер был уверен в прочности своего положения и своей незаменимости. Он изрек: “Европа не сможет справиться без меня в будущем. Я буду нужен как министр полиции. Мне достаточно провести час с Эйзенхауэром, и он это поймёт. Они скоро осознают, что они зависят от меня. Иначе их ждёт безнадежный хаос”.

21 апреля Гиммлер тайно от Гитлера вёл переговоры с директором шведского отдела Всемирного еврейского конгресса Норбертом Мазуром, пытаясь наладить через него контакт с Эйзенхауэром, чтобы капитулировать на Западном фронте. В обмен Гиммлер согласился освободить заключённых евреев из ряда концентрационных лагерей. Так была достигнута договорённость об освобождении тысячи евреев из Равенсбрюка под предлогом их польского происхождения.

23 апреля Гиммлер встретился в Любеке с графом Бернадоттом в консульстве Швеции. По воспоминаниям Шелленберга, Гиммлер сказал графу: “Нам, немцам, остаётся провозгласить себя побеждёнными, и я прошу передать мои слова через шведское правительство генералу Эйзенхауэру, чтобы все мы могли избежать дальнейшего ненужного кровопролития. Для нас, немцев, и в особенности для меня, невозможно капитулировать перед русскими. Против них мы будем продолжать сражаться, пока на место немецкого фронта не встанет фронт западных держав”.

Шелленберг вспоминал: “Гиммлер указал, что имеет право принимать решение по этому вопросу, так как гибель Гитлера – дело двух-трёх дней.

По крайней мере Гитлер погибнет в борьбе, которой он посвятил свою жизнь – борьбе против большевизма”. Тогда же Гиммлер написал письмо министру иностранных дел Швеции Христиану Гюнтеру с просьбой передать декларацию Гиммлера о прекращении войны руководству англо-американских войск и правительствам США и Великобритании.

В своих воспоминаниях Б. Л. Монтгомери писал, что 27 апреля он узнал от военного министерства Великобритании об этом предложении Гиммлера. Фельдмаршал писал: “Гиммлер утверждал, что Гитлер безнадежно болен, а он (Гиммлер) находится в положении, позволяющем ему взять всю полноту власти в свои руки”. Хотя Монтгомери утверждал, что он “не придал большого внимания этому сообщению”, он замечал далее: “Продолжавшееся русское наступление было более опасным, чем разбитые немцы. Я знал, что с немцами практически покончено. Самая существенная и непосредственная задача состояла в том, чтобы со всей скоростью двигаться на запад и прорваться к Балтийскому морю, а затем создать фланг, повернутый на восток. Это было единственным способом не пустить русских в Шлезвиг-Голштинию, и таким образом – в Данию”. В общем, готовность Гиммлера капитулировать на западе вполне отвечала планам Монтгомери.

Однако разгром Красной армией основных сил германских войск в Берлинском сражении, окружение Берлина, выход советских войск к Эльбе свидетельствовали о провале попыток ряда руководителей западных держав, и прежде всего Черчилля, ослабить значение советских успехов. 25 апреля состоялись встречи советских воинов с американскими солдатами в районе Стрела и Торгау на реке Эльба. Эти встречи превратились в яркую демонстрацию солидарности народов антигитлеровской коалиции. Это событие было отмечено приказом Верховного Главнокомандующего и салютом в Москве. Сталин, Черчилль и новый президент США Трумэн заранее приурочили к этому ожидавшемуся событию свои выступления по радио. Эти речи, переданные по радио 27 апреля 1945 г., продемонстрировали всему миру единство союзников по антигитлеровской коалиции. В этих условиях ведущие деятели западных стран, прежде всего, США решили не обострять отношения с Советским Союзом, стремясь обеспечить участие Красной армии в войне против Японии.

В книге военных мемуаров “Крестовый поход в Европу” генерал Дуайт Эйзенхауэр писал, что по мере завершения военных действий в Европе “подошло время взяться за выполнение второй задачи. По всему миру силы союзников привлекались для операции против восточного союзника держав оси. Россия официально всё ещё находилась в состоянии мира с японцами”. Эйзенхауэр подчёркивал, что в США с надеждой восприняли “информацию”, согласно которой “генералиссимус Сталин говорил Рузвельту в Ялте, что в пределах трёх месяцев со дня подписания капитуляции Красная армия вступит в войну с Японией”. Поэтому американцы не только стремились не обострять отношений с СССР, но и старались ускорить капитуляцию Германии, чтобы быстрее стал истекать трёхмесячный период до вступления Советского Союза в войну с Японией. Эта позиция американского правительства повлияла в конечном счёте и на политику Великобритании, хотя тайная директива Черчилля для Монтгомери относительно немецких солдат и их оружия не была отменена.

25 апреля, в день встречи советских и американских войск на Эльбе, министр иностранных дел Великобритании А. Иден и государственный секретарь США Э. Стеттиниус сообщили У. Черчиллю и Г. Трумэну о предложениях Гиммлера. Премьер-министр Великобритании и президент США расценили их как попытку посеять раздор между союзниками. Они заявили, что капитуляция возможна лишь перед всеми тремя союзниками одновременно.

Через два дня, 27 апреля на неофициальной встрече английской делегации, прибывшей в Сан-Франциско для участия в учредительной конференции Организации Объединённых Наций, Антони Иден как бы невзначай заметил: “Кстати... из стокольмских источников нам стало известно, что Гиммлер сделал через Бернадотта предложение о безоговорочной капитуляции Германии перед американцами и нами. Разумеется, мы сообщили об этом русских”.

Умело организованная “утечка информации” была тут же подхвачена средствами массовой информации. Присутствовавший на этой встрече директор Британской информационной службы в Вашингтоне Джек Уинокавр передал эту новость Полу Рэнкину из агентства Рейтер, но просил не указывать её источник. Рано утром 28 апреля эта новость появилась в лондонских газетах.

В 9 часов вечера 28 апреля из радиопередачи Би-Би-Си Гитлер узнал о переговорах Гиммлера с графом Бернадоттом. По словам знаменитой лётчицы Третьего рейха Ханны Рейч, только что прилетевшей в Берлин, Гитлер “побагровел, и его лицо исказилось до неузнаваемости”. Рейч, отличавшаяся склонностью произносить длинные и эмоциональные монологи, впоследствии красочно описала этот приступ ярости фюрера. Гитлер в бешенстве кричал о низком предательстве человека, которому он доверял больше всех. Он объявил о лишении Гиммлера всех его званий. Рейч потом не раз повторяла приказ Гитлера, отданный им ей и Риттеру фон Грейму, только что назначенному вместо Геринга главнокомандующим военно-воздушными силами Германии: немедленно вылететь из Берлина, чтобы “арестовать Гиммлера как предателя”.

Выполнить это было нелегко: фон Грейм был ранен в ногу и передвигался на костылях. Поэтому хотя он был посажен на борт лёгкого самолёта, его повела Ханна Рейч. Взлетев на улице у Бранденбургских ворот под огнём советской зенитной артиллерии, Рейч сумела вырваться из осаждённого Берлина и направила самолёт в Плён, где располагалась штаб-квартира Дёница.

В это время, как писали авторы биографии Гиммлера Роджер Мэнвелл и Генрих Френкель, “в Плёне Дёниц... и Гиммлер... делили власть”. По свидетельству Шверина фон Крозига, который затем занял пост министра иностранных дел в последнем правительстве Германии, эти двое в конце концов договорились, что “будут верно служить признанному преемнику Гитлера, причём Дёниц явно рассчитывал, что место фюрера займёт Гиммлер, а сам он станет рейхсфюрером”.

Дёниц не получил чёткого указания из Берлина об аресте Гиммлера, а лишь туманное распоряжение Бормана: “Немедленно и безжалостно покарать изменников”. Р. Мэнвелл и Г. Френкель подчёркивают: “Только Грейм имел недвусмысленный приказ арестовать Гиммлера, однако он не мог его выполнить без поддержки Дёница, а тот всё ждал, что Гиммлер вот-вот сам станет фюрером. Нет никаких сведений о том, как прошла встреча Грейма с Дёницей, что они сказали друг другу, какое решение приняли”. Очевидно одно: приказ Гитлера не был выполнен.

В Берлине же козлом отпущения был избран представитель Гиммлера в бункере Германн Фегеляйн. Он пытался скрыться, был обнаружен в штатской одежде в своей квартире в берлинском квартале, который вот-вот должны были занять советские войска, и был приведён в бункер. То обстоятельство, что Фегеляйн был женат на сестре Евы Браун, не спасло его. 28 апреля он был расстрелян в саду рейхсканцелярии.

Вечером 28 апреля Гитлер вызвал к себе всех обитателей бункера, в котором он жил последние дни, и предложил им всем покончить жизнь самоубийством. В ночь с 28 на 29 апреля Гитлер зарегистрировал свой брак с Евой Браун. На свадебной церемонии все молчали, за исключением Геббельса, который пытался развлекать новобрачных и гостей.

В 4 часа утра 29 апреля Гитлер заверил подготовленные им личное и политическое завещания. В них Гитлер объявлял о своём решении “остаться в Берлине и принять добровольно смерть в тот момент, когда буду уверен, что резиденция фюрера и канцлера не может быть больше удержанной”.

Гитлер назначал гросс-адмирала Дёница рейхспрезидентом Германии, военным министром и главнокомандующим ВМС. Рейхсканцлером Германии был назначен Й. Геббельс, а министром по связи с партией — М. Борман. Главнокомандующим сухопутными силами стал командующий группой армий “Центр” генерал-фельдмаршал Шёрнер. Гитлер требовал “от всех немцев, всех национал-социалистов, мужчин и женщин и всех солдат вооружённых сил, чтобы они оставались верными долгу и до самой смерти подчинялись новому правительству и его президенту”.

Он также объявлял том, что “Геринг, Гиммлер и их секретные переговоры с врагом, ведшиеся без моего ведома и против моей воли, а также их преступная попытка захватить государственную власть, помимо неloyальности лично ко мне, нанесли неисчислимый вред стране и всему народу”. Он исключал из партии Германа Геринга и Генриха Гиммлера, снимал их со всех государственных постов. В одном месте завещания Гитлер, не называя Геринга и Гиммлера по фамилиям, упомянул “презренных тварей”, которые подорвали “сопротивление” противнику.

“Политическое завещание” Гитлера было заверено четырьмя свидетелями: Йозефом Геббельсом, Мартином Борманом, генералом Вильгельмом Бургдорфом и генералом Хансом Кребсом. Три копии этого завещания были направлены 29 апреля Дёницу и Шёрнеру с тремя курьерами, которые должны были преодолеть позиции советских войск.

30 апреля в 14.25 войсками 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта была взята основная часть здания рейхстага. В 14.30 Гитлер предоставил Вейдлингу свободу действий и разрешил осуществить попытку прорыва из Берлина. А через час Жукову сообщили, что над рейхстагом разведчики сержант М. А. Егоров и сержант М. В. Кантария водрузили Красное знамя. Через двадцать минут после этого события Гитлер застрелился.

И всё же, как писал Конев, “немцы, уже явно обречённые в эти дни на поражение, продолжали... упорно драться, используя каждую нашу оплошность. В целом же к концу 30 апреля положение берлинской группировки врага стало безнадёжным. Она оказалась фактически расчленённой на несколько изолированных групп. Имперская канцелярия, из которой осуществлялось управление обороной Берлина, после потери узла связи главного командования, находившегося в убежище на Бендерштрассе, лишилась телеграфно-телефонной связи и осталась с плохо работающей радиосвязью”.

Военный корреспондент П. Трояновский написал, как ночью 1 мая “на участке части полковника Смолина вдруг появился немецкий автомобиль с большим белым флагом на радиаторе. Наши бойцы прекратили огонь. Из машины вышел немецкий офицер и сказал одно слово: “Капитуляция...” Его поняли, приняли и проводили в штаб. Офицер заявил, что вновь назначенный начальник генерального штаба генерал Кребс готов вступить к Советскому командованию, чтобы договориться о капитуляции берлинского гарнизона. Советское командование согласилось принять Кребса...”

Два военных атташе

Очевидно, что в последние дни Гитлер уже не рассчитывал на военный успех, но надеялся уцелеть с помощью дипломатических манёвров. Возможно, этим объяснялась отставка с поста начальника штаба сухопутных войск Германии видного военачальника, практика и теоретика танковой войны Гейнца Гудериана. 28 марта вместо него был назначен генерал от инфантерии Ханс Кребс. Хотя Геббельс ничего не говорил о воинских талантах Кребса, он был удовлетворён этим выбором, назвав его “превосходным человеком”, который “был нашим военным атташе в Москве”.

Кребс блестяще говорил по-русски и был лично знаком с советскими военачальниками в период его работы в качестве помощника военного атташе в Москве вплоть до июня 1941 года. В Берлине хорошо знали и о примечательном эпизоде из деятельности Г. Кребса. Исполняя обязанности военного атташе, он присутствовал на проводах министра иностранных дел Японии Мацуоки после подписания советско-японского договора о нейтралитете. Стремясь подчеркнуть верность СССР взятым на себя обязательствам по этому договору, И. В. Сталин и В. М. Молотов лично прибыли на вокзал и тепло приветствовали Мацуоку. В то же время советские руководители постарались продемонстрировать свою готовность соблюдать и договоры 1939 года, подписанные между СССР и Германией.

В правительственной телеграмме в Берлин посол Германии Шуленбург писал 13 апреля 1941 г., что во время церемонии проводов И. В. Сталин “громко спросил обо мне и, найдя меня, подошёл, обнял меня за плечи и сказал: “Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь всё для этого сделать!” Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: “Мы остаемся друзьями с Вами в любом случае”. Комментируя эти слова Сталина, Шуленбург писал: “Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлёк всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей при этом”.

Не исключено, что не служба Кребса в различных штабах армий и групп армий с 1941-го по 1945 г., а его опыт военного дипломата в СССР были прежде всего востребованы руководством Третьего рейха весной 1945 года.

В это же время Геббельс принялся изучать биографии тех, кто командовал Красной Армией, уже вступившей на землю Германии. 16 марта 1945 г. Геббельс писал: “Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убеждёнными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. В своём большинстве это дети рабочих, сапожников, мелких крестьян и т.д. Короче говоря, я вынужден сделать неприятный вывод, что военные руководители Советского Союза являются выходцами из более хороших народных слоёв, чем наши собственные”.

Возможно, что интерес Геббельса к советским маршалам и генералам был вызван не только желанием посрамить собственных военачальников. Судя по содержанию его дневника, Геббельс в это время интересовался прежде всего делами, имевшими практическое значение для Германии. Не исключено, что он хотел лучше узнать о тех, с кем хотел вступить в переговоры.

Биография Василия Ивановича Чуйкова вполне отвечала тем общим представлениям о советских военачальниках, которые вынес Геббельс из знакомства с их биографиями. Рождённый в крестьянской семье в селе Серебряные Пруды Веневского уезда Тульской губернии (ныне Московской области), будущий Маршал Советского Союза начал свою трудовую жизнь слесарем в Петрограде.

В декабре 1917 г. Чуйков поступил в учебный минный корпус в Кронштадте, затем вступил в ряды Красной армии. Он закончил Гражданскую войну с четырьмя ранениями на должности командира стрелкового полка. С мая 1942 г. В. И. Чуйков – активный участник Великой Отечественной войны. Под его командованием сражалась в Сталинграде знаменитая 62-я (позднее 8-я гвардейская) армия. Затем войска “чуйковской” армии освобождали Правобережную Украину, Белоруссию, участвовали в блистательной Висло-Одерской операции.

Возможно, что Геббельс обратил внимание не только на боевой опыт В. И. Чуйкова, но и на его образование, позволившее ему поработать в дипломатической сфере. После завершения учёбы в Военной академии имени М. В. Фрунзе Чуйков закончил восточный факультет той же академии. В 1940 году он стал военным атташе в Китае и оставался там до начала 1942 г., то есть в период нашей активной помощи этой стране в её борьбе против японской агрессии. Так Чуйков обрёл дипломатический опыт в сложных и тонких делах Дальнего Востока.

Вероятно, направляя бывшего военного атташе в Москве генерала Ганса Кребса на командный пункт к Чуйкову, Геббельс знал, что советский генерал-полковник имел хорошую подготовку для ведения международных переговоров.

1 мая 1945 года на командном пункте В. И. Чуйкова

Узнав от В. И. Чуйкова о прибытии Х. Кребса, Г. К. Жуков приказал генералу армии В. Д. Соколовскому прибыть “на командный пункт В. И. Чуйкова для переговоров с немецким генералом”. Одновременно Жуков связался по телефону со Сталиным. Реагируя на сообщение о самоубийстве Гитлера, Сталин сказал: “Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым”. Одновременно Сталин приказал: “Передайте Соколовскому. Никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, – не звоните до утра, хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас Первомайский парад”.

Жуков далее писал о звонке Соколовского “около 5 часов утра”. По словам генерала армии, Кребс ссылаясь на отсутствие у него полномочий для переговоров о капитуляции. Он также сообщал: “Кребс добивается перемирия якобы для того, чтобы собрать в Берлине правительство Дёница. Думаю, нам следует послать их к чёртовой бабушке, если они сейчас же не согласятся на безоговорочную капитуляцию”.

По словам Жукова, он поддержал Соколовского, добавив: “Передай, что, если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, мы нанесём удар такой силы, который навсегда отобьёт у них охоту сопротивляться”. Далее Жуков писал: “В назначенное время ответа от Геббельса и Бормана не последовало. В 10 часов 40 минут наши войска открыли ураганный огонь по остаткам особого сектора обороны центра города”. Из мемуаров Жукова можно придти к выводу, будто визит Кребса был кратким, а Сталин вообще запретил вести какие-то переговоры.

Между тем наиболее полное описание переговоров с Кребсом имеется на 30 страницах книги Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова “Конец третьего рейха”. Чуйков отметил, что свидетелями переговоров стали также писатель Всеволод Вишневский, поэт Евгений Долматовский, композитор Матвей Блантер. Переговоры стенографировались. С немецкой стороны, помимо Кребса, в переговорах приняли участие полковник генерального штаба фон Дувфинг, выполнявший на переговорах обязанности адъютанта генерала, а также переводчик.

Из рассказа В. И. Чуйкова, подкреплённого стенографическими записями, складывается несколько иное впечатление о переговорах на его командном пункте, чем из воспоминаний Г. К. Жукова. Во-первых, Чуйков сообщал, что переговоры шли почти 10 часов. Во-вторых, он рассказал об установлении телефонной связи между германской рейхсканцелярией и командным пунктом 8-й гвардейской армии. В-третьих, на протяжении переговоров с Кребсом Чуйкову и Соколовскому не раз звонили некие вышестоящие лица. А ими могли быть Г. К. Жуков или И. В. Сталин. Стало быть, Сталин, сначала заявив, по словам Жукова, о недопустимости каких-либо переговоров, затем разрешил их продолжение и фактически участвовал в них.

Камнем преткновения на переговорах стало нежелание новых вождей рейха пойти на капитуляцию без согласия Дёница. Для этого были известные основания. Роли в триумирате, сформированном Гитлером, не были чётко определены. Обращение к Сталину было написано рейхсканцлером Геббельсом, но он указывал, что действует по поручению Бормана. Полномочия Кребса были также подписаны Борманом. Дёниц же был назначен рейхспрезидентом, то есть на пост, который упразднили после смерти президента Веймарской республики Пауля фон Гинденбурга 2 августа 1934 г. Комментируя в своих воспоминаниях последние назначения Гитлера, бывший министр вооружений Германии Альберт Шпеер называл их “самыми абсурдными в его карьере государственного деятеля... Он не смог ясно определить, как это уже случилось в последние годы его жизни, кто обладает высшей властью: канцлер, или его кабинет, или же президент. Согласно букве завещания Дёниц не мог сместить канцлера или кого-либо из министров, даже если бы оказалось, что они не годятся для работы. Так важнейшая часть полномочий любого президента была отнята у него с самого начала”.

К тому же находившийся в Плёне гросс-адмирал получал скудную информацию о том, что происходило в бункере рейхсканцелярии в последние дни. Лишь через три часа после самоубийства Адольфа Гитлера и его жены 30 апреля в 18.35 Борман направил радиogramму Дёницу: “Вместо бывшего рейхсмаршала Геринга фюрер назначил вас в качестве своего преемника. Вам высланы письменные указания. Немедленно примите меры, необходимые в этой ситуации”.

Никаких сообщений об уходе Гитлера из жизни гросс-адмирал не получил и считал, что высшая власть в Германии по-прежнему принадлежит фюреру. По этой причине он отправил в Берлин ответ, в котором выражал свою преданность Гитлеру. Дёниц писал: “Если по воле Судьбы... мне суждено править рейхом в качестве вашего преемника, я приложу все силы, чтобы исход этой войны был достоин героической борьбы немецкого народа”.

Соккрытие информации о самоубийстве Гитлера было вызвано тем, что Геббельс и Борман опасались Гимmlера, который находился в Плёне, где был и Дёниц. Очевидно, что, скрывая смерть Гитлера, его наследники считали, что пока Гимmlер считает фюрера живым, шеф СС не решится захватить власть. Не спешили они и обнародовать “Политическое завещание” Гитлера, в соответствии с которым Гимmlер был исключён из партии и лишён всякой власти. Скорее всего, они опасались, что преждевременная огласка лишь ускорит действия Гимmlера. Руководитель всемогущей эсэсовской организации

мог объявить переданное радиogramмой “Политическое завещание” Гитлера подложным, их – изменниками, а то и убийцами Гитлера. Геббельс и Борман вряд ли сомневались в том, что Гиммлер мог поставить Дёница под свой контроль или даже объявить себя главой Третьего рейха.

Положение Геббельса, Бормана и других было чрезвычайно шатким. Реальная власть наследников Гитлера распространялась лишь на несколько берлинских кварталов. Лев Безыменский привёл точные данные о территории, которую контролировало правительство Геббельса: “С севера на юг протяжённость империи составляла ровным счётом 1650 метров – от моста Вейдендамбрюкке до Принц-Альбрехт-штрассе; с запада на восток – 1150 метров – от Бранденбургских ворот до площади Шлоссплац”. Само правительство Германии, которое возглавлял Геббельс, представляло собой лишь видимость такового. Из 17 членов правительства, назначенных Гитлером, в Берлине имелись лишь трое: Геббельс, Борман и новый министр пропаганды Вернер Науман. Это объясняло настойчивое стремление наследников Гитлера собрать Дёница и всех членов правительства в Берлине, о чём постоянно говорил Кребс. Этим же объяснялись также их страхи, что инициативу в руководстве Германией может перехватить Гиммлер.

Для обоснования законности своего положения Геббельс и Борман располагали лишь “Политическим завещанием” Гитлера. Ссылаясь на него, Геббельс, Борман и их сторонники подчёркивали, что лишь они правомочны вести переговоры о капитуляции. Поэтому первыми, кто за пределами бункера узнали содержание политического завещания Гитлера, стали советские военачальники и Сталин. Заявления о том, что Геббельс и Борман предпочитали вести переговоры с СССР, объяснялись просто: у окружённых советскими войсками не было иного выхода, как капитулировать перед ними. Парадоксальным образом Геббельс, Борман и Кребс старались воспользоваться общей капитуляцией для того, чтобы продемонстрировать свое право говорить от лица всей Германии (то есть капитуляцией подтвердить легитимность своего правительства).

Кребс говорил Чуйкову и Соколовскому: “Полная и действительная капитуляция может быть решена легальным правительством. Если у Геббельса не будет договорённости с вами, то что получится? Вы должны легальное правительство предпочесть правительству предателя Гиммлера. Вопрос войны уже предрешён. Результат должен решаться с правительством, указанным фюрером”. По словам Чуйкова, Кребс, “волнуясь, уже почти кричит по-русски: “Изменник и предатель Гиммлер может уничтожить членов нового правительства!.. Гиммлер думает, что германские войска ещё могут быть силой против Востока. Он доложил об этом вашим союзникам. Нам это ясно, совершенно ясно!”

Кребс, Геббельс и другие не без основания полагали, что Советское правительство было готово принять капитуляцию у правительства, которое оказалось в берлинской ловушке, и тем самым завершить войну в считанные часы. В противном случае военные действия могли затянуться. При этом советские военачальники неизменно подчёркивали, что все переговоры об общей капитуляции должны происходить с участием всех союзников.

В то же время для Советского Союза был невыгоден захват власти Гиммлером, который уже вступил в тайные сепаратные переговоры с агентами западных держав. Поэтому прибывший на командный пункт В. Д. Соколовский, ссылаясь на Г. К. Жукова, предложил Г. Кребсу публично “объявить Г. Гиммлера изменником, чтобы помешать его планам”. Заметно оживляясь, Кребс ответил: “Очень умный совет. Это можно сейчас же сделать. Конечно, с разрешения доктора Геббельса”. Кребс попросил разрешения послать полковника фон Дувфинга к Геббельсу.

Чуйков позвонил начальнику штаба и приказал обеспечить переход полковника и одновременно связать наш батальон на переднем крае с немецким батальоном, чтобы установить телефонную связь Геббельса с советским армейским командным пунктом.

При переходе линии огня группа, в которой были фон Дувфинг, немецкий переводчик и советские связисты, была подвергнута обстрелу с немецкой стороны, хотя полковник держал белый флаг. Несмотря на то, что командир советской роты связистов был смертельно ранен, связь с рейхсканцелярией была установлена. Правда, с немецкой стороны связь долго не работала.

И всё же после возвращения фон Дувфинга Кребс смог разговаривать с Геббельсом по телефону.

После долгих переговоров Кребс зачитал Геббельсу по телефону советские условия капитуляции:

1. Капитуляция Берлина.
2. Всем капитулирующим сдать оружие.
3. Офицерам и солдатам, на общих основаниях, сохраняется жизнь.
4. Раненым обеспечивается помощь.
5. Предоставляется возможность переговоров с союзниками по радио”.

Геббельс потребовал возвращения Кребса, чтобы обсудить с ним все эти условия.

На прощание Кребсу было сказано: “Вашему правительству будет дана возможность сообщить о том, что Гитлер умер, что Гиммлер – изменник, и заявить трём правительствам – СССР, США и Англии – о полной капитуляции. Мы, таким образом, частично удовлетворим и вашу просьбу. Будем ли мы помогать вам в создании правительства? Нет. Но даём вам право сообщить список лиц, которых вы не хотите видеть в качестве военнопленных. Мы даём вам право после капитуляции сделать заявление Союзным Нациям. От них зависит дальнейшая судьба вашего правительства”. Кребсу было также сказано, что после капитуляции Берлина советские войска дадут немцам самолёт или автомашину, а также радиосвязь для установления контакта с Дёницец.

Кребс: “Список лиц, находящихся в Берлине, который мы дадим, не будет рассматриваться как список военнопленных?”

Ответ: “Это обеспечено. Офицерам сохраним звания, ордена, холодное оружие. Мы даём право представить список членов правительства, право связи с Дёницец. Но всё это после капитуляции”.

Кребс: “Итак, после капитуляции советское радио даст сообщение о смерти Гитлера, о новом правительстве и о предательстве Гиммлера?” Получив очередное подтверждение на этот счёт, Кребс, по словам Чуйкова, “заверил, что постарается обо всем быстро договориться. 13 часов 08 минут. Кребс ушёл”.

По словам Чуйкова, после прощания Кребс дважды возвращался “уже с лестницы: сперва он позабыл перчатки, которые положил на подоконнике вместе с фуражкой; однако фуражку-то он надел, а вот перчатки не взял. Второй раз Кребс вернулся под предлогом, что забыл полевую сумку, которой у него вообще не было. Он уверял, что принёс в ней документы от Геббельса и Бормана, хотя – я хорошо это помню – доставал бумаги из бокового кармана”.

Чуйков так объяснял поведение Кребса: “По глазам и поведению было видно – генерал колебался: идти ему обратно в пекло или первому сдать на милость победителя. Возможно, ждал, что мы объявим его пленником, с чем он, возможно, охотно согласился бы”.

Во второй половине 1 мая в бункере рейхсканцелярии

После перехода Кребсом линии огня советские военачальники ждали ответа из рейхсканцелярии. Однако немцы молчали. Их молчание затягивалось.

Г. К. Жуков вспоминал: “В 18 часов В. Д. Соколовский доложил, что немецкое руководство прислало своего парламентаря. Он сообщил, что Геббельс и Борман отклонили требование о безоговорочной капитуляции. В ответ на это в 18 часов 30 минут с невероятной силой начался последний штурм центральной части города, где находилась имперская канцелярия и засели остатки гитлеровцев”.

Однако нет никаких документальных доказательств того, что руководители нового правительства на самом деле отвергли советские условия капитуляции. Указанный парламентар не предъявил никаких документов, свидетельствующих о том, что он действует по поручению Геббельса или Бормана. Не осталось никаких документов о заседании правительства Геббельса, на котором было принято решение отвергнуть советские условия.

Вечером 1 мая значительная часть обитателей бункера предприняла попытку прорыва из советского окружения. По оценке Уильяма Ширера, от 500 до 600 обитателей бункера, большинство из которых составляли эсэсовцы, в конечном счёте сумели прорваться. Они затем оказались в оккупационных зонах

союзников. Некоторые из них потом утверждали, что генералы Кребс и Бургдорф, а также чета Геббельсов не присоединились к группе прорыва, а покончили жизнь самоубийством. Сообщали, что перед самоубийством Магда Геббельс с помощью врача умертвила своих детей. Борман же, по словам бывших обитателей бункера, присоединился к участникам прорыва, но погиб в пути.

Однако никто не смог представить убедительные свидетельства того, как Кребс и Бургдорф покончили с собой. Их тела не были найдены.

Противоречивы свидетельства и о гибели Бормана по пути из бункера. Как убедительно доказал Лев Безыменский в книге “По следам Мартина Бормана”, заявления личного шофёра Гитлера Эриха Кемпки в его книге “Я сжёг Гитлера” опровергали его же показания на Нюрнбергском процессе о гибели Бормана от взрыва танка советским снарядом. Лидер “Гитлерюгенд” Артур Аксман, на которого ссылался У. Ширер, уверял, что Борман принял яд в ходе побега. Однако его тело никогда не было обнаружено. Мартин Борман, поисками которого занимались значительную часть XX века, исчез бесследно.

Было немало рассказано о самоубийстве Геббельса, его жены, а также убийстве их детей, трупы которых были обнаружены. В своей книге Х. Р. Тревор-Роупер привёл показания адъютанта Геббельса гауптсштурмфюрера СС Гюнтера Швагермана. Тот утверждал, что вечером 1 мая Геббельс вызвал его и сказал: “Швагерман! Случилось величайшее предательство. Генералы предали фюрера. Всё потеряно. Я умру вместе с моей женой и своей семьёй... Вы сожжёте наши тела. Можете это сделать?”

По словам Тревор-Роупера, Швагерман обещал это сделать. После этого адъютант направил шофёра Геббельса и эсэсовца за бензином. “Вскоре (было половина девятого вечера) Геббельс и его жена прошли через бункер. У начала лестницы они миновали Швагермана и шофёра Раха, который стоял с бензином. Они прошли мимо, не говоря ни слова, и поднялись по лестнице в сад. Почти немедленно прозвучали два выстрела. Когда Рах и Швагерман вышли в сад, они обнаружили два трупа на земле. Эсэсовский ординарец, который застрелил их, стоял рядом. Они послушно вылили четыре канистры бензина на трупы, зажгли их и ушли”.

Этой версии в основном придерживался и Уильям Ширер в своём труде по истории Третьего рейха. В то же время, полагаясь на другие свидетельства, историк рассказал о том, как супруги прощались со встретившимися им в коридоре людьми, а также уточнил, что по просьбе Геббельсов “эсэсовский ординарец выстрелил дважды им в затылок”.

Иным был рассказ о смерти Геббельса и его жены в книге бывшей военной переводчицы Елены Ржевской “Берлин. Май 1945”. Ржевская привела слова Хаазе, начальника госпиталя, расположенного вблизи от рейхсканцелярии: “Со слов первого сопровождающего врача Геббельса штандартенфюрера СС Штумпфеггера и доктора Кунца мне известно, что Геббельс и его жена вечером 1 мая совершили самоубийство, приняв сильнодействующий яд, какой именно, сказать не могу”.

Эти взаимоисключающие объяснения смерти супругов Лев Безыменский в своей книге соединил так: “Примерно в 21 час Йозеф и Магда Геббельс вышли из своей комнаты, надели пальто и пошли в сад. Раздался очередной выстрел: это кончилась жизнь Йозефа Геббельса”. (В примечании Лев Безыменский пояснял: “Утверждают, что он не застрелился, а дал команду его убить”.) “Рядом с ним упала Магда, проглотившая капсулу с ядом. На всякий случай охранник два раза прострелил оба тела и облил их бензином”.

Некоторые авторы предполагают, что будто супруги сначала отравились, а затем им были сделаны “контрольные выстрелы в головы”. Однако трудно предположить, что Йозеф и Магда Геббельсы сначала приняли яд, а затем в предсмертном состоянии попрощались с людьми в коридорах, поднялись по лестнице. Ведь действие яда было почти моментальным. Нелепым кажется и принятие ими яда уже в саду за секунды до роковых выстрелов эсэсовца.

Версию Швагермана, повторенную Тревором-Роупером, Ширером и многими историками, опровергает содержание медицинского протокола, составленного после осмотра тела Геббельса и процитированного Еленой Ржевской: “На обгоревшем трупе видимых признаков тяжёлых смертельных повреждений или заболеваний не обнаружено... При обследовании трупа установлено наличие запаха горького миндаля и обнаружены кусочки ампулы во рту”. Ржевская привела также “данные химического анализа”: “Химическим исследова-

дованием внутренних органов и крови определено наличие цианистых соединений. Таким образом, необходимо сделать вывод, что смерть... наступила в результате отравления цианистыми соединениями". Ржевская добавляла: "К такому же выводу пришли относительно причин смерти Магды Геббельс".

Из этого неопровержимого свидетельства следует, что показания о расстреле четы Геббельсов "по их желанию" вымышлены. Стало быть, придуманы также монолог Геббельса, рассказ о проходе четы Геббельсов по лестнице в сад и прочем. Неспешный проход супругов по коридору, их прощание с различными людьми, подъём по пустынной лестнице навстречу смерти, которая их поджидала примерно в 20.30, могли происходить в уединённом загородном замке. Между тем с 18.30 начался последний этап советского наступления на рейхсканцелярию. На бункер падали бомбы. Советская артиллерия вела по нему прицельный огонь. Внутри скопилось около 500–600 человек, которые, по словам очевидца, вели себя как курицы с отрезанными головами. Трудно себе представить, что здесь могла разыграться торжественная сцена двойного самоубийства в стиле оперного спектакля.

Обращает на себя внимание и другая несообразность: от самоубийц не осталось никаких прощальных записок или завещаний. Не оставили их ни Кребс, ни Бургдорф, ни Геббельс.

Последнее особенно странно. Известно, что Геббельс в течение нескольких лет ежедневно наговаривал стенографисткам заметки о текущих делах для своего дневника. При этом описание событий каждого дня занимало в изданных затем "Дневниках" от 5 до 15 книжных страниц. Однако на сей раз Геббельс почему-то не удосужился оставить хотя бы пару строк, в которых объяснил бы отказ принять советские условия капитуляции, а также своё намерение покончить жизнь самоубийством и убить своих детей. Загадочным является и исчезновение дневников Геббельса после 10 апреля 1945 года.

Зато имеются документы, которые можно однозначно истолковать как свидетельства того, что после возвращения Кребса с командного пункта Чуйкова Борман и Геббельс приняли энергично действовать, готовя встречу с Дёницем, а не со смертью.

В своей книге Л. Безыменский привёл ряд радиограмм, направленных из бункера. 1 мая в 7.40 Дёниц получил радиограмму от Бормана, которая гласила: "Завещание вступило в силу. Я прибуду к вам так скоро, как возможно. До этого, по-моему, ничего не следует предпринимать". Следующая радиограмма, полученная Дёницем в 14.46, гласила: "Рейхслейтер Борман прибудет к вам уже сегодня, чтобы объяснить обстановку". Скорее всего радиограмма свидетельствовала о готовности нацистов воспользоваться советским предложением пропустить их к Дёницу, воспользовавшись самолётом или автомашиной. Ведь в радиограмме нет ни намёка на трудности прорыва через советское окружение, а уверенно сказано о прибытии Бормана 1 мая.

Наиболее чёткие указания были даны в радиограмме из бункера рейхсканцелярии, которая была отправлена Дёницу в 15.18 Геббельсом и Борманом. Наконец наследники Гитлера решились сообщить о факте смерти Гитлера, хотя и не уточняя, как это случилось. Радиограмма гласила: "Гросс-адмиралу Дёницу. (Совершенно секретно! Передавать только через офицера). Фюрер умер вчера в 15.30. Завещание от 29 апреля назначает вас рейхспрезидентом, министра Геббельса рейхсканцлером, рейхслейтера Бормана партийным министром, министра Зейсс-Инкварты министром иностранных дел. По приказу фюрера завещание направляется из Берлина вам и фельдмаршалу Шёрнеру для того, чтобы обеспечить его сохранение для народа. Рейхслейтер Борман попытается прибыть к вам сегодня и проинформировать об обстановке. Вы должны сами решить, когда и в какой форме сообщить об этом в печать и войскам. Подтвердите получение. Геббельс. Борман".

Комментируя последнюю радиограмму, У. Ширер писал: "Геббельс не счёл необходимым проинформировать нового вождя о своих намерениях". Ширер исходил из того, что уже к этому времени Геббельс решил покончить жизнь самоубийством. Между тем из списка членов правительства, направленного Дёницу, следовало, что Геббельс является рейхсканцлером Германии. Почему он не сообщил Дёницу, что тот должен взять на себя всю полноту власти и действовать без рейхсканцлера? Почему бы не предположить, что Геббельс не информировал Дёница о своих планах покончить жизнь самоубийством, потому что таких намерений у него не было...

Очевидно, что многие сведения о последних часах правительства Геббельса — Бормана и их руководителей, а также Кребса и Бургдорфа, которые используются до сих пор в работах по истории гитлеровского рейха, туманны, путаны, противоречивы, а потому вызывают сомнения.

Что же на самом деле произошло в бункере?

Противоречивые объяснения обстоятельств последних часов существования правительства нацистской Германии в Берлине и его руководителей заставляют искать иные версии того, как на самом деле происходила агония Третьего рейха.

Совершенно очевидно, что решение прервать переговоры с советской стороной было принято вскоре после возвращения Кребса. Однако нет никаких документальных оснований считать, что это решение было принято Геббельсом, Борманом и их единомышленниками. Резкая перемена произошла после 15.18, когда была отправлена радиogramма Дёницу из бункера, в которой, как указывалось выше, речь шла о завещании Гитлера и скорой встрече с гросс-адмиралом. Эта радиogramма была последним посланием от Геббельса и Бормана. После 15.18 ни один из них уже не общался ни с Дёницем, ни с кем-либо за пределами бункера. Можно предположить, что по каким-то причинам у них была отнята такая возможность.

Посмотрим, как прореагировал получатель этого послания в Плёне. Дёниц отнюдь не воспринял радиogramму Геббельса и Бормана как прощальную записку людей, готовых покончить с собой или идущих на смертельный риск. Шпеер утверждал, что, прочтя радиogramму, Дёниц был возмущён ограничением своих полномочий. По словам Шпеера, Дёниц воскликнул: “Это невозможно!” и спросил: “Кто ещё видел радиogramму?” Оказалось, что, кроме присутствовавших, её видели лишь радист и адъютант гросс-адмирала Людде-Нейрат. Тогда Дёниц приказал взять у радиста клятвенное обещание хранить молчание. Радиogramма была заперта в сейф.

“Что мы будем делать, если здесь на самом деле появятся Геббельс и Борман? — спросил Дёниц. И, не дожидаясь ответа, сказал: — В любом случае я совершенно отказываюсь сотрудничать с ними”. Шпеер писал: “Этим вечером мы оба решили, что Борман и Геббельс должны быть арестованы”.

Почему беспартийный гросс-адмирал Дёниц, который до самоубийства Гитлера и помышлять не мог о занятии высшего поста в нацистском государстве, в считанные часы встал на путь беспощадной борьбы с теми, кто до тех пор занимал значительно более крупные посты в иерархии рейха? Скорее всего, за решением Дёница арестовать Геббельса и Бормана стояла воля человека, который уже давно видел себя на посту нового фюрера Третьего рейха, — воля Гимmlера. Очевидно, что уверенность Гимmlера в том, что он в ближайшее время возглавит правительство, основывалась на том, что рейхсфюрер СС постоянно получал достаточно полную информацию о событиях в нацистских верхах и имел в своём распоряжении достаточно мощные рычаги, чтобы воздействовать на их развитие.

Судя по воспоминаниям Шелленберга, ему сообщили о самоубийстве Гитлера 1 мая в 4 часа утра, как только он прибыл из Любека в штаб СС в Плёне. Очевидно, новость в Плён пришла ещё раньше. Если это так, то это доказывает, что кто-то из бункера сумел оповестить об этом штаб СС до того, как от Бормана и Геббельса пришла соответствующая радиogramма. Возможно, эти люди могли поддерживать связь по радиации из бункера без ведома Геббельса и Бормана.

Шпеер создаёт впечатление, что решение об аресте Геббельса и Бормана было принято, когда он был наедине с Дёницем. Между тем из воспоминаний Шелленберга следует, что 1 мая Гимmlер “встретился в Плёне с адмиралом Дёницем, новым главой германского государства, и они до поздней ночи обсуждали вопрос о том, какой политики следует придерживаться в ближайшем будущем”. Скорее всего, решение арестовать Бормана и Геббельса было принято Дёницем по настоянию Гимmlера, который в это время был с ним.

Радиogramма, посланная Геббельсом и Борманом 1 мая в 15.18, вряд ли случайно стала переломным моментом в развитии событий в берлинском бункере. Для Гимmlера она явилась сигналом к действию против своих соперни-

ков. В случае, если бы наследники Гитлера – Геббельс и Борман – прибыли в Плён, они были бы арестованы. Но скорее всего рейхсфюрер СС имел возможность направлять действия в нужном ему русле в самом бункере и нанести там удар по своим политическим конкурентам, опиравшимся на завещание Гитлера.

Борьба за власть в нацистских верхах вокруг гитлеровского завещания началась сразу после его написания, ещё в последние часы жизни фюрера. Поэтому 29 апреля Борман направил Дёницу и Шёрнеру копии обязательного к исполнению законодательного документа о назначении Геббельса главой правительства, Бормана – фактическим лидером партии, и об изгнании Геринга и Гимmlера из верхов нацистского государства. Курьерами были военный адъютант Гитлера майор Вилли Иоханнмейр, офицер СС и советник Бормана Вильгельм Зандер и чиновник министерства пропаганды Хайнц Лоренц.

Однако все три курьера, успешно преодолев советские позиции в трёх полосах окружения, не прибыли ни к Дёницу, ни к Шёрнеру. Позже Тревор-Роупер, ссылаясь на их рассказы, подробно расписал трудности, которые якобы встретили курьеры на своём пути. Они почему-то долго плыли по озеру Хавель на захваченной ими байдарке, которая перевернулась именно в тот момент, когда их будто бы должен был подобрать гидросамолёт, посланный от Дёница. Затем они долго брели до Эльбы и попали на территорию, оккупированную англо-американскими войсками. У. Ширер писал: “Майор Иоханнмейр в конце концов зарыл копию этого документа в саду своего дома в Изерлоне в Вестфалии. Зандер спрятал свою копию в сундук, который оставил в баварской деревне Тегернзее”. Скрыл свою копию и Лоренц. Однако, как писал Ширер, “будучи журналистом”, Лоренц “был слишком словоохотлив, чтобы хорошо хранить свой секрет. Его несдержанность привела к обнаружению у него копии, а затем и к разоблачению остальных курьеров”. В результате того, что копии завещания были долгое время скрыты, в начале мая 1945 г. в Германии почти никто не знал о нём.

Никого из тех, кто засвидетельствовал “Политическое завещание” Гитлера (Геббельс, Борман, Кребс, Бургдорф), никто и никогда не видел в живых после 1 мая. (Если не считать спорных свидетельств о встречах с живым Борманом после 1945 г.) Кроме них никто не мог подтвердить подлинность этого документа.

Отсутствие трупов Кребса, Бургдорфа и Бормана может свидетельствовать о том, что кто-то позаботился о тщательном уничтожении следов их убийства. В то же время сомнительная версия о самоубийстве Геббельсов рождает предположение об их насильственном уничтожении. Видимо, те, кто распространял версию о расстреле Геббельсов “по их желанию”, не были свидетелями того, как на самом деле они умерли, но знали, что супругов должны были убить из пистолета. Такой рассказ позволил бы объяснить наличие пулевых отверстий в затылках супругов. Возможно, что Геббельсы сумели опередить убийц, приняв яд. Также не исключено, что исполнители приказа об их расстреле дали возможность супругам отравиться. Поэтому предполагавшихся “очевидцами” ран в их головах при медицинском освидетельствовании не было обнаружено.

Возможно, такой же выбор был предложен Геббельсам и относительно их детей. При этом нельзя исключать того, что Магда Геббельс на самом деле участвовала в их отравлении, зная, что в противном случае её дети будут подвергнуты жестокой казни. В любом случае, скорее всего отравление семьи Геббельсов было осуществлено по принуждению лиц, которые затем постарались создать впечатление, будто они были к этому не причастны.

Известно, что значительную часть обитателей бункера составляли эсэсовцы, поднаторевшие в подобных делах. Они были преданы Гимmlеру и поддерживали его попытки добиться мира с западными союзниками. В бункере могли находиться и люди Гимmlера, причастные к переговорам с англичанами о передаче немецких войск в их распоряжение.

Не исключено, что эсэсовцы предпринимали попытки сорвать переговоры 1 мая. Сопротивление этим переговорам проявилось в обстреле группы советских связистов, которые шли от командного пункта Чуйкова вместе с полковником фон Дувингом и немецким переводчиком. Разумеется, это был далеко не первый случай во время Великой Отечественной войны, когда немецкие военнослужащие стреляли по советским парламентарам и уби-

вали их. Однако на сей раз огонь вели по группе, в которой были немцы, включая полковника фон Дувфинга. Произошёл ли этот обстрел из-за вопиющего нарушения воинской дисциплины, столь необычного для немецкой армии, или же это было следствием умышленной попытки сорвать переговоры с советской стороной? Не вследствие ли саботажа эсэсовцев долго не работала телефонная связь между командным пунктом Чуйкова и рейхсканцелярией?

Условия капитуляции, согласованные на командном пункте Чуйкова, могли вызвать яростное сопротивление эсэсовцев, хотя бы потому, что Кребс согласился объявить Гимmlера предателем по советскому радио. Судьба же Фегеляйна могла их убедить в том, что руководители нового правительства могут начать уничтожение эсэсовцев.

Но кто же мог возглавить организацию выступления эсэсовцев против Геббельса, Бормана и их сторонников внутри бункера? Это мог сделать лишь достаточно авторитетный нацистский руководитель. Кроме Геббельса и Бормана, в бункере оставался ещё один член правительства – новый министр пропаганды доктор Вернер Науман. Он долго работал личным референтом Геббельса, а затем до 30 апреля 1945 г. был статс-секретарём министерства пропаганды.

Исходя из того, что Геббельс добровольно покончил жизнь самоубийством, Эрнст Генри писал: “Геббельс... был обязан тут же кому-то передать свои полномочия. Его отношения с Борманом были не из блестящих: Геббельс втайне презирал секретаря-лакея Гитлера, мешавшего ему встречаться с фюрером наедине. В однодневное правительство Геббельса входили двое близких ему людей: его прежний заместитель в министерстве пропаганды Науман и его бывший адъютант Ханке, эсэсовский генерал, назначенный в завещании Гитлера главой СС и начальником полиции взамен преданного анафеме Гимmlера. Это была одна клика. (Ханке и Науман были к тому же связаны друг с другом по совместной службе в Силезии.) Эсэсовца Ханке в Берлине во время крушения Третьего рейха не было, он находился в Силезии и спустя несколько недель был там убит. Из всех оказавшихся в столице членов правительства Геббельса “динамический” молодой эсэсовец Науман был единственным, кому Геббельс мог доверять достаточно, чтобы передать ему свои полномочия”.

Но именно Науман, по утверждению того же Э. Генри, признавал: “был личным эмиссаром Гимmlера при Геббельсе”. В своих действиях по устранению политических соперников Гимmlера Науман мог опираться на дисциплинированную эсэсовскую организацию и её членов среди обитателей бункера.

Дальнейшая судьба Наумана показывает, что этот человек располагал мощной поддержкой неких тайных организаций, способствовавших распространению неонацизма в послевоенной Западной Германии. Очевидно, что усилия Наумана по устранению соперников Гимmlера были впоследствии оценены недобрыми эсэсовцами. По словам Эрнста Генри, “именно Науман стал послевоенным фюрером нацистов”. Вернувшись в Западную Германию в 1950 г. вскоре после создания ФРГ, Науман предпринял шаги для становления неонацистских политических партий. Знаменательно, что в окружении неонацистов Наумана оказался бывший лидер “Гитлерюгенд” Аксман, бежавший с ним из бункера.

Скорее всего Гимmlер не только приказал Дёницу арестовать Бормана и Геббельса в случае их появления в Плёне, но и отдал приказ Науману или другим эсэсовцам в бункере арестовать своих политических соперников и всех, засвидетельствовавших “Политическое завещание” Гитлера, а затем уничтожить их. Опасения Кребса, что “Гимmlер может уничтожить членов нового правительства”, не были напрасными. В то же время не исключено, что послушные воле Гимmlера Науман и другие эсэсовцы действовали по своей инициативе, исходя из общих интересов “чёрного ордена” СС.

В условиях мощного артиллерийского обстрела и бомбардировки, а также хаоса и неразберихи, которые царили в бункере, истерической паники, охватившей его обитателей, действия небольшой, но хорошо организованной группы профессиональных убийц в замкнутых комнатах многоэтажного подземного помещения могли быть осуществлены достаточно быстро и незаметно. Подавляющее число обитателей бункера были слишком озабочены спасением своей жизни, чтобы вдумываться в происходящее с другими.

В результате соперники Гиммлера были уничтожены. Капитуляция войск, окружённых в Берлине, а также общая капитуляция Германии были сорваны. Вместе с другими обитателями бункера Науман и многие эсэсовцы сумели выбраться из Берлина за несколько часов до решения генерала Вейдлинга о капитуляции окружённых в Берлине немецких войск.

Теперь в Плёне были лишь Риттер фон Грейм и Ханна Рейч, которые могли доказать “измену Гиммлера”. Однако 2 мая фон Грейм весьма кстати “покончил жизнь самоубийством”. Правда, Рейч уверяла, будто она лично встретилась с Гиммлером и сурово осудила его за “предательство фюрера”. С явным недоверием к её рассказу Тревор-Роупер писал: “Нас ошастливили ярким, но, возможно, неточным отчётом о беседе Рейч с Гиммлером. Главная героиня, словно на театральной сцене, произносит страстные обвинения, но они не трогают толстокожего негодяя из этой театральной постановки. А затем весьма кстати подоспевший воздушный налёт драматично прерывает этот спор”.

После продолжительной дискуссии Гиммлера и Дёница последний выступил по гамбургскому радио. Лишь через 7 часов после получения им радиogramмы из Берлина в радиообращении к народу Германии 1 мая в 22.20 Дёниц сообщал о “героической смерти Гитлера”. Иронизируя на этот счёт, Ширер в то же время признал, что гросс-адмирал из скрупул радиogramм на самом деле не знал обстоятельства ухода Гитлера из жизни. В своём выступлении Дёниц представил себя преемником Гитлера, но ни слова не сказал о других назначениях в соответствии с гитлеровским завещанием.

Это обращение отвечало проводившемуся до тех пор курсу Гиммлера на одностороннюю капитуляцию перед англо-американскими войсками. Дёниц ясно давал понять, кто является главным врагом нацистского рейха. Он говорил: “Моей первой задачей является спасение Германии от разрушения продвигающимся вперёд большевистским врагом. Для осуществления этой цели вооружённая борьба будет продолжаться. Поскольку реализации этой цели мешают англичане и американцы, мы будем вынуждены осуществлять нашу оборонительную борьбу также и против них. В этих условиях англо-американцы будут продолжать войну не за свои народы, а только ради распространения большевизма в Европе”.

Попытки украсть Победу

2 мая Дёниц перевёл свой штаб из Плёна во Фленсбург, расположенный на границе с Данией. Туда же переместил свой штаб и Гиммлер. Тревор-Роупер писал: “Его огромная охрана не была сокращена; за ним следовала вереница штабных машин; вокруг него толпились высшие эсэсовские офицеры... Делясь мыслями со своими подчинёнными, которые затем не стали их скрывать, Гиммлер упомянул о своей заветной цели: стать премьер-министром поверженной Германии под руководством Дёница. При этом Гиммлер давал понять, что не обязательно он будет оставаться под начальством Дёница. Он намекал на то, что Дёниц стар, а его, Гиммлера, ждёт ещё немало лет жизни и долгое пребывание у власти”. Хотя очевидно, что Гиммлер был моложе Дёница (первому было 44, а второму — 53 года), гросс-адмирал не был в ту пору дряхлым стариком. Рейхсфюрер СС не смог предвидеть того, что Дёниц умрёт в 1981 году на 90-м году жизни, в то время как Гиммлеру не было суждено дожить до конца мая 1945 года.

Хотя Гиммлер торжествовал победу над своими политическими противниками, территория, находившаяся под контролем правительства во Фленсбурге, стремительно сокращалась. Дёниц и его военно-морское окружение, а также военачальники на различных участках Западного фронта исходили из невозможности продолжения военных действий.

После переговоров 4 мая верховное германское командование объявило о капитуляции перед англо-американскими войсками Монтгомери всех частей, расположенных в северо-западной Германии, Дании и Нидерландах. 5 мая капитулировала группа армий под командованием фельдмаршала Кессельринга. В тот же день в штаб Эйзенхауэра прибыл представитель от Дёница. На сей раз речь шла об общей капитуляции. Обратившись к англо-американцам, немцы пытались добиться того, чтобы максимально большое количество их войск сдалось западным союзникам.

Стремление западных союзников перехватить Победу у СССР при поддержке нацистских лидеров во главе с Гиммлером, пытавшихся капитулировать лишь перед англо-американцами, привело к подписанию акта о безоговорочной капитуляции американским генералом Смитом и Йодлем в Реймсе 7 мая. Советский представитель при штабе Эйзенхауэра генерал-майор И. А. Сулопаров был приглашён для подписания лишь как свидетель.

Советское правительство добилось того, чтобы подписание акта о безоговорочной капитуляции состоялось в Берлине. В ночь с 8 на 9 мая в Карлсхорсте (восточной части Берлина) акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил был подписан начальником штаба Верховного главнокомандования Германии генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем. Капитуляцию принял от СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, а также командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс, маршал авиации британских вооружённых сил Артур В. Теддер, главнокомандующий французской армии генерал Делатр де Тассиньи. Так, несмотря на то, что подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии в Берлине правительством Гейделя было сорвано эсэсовцами, роль нашей страны и Красной армии в достижении Победы получила полное признание.

В выступлении по радио 9 мая Сталин объявил акт о безоговорочной капитуляции в Реймсе “предварительным”, а “окончательным” — тот, что был подписан в Берлине.

Но и после этой попытки украсть Победу английские союзники продолжали сохранять в неприкосновенности взятые ими в плен вооружённые части вермахта. То, чего добивался Гиммлер во время переговоров через посредство Бернадотта, воплощалось в жизнь. В английской зоне оккупации немецкие военные части не были расформированы. Около 1 миллиона солдат и офицеров вермахта не были переведены на положение военнопленных. С некоторыми из них проводились занятия по боевой подготовке.

Однако уже по мере приближения часа капитуляции становилось ясно, что попытки Гиммлера и возглавляемых им эсэсовцев удержаться у руководства побеждённой Германией безнадежны. Военные, окружавшие Дёница, жаждали избавиться от тех, кто преследовал их после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, кто уничтожал их коллег и близких к ним людей. Для западных держав Гиммлер и его люди были уже не нужны. Более того, зловещая фигура рейхсфюрера СС в правительстве Дёница мешала Западу говорить о торжестве дела демократии.

6 мая в разгар переговоров в Реймсе о безоговорочной капитуляции Дёниц направил Гиммлеру письмо: “Дорогой господин имперский министр! Учитывая нынешнюю ситуацию, я решил отказаться от дальнейшего сотрудничества с Вами в качестве имперского министра внутренних дел, члена имперского правительства, главнокомандующего резервной армии и главы полиции. Я объявляю все ваши должности упразднёнными. Я благодарю Вас за службу, которую Вы осуществляли ради Рейха”.

И всё же Гиммлер продолжал надеяться на то, что он будет востребован западными державами. Он не отправлялся в бега, подобно Шелленбергу, который уже перебрался в Швецию. По словам Тревор-Роупера, “он сохранял претенциозную службу: штат из 150 человек, радиоотряд, 4 машины с охранниками... Он написал письмо фельдмаршалу Монтгомери и каждый день осведомлялся, не пришёл ли ему ответ”. Для этого у него были веские основания.

14 мая У. Черчилль направил меморандум в министерство иностранных дел Великобритании, в котором предлагал использовать правительство Дёница в интересах держав Запада. Прибывший в середине мая 1945 г. во Фленсбург для выполнения приказа И. В. Сталина об аресте правительства Дёница генерал Н. М. Трусев вспоминал: “Оказавшись за Кильским каналом, мы как бы попали в довоенную фашистскую Германию: всюду видны старые названия улиц, фашистские указатели, кругом свастики, фашистское приветствие поднятием руки и масса немецких военных в сухопутной, эсэсовской и морской форме, все при орденах, со знаками различия. Было очевидно: здесь в полной мере продолжали существовать гитлеровский порядок, действовали фашистские законы... Во Фленсбургском порту находились много немецких вооружённых военных кораблей. Экипажи этих кораблей жили обычной жизнью, уходили на берег, возвращались из городского отпуска. На кораблях от-

бивались склянки и развевались немецкие флаги со свастикой. Во Фленсбурге находилось и продолжало функционировать верховное командование фашистской Германии (ОКВ) во главе с генерал-полковником Йодлем – начальником штаба оперативного руководства”. Когда Н. М. Трусов вошёл в кабинет Дёница, то увидел “на стене портрет Гитлера. При нашем появлении Дёниц встал из-за стола и пытался приветствовать нас традиционным жестом гитлеровцев”. Н. М. Трусов возмущался: “Как будто не было ни поражения, ни подписания 8 мая акта о безоговорочной капитуляции. Нам тогда показалось, что нацистам оставлена эта территория преднамеренно, даётся возможность сохранить кадры, переждать “ненастые””.

Однако после отставки положение Гимmlера во Фленсбурге стало шатким. Тогда Гимmlер решил, что надо скрываться. 10 мая он покинул Фленсбург вместе с частью своих приближённых. 23 мая в день ареста Дёница и других членов его правительства британский патруль задержал Гимmlера в городе Люнебург. Во время обыска рейхсфюрер СС принял яд и, несмотря на попытки спасти ему жизнь, скончался.

Однако смерть Гимmlера не положила конец усилиям западных держав сохранить в неприкосновенности те силы в Германии, которые могли быть использованы против Советского Союза. Об этом свидетельствовал, в частности, примечательный обмен репликами между Сталиным и Черчиллем, состоявшийся на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.).

В ходе обсуждения темы о нехватке угля и нехватке рабочей силы для его добычи в Западной Европе Сталин сказал, что в СССР сейчас используется труд военнопленных для работы в шахтах, а затем заметил: “400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии, они даже не разоружены, и неизвестно, чего они ждут. Вот вам рабочая сила”. Осознав истинный смысл заявления Сталина, Черчилль тут же стал оправдываться: “Я не знал, что они не разоружены. Во всяком случае, наше намерение заключается в том, чтобы разоружить их. Я не знаю точно, каково там положение, но этот вопрос был урегулирован верховной ставкой союзных экспедиционных сил. Во всяком случае, я наведу справки”.

Однако Сталин не ограничился своим замечанием, а в конце заседания передал Черчиллю меморандум относительно имеющихся в Норвегии не разоружённых германских войск. Черчилль вновь стал оправдываться: “Но я могу дать заверение, что нашим намерением является разоружить эти войска”. Ответ Сталина (“Не сомневаюсь”) был произнесён с очевидно ироничной интонацией, а потому вызвал смех. Продолжая оправдываться, Черчилль заявил: “Мы не держим их в резерве, чтобы потом выпустить их из рукава. Я тотчас же потребую доклада по этому поводу”.

Лишь в 1954 году, когда Черчилль вновь стал премьер-министром, он признал: “Полагаю, что я был первым из известных деятелей, открыто заявившим о том факте, что мы должны иметь Германию на своей стороне против русской коммунистической агрессии. Ещё до того, как кончилась война, в то время когда немцы сдавались сотнями тысяч, а улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтгомери телеграмму, предписывая ему тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его можно было легко снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжилось”.

На Потсдамской конференции Сталин нашёл удачный способ объявить союзику о том, что он знает о его вероломных действиях, и вынудил его фактически признать факт нарушения Англией союзнических обязательств. Кроме того, Сталин понимал, что в то время США не поддержат попыток Черчилля развязать войну против СССР.

Зная от наших разведчиков о создании американцами атомного оружия, Сталин не исключал того, что теперь союзники попытаются использовать эту козырную карту для пересмотра итогов Второй мировой войны. Об этом свидетельствовало сообщение Трумэна об успешном испытании атомной бомбы, которое американский президент сделал Сталину в перерыве конференции в присутствии Черчилля. В то же время Сталин знал, что американцы ещё не уверены в том, что с помощью атомной бомбы они поставят Японию на колени. А поэтому Трумэн каждый день своих встреч со Сталиным начинал с вопроса о том, когда СССР объявит войну Японии. Ведь трёхмесячный срок для начала войны с Японией после капитуляции Германии, определённый Стали-

ным в Ялте, истекал сразу после завершения Потсдамской конференции. Лишь получив окончательное подтверждение Сталина о вступлении СССР в войну против Японии, Трумэн в письме жене написал, что тем самым достигнута главная цель, которую он перед собой ставил на конференции, и что он думает “об американских парнях, жизнь которых будет теперь сохранена”.

Очевидно, что обвинения Сталиным союзников в вероломстве, которые он не раз высказывал на протяжении войны, были не напрасными. Развязывание западными державами “холодной войны”, начавшаяся подготовка атомных бомбардировок СССР показывали, что расчёты Гитлера, а затем Гимmlера на вооружённое столкновение между союзниками по антигитлеровской коалиции не были столь уж химерическими.

Пытаясь пересмотреть итоги Второй мировой войны, закреплённые в Ялтинских и Потсдамских соглашениях, бывшие союзники стали также переписывать историю войны. Хотя попытки украсть Победу и не допустить капитуляции Германии перед СССР провалились, стали предприниматься усилия с целью “доказать”, что главными победителями Германии были США и Англия. По мере того, как Победа становилась далёкой историей, события в начале мая 1945 года искажались в различных публикациях. Если Черчилль, вслед за Эйзенхауэром, в воспоминаниях назвал подписание акта о безоговорочной капитуляции при участии Г. К. Жукова лишь “ратификацией” акта в Реймсе, то в последующем память о событиях в Берлине в полночь с 8 на 9 мая постарались вычеркнуть из истории. В огромной монографии об истории нацистского рейха У. Ширер ни слова не сказал о подписании акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил в Берлине. Об этом не говорится и в учебниках по истории, выпущенных в западных странах.

К сожалению, минимум информации содержится и в новейших российских школьных учебниках истории. “8 мая Германия капитулировала”, – вот и всё, что сказано в учебнике для 9 класса общеобразовательных учреждений “Всеобщая история. Новейшая история. XX век” (Н. В. Загладин; М., “Русское слово”, 2009). В учебнике “Новейшая история зарубежных стран. 9 класс” (А. М. Родригес, М. В. Пономарёв, И. Н. Селиванов, Л. А. Каримова, Л. С. Никулина; М., “Владос”, 2003) говорится: “8 мая Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции”. В учебнике “История России. XX – начало XXI века. 11 класс” (А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов, С. В. Мироненко; М., “Просвещение”, 2008) написано: “В ночь на 9 мая 1945 г. представители германского командования подписали Акт о безоговорочной капитуляции”. Ни слова о том, что капитуляция была подписана в Берлине и принята Г. К. Жуковым.

Правда, в учебнике “История. Государство и народы России. 9 класс” (А. А. Данилов, Л. Г. Кросулина; М., “Просвещение”, 2007) сказано о подписании акта о безоговорочной капитуляции в Карлсхорсте, предместье Берлина, которая была принята Г. К. Жуковым. Этот факт отмечен также в учебнике для общеобразовательных учреждений “Всеобщая история. XX – начало XXI века. 11 класс” (Л. Н. Алексашина; Москва, “Мнемозина”, 2008) и в учебнике “История России. XX – начало XXI века. 11 класс” (Н. В. Загладин, С. Н. Козленко, С. Т. Минаков, Ю. А. Петров; “Русское слово”, 2008). При этом в последних двух учебниках рассказано про попытки подменить капитуляцию в Берлине односторонней капитуляцией в Реймсе.

Однако школьники не могут получить достаточно информации о попытках Гитлера и гитлеровцев при поддержке западных держав украсть Победу у нашей страны. В учебниках ни слова не написано о тайных переговорах западных держав с гитлеровцами о сепаратном мире или односторонней капитуляции. Учащиеся могут придти к выводу, что сюжет сериала “Семнадцать мгновений весны” не имеет никакого отношения к историческим фактам. Лишь из учебника Л. Н. Алексашиной школьники могут узнать про директиву Черчилля для Монтгомери о сохранении боеготовности немецких частей, взятых в плен, для возможного продолжения военных действий против СССР.

Зато в учебниках уделено много внимания реальным и мнимым ошибкам и просчётам советского руководства в годы войны. Авторы же некоторых учебников, фактически солидаризируясь с соответствующими решениями ПАСЕ и ОБСЕ, убеждают школьников и студентов в идентичности советского строя и нацистского. Так, в учебнике “Отечественная история” (Москва, “Гардарики”, 2007; под редакцией профессора Р. В. Дегтярёвой и профессора

С. Н. Полторака), допущенном Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, утверждается: “Сталинизм и гитлеризм во многом были похожи”.

Постоянно прибегая к использованию ярлыка “тоталитаризм”, авторы ряда учебников стирают грань между фашистскими режимами в Западной Европе и советским строем. Ученики школ профессионально-технического образования обязаны заучить десять признаков “тоталитарного политического режима” в СССР, которые сформулированы в учебнике “Истории России” (под общей редакцией П. С. Самыгина; М., “Проспект”, 2007). Но если между СССР и нацистской Германией не было разницы, то не правы ли были Черчилль и другие, пытавшиеся нанести удар по СССР после поражения нацистской Германии? Спрашивается: а не прав ли был Гиммлер, который был готов служить в “поверженной Германии” западным державам и помогать им вести войну против Советского Союза?

Вряд ли можно признать случайным, что в учебниках, да и в академических исследованиях, обойдены вниманием драматические события 1 мая 1945 года, в ходе которых эсэсовцы во главе с Гиммлером пытались помешать капитуляции перед нашей страной и развязать против неё военные действия вместе с западными державами. Между тем невнимание к событиям майских дней 1945 года способствует сохранению сомнительных версий, скрывающих правду об острой политической борьбе внутри нацистского руководства и коварных действиях западных союзников против нашей страны. Не считая свою версию этих событий абсолютно безупречной, автор в то же время убеждён, что изучение последних дней Третьего рейха позволяет увидеть, на какие ухищрения шли враги народов нашей страны, чтобы отнять у них право на Победу. Он также убеждён в том, что обращение к далёкой истории позволяет обнаружить сходство между врагами нашей страны 1945 года и её сегодняшними недоброжелателями, искажающими историю Великой Отечественной войны и Великой Победы.

БОРИС КЛЮЧНИКОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФАКТОРЫ СТРАТЕГИИ ПОБЕДЫ

*Благословен еси, Боже,
Звери укротивый и
Погасивый огонь.*

(Из Канона Похвалы
Божией Матери)

Антигитлеровская коалиция

Обращаясь к прошлому, задумываясь о событиях той судьбоносной эпохи, когда наш народ совершал немеркнущие подвиги и привёл мир к великой Победе, мы, изучая документы, сталкиваемся со всё новыми загадками истории. Одной из них является создание антигитлеровской коалиции. В этой связи следует напомнить младшим поколениям, что в первые 20 лет после революции Советский Союз был “мировым изгоем”, таким, какими ныне являются Куба, Иран, Северная Корея. Наши отцы восстанавливали страну в условиях изоляции, осады. Запад щедро финансировал Веймарскую Германию, возрождая её военную машину.

Едва ли кто-либо из серьёзных политиков мог за 5–6 лет до начала Отечественной войны представить, что Англия и США станут союзниками коминтерновской России. Показательна в этом отношении история о том, как США признали в 1933 году Советский Союз спустя 16 лет после революции.

Известно, что этот смелый акт совершил президент США Ф. Д. Рузвельт. В беседе с Черчиллем он вспоминал: “В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться к президенту Калинину с просьбой прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений. Такова история признания нами России”¹.

Советский Союз был для Запада “белым пятном”, о котором западные демократии, при всей их показной гласности, решили ничего детям не рассказывать: ни о праве на труд, ни об отсутствии безработицы, ни о бесплатном образовании и здравоохранении, ни о героическом самоотверженном труде наших отцов и матерей.

И только такой неординарный человек, как Рузвельт, решился признать СССР. Разумеется, не в качестве “подарка” Сталину. Не замечать достижений Советского Союза было уже неразумно. Так же, как и переоценивать опасности Гитлера, который в том же 1933-м пришёл к власти в Германии.

Фашистский молох грозил стать более грозной опасностью, чем Советский Союз, занятый после изгнания Троцкого не мировой революцией, а строительством социализма в одной отдельно взятой стране. Выход вырисовывался простой: поддерживать связи и с Москвой и с Берлином, а затем в удобный момент столкнуть их. Широко известна стратегическая установка Гарри Трумэна. 23 июня 1941 г. Трумэн, тогда сенатор США, заявил: “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше”².

Такова вечная установка англосаксов: у них нет постоянных друзей; постоянны у них только “национальные интересы”. В страшной войне Ирана с Ираком (1980–1988 гг.) так Америка и поступала: вначале поддерживала Иран, потом Ирак, а в итоге повесили упрямого националиста Саддама.

В напряжённой дипломатической борьбе 30-х годов не было “агнцев Божих”. Это нынешние либеральные историки, работая за гранты Сороса, обвиняют Советскую Россию в безразличности: как это аморально – заключать с Гитлером пакт о ненападении...

Не буду останавливаться на этом широко известном эпизоде. Он был ответом на отказ западных демократий создать в противовес фашизму прочную систему коллективной безопасности. Пакт был ответом на мюнхенский сговор Запада в 1938 году с Гитлером. С волками жить – по-волчьи выть! Наша дипломатия победила: 1 сентября 1939 года началась “странная война” Англии и Франции с Германией. Мы получили почти двухлетнюю отсрочку от неизбежной схватки с фашизмом. Гитлер напал на Польшу, на нашего вечно мятежного соседа, который в 1938 году тоже участвовал в разделе Чехословакии.

К великому счастью для России и её народов, страна наша к началу войны избавилась от иллюзий о мировой революции, в которой русскому народу предназначалась участь вязанки хвороста, чтобы разжечь “мировой революционный пожар”. Не классовые, а державные национальные интересы во всё большей мере выдвигались на первый план. В фашистской Германии рабочие, 6 миллионов которых голосовало за коммуниста Э. Тельмана, покорно влились в вермахт и оккупировали всю Европу.

Державная установка советской дипломатии ясно видна из эпизода о переговорах Черчилля со Сталиным в 1944 году. Спор шёл о границах Финляндии. Старый колониалист вспоминает, что он ехидно напомнил советскому лидеру революционный лозунг Ленина: “У меня в ушах всё ещё звучит знаменитый лозунг: “Никаких аннексий и контрибуций”. Может быть, маршалу Сталину не понравится, что я это говорю?” Сталин с широкой улыбкой ответил мне: я же сказал Вам, что становлюсь консерватором”³.

Да, дипломатия того времени была чрезвычайно гибкой. Не просто было создавать антигитлеровскую коалицию – для Запада после мюнхенского сговора, а для Советского Союза после “Пакта Риббентропа–Молотова”. Напомню, что писала “Правда” ещё 2 февраля 1940 г.: “Пожар второй империалистической войны, зажжённый англо-французскими империалистами, бушует за пределами нашей родины”. Без малого целый год длилась “странная война”, когда, как писал Шарль де Голль, “некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар России – оказанием ли помощи Финляндии, бомбардировкой ли Баку или высадкой в Стамбуле, чем о том, каким образом справиться с Германией”⁴. Французское правительство всё ещё надеялось, что Гитлер после Польши продолжит свой “Drang nach Osten”. Вермахт за две недели разгромил Польшу и вышел на советские границы. В Париже уповали на несокрушимость “линии Мажино”. Франция уподобилась старой черепахе, втянувшей голову в панцирь. Шла парламентская и правительственная чехарда, что производило на полковника де Голля впечатление чудовищного фарса. Он на всю жизнь сохранит отвращение к парламенту, к его безмозглым и безответственным либеральным краснобаям, которые дореформировали армию до того, что Франция, гордая своей победой в Великой войне 1914–1918 гг., осталась беззащитной перед страшным ударом немцев 10 мая 1940 г. Их бронирован-

ные лавины обошли “линию Мажино”. Танковый корпус Гудериана через неделю вышел к Ла-Маншу, а через 6 недель взял Париж.

Немцы, потеряв всего 60 тысяч человек, захватили в плен более миллиона английских и французских солдат и офицеров. Британская армия была сброшена в море. В полной панике она эвакуировалась из Дюнкерка на свои острова. Франция тоже не могла устоять: парламент, сенат, правительство, армия, флот, даже генеральный штаб кишели восторженными сторонниками Гитлера.

Вожди военных лет

Таинственные силы выдвинули в те годы отчаяния четырёх лидеров, которые навсегда вошли в историю. Во главе сражающейся Франции встал де Голль, человек, “смысл жизни которого, по его словам, с юных лет состоял в том, чтобы во имя Франции совершить великий подвиг”. Он презирал банальную карьеру, обладая широтой взглядов, трезвым холодным и гибким умом, уверенностью в себе и в правоте своего дела. Это делало его вождём побеждённого, но не сдавшегося народа. Это понял Уинстон Черчилль, ещё один гениальный политик и дипломат. Своим изощрённым умом и редкостным дарованием находить и расставлять талантливых людей, он сделал ставку на никому не известного в начале 1940 года, не утверждённого генерала Шарля де Голля. Он пренебрёг мнением серых чиновников из Форин-оффиса и после первой встречи с де Голлем сказал окружению: “Вот коннетабль Франции!”⁵⁵ (коннетабль – военный вождь).

Так случилось, что во главе каждой из четырёх великих держав встали такие политические гиганты, как Сталин, Рузвельт, Черчилль, де Голль. Прошло с тех пор 70 лет, но таких великих деятелей история более не выдвигала. Возможно, правы те историки, которые считают, что само Провидение в великие эпохи выдвигает великих людей. Всюду в мире чтут память лидеров антигитлеровской коалиции: есть культ де Голля, культ Черчилля, культ Рузвельта. Только Сталину не повезло. Его усердно пытаются забыть. Не получится! Потому что это была не с р а в н е н н а я личность. Некоторые авторы фальсифицируют по заказу историю, навязывают молодому поколению идею, что Сталин был союзником Гитлера. Так при опросах говорят 70 процентов молодых американцев. В 2008 г. президент Дж. Буш в речи поставил Сталина в один ряд с Гитлером. Закоренелый русофоб З. Бжезинский пишет: “Миру давно пора объявить Сталина таким же преступником, как Гитлер”⁵⁶. Зачем это делается? Ясно, чтобы не дать России подняться с колен. Русофобам вторят доморощенные ниспровергатели, которые и не родились бы, не будь побед советского оружия. Гибнет лев, его и ишак норовит лягнуть, – говорят на Востоке.

То, что все четверо были львами и в политике, и на полях сражений – нет сомнений. Ф. Д. Рузвельт происходил из богатой патрицианской семьи. Его предки были в числе отцов-основателей Соединённых Штатов. Рузвельт с 39 лет был прикован полиомиелитом к инвалидной коляске. Но этого инвалида американский народ четыре раза выбирал президентом, несмотря на то, что конституция страны запрещает это делать более двух раз. 12 с половиной лет в годы великого кризиса и великой войны Рузвельт неизменно вёл свой народ к победам, сделав США самой могущественной державой мира. Он победил всевластие олигархов, “которые обогащаются за счёт своих акционеров и простых людей”⁵⁷.

Задачи, которые решал Ф. Рузвельт, поразительно похожи на те, которые стоят перед Медведевым и Путиным. За год, всего за один год, он сумел подавить бандитский беспредел, оргпреступность, коррупцию, безработицу, алкоголизм. Ограничил власть банкиров и олигархов. **“Новый курс” Рузвельта не признавал рыночной вакханалии.** Он следовал советам Д. М. Кейнса о социальном государстве. Рузвельт был и остаётся самым популярным президентом в истории США. Барак Обама считает его образцом для себя. Прежде чем стать военным лидером, Рузвельт обеспечил своему народу сносное жилище, право на труд и отдых, на образование, на защиту в старости и т. д. Он считал англо-голландскую модель “торгового строя мира” хищнической, противоречащей христианству, готовился запретить завыв-

шенный ссудный процент. Биограф Першинг рассказывает об одном интервью Рузвельта. Его спросили:

– Вы поддерживаете капитализм?

– Нет.

– Тогда вы, наверное, социалист?

– Нет.

– Какова же в таком случае ваша философия?

– Моя философия? Я христианин и демократ и ежечасно подтверждаю это своими делами. Вот и всё”.

Многие годы марксистская историческая наука не желала видеть различий в политических взглядах и подходах Рузвельта и Черчилля, исходя из догмы, что они защищали интересы одного и того же класса. Я уже писал об этом на страницах “Нашего современника”⁸. Однако советская дипломатия и лично Сталин видели и практически использовали противоречия между ними. Сталин никогда не доверял “старой лисе” Черчиллю, которого тем не менее считал великим государственным деятелем. Он был весьма расположен к Рузвельту и многое сделал, чтобы добиться его доверия. Оба лидера знали, что если не будет согласия между СССР и США, если не будут ликвидированы колониальные империи, мир сохранить не удастся. Рузвельт в спорах с Черчиллем о судьбе колоний рассчитывал на поддержку Сталина и получил её. Четвёртый сын Рузвельта Эллиот оставил интереснейшие воспоминания об отце. В них он писал: “Для него Соединённое Королевство и его колониальная система были намного более крупным противником Соединённых Штатов, чем Советская Россия”⁹. Многие авторы подтверждают, что Черчилль опасался Рузвельта.

Читая воспоминания современников, создаётся парадоксальное впечатление, что меньше всего у лидеров антигитлеровской коалиции было личной неприязни и столкновений с классовым врагом, с коммунистом Сталиным. Рузвельт, например, не доверял Черчиллю и заочно невзлюбил де Голля, полагаясь на оценки советников. Ему в 1940 году докладывали, что за де Голлем, этим заносчивым анахронизмом наполеоновской Франции, стоит кучка таких же вздорных французов, укрывшихся в Англии. США признали правительство Франции прогитлеровский режим Петэна в Виши. Рассказывают, что Рузвельт смеялся над тем, что де Голль сравнивает себя то с Жоржем Клемансо, то с Жанной д’Арк, хотя знал, что это злые вымыслы петэновцев.

Де Голль остро нуждался в признании его комитета **единственным** правительством Франции. И дождался его прежде всего от Советского Союза. Вопреки настойчивым советам англосаксов, наше правительство в коммюнике от 28 сентября 1942 г. признало деголлевский Французский национальный комитет “единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан... и представлять их интересы”.

История сотрудничества и борьбы де Голля с англосаксами актуальна ныне как никогда ранее. Взаимопонимание, партнёрство и дружба России с Францией, да и с Германией, ныне становятся геополитическим императивом: идёт распад последней империи – империи англосаксов и становление многополюсного мира. Де Голль вошёл в историю не только как человек, поднявший Францию с колен, но и как геополитик-континенталист, автор стратегии “Европы до Урала”. Он был едва ли не самым пронизательным из лидеров, смотрел едва ли не глубже и дальше самого Сталина, ибо в годы непоколебимого господства в СССР марксизма настойчиво, в присутствии Сталина, повторял лозунг “Vive la Russie éternelle”. Да здравствует вечная православная Россия (которая ныне в либеральных муках возрождается и возродится, как Жар-птица).

В “Военных мемуарах” де Голль вспоминает о тягостных годах изгнания в Англии: “Как мне трудно было сопротивляться британской машине, когда её пускали в ход, чтобы навязать нам что-либо”¹⁰. Сплочённость, настойчивость, гибкость англичан поражали де Голля, вызывали то гнев, то зависть, то восхищение. “Англичанам помогала присущая французам склонность уступать иностранцам”, – писал он. Незавидное качество, которое так присуще ельцинско-козыревской дипломатии. Де Голль был неуступчив, он, например, ныне ни в коем случае не стал бы участвовать в блокаде Ирана. О том, как в Лондоне ему выламывали руки, он пишет так: “И вот наступала решительная атака. В ход пускались все средства, приводились все аргументы, все упрёки, звучали все мелодии. ...Если мы не уступали, предлагалось закрыть со-

вещание. А потом наступал эпилог... являлись посредники и заявляли, что, по-видимому, произошло недоразумение. Влиятельные лица начинали интересоваться моим самочувствием... Наконец родился **английский** проект по урегулированию спорного вопроса. Этот проект очень походил на то, что ранее предлагали французы¹¹.

Вспоминаю и я многие годы работы в ООН, когда приходилось тесно сотрудничать с англичанами и американцами в десятках стран Азии и Африки. Многие из них были замечательными коллегами, стали друзьями. Но могу засвидетельствовать и то, что дипломатические приёмы и англичан, и их учеников американцев остаются прежними. Вежливо, но неизменно всем своим поведением они дают понять: *We are the best, we are the first* (мы лучше, мы первые). Вдумайтесь в их культуру, в их фильмы, их литературу: всюду восхваление не столько ума, доброты, справедливости, а **воли, воли к победе**, ставка на силу и упорство, прикрываемые очаровательной галантностью, личной к вам симпатией и тонким расползающимся к себе юмором. Без преувеличения замечательный народ, изъян его лишь в том, что он не догадывается, что их драгоценная воля, свобода и демократия уже давно завязаны на коротком поводке финансовой олигархии. К чести этих упорных и гибких людей добавлю, что между собой они признают, что уважают такие же твёрдые характеры людей, стойко отстаивающих интересы нации. **Напротив, они снисходительно, а то и презрительно смотрят на соглашателей и компрадоров, вроде нашей “элиты”, хотя и охотно пользуются услугами этих “полезных идиотов”.**

Новому поколению российской дипломатии, униженному в 90-е годы козыревской политикой, приходится заново учиться и стойкости, и основательности. Учиться в том числе и у советской дипломатии. Она, например, могла бы принять участие в травле де Голля, следуя принципу быть всегда на стороне сильных и влиятельных. Но нет! Она поддержала дерзкого, тогда бессильного, изгнанника. Де Голль с благодарностью вспоминал, что в своём противоборстве с англосаксами он получал “ободряющие знаки из истекавшей кровью России”: “Посол Богомолов давал мне понять, что... Россия осуждает эту политику англосаксов и что, в случае крайности, она сумеет этому противостать¹²”.

Иначе вёл себя Черчилль. Он уговаривал де Голля склониться перед Америкой, перед её богатством и могуществом. “Ничего не форсируйте”, – увещевал де Голля Черчилль. – Смотрите, как я: то склоняюсь, то снова выпрямляюсь”. “Вам это можно, – отвечал де Голль. – Ведь вы опираетесь на государство, сплочённую нацию, единую империю, сильные армии. А я?! Что у меня есть? ...Я слишком беден, чтобы позволять себе сгибаться”. Да, тогда жили люди упорные, с характером, люди больших страстей. Два года спустя англичане официально отдали должное де Голлю: в годовщину Великой французской революции 14 июля 1942 года Черчилль в речи сказал: “Благодаря решению де Голля Франция никогда не покидала поле битвы¹³”.

Отдавал должное де Голлю и Сталин. Осенью 1944 г. де Голль пригласили в Москву. 26 ноября он прибыл через Каир и Тегеран в Баку. Генералу были оказаны подобающие правительственные почести. Он многое увидел во время этой поездки: трагическое величие развалин Сталинграда, русский балет, научные успехи, Кремль. Но больше всего его восхитил вид солдат. “Да, это была она – вечная русская армия”, – заметил он. Увидел бы он её сейчас?! Де Голль по мнил русский императорский корпус, который в Первую мировую войну сражался под Верденом.

Идея де Голля о заключении с СССР союза о дружбе и сотрудничестве встретила у Сталина полное понимание. Камнем преткновения стал вопрос о том, какое правительство признавать в Польше законным? То, что в Люблине, поддерживаемое Москвой, или то, которое находилось в изгнании в Лондоне? Де Голль не уступал Сталину. Сталин пошёл на уступку: русским, – сказал он, – достаточно простого обмена представителями между Парижем и Люблином. Де Голль отложил отъезд из Москвы, договор был подписан. Столы были вновь мгновенно накрыты. Сталин поднял тост за великую и прекрасную Францию. Он ценил де Голля по достоинству. Де Голль вспоминает: “Улыбаясь, Сталин сказал мне: “Вы хорошо держались! В добрый час! Люблю иметь дело с человеком, который знает, чего хочет!...” Де Голль пригласил Сталина в освобождённый Париж: “Приедете ли Вы повидать нас в Париже?” Сталин ответил: “Как это сделать? Ведь я уже стар. Скоро умру¹⁴”.

Задумаемся, что же всё-таки заставило великие державы с такими разными традициями, задачами, интересами, социальным строем объединиться против Гитлера? Чем руководствовались такие политические исполины, как Рузвельт, Черчилль, де Голль, приглашая коммуниста Сталина забыть старые обиды и выступить вместе против общего врага? Конечно, они защищали ценности своего строя. Но, думаю, главным для всех была угроза национального порабощения! Был задействован тот самый вечный закон, который де Голль называл “железным законом национальных интересов”. Нацистские главари видели будущее мироустройство основанным на расовых законах. Полноценной расой для них были только немцы, австрийцы, часть швейцарцев. Всех прочих они располагали вниз по ступеням расовой иерархии. Англичан и голландцев нацисты считали “ожидовлёнными”, французов “выродившимися”, славян “отуреченными”, русских – нордическим народом, который растворился в азиатской бездне “недочеловеков”, американцев – “этническим отбросами”, сбродом без рода и племени. Всем прочим – семитам, “жёлтым” и “чёрным” вообще не оставляли места на земле. Было ясно, что нацисты не остановятся на переделе колоний, рынков и ресурсов. Война для всех союзников была экзистенциальная, отечественная – за право жить в свободе и независимости. У каждого англичанина в сердце был алтарь величия родины, у французов – идеал прекрасной Франции, её великой истории, у русских, шедших на смерть, в сердце, конечно, был не Коминтерн, а Святая Русь!

Кто был инициатором и вдохновителем антигитлеровской коалиции? Все три лидера! Это была объективная необходимость. Сталин в знаменитой речи 3 июля 1941 года обращаясь, как его учили в тифлисской семинарии, к “братьям и сестрам”, заверил, что “в этой войне мы не будем одиноки”, что наша борьба сольётся с борьбой порабождённых народов Европы и пока свободной Америки. Это была не фраза. Неделию спустя, 12 июля, Советский Союз заключил первое соглашение с Англией о взаимной помощи. Всю весну 1941 года английский народ жил в ожидании германского вторжения. Но Гитлер повернул две сотни своих дивизий против СССР. Англия была спасена. 14 августа 1941 года. Рузвельт и Черчилль подписали акт о союзе – знаменитую Атлантическую Хартию. В сентябре советское правительство в Лондоне заявило о “согласии без оговорок с основными принципами Атлантической Хартии, в частности, в отстаивании демократии”. Оно не лукавило: **просто в СССР иначе понимали демократию**. При социализме это была демократия равенства (право на труд, на отдых, на образование и т. д.), на Западе процветала демократия свободы (свобода слова, совести, собраний и т. д.).

До нападения японцев на Пёрл-Харбор в декабре 1941 г. армия и флот США были не задействованы в боевых действиях, но Америка опасалась внезапного нападения. И потому предложила нам экономическую помощь. 2 августа 1941 г. госсекретарь сообщил советскому послу в Вашингтоне, что “правительство Соединённых Штатов решило оказать всё осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооружённой агрессии”. В заявлении подчёркивалось, что “грабительское нападение агрессора... угрожает безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов и соответствует интересам государственной обороны Соединённых Штатов”¹⁵. Америка обязалась предоставить нам беспроцентный кредит на сумму до 1 млрд долларов со сроком погашения через пять лет после окончания войны в течение 10 лет. Это была знаменитая программа ленд-лиза.

Ленд-лиз

В прошедшие десятилетия часто поднимался вопрос о значении ленд-лиза. Споры о нём – наглядный пример недобросовестности исследователей как в Советском Союзе, так и в Америке. За океаном договаривались до того, что без ленд-лиза Советский Союз проиграл бы войну. У нас пропагандисты заявляли, что участие США в войне свелось к “поставкам тушёнки”. Статистика – лукавая наука. В годы “холодной войны” у нас иногда ссылались на тот факт, что поставки по ленд-лизу составляли не более чем 4% валовой промышленности СССР в 1941–1945 гг. Это верно. Но адмирал флота В. Черна-

вин подсчитал помощь США, Англии и Канады поштучно: самолётов было поставлено 22 195, танков 12 990, автомашин свыше 500 000, различных артиллерийских орудий 5 000¹⁶. В общем объёме поставок боевой техники нашей армии доля ленд-лиза по кораблям составила 32,4%, радиолокационной аппаратуры – свыше 80%, паровозов 42,1%, грузовых и легковых автомобилей – 66,1%. От союзников шли транспорты снарядов, взрывчатки, обмундирования, медикаментов и т. д. “Без ленд-лиза, – вспоминал А. И. Микоян, – мы бы наверняка ещё год-полтора лишних провоевали”¹⁷.

О важности поставок по ленд-лизу свидетельствует недавно опубликованная в США полная переписка Рузвельта со Сталиным¹⁸. Из неё видно, что Рузвельт лично следил за поставками по ленд-лизу. Он искренне негодовал, когда нерадивые чиновники или ненавистники России задерживали транспорты: “Прошло уже шесть недель, как началась война в России, а мы практически не сделали, что мы обязались доставить в Сибирь. Скажу откровенно, если бы я был русским, я бы счёл, что Соединённые Штаты водят нас за нос! Действуйте от моего имени, покажите кулак... будьте, как заноза под седлом. Наступайте!”¹⁹

Двадцать лет спустя после войны мне довелось вести неторопливые беседы с бывшими американскими, английскими и канадскими боевыми офицерами “Северного конвоя”. Какие это были крепкие люди! Верные наши друзья. Они в деталях рассказывали, насколько это была опасная боевая задача, сколько друзей они потеряли в этом “коридоре смерти”, как сердечно встречались с нашими моряками в Мурманске. Эти простые, отважные люди смущённо признавали, что Второй фронт был, конечно, открыт поздновато, только за 11 месяцев до окончания войны. Некоторые из них ссылались на войну с Японией. Там тоже шли ожесточённые бои. Но наши союзники на совещании в Вашингтоне 22 декабря 1941-го – 14 января 1942 г. сами записали обязательство рассматривать Германию главным противником, а район Атлантики–Европы решающим театром военных действий. Так на деле шло становление антигитлеровской коалиции. По оценке такого последовательно объективного исследователя, как Н. И. Капченко, она “уникальное в своём роде явление в мировой истории”, а Сталин “в каком-то смысле был едва ли не главным локомотивом, благодаря которому коалиция не распалась под ударами противоречий и разногласий”²⁰. Печально, – констатирует этот исследователь, – что “у нас для оценки Сталина, даже в тех вопросах, где он твёрдо, последовательно и искусно отстаивал государственные интересы страны, как правило, не находится слов одобрения”²¹.

Второй фронт

С первых дней Отечественной войны наше правительство поставило перед союзниками вопрос о втором фронте. Союзники обещали его открыть, но обещанного, как говорится, три года ждут.

Второй фронт действительно был открыт в июне 1944 г., через три года после нападения Германии на Советский Союз. Затычка, стоившая нам миллионы жизней, в известной мере объяснялась объективными трудностями союзников. На море господствовал немецкий подводный флот, что мешало переброске войск из Америки. С другой стороны, итаलो-германские войска в Северной Африке были слабым противником, которого легко можно было разгромить, не опасаясь больших потерь. Но они продвигались к Суэцкому каналу, угрожая нефтяным источникам Ирака и Саудовской Аравии. Поэтому вместо обещанного открытия Второго фронта в Европе союзники высадились в Северной Африке. Но они сумели отвлечь на себя не более 6–7% сил вермахта.

Бесспорно, это была стратегия сбережения собственных сил за счёт, скажем прямо, истекавшего кровью советского народа. Нельзя забывать, что многие политики типа Гарри Трумэна с самого начала систематически саботировали сотрудничество с Советским Союзом. Рузвельт знал это и был поэтому вынужден иногда устанавливать прямые отношения со Сталиным, минуя бюрократию Госдепартамента. В письме весной 1942 г. военному министру Генри Моргентау он писал, что прав Сталин, когда не доверяет Черчиллю. **Согласно недавно опубликованным документам американские военные под нажи-**

мом Рузвельта планировали уже в 1942 году открыть Второй фронт в Европе. Но Черчилль категорически отказался в этом участвовать. Рузвельт во время переговоров с Молотовым в Вашингтоне в мае 1942 г. пытался объяснить отсрочку открытия Второго фронта. Он сказал, что хочет лично встретиться “с великим человеком нашего времени”, со Сталиным. Но дифирамбы не успокоили Сталина²². Он требовал не слов, а дел, исполнения взятого обязательства. В послании от 23 июля 1942 г. он, отбросив дипломатические вежливости, писал Черчиллю, что “вопрос об организации Второго фронта в Европе, боюсь, начинает принимать несерьезный характер”. Сталин задавал вопрос, что союзникам мешает высадиться в Европе в 1942 году? Ведь “почти все силы немецких войск, — писал он, — и притом лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт...”²³. Действительно, военные действия в Западной Европе почти не велись. Наша армия, неся огромные потери, в тяжелейших боях перемалывала 200 отборных немецких дивизий и 30 дивизий гитлеровских союзников. Наше правительство просило союзников оттянуть на себя хотя бы 30–40 немецких дивизий.

Вопрос о Втором фронте стал наиболее спорным в межсоюзнических отношениях. Дело доходило до разрыва отношений между Черчиллем и Сталиным. “Премьер-министр, — говорил Сталин в 1943 г. его министру Идену, — хочет, чтобы ему достались более лёгкие дела, а нам, русским, более трудные. Это можно было бы сделать один раз, два раза, но нельзя этого делать всё время”²⁴. В борьбе за открытие Второго фронта в 1942–1943 гг. наше правительство не добилось успеха. Черчилль вёл свою геополитическую игру. Это была его антирусская “балканская стратегия”. Президент Рузвельт объяснял своему сыну Эллиоту: “Всякий раз, когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствующим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет: ... врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные...”²⁵.

Понимали наши союзники и то, что после разгрома фашистских полчищ в 1943 г. военно-политическая и стратегическая обстановка быстро менялась в пользу России. Советские войска приближались к своим границам, в фашистском блоке нарастал кризис, активизировалось национально-освободительное движение в порабощённых Гитлером странах. Всё это заставляло их пересмотреть “периферийную стратегию” Черчилля и готовиться к войне на границах рейха. За два года до окончания войны многим стало ясно, что наша победа над вермахтом под Сталинградом была фактически равна победе в отдельной крупной войне, что раньше или позднее, Россия и в одиночку разгромит Германию. Рузвельт был озабочен послевоенным устройством мира, которое он называл “Веком Америки”. Поэтому важно было, с каким соотношением сил союзники придут к столу переговоров. Это подтверждает сын Рузвельта Эллиот. Осенью 1943 года Рузвельт сказал ему: “Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то, возможно, будущей весной Второй фронт и не понадобится”²⁶. Эту оценку обстановки подтвердил и посол США в СССР А. Гарриман: “Советский Союз мог выиграть войну и без помощи союзников”²⁷. Это по поводу нынешних надуманных споров, кто внёс решающий вклад в разгром фашизма.

Несмотря на блестящие победы, Сталин согласился на открытие Второго фронта даже летом 1944 года и объяснял это тем, что Второй фронт всё-таки уменьшит наши потери в живой силе (это к слову о том, будто Сталина, да и Жукова нимало не заботило число погибших). Наше правительство и Генеральный штаб считали, что наилучшим местом для высадки десанта союзников была бы Северная Франция. Этот план был изложен на Тегеранской конференции. Высадку в сентябре 1943 г. союзных войск в Италии против 9–10 немецких дивизий наш Генеральный штаб никак не мог считать Вторым фронтом. Против Советской Армии воевали в это время 260 дивизий.

Наше молодое поколение сравнительно хорошо знает историю Тегеранской конференции, состоявшейся в 1943 г. Знает о заговоре немецкой разведки, о срыве покушения на лидеров США и Англии, о том, что Рузвельт принял приглашение поселиться в советском посольстве. Он хотел понять характер и намерения Сталина, заручиться его поддержкой по вопросу о будущем колониальных империй, об ООН и по многим другим проблемам, особенно по тем, по которым он не мог договориться с Черчиллем. Он искал поддержки со-

ветского лидера и делал много шагов для того, чтобы завоевать его доверие. И надо сказать, что преуспел в этом. Но были между ними и серьёзные разногласия. Например, вопрос о будущем побеждённой Германии. Приведу стенограмму Тегеранской конференции:

“Сталин. ...Какие ещё вопросы имеются для обсуждения?

Рузвельт. Вопрос о Германии.

Сталин. Какие предложения имеются по этому поводу?

Рузвельт. Расчленение Германии.

Черчилль. Я за расчленение Германии. Но я хотел бы обдумать вопрос относительно расчленения Пруссии. Я за отделение Баварии и других провинций от Германии.

Рузвельт. ...Я хотел бы изложить составленный мной лично два месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств”²⁸.

Советское руководство весьма осторожно отнеслось к плану союзников о расчленении Германии. Гитлеры приходят и уходят, а Германия, а народ немецкий остаются, — повторял Сталин. В докладе в годовщину Октябрьской революции в 1942 г. Сталин говорил: **“У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию”**. На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. наше правительство согласилось разделить Германию только на оккупационные зоны.

В годы холодной войны на Западе многие историки стали утверждать, что Россия была инициатором расчленения Германии. Сталин в Ялте вернулся к теме о ликвидации Пруссии — очага германского милитаризма. Во время обсуждения в Тегеране вопроса о расчленении Германии он говорил союзникам без обиняков следующее: “Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более, что исторически это исконно славянские земли”²⁹. Это был один из элементов той стратегии советского правительства, которая была нацелена на возвращение всех земель России. Плодами её до сих пор пользуются, но ругают последними словами советскую дипломатию.

Отмечая 65-ю годовщину во многих отношениях утерянной Победы, надо помнить и славные дела наших союзников, особенно их высадку в Нормандии 6 июня 1944 года. Сталин писал в те дни: “Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения”³⁰. Черчилль откликнулся на эту редкую похвалу Сталина: “Мы весьма ценим такие высказывания, исходящие от вождя героических русских армий”, — писал он 27 сентября 1944 года.

В этом же послании Черчилль дал оценку роли России в этой грандиозной войне: “Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своём фронте несравненно большую часть сил противника”. Современным фальсификаторам истории следовало бы изучать документы, тогда они не оказывались бы так часто в глупом положении. Из документов видно, что и после открытия Второго фронта во второй половине 1944 года немецкое командование перебросило против России ещё 59 дивизий и 13 бригад, а с Восточного фронта на Западный фронт всего 12 дивизий и 5 бригад. Когда в феврале 1945 года проходила Ялтинская конференция, нам противостояло 195 дивизий, а союзникам — 74 дивизии”³¹.

Англичане и американцы всесторонне готовились к Ялтинской конференции: на ней должны были договариваться о послевоенном мироустройстве. Однако за несколько недель до встречи в Ялте, в декабре 1944 года вермахт перешёл в контрнаступление в Арденнах (Бельгия), и союзники, оказавшись просто в отчаянном положении, вновь обратились за помощью к России. “Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, — писал Черчилль Сталину, — можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января, или любые другие моменты...” Сталин без промедления ответил: “Ставка Верховного Главнокомандующего откроет широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января”³². Обещание были выполнено досрочно. Так советское правительство готовилось к Ялтинской конференции.

Сепаратный мир

Сталин чрезвычайно заботился о поддержании особых доверительных отношений с Рузвельтом. Его тревожило, что Рузвельту от посла Гарримана стало известно, что Черчилль, будучи в октябре 1944 году в Москве, пытался договориться о разделе Европы на английскую и советскую сферы влияния. Он положил на стол перед Сталиным лист бумаги, который шутивно назвал “грязным документом”. В нём указывались страны и проценты влияния Англии и СССР на Балканах. Сталин вернул документы... Он предложил обсудить этот вопрос в Ялте в присутствии Рузвельта³³.

Наше правительство ясно понимало, что если кто и способен пресечь попытки союзников заключить с Германией сепаратный мир, так это был Рузвельт. Но его окружение состояло из таких политиков, как Трумэн, братья Даллесы и другие, которые ненавидели Советский Союз и его социалистический строй, **как и саму Россию**. Опасность сделки с фашистами за счёт России была вполне реальной. Отправляя в США резидента нашей разведки Зарубина, Сталин первой среди задач разведки назвал задачу следить, чтобы “Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир”.

Попытки в этом направлении появились сразу после поражения вермахта под Сталинградом. Посредником выступал папа Пий XII. В Ватикане контакты начались осенью 1943 года. Американский кардинал Спеллман вёл переговоры с заместителем Риббентропа Вайцзеккером и итальянским графом Чиано. Кардинал в строжайшей секретности встречался и с самим Риббентропом. Вайцзеккер в Ватикане вёл переговоры с послами США и Англии. Было и посредничество Франко в Испании. В феврале 1943 года фашистский дипломат Гогенлоэ вёл переговоры с главой американской разведки А. Даллесом. Договоривались о создании “санитарного кордона против большевизма и панславизма”.

Западные разведки имели постоянные связи и с немецкими заговорщиками против Гитлера: немецкие войска с июля 1944 года начнут отступать, без боёв сдавая союзникам страны и земли Германии, а войска будут перебросены на Восток против русских. О заключении перемирия по телефону говорили зимой 1944–1945 гг. немецкий фельдмаршал Кейтель, генерал Эйзенхауэр и английский командующий Монтгомери. Немцы не уступили. Тогда в марте 1945 года генерал СС Вольф запросил встречи с Даллесом в Цюрихе.

В Москве знали о большинстве этих контактов. Советский Союз требовал соблюдения союзнических договоров, то есть того, что переговоры могут вестись только о безоговорочной капитуляции при участии всех союзников, включая Францию.

Сталин направил 3 апреля 1945 года такое послание Рузвельту: “Вы утверждаете, что никаких переговоров не было ещё. Надо полагать, что Вас не информировали полностью”³⁴. Не исключено, что так и было: западные разведки порой преподносили Рузвельту переговоры с фашистами как безобидные пробные шары. В итоге Рузвельт, учитывая бескомпромиссную позицию Москвы, запретил пускать и пробные шары.

Так благодаря слаженной и чрезвычайно настойчивой работе нашей разведки были сорваны вполне реальные планы развала антигитлеровской коалиции и заключения западными державами сепаратного мира с Германией и её союзниками.

Стратег Победы

На конференции в Ялте Рузвельт спросил Сталина, сможет ли Россия внести свой вклад в войну против Японии? Сталин обещал сделать это через три месяца после разгрома Германии. Наша страна, как известно, день в день выполняла обещание, данное Рузвельту. Его уже не было в живых: 12 апреля 1945 г. он скончался “от кровоизлияния в мозг” (как и Сталин через девять лет). За день до смерти он обсуждал с доверенными лицами щекотливую проблему: как воспрепятствовать Черчиллю разрушить установившееся между Рузвельтом и Сталиным доверие? За несколько часов до смерти он в телеграмме вполне определённо предупреждал Черчилля, что не намерен обострять отношения с Россией: “Я бы свёл советскую проблему к минимуму... Эти про-

блемы были, есть и будут в той или иной форме возникать и разрешаться ежедневно³⁵. То был курс на мирное сотрудничество, а не на холодную войну.

Сталин был потрясён известием о скоростижной смерти Рузвельта, ибо он знал о взглядах Черчилля, Трумэна и прочих “ястребов”. Тем с большим вниманием он стал относиться к работе по созданию ООН. Как явствует из рассекречиваемых документов, у Черчилля после смерти Рузвельта возникла идея силой вытеснить советские войска из Польши и Австрии. Он собирался привлечь к тотальной войне против СССР и остатки вермахта: в одной только Норвегии ещё оставалось 400 тысяч свежих немецких войск. Войну Черчилль планировал начать 1 июля 1945 г. Он нашёл поддержку у Трумэна, ставшего президентом США. В поздравлении ему в апреле 1945 г. он впервые заговорил о “железном занавесе”. Этот фантастический план назывался “Немыслимое”. Он был критически оценен трезво мыслящими английскими военными специалистами во главе с фельдмаршалом Бруком и отвергнут: превосходящие силы русских без сомнения опрокинули бы всякие попытки пересмотреть итоги этой войны³⁶.

Союзники пытались пересмотреть договорённости, достигнутые в Ялте при Рузвельте. Это им не удалось на конференции в Потсдаме 17 июля – 2 августа 1945 года. Не удалось, несмотря на то, что Трумэн бросил на стол переговоров такой козырь, как атомная бомба. Черчилль вспоминает, какое впечатлительное произвело на Сталина сообщение Трумэна 24 июля в Потсдаме о наличии нового грозного оружия: “Казалось, что Сталин был в восторге. Новая бомба! Исключительной силы!.. Какая удача!.. Я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чём ему рассказывал Трумэн. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершилась, то это сразу было бы заметно³⁷”. Черчилль и Трумэн решили, что Сталин вообще не был осведомлён об атомном оружии. Маршал Жуков сообщает об этом важном событии так: “На самом деле, вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моём присутствии рассказал В. М. Молотову о разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал:

– Цену себе набивают.

И. В. Сталин рассмеялся: пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы³⁸”.

Отмечая 65-ю годовщину великой Победы, наш народ, молодые люди, для которых это уже далёкая история, хотят знать правду о том, кто привёл Россию к немеркнущим подвигам, и в частности, кто определял внешнеполитическую стратегию. Отрицать роль Сталина в войне не умно, просто смешно и вредно. Это всё равно, что забыть о Наполеоне в истории наполеоновских войн. Как и Сталин, Наполеон был жестокой, крайне противоречивой личностью. В первой половине XIX века такие же контрреволюционеры, как наши теперешние либералы, развенчивали Наполеона, пытались всячески очернить его имя, вычеркнуть из истории. И что же? Каковы их успехи? Разгромленный Наполеон остаётся самой яркой звёздой во французской истории. Походите по Парижу: великое множество площадей и бульваров связаны с именем Наполеона, его маршалов, его генералов, его офицеров, штабных, связанных и т. д. Никому не удалось выбросить их из истории.

Не удастся и опорочить деятельность Сталина во время войны. Хрущёв пытался убедить народ, что Сталин не выезжал на фронт, что “войной руководил по глобусу”. Кто ему поверил? Он сам стал посмешищем. О роли Сталина в войне свидетельствуют объективнее всего оценки лидеров антигитлеровской коалиции. Рузвельт писал Сталину по поводу победы в Сталинградской битве: “162 дня шло эпическое сражение за город, который навсегда прославит Ваше имя³⁹”. Во славу Сталинградской битвы всюду в мире есть улицы и площади Сталинграда, всюду, кроме России, по воле её взбалмошных, неумных и неблагородных правителей.

Приведу оценку де Голлем нашей победы под Москвой. “Поражение, нанесённое Гитлеру Сталиным... означает, что завтра Россия несомненно будет фигурировать в первом ряду победителей, даёт Европе и всему миру гарантию равновесия, радоваться которому у Франции гораздо больше оснований, чем у любой другой державы⁴⁰”. Из этого видим, что де Голль уже в 1941 г. задумывал “ось Париж–Москва”, стратегию Европы до Урала. Пришло время вплотную её осуществлять.

Высокую оценку деятельности Сталина давал и самый упорный и гибкий его оппонент Черчилль. В парламенте в сентябре 1942 года он говорил: “Для России большое счастье, что в час страданий во главе её стоит этот великий и твёрдый полководец! Сталин является крупной и сильной личностью... это человек неистощимого мужества и силы воли... человек со спасительным чувством юмора...”⁴¹.

Могут сказать, что всё это не более чем дипломатические ужимки. Но вот что писал о Сталине в 60-е годы в разгар холодной войны знаменитый английский государственный деятель А. Иден: “Сталин изначально произвёл на меня впечатление своим дарованием, и моё мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя, и её оценка не требовала преувеличений... Я знаю, что он был безжалостен, но уважаю его ум и отношусь к нему с симпатией, истоки которой так и не смог себе до конца объяснить”⁴².

В заключение выскажу уверенность: имя Сталина, его дела, несмотря на его жестокости в той жестокой эпохе, на века останутся в памяти народов. Ветер истории уже начал сметать – как и предвидел Сталин – с его могилы весь мусор, который набросали за полвека его хулители. Отмечая нашу великую Победу, нельзя отторгнуть от неё имя Сталина. Эти два слова в народном сознании срослись: имя Сталина остаётся символом народной Победы.

Народ ждёт нового вождя, новых побед, тоскует по великому общему делу. В либеральном лихолетье он их не нашёл и прозябает в апатии. Новые победы? Для русских, с их обострённым чувством справедливости, победы, достижения, героизм невозможны в обществе дикого неравенства, где богам стали деньги, а апостолами и героями банкиры и биржевые спекулянты, где новыми “маршалами” неудач и провалов стали либералы-монетаристы.

Когда исчезает надежда, остаётся только вера, вера в новое русское чудо. К счастью, вера начала заполнять пустоты русской жизни. Вот и я пишу эту статью с верой, что пули, пущенные из прошлого, становятся снарядами в борьбе за будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Книга третья, тт. 5–6, с. 558. Далее в некоторых других местах статьи цитаты из редких источников приводятся по фундаментальной трилогии известного историка Н. И. Капченко “Политическая биография Сталина”, в трёх томах. Тверь, издательство “Союз”, 2009.
- ² Цит. по: Кожин Вадим. Россия. Век XX (1939–1964). М., 2002, с. 24.
- ³ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Книга третья. Тт. 5–6, с. 228.
- ⁴ Де Голль Шарль. Военные мемуары. М., 1960, с. 119.
- ⁵ Цит. по: Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1973, с. 141.
- ⁶ *Commentaire*, Été 2008, Paris, p. 436.
- ⁷ *Union Adress*, 1934.
- ⁸ Борис Ключников. “Дорогой мистер Сталин!” Рузвельт и Сталин о новом мироустройстве. “Наш современник”, № 12, 2008.
- ⁹ FDR//www.Roosevelt confronts Churchill.
- ¹⁰ Де Голль Шарль. Военные мемуары. М., 1960, т. I, с. 190.
- ¹¹ Там же, с. 190–191.
- ¹² Там же.
- ¹³ Цитировано по: Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1975, с. 190.
- ¹⁴ Там же, с. 262.
- ¹⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I, с. 147.
- ¹⁶ Труд адмирала В. Чернавина “Ленд-лиз в системе второй мировой войны” (электронная версия) цитирован по: Капченко Н. И. Политическая биография Сталина. Изд-во “Союз”, Тверь, 2009, т. III, с. 415.
- ¹⁷ Там же, с. 416.
- ¹⁸ *Complete Correspondence of Franklin Delano Roosevelt and Joseph V. Stalin*. Susan Butler, ed., New Haven: Yale University Press, 2005.

- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Капченко Н. И. Политическая биография Сталина. С. 418–419.
- ²¹ Там же.
- ²² Ржевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997, с. 179.
- ²³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1976, т. I. С. 69.
- ²⁴ Цит. по: Капченко Н. И., с. 439.
- ²⁵ Эллиот Рузвельт. Его глазами... с. 186–187.
- ²⁶ Там же, с. 161.
- ²⁷ Цит. по: Капченко Н. И., с. 24; David Eisenhower at war 1943–1945, N. Y. 1986, p. 16.
- ²⁸ Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав, с. 129–140.
- ²⁹ Там же, с. 167.
- ³⁰ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза, с. 148.
- ³¹ Переписка. Т. 1, с. 305.
- ³² Там же, с. 348–349.
- ³³ См. Complete Correspondence of F. D. Roosevelt and Joseph V. Stalin. Susan Butler... Yale University Press, 2005, а также анализ этого эпизода в работе Капченко Н. И.: Политическая биография Сталина. Тверь, Изд-во “Союз”, 2009, с. 450.
- ³⁴ Переписка... Т. 3, с. 220.
- ³⁵ Цит. по: Iones William Roosevelt – Stalin Correspondence Sheeds lights on FDR Post War Vision.
- ³⁶ См. подробнее об этом трилогию Н. И. Капченко. Политическая биография Сталина... с. 460–461.
- ³⁷ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Книга третья: т. 5–6, с. 683.
- ³⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2, с. 418.
- ³⁹ См. Борис Ключников. “Дорогой мистер Сталин”. Рузвельт и Сталин о новом мироустройстве”. “Наш современник”, 2008, № 12, с. 193.
- ⁴⁰ Цит. по: Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1976, с. 173.
- ⁴¹ Цит. по: Капченко Н. И... т. III, с. 409.
- ⁴² Там же, с. 410.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

Х. Холокост и Христианство

*Тут вышел из ворот изящный чёрт и обратился
ко всем:*

*— У вас там портреты висят в несколько рядов.
— Святые наши, какие портреты?
— Их надо переписать: они устарели.*

Монахи опешили:

*— И кого же заместо их писать?
— Нас!*

В. Шукшин. До третьих петухов

Главное отличие еврейского Холокоста от всех мировых человеческих катастроф, по уверениям его жрецов, заключается в том, что Холокост уникален, неповторим и непознаваем, что ничего подобного никогда в человеческой истории не было, что всякого рода геноциды, массовые убийства, истребления племён и народов, сущность которых заключается в слове “резня”, в подметки не годятся Холокосту, потому что “никогда раньше ни одно государство не организовывало с сознательным намерением и систематическим образом физическое уничтожение всех мужчин, женщин и детей определённого народа” (Стивен Кац).

“Холокост уникален и не имеет параллелей в человеческой истории” (Я. Нейснер).

“Тайна Освенцима — это “истина, заключённая в молчании” (Эли Визель).

“О Катастрофе невозможно говорить иначе, нежели через призму невыразимости” (Я. Леоняк) — и т. д.

В этот хор элиты синагедриона вплетаются причитания младших жрецов Холокоста — наших отечественных подголосков. Бывший советский критик Бен Сарнов, как старый попугай, почти дословно повторяет вышеприведённую формулу одного из верховных жрецов — Стивена Каца: “Дело в том, что впервые в истории человечества было принято решение об “окончательном решении вопроса” с конкретной нацией”. Куда, как говорится, конь с копытом, туда и рак с клешней. Наш Александр Асмолов тут как тут:

“Катастрофа Холокоста не вмещается в сознание человека <...> Как представить непредставимое!” — трагически восклицает он, уподобляясь Моисею, которому Господь на горе Хорив сурово заметил: “Лица моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых” (“Исход. 30-20).

Но, слава Богу, есть среди еврейских историков и трезвые люди, понимающие суть воплей об уникальности Холокоста: “Эти ссылки на Холокост, — замечает известный израильский автор Боас Эврон, — представляют собой не что иное, как официальное пропагандистское вдалбливание, непрерывное повторение определённых ключевых слов и создание ложного взгляда на мир. Фактически всё это направлено не на то, чтобы понять прошлое, а на то, чтобы манипулировать настоящим”... (“Индустрия Холокоста”, стр. 33).

Высмеивая теорию “уникальности” Холокоста, американский историк Норман Финкельштейн пишет: “Холокост невозможно рационально объяснить. Если нет сравнимых с Холокостом исторических событий, то он вообще возвышается над историей. Итак, Холокост уникален, потому что он необъясним, и необъясним, потому что он уникален” (стр. 36).

“Для Визеля Холокост, — иронизирует Финкельштейн над писаниями главного официального истолкователя Холокоста, — воистину “мистерияльная” религия. Визель подчёркивает, что ХОЛОКОСТ “ведёт во тьму”, “отвергает все ответы”, “находится вне истории, по другую её сторону”, “не поддаётся ни познанию, ни описанию”... Холокост — это “разрушение истории”, он знаменует собой “изменение в космическом масштабе”. Только выживший священнослужитель (читай — только Визель) способен проникнуть в его мистиерию. А поскольку эту мистиерию, как признаёт сам Визель, “невозможно передать”, “мы не можем об этом говорить”. Следовательно, Визель сообщает в своих речах, за которые он получает стандартный гонорар 25 000 долларов (плюс лимузин с шофёром), что “тайна” Освенцима — это “истина, заключённая в молчании” (там же, стр. 36).

Жрецы Холокоста впадают в отчаяние оттого, что не найдено, несмотря на все усилия, ни одного документа, из которого бы явствовало, что “окончательное решение еврейского вопроса” означало полное уничтожение евреев гитлеровской государственной машиной (или сталинской) от мала до велика. Историк Лакер с горечью писал: “До сих пор не найден письменный приказ об уничтожении еврейской общины, и по всей вероятности такой приказ никогда не был отдан” (У. Лакер. “Ужасная тайна”. Франкфурт-на-Майне, Берлин, Вена, 1981 г., стр. 190).

Один из основоположников литературы о Холокосте, Леон Поляков, также был разочарован: “Никакого документа не осталось. Возможно, его никогда и не было”.

Профессор Еврейского университета Иегуда Бауэр даже осудил поиски этого мифического распоряжения: “Общественность всё ещё время от времени повторяет глупую сказку о том, что в Ванзее якобы было принято решение о массовых уничтожениях евреев”. “Несмотря на самые тщательные поиски, не удалось найти приказа Гитлера об истреблении евреев” (С. Арон и Ф. Фюре — пресс-конференция в Сорбонне. Февраль 1982 г.).

Но коли так — если не было специально принятой и задокументированной программы уничтожения государством “всех мужчин, женщин и детей одного определённого народа”, то тогда Холокост не является неким исключением, неким уникальным событием и становится в ряд обычных геноцидов, обычных преступлений, которыми изобилует история человечества: испанцы истребили племена майя и ацтеков в Центральной Америке, протестанты-ангლოსаксы — извели 80% индейского населения Северной Америки, американцы уничтожили в несколько мгновений сотни тысяч японцев в Хиросиме и Нагасаки, хорватские фашисты вырезали во время гитлеровской оккупации Югославии сотни тысяч сербов, а сколько “недочеловеков” — корейцев и китайцев из числа мирного населения свели в могилу японские оккупанты, и подсчитать невозможно: на Востоке такого рода статистики не существует. Даже до сих пор не известно, сколько же погибло вьетнамцев во время жесточайшей войны, усвоенной США в Индокитае: считается, что от 4 до 6 млн человек...

А что уж говорить об африканском племени тутси, о преступлениях Пол Пота, об уничтожении индонезийской хунтой Сукарно почти всего населения острова Тимор в 70-х годах XX века! Но все эти кошмары с точки зрения жрецов Холокоста были обычными, рутинными событиями истории человечества, над которыми должен был возвышаться единственный и неповторимый Холокост. Но как его возвысить, если, несмотря на тщательнейшие поиски, “документа” не найдено? Тогда жрецы Холокоста решили упростить аргументацию. Смягчили свои требования к понятию Холокоста. Суть смягчения заключалась вот в чём:

“На Ванзейской конференции <...> все участники уже знали или понимали, что именно имеется в виду под “переселением”, под “окончательным решением”, под “особым обхождением” и т. п. (из книги “Отрицание отрицания”). Это похоже на возражение “холокостников” исследователям, доказывавшим, что в Освенциме технически невозможно было уничтожить такое количество евреев, которое хотелось жрецам: “Не надо задавать вопрос, как было возможно технически такое массовое уничтожение. Оно было возможно технически, потому что имело место. Такова обязательная исходная точка любого исторического исследования на эту тему <...> нет и не может быть дебатов о существовании газовых камер” (Р. Гароди, стр. 137).

Роже Гароди по этому поводу саркастически замечает: “Не надо задавать вопрос... Обязательная исходная точка... Не может быть дебатов. Три запрета, три табу, три окончательных предела для исследований” (стр. 136–137).

И никакого документа “об окончательном решении”, если он не найден — уже не нужно. Холокост и без документа всё равно остаётся “уникальнейшим” явлением в человеческой истории. Неужели П. Полян и А. Кох верят в то, что в Ванзее высшие идеологи рейха разговаривали шифрованным птичьим языком? Да зачем им-то друг от друга что-то скрывать? Немцы не таковы, и это полунемец без единой капли еврейской крови Альфред Кох должен знать. Немцы могут исполнять планы лишь тогда, когда всё решено и сказано ясно, прямо, исчерпывающе. “Всякий хаос, — писал русский философ Н. Бердяев, — для немца невыносим. Немец чувствует себя свободным только в казарме”. Приказ. Цель. Метод. Ответственность. Когда есть все эти компоненты — немцу нет равных. Он исполняет — и чувствует себя счастливым, докладывая: “Исполнено!” А в Ванзее они говорят (по Поляну и Коху) на какой-то политической фене, словно бы боясь, что их подслушивают будущие члены Нюрнбергского трибунала, а дешифровщик Павел Полян должен всё за них додумать, расшифровать и рассказать миру, что они имеют в виду. Как будто там заседали не фанатичные солдаты железного вермахта, а какие-то франкмасоны, ломающие сами перед собой кошмарную и болтливую трагикомедию. Не верю! — как говорил Станиславский.

* * *

Кампания по замене христианства религией Холокоста в России началась в конце 80-х — начале 90-х годов. Помню, впервые с этой тщательной проработанной и старательно оснащённой версией я познакомился в десятом номере журнала “Октябрь” за 1990 год. Статья называлась простенько и со вкусом: “Христианство после Освенцима”. Её автор некий Сергей Лезов попытался посеять сомнения в истинности и жизнеспособности христианства, конечно, не так грубо, как это делали в 20-е годы Демьян Бедный и Емельян Ярославский (Миней Губельман), но куда более коварно. “Безбожники” 20-х годов делали это грубо, “по-римски”. А Лезов изощрённо — “по-фарисейски”. Недавно я перечитал эту статью и сделал из неё некоторые выписки. Вот они.

“Юдофобский потенциал Нового завета, который сполна реализовался в истории церкви”...

“В Евангелии от Матфея мы находим <...> пароль христианского антисемитизма: “Весь народ сказал: пусть кровь Его будет на нас и на детях наших” (27: 25).

“Что же касается Евангелия от Иоанна, то в нём есть текст, ставший ключевым для христианского варианта идеи жидомасонского заговора: “Отец ваш дьявол, и вы хотите исполнять желания отца Вашего” (8.44). Отсюда автор статьи делал окончательный вывод: “Освенцим надвигается на нас, как суд над нашим христианством”.

“Должна измениться не только наша жизнь, но и сама наша вера”.

Одним словом, жрецы Холокоста, используя, как им показалось, благоприятный момент в человеческой истории, решили “опустить” христианство с общечеловеческих высот (“несть ни эллина, ни иудея”) до вульгарного антисемитизма. А значит, надо заменить христианство на религию Холокоста, поскольку жертва, которую принёс еврейский народ (6 миллионов!), якобы затмила голгофскую жертву.

И сразу, как по команде нового синедриона, на страницы газет и журналов выбежал целый легион обслуживающего персонала, толмачей, служек новой религии. Именитый функционер советской критики Бен Сарнов выступает в американской русскоязычной газете под рубрикой “Евреи глазами именитых”:

“Христианская цивилизация потерпела крах. В рассказе Файбисовича у основателя христианства нет иного выхода, нежели погибнуть со своими современниками. Файбисович попал в самую болезненную точку” (“Форум”, 10.16.07).

Наверное, неведомый нам Файбисович является жрецом куда более значительным, нежели “шестёрка” Сарнов, если наш Бенедикт ссылается на него, как на обладающего правом судить самого Спасителя.

Но жрецы Холокоста, объявляя Холокост “непознаваемым и непостижимым”, тем не менее, создают фонды, пишут учебники, проводят конкурсы в школах на предмет изучения Холокоста, возят учителей в Израиль, в Америку, в Освенцим, словом, собирают с неофитов свою “десятину” в любой валюте. А это и есть, по словам Ханны Арендт, пошлая “банальность зла”, вполне познаваемая и оценённая по прейскуранту. И многие способные ученики обучаются новому “священному писанию” весьма быстро.

Вот и Матвиенко обучили складно рассуждать о Холокосте, что видно по её предисловию к шведской книге, которую, по её словам, “сердцем прочтут и учителя, и ученики, и родители повсюду в России”. Ну если разумом понять нельзя – то хоть сердцем.

А вот Асмолов – тот поглубже, нежели Матвиенко, копается в пепле Холокоста... Он-то понимает, что понять Холокост невозможно. “Масштаб трагедии Холокоста не вмещается в сознание”, “Холокост остаётся непредставимым”... И одновременно горюет профессор, что Холокост “фактически не представлен в массовом сознании российского населения”, что в школьных программах “отсутствует какое-либо прямое упоминание о Холокосте”. То есть понять невозможно, но изучать всё-таки надо.

Очень боится профессор, что, не усвоив уроков Холокоста, российские граждане попадут в объятия “политического антисемитизма”, что “в сфере образования сторонники национал-патриотической и неофашистской идеологии мечтают о создании образовательных программ, направленных на формирование “обыкновенного” фанатического сознания, подчинённого формуле “нация превыше всего”. И совсем плохо ему становится, когда он понимает, что эти национал-патриоты, идеологи, учителя “вслед за Сталиным призывают спасти русско-православное сознание от троцкистской химеры, космополитизации, финансового порабощения антропологической российской православной цивилизации”... Всё-таки не выдержал, не стерпел, поскользнулся на политике, добрался до православной сущности, мешающей усвоению Холокоста. Одна у него надежда – на учителей, которые, отбросив все “этнические предрассудки”, поведают о Холокосте своим ученикам, те всё сразу поймут, вместят, откажутся от православия, и тем самым “именно учителя спасут Россию от пути к Холокосту” А чего нам опасаться? У нас российский Холокост в эпоху Троцкого и Ягоды уже был. И ничего. Выжили. А еврейского Холокоста нам не нужно, нам нужно еврейское покаяние. Перед Россией. Именно об этом, размышляя о сути русской революции, писал отец Сергей Булгаков в работе “Расизм и Христианство”, посвящённой победе революции 1917 года: “Да, большевизм есть именно еврейский погром, совершённый именно еврейской властью, ужасная победа сатаны над еврейством, совершенная через посредство еврейства. Можно сказать, что это есть историческое самоубийство еврейства <...> Грех и преступление перед Израилем и перед Россией должны быть осознаны и исповеданы в национальном еврейском покаянии, а не замолчаны или же горделиво отвергнуты”. В 1942 году, когда Булгаков писал эту работу, государство Израиль ещё не существовало и слово “Израиль” надо понимать как религиозно-мистическое призвание еврейства, которому оно изменило, очертя голову бросившись в русскую революцию.

Об этом же, но другими словами писал Абрам Зисман, инженер, русский еврей, служивший в царской армии, сидевший в сталинских лагерях, воевавший в штрафном батальоне в советской пехоте, попавший в плен к немцам, бежавший из плена, словом, человек фантастической биографии:

“Мы стараемся не говорить о той весьма неблагоприятной роли, которую играли наши единоверцы во время революции 1917 года и особенно в медовые годы большевистско-коммунистического владычества. Скрываясь в Чехословакии во время Гитлера, я встретился с Кантором Гершковичем, и в беседе мы провели почти целый день. Он на прощанье обронил фразу: “Не есть ли эти гитлеровские казни возмездие за то гнусное участие наших в России в 1917–1928 годах?”. Да, подумал я, существует Высшее правосудие” (из “Книги о Русском Еврействе”). Однако в 90-е годы XX века в России проблема “покаяния” была перевернута с ног на голову.

“В 90-х годах в Москве на Поклонной горе поставлен музей памяти Холокоста... Отныне Россия входит в общий ряд цивилизованных стран... Мы переходим от покаяния к государственным действиям”. Это слова Валентины Матвиенко из предисловия к шведской книге. Приятно сознавать, что Валентина Ивановна размышляет о Холокосте глубже Абрама Зисмана, основательнее знаменитого богослова отца Сергия Булгакова, правильнее Василия Гроссмана.

* * *

Каков же итог “вдалбливания” религии Холокоста в головы обывателей? Его жрецы совершили поистине сверхчеловеческие, сатанинские усилия, чтобы переписать историю христианства и по-новому отразить в уродливом зеркале новозаветную мистерию.

Василий Шукшин, который в сказке “До третьих петухов” рассказал о том, как черти штурмуют монастырь и требуют, чтобы монахи вместо ликов святых на иконах изобразили их безобразные рожи, даже представить себе не мог, что угадал в этой сцене не только судьбу России, но и всемирно-историческую провокационную драму.

Три силы действуют во всех четырёх новозаветных евангелиях. Грубая материально-историческая Римская империя, олицетворяемая прокуратором Иудеи Понтием Пилатом, синедрион фарисеев, возглавляемый Первосвященником, потребовавшим от Пилата смерти вероотступника и еретика, галилеянина Иисуса Христа. И, наконец, Сам Христос, искупающий своими муками на Голгофе все грехи человечества.

Но после муравьиной работы жрецов Холокоста христианская библейская мистерия, по их замыслу, должна превратиться в кощунственную карикатуру. Роль Христа, сознательно восшедшего на Голгофу, исполняют “сухие ветви” — “шесть миллионов” европейских евреев, бессловесно и безблагодатно, как стадо овец, пришедших в Освенцим, в Бабий Яр, на военные заводы и оборонительные укрепления Третьего рейха.

Роль коллективного Пилата в новой религии играет бюрократический слой гитлеровской элиты — от Гимmlера до Эйхмана, которые сначала планировали выселить “овец израилевых” на Мадагаскар, вытеснить их в Америку и в Палестину, и лишь когда демократические страны не приняли этого подарка, отстроили Треблинку и Майданек. А роль элиты фарисейской — Каиафы, Анны и других жрецов Голгофы сыграли Хаим Вейцман, Бен-Гурион, Ицхак Шамир и другие отцы-основатели государства Израиль.

А дальше — проще. Появились свои святые — Рауль Валленберг, Симон Визенталь, Шиндлер, Анна Франк, Януш Корчак, свои евангелисты — Эли Визель, Стивен Спилберг, Рауль Хильберг. Новой религии нужны свои алтарники, служки, адвокаты, мелкие идеологи, “шестёрки”, имя им нынче — легион, если подсчитать, сколько народу работает во всех холокостных фондах, комитетах, изданиях, рассыпанных по всему миру. У нас их тоже немало, этих жрецов, кандидатов в жрецы и просто функционеров разного уровня.

Павел Полян, к примеру, по совокупности заслуг (несколько книг, десятки, если не сотни статей, хорошее знание предмета и т. д.) может претендовать на роль жреца средней руки. Ну, а Альфреда Коха (по его собственной оценке, экономиста) можно поставить на торговлю бумажными иконками Визенталья или Валленберга или просто определить к свечному ящику.

Лишь Януша Корчака я бы не уступил жрецам Холокоста. Он, в отличие от всяческого рода шиндлеров и кастнеров, не торговал еврейскими жизнями, а пошёл на смерть за свои убеждения, как христианин Нового времени на

свою Голгофу, подобно матери Марии, подобно внучке православного священника Зое Космодемьянской, подобно узнику Маутхаузена, крещёному русскому человеку генералу Карбышеву. Так что Януш Корчак (он же Яков Гольшмидт) не ваш холокостный, а наш христианский святой.

Как и положено в истории, постепенно возникли и свои еретики – Ханна Арендт, Роже Гароди, Норман Финкельштейн, Эдуард Ходос, Ноам Хомский, о котором еврейско-американская пресса пишет, что это *“выдающийся американский лингвист, резко критикующий США и капитализм. Он выступал за ликвидацию Израиля и отказался ответить, верит ли он в реальность Холокоста”* (“Форум”, 1–7/1, 2009 г.).

Так же, как фарисеи переложили свой грех распятия Христа на римлян, так же умело вожди сионизма, подталкивавшие нацистов к тому, чтобы те обрезают “сухие ветви”, стараются всю последующую историю скрыть своё соучастие в Холокосте с “гитлеровским Римом”.

“Лучше пусть один человек умрёт, нежели весь народ”, – яростно и недвусмысленно заявила фарисейская верхушка всему миру.

“Лучше пусть миллионы “сухих ветвей” сгорят в пламени Холокоста – лишь бы сильные выжили, чтобы возродить государство Израиль, и чтобы возникла религия Холокоста”, – вот что в разных форматах твердили вожди сионизма в 30–40-е годы.

Впрочем, вполне возможно, что для Западной Европы, ввавшей в 30-е годы в языческий культ расовой религии, в катастрофическое забвение христианства (что продемонстрировал даже Ватикан, благосклонно относившийся к культу “арийских ценностей”), такая смена веры будет справедливым итогом. А почему бы нет? Вспомним нынешний апостасийный дух Западной Европы, пустые храмы, обвинения апостолов Нового завета в антисемитизме, извинения Ватикана перед евреями за “новозаветное зло”, содомские грехи в среде духовенства, эпидемия педофилии – всё свидетельствует о том, что Запад созревает для религии Холокоста. На землях Запада разрушаются христианские храмы (в Косово), возводятся музеи Холокоста, куда приводят паломников, католических монахинь изгоняют из Освенцима, школьники западных стран штудируют новое евангелие – историю Холокоста.

Природа не терпит пустоты: износились одна вера, не устояли потомки святого Петра и Франциска Ассизского в христианстве, качнулись было в мир расовой демонологии, но не сумели выиграть борьбу за религию Розенберга – что ж, побеждённые получают взамен религию Валленберга.

Но мы-то, православные, здесь при чём? У нас храмы полны народа во все дни главных двенадцати праздников христианских. Рождество у нас отнюдь не сумасшествие шоппинга, а праздник Рождения Младенца Христа. У нас Пасха – праздник чудесного Воскрешения Сына Божьего – главный светлый праздник нашего православия, в отличие от Закатного мира, постепенно забывающего смысл пасхальной мистерии.

Так что в русском православии жертва Христа – явление животворное, и нам никакая новая религия Холокоста не нужна. В России христианство себя оправдало.

Когда Господь хочет наказать кого-то, то лишает его разума. Чтобы религия Холокоста стала окончательной карикатурой на христианство, её жрецы не нашли ничего лучшего, как создать решением своего синодрина холокостную священную инквизицию. А как же иначе назвать всяческого рода законы, по которым не из-за отрицания потерь европейского еврейства (таких злостных идиотов среди историков нет), а за сомнение в количестве погибших в эпоху катастрофы, за объективное изучение документов, за разоблачение множества афер и мошенничеств в индустрии Холокоста – историков, журналистов, демографов во многих странах мира вот уже несколько лет подвергают гонениям, денежным штрафам, тюремным срокам, запретам на профессию. Разве это не похоже на средневековые гонения, которым европейская инквизиция подвергала не только великих учёных вроде Галилея, Джордано Бруно и Коперника, но и многие тысячи пытливых еретиков, сомневавшихся в непогрешимости папы и в истинности прочих ватиканских догматов, о которых сегодня уже забыли и в самом Ватикане.

В герберовском бюллетене “Холокост” (№ 1, 2007) опубликована резолюция Генеральной Ассамблеи, принятая 26.01.2007 г. без голосования, гласящая:

“Генеральная Ассамблея безоговорочно осуждает любое отрицание Холокоста. Она настоятельно призывает все государства-члены безоговорочно отвергать любое отрицание Холокоста – будь то полное или частичное – как исторического события или любые действия в этих целях”. Особенно важны здесь слова о “частичном” отрицании Холокоста и о “любых действиях в этих целях” – то есть запрещается изучать, исследовать, анализировать, сомневаться. Абсолютно средневековый инквизиторский подход к событию, происшедшему в новейшей истории.

В начале 2009 года в Европе произошёл большой скандал: папа римский Бенедикт XVI отменил отлучение от церкви епископа Уильямсона, который не раз публично высказывался о том, что число евреев, погибших во время Холокоста, сильно преувеличено. В связи с этим популярное российское издание “Коммерсантъ” опубликовало 30 января 2009 г. корреспонденцию под заголовком: “Папу римского отлучили от Израиля”, в которой был такой абзац: **“Бенедикт XVI напомнил паломникам о своём посещении Освенцима <...> где в годы Второй мировой войны погибло 6 млн евреев”**. Если все 6 миллионов погибли в Освенциме, то в других концлагерях не погибло ни одного еврея. Перестарались “коммерсанты”.

Слава Богу, что я живу и пишу в России и потому могу высмеять отвязанных журналистов за их клевету на реальную историю. Но во Франции, где действует “холокостный” закон Гессо, наказывающий “любые действия в этих целях”, то есть в целях изучения Холокоста, мне грозил бы тюремный срок.

Жрецы Холокоста, словно нынешние эпигоны Торквемады, воспринимают всякое прикосновение к своей религии как кощунство (“на святое посягают!”), забывая в своём фанатичном (или корыстном?) раже о том, что Галилей после суда и своего вынужденного покаяния оставил последнее слово за собой: “А всё-таки она вертится!”

XI. Одиночество православного еврея

*Зайдите в православную церковь и за
душу мою окаянную зажгите свечку.*

Б. Бернштейн. Из письма

Весной 1990 года я неожиданно получил письмо из небольшого израильского городка. Автором письма был врач, мой ровесник, который родился и вырос в СССР, окончил московский мединститут, честно отработал врачом-хирургом несколько лет не где-нибудь, а на далёкой Камчатке, куда уехал с женой и маленькой дочкой. Вернувшись в родную Ригу, он попал в такую еврейскую среду, что вскоре стал убеждённым сионистом и после долгих мытарств в середине 70-х годов прошлого века эмигрировал на “историческую родину”.

А вот там за последующее десятилетие с ним произошли превращения куда более серьёзные, нежели из советского врача в израильского сиониста: он крестился и стал православным христианином.

В 1990 году к нему в руки попал один из номеров “Нашего современника”, где я уже работал главным редактором, что и послужило причиной возникшей между ними переписки, которая длилась двенадцать лет.

Он стал страстным читателем и ревностным другом журнала, постоянно звонил по телефону и в редакцию, и ко мне домой. А жилось ему на “исторической родине” после принятия православия с каждым годом всё тяжелее, “демократическое” израильское общество выталкивало своего блудного сына из всех сфер жизни. Порой ему даже не хватало средств, чтобы выписать любимый журнал, и тогда он, смущённый своей бедностью, звонил в редакцию и трогательно просил нас, чтобы мы продолжали ему высылать “Наш современник”, что вот-вот его материальное положение должно улучшиться, и он расплатится со своими долгами. Конечно, мы выполняли его просьбу, понимая, как тяжело ему живётся в обществе, где за отступником следит тайная полиция Шаббад, где его, прекрасного врача, “выдавливает” из профессиональной среды корыстные конкуренты, где над ним, православным христианином, издеваются современные обыватели-фарисеи. Его трагическая судьба, его письма, которые нельзя читать без волнения, помогают понять, как

трудно устоять в истине таким людям в современном антихристианском мире, управляемом властью “жрецов”.

* * *

Отрывки из писем Бориса Бернштейна с 1990-го по 2002 год.

5. 4. 1990. “Здравствуйте, дорогой русский человек во Христе, Станислав Юрьевич!

Очень радостно мне – получил Ваше письмо.

Слава Богу за всё. Я вот сейчас на себя смотрю, как я, 56-летний, радуюсь, как ребёнок от хорошей игрушки – откровенно, не лукаво от Духа Христова, что Он мне дал, спасая меня от рода сего – прелюбодейного и грешного. На улице около почты, прочитав Ваше письмо, поднял сынишку своего 4, 5 лет, перекрестился и его перекрестил со словом: слава Иисусу Христу! Аллилуйя!

А они, антихристы, смотрели и не видели (не понимали), и если утверждают, что понимали, что ненормальный я человек, то грех их вдвойне на них.

Они сами зывают к себе всё плохое и самое худшее отношение, требуя через правителей мира сего прекратить плохое к ним отношение (антисемитизм), не прекращая делать зло. Но этот род “проклят он” – из Иеремии, пророка Божьего, еврея, ненавидимого евреями, преследуемого ими и, кажется, ими убитого. А потомки их ему памятники ставят, и в том суть их двуличия.

Ведь мои по крови братья, по духу – враги, антихристы такое наделали на свете вообще и в России в частности, что неудивительно, если бы Вы не доверяли моим письмам, как еврейскому уму, изобретательному на зло и лукавство <...> не дай Бог, чтобы у вас – россиян через голод, через колбасу они победили души ваши и Христа отняли.

Вот, к примеру, араб-торговец, торгуя, старается тебя обмануть, заработать хитростью – и она, его хитрость, глупа, наивна, бессовестна и т. д., т. е. человечна в отрицательном смысле. Но еврей-торгаш, семит, двоюродный брат араба, вас обманывает невидимо глазу, сверхумно, сатанински и без крика, без оскорбления словами, с улыбкой Иуды Искарота”.

“А больницы здесь не имени Пирогова, или Бира, Кюмеля, а имени миллионеров-евреев. Всё продаётся и покупается. Неужели Бог допустит в многотрадной России рыночные отношения?”

9. 5. 1990. “Сегодня из американской “Свободы” я узнал, что Вы и другие писатели были в США, что Вас нигде по-человечески даже понять не хотели; мне это было очень понятно, т. к., давно живя в Израиле, я понял, что США оккупированы евреями-сионистами, что власть конгресса у евреев, что золото у них... Поздравляю русский народ с Днём Победы, русский народ, спасший евреев от полного уничтожения, а сейчас они русофобствуют”.

23. 5. 1990. “Совсем недавно разговариваю с евреем из России, 70 лет ему. Говорю: “Вы верите, что от взрыва вселенского произошло творение мира (от разрушения!), а не от Бога по его слову?” “Да, – говорит этот еврей, – хорошее дело произошло, например, алмаз – от температуры”.

Вот как нечестивец правду Божью в хохму обратил! И я вспомнил: “Грех Иуды написан железным резцом и алмазным остриём, начертан на скрижалях сердца и на рогах жертвенников их” (Иеремия, гл. 17 ст. 1). Вот зачем так же есть алмаз для них”.

“Читаю стихи Виктора Кочеткова, какая истина, Божия простота. Какая истина России из Виктора Верстакова. Смотрю на их лица и читаю стихи их – и слёзы тихие”.

22. 11. 1990. “Я раньше, живя в России, не понимал многого. Я, питаемый сионистами и радио Израиля, воевал с антисемитами, стал почти ненавистником русских... Это несмотря на то, что у русских получил бесплатное образование врача-хирурга в лучшем институте России вместо другого русского человека. Удрал в Израиль. Но только здесь я понял, что есть зло, что есть добро – то есть Христос. Как мне вернуться в Россию? Понял я на шкуре своей, что не хлебом единым жив человек”.

12.10.1991. “Здравствуйте, добрые русские люди “Нашего современника”, здравствуйте, добрый русский самаритянин Станислав Юрьевич... .

А как нагло евреи Э. Неизвестный и Галич хотят быть сынами России, как нагло они уют свой на земле за счёт других делают”.

21.3.1991. “Признание своей греховности, покаяния и Христа... Кажется, таких евреев здесь не встречал. Как мне печально от этого. Ничего не помогает: галут, погромы, Гитлер, т. к. не осознают Христа, отнят у них этот святой инстинкт отличения от зла добра... .

По тайному указанию Шабада старались свести меня с ума, чтобы я явился в психбольницу и потребовал госпитализации”.

2.3.92. “Игорь Шафаревич благородный, Александр Казинцев и Валентин Распутин – все добрые, истинные писатели “Нашего современника” <...> Обо мне иудеи проклятые распускают слухи, что я ненормальный. Что со мною творят – это было предсказано еврейскими пророками, которых они убили. Неужто они всех соблазнили и запугали? <...> Такое варово наварили они, что теперь в цивилизованном мире евреи нечто грязно-подлое, хитрое, сатанинское”.

9.5.1992. “День спасения Россией евреев от полного уничтожения. – 9.5.1945 г. Решился обратиться к Вам с просьбой. Учился я в Первом медицинском (1953–1959 г.) вместе с Владимиром Васильевичем Кузьменко и часто его теперь вспоминаю в душе добром. Не за какие-то его мне услуги (их не было, да и не нужно было), просто теперь после многих лет и во Христе чётко и правильно это прошлое вижу. Примечательно, что вспоминаю я теперь Володю не просто как очень положительного малого, но как... христианина. Да! Именно с христианским духом он был в то время, и вспоминаю его христианское ко мне отношение, доброе, несмотря на моё законничество глупо фанатичное и доверие к антихристианским моим временным знакомым. Он их называл “прохиндеями”, но всегда незлобно улыбаясь. В нашей группе был ещё еврей Миша Залкинд, он водку не пил и не грешил, а только умные медицинские дела всасывал. Умненький еврей, но христианином не стал. А мне повезло лучше их всех, так как со мной рядом был Володя Кузьменко из христианской + русской семьи + благословение мне, недостойному, и вот я из евреев атеистов + сталинцев, ревнителей ненормальных, обременённых оболещением антихристианским (приобретённым) и наследственным неверием Богу и ещё Богоборчеством, – спасся от смерти вечной. Христос дал мне спасение – узнать истину, и она сделала меня свободным.

Так вот, услышал я по московскому радио, “Голос России”, что врачи бастуют, а некто Кузьменко – председатель этой забастовки, может быть, это мой бывший сокурсник Владимир Васильевич?

Узнайте, если сможете”... .

18.9.1992. “Воистину перестройка – продолжение плана сионистских раввинов за то, что Россия спасла их от геноцида... <...> Читаю Ваши журналы и скажу я Вам, что ещё более открывается мне через вашу прозу, поэзию, публицистику, что знание, т. е. истина духовная, т. е. христианское её понимание – самое главное, что нужно человеку” <...>

“Даже еврей Эйнштейн сказал несколько раз оппоненту-христианину Нильсу Бору, что Бог не играет в кости. Так это же знает любой русский православный человек и даже я <...> Один раввин сказал мне, что Бог решил уничтожить всех евреев, но по милости остановился на шести миллионах. А врач, нажавшаяся в России, Ида Нудель, мне сказала: “Езжайте, езжайте в Россию – там вас охранять будут антисемиты”. В моём досье стоит их сатанинский знак, чтобы нигде мне не дали снова врачом работать. Точно, как в Откровении Иоанна о звере-антихристе, что в Израиле из его племени выйдет дух зла”.

7.3.1993. “Наш современник” № 1 получил. Спасибо тебе, брат! Не всё ещё прочёл, но что понравилось, скажу сразу: “Два креста (Казачья дума)” – Юрия Кузнецова. Как это мне, грешному, душу чистит и слёзы покаяния и любви вызывает к ослеплённому казаку-человеку”.

24.12.1994. “Потерпели от иудеев, которые убили и господу Иисуса и его пророков и нас изгнали (апостолов. – Б. Б.) и Богу не угождают и всем чловекам противятся” (Послание фессалоникийцам. Гл. 2, стих 15”).

20.5.99. “Вы никакой абсолютно не антисемит, С. Ю. Русский праведный человек, добрый и скорбящий. Вы это зло в Вашей родине России терпели и

сначала просили их, и думали, что они сами остановятся, совестью. Нет же в них Христа и совести нет”.

22. 5. 99. “С. Ю.! Как они омерзительны в мышлении и поступках. В России я этого не знал, т. к. был в основном не с ними, а если и с ними, то они показывали себя прилично. А здесь полностью жида из России сразу другими стали. Например, бывший офицер утверждает, что он, как любой еврей, честен, и стал грозить мне судом за то, что я верую во Христа. Сколько жидов старых я лечил бесплатно и от всей души, как Христос переродил меня полностью, убрал жидовский дух из меня для саможертвенности тому, кто во мне нуждается.

А они, эти жида, которых я лечил, за спиной смеялись надо мною, т. к. я не брал денег – и говорили, что я плохой доктор, т. к. не беру денег!”

7. 11. 1999. “Послезавтра приедут сюда TV-журналисты, хоть евреи, но продажные (не холодные и не горячие – демократы); хорошо и точно о них пел Игорь Тальков, убитый евреем пархатым, сбегавшим в Израиль.

Молюсь за Россию – и за тех, кто с нею и за Вас. А Вы зайдите в православную церковь и за душу мою окаянную зажгите свечку. Только в Боге успокаивается душа моя”.

18. 5. 1999. “Не понимаю многого в происхождении антисемитизма, я начинал соглашаться с евреями, что он – от зависти “гоев” к евреям, к их “успехам” везде. Да и в Израиль ехал на родину историческую в радости и вдруг почувствовал зло к России (вот и она сейчас на себе тоже почувствовала еврейское отношение к добру, святости, чести, долгу, человечности).

Пережить шесть миллионов, галута, погромы и до сих пор распинать Христа воскресшего теперь уже языками: ЕШУ – начальные буквы проклятия “Исчезнет имя его и память о нём”. Нет во мне зла. Но есть отвращение к их жизни, к всесилию временному. Невозможно не придти соблазнам, но “горе тому, через кого они приходят – лучше бы тому не родиться” (Св. Лука, 1-17).

Как ясновидец Божий, подполковник в ОВИРе, в Москве за Центральным телеграфом на улочке сказал мне: “Вы наш, и ещё вспомните слова мои”*.

15. 11. 1999. “С. Ю.! Как хорошо быть братьями вместе. Единомыслие – не от диктатуры, а от неба – Бога, совесть. “Совестный человек даже кошки стыдится” (А. П. Чехов). И вспомнил его “Жидовку”, рассказ, как она (жидовка) бесстыдно сексуально выманивала деньги у православного человека” <...>

Вчера лишь узнал, на ком и когда (уж как 4 года) женился сын мой. Он вышел от меня, но он не мой. “Они вышли от нас, но были не наши”. Отец его матери подполковник, жид, комиссар Танкелевич Зундл вёз в секретном вагоне жида Якира из Киева на Лубянку, на расстрел, и его дочка меня сразу в Израиле оставила. Но Христос спасает меня”.

12. 7. 2002. “Как сказал немецкий писатель Авраки: взбесили Германию (немцев), а теперь и арабов. Уникальная склонность ко злу. <...> Как я благодарен Христу, что оторвал меня от зла. Ведь я точно знаю, что никакие университеты в Нью-Йорке или Москве не дали бы мне то, что Христос дал”.

2. 9. 2002. “Более 20 лет не общались мы с женою. По её просьбе ко мне развелись, т. к. ей тайно, но точно объяснили: если не разведётся со мною и детей от меня не удалит, то им будет “ужасно жить” в Израиле, так как я начал открыто исповедовать христианство. Жена мне объяснила, что если я люблю детей, то ради них мы разойдёмся, и я тихо как бы умру, не буду звонить и пытаться их видеть <...> Стыдно просить у Лукашенко убежища в Белоруссии. Кому я нужен в 68 лет, но я люблю его и восхищаюсь им”.

“Когда я показал свидетельство о моём Крещении владыкой Марком в р. Иордане, он (сослуживец. – Ст. К.) быстренько постучал (поклевал, как воробей) по компьютеру и торжественно сказал: в Израиле ты числишься евреем. а эта писулька для туалета!”

* Из очерка Т. Ронанеп (“Новая панорама”, 21.12.1990). О судьбе Б. Бернштейна: “Лезешь в бутылку? – спросил его седой подполковник. Ты ведь не такой, как они. Тебя сагитировали. Ты наш, простой, открытый: тут и то режешь правду-матку. – А Вы меня отпустите! Я ни перед чем не остановлюсь. Зачем Вам процессы? Диплом я честно отработал на краю света... – Да какой ты еврей! Нам известно, что ты дружишь с латышами, с русскими... Нет, не приживёшься ты там. Но смотри сам, хочешь – езжай”.

Однажды Борис позвонил мне и рассказал по телефону почти библейскую историю, случившуюся с ним:

– Ехал я, Станислав Юрьевич, на велосипеде по шоссе, огибающему берег моря. А машины – джипы, мерседесы – мчатся рядом со мной. Одна из них неожиданно издала такой оглушительный звуковой сигнал, что я вильнул рулём, наткнулся на бордюр и вылетел через руль на обочину. Разбился сильно, особенно колени. Встать не могу. Рядом со мной велосипед с помятым колесом. А сверкающие машины мчатся, обгоняют друг друга, и меня как будто никто не видит, никто не останавливается. Что делать? Смотрю, по обочине приближается телега, запряжённая лошадей. В ней сидит араб-палестинец. Я руку поднял. Он остановился. Слез. Подошёл ко мне. Приподнял и посадил на какие-то мешки в телегу. Велосипед мой положил и в больницу отвёз. Вот так-то. Умер бы я среди иудеев, если бы не бедный феллах-мусульманин”.

Ну как тут не вспомнить притчу о самарянине, которую, отвечая на вопрос лукавого законника: *“а кто мой ближний?”* – рассказал Иисус Христос.

На одного человека напали разбойники, нанесли ему раны и оставили на дороге едва живого. По дороге прошёл мимо раненого священник, *“а также один левит”*... и никто не остановился, не помог несчастному. Самарянин же (левиты-расисты считали самарян низким и недостойным племенем), проезжая мимо, *“сжалился и подошед перевязал ему раны... и привёз его в гостиницу”*, заплатив за уход за ним. *“Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?”* – спросил Христос законника-левита. И тот вынужден был ему ответить: *“Тот, кто проявил милосердие”*.

* * *

Из интервью Б. Бернштейна, опубликованного в журнале “Панорама” от 21 декабря 1999 г.:

“Болят у меня душа за Израиль. Пропадём мы, совсем озверели. Повсюду царит злоба. Врачи забыли клятву Гиппократу, только о деньгах и пекутся. А если человек прямой и честный, то заключают его... Вот уже и дождя небо не даёт. Только кто меня станет слушать?”

* * *

В одном из последних писем, видимо, для того, чтобы я понял глубину его одиночества в “хаосе иудейском” (О. Мандельштам), Борис прислал мне два письма архиепископа Сиракузского и Троицкого Лавра, адресованные ему, Борису, в ответ на просьбы о том, где ему в Израиле найти духовную помощь, чтобы не впасть в отчаянье. В первом письме архиепископ Лавр пишет:

“Если Вы бываете в Иерусалиме, то можно зайти в наши обители и поговорить и получить духовную поддержку или от наших батюшек или же поговорить с игуменией Анной в Гефсимании. В Назарете есть священник, православный араб Роман Родван, он говорит неплохо по-русски”.

Во втором письме Лавр уже не даёт никаких практических советов, а просто утешает словом удручённого и почти отчаявшегося человека.

“Боголюбивый раб Божий Борис!

Спасибо Вам за письмо-восточку, которое я получил. Теперь мы понимаем, что Вам трудно в окружении нехристианского населения. Тем более что там нет поблизости православного храма. Духом не падайте.

На горе Кармил должен быть православный храм, но, вероятно, он закрыт, и там теперь нет никого из насельников. Над городом Хайфой имеется католический монастырь, где пещера святого пророка Илии. Мы там во время паломничества останавливаемся и немного осматриваем местность с горы. Там мы были прошлым летом.

Да хранит и благословит Вас Господь!

С любовью о Господе.

+ Архиепископ Лавр. 9/22 июня 1993 г. ”

* * *

После 2002 года от моего православного друга больше не пришло ни одного письма, не раздалось ни одного звонка телефонного... Не знаю, жив ли? А может быть, жестоковывные психиатры добились своего и упекли несчастного в какую-нибудь тюрьму-лечебницу.

А ежели помер — да примет Господь его мятущуюся душу в Царствие своё. Я же перечитал его письма, и когда с щемящим сердцем обнаружил просьбу — поставить свечку в православном храме, как он просил, за его “окаянную душу”, пошёл в древнейшую калужскую церковь Святого Георгия и совершил всё, о чём просил меня русский еврей и православный человек Борис Бернштейн, мой брат во Христе...

* * *

Р. С. Иисус Христос шёл на крестные муки, выполняя Высшую волю Бога-Отца и по своей воле. А чью волю выполняли несчастные обманутые овцы стада Израилева? Волю своих лукавых, корыстных и беспощадных жрецов, которые убедили “малых сих”, что надо собираться на новые места жительства, ведущие в Освенцим, к Вильнюсскому или Минскому гетто, откуда не было выхода. Жертва этих обманутых овец стада Израилева была рабской и безблагодатной, как в доисторические времена, когда жрецы отбирали у них первенцев и волокли их к жертвенникам грозного и немилосердного Ягве, жаждущего обонять жирный дым от пожираемых огнём Всесожжения человеческих жертвоприношений. И недаром Борис Бернштейн в своих письмах ко мне так часто вспоминает о предтечах Христа — древних пророках, особенно о судьбе изгнанника и мученика Иеремии. Конечно, легче всего нынешним жрецам было объявить Бернштейна душевнобольным, что, судя по его письмам, делалось не раз, однако и Христу и пророкам левиты и фарисеи ставили такие же диагнозы.

А вот как пишет в нынешней еврейской русскоязычной американской газете “Новое русское слово” (8.12.1989) о Христе и христанстве некий Израиль Рабинович.

“Казнённый по приказу Губернатора Иудеи Понтия Пилата Христос был, как известно, распят на кресте (так казнили восставших против власти Рима), а не забит до смерти камнями (как поступали с теми, кто был объявлен святотатцем и лжепророком)”.

Здесь каждая фраза пропитана лукавством. Христос восставал не “против власти Рима” (вспомним его знаменитое “Кесарю Кесарево”), а против власти над народом секты фарисеев, возглавляемой Синедрионом, и Пилат, желавший отпустить Христа, после отчаянного спора с фарисеями хотя и дрогнул перед их шантажом, понимая, что, если он помилует “еретика”, то фарисеи донесут в Рим, что он “не друг Цезарю”, но, “умыв руки”, заявил всем, кто его слышал, что он “не повинен в смерти этого человека”.

Рассказ о воскресении Христа автор называет “святотатством”: *“что бы ни говорили христиане об Иисусе, об обстоятельствах его смерти, о словах, произнесённых Им в последние мгновения — равнины предпочли это не опровергать, а игнорировать... С точки зрения раввинов кощунством было предполагать, что евреи повинны в казни Мессии”*.

Но подобные размышления — это ещё цветочки; в изданиях, рассчитанных не на массового читателя, приоткрывается куда более тотальное неприятие Христа или даже ненависть к нему.

В своей статье “Какова была роль евреев в послереволюционной России” Вадим Валерьянович Кожин подробно комментирует книгу воспоминаний весьма известного в советское время филолога М. С. Альтмана, выросшего в ортодоксальной дореволюционной талмудистской среде. Вот отрывок из статьи В. В. Кожина. *“Он (Моисей Альтман. — Ст. К.) родился в городке Улла Витебской губернии и получил, так сказать, полноценное еврейское воспитание. Об “основах” этого воспитания он говорит, например, следующее:*

“Вообще русские у евреев не считались “людьми”. Русских мальчиков и девушек прозвали “шейгец” и “шикса”, т. е. “нечистью”... Для русских была даже особая номенклатура: он не ел, а жрал, не пил, а впивался, не спал,

а дрыгал, даже не умирал, а издыхал. У русского, конечно, не было и души, душа была только у еврея... Уже будучи (в первом классе) в гимназии (ранее он учился в иудейском хедере. — В. К.), я сказал (своему отцу. — В. К.), что в прочитанном мною рассказе капитан умер, а ведь капитан не был евреем, так надо было написать “издох”, а не “умер”. Но отец опасливо меня предостерег, чтобы я с такими поправками в гимназии не выступал... Христа бабушка называла не иначе как “мамзер” — незаконнорожденный, — рассказывал ещё М. С. Альтман. — А когда однажды на улицах Уллы был крестный ход и носили кресты и иконы, бабушка спешно накрыла меня платком: “чтоб твои светлые глаза не видели эту нечисть”. А все книжки с рассказами о Богородице, матери Христа, она называла презрительно “матери-патери”...” (стоит отметить, что “патери” — это, по всей вероятности, неточно переданное талмудическое поношение Христа, чьим отцом якобы был Пандира-Пантера: Христа, как известно, именovali Сын Девы, а “дева” по-гречески — “парфенос-партенос”, из чего возник этот самый талмудический “сын Пантеры”. — В. К.).

Таковы были основы духа юного Моисея, и вполне закономерно, что он с восторгом встретил Октябрь”.

Прочитаешь такое — и поневоле душа исказится судорогой от мстительно-го чувства. А тут ещё с облегчением вспомнишь, что вера православная учит не соблазняться возмездием, особенно если речь идёт о личных врагах твоих, но разрешается воевать с врагами Божьими. Так что вроде бы можно дать волю ответным и справедливым чувствам! А всё же, всё же не торопись... Два тысячелетия назад иудейская чернь, возглавляемая первосвященником и жрецами-левитами, с ветхозаветной яростью потребовала от смущённого Понтия Пилата: “Распни Его!” А тут у нас что? Всего лишь навсего местечковое брюзжание, всего лишь плохо скрываемое глумление, всего лишь слабый отблеск того чёрного пламени, которое сопровождало путь Христа на Голгофу.

Бог с ними. Пусть пребывают в своей талмудической косности, пусть морщатся при Его Имени. “Вера у них такая”, — как говорил Достоевский...

* * *

Если кому-то покажется, что я пишу о делах “давно минувших дней”, о “преданьях старины глубокой”, что в наше время всё изменилось — и отношение жрецов Холокоста к России, и к православию, и к своим протестантам, то предлагаю таким оптимистам познакомиться с письмом, пришедшим совсем недавно на моё имя в редакцию журнала “Наш современник”.

“Уважаемый Станислав Юрьевич! Прочёл Вашу книгу “Возвращенцы” на одном дыхании. Она подтвердила многие из моих догадок и ощущений. Я помню начало 90-х, мне было 17 лет (отец мой еврей и отец моей матери тоже). Мой бедный отец, кандидат технических наук, спал два года с топором под кроватью, боясь “ужасной” “Памяти”. Тогда я был ещё идейно и духовно слепым человеком, и либерально-демократическая пропаганда довлела в моём сознании. Я стал православным человеком, стал изучать историю России (и “проклятый вопрос” тоже). Прозрение и обретение веры и идеи — подчас мучительные и многолетние процессы. Слава Богу, когда началась первая чеченская война, для меня всё стало очевидным: и предатели, и враги. И национальное происхождение врагов было тоже очевидным — почти сплошь евреи все эти познеры, дейчи, радзинские и иже с ними. У меня социологическое образование, эти знания позволили мне понимать происходящее в стране. Катастрофа состоялась. Богатства и недра поделены, мозги населения запудрены. Я сделал выбор, я со страждущим русским народом и Россией, со Святой Православной Церковью. Когда я пытался говорить с евреями об истории и политике, на меня сразу навесили ярлык черносотенца и антисемита. Будь ты хоть трижды еврей, но если говоришь не то, значит, фашист и маргинал, и нет тебе прощения. Иудеям нужен маргинальный патриотизм, скинхеды и т. д., потому что здоровый, вдумчивый строительный патриотизм для них смертельно опасен. Они делают всё для маргинализации патриотизма в России.

У меня трое сыновей. Я назвал их Христофор, Феофан, Ермоген, Вы не представляете себе, сколько грязи и упреков пало на меня за это. Ну ладно “эти”, с ними всё понятно, но русские люди? Жалко, что русский народ ра-

зобщён, не хочет знать свою историю, сейчас нельзя быть обывателем, “овощем”, решается наша судьба, судьба страны. Вы знаете, враги Православия и России вызывают у меня ярость и желание бороться до конца (хотя некоторые говорят, что ярость – это скорее еврейская реакция). Спасибо Вам, Станислав Юрьевич, за книгу, она поможет правильно сориентироваться многим людям. Долгих Вам лет жизни и творческих успехов!

С уважением Ф. Г.”

Вот истинный ответ на лукавую попытку заменить самопожертвование Христа безблагодатным жертвоприношением “стада баранов”, как пишет Норман Финкельштейн.

Жив образ Спасителя и в еврейских душах, несмотря на все усилия жрецов Холокоста вытравить его из памяти, из истории, из нашей жизни.

Автор этого письма – ну разве он не брат Борису Бернштейну? Конечно же, брат. Брат во Христе.

Р. С. И ещё несколько свидетельств о роковом непонимании христианства жрецами Холокоста и овцами стада Израилева:

Из размышлений о. Михаила Чайковского, “Новая Польша”, № 4, 2003 г.

“Сегодня в поезде, идущем в Краков, я читал воспоминания одной еврейки, ставшей христианкой. Когда она была ребёнком, кто-то подарил ей Новый завет. Это увидела её мать. Она рвала страницы Евангелия в большом озлоблении. Страницу за страницей. Она сожгла их в печке, а потом сказала: “Человек, о котором тут идёт речь, преследовал нас веками, это из-за Него были созданы концлагеря”.

Из книги С. Медведко и Л. Медведко “Восток – дело близкое... Иерусалим – святое”:

“В самом Израиле не все русские евреи чувствуют себя столь же комфортно, особенно если они отказываются менять прежнюю веру на иудаизм. Газета “Наше время” в статье под заголовком “Израиль уничтожает христиан” рассказала историю семьи приехавших в Израиль иммигрантов Виктора и Оксаны. “Ненавистью к русским людям христианской веры и к нашим детям здесь, кажется, отравлен весь воздух, – жалуются они. – В Израиле существуют расистские законы, и надо иметь мужество признать это. Для детей неевреев, воспитанных на христианских ценностях, израильская демократия – это лишь слова”, – так заканчивается это письмо”.

Р. Р. С. “Когда папа Бенедикт XVI был в мае 2009 года в Иерусалиме, он решил помолиться у Стены плача. Но, как свидетельствует “Еврейская газета”, издающаяся в Берлине (№ 81), “в дело неожиданно вмешался Шмуэль Робиневич, занимающий должность раввина Стены плача. В телефонном интервью газете “Jerusalem Post” он заявил, что во время подобной молитвы папе желательно снять... золотой наперсный крест. Как объяснил Робиневич, к Стене плача не следует приближаться с “чужими религиозными символами”, и тем более с крестом, который, по словам раввина, “оскорбляет еврейские чувства” <...> Не секрет, что многие евреи, особенно религиозные, действительно испытывают неприязнь к христианским символам, порой доходящую до анекдота (например, “многие пишут знак “плюс” без верхней палочки”, чтобы не дай бог не изобразить на бумаге крест)”.

(Л. Закс. “Понтифик на Святой земле”)

Ну что сказать? Все люди, как люди, но это – “избранный народ”... А к нашим святым мощам, в наши церкви, к нашим иконам подходит кто угодно. Для нашего Бога “несть ни Эллина, ни иудея”...

(Продолжение следует)

ОТСТАИВАЯ РУССКИЕ ЦЕННОСТИ

В эти майские дни 65-летия Великой Победы, в годовщину величайшего события XX века, нельзя не вспомнить, что эта Победа была достигнута, прежде всего, усилиями русского народа. К сожалению, сегодня Россия переживает глубокий кризис. Кризис нравственный, духовный, социальный. Тем более важны для русских людей, для всего русского общества те островки национальной культуры, что сохраняют, берегут в себе вечные русские ценности, идеалы порядочности, душевной чистоты, смелости духовных исканий, благородства, открытого, ясного взгляда на мир. Островками этими являются и российские патриотические издания, что в условиях современного кризиса ведут неустанную борьбу за русское дело, поддерживая и воспитывая дух патриотизма в нашем народе. Таков и наш журнал. И читатели, наши помощники и соратники, видят это и помогают нам — кто подпиской, кто добрым, честным словом в своих письмах и обращениях. “Наш современник” — это и ваш современник, дорогие друзья! Ваши письма полны боли и заботы о современном состоянии России. Вы живо откликаетесь на публикации авторов журнала — в особенности на работы Станислава Юрьевича Куняева и Александра Ивановича Казинцева. Каждое ваше слово очень ценно для нас, ведь это выражение народного духа, неустанно ищущего пути выхода из кризиса, пути спасения России. Неустанно отстаивающего вечные и неизменные русские ценности.

“К ОСВОБОЖДЕНИЮ ОТ ИЛЛЮЗИЙ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

С журналом “Наш современник” я познакомился в 2009 году. Прочёл подборки самых разных лет — от 1988-го до 2008 года — и должен Вам сказать, что другого журнала, столь стойкого в своём патриотизме и отстаивании вечных русских ценностей, я ещё не встречал. Патриотическая публицистика мне хорошо знакома, но впервые я увидел патриотическое издание, которое столь ревностно защищает и нашу великую отечественную литературу.

Мне 24 года, в этом году я закончил филологическое отделение Кемеровского Государственного университета, но работаю, увы, не по специальности. Свой путь к освобождению от “демократических” иллюзий начал с книг Ю. Воробьевского. Увлёкшись его православно-конспирологическими трудами, стал рассуждать о “благополучной, процветающей Российской Империи”. В унисон с телевидением рассуждал о ликвидации Мавзолея В. И. Ленина и “кровавых сталинских репрессиях”. По счастью, сумел преодолеть этот морок. Да и неудивительно. Любой, даже недалёкий человек заподозрит неладное, когда власть мародёров “клеймит позором” власть Советов. Чтение православной периодики привело меня к статьям С. Г. Кара-Мурзы и его фундаментальной “Советской цивилизации”, снявшей шоры с моих глаз.

Я нередко обращался к работе телевидения, к сожалению, этого нельзя избежать, ведь подавляющее большинство наших сограждан судит о положении дел, оставившись в телескрин, а то, о чём “ящик” молчит, для них не существует. Иногда думаешь: “Если бы ТВ долбило каждый день, что люди свиньи, то миллионы людей очень скоро бы захрюкали”. Хотя, если приглядеться...

Бессмысленно перечислять сериалы-однодневки и ублюдочные “аналитические” программы. Особенно их поток нарастает ко Дню Победы, когда мас-

сово клепаются антисоветские страшилки типа “Под ливнем пуль”. Единственная отрада — фильм “Мы из будущего”, но и он с изъянами. То вполне в духе астафьевского “завалили трупами” — убивают наших солдат сотнями, как на скотобойне. То вылезет призрак “русского фашизма” в духе Швыдкого. Соцзаказ ясен — любой протест это, конечно, фашизм. Это они называют “гражданским обществом”. Я это называю обществом “гражданской войны”. Когда в День Победы Мавзолей — культовый символ великих парадов 1941-го и 1945 годов, скрывают под власовским триколором, а всех недовольных русских людей ждут дубинки и “воронки”, то мы ясно видим цену нынешних “свобод”. Дурацкие фуражки — “пиночетовки”, власовские кокарды милиции — это не просто детали униформы, это — стиль власти. А вот свежая, сибирская новость: Китаю отданы огромные концессии и земли в Забайкалье. Пока ещё не навсегда... Работать там будут лишь “поднебесные” рабочие. Сколько было “квасного” скулёжа во время перестройки? Сталин отдал г. Холм полякам, передал Порт-Артур Китаю... Сталин передавал небольшие части земли друзьям. А эти кому продают жизненно важные территории? Впрочем, Гитлера тоже не интересовали земли за Уралом. Строго выполнял “Майн кампф” в отношении русских “недочеловеков”, власть уравнивает себя горячей любовью к США и Израилю. Они для наших кинодельцов “хорошие ребята”, борющиеся с ужасным “мировым терроризмом”. То, что эти славные парни его сами вскормили и до сих пор подпитывают, почти не освещается. Отлично показал американолюбие нашего кино Юрий Нерисов (статья “Эпоха Путина в кинематографе”).

Урановые руды Казахстана, природный газ Туркмении, могучие домны Донбасса и жирные украинские чернозёмы — всё это оторвано от живого русского тела. Удивительные технологии и уникальные возможности их применения существовали в Советском Союзе. Но, как сказал Проханов, три палача набросились на советскую Мать, ждущую рождения солнечного богатыря, и зарубили её топорами. И вот в одном из кровоточащих обрубков живут ошарашенные патриоты. Они поверили искушению, поверили в то, что их Родина — “империя зла”. Они искренне думали, что вот-вот, ещё немного, и расцветёт Святая Русь. Они решили, что имперский груз слишком тяжёл, что этот крест не для наших плеч.

Недавно я смог достать и прочитать трилогию Дмитрия Балашова “Святая Русь”. Не по разу я проштудировал “Государей Московских”, по-детски восторгаясь этому глубокому ключу, бьющему из тьмы столетий, — меня всегда восхищало великое мастерство Балашова, погружающего читателя в жизнь суровой, но прекрасной эпохи с первых же строк. Начитавшись Сенкевича, я решил, что русичу не под силу воссоздать с такой силой ушедшие времена, породить по ним тоску, светлую печаль от ощущения временной бездны, грусть расставания. Балашов опроверг мои заблуждения. Слава ему!

Но, читая “Святую Русь”, я то и дело сталкивался со странной, иррациональной нелюбовью Балашова к советской эпохе. От ударов врага испытываешь боль и ненависть, а от ударов друга — обидное, саднящее недоумение. Именно это я испытал, прочитав “рацеи” о том, что Александр Матросов, дескать, запаниковавший дурак. Зоя Космодемьянская, мол, сама виновата в своей мученической смерти. Глубоко меня поразила ложь о Павлике Морозове. Вполне в духе Новодворской: “Отцеубийца! Предатель!” Подросток, изуверски убитый вместе с маленьким братом, убивается во второй раз. Я знал обстоятельство смерти самого Балашова, и меня поразила мрачная усмешка судьбы. Не следовало бы Балашову так проклинать несчастного мальчика и призывать на свою седую голову страшное слово “отцеубийца”. Можно сказать, что Балашов — жертва провокации, а можно сказать, что Бог поругаем не бывает.

Для чего я вспомнил эту трагическую гибель? Наверное, для того, чтобы показать нашу недолговечность. Так стоит ли остаток своей жизни посвящать проклятиям, поискам чужих грехов, растревоживанию старых язв. Разве мало у каждого из нас своих ошибок и несовершенств? Многие ли могут сказать о себе, как Макашов или Млынник: “Я исполнил свой долг и присягу и как солдат, и как гражданин”.

Невесёлое вышло письмо, местами некорректное — писал, как чувствую. Да и трудно быть оптимистом: только что подвели итоги Олимпиады, самой провальной в нашей истории. Станислав Юрьевич, очень бы хотелось знать, не собирается ли “НС” напечатать статью о Максиме Калашникове и его инно-

вационных предложениях президенту РФ. Также интересны его размышления о поражениях белой/красной оппозиции в книге “Война с Големом. Русский народ против криминального государства”.

Верующий в Родину, как в Бога – вплоть до фанатизма!

Ваш **Быков О. Б.**
пос. Яя Кемеровской обл.

“...ЧИТАТЬ И ПЕРЕЧИТЫВАТЬ “НАШ СОВРЕМЕННОК”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Благодарю Вас и найденного Вами спонсора за возможность читать и перечитывать “Наш современник”. Раскрыл первый номер и не смог оторваться от его публицистики: мемуаров Д. Орлова, статей и очерков Г. Зюганова, С. Глазьева, С. Фомина, С. Семанова, Ю. Павлова (Вашу книгу буду читать позже, “в комплекте”).

Если можно, прошу передать Далию Константиновичу благодарность за то, что он честно, искренне, самокритично поведал о тех событиях, “действующим лицом” которых являлся. У нас, до последнего времени, неизменным атрибутом воспоминаний о “советской” жизни было представление партийных и государственных чиновников – в виде чинуш, глупых и недалёких людей (последний пример: книга В. Аксёнова “Таинственная страсть”, где лично ничего плохого не сделавшие автору А. Н. Косыгин, Ф. Р. Козлов, Е. А. Фурцева и др. превращаются в отталкивающих персонажей). Как “поливали” Лапина, Ермаша, Баскакова, Сизова! И вот свидетельство очевидца, показывающее, что партийное и государственное руководство культурой не сводилось к цензуре и запрету, что каждый чиновник нёс бремя ответственности, по-своему (то есть по-партийному, по-государственному) понимал свой долг перед народом (и для многих это были не просто слова), и это не могло не приводить к конфликтам с настоящими, а не конъюнктурными художниками. Зато тех художников, кто был нужен государству, оно поддерживало и защищало, и речь в данном случае идёт не о Бабаевском и Первенцеве, а о Горьком, Шолохове, Бондарчуке, Чухрае. Бывает, что тоталитарный режим больше способствует развитию искусств, чем псевдодемократический.

Виктор Некрасов уехал из СССР не потому, что не было демократии, а потому, что он лишился высокой государственной защиты.

Отрывок из новой книги Г. А. Зюганова я прочитал с большим интересом, и со многими тезисами автора можно было бы согласиться, если бы не одно обстоятельство: Геннадий Андреевич говорит о России, которая не существует. Помню, в школе и в институте нам говорили о “передовом рабочем классе, авангарде прогресса”. А я родился и вырос в рабочем посёлке, сам три года работал на заводах... Вот и сейчас Геннадий Андреевич выражает уверенность, что “новое поколение коммунистов... продолжит традиции... и не уронит Красное знамя Великого Октября”. Но к чему нам возвращаться к старому? Нам надо учиться жить в новых условиях, не теряя своего достоинства, защищая свои права, но не с булыжниками в руках на баррикадах, а современными методами, не разделяясь на партийные колонны, а стремясь к единству, по крупицам создавая культуру единства, а не вражды и раскола.

Статья академика С. Глазьева содержит добротный глубокий анализ свалившегося на нас кризиса и путей выхода из него. По моему мнению, она практически полностью соответствует духу последних выступлений президента Медведева, и это лишний раз подтверждает необходимость перехода к инновационному пути развития не на словах, а на деле. Готово ли к этому общество? Вспоминаются слова Бердяева: “Мы живём плохо, потому что думаем плохо”, и М. Булгакова про разруху в головах... Не хочу идеализировать советское время, но с 1991 года мы живём в идеологическом, моральном, культурном, семейном, школьном и т. д. кризисах, которые все в совокупности страшнее во много раз кризиса финансово-экономического; и без выхода из такого состояния невозможен иной путь развития, кроме инерционного – на грани с катастрофическим.

Материал Сергея Фомина “Потери и приобретения во Второй мировой войне”, видимо, один из цикла подготовленных к 65-летию Великой Победы и очень актуален. Действительно, нашу Победу обогнали, очернили, исказили и, попросту говоря, украли. Любая такая статья, основанная на фактах и объективных данных, — дань памяти всем погибшим и благодарность живым участникам ВОВ.

Публицистический материал С. Семанова “Быть русским достойно” и критическая статья Ю. Павлова “Кризис и другие” С. Кургиняна” касаются большой, по-прежнему злободневной, а в условиях торжества политкорректности ещё и опасной темы. Но писать об этом надо, тем более что эта тема возникла не сегодня и даже не в 70-е годы XX века благодаря “русской партии”.

Вот такие чувства вызвал у меня небеллетристический раздел “Нашего современника”, и они — при всём критическом отношении и неприятии ряда положений, положительные. Они вызывают желание думать, читать, общаться. Не могу не признаться в своём неприятии нынешних, когда-то мной любимых “Нового мира”, “Знамени”, “Октября”. Они не дают, а опустошают, после их чтения чувствуешь себя обокраденным — у тебя украли твою веру, твою надежду, твою любовь... Вы — помогаете сохранить, а сегодня мы богаты не тем, что приобрели, а тем, что сохранили.

Никифоров Владимир Семёнович,
профессор.
г. Новосибирск

“ПОРАЗИЛИ МЕНЯ ВАШИ СТИХИ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Мы с Вами встречались на праздновании 80-летия со дня рождения В. М. Шукшина в Бийске и в селе Сротки в июле этого года.

Хоть и с большой задержкой, но хочу Вас сердечно поблагодарить за книги, которые Вы мне прислали: “Стас уполномочен заявить...”, “Невозвращенцы”, “Сквозь слёзы на глазах”.

Хочется сказать, что Ваша публицистика, на мой взгляд, не знает себе равных в настоящее время. Я думаю точно так же (имею в виду основные послы Ваши размышлений), но в связи с отсутствием литературного и аналитического таланта не могу так чётко, стройно и логично выразить всё, что меня волнует, словами. Или мне кажется, что “я думаю точно так же” только по прочтении Вашей публицистики. Ваши мысли настолько убедительны, что они уже кажутся мне моими. Ваша эрудиция, логика, талант историка и литератора превращают публицистику в литературные произведения, наполненные чувствами справедливости, любви к Родине, любви к талантливым русским людям и ненависти к врагам России.

Поразили меня и Ваши стихи в сборнике “Сквозь слёзы на глазах...”. В молодости я, конечно, читала Ваши стихи “Добро должно быть с кулаками...”, “Метель заходит в город...” “А где дурачки городские...”, “Реставрировать церкви не надо...” и другие и чувствовала, что Вы — большой поэт. Затем в 80-х и 90-х годах Ваши стихи исчезли из поля моего зрения. И вот радость — Вы дали мне возможность познакомиться со своими стихами, написанными в те годы. Просто потрясли стихи “Надо сигарету в зубы сунуть”, “Вызываю огонь на себя...”, “Ты выбрал, русский дурачок...”, “Мои друзья, вы вовремя ушли...”, “Вся душа аж пропиталась болью...”, всё не перечислишь...

Дорогой Станислав Юрьевич, дай Вам Бог здоровья и благополучия, радости жизни и уверенности в своей правоте, пусть любовь и уважение многих Ваших читателей будет покровом для Вас от недругов и злопыхателей всех мастей. Храни Вас Бог!

С уважением и любовью

Матвеевко Елена.
г. Новосибирск

“ПРОТИВ РОССИИ ВЕДЁТСЯ ВОЙНА...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Поневоле вынужден обратиться к навязываемому нам, всему народу России, явному национальному перекоосу. Высшие властные персоны **слишком синхронно** подбрасывают нам идею неприкосновенности мифа о “холокосте”. Занимаясь этой надуманной, искусственно насаждаемой проблемой, с целью прояснить её для себя окончательно и поставить точку в своих внутренних размышлениях, я просто не могу не ответить на новые скоординированные попытки оболванивания людей. Наглый напор, с которым действуют “приватизаторы” из верховной власти, судя по всему, вознамерившиеся **окончательно** сдать нас мировому сионизму, нельзя оставлять без ответа.

К сожалению, именно этот болезненный вопрос мало осмыслен в нашем российском, то есть русско-славянском сообществе. Местные политики левого толка, например, боязливо отшатываются от любого подобного упоминания, ссылаясь на то, что-де “ещё не время”. А когда же оно наступит – то самое “время”? Будем ждать, когда окончательно сопьётся, отупеет и вымрет половина народа?

Эту тему, к сожалению, обходит КПРФ. А о подконтрольных сионистскому капиталу СМИ и речи нет. Многие политики утверждают, что **против России ведётся война – это года 3–4 назад заявил даже Путин**. Но если ведётся война (а иначе чем объяснить деградацию и мор русского народа в течение 19 лет), то ведь кто-то нападает, а кто-то защищает. Где же в этой войне место интеллигенции, молодёжных сообществ, огромной ветеранской армии? Многомиллионная их рать непростительно запятнала себя циничным коллаборационизмом и духовной всеядностью. Значительная часть примитивно, вульгарно продалась. Очень многие из суетливых болтунов, предавших Советскую власть и фактически поддержавших развал СССР, сейчас ищут самооправдания. А ведь известно, что человек, потерявший нравственные ориентиры, в подобном самооправдании не имеет пределов и чувства меры. Более того, чувствуя свою нравственную ущербность, эти люди готовы проявить завистливую агрессивность к тем, кто не запятнал себя предательством.

Сейчас начнётся подготовка (да она уже и началась) к некоему действию, приуроченному к священной дате нашей – Советской! – Великой Победы. Готовится глумление, позорнейшее унижение и Русского Народа, и всех братских народов под прикрытием псевдопатриотического словоблудия. **Ведь в этот день по Красной площади будут маршировать колонны наших прямых врагов – победителей в холодной войне**. Чью же победу собираются праздновать и они, и правящая верхушка, и оболваненные обывательские массы – и с дипломами, и без таковых?

У нас не осталось времени на раскачку и ожидание некоего особо подходящего момента для патриотических шагов и действий. Сегодняшние СМИ служат обезболивающими снадобьями, позволяющими людям в состоянии дурмана легче переносить прогрессивно усугубляющуюся трагедию уничтожения страны и её народов. Именно для этой цели гонят бесконечные сериалы о респектабельных ворах, “доблестной” милиции, омоновских мордоворотах – жестоких, нерассуждающих громилах, способных сломать руку старику или девушке, но в кино страсть каких благородных и самоотверженных! Вы знаете это лучше меня, ибо наверняка больше информированы, но я просто не могу молча обойти эти незаживающие болезненные язвы – приходилось видеть их “в работе” во время протестных выступлений.

Сионистские контингенты и конгломераты отобилизованы, приведены в боевую готовность и начинают действовать синхронно, стаями, явно по командам из одного центра. К сожалению, русско-славянские силы по-прежнему разобщены, бесконечно выясняют, кто краснее и кто левее, поэтому организованного отпора не получается. Броды, берлы лазары и вся их камарилья, к сожалению, должного отпора не встречают, демонстративно позиционируя себя хозяевами страны.

С искренним уважением

Ковалёв В. М.,
полковник внутренней службы в отставке,
заслуженный врач России. г. Пермь

“ВАША РАБОТА – ПОДВИГ!”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Подписаться на “НС” я смогла только с апреля, и если Вам не трудно – я бы выкупила февральский и мартовский номера журнала наложенным платежом. Причиной такого нелепого упущения стали отсутствие нормального почтового ящика в доме (это бывшего заводское общежитие) и мои постоянные отсутствия в городе.

Теперь о Вашей новой работе “Жрецы и жертвы Холокоста”. Мне очень важно прочесть её до конца. У меня не было и килобайта той информации, которую Вы собрали. Понятно, что узел завязался сложный и страшный, все концы перепутались, но чем туже он затягивается, тем хуже для всех. Боюсь высоких слов, но и эта Ваша работа – подвиг! Читайте, думаю, и, может быть, что-то в происходящем с нами всё-таки пойму?

Храни вас Господь во всех делах и дорогах.

Искренне Ваша –
Нина Ягодинцева.
г. Челябинск

“ПОЛНОСТЬЮ СОЛИДАРЕН”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Живу в трудах и заботах. С огромным интересом читаю Ваш “Холокост”, как всегда, дивлюсь мастерству и мужеству. Со статьёй о Боброве в “ОЛГ” полностью солидарен. Видно, гонор у него в крови. Помню, ещё в бытность редактором, кажется, в “Советском писателе” он послал мне надменный и оскорбительный ответ на рукопись стихов, хотя она следом была принята в “Современнике” и, после рецензий Соколова и Винокурова, вышла в свет. Самотёком! Так что “барское презрение” г-на Боброва к И. Переверзину меня не удивило. Поистине – амбиции без амуниции...

Но не будем о грустном.

Всего Вам самого доброго.

С искренним уважением и надеждой на понимание –

А. И. Щербаков.
г. Красноярск

“БЛАГОДАРИМ ЗА РУССКУЮ ПОЗИЦИЮ”

Уважаемый господин Куняев, мы прочитали Ваши 2 части книги “Жрецы...” и благодарим Вас за Вашу русскую позицию и поддерживаем Вас в трудном деле правдивого освещения истории. Ждём продолжение...

* * *

Вам, наверное, известен господин Андрей Zubov, доктор исторических наук, профессор МГИМО? Недавно, 16.03.2010, в Слованской библиотеке в Праге при большом стечении общественности, журналистов, политиков, представителей русских и чешских общественных организаций и культурного атташе РФ А. Письменного Андрей Zubov провёл презентацию книги “История России. XX век”. Твердя, что это самая правдивая книга по истории нашей страны, Zubov утверждал, что русские сами виноваты во всех бедах XX столетия. Ни слова о международных интервенциях во всех войнах.

В дискуссии чётко прослеживался сценарий – книгу презентовал журнал “Русское слово”, НТС и Координационный совет российских соотечественников;

все в одном лице господина Алексея Келина – “профессионального” русского”. Привёз книгу некто Сергей Юканов – известный в Праге русскоговорящий русофоб, который поддерживал и задавал тон дискуссии. Трудно поверить, но среди подготовленных вопросов к А. Зубову (поскольку их задавали все хорошо известные люди, члены редколлегии “Русского слова” или близкие к ним) прозвучал и вопрос, не пора ли пересмотреть “одиозную фигуру маршала Жукова и снести его памятник в Москве” (это в преддверье юбилея Победы!) А. Зубов – историк, конечно же, “мирового формата”, радостно закивал головой и презентовал публике несколько историй о кровожадности маршала, конечно же, уже мифическое: “Бабы ещё нарожают...” А. Зубов призывал к нравственности в истории и требовать от русских (“гусских”, поскольку этот человек позволяет себе читать лекции на искромётно дефектном русском языке) покаяться в содеянном... Во всём. А. Зубов слёзно просил прощения у чехов за 1948-й и 1968 год. “ПРОСТИТЕ НАС”. Это кто же такие Мы? Кто дал ему право втаптывать НАС в грязь, обвиняя во всех смертных грехах только русских?

Передавайте ему “горячий” привет. “Горячий приём” в следующий его приезд в Прагу ему обеспечен.

С приветом,
Катерина Ясенка.
Клуб “Горизонт XXI”.
Центр русской диаспоры в Чехии, г. Прага

“ЕСЛИ БЫ НЕ РУССКИЙ СОЛДАТ”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Внимательно читаю “Жрецы и жертвы Холокоста”. Возмущён истерией вокруг этой трагедии. А. Гербер, А. Броду и прочим нужно бы ставить мемориалы русскому солдату не только в России, но и в других странах, где живут евреи. Ведь их предков всех бы уничтожил Гитлер, если бы победил, если бы не русский солдат.

Н. Ситников.
г. Сочи

СПАСИБО ЗА ЖУРНАЛ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Уважаемые члены редакции “Нашего современника”!

Я являюсь постоянным подписчиком Вашего замечательного журнала почти с начала перестройки.

В чьих руках оказались почти все центральные издания государства, стало ясно при получении ими свободы. То они безудержно хвалили Л. И. Брежнева, доводя часто похвалы до абсурда с целью, видимо, дискредитации власти, а тут сразу пошли не только насмешки над Л. И. Брежневым, но и беспардонное глумление над “этой страной”.

Мы растерялись в гвалте безудержной русофобии изданий, не знаешь, что выписывать. Выписала “Огонёк” Коротича. Вот он-то мне и помог своей нескрываемой ненавистью ко всему отечественному найти достойные издания. Особая ненависть звучала в адрес журналов “Наш современник” и “Молодая гвардия”, их они называли соответственно: “Наш шизофреник” и “Молодая гадина”. Хулили они и журналы “Москва” и “Слово”. Вот эти-то журналы я и выписала, и не ошиблась. Но при подорожании изданий для Белоруссии и по выходе нас с мужем на пенсию мы остались верны только “Нашему современнику”. Большое Вам спасибо за журнал. Сколько замечательных имён писателей, поэтов, публицистов, историков открылось нам, имена и произведения которых замалчиваются и предаются забвению, а по телевиде-

нию постоянно расхваливаются посредственности, да ещё всем внушается, как они были “гонимы” (при наградах несколькими госпремиями и т. п.).

Журнал прочитывают все члены семьи от корки до корки, боясь пропустить талантливые произведения. Благодаря Вашему журналу мы особенно полюбили публицистику. Из последних номеров в первую очередь спешили прочесть произведения: “Ты, жгучий отпрыск Аввакума” С. Куняева, “Возвращение масс” А. Казинцева. Какой развёрнутый анализ в современном мире даёт А. Казинцев! Большое ему спасибо.

Особенная благодарность русским историкам О. Платонову, И. Шафаревичу, К. Мяло и другим за их труд, за любовь к России и её народам, за открытие правды, истинных имён палачей России, спрятавшихся за псевдонимами. Это замечательные, глубокие и очень необходимые работы. Кроме таких основательных трудов хотелось бы иметь книгу, где были бы сконцентрированы основные данные по российской истории. В такой книге хотелось бы, чтобы были представлены сведения по событиям во время правления государственных деятелей России: войны, победы или поражения, развитие хозяйства, рост численности населения, чтобы всем было ясно видно, кто созидал страну, а кто разорял и, разоряя, принижал успехи других, постоянно восхвалял себя. Это особенно касается современных лжедемократов, которые без войны разрушили Великую страну, уничтожили промышленность, сельское хозяйство. Всё богатство, данное России Богом и созданное всем народом, поделили между собой, да ещё глумятся над созидателями. Если такая книга уже имеется, хотелось бы получить о ней сведения, чтобы её приобрести.

Мечтая о подобной работе, я обнаружила в каталоге на подписку 2008 г. книгу Е. Анисимова “История России от Рюрика до Путина”. Но я получила даже не “кота в мешке”, а сгусток дикой злобы по отношению к русской истории и её великим деятелям. Прочла несколько глав и ужаснулась.

1. Эпоха Ивана Грозного.

Как изображает Е. Анисимов Великого Русского Царя с детских лет (“убивая кошек и собак, носился верхом по людным улицам Москвы, нещадно давя стариков и женщин”, стр. 141)? Далее говорится: “о страсти царя к душегубству” (стр. 145); “С ранних лет он (Царь) проявлял садистские наклонности, а к концу жизни превратился в кровавого маньяка” (стр. 147). После введения опричнины “в стране воцарился страх, террор и смерть, от которой никому не было спасения”. Царя вместе с Малютой Скуратовым обвиняет “в разврате и пьянстве” (стр. 149): “Приговорённых к смерти жгли над костром на вертеле, варили в огромных котлах с кипятком, распиливали надвое пилами, вешали вниз головой, с тех обдирали кожу, взрывали на бочке с порохом. Да и сам царь многократно обаграл свои руки кровью жертв” и т. д. (стр. 150).

На стр. 151 Е. Анисимов позволил себе даже такое: “под каменным полом (Архангельского собора) смердит тело Ивана IV”! И так далее, невозможно повторять ту мерзость, что пишет о Царе Анисимов (см. стр. 151–155).

2. О смерти князя Андрея Боголюбского (стр. 57).

Так и подводит автор мысль, что князя и должны были убить: “Его ненавидели за жестокость и откровенно радовались его смерти”. Об истинных организаторах заговора против князя — ни слова, расчёт прост, мало кто съездит в Боголюбово и узнает правду.

3. Сведения о Катыни (стр. 450).

Опять пытается обвинить во всём нашу страну. Хоть имеются совсем другие данные.

4. “Пакт Молотова–Риббентропа”.

Издавательски пишет Анисимов, что “захват Польши в пропаганде СССР был представлен как долгожданный акт воссоединения белорусов и украинцев со своими братьями, томившимися под игом белополяков” (кавычки Анисимова) (стр. 449).

Что-то не упомянул “великий историк”, как эти земли попали в Польшу и как там жилось белорусам.

Отец мой, полковник Кольванов Михаил Иванович, дошёл с Белорусским фронтом до Берлина, участвовал в его взятии, затем в ликвидации группировки немецких войск в Чехословакии. К осени 1945 г. наша семья приехала к отцу в Волоковск, затем в 1946 г. отца перевели в г. Гродно. Там общались мы и с белорусами и с поляками. Белорусы все были рады освобождению, да и малообеспеченные поляки тоже.

В дальнейшем я работала в г. Минске в многонациональном коллективе, где было много представителей из западных областей Белоруссии. Все они говорили, что встречали Советскую Армию как освободительницу. Вся многочисленная семья моего мужа белоруса также свидетельствует об этом.

Только небольшая часть поляков была недовольна, они и сейчас рады бы оторвать Гродненскую область от Белоруссии. Но не все ещё забыли историю, г-н Анисимов!

5. О страницах так называемого Сталинского террора и говорить нечего. Такое сочувствие палачам всех народов России! Которые, наконец-то получили возмездие за свои преступления. И автор такой книги – главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, автор 20 книг по истории России. Рекомендуют заказ его книг для вузов и библиотек. Какой же истории вновь будут учить наших детей! Пора бы привлекать к судебной ответственности очернителей отечественной истории.

Мы молчим. А как представители сионистских организаций отстаивают своих! Тут же привлекают авторов и их книги к суду под предлогом “разжигания межнациональной розни” и достигают своей цели.

А когда сочиняют небылицы о русских князьях и царях, злонамеренно искажают русскую историю – это ли не разжигание межнациональной розни! И вся фальсификация сходит с рук. Куда смотрит власть российская, если она российская?! До какой поры это будет продолжаться? Когда свершится праведный суд?

Честные люди, артисты! Не участвуйте в антиисторических фильмах и постановках! Изучайте историю не только по тем материалам, что вам подсовывают бесчестные “историки”. Не будьте пешками в нечистой игре! Не берите грех на душу. Подумайте, какой вред вы наносите своему народу, стране, участвуя в лжесвидетельствах!

Ещё раз о национальности. Хорошо сказал об этом православный Святой священномученик Горазд (1879–1942), епископ Чешский и Моравско-Силезский (“1168 вопросов и ответов о Православной вере”, Минск. 2009 г.):

“Национальность имеет уже, как дар Божий, свою большую ценность и обязывает каждого человека хранить её. Сознательное отщепенство является большим нравственным проступком, потому что является отречением от отца и матери. Отщепенство является нарушением устоев, данных Провидением Божиим. Если оно является сознательным и преднамеренным, то действует на душу человека так же пагубно, как каждое иное преступление”.

Хотелось бы прояснения по этому вопросу.

С уважением, **Нищик Натэлла Михайловна**, русская, родители родом из Ярославской области, в Белоруссии живём с 1945 г. – приехали из Ярославля к отцу к месту его службы. Окончила Ленинградский политехнический институт в 1962 г. 40 лет проработала инженером-конструктором на Минском заводе колёсных тягачей.

Большое спасибо за замечательный журнал. С огорчением узнала, что всего по России 9000 подписчиков журнала. Что же читают русские люди?!

“ЕСТЬ ЕЩЁ ПОРОХ В ПОРОХОВНИЦАХ”

Дорогой Станислав!

Хочется встретиться, но по состоянию здоровья я уже невыездной. Вздох читаю “Холокост” – да и всего Куняева и радуюсь, что есть у нас ещё порох в пороховницах, да жаль, что молодое поколение не спешит прозревать...

Упорно издаю русский патриотический журнал “Звонница” – без помещения (на квартире), без штата, а сам – редактор на общественных началах.

Навсегда твой,
В. Шаповалов,
участник ВОВ,
г. Белгород

СУДЬБА БИБЛИОТЕК – СУДЬБА ЖУРНАЛОВ

Добрый день, уважаемая редакция!

На обложке журнала вижу обращение к читателям. Но почему вы не обращаетесь непосредственно к библиотекам? Почему вы игнорируете такую мощную сбытовую сеть? Я отдала библиотекам 20 лет. И знаете, что меня удивляет – это два мифа: о нищете библиотек и библиотекарей. Вот и Станислав Юрьевич Куняев в “Истерики пана Помяновского” упоминает о “жалких копейках”, выделяемых на комплектование. Прежде всего, библиотеки и библиотекари никогда не были нищими. После института (1980 год) я получала 110 рублей. Ставка учителя в то время – 100 и врача – 90 рублей. В профсоюзной библиотеке мой оклад составлял 130 руб., плюс квартальные премии – 60 руб., плюс 13-я зарплата. Кстати, библиотека выписывала по 5 экземпляров каждого толстого журнала. Массовые обычно выписывали по 3 экз.

Немного истории. У Ленина более 300 работ, где он упоминает о роли библиотек в воспитании трудящихся. Библиотеки были идеологическим сектором, и партия не жалела денег на продвижение своей идеологии. **За годы советской власти создана уникальная библиотечная сеть, которой не может похвалиться ни одна страна в мире.** Библиотеки строились с расчётом не более километра ходьбы от дома. Только в Москве построено 440 библиотек. Не считая школьных, вузовских, профсоюзных. И научно-технических. Скажете – вспомнила бабушка, когда была девушкой! Ведь сейчас всё не так.

А как же сейчас? Прежде всего, за годы “перестройки” не закрылась ни одна массовая библиотека. Зарплаты: от 20 000 до 25 000 (зав. библи.) и 37 000 (директор ЦБС). Даже сейчас библиотекари не чувствуют себя обиженными на общем празднике жизни, и кризис, о котором все говорят, пока не коснулся библиотек (если иметь в виду деньги). Весной после 8-летнего перерыва (работала в издательстве) я вернулась в библиотеку. Только журналов я насчитала около 150 наименований. Летом подписку сократили на 50%, но уверяю вас, это прошло безболезненно для читателей. Ушли издания, переставшие интересовать людей. Это и “Огонёк”, и “Работница”, всевозможные “Вопросы” экономики, философии, истории (для специалистов), или “История в школе”, “Русский язык в школе” – их выписывает школа, или “Компьютерра”, “Железо”, “Лиза”, “Атмосфера”, “Караван истории” и т. п. В сентябре ещё сократили подписку на 10%. И она прошла безболезненно, т. к. оставалось много хлама типа “Из рук в руки” (за полгода никто ни разу не спросил) и др. Толстые журналы не тронули.

Что ждёт библиотеки? Департамент культуры принял постановление (его можно прочесть на сайте Департамента), согласно которому в Москве будет построено 140 библиотек мобильного типа. Для этого выделяется 300 миллионов рублей. Пока вы верили в миф о нищете библиотек, издатели книжной продукции всё сосчитали и поняли, что через эту уникальную обширную сеть они могут спокойно гнать свою продукцию, не думая о сбыте. Придумали тендеры. Очень удобно. Только для народа это беда. То, что сливают через тендеры, стыдно ставить на полку. Раньше комплектование было плановым, и от уровня культуры и пожеланий заведующих ничего не зависело. В 2010 году библиотекам (ЦБС) будет дан статус юридического лица. Кто запретит директору тратить деньги на “Новую Польшу”? Никто. Да, собственно, и сейчас никто не запрещает, хотя деньгами распоряжаются управления культуры. Подписка до сих пор делается по инерции (что выписывали раньше), но эта инерция будет разрушена. Планируется библиотеки превращать в культурно-досуговые центры с точками питания и продажи. Повторяю, если директору по каким-либо причинам удобнее будет выписывать “Новую Польшу”, ей достаточно отдать распоряжение, и все 20 библиотек, которые находятся под её властью, выпишут этот журнал, а не “Наш современник”. Удивляюсь, как до сих пор ни один общественный деятель не поднял вопрос о библиотеках.

Руководители толстых журналов! Я обращаюсь к вам. Объединяйтесь и выходите с предложениями в правительство. Судьба ваших журналов во многом зависит от судьбы библиотек.

С уважением, профессиональный библиотекарь-библиограф
Еремеева Валентина Владимировна.
г. Москва

СИБИРЯКАМ!

Уважаемая редакция!

Хотелось бы через Ваш уважаемый журнал обратиться к сибирякам, да и ко всем гражданам России в связи с последними соглашениями между Россией и Китаем, о которых пишет пресса. По этим соглашениям Сибирь и Дальний Восток отдаются нынешними правителями России в аренду миллиардному китайскому государству.

Любой здравомыслящий человек понимает, что, отдавая национальные недра, запуская на свою малонаселённую территорию сотни тысяч (если не миллионы) граждан соседней страны, более крепкой экономически и своей национальной спайкой, мы наверняка эту территорию потеряем. Пример Косово – перед нами. Русское население будет вытеснено из Сибири и с Дальнего Востока в течение ближайших лет. Китаю даже воевать с нами не придётся. Мы сами уйдём – покорные и проигравшие. Преданные собственным правительством.

Хочу я обратиться к сибирякам. Не к легкомысленным заезжим за “длинным” рублём, а к тем, кто врос в эту землю. Может быть, их остались единицы, но только к ним обращаться и стоит. Как мы можем остановить лавину вранья и предательства, основа которым – неуёмная жажда наживы, жажда роскоши и сверхприбылей. Что же нам остаётся? Бороться.

Плакать об уникальной сибирской культуре, безжалостно уничтожаемой и ранее, а с приходом в Сибирь Китая обречённой на бесследное исчезновение – вряд ли стоит. Плакать о людях и языке, о том, какой мы уничтожаемый народ, набравший в своё время земли и не могущий таким добром распорядиться – не будем.

Друзья мои, сородичи, в Сибири живущие и Сибирь знающие, найдётся у нас сила и решимость встать, выйти, сказать своё решительное протестующее слово! Услышат нас или не услышат – другое дело. Пусть. Но мы запомним нашу природу, наши тайну, тундру, реки. Наши красивые четырёхсотлетние города. Чтобы в памяти нашей всё это осталось. Чтобы дети наши знали о том, где мы с вами жили, о том, как нас предали наши правители. Чтобы помнили об этом предательстве сколь возможно долго. Нет, не мстить – только помнить.

Антон Нечаев, главный эксперт Фонда Астафьева.
г. Красноярск

РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ И ДЛЯ ВСЕХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Спасибо Вам за присланную книгу “Стас уполномочен заявить”, которую с интересом прочитали и мои добрые знакомые. Хорошо и о русских традициях в поэзии и в общем смысле. В октябрьском номере “Нашего современника” за прошлый год, наряду с другими публикациями, меня заинтересовал аналитический обзор А. Севастьянова. Объединяющая платформа понятна, но пока она затрагивает довольно узкий круг лиц. Хотелось бы, чтобы она стала широким социально-политическим фоном общественной жизни, а не утыкалась в тупики, о которых писала в “НС”, 2007/10, М. Струкова “Чувство долга, забытое”.

В анализе есть один интересный, острый, но и ключевой подход: “Религии приходят и уходят, а этнос остаётся, ибо кровь изначально и онтологически выше религии” (с. 171). Этот принцип православию (мессианству: древность во славу) не противоречит, а христианству – возможно. Хочет кто или не хочет, но этот вопрос стал в наше время как никогда актуальным. И потому в действиях положено быть осмотрительными, но в дискуссиях уступать инициативу нельзя.

Странные деятели от РПЦ. Русских они отграничивают от церкви. Не нравятся им, что она в первую очередь русская. Да ещё и виноватят нас. Сами,

отстраняющиеся от интересов русских, предлагают народу совершить какое-то покаяние. Не таковы ли были и те, которые в 1917 году поспешили присягнуть Временному правительству, в одночасье позабыв о русском народе.

Ещё по этой теме, что задевает. Естественно, продолжают ссылки на работы Н. Я. Данилевского. На мой взгляд, лучше первенство отдавать не разбирательству различных сторон неприязни к нам Запада, а нашему собственному отношению к нему. В чём мы видим свою самость, свою русскость, почему мы хотим быть русскими, чем нам не подходит западная ментальность: манерность, экзистенциализм, самовыгодность, приятельское ростовщичество, болезненная высокомерность, гортанная крикливость, вычурное шоуменство, как образ жизни, цивилизованная завуалированная лживость прислуживания главной власти и т. п.

В связи с этим можно ощутить и близкие нам стороны понимания того, чем является и что по своей сути значит Россия для русских. Если это песня, то бодрая, светлая. Итак, Россия для русских означает природный жизненный ареал многотысячелетнего складывания народов северного полевого и лесного равнинного и подгорного типа, находящегося в долговременной исторической гармонии с природной средой.

Россия для русских – это сохранение своего “я” через посредство своего рода или даже соседних родов в случае каких-либо чрезвычайных обстоятельств, т. е. сохранение русской преемственности через междуродовое вспоможение и обережение и продолжение природной данности на русский лад.

Россия для русских означает благое ощущение традиционного созерцания утешений и удовлетворённости в своих обрядах, гуляниях, показном скоморошестве, песнопениях, преодоление бытового и мировоззренческого хаоса и возвращение к бытовой устойчивости, сохранение природного антропологического своеобразия для уверенного вступления в космическую эру.

Россия для русских – это единое национальное пространство и сопротивление противоборствующим агрессивным центробежным и враждебным силам, что предполагает полную наглядность государственной национальной деятельности лиц всех рангов, обременённых властью. Преодоление кастовости чиновничества.

Россия для русских означает естественное и неодолимое движение в своей стране к правде и справедливости для всех соотечественников.

Желаю Вам, Станислав Юрьевич, всего доброго, хорошей работы, литературной в том числе.

До свидания.

Корелов Игорь Васильевич

КОМУ ЖЕ КАТЬСЯ?

Уважаемая редакция журнала “Наш современник!”

Поздравляем всех вас с праздниками! Прежде всего, благодарим Александра Ивановича Казинцева за все его труды, помещённые в журнале – “Возвращение масс”, “Симулякр, или Стеклозное царство” и другие аналитические работы; всё читается, обсуждается, переживается. Сейчас телевидение обсуждает тему сплочения гражданского общества. Может, надо проанализировать, как его разваливали? Сначала нам твердили о равных обязанностях и правах, а после событий в Карабахе, Оше, Грузии, Прибалтике мы поняли, что не равны по национальному (русских травили, изгоняли, убивали), по религиозному (убийство православных священников), да и по социальному статусам.

Если Отечественная война, восстановление страны из руин объединили общество, разделённое на красных и белых, то наш главный “оттепельщик” снова разделит общество, не думая, как всё это отзовется в последующих поколениях. В 90-е годы похоронили Деникина, Каппеля, прославили Колчака, которые пролили немало народной крови на деньги Антанты, что не содействовало объединению общества. Наблюдаем награждение представителей на-

шей культуры: всё тех же – Ахмадулина, Улицкая и т. д. Удивлению не было предела, когда наш президент поздравил Гарика Сукачёва с 50-летием за “огромный” вклад в музыкальную культуру страны. Может быть, и Казинцева А. И. президент тоже поздравил с недавним юбилеем, а мы просто не услышали?!

Театр Татьяны Дорониной нигде не упоминают, так же как и ваш журнал, поддерживающий культуру и государственность страны. Награждают “своих”, как сказал недавно Горбачёв. Всё это разве объединяет наше гражданское общество?

Вспоминаю свои школьные годы, когда на уроках истории приводились потери в Великой Отечественной войне: погибших евреев насчитывали 3,5 млн человек, через десяток лет – уже новые данные – более 4 млн, сейчас уже 6 млн человек!.. А кто считал 19,5 млн человек гражданское население других национальностей, что погибли в мясорубке войны, в том числе мой отец и четыре дяди. А ведь фашистский режим рос и креп в 30-х годах на еврейские капиталы. Может, и нам внятно сказать о “нашем Холокосте” после революции, кто его устроил, кто возглавлял, насаждал идеологию атеизма, искоренял православную веру и храмы? Нас много лет призывают к покаянию за события 37-го года. За что каяться? Может быть, надо сначала покаяться Гербер и её соплеменникам?

Постоянно задаём себе вопрос, почему существуют города, улицы, проспекты имени Ленина, Дзержинского, Менжинского и других большевиков, а именем Сталина не назван сейчас даже самый маленький переулок, наверное, за то, что при нём страна от сохи дошла до атомной бомбы, за его аскетизм, за постоянную заботу о безопасности государства. “Правозащитники” утверждают, что Победа и все достижения после неё были совершены не благодаря Сталину, а вопреки ему. Почему же сейчас нет побед, когда никто не мешает? Политики продолжают бороться со Сталиным, находят всё новые данные для шельмования нашей истории, достижений народа. Это тоже разъединяет народ. Зато Европа почти вся была на стороне Гитлера, теперь же, делая вид, что только Германия воевала против СССР, не роется в своей истории. Европа не должна сравнивать Гитлера со Сталиным, ставя их на одну доску, это аморально. А наши политики и “правозащитники” по-прежнему продолжают этим заниматься. “Довоевались” со Сталиным до того, что Победу присвоили себе другие государства. Как эти политики выступали против гимна, Знамени Победы! Этим они тоже сильно “сплачивали” общество.

Желаем вам всем крепкого здоровья, творческих успехов и сил на ниве просвещения нашего народа!

Тревожимся, открывая очередной номер журнала, все ли живы. Не стало Саввы Ямщикова, подвижника русской культуры – очень тоскливо, когда уходят такие таланты. Спасибо, если прочтёте наше письмо.

Семья Штырёвых.
г. Москва

“ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС В РОССИИ ЕЩЁ ВПЕРЕДИ”

Здравствуйте, Александр Иванович!

Прочёл в 11-м номере “Нашего современника” за 2009 год заключительную часть “Возвращения масс”. Спешу поделиться с Вами своими впечатлениями...

Сначала о себе. Я учитель музыки в общеобразовательной школе ямалского городка Муравленко. Мне 46 лет, образование высшее, женат, двое детей. Казалось бы, какие глобальные вопросы? Тут бы выжить! Но, живя в России с 1997 года, я интересуюсь публицистикой, которая пытается осмыслить происходящее в мире, а также прогнозировать дальнейшее развитие событий. Журнал “Наш современник” читаю с 1998 года, беру его в городской библиотеке (подписка, к сожалению, не по карману). Начинаю чтение свежего номера именно с публицистики.

Ваша книга “Возвращение масс” сразу же захватила меня, почти как художественное произведение. Главы о Латинской Америке читал взахлёб, так как в СМИ постоянно проходит совершенно противоположная информация. Многие фрагменты зачитывал семье вслух (особенно про президента Венесуэлы Уго Чавеса). С нетерпением ждал Вашего анализа постсоветского бытия, так как являюсь уроженцем Украины и связь с малой Родиной не теряю – там живёт мама, там остались друзья. Туда, в Чернигов, каждое лето вместе с семьёй езжу в отпуск.

Ваш анализ событий на Украине великолепен! В дни “оранжевой” революции мама звонила каждый день, чтобы поделиться переживаниями. Люди старшего поколения буквально страдали от всего происходящего. В доме, где я вырос, после победы Ющенко умерло несколько пожилых людей – таков был накал страстей. Мои ученики (на Украине я преподавал в музыкальном училище), поющие в церкви Московского Патриархата, говорили, что во время Рождественской службы “революционного года” было ощущение конца света. Главы из Вашей книги я даже ксерокопировал и отвёз в Чернигов друзьям и ученикам.

С нетерпением ждал глав о России. И не зря – читал и перечитывал. Очень много созвучного с моими ощущениями. Особенно о личности “национального лидера”.

Теперь о молчании читателя. Мне кажется, что люди до сих пор находятся в некоем “зачарованном” состоянии. На последних президентских выборах многие шли голосовать “за Путина”, хотя его кандидатуры в списках не было! Дети в школе (учащиеся старших классов) порой открыто спрашивают педагогов старшего поколения: “За что Вы не любите нашего Путина?” Всё пространство, и не только информационное, заполнено слоганами “Единой России”. Их даже после начала кризиса поленились снять! Кто пошустрее, ринулись вступить в “правящую партию” и “делать карьеру”.

Оппозиционной печати и деятельности не разглядишь и в лупу. У людей складывается впечатление, что на местах “всё схвачено и задушено”, и лишь в Москве наблюдаются некие судорожные оппозиционные движения. Даже после дальневосточных и пикалёвских событий ничего в нашем относительно благополучном регионе не изменилось.

Вы пишете, что война в Южной Осетии и кризис всколыхнули Россию. В дальней провинции никого ничто “не колышет”! Люди заняты выживанием. Правда, есть сдвиги – властные шоу стало смотреть меньше людей. И, тем не менее, всеобщей заинтересованности происходящими событиями в стране нет.

А пока вся чиновничья вертикаль “додавливает” образование, превращая школу в место духовного растления новых поколений. Упор на “успешность” и “лидерство”, не подкреплённый воспитанием трудолюбия и ответственности (фактически трёхбалльная система оценок, запрет на резкие замечания и т. д.), приводит к деградации личности ребёнка и “подставляет” его во взрослой жизни, где сегодня царит почти волчья конкуренция. На молчаливое сопротивление учителей администрация отвечает репрессиями, цепляясь к самым невинным случаям педагогических “срывов”. Очень изменилась риторика руководителей среднего звена – всё больше барства и жёстких требований. . .

У меня такое впечатление, что власти не понимают, где предел терпения и забитости людей, доводя народ до точки кипения. Думаю, что возвращение масс в России ещё впереди. И вот тогда Ваша книга станет настольной. Её пора издать отдельным тиражом. А пока в интернете при наборе “А. Казинцев, “Возвращение масс”, – “искомая комбинация слов не встречается”.

Я очень благодарен Вам за эту великолепную работу – она меня как-то духовно подняла.

С нетерпением жду Ваших следующих книг.

Пархоменко Андрей Владимирович.
г. Муравленко
Ямало-Ненецкого автономного округа

“ВАШИ УСИЛИЯ ПОМОГАЮТ ГРЯДУЩЕМУ...”

Уважаемый Александр Иванович!

Прежде всего, хочу выразить Вам признательность за гигантскую работу, связанную с анализом политических течений современного мира. Это, пожалуй, единственная работа такого масштаба, которая даёт истинное и правдивое отражение тех настроений среди широких масс людей, которые сегодня царят на разных континентах. Нет сомнений, что многие читатели “Нашего современника” найдут для себя ответы на многие злободневные вопросы.

Между тем Вы сетуете, что, вопреки ожиданиям, пока получили немного писем. И это немудрено. Потому что поставленные Вами вопросы для многих мало известны, и люди глубоко не знают того, что происходит на других континентах или в отдельных странах. Чему в огромной степени способствует телевидение и остальные СМИ, искажая и извращая происходящие за рубежом события. Поэтому письма обязательно будут по мере осознания всего Вами написанного. Это касается и страниц, связанных с ситуацией в современной России. Многие из нас разделяют Ваши мысли о том, почему всё так происходит в стране.

Огромная панорама происходящих на планете социальных преобразований, между тем, оказалась мало связанной с проблемой глобализации, как стихийно развивающегося всемирного процесса противодействия низов современного общества планам транснациональных монополий.

В этом плане так называемая “борьба с мировым терроризмом” стала частью общего наступления сил “золотого миллиарда” на оставшиеся права и свободы десятков стран и народов мира. Почему в Афганистане до сих пор идёт война с талибами? Откуда и почему эти люди, вооруженные нехитрым оружием, черпают силы? Какие цели они перед собой и почему ставят? Откуда в Сомали и Нигерии появились современные пираты? Почему миллионы турок, алжирцев и представителей других арабских народов Северной Африки, а также стран Юго-Восточной Азии устремляются в Европу? И к чему может привести накопление в Европе нового социального взрывчатого материала?

Стремление лидеров политики глобализма незаметно установить для народов новые правила поведения очевидно. И борьба с мировым терроризмом, расправа с Ираком и на очереди с Ираном направлены именно на это. И Россия не стоит здесь в стороне. Её нынешняя власть, включившись по своей инициативе в борьбу с международным терроризмом, получила возможность приступить к решению совершенно других проблем. Под предлогом этой борьбы она приняла законы, которые фактически отняли у народа его многие права и свободы, зафиксированные в Конституции. По сути, она создала авторитарное государство, которое мало отличается от бывшей однопартийной советской власти. Огромные ожидания народа, связанные с перестройкой, не получили своего развития. Определённые силы сознательно извратили этот процесс, чтобы бросить к своим ногам слабую и беспомощную Россию. Вполне понятно, что миллионы людей, ожидавших перемен, оказались разочарованы. Их заставили ковать своё “капиталистическое счастье” на условиях тех, кто нагло прибрал к рукам общенародные богатства. Те, на кого люди надеялись, а именно политические партии и их лидеры, оказались не у дел. Потому что массированная клеветническая и дезинформационная кампания во многом дискредитировала в глазах народных масс КПРФ.

Есть искусственно созданные рейтинги политиков, с помощью которых людям пытаются внушить, что это их собственное мнение и что поэтому они обязаны следовать их курсу и политике. В таких условиях не может быть речи о настоящей российской элите. Её сегодня в стране нет. Есть элита нуворишей, казнокрадов, взяточников и жуликов, правительственных проходимцев. Она опирается на так называемую культурную и “чего изволите” элиту, которая обслуживает этот верхний слой новоявленной российской капиталистической аристократии. Этой элите глубоко чужды интересы большинства простых людей. Ей чуждо сострадание и милосердие. Её представители могут спустить за ночь миллионы долларов в казино вместо того, чтобы помочь детским домам и стариковским интернатам. Из этой элиты не могут появиться реальные проводители масс. Те, которые сегодня на это претендуют, сами являются марионетками в руках сил, манипулирующих политическими процессами в России.

Чтобы окончательно парализовать волю русского народа, ему усиленно вдалбливают мысль о том, что любые его речи о русскости, о православии якобы связаны с шовинизмом и оголтелым национализмом.

Лишая русский народ права на национальное и культурное самоопределение, его тем самым хотят низвести до положения чужака на собственной земле. Потому что в таком состоянии легче управлять этим народом. Ему даже не позволяют формировать свои национальные движения и организации, связанные с защитой своих конституционных прав и свобод. Для Владимира Путина и его олигархического окружения появление национальной силы в лице самостоятельного русского национального движения означает полный политический крах. Поэтому он называет “придурками” всех, кто пытается отстаивать право русских на свою самобытность. Вспышки национализма со стороны татар, башкир, чеченцев и других малых народов не пугают его. Путин страшится того, что волна русского национального возрождения подымет на свой гребень совершенно новых людей, с иными идеями и взглядами. Отсюда драконовские законы, которые, по сути, лишили людей прав на демонстрации и стихийные выступления. Всё это облечено железными рамками ограничений, продиктованных действующей властью. А она не будет действовать против себя.

Создание русской республики в составе РФ коренным образом изменило бы весь политический ландшафт в стране. Но именно этого не желает допустить нынешняя российская верхушка, а также силы, которые, как и в 1917 году, оседлали русскую революцию, пытаются сегодня стать с помощью провокаторских методов во главе русского национального движения, чтобы руками действующей власти это движение задушить в зародыше. Эти силы сознательно провоцируют власть, давая ей повод для расправы с любыми антиправительственными выступлениями людей. Чтобы сохранить для кучки богачей неограниченное право на эксплуатацию русского и других народов России, которые усиленно противопоставляются сегодня друг другу.

Хочу с Вами поспорить, не “контрэлита”, как вы пишете, а подлинные представители русской интеллигенции обязательно станут во главе новых русских сил. Для этой народной элиты самым главным будет утверждение принципа справедливости и подлинного равенства в России, как в самом русском обществе, так и на всех его национальных территориях. За этой народной просвещённой элитой пойдут не только миллионы русских, но и все остальные народы России, которые сегодня также стонут от правления собственных кланов, погрязших в коррупции, воровстве и разграблении своих народов.

Чтобы не дать прорасти новым освободительным всходам, противники русского народа пытаются лишить его окончательно духовной и нравственной силы. Вот отчего на телевидении развернуто изощренное наступление на Православную Церковь. Её искреннее стремление привить школьникам великие святые истины, укрепить их дух и нравственные начала постоянно подвергается атакам в СМИ. А ведь наше священничество не покушается на тех, кто исповедует другие религиозные догматы. Оно, желая обучить начинающую учиться молодёжь азам православной нравственности и духовности, оставляет за каждым свободу выбора.

Сегодня, когда российское общество насквозь прогнило и заражено западными потребительскими ценностями, вряд ли найдутся лидеры, которые с нравственной точки зрения будут способны обратиться к народу и сказать — делай, как я. Таких лидеров может дать только сама Церковь. В её рядах немало истинных патриотов земли русской! Настоящих подвижников, образованных и чистых сердцем, способных вести за собой не только свою паству, но и сотни тысяч других, негодующих против царящей несправедливости, насилия, лжи и государственной фальши.

Когда вы пишете, что поражены отсутствием широкого народного протеста, то это заблуждение. Этот протест сегодня удерживается благодаря принятым законам и репрессивным мерам. Люди наши продолжают “крутиться”, потому что у них выработалась генная память на подобные невзгоды, которые сопровождают нашу страну десятилетиями. Оккупированная Европа жила лучше при фашизме, чем мы, когда ковали меч Победы в городах Сибири и Поволжья.

Нынешние миллионы свободных западноевропейцев мало задумываются над тем, какая у них была бы судьба, если бы не жертвенная роль русского и других его братских народов в Великой Отечественной войне. У лидеров Запада на сей счёт выборочная память. Они и молодёжи пытаются внушить, что

Россия всегда была извечным врагом прогресса и цивилизации. А ведь именно она своими социальными революционными завоеваниями заставила изменить многие порядки на Западе, усилить права и свободы его граждан. А сколько миллионов людей должны быть благодарны победе русского народа в последней войне, которая привела к краху огромных колониальных империй! Эти народы были и навсегда останутся нашими союзниками в период самых жестоких испытаний. Поэтому, когда Россию пытаются дискредитировать в глазах миллионов мусульман на Ближнем и Среднем Востоке, многие понимают, что атаки на неё предпринимаются для того, чтобы расчистить почву для их же последующего порабощения.

Нынешний глобальный экономический кризис смыл с России бутафорское величие. Он обнажил скудость ума её политиков, безответственность олигархов, пресмыкательство законодателей перед исполнительной властью, продажность судов и всей правоохранительной системы. Этот кризис показал, что все реформы, проводимые в последние годы, были направлены не на улучшение, а ухудшение положения дел в стране. Судите сами. Административная реформа вместо того, чтобы упростить государственный аппарат, создала ещё более громоздкий. Поражённый коррупцией, как сибирской чумой, он ждёт просто своего полного уничтожения. Пенсионная реформа, начатая Ельциным, рука которого беззащитно залезла в фонды пенсионеров, была успешно продолжена в этом же духе. Отмена социальных льгот и реклама их возмещения так называемыми реальными доходами пенсионеров обернулась бесстыдным ограблением последних. Реформа образования превращает молодых людей в начётчиков и дипломированных недорослей. Реформа здравоохранения лишила права на жизнь тех, у кого нет денег на покупку нужных лекарств или проведение срочных операций. Реформа армии на корню губит её. Повальное воровство среди генералов, кующих своё капиталистическое счастье, привело к деградации российского офицерства. Вертикальная реформа государственной власти привела лишь к показушной зависимости регионов от центра. Она не покончила с воровством, взяточничеством, расхищением государственных средств. Она лишь укрепила диктатуру власти капитала над людьми, сделав их полностью зависимыми от самоуправства своего высшего чиновничества.

А непрекращающееся обрезание избирательного законодательства, кажется, совсем отобьёт охоту у людей голосовать. Да этого от них уже и не требуется: достаточно прийти на выборы одним представителям власти, чтобы выборы считались состоявшимися. А борьба с экстремизмом превратилась в охоту на тех, кто не желает жить по подобным законам.

Русское поле давно ждёт своего пахаря. Он непременно вспашет его и засеет добрыми семенами, отделив от них плевелы и всякий словесный сор. И в этом плане журнал “Наш современник” является одной из самых динамичных и эффективных трибун просветительских сил в борьбе за новую Россию. И Вы, уважаемый Александр Иванович, можете гордиться тем, что Ваши нынешние усилия на ниве народного просвещения уже помогают грядущему Пахарю. Успехов вам новых и крепкого здоровья! Любовь народа к Вам – обязательно придёт!

Рябцев Эдуард Павлович,

бывший политический обозреватель Агентства печати Новости по странам Африки, Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии.
г. Москва.

“СПЛАВ НАУЧНОГО АНАЛИЗА И ВЫСОКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ”

Дорогой Александр Иванович!

Поздравляю с завершением Вашей тяжелой и трагической поэмы “Возвращение масс”. Три с лишним года Ваших наблюдений, обобщений и тяжёлых заключений! Наверное, некоторым покажется странным, что я называю Ваш труд “поэмой”. Но Вы свой эпилог начинаете с констатации “невольного пафосного оттенка”. Вот и Н. В. Гоголь назвал свои “Мёртвые души” поэмой,

хотя до тошноты всё было безобразно и смешно. Может быть, моё название Вашего жанра станет выглядеть обоснованней в конце моих заметок.

Всё говорит о том, что Россия перестала быть лидером мира, лидером, строящим свою цивилизацию на огромном пространстве в самом холодном климате с огромными перепадами температур во времени и в пространстве. Ни одна цивилизация не могла “саморазвиться” в таких тяжёлых климатических условиях. Что бы ни говорили, что Россия – задворки Европы, Россию всегда разглядывали с интересом и революционеры, и консерваторы. Россия всегда имела черты тайны.

И вот мы видим, что Россия разуверилась в своей способности самоуправляться, сохраниться как держава. Россия устала. Россия капитулировала перед её грабителями и обманщиками.

*Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздой очеса.*

Гаврила Державин

Россия не читает. Россия перестала иметь тайну. Россию представляют “новые русские”, паразитирующие, “беря от жизни всё”.

Есть ещё разгневанные, уповающие на мифическую “сильную руку”, которая жестоко покарает воров и лгунов. Видимо, это упование на чудо осталось не только от русских народных сказок, но и от нашей истории, когда в безнадежных ситуациях Россия справлялась с бедой и со своими врагами. Это и Минин и Пожарский, это и 1812 год, это и Сталинград.

А сейчас лень, уныние и неверие. Н. В. Гоголь писал: “Есть у русского человека враг, непримиримый, опасный враг, не будь которого, он был бы исполином. Враг этот – лень, или лучше сказать, болезненное усыпление...”

Вы правильно отметили, что имеется “глухой ропот недовольства”, “несогласие с призывом избавиться от иллюзий, уповая на “сильную руку”. Вы дали остроумный образ потенциального обладателя “сильной руки”: “...и он, ОН, склонится до самой земли – помочь Петру Ивановичу из 45 квартиры и строго наказать Марию Ивановну из собеса, бессовестно притесняющую его. Да что вы о себе думаете? Кем вы себя считаете? Наполеоном и Обамой в одном флаконе?”

Никому, кроме себя, вы не нужны”.

Вы правы – только потрясение может заставить очнуться Россию, когда “вернутся массы” и начнут “самоорганизовываться”. Вот тогда и начнут читать!

Хотя я не религиозен, мне иногда представляется, что Всевышний уже послал страшные предупреждения, чтобы обратить наше внимание на обвальное состояние России из-за преступного уныния, “пофигизма”, идиотизма, жадности и воровства. Это – взрывы в Ульяновске, террористический акт с “Невским экспрессом”, Саяно-Шушенская авария, мучительная смерть 155 молодых людей после пожара в “Хромой лошади” (ведь какое название!). Ведь так же было в 1980-е годы при начале разрушения СССР. Вспомним крушение теплохода “Адмирал Нахимов”, потом крушение круизного теплохода, ударившего мост на Волге. Вспомним страшное Спитакское землетрясение в Армении в 1988 году, где под обломками недоброкачественно построенных домов (из-за воровства цемента) погибло 25 тысяч человек. Далее страшная авария на границе Башкирии и Челябинской области в 1989 году, когда два пассажирских поезда вошли во взрывчатое облако, образовавшееся из-за утечки горючего газа из трубопровода. Тогда погибло 600 человек. И, наконец, хотя и на три года раньше, – Чернобыль. Все эти катастрофы тогда демонстрировали преступный идиотизм и воровство.

А ведь в стране десятки атомных реакторов, десятки тысяч трубопроводов с нефтью и газом при высоких давлениях, изношенные водопроводы и электрические сети. И привыкшие воровать бестолковые “менеджеры”, и слабое государство, которое даже не может собирать налоги, чтобы “учить, лечить и защищать” – то есть выполнять свои первейшие функции.

Помимо развенчания отечественных мифов и мифотворцев, Вы правильно сделали, что обратились не только к истории России, но и к мировой современности. Как сейчас на других континентах поднимаются и “возвраща-

ются массы”? Как там зреют революции? Как они преодолевают жадность, лживость и недомыслие своих правителей? Дух преобразований и прогресса перешёл в Юго-Восточную Азию (Китай, Индия) и в Латинскую Америку. Именно там “варится” новая история и новый миропорядок. Я с огромным интересом читал Ваш анализ процессов в Латинской Америке, которую я недооценивал. Вы очень хорошо написали, что если народ твёрд, то его не победить, о чём говорят примеры Ирака, Ирана и Афганистана.

Вы правильно пишете, что надо избавиться от иллюзий и веры в капитализм, в святость частной собственности. Мир неизбежно идёт к социализму XXI века. Но для России это не возвращение в социализм XX века, а строительство социализма XXI века после того, как сумеем наладить современный и сбалансированный капитализм с гражданским обществом.

Вы обнадёжили ресурсом интернета. Дай Бог! Хотя в интернете можно поднять такой гвалт, что никто ничего не разберёт и не найдёт то, что надо.

Правильно, что Вы не ограничились критикой власти и олицетворяющих её “консерваторов”. Вы обратились с критикой и к “левым”, и к “патриотам”, – и к тем, кто надеется на “простые решения” и на “магические слова”. Выход будет сложным и многолетним. Но чтобы он начался, надо избавиться от примитивных иллюзий, надо понять “простые вещи”. А Георгий Свиридов говорил: “Не так просто понять простые вещи”.

Самое главное, чем восхищает Ваша публицистическая поэма, это сплав научного анализа и высокой литературы. Это сплав аргументов, страсти и беспощадного ума. Этим и отличается русская литература. Это такая литература, когда при описании даже очень тяжёлых и трагических явлений или сцен испытываешь наслаждение оттого, что смог не только “расчесать” большое место, но осознать “простые вещи”. В таких случаях говорят – радость просветления, радость понимания, радость, что есть человек, который двумя-тремя точными ударами вбил гвоздь по самую шляпку. Замечательно сказал о такой литературе Александр Блок:

*Тащите, траурные клячи,
Актёры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем было больно и светло.*

Поэтому я и называю “Возвращение масс” поэмой. Ещё раз поздравляю. Я радуюсь Вашему таланту, Вашей доброй силе и твёрдой воле.

За то, что такая литература время от времени выходит в “Нашем современнике”, я уважаю Ваш журнал.

Ваш **Роберт Нигматулин**,
академик Российской академии наук,
член Президиума РАН,
директор Института океанологии им. П. П. Ширшова.
г. Москва

“ВОЗРОЖДЕНИЕ МАСС ДОЛЖНО БЫТЬ ПОДГОТОВЛЕНО...”

Уважаемый Александр Иванович!

С большим интересом читал Ваш большой публицистический труд “Возвращение масс”, опубликованный в журнале “Наш современник”. Вы сетуете, что Ваша работа не вызвала широкого отклика читателя. А я-то думал, что Вам приходят сотни писем, и даже не решался внести свой голос в этот предполагаемый хор. Ладно, раз уж я ошибался, то вот он я, Ваш внимательный читатель, много размышлявший над Вашим трудом, часто сочувственно и сомысленно, иногда с сомнениями и несогласием. Но неизменно – с уважением и восхищением Вашей основательностью и обширной эрудицией. Я не политолог, а философ и культуролог, но судьба России и её настоящее волнуют меня не меньше, чем Вас.

И вот некоторые мысли по поводу Вашего труда, которые я решаюсь предложить Вашему вниманию. В размышлениях над историческими судьбами разных народов, как Вы, вероятно, согласитесь, нужно уметь увидеть жизнь и судьбу данного народа как некоего целостного культурно-исторического организма (идея Н. Я. Данилевского, позже получившая развитие в трудах О. Шпенглера и А. Тойнби). Каждый из этих национальных организмов неповторим, и его судьба также неповторима, хотя и Шпенглер, и Тойнби усматривали некоторые общие закономерности в судьбах цивилизаций. Мне вспомнилось, как в конце 70-х гг. (кажется, в 1977 г.) к нам в Академгородок, где я тогда жил, приехал с циклом лекций Л. Н. Гумилёв (Вы, конечно, знакомы с его трудами). Он рассказывал нам, молодым учёным, о своей теории этногенеза и его связи с ландшафтами обитания этих народов в ключе своей идеи о пассионарности и её культурно-исторических циклах.

Эти идеи были для нас новы и необычны, и, конечно, настал момент, когда кто-то спросил: “Какова судьба русского этноса в свете Вашей теории?” Л. Н. со своей неповторимой рассудительно-важной интонацией ответил: “Вы, конечно, помните, что цикл пассионарности каждого этноса составляет 1100–1200 лет. Ну вот, посчитайте сами. От подробностей я воздержусь, я не пророк”. Если мы посчитаем сроки русской истории от первых киевских князей до наших дней, то как раз и получится, что цикл пассионарности русского этноса приближается к концу где-то в XXI веке. Вы, конечно, можете не разделять идей Л. Н. Гумилёва, но, как говорится, примеры сами говорят за себя.

История Персии, история Рима, история Византии довольно хорошо укладываются в циклическую модель Л. Н. Гумилева, есть и другие примеры, хотя с некоторыми этносами не всё так просто и ясно. Это лишь тема для размышлений, я не буду настаивать, что история России точно укладывается в циклическую модель. Но, как учит сама жизнь, всё в этом мире, что имеет начало, имеет и конец. Мне, например, ближе подход А. Тойнби, связывающий историю народов и культур с соотношением энергии культуросозидающей элиты и народных масс, прямо или косвенно. Вы также обсуждаете этот круг вопросов. Вы пытаетесь уяснить специфику русского пути исторического развития и уже поэтому должны ясно понимать, что примеры Франции, Китая или Ирана не имеют силы аналогии для России. Другие этносы, другие культуры, другие пути исторического развития. Не стану останавливаться на подробностях, они Вам и так хорошо известны.

Теперь вернемся к “Возвращению масс” (невольный каламбур). Ваша концепция мне понятна, но Ваш угол зрения, заявленный в самом названии, вызывает сомнения. Народные массы никуда не уходили с исторической арены, они всегда были участниками исторического процесса, поэтому говорить о “возвращении” некорректно. Может, лучше было бы сказать “пробуждение масс” (чтобы не использовать термин Ортеги-и-Гассета “Восстание масс”, имеющий другой смысл). Активность народных масс, их сознательная борьба за свои права, формы организации этой борьбы – да, здесь имеется широкая палитра исторических конфигураций, от восстания Спартака до современных процессов в странах Латинской Америки и Азии. Но все они тесно связаны с историческими и культурными традициями этих народов, и любые аналогии, как я уже сказал, сомнительны.

И вот “Россия, бедная Россия”. Кстати, не уверен, что “бедная” – во всех смыслах слова. “Ты и могучая, ты и бессильная” – это сочетание мне ближе. Понимание этой вечной антитезы русской истории, как мне кажется, даёт ключ к пониманию “русской загадки”, уже не один век стоящей не только перед Западом, но и перед самой Россией (бегло назову имена Чаадаева, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Достоевского и др.) Мне импонирует Ваша вдумчивость, широта и мастерство анализа, нежелание прятаться за расхожие штампы любой идеологии, претендующей на истину в последней инстанции. И всё же иногда (прошу прощения) Вы невольно оказываетесь в плену предвзятых концепций.

На сколько-нибудь полный критический анализ Вашего труда у меня не хватит ни времени, ни места. Но вот хочу рассмотреть вопрос о той примечательной особенности национального характера русских, которую можно обозначить как смирение, долготерпение, покорность власти имущим. Ведь не

случайно русским приписывают такие черты, даже если можно найти и контр-примеры. Мне кажется, эти черты действительно присущи русскому народу и во многом обусловлены неизгладимым отпечатком православного мировоззрения, которое учит смирению и покорности перед промыслом Божиим, перед судьбой, перед властями, данными народу свыше. “По грехам нашим терпим” – вот максима русского сознания. “Не противься воле Божьей” – вот другая максима, близкая первой. Можно продолжить этот ряд. Я не даю никаких оценок этому жизнепониманию и жизнеощущению, я просто констатирую его как факт народного сознания. И не случайно, что те, кто пытались разрушить это сознание, были чаще всего инородцами.

“В начале XVIII века Пётр позаимствовал у Запада идею **абсолютной монархии**”, – пишете Вы. Не только эту идею. Не меньшее значение имела петровская политика просвещения России на западный манер, внедрение научно-промышленной революции, говоря по-современному, европейского образования, европейской культуры. Эти реформы встретили активное сопротивление консервативных кругов, но могучей волей Петра сопротивление было подавлено. Опять-таки, я не хочу оценивать “правильность” или “неправильность” политики петровских реформ – более важно то, что Россия в конце концов была вынуждена принять их, хотя очаги сопротивления тлели ещё долго.

Но, как Вы верно пишете, абсолютизм укрепился, а просвещение так и не дало своих ощутимых плодов – по крайней мере, для народа. Вся система русского самодержавия, сложившаяся при Петре, вызывала неприятие не только у Запада, шагнувшего вперёд, но и у многих истинно русских людей (пусть даже их принято называть западниками). А народ, в общем и целом, смирился с самодержавием. Та же психология непротивления, покорности и смирения. Европа бурлила в котле буржуазных революций, там утверждался новый тип социальных отношений, а у нас всё застыло, казалось, на века...

“В начале XX века Ленин использовал западный марксизм для построения нового общества”, – пишете Вы дальше. Формально всё вроде бы верно. Но не буду повторять очевидное – пролетарская революция была навязана русскому народу группой активных революционеров-большевиков, она не созрела в народных массах, в основном крестьянских, она не была им понятна – и лишь когда началась коллективизация и раскулачивание, народ понял, куда завели его. Но было уже поздно... Я ничего не упрощаю? По-моему, нет. И вновь, ценой неслыханного насилия и жестокой диктатуры, народ принудили к социальным и экономическим преобразованиям, которые удивили весь мир. Маркс этого не придумал – это придумали русские большевики и довели до логического конца. И не русскому народу надо держать ответ за все злодеяния и преступления, главной жертвой которых стал именно русский народ. Можно ли вспомнить хоть какие-то попытки народного сопротивления? Не могу припомнить таких попыток. Гражданская война закончилась полным поражением патриотов России.

И только Великая Отечественная война с ненавистным врагом смогла вновь сплотить наш народ и мобилизовать его на Великую Победу, хотя эта победа далась непомерно тяжёлой ценой и неслыханными жертвами. Сам я – дитя военных лет, и я живо помню атмосферу послевоенного времени с её радостью и болью, хотя, конечно, многого я не мог знать и понимать в те годы.

И вот – новая череда испытаний и бедствий. Развал Советского Союза, непродуманные реформы, опять навязанные нам сверху, растерянность и подавленность народа, заматавшегося в поисках духовной опоры и понимания смысла происходящих событий. И плоды этих событий, о которых Вы столь подробно и со знанием дела пишете в последней части своего труда. Шаг за шагом, последовательно и аргументированно Вы отвергаете все иллюзорные пути выхода из нынешнего кризиса. Народ больше не верит в добрые намерения власти, хотя у многих ещё осталась иллюзия спасительного явления сильного, умного и справедливого Вождя, который во всём разберётся и всё приведёт в порядок. Но Вы-то сами эту иллюзию не разделяете. Для неё нет никаких оснований.

В чём же Вы видите едва ли не единственный шанс для России? – Правильно, в “возвращении”, точнее, в пробуждении масс. А есть ли для этой иллюзии хоть какие-то разумные основания? Все зарубежные примеры – “китайский опыт”, процессы в Латинской Америке, в Азии лично меня не

убеждают. Другой исторический опыт, другой менталитет, вера другая. Дело даже не в каких-то демократических традициях — их там как раз нет, а в опыте борьбы за национальную независимость, за свою веру, за свою культуру, опыт **народной** борьбы, — тот самый, которого у нас, к сожалению, нет. Да, народ возмущается произволом чиновников, всеобщей коррумпированностью, безумной роскошью олигархов, нищетой и бесправием простых людей... и что из этого? У нас нет организованного гражданского общества, нет ни одной подлинно народной партии, нет национальных лидеров, выдвинутых самим народом, — на что нам опереться? Зато есть убеждение: простой человек ничего не значит и не может. Да, есть отдельные, честные и мужественные люди, есть отдельные примеры гражданских акций сопротивления — и что из этого? Вполне возможно, что это даже поощряется властями — в управляемой демократии допустимы какие-то отдушины народного самовыражения, лишь бы они не переросли в реальную политическую силу. Пусть эти ростки народного самосознания прорастают на почве народного возмущения, пусть борются с местными чиновниками — это питает иллюзию идущего “демократического процесса”. Вы не допускаете такого хода кремлёвских политтехнологов? Всё продумано, всё под контролем. Протестные настроения тщательно изучаются и учитываются, и при необходимости любые активные очаги можно подавить. Понимаю, что мой рациональный взгляд на вещи не слишком-то оптимистичен. Горячо сочувствую Вашим надеждам и упованиям, но весь исторический опыт России приводит меня именно к такому неутешительному взгляду. Возрождение масс должно быть подготовлено, а это долгий и трудный процесс. Ваш труд — часть этого процесса.

С добрыми пожеланиями,
Ваш **Владимир Лебедев**.
г. Кемерово

КОГДА КРИТИКА БЕССИЛЬНА...

Уважаемый Александр Иванович!

Прочитала в 11-м номере “Нашего современника” за 2009 год заключительную главу Вашей книги “Возвращение масс”, где Вы сетуете на отсутствие читательских откликов на свои публикации. Я сама принадлежу к числу пишущих и хорошо понимаю, как тяжело автору — писателю или публицисту — работать в психологическом вакууме, не имея никакого представления о том, как “слово наше отзовется” и отзывается ли оно вообще. Для меня было полной неожиданностью узнать, что Вы к тому времени получили всего шесть откликов на “Возвращение масс”. Честно говоря, даже слабо верится, что это так.

Лично я давно хотела Вам написать, но была уверена, что редакция журнала и так завалена письмами по самую крышу, а потому не имеет смысла увеличивать их количество. И поскольку Вы сами пригласили читателей к разговору, то позволю поделиться своими соображениями по поводу затронутых Вами тем.

Сразу оговорюсь, что моя политическая и мировоззренческая позиция не во всём совпадает с генеральной линией вашего журнала

Мои взгляды за последние двадцать лет если и претерпели какую-то эволюцию, то от советского патриотизма к левому национализму. Лично для меня здесь нет существенной разницы. В моём субъективном переживании это был всего лишь процесс очищения и созревания того, что было раньше. И теперь я твёрдо убеждена, что так называемый “социализм” (или “коммунизм”, как хотите) — это не что иное, как социально ориентированный национализм, то есть **защита национальной экономики и национальной культуры от разрушительного воздействия интернационального финансового капитала** (о чём я писала в статье “Социализм в национальной борьбе”). Как левый националист, я придерживаюсь атеистических взглядов. Таким образом, я принадлежу к противоположному “Нашему современнику” лагерю, по край-

ней мере, в исходной точке нашей эволюции*. И, тем не менее, **выписываю именно ваш журнал**. И не скрою, в основном ради Ваших, Александр Иванович, публикаций и близких Вам по духу авторов.

На протяжении четырёх последних лет “Возвращение масс” было моим любимым чтением. Меня привлекает и основной пафос Вашей книги, и возможность в систематизированном виде охватить огромный фактический материал текущей политики, что довольно затруднительно сделать самостоятельно. Для левой интеллигенции ощущается острая нехватка аналитических и обобщающих материалов в области международных отношений вообще и мирового революционного процесса в частности. Интернет никоим образом не восполняет этого пробела. Ранее существовавшие специализированные журналы исчезли. А потребность в этом есть: у меня – как человека левых взглядов и, так сказать, по долгу службы, как преподавателя политологии. Наибольший интерес у меня вызвали главы, посвящённые Ирану. И потому, что иранская (и вообще ближневосточная) тематика освещается крайне скудно и предвзято, и потому, что иранское руководство в моих глазах – самый выдающийся пример отстаивания национальных интересов. Хотелось бы больше знать об Иране и иранской революции 1978–1979 гг. Существующая литература носит односторонний характер, и там многое умалчивается, поскольку наши отношения с Ираном всегда были очень непростые. Что касается “латиноамериканских” глав, то, мне кажется, им не хватает большей критичности. Я, безусловно, поддерживаю Чавеса и других левых лидеров Латинской Америки, но хотелось бы больше знать и о проблемах левого движения на континенте. Для ученого важна не апологетика, а знание реальной ситуации во всем её объёме. Надеюсь, что после завершения журнальной публикации, мы, наконец, увидим Вашу книгу и отдельным изданием.

Но есть вещи, которые вызвали у меня определённое несогласие. Честно говоря, Александр Иванович, смешно слышать жалобы на непризнание со стороны ведущего публициста ведущего литературного журнала России. От кого же Вы ждёте этого признания, кроме подписчиков вашего журнала? От антирусских российских властей? От антинациональной верхушки “интеллектуального сообщества”? От массы ничего не читающего и ничего не желающего знать населения? От самодовольного буржуазного быдла, которое почитает быдлом всякого, кто не желает жить по их уголовным понятиям? От затюканной бумагомаранием, запуганной аттестациями и сокращениями, погрязшей во взяточничестве и либеральном маразме вузовской интеллигенции? К кому обращены Ваши упреки? К молодым “националистам” из АПН, о которых Вы метко и правильно написали в одной из глав Вашей книги?..

Я захожу на сайт АПН и представляю уровень их авторов. Вы правильно заметили (а не заметить это трудно), что по уровню своего писательского мастерства они в подмётки не годятся публицистам “Нашего современника”. Разухабистый, нарочито развязный ёрнический тон, который усвоила эта молодая поросль “русских националистов” и который они, видимо, мнят вершиной писательского искусства, менее всего ею является и не идёт ни в какое сравнение с профессиональным мастерством вашего журнала. Но оплачиваются они весьма неплохо, по крайней мере, ведущие публицисты. Скажите, Александр Иванович, за чей счёт банкет? И не велика ли плата за столь невеликое искусство? И не наивно ли ожидать признания со стороны конкурирующей фирмы? Ведь АПН, по моему глубокому убеждению, всего лишь коммерческий проект и никаких более высоких целей себе не ставит. Этим и объясняется, почему они столь близоруки к своим, казалось бы, ближайшим союзникам и ближайшим предшественникам. Да не союзников они в вас видят, а соперников. Иначе отчего же, в самом деле, такая близорукость? Мы-то вас хорошо видим. И любой патриот России, каких бы убеждений он ни придерживался, не может не ценить как гражданское мужество “старой гвардии”, так и блистательное многоцветие её талантов.

Проблема здесь, однако, в том, что ваши достоинства – это и ваши недостатки. Среди моих приятелей и знакомых (патриотической ориентации) никто, кроме меня, не выписывает ваш журнал. А вот сайт АПН посещают

* Автор письма не совсем верно представляет позицию “Нашего современника”. Нам дороги и советское прошлое и современная левая идея. – **Прим. ред.**

многие и даже имеют свои предпочтения и пристрастия среди тамошних публицистов. Пишут эти ребята покорявей, похамее и попроще. Именно **поэтому** их читают. Они соответствуют уровню аудитории. “Наш современник” пишет слишком изысканно и слишком сложно для массовых мозгов. Масса взыскует простоты – в духе Жириновского.

Вы, Александр Иванович, с вашим неизжитым наивным демократизмом апеллируете к сердцам и умам массовой аудитории. К сожалению, эти умы и сердца и составляют главное препятствие для вашей пропаганды. Как писал нелюбимый “Нашим современником” Белинский, “у толпы есть свои гении, как у человечества свои”. То есть наш “революционный демократ” более дифференцированно подходил к понятию “массы”. Он различал в ней две категории: “толпу” и “человечество”. И разница между ними не столько в интеллекте, сколько в масштабе личности.

Приведу пример, так сказать, домашний. Моя мать – учитель русского языка и литературы, долгое время работала школьным библиотекарем. Казалось бы, кому, как не ей, читать журнал писателей России? И времени для этого у пенсионерки сколько угодно. Так не читает – не заставить! Хотя журналы лежат на столе, нужно только протянуть руку. А вот Акунина читает с интересом.

Человек живёт интересами огорода, педантично слушает все передачи “о здоровье”, подсчитывает пенсию и квартплату. Какой там Ахмадинежад! Да они о таком не слыхали.

Александр Иванович, Вы живёте интересами страны, человечества, народа. Большинство живёт интересами огорода. И это ещё самая трудовая часть “массы”. Остальные выбирают “пепси”. Всё, что выходит за пределы этих интересов, воспринимается просто как досадная помеха существованию.

Говоря научным языком, Вы принадлежите к представителям “активистской” политической культуры, а масса – в лучшем случае к “подданнической”, если не к “патриархальной”. Вот и думайте, многие ли Вас будут читать? Но стоит ли убиваться по этому поводу? Стоит ли расточать своё красноречие, добиваясь признания от тех, от кого Вы заведомо признания не добьётесь? Вы мыслите, чувствуете, пишете в такой тональности, в такой, скажем так, “верхней октаве”, до которой масса не дотягивает. И нужно искать единомышленников среди тех, у кого эта “музыка души” совпадает с Вашей.

Но всегда ли “Наш современник” замечает **своих** союзников? Вы жалуетесь на непризнание со стороны других, а эти “другие” имеют полное право пожаловаться на аналогичную близорукость ведущего литературного журнала России. Будучи членом писательской организации Санкт-Петербурга, я знаю замечательных прозаиков, которые, тем не менее, не удостоились чести быть опубликованными на страницах вашего журнала. Например, петербургский писатель Николай Иванович Тропников. Его лирико-публицистические эссе: “Роман без любви”, “Опавшая листва”, “Взгляд ненужного человека”, – блестящие образцы мысли и слога, которые украсят любой журнал. Даже “Наш современник”. Тропников, правда, мало публикуется. Но почему? У меня есть подозрение, что по той же самой причине, о которой Вы писали. Потому что он – **русский** писатель, точнее, **талантливый русский**. Русских дураков ещё могут продвигать, но талант – никогда. Во-первых, для того, чтобы руками гойских дураков давить гойских умников. Во-вторых, чтобы на этом фоне любая их посредственность выглядела если не Эверестом, то хотя бы Монбланом.

Или взять рижского прозаика Сергея Воробьёва. Его “морские рассказы” не претендуют на философский размах, но хороши в своём роде и жанре. Яркие, занимательные, написанные чистым, без тяжеловесной вычурности слогом, с присущей автору лёгкой иронией, они сразу привлекают внимание и выделяются на общем фоне. К тому же оба автора – и Сергей Воробьёв, и Николай Тропников – православные люди, и пафос их творчества совпадает с направленностью вашего журнала. Какие ещё нужны рекомендации, кроме несомненного таланта и идейной близости? Если же этого мало и требуется ещё протекция нужных людей, то, Александр Иванович, чем же это отличается от практики порицаемых Вами официальных изданий? Ведь пассивность российского населения во многом связана с убеждением в том, что “уже всё

решено”. Но в писательской среде тоже бытуют такие же настроения: что уже **всё решено**, и твоя активность ничего не изменит*.

Когда Вы с горечью пишете о шизофренической раздвоенности массового сознания российских граждан, которые проклинают проводимую правительством политику и в то же время поддерживают её главных руководителей, то нет ли здесь заслуги того “правого” лагеря, к которому относят себя многие авторы журнала? Разве из года в год ваш журнал не публиковал филиппики против “революционного экстремизма”? Разве не внушал мысль о бессмысленности, никчёмности и противоправности революционных изменений в обществе? Помилуйте, Александр Иванович! К чему Вы призываете российских граждан? К протестному “возвращению масс”? – Но на всех языках мира это выражается одним понятием – **революционный протест**.

А в том же 11-м номере “Нашего современника”, где опубликована последняя глава Вашей книги, десятком страниц далее можно прочитать панегирик Достоевскому за то, что он осуждал и отвергал “революционное насилие”!..

Думаю, что в немалой степени отсюда проистекает то “народное безмолвие”, которое Вас так удручает. Тиражи некогда популярных журналов упали и продолжают сокращаться. Причин тому множество, но одна из них – люди устали от раздвоенности сознания, оттого, что на страницах одного и того же издания можно прочитать взаимоисключающие друг друга суждения. Когда один кричит “осанна”, а другой – “анафема” относительно одних и тех же вещей, где же тут уцелеть мозгам простого человека? Даже интеллектуально подготовленный читатель тяжело переносит отсутствие определённости и однозначности оценок, разноречивой и разноголосицу мнений. А человек, не прошедший суровую школу философской подготовки, не приученный к самостоятельному мышлению, просто плюнет и скажет: вы сначала променяйте себя разберитесь, а потом других поучайте. И в связи с этим у меня возникает вопрос: а на кого, собственно, рассчитан ваш журнал?

Конечно, прежде всего, на писателей. И не только потому, что это значится на титульном листе. Но и потому, что в сегодняшней России основная масса читателей – это писатели. Кто пишет, тот и читает. Остальные, как мне представляется, делят свой досуг между телевизором, пьянкой и огородом. А поскольку Союз писателей насчитывает 7 тысяч человек, то, видимо, эта цифра и объясняет тираж “Нашего современника”. Стоит ли на неё обижаться? Ведь в дореволюционной России процент элементарно грамотных составлял четверть населения, а лица с высшим образованием – всего один процент. Поскольку “возрождение России” после 70 лет “тоталитарного невежества” предполагало движение именно в это состояние (а иначе как понимать “возрождение” – это ведь “восстановление того, что было”), то вот мы уже недалеко от цели.

Кроме того, как я замечаю, журнал рассчитан на православную аудиторию – судя по тому, что на его страницах слово “Бог” употребляется намного чаще, чем при тоталитарном режиме употреблялось слово “коммунизм”. Именно это обстоятельство и определяет мировоззренческое лицо журнала. Александр Иванович, а Вы интересовались социальными характеристиками православной аудитории? – Основной процент верующих (две трети) составляют пожилые женщины с низким социальным и образовательным уровнем. То есть аудитория, которая, как мне кажется, умных журналов не читала. А как у православных насчёт социальной активности? Здесь я могу опираться только на личные наблюдения, поскольку статистики такого рода не ведётся. В числе моих родственников и знакомых немало верующих. И все они политически пассивны. Если и ходят мои знакомые на выборы, то голосуют за “Единую Россию”.

А по большому счёту, Александр Иванович, никто уже не верит словам и не верит **в слово**. Все понимают, что “аргументы исчерпаны”, и что настал момент, когда оружие критики бессильно. Возможно, наступает время критики оружием?

* Здесь автор письма несколько увлеклась. Даже самый благожелательный редактор не может оценить и опубликовать произведение, если его не прислали в редакцию. Пользуясь случаем, приглашаем Николая Тропникова и Сергея Воробьёва к сотрудничеству. – **Прим. ред.**

В ситуации, когда всё куплено, последнее слово – за ним.

С уважением
Федотова Полина Игоревна, кандидат философских наук,
петербургская писательница.
г. Санкт-Петербург

“НЕ ЧУДА НУЖНО ЖДАТЬ, А ДЕЙСТВОВАТЬ”

Уважаемый Александр Иванович!

Прочёл “эпилог” Вашего многолетнего фундаментального труда “Возвращение масс”. Я желал, ожидал чего-то подобного, и всё-таки его главные мысли оказались для меня неожиданными. Я бы хотел их принять, но что-то во мне мешает этому. В последние два-три года во мне живёт смесь отчаяния, и надежды, и веры в то, что русский народ в последний момент, как это было в истории, спасёт себя, и – сомнения в этом.

Сегодня иная ситуация, чем раньше, – противники России размножились, плотно объединились между собой и противником внешним, владеют сильными средствами подавления массового сознания. С другой стороны, – лучшие слои народа выбиты в катастрофах XX века, народ устал, погрузился в апатию, потерял жизненный порыв, его действенные лидеры не проявляются. Сразу же оговорюсь: в данном случае я выступаю как обыватель, а не учёный. Занимаясь худо-бедно наукой, знаю, как долго и тщательно надо исследовать предмет, чтобы судить о нём (профессионально занимаюсь другими проблемами), и потому мои суждения являются частными, не могут быть всеобщими, объективными, но, думаю, я не одинок в своих сомнениях, почему решил написать Вам.

Я понимаю пафос Вашей работы, понимаю, как необходима Ваша книга сейчас, не только для надежды, но и для деятельности. Она не просто ободряет, в ней дана попытка показать, что уже есть реальные проявления активности в народе. Где-то жители берут в свои руки управление социальными и хозяйственными делами. Хочется верить, что эти проявления жизненны, имеют будущее, но в душе шевелится червячок сомнения: возможно ли это?

Пока существует капитализм, особенно авантюрного типа (М. Вебер), практически победивший сегодня на Западе, кардинальное решение любых социальных проблем невозможно. Вы пишете, капитализм – вчерашний день (я обычно пишу – **позавчерашний**), но в ряде ведущих стран Запады и в России финансисты и их подручные политики искусственно задерживают наметившееся движение общества к иной социально-экономической основе. Понятно, эта задержка опасна для человечества, я вижу, хотя не хочу этого видеть, снова войны, кровь, пожары, самоуничтожение людей.

Общественные силы, которые хотят иной России, разъединены, это тоже историческая беда нашей страны – и нет объединяющей основы (социальных групп, идей, лидеров).

Не вижу легальных способов изъятия власти из рук нынешних политиков и олигархов. Вы знаете, там, где на последних выборах местной власти победили не “единороссы” (известно, из кого состоит эта партия, не хочу употреблять здесь “плохих” слов), действующие власти, как правило, под вымышленными предлогами аннулировали результаты выборов. До выборов снимали с “дистанции” тех, кто угрожал их власти. Действовали нагло.

Вы против того, чтобы верить в “чудо” спасения. Однако напомним, что Н. Н. Моисеев, автор книги “Есть ли будущее у России?” (ответ больше “нет”, чем “да”), в узком кругу профессоров, где обсуждались проблемы спасения России, в конце воскликнул что-то вроде: неужели какое-нибудь чудо не спасёт Россию? А это крупный учёный. Было это давно, может быть, сейчас он мыслит бы по-другому.

Вы, я думаю, правильно восстаёте против такой позиции: не чуда нужно ждать, а действовать. И мы пытаемся в меру своих сил и разумения на своём рабочем месте помогать людям осознать, что происходит в мире и стране, хотя и на абстрактно-теоретическом уровне (проблемы глобализации,

постиндустриального общества, кризис человека как родового существа и как следствие необходимости его дальнейшего становления и т. п.).

И всё-таки, повторяю, не являясь специалистом по вопросам, поднятым Вами, не вижу сил, способных сегодня действовать результативно. Я верю не столько в чудо, сколько в подспудные силы истории, течение которой нельзя остановить, она должна прорвать плотину, сооружённую на её пути мировыми политиками. (Хотя, вероятно, научно нельзя доказать, что это за “силы истории”).

Социологические исследования (их проводил мой сын, почему я верю в их достоверность), проведённые с целью выявить степень социальной активности студенческой молодёжи г. Москвы и нескольких других городов (опросник был составлен так, что респондент не знал конечной цели исследования), приводят к неутешительным выводам: “личности ни одного из типов не стремятся к конструированию новых социальных отношений, не представляют себе путей развития российского общества, ... (что) исключает возможности формирования стабильности в обществе. ... Длительное нахождение системы в состоянии бифуркации уменьшает её шансы на дальнейшее существование и развитие”. 12% студентов ориентированы на традиции своей страны, долг, совесть, но погружены в свой внутренний мир (их принципы “тяжело реализуются распространёнными в обществе средствами”). 13% стремятся к успешности в рамках наличного общества (власть, авторитет, социальный статус). Ещё 6% из активных полностью адаптируются к нормам и идеологии общества. Остальные респонденты аморфны. В городах Одинцово, Балашиха, Руза исследованы возможности населения участвовать в “протестных” мероприятиях. Таких примерно шесть процентов, хотя сочувствует им намного больше. Сам автор считает свою методику ещё не совершенной, работает над ней, но учитывать его выводы имеет смысл. Учёные-специалисты приняли его исследование.

В заключение должен сказать, что я заострил свои сомнения, и что Ваша чрезвычайно значимая работа прибавляет надежды, помогает преодолеть один из главных грехов православного человека – уныние. Продолжайте свою деятельность.

Спасибо Вам, Александр Иванович!

Ю. Огородников, доктор философских наук, профессор.
г. Москва

“БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ВАШ ТРУД...”

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Хотя и с большим опозданием, хочу выразить Вам огромную благодарность за Ваш титанический труд (я имею в виду “Возвращение масс”), раскрывающий все “язвы” нашего современного общества, особенно в нашей многострадальной России. А главное – за своевременный анализ причин случившегося и поиск выхода из почти патовой ситуации. Спасибо Вам за веру в Россию и в русский народ.

Больше всего меня взволновало то, что Ваши статьи, по Вашему признанию, остались почти без откликов. Это в основном и побудило меня написать Вам. Хотя Вы сами ответили на свой вопрос: “Почему молчат?”, всё-таки надеюсь, что моя история послужит ещё одним штрихом к Вашему грандиозному полотну.

Около трёх лет назад я пережила личную трагедию, причиной которой стала моя национальность – я русская.

Я проработала более 30 лет преподавателем одного из вузов г. Омска. Работу свою любила, со студентами и коллегами отношения были хорошими, часто дружественными. Больших должностей не занимала, но к ним и не стремилась, меня полностью занимала рядовая преподавательская работа. К различным датам, личным и общественным, получала награды и поощрения, от студентов – добрые слова признания, и этого всего было достаточно, чтобы

чувствовать себя вполне состоявшимся и счастливым человеком. Несмотря на занятость на работе и дома, я чутко вслушивалась и всматривалась в то, что происходит вокруг – с людьми, со страной, с миром. Но я с удивлением обнаружила, что большинство моих коллег это не трогает, не волнует, они озабочены только тем, как бы побольше заработать, продвинуться по карьерной лестнице. Студенты реагировали на мои рассуждения более живо, кто-то спорил, кто-то соглашался, но большинство всё-таки отмалчивалось.

В 54 года я успешно прошла очередные конкурсные выборы на должность старшего преподавателя, окончила полагающиеся раз в 5 лет курсы повышения квалификации, продолжала работу в составе общевузовского профкома. Так как на кафедру пришла молодёжь – наши же выпускники, я для себя решила, что это моя последняя “пятилетка”, и тут же попросила уменьшить мне учебную нагрузку до полставки, уступая дорогу молодым. Вдруг в начале учебного года, в сентябре 2006-го, началось что-то непонятное и необъяснимое, что можно обозначить словом “травля”. Репрессии и каверзы сыпались со всех сторон, меня начали унижать морально и материально, придирались ко всему сделанному и сказанному. Резко изменился тон ближайшего начальства – зав. кафедрой, в недалеком прошлом нашей выпускницы, моей любимой студентки и дипломницы, которую я пригласила в университет на свободную вакансию. Непонятна была лишь причина всего этого. Искала её в своих оговорках, поступках, но всё это “не тянуло” на такой уровень избиения. Тогда я огляделась вокруг и обнаружила, что кроме меня “репрессиям” в разной форме в это же время подвергались ещё несколько человек разного возраста и разного служебного положения – от лаборантов до заведующих кафедрами и деканов. Все эти люди до того времени слыли весьма уважаемыми, всеми почтаемыми и трудолюбивыми.

Кроме того, избирательно карательным мерам подвергались студенты. Одним сходило с рук буквально всё, других отчисляли за малейшие провинности. Не знаю как, но у меня сложился неожиданный и страшный вывод: нас дискриминируют по национальному признаку. Об этом я осторожно спросила у одного из пострадавших (70-летний всеми уважаемый зав. кафедрой был освобождён от занимаемой должности даже без предварительного собеседования с ректором и оповещён об этом через третьих лиц). На мой вопрос, не притесняют ли нас по национальному признаку, он, не задумываясь, ответил: “Конечно”.

У меня как будто открылся “третий глаз” – стало понятным не понятное и не объяснимое ранее. Я стала видеть более глубокий смысл в видимом, слышимом и читаемом, в действиях высоко и не очень поставленных особ. Стала просачиваться в прессе сначала тоненьким ручейком, а затем хорошо заметным потоком информация о дискриминации русских не только на пространстве бывшего СССР, но и в самой России, о забугорных планах по её ослаблению и уничтожению.

Я понимаю, что мой рассказ может показаться очень наивным, особенно сейчас, когда об этом говорят почти в открытую. Регулярно печатают на эту тему статьи в областной общественно-политической газете “Омское время”, я уже почти два года читаю “Наш современник”, мне многое стало понятно, хотя менее страшно не стало. Главное, что меня волнует, так же, как и Вас, что абсолютное большинство людей не понимает, что происходит, и не знает, так как оппозиционную прессу и литературу читают единицы, а остальные с утра до ночи слушают о громаде планов нашей власти, которые она, по-видимому, и не собирается выполнять. К тому же народ страшно разобщён. Даже те, кто в курсе происходящего, поделены на “красных” и “белых”, богатых и бедных, верующих и неверующих и т. д. На первом месте групповые и партийные интересы, а не судьба России и русских.

Я не политик, но вполне разделяю известное мнение о том, что если ты не займёшься политикой, то политика займётся тобой. Более того, от одного умного человека услышала, что в этом мире ничто и никто не может существовать вне политики. Я в этом убедилась на собственной шкуре.

Меня мучает вопрос: **почему в каждом более-менее крупном населённом пункте существуют еврейские, немецкие, татарские, армянские и пр. общины, не существует русских общин, куда бы в случае дискриминации по национальному признаку мог прийти русский человек?** Нам не позволяют их создавать, или мы сами этого не хотим? По-моему, пора.

Ещё раз благодарю Вас, уважаемый Александр Иванович, за Ваш глобальный труд, который, конечно, служит делу роста русского самосознания и самозащиты. Доброго Вам здоровья, новых свершений на выбранном Вами пути просвещения и защиты русских людей. Нам очень нужны Ваши книги!

С уважением
Мелехова Валентина Ивановна.
г. Омск

“ГРОЗДЬЯ ГНЕВА” УЖЕ СОЗРЕВАЮТ

Здравствуйте, уважаемый Александр Иванович!

Я с громадным удовольствием читаю Ваши публикации в “Нашем современнике”. Продажные “интеллектуалы” с гибкой моралью в развес и оптом сбывают населению через СМИ залежалый декадентский товар под лозунгом “бери от жизни всё”. Постоянный рефрен их высказываний: социализм — это “рабство”, а капитализм — “свобода”.

Люди уже по горло захлебнулись этой “свободой” — наркотики, бесконтрольное пьянство, зашкаливающая преступность, безработица, распущенность как “норма жизни”. Доморожденные “либералы” свели всё философское достоинство человечества к простейшей формуле: “выживает сильнейший”. К “сильным” сразу отнесли воров, бандитов, мошенников, отвратных шоуменов. Все остальные для них — “быдло”.

Конечно, “гроздья гнева” уже созревают. Но наш народ слишком терпелив, а наша нищая интеллигенция слишком раздроблена и деморализована для того, чтобы возглавить массы: “Боюсь, всё кончится совсем неинтеллигентно”. Существующий порядок откровенно направлен на дебилизацию населения, а альтернативных возможностей повысить культурный уровень у последнего практически не осталось. Телевизор не просвещает, а отупляет.

Желаю Вам не отчаиваться. У Вас есть почитатели.

С добрыми пожеланиями,
Юрий Епанчин, журналист.
г. Саратов

“ЕЩЕ СОХРАНИЛИСЬ ЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ”

С. Г. КАРА-МУРЗЕ

Уважаемый Сергей Георгиевич! Ваша статья “Разрушение культуры” затрагивает весь спектр эмоций — от чувства удовлетворения, что в нашем несчастном обществе ещё сохранились и могут творить честные и умные люди, способные чётко оценить тяжёлое состояние общества и приведшие к такому состоянию причины, до глубокого пессимизма, что дело зашло так далеко и не видно средств к его изменению. И, наконец, вызывает, возможно, не совсем оправданный оптимизм, что “исход вовсе не определён” и что статью будут читать, а она многим поможет понять истинные причины и искать пути выхода.

Невольно этим эмоциям сопутствует сознание, что читающих подобную литературу может оказаться меньше, чем необходимо в настоящее время обществу, и она может не затронуть сердца подавляющего числа обычных обывателей, даже если попадёт в руки — у них жизнь, в силу экономических обстоятельств, намного “приземленнее”. А ведь в экстремальных ситуациях только это множество “обычных обывателей” решает исход экстремальных событий при условии соответствующего руководства.

“Заданное культурой представление о человеке... подвижно и поддаётся воздействию образа жизни, образования, телевидения...” — пишете Вы, а у читателя невольно возникает дополнение: формат собственности в его социуме, способа зарабатывать на жизнь, уровня науки и его способности воспри-

нимать уровень. А к телевидению добавляются все СМИ плюс доступная издательская литература, а также взаимовлияние близких людей.

Мировое общество в наше время всё же технократическое. Для убедительности – в 1985 году среди высших учебных заведений Москвы 33 чисто технических и только 16 гуманитарных, в том числе литературные, торговые и физкультурные, 10 сельскохозяйственных.

Наша жизнь построена так, что человек любых наклонностей и любой специализации контактирует в своей повседневной жизни большее время с техническими продуктами, и только относительно небольшое время в жизни человека посвящается тому, что можно назвать культурой-лирикой: художественные книги, искусство, музыка, СМИ и даже религия и т. д. Влияние материальной жизни человека основополагающе, а уже регулирование внутреннего мироощущения идёт от “культуры-лирики” в разных, порой противоположных, направлениях в зависимости от качества последней.

Очень точно это у Вас звучит: “Изменение образа жизни при соответствующем идеологическом воздействии означает глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушает мировоззренческое ядро цивилизации”.

Мы стыдливо молчим о недопустимости в здоровом обществе частной собственности на средства производства, полезные ископаемые, землю. Боимся прослыть “коммуняками”? Не хотим рассмотреть эту очевидную несуразность с сегодняшних позиций технического развития человечества? Нет сил на анализ возможности построения настоящего человеколюбивого социума? Нет талантов и сил на создание теории развития общества, которой не будем стыдиться? Это же жизненно противоестественно, что кучка людей, к тому же не находящихся на моральных человеческих высотах, владеет всеми материальными ресурсами огромной страны.

И опять очень точно в одной из Ваших статей сказано: “Мы должны понять доктрины и оружие этих революций (оранжевых, распространяется на нашу перестройку) и войн, многому научиться – и противопоставить им свою доктрину и своё оружие”.

И уже совсем адресно в наше будущее: “Если молодёжь России хочет выжить как большая культурная общность, она ещё имеет время, чтобы хладнокровно рассмотреть все варианты будущего и определиться”.

Но как это сделать в раздавленном обществе? Где найти талантливых педагогов и аналитиков, способных распространить свои мысли в массы?

Кто может и умеет, помогите молодёжи вырваться духовно из навязанной модели, научите научному рассмотрению и анализу возможности создания своего общества, научите результативному действию.

С уважением, **Ваш читатель.**

К 105-летию со дня рождения Михаила Александровича Шолохова

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

МИХАИЛ ШОЛОХОВ И ПРАВОСЛАВИЕ

Всесветно известный русский писатель Шолохов прожил долгую и внешне необычайно успешную жизнь. На самом же деле она была полна драматических поворотов и поистине трагических обстоятельств, порой глубоко скрытых, во многом до сих пор не вполне очевидных. Основательная биография его не написана и вряд ли будет создана вскоре. Он подарил нам русскую “Илиаду”, и творчество его есть некая тайна, которую мы можем только пытаться постичь.

В земной своей жизни Михаил Александрович Шолохов был членом ВКП(б) с 1932 года, а с 1962-го – членом Центрального Комитета КПСС. Депутатом Верховного Совета СССР стал в 1937-м, академиком АН СССР – в 1939-м. Лауреат Сталинской (1941), Ленинской (1960) и Нобелевской (1965) премий, секретарь Правления Союза писателей с 1967-го, дважды Герой Социалистического Труда (1967 и 1980), обладатель бессчётного числа наград и званий.

Всё это, повторим, чисто внешнее, хотя и бросается в глаза. Достоверно известно, что за наградами он никак не гонялся, причитающихся ему почестей всячески избегал, ни малейшим грехом гордыни не отмечен. Большую часть жизни безвыездно провёл в глухой станице (“районном центре”), вдали от железной дороги, где по сей день нет приличного шоссе и надёжного моста через Дон.

Не правда ли, что образ жизни писателя никак не вяжется с обилием высоких наград и должностей? А ведь иные знаменитости в его же время вели себя совсем иначе. Вспомним хотя бы Эренбурга и Симонова, Томаса Манна или какого-нибудь Сартра. Нет, там был совсем иной тип поведения...

Спросим же в этой связи себя и других, был ли член ЦК и лауреат Шолохов православным русским христианином? Сложнейший вопрос и исключительно ответственный. Однако начать разговор о том пора, и уже давно. Тут предстоит много и много думать, но попробуем всё же высказать некое предварительное, так сказать, суждение.

В доме Шолохова в Вёшенской, где он с семьёй прожил почти всю жизнь, иконы в красном углу не висели (свидетельствую, ибо имел честь не раз бывать там), нет сведений, чтобы он молился в храме, в своём приходском, в двух шагах от дома, или в иных. И никогда не выступал с суждениями по религиозным вопросам. Однако...

Скончался он у себя дома в феврале 1984-го во время правления мрачного русофоба Ю. Андропова. Похороны знаменитейшего писателя и общественного деятеля в Вёшенской были весьма скромными и сугубо советскими по всем

тогдашним привычным обрядам. Могила Шолохова по его завещанию находится во дворе дома по-над Доном. Естественно, что обряда отпевания тогда не проводилось. Но вскоре родными и близкими покойного был тихо совершён обряд заочного отпевания по всем канонам Православной церкви. Трудно, невозможно даже предположить, что это сделали вопреки воле скончавшегося.

Шолохов и Православие – сложнейший и глубочайший вопрос, но мы можем с полной уверенностью и ответственностью утверждать, что “Тихий Дон” и иные произведения писателя являются истинно православными художественными произведениями. Вопрос этот исключительно серьёзный, поэтому ограничимся лишь отдельными примерами.

Роман “Тихий Дон” начал публиковаться в 1928 году в журнале “Октябрь” с первого (январского) номера. Как известно, то было время яростной антирелигиозной пропаганды, и прежде всего антиправославной, разгула в печати всякого рода “воинствующих безбожников”. И вот в 3-м (мартовском) номере печатается шестая глава третьей части романа, приводятся полностью три казачьи молитвы. Напомним, что в те коминтерновские времена само слово “казак” было сугубо бранным. И вот советские читатели прочли (мы даём лишь начальные строки):

Молитва от ружья

Господи, благослови. Лежит камень бел на горе, что конь. В камень нейдёт вода, так бы и в меня, раба Божия, и в товарищей моих, и в коня моего не шла стрела или пулька...

Молитва от боя

Есть море-океан, на том море-океане есть белый камень Алтор, на том камне Алторе есть муж каменный тридевять колен. Раба Божьего и товарищей моих каменной одеждой одень от востока до запада, от земли до небес...

Молитва при набеге

Пречистая Владычица Святая Богородица и Господь наш Иисус Христос. Благослови, Господи, набегу идущи раба Божьего и товарищей моих, кои со мною есть, облаком обволоки, небесным, святым, каменным Твоим градом огради...

Так и в “безбожную пятилетку”, и во времена новых гонений на Церковь в хрущёвские времена, и во всю пору безбожной власти на родном русском языке и на бесчисленных языках всего мира миллионными тиражами печатались эти изумительные, истинно народные молитвы. Конечно, слова “Господь” и “Богородица” писались с малой буквы, но... печатались! Почему такое случилось, шолоховедами не объяснено. Полагаем, что без сил небесных тут не обошлось.

Известно, сколь значительное место среди всех героев “Тихого Дона” занимает дед Гришака, этот подлинный образец казачьего боевого сословия. Он истинно православный человек, и остался непреклонен в служении Богу, царю и отечеству. Только недавно мы смогли сказать вслух, что в чертах этого героя Шолохов сумел с поразительной силой создать образ новомученика российского. Удивительно, что та трагическая сцена была впервые опубликована в том же “Октябре” в № 10 (октябрьском) 1932 года, когда в пору коллективизации православное священство подверглось чудовищным гонениям.

Красный боец Мишка Кошевой, отравленный, как точно показано в романе, ядом троцкистской пропаганды, приезжает в родной хутор. Все мужчины и большая часть женщин перебрались на другой берег Дона, не без оснований опасаясь расправ от карательных войск, но остался в опустевшем курене дед Гришака, немощный уже старик. Мишка заявился в дом Коршуновых и застаёт на пороге деда. Тот встречает незваного гостя непримиримо:

– Это ты, сукин сын, поганец, значит, супротив наших казаков? Супротив своих-то, хуторных?

– Супротив, – отвечал Мишка.

– А в Святом писании что сказано? Аще какой мерой меряете, тою и воздастся вам. Это как?

– Ты мне, дед, голову не морочь святыми писаниями, я не затем сюда приехал. Зараз же удаляйся из дому, – посуровел Мишка...

— Из своих куреней не пойду. Я знаю, что и к чему... Ты анчихристов слуга, его клеймо у тебя на шапке! Это про вас было сказано у пророка Еремии: “Аз напитаю их полынем и напою желчью, и изыдет от них осквернение на всю землю”. Вот и подошло, что восстал сын на отца и брат на брата...

— Ты меня, дед, не путляй!..

— Во-во, оно к тому и подошло! В книге пророка Исаии так и сказано: “И изыдут и узрят трупы человеков, преступивших мне. Червь бо их не скончается и огонь их не угаснет, и будут в позор всяческой плоти...”

— Ну, мне тут с тобой свататься некогда! — с холодным бешенством сказал Мишка. — Из дому выходишь?

— Нет! Изыди, супостатина!

— Самое через вас, таких закоснелых, и война идёт! Вы самое и народ мутите, супротив революции направляете... — Мишка торопливо начал снимать карабин...

После выстрела дед Гришака упал навзничь, внятно сказал:

— Яко... не своею... си благодатию... но волею Бога Нашего приидох... Господи, прими раба Твоего... с миром... — и захрипел, и под белыми усами его выскочила кроввица”.

Почему эта жуткая картина гибели новомученика российского была опубликована в разгромном тридцать втором году, как Шолохов написал такое, никакого рационального объяснения нет.

Не станем далее приводить примеры из “Тихого Дона”, этой, повторю, истинной русской “Илиады”, но и другие произведения писателя как бы озарены светом Православия. Для столь важного и совсем неожиданного сюжета скажем предельно кратко: это истинно есть свет невечерний, порой совсем незаметный равнодушному взгляду, привыкшему искать в творчестве Шолохова нечто совсем иное, но при внимательном рассмотрении такое не может не броситься в глаза. То же можно сказать о некоторых образах “Поднятой целины” и “Они сражались за родину”, если читать простые с виду шолоховские слова внимательно и с чувством.

Несколько особняком стоит в этом ряду рассказ “Судьба человека”. Жизнеописание простого русского труженика Андрея Соколова есть в чистом виде религиозная притча про Иова Многострадального, перенесённая в трагическую русскую быль XX столетия. Страдания и мытарства, его, как сказано у Шолохова, “нелюдские муки”, многотерпение и стойкость есть выражение веры в благой промысел Господний, хотя внешних признаков того в рассказе мало или они едва намечены. Заметим попутно, что публиковалось это и получило громадный народный отклик в годы хрущёвских гонений на Православие.

В шолоховской “Илиаде” бессчётное число трагических описаний — и смерть Приама, и прощание Гектора с Андромахой, и крошечная гибель казачьей Трои. Однако за всем этим и надо всем стоит неуклонная вера автора в благой Божий промысел.

Вот белые казаки безжалостно застрелили нищего бродягу бездомного по прозвищу Валет, по злобе примкнувшего к красным, тело его равнодушно брошено у дороги. И что же? По Промыслу Божию горемыка был похоронен по христианскому обряду. И вопреки своей грешной, расхристанной жизни похоронен вполне достойно.

“Через полмесяца зарос маленький холмик подорожником и молодой полынью, заколосился на нём овсюг... Вскоре приехал с ближнего хутора какой-то старик, вырыл в головах могилы ямку, поставил на свежооструганном дубовом устое часовню. Под треугольным навесом её в темноте теплился скорбный лик Божьей Матери, внизу на карнизе навеса мохнатила чёрная вязь славянского письма:

*В годину смуты и разврата
Не осудите, братья, брата.*

Старик уехал, а в степи осталась часовня горюнить глаза прохожих извечного унылым видом, будя в сердцах невнятную тоску”.

Во времена жестокой и надолго затянувшейся смуты создать подобную картину мог только писатель с глубоким православным мироощущением.

К 105-летию со дня рождения Михаила Александровича Шолохова

ВЛАДИМИР НЕВЕРОВ

профессор МГУТУ

В ПОЛУАРМЕЙСКОМ ПОХОДНОМ ОДЕЯНИИ

Став студентом МГУ, я за четыре года проживания в общежитии на Стромынке в 1949–1953 гг. увидел, пожалуй, всех видных деятелей культуры. Скажу прямо, избалованы были студенты общежития меценатством знаменитостей. Вспомнилось, как великий музыкант Давид Ойстрах со сцены незаполненного в клубе зала раздосадованно произнес: “А вот в Японии билеты на мои концерты разыгрывались по лотерее”. Культурное шефство над студенчеством МГУ осуществляли и ведущие театры: Большой, Малый, Консерватория. Часто в профкомы факультетов поступали от этих прославленных коллективов бесплатные контрамарки. Нередко по окончании занятий в МГУ в вечерние часы отправлялся я на галёрки тех театров.

Были приглашения и в Дом литераторов на творческие вечера поэтов и писателей. Там мне довелось побывать в дни торжеств в связи с 70-летием И. В. Сталина. Помню, как взволнованный самим общественным событием, разглядываю я в фойе дома литераторов лица писателей, которые запомнились по фотографиям из их книг, газет и журналов. Но особо запечатлелась встреча с М. А. Шолоховым. В одном из проходных коридоров я прямо замер от наваждения, когда увидел спину человека, сзади напоминавшего моего отца в его обыденной для совслужащего экипировке: в начищенных хромовых сапогах, синих суконных галифе, зеленой шерстяной гимнастёрке, подпоясанной командирским ремнём, ростом невысокого, худощавой комплекции. Нагло подошёл я сбоку к личности в военизированном обмундировании, и радостная дрожь заколотила мое тело. В двух шагах от самого Шолохова глазел я на того, кого с детства осознал как живого гения. Он громким хрипловатым голосом разговаривал, похоже, дискутировал, с каким-то чванливого вида типом, не обращая внимания на зевак, подобных мне.

Начались торжества. Знаменитости расселись в президиуме. Все как в униформе, они были облачены в чёрные костюмы из добротной шерстяной ткани; на каждом – белоснежная сорочка, модный галстук. Чужеродным пришельцем выглядел М. А. Шолохов среди того напыщенного синклита в своём полуармейском – походном одеянии. Торжества открыл известный поэт Алексей Сурков. Удивило меня то, что политически ответственное мероприятие он повёл, не заглядывая в какой-либо текст. Конечно, сейчас с пониманием могу сказать, что только умный выдающийся оратор мог так блестяще подготовиться, свободно и легко продемонстрировать красоту русской речи, не допуская никаких газетных штампов. Сурков не дал повода сравнить его со свадебным тамадой, он задал этически интеллигентную тональность для выступлений писательской братии.

Зачитываемые видными писателями их пятиминутные приветственные сочинения были настолько литературно отшлифованными, взвешенно наполненными эпитетами и метафорами, что все речения с выражениями уважения, любви и преданности Сталину сливались в стройный поток благостного художественного действия, от которого в памяти ничего не осталось. Может, только Константин Симонов и Илья Эренбург выделялись “красивостью” фразеологии. А вот оригиналом на тех торжествах оказался М. А. Шолохов. Мало того, что он контрастно выделялся по одеянию среди сидящих в президиуме. Он не стал зачитывать текст своего выступления. Речистый Алексей Сурков как-то смущённо, стоя у трибуны, заявил, что слово предоставляется Михаилу Александровичу Шолохову, но у него болит горло и текст его выступления будет зачитан. Не помню, кто огласил шолоховское приветственное сочинение. Я не мог вникать в содержание, придавленный осознанием необычности случая, ведь видел Шолохова, вполне нормально разговаривающим с кем-то перед началом торжеств. Казалось, ну пусть с хрипотцой, но под микрофон кратко высказаться было можно. Да и народ в зале жаждал услышать живое слово великого писателя.

Долго после того случая я размышлял: “Вот прознает Сталин о том, как “инженеры человеческих душ” отмечали его юбилей в доме литераторов. А вдруг уразумеет, что даже на торжественном собрании проявилась “шолоховская ершистская выходка”. Думается, что М. А. Шолохов не оригинальничал, его натуре претило малейшее лицедейство, духовно он не мог настроиться на мажорную тональность сладкоголосого хора собратьев по перу и почувствовал, что не получится у его речи искреннего звучания, поэтому нашёл предлог лично промолчать. А может, великий писатель под воздействием всенародного почтения уже уверовал в свою гениальность настолько, что не обращал внимания на казённый официальный этикет, да и нашёптывания на него “вождю народов”. Ведь записал в своих мемуарах Ю. А. Жданов (бывший зять Сталина), что в диспуте среди друзей М. А. Шолохов, осерчав на тех, бросил фразу: “Вы все уйдёте, а я вечен”. Да, роман-эпопею “Тихий Дон” оставил людям гений; видимо, судить такого властен только Бог.

ВЛАДЛЕН КОТОВСКОВ

МОЛОДЫЕ ГОСТИ ШОЛОХОВА

(Из вёшенской тетради)

Каждый раз, когда вдруг услышу рядом слово “Вёшки” (а так испокон веков называют на Дону станицу Вёшенскую, которая когда-то выросла из вешек на переправе через реку, помогая чумакам из средней России пробиваться к гетманскому шляху, а по нему направляться далеко на юго-запад, к соляным местам), услышу – и у меня в груди сразу теплеет и вспоминается “шафрановый разлив песков” у довоенного и послевоенного дома Шолоховых, гостеприимные Михаил Александрович и Мария Петровна, их дети...

Так было и совсем недавно, когда у меня в Ростове раздался телефонный звонок, и знакомый голос друга попросил вспомнить и написать о памятных днях середины июня 1967 года, когда гостями у Шолохова в Вёшках были наш первый герой-космонавт Юрий Гагарин (к сожалению, всего один день) и большая группа молодых тогда писателей: вологжанин Василий Белов, москвичи Лариса Васильева, Владимир Фирсов и Феликс Чуев, из Пскова Олег Алексеев, из Костромы Юрий Куранов, ростовчанин Николай Скрёбов, украинец Юрий Мушкетик, казах Олжас Сулейменов, а также болгары Благой Димитров и Георгий Константинов, венгры Янош Герё и Ференц Барани, немцы Гюнтер Гёрлих и Е. Кнапке, поляки Роман Самсель, Е. Кшыштонь и другие гости.

...Я работал тогда в областной газете “Молот”, и мы в редакции, конечно, заранее знали, что в июне к нам на Дон по приглашению М. А. Шолохова – секретаря Союза писателей СССР по работе с молодёжью – приедут молодые поэты и прозаики, а вот о том, что прилетит (также по приглашению писателя) первый наш космонавт, любимец Шолохова и всей России Юрий Гагарин, мы не знали. Больше того, мы не знали, где состоится международная встреча молодых писателей с Шолоховым: в Ростове или Вёшенской. Причин было несколько, но главная – состояние здоровья пожилого писателя.

Только 12 июня утром в газете появилось две информации под одним заголовком “Гости Дона”: в первой сообщалось, что 11 июня в Ростов прибыла делегация писателей, в аэропорту её встречали представители молодёжных организаций и творческие работники Ростова и области, пионеры преподнесли гостям цветы; во второй неожиданно для меня сообщалось, что вчера в Ростов прибыл лётчик-космонавт СССР Ю. Гагарин, а с ним видные комсомольские работники страны С. Павлов и Ю. Мелентьев, директор издательств

ва “Молодая гвардия” Ю. Верченко, главный редактор одноимённого журнала А. Никонов, главный редактор журнала “Знамя”, секретарь Союза писателей СССР В. Кожевников, корреспондент газеты “Правда”, известный шолоховед Ю. Лукин.

Прочитав утром в редакции конец второй информации с фамилией хорошо знакомого мне Юрия Борисовича Лукина, я сразу подумал: видимо, встреча состоится в Вёшенской, но твёрдо ничего ещё не знал. И вдруг по звонку меня срочно вызывает к себе редактор А. М. Суичмезов и говорит:

“Летишь сейчас в Вёшки, днём туда прилетит с писателями Гагарин. Позвони домой – и на аэродром”.

Летел я на “кукурузнике” не один, а с кем – сейчас, через 43 года, не вспомню. Полёт – всего 45 минут. Приземлился не в Вёшках, а в Базках, на небольшом аэродроме, а точнее, на ровном взгорье у бывшего хутора. Когда мы, журналисты, вышли на земляное лётное поле, нас встретили работники Вёшенского райкома партии. Один из них сказал мне “по секрету”: “Гагарин остановится в райкоме, на втором этаже, лучше поезжайте туда и ждите, а то тут будет такая суматоха, ведь встречаем и писателей. . .”

Так я и сделал. На попутной машине быстро доехал до станицы и по ступенькам высокой каменной лестницы поднялся в прихожую уютного здания райкома, а затем и на второй этаж. Только умылся (на дворе – летняя жара), как услышал рокот машин, бросился к открытому окну и увидел на улице толпу нарядных казачек и других станичников. Раздались аплодисменты и возгласы: “Гагарин! Гагарин! Ура-а-а!” Юрий Алексеевич остановился на ступеньках крыльца, поздоровался с людьми и собрался уже идти в прохладное здание, как вдруг услышал старческий голос казачки: “Постой, милоч! А ты, Юра, взаправду был так высоко над Землёй – чуть ли не у самого Господа Бога? Можно тебя потрогать?” Гагарин широко улыбнулся, шагнул со ступенек к старухе, и они обнялись. “Ура-а-а!” – снова закричали казаки и казачки. . .

Эту первую встречу с Гагариным на вёшенской земле я не забуду никогда.

В райкоме Ю. Гагарин долго не задержался. Позвонил Шолохов и напомнил секретарю райкома П. И. Маяцкову: “Петро, времени у нас мало!” И гости (я с ними), оставив вещи в гостинице напротив, поехали в сторону станицы Еланской.

Караван наш двигался так: впереди две легковые машины (в первой за рулём – Юлий Алексеевич Гагарин, рядом – Михаил Александрович, во второй за рулём – Михаил, сын писателя, рядом – Мария Петровна и ещё женщины), а за машинами – автобус с другими гостями (писателями и журналистами, последних было мало).

. . . Наконец приехали, вышли на поляну. Здесь гостей ждали. В тени деревьев были настланы широкие ковровые дорожки, а на них стояли тарелки с душистой наваристой ухой со стерлядкой. . . Выпили по чарке, по другой. . . Первую – за хозяина. (А он, как я узнал позже, пил в этот день только воду). Шолохов не сводил влюблённых глаз с Гагарина, он видел в нём представителя лучшей части нашего молодого поколения.

Радушный приём, который в первые же часы пребывания на донской земле оказал молодым литераторам автор “Тихого Дона”, тронул их сердца. Венгерский писатель Янош Герё встал и громко произнёс от имени всех гостей: “Известно, что Дон впадает в Азовское море, а мы просим сегодня принять поправку – он впадает в наши сердца!” Шолохов приподнялся, поблагодарил Яноша, но добавил: “Торопись с комплиментами. Я требовательный к молодёжи, особенно творческой, и у меня есть к этому основания. Хотя я всегда смотрю на молодёжь с надеждой, как на яблоню в цвету, когда ждёшь от неё хороших плодов”.

И пошёл откровенный разговор о современной литературе. С Михаилом Александровичем каждый делился своими мыслями как с другом, и он отвечал тем же, без назидательности. Он, например, говорил: “Писать надо правду, первым советчиком должна быть совесть, а судьёй – народ. Вообще сильнее привязывайтесь к народу”.

И вдруг обратился к Гагарину: “А как считает наш космонавт?” Тот от неожиданности начал: “Неудобно мне, Михаил Александрович, рядовому читателю, советовать что-то профессиональным литераторам. . .” Но потом успокоился и сказал: “Признаться, откладываю иной раз с досадой плохую книгу. Чувствую, что автор грешит против правды, высасывает из пальца сюжет. Не

писатель, а скорее писарь. Плохая книга — что полёт без цели. Я за те книги, что, как зная в бою, ведут за собой”.

“Отлично сказано, Юра!” — с гордостью за молодого парня-космонавта, как отец за сына, произнёс Шолохов.

... На исходе дня, когда спала “полыхающая огнём” летняя жара, в станице состоялся многолюдный митинг, посвящённый герою космоса Ю. А. Гагарину, который, как узнали вдруг все, сегодня же вечером улетает в Москву, а оттуда в Комсомольск-на-Амуре, на 35-летие молодого города, построенного руками молодёжи всей страны.

Первым на митинге выступил М. А. Шолохов, он по-отечески приветствовал всех молодых гостей, особенно Юрия Гагарина, благодарил за приезд на Дон. Взволнованно говорили, обращаясь к Шолохову и Гагарину, и читали свои стихи поэты Л. Васильева, В. Фирсов, О. Алексеев и О. Сулейменов, а ученик станичной школы Витя Митрохин повязал Гагарину пионерский галстук. В конце митинга с яркой речью, обращенной к любому писателю и его землякам, выступил Ю. А. Гагарин. Он говорил о начале покорения космоса и друзьях-космонавтах, о нашей талантливой молодёжи и молодых писателях, о великом писателе и гостеприимных вёшенцах.

После митинга здесь же, на станичной площади, состоялся концерт художественной самодеятельности, звучали современные песни и старинные казачьи напевы.

А через час самолёт с Юрием Гагариным поднялся с базковского аэродрома и, покачивая крыльями, прощаясь, два раза прошёл над домом Шолохова, где на крыльце стояли Михаил Александрович, Мария Петровна и их дети...

На другой день молодые писатели побывали там, где родился и рос М. А. Шолохов — в хуторе Кружилинском и станице Каргинской, встретились с местными тружениками полей. Вечером поэты и писатели выступили на большом литературном празднике в станице Вёшенской.

Помню, что я опоздал на начало этого праздника, так как надо было срочно написать и передать по телефону информацию в завтрашний номер газеты. Мне сказали в райкоме, что звонил из Ростова, искал меня дежурный замредактора, а я ещё представил, как нетерпеливо ждёт моего звонка стенографистка... Информация вышла утром под заголовком “Молодые писатели у М. А. Шолохова”. Интересно было заметить: кто-то в редакции заголовок “Гости Дона” из прошлого номера газеты вынес рубрикой над нынешним заголовком. Видимо, думали, как поступить с улетевшим неожиданно знаменитым гостем Ю. Гагариным. Поэтому в информации сообщалось о тёплой встрече дорогих гостей в Вёшенской, о первой беседе М. А. Шолохова с молодыми писателями и о том, что в беседе приняли участие лётчик-космонавт, Герой Советского Союза Ю. А. Гагарин, писатель В. М. Кожевников и другие. И в конце о том, что гости пробудут в станице ещё два дня.

Да, три июньских дня находились молодые писатели в Вёшенской по приглашению Шолохова. Их беседы с Михаилом Александровичем и друг с другом продолжались в доме и на усадьбе живого классика отечественной литературы, на берегу реки или просто на улице у книжного магазина. Но центром вёшенских встреч стала трёхчасовая беседа Шолохова с молодыми литераторами, которая состоялась 14 июня в зале заседаний райкома партии.

Народу было много — стояли в дверях и коридоре. Стола президиума не было. Михаил Александрович вошёл, кивнул головой, улыбнулся в усы, и я впервые услышал из его уст ставшую вскоре широко известной фразу: “Я не только по долгу службы, как секретарь Союза писателей по работе с молодёжью, но и по велению души пришёл на эту заключительную встречу с вами”. Помолчал и добавил: “Встреча с молодыми доставляет удовольствие, прежде всего мне, так как она даёт возможность прикоснуться к молодости, вспомнить свою...”

Он заговорил о пользе, старую приносят молодому доброжелательные, но и взыскательные советы старших писателей (вспомнил М. Горького и А. Серафимовича), а также коллективные читательские обсуждения новых произведений литературы. Тепло говорил о молодых талантливых писателях, как о надежде нашей литературы, при этом упомянул несколько фамилий, в том числе Валентина Распутина, который, к сожалению, не был тогда в Вёшенской, но позже получил премию великого Шолохова.

Кто-то задал вопрос, и тут же вокруг него зашёл разговор о праве писателя на ошибку. Шолохов сосредоточился подробно на этой проблеме. Он до-

пускал ошибку “локального характера, которая не принесёт вреда другим”, например, ошибку колхозного бригадира поправит председатель колхоза. Он говорил “о моральном праве на ошибку” даже хирурга: “Когда он делает операцию, страдает один человек”.

Шолохов обвёл взглядом молодых писателей и сказал: “Когда же мы ошибаемся, и когда это получает широкое звучание, такая ошибка в тысячу раз опаснее. Надо быть осторожнее на поворотах, порою стоит “придавить” свой мятущийся дух, чтобы не навредить другим”, ибо “писатель, ошибающийся в своём напечатанном произведении, заставит ошибаться тысячи читателей”.

А начал ответ на поставленный вопрос Шолохов так: “Мне кажется, нам, писателям, независимо от ранга, от возраста, нельзя ставить себя в привилегированное положение в вопросе о “свободе ошибок”.

В ходе беседы Шолохов поделился своими мыслями и о том, каким ему представляется облик современного писателя, о его ответственности перед народом, о силе реализма, о поисках в творческой работе. При этом он, например, рассказал о своей работе над финалом “Тихого Дона”, о развитии первоначального замысла романа “Они сражались за родину”.

... На следующее утро (15 июня) молодые поэты и прозаики, тепло простившись с Михаилом Александровичем, покинули станицу Вёшенскую и выехали в Новочеркасск, где побывали в музее истории донского казачества, а затем посетили Таганрог, совершили экскурсию по чеховским местам.

А я вместе с корреспондентами газеты “Правда”, моими старшими товарищами Ю. Лукиным и А. Навозовым зашёл в гостеприимный для журналистов райком и оттуда, как и они, передал по телефону в редакцию “Молота” последнюю информацию о дорогих гостях станицы Вёшенской – первом космонавте Юрии Гагарине и целой группе молодых писателей из разных стран, которые приезжали сюда по приглашению живого классика отечественной и мировой литературы.

Вышел на улицу, иду к Дону и то и дело слышу: “Юрий Гагарин!”, “Какой парень!”, “Простой, улыбочивый!”, “Герой!”. Это говорят одностаничники Шолохова, а я повторял и сейчас, через много лет, вспоминаю и повторяю слова самого писателя о полёте Юрия Гагарина: “Вот это да!.. И тут же больше ничего не скажешь, немея от восхищения и гордости перед фантастическим успехом родной отечественной науки”.

Выразил Шолохов “глубочайшее восхищение” и подвигами друзей Гагарина: космонавтов Германа Титова, Валентины Терешковой, Валерия Быковского и других. “Здорово! Молодцы наши!” – повторял не раз Михаил Александрович и добавлял: “Низкий поклон и всем тем, кто создал космический корабль”.

СОФЬЯ ГЛАДЫШЕВА

ветеран Великой Отечественной войны

“НО БОЛЬ МОЯ ОСТРЕЙ ДЕНЬ ОТО ДНЯ...”

(Война в поэзии А. Передреева)

Поклонимся великим тем годам...

М. ЛЬВОВ

Война воспринималась поэтом особенно остро, болезненно, поскольку и его семья, и он сам, будучи мальчишкой, пережили в полной мере её жестокость. Впечатления военного лихолетья он хранил в памяти до последних своих дней, и время от времени они оживали под его пером.

У будущего поэта было четверо старших братьев: Виктор, Михаил, Александр, Илья. Когда на всю страну разнеслась страшная весть: “Война!”, все они, один за другим, встали в ряды защитников Родины. И одно за другим пришло в дом три известия: “убиты братья на большой войне”:

*Один упал
Под снежною Москвой,
Другой —
На сталинградской мостовой,
А третий пал
К Берлину на пути...
И каждый
Не дожил до двадцати.*

Глубокая сердечная травма не только не затягивалась со временем, а, напротив, лишь усиливалась:

*Идут года.
Давно за двадцать мне.
Но боль моя
Острее день ото дня —
Три старших брата было у меня.*

Строка “Три старших брата было у меня” повторяется в стихах трижды. И каждый раз под пером поэта она приобретает иное содержание, иной — всё

Михаила Константиновича я видела на похоронах Анатолия. У гроба стоял высокий, статный, сохранивший голубизну глаз и в преклонном возрасте, так много переживший мужчина. По его щекам медленно скатывались крупные слёзы...

Поэт посвятил Михаилу стихи “Четвёртый брат”. Их впервые опубликовала “Литературная газета” ещё в 1959 году. Однако в первые сборники поэта “Судьба” и “Равнина” они не были включены. Возможно, потому, что, по словам поэта, Михаил возражал против их публикации, не желая, видимо, привлекать внимание к себе, к своей инвалидности, словно стыдясь её. Наверное, по этой же причине стихи печатались затем под другим названием – “Баллада о безногом сапожнике”. Лишив стихи “родственности”, поэт придал им большую обобщённость, отразил в них многочисленные подобные судьбы. Однако содержание стихов посвящено не столько извилистым фронтовым дорогам брата с их смертоносными ухабами и рытвинами, сколько раздумьям об исковерканной войной судьбе совсем ещё молодого человека, не чаявшего о военном будущем юного романтика:

*Когда он
 в футбол выбегал играть,
Гудела земля,
 как колокол...
Конечно,
 поэтом мечтал он стать,
Конечно, мечтал —
 геологом.*

Но по-другому распорядилось беспощадное время:

*Стучит,
 стучит,
 стучит молоток,
Сидит безногий сапожник.
Сидит
 в зелёной будке своей,
В фанерной,
 пропахшей кожей,
А мимо
 течёт вереница дней,
Течёт
 вереница прохожих.*

Поэту Михаилу Луконину принадлежат стихи “Приду к тебе”, которые завершаются словами: “Лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой”. По поводу этих слов у Передреева с их автором состоялся весьма непростой разговор.

— Да что вы знаете о человеке с “пустым рукавом”? У вас, как я вижу, обе руки целы. А вот мой брат вернулся без ног... Уж он-то хорошо знает — что лучше! — Передреев был немногословен, но его глаза гневно сверкали, лицо сильно побледнело. Сейчас я не могу вспомнить всего разговора, но хорошо помню взволнованный вид Передреева, его негодующий голос. Ведь находясь много лет бок о бок с так тяжело пострадавшим на войне братом, он собственными глазами видел, какова на самом деле повседневная жизнь человека без ног, как горькая действительность постоянно — ежедневно, ежечасно — давала о себе знать! И каково было вчерашнему мечтателю о геологических тропах, командиру бронепоезда монотонно стучать целый день молотком, вгоняя гвозди в чьи-то изношенные башмаки! Что чувствовал он, находясь в своей фанерной, пропахшей кожей будке, мимо которой текла вереница прохожих, равнодушных, в общем-то, и к безногому сапожнику, и к его зелёной будке (а сколько подобных примитивных сооружений можно было увидеть в послевоенные годы!).

Передреев не любил брать на себя роль судьи, выносить приговор, “частные определения”, впрямую произносить свои суждения. Его собственные

стихи о войне лишены каких-либо выводов, умозаключений, он, как художник, лишь создавал картину, стремясь пробудить определённые чувства, настроение и предоставляя возможность делать выводы самому читателю. Отсюда – и его обострённое восприятие, и резкая реакция на всякий, по его мнению, “ложный звук лиры”. Потом поэты, видимо, нашли общий язык, о чём свидетельствуют стихи Передреева “В Азербайджане” с посвящением: “Михаилу Луконину, руководителю Шекинской группы”. Но зачем Передреев уточнил “амплуа” Луконина? Ведь ранее его посвящения выглядели просто: “Владимиру Соколову”, “Александрю Яшину”, “В. Кожинув”. Наверное, он всё-таки не согласился с Лукониным и – вольно или невольно – признал его лишь как руководителя делегации в древний город Шеки.

В отличие от некогда известного поэта с его признанием: “что-то с памятью моей стало, всё, что было не со мной, помню”, Передреев хорошо помнил “всё, что было” с ним и вокруг него, помнил атмосферу военного времени, запахи воздуха и даже цвет различных предметов, помнил свои ощущения. Об этом он напишет в стихах “Воспоминания о старшем брате”, посвящённых брату Виктору, погибшему в 1941 году:

*Помню всё на цвет, на запах,
Помню, главное, на слух:
“Дан приказ ему на запад...”
Песня слышалась вокруг.*

Поэту и спустя много лет (стихи написаны в 1970 году) видятся “рук широкое объятие. Португепя. Пистолет” старшего брата, слышится скрип его сапог, помнится его единственное письмо:

*...Он успел из-под Львова,
Первым принявшим грозу,
Написать, послать два слова:
“Был в бою, стоим в лесу...”*

А затем – полное неведение о последних минутах брата, о его могиле:

*Не узнать мне, что с ним случилось
Во втором его бою,
Может, после не осталось
Даже леса в том краю...*

Восторженно оценил две последние строки один из знакомых Передрееву поэтов, а у поэтов, как известно, свой, особый взгляд на каждую строку стихотворения, особое видение её содержания. Так, этого поэта восхитила точность и яркость последних строк – бои велись столь ожесточённо, что могли ничего не оставить и от леса!

Подростком, учеником младших классов встретил войну будущий поэт. Находясь в Грозном, он пережил тот ожесточённый её период, когда гитлеровские полчища яростно рвались к кавказской нефти, город нещадно бомбили и вокруг “лихорадочно били зенитки”. Ночами, при налётах вражеских бомбардировщиков, приходилось прятаться в земляном укрытии. Вспоминая это время, поэт пишет:

*Я погружаюсь в темноту и глину,
В узлы пожитков,
Сваленных на дне...
Я обнимаю
Худенькую спину
Моей сестры,
Прижавшейся ко мне.*

(“Щель”)

На его глазах ночное небо безжалостно посылает на землю смерть, разруху, хаос, разрывая мир природы:

*Над нами мир
Раскромсанный и чёрный,
Провалы тишины сменяет гул...
И слышно —
В щель протискивает корни
Наш сад,
Забывтый нами наверху...*

Даже сад хочет укрыться от ужаса войны. Тем, кому пришлось пережить вражеские бомбардировки, хорошо знакомы такие “провалы тишины”, кажущейся особенно глухой после зловещего рёва самолетных моторов, леденящего душу свиста артиллерийских снарядов и оглушительного грохота фугасных взрывов.

“Природа, потерявшая покой”, наряду с другими трудностями военного времени запечатлена поэтом и в стихах “Какие красивые дети”:

*А я пустыри вспоминаю
И старую лысую гору.
Горбушка горчащего хлеба...
Заросшего дзота бойницы...
На всё первобытное небо
Кричат беспризорные птицы...*

Эти кричащие, мечущиеся по небу птицы словно слетели с холста Василия Верещагина “Апофеоз войны” — живописного изображения зловещих последствий военных действий.

Свои впечатления о школьных годах поэт опишет затем в стихах, названных по первой строке:

*Я учился писать...
Мимо школы — колонны, колонны
Колыхались рекой
И впадали в невидимый фронт...
.....*

*Я учился писать...
Где-то плавилась танки,
Где-то люди кричали,
Умирая в огне и дыму...*

Завершающие строки поэт вновь посвящает матери, её неустанным заботам о сыне:

*Я учился писать,
И хрустящие хлебные карточки
От себя отрывала
По клеточке
Мать,
Чтоб меня не тошнило,
Чтоб меня не шатало за партою...
Я учился писать!..*

Но не только о себе говорит здесь поэт, но и вновь о войне — об атмосфере того времени, о тех условиях, в которых постигали азы грамоты совсем ещё юные школяры.

В этих стихах поэт сознательно прибегает к повторениям. Строка “Я учился писать” повторяется здесь — семь раз! И опять каждое повторение имеет своё звучание, свою интонацию. Повторения используются поэтом и в стихах “Памятники” — для усиления впечатления от множества жертв войны.

В своё время критик Лев Аннинский, одним из первых откликнувшийся на дебют поэта, заметил: “Главный приём у Передреева — повтор!” Критик при-

вёл несколько примеров такого “главного приёма” и, ссылаясь на один из них, пришёл к заключению: “Что делает эту фразу поэзией? Повтор!” Но, думается, дело не только в простом, “голом” повторе, как это следует из слов критика, а в том накале чувств, в том эмоциональном содержании, которыми проникнуты эти повторы. Что и делает их поэзией, а не наоборот.

Передреев никогда не пользовался какими-либо искусственными приёмами, его стихи всегда отличала естественность, искренность, “прелесть простоты”. “Главным приёмом” для него была только душа поэта. Он рассматривал поэзию, следуя Пушкину, как “союз звуков, чувств и дум”, что и видно из его стихов и его статей.

Поэт часто пользовался не только повторами, но и отточием – для создания паузы, предполагающей раздумья, размышление, более вдумчивое восприятие содержания строки. Пользовался поэт отточием и в тех случаях, когда не считал нужным высказывать свою мысль до конца, что давало возможность читателю додумать, дочувствовать стихотворение.

В одном из ранних стихотворений Передреев говорит о своём понимании сущности поэзии: “Любая боль услышится и песней изойдёт...” Эти слова можно рассматривать как своеобразный обет, данный им при первых шагах ещё только к подножию поэтического Олимпа. Собственные невзгоды не притупили в нём сострадания и сочувствия, под его пером “изошли песней” не только своя, но и чужая боль, чужие тревоги и беды, причинённые молохом войны.

*Калошами шаркая глухо
По жаркой сухой мостовой,
Забытая богом старуха
Идёт с допотопной сумой.
 (“Старуха”)*

Калоши в жаркую сухую погоду – не только признак нищеты, но ещё и единственная приемлемая обувь для больных старческих, с трудом переставляемых (“шаркающих”) ног. Одетая в тяжёлую мужскую тужурку, безучастная к происходящему вокруг, она не замечает даже грохочущих рядом трамваев, не слышит визжащих тормозов едва не наехавшей на неё машины, “не спросит, почему эскимо” – не до покупки! Отрешённость, следы пережитого – во всём её облике, в одежде, в глазах:

*Усталые, как погорельцы,
У этой старухи глаза,
Как беженцы...
Словно старухе
Давнишней, привычной бедой
Глаза застилают разрухи
И пепел пожарищ и войн...*

Эти стихи были созданы поэтом в молодости. И разве не удивительно, что в таком возрасте он (высокий, статный, светловолосый красавец, “к тому же поэт” – пиши, казалось бы, о “прогулках при луне”) сумел с таким пониманием и так глубоко проникнуть в душу старой, уставшей от жизненных невзгод женщины, прочитать в её глазах её горестную участь и даже увидеть, во что она обута и одета.

Стихи “Старуха” написаны в 1961 году, а спустя десять лет поэт, возвращаясь к военной теме, наряду с “Воспоминаниями о старшем брате” и “Пехотой 41-го года”, вновь обращается к участи женщины, надломленной войной. Это – “Тётя Дуся, бедная солдатка, Дуська – голосистая вдова”. И если в стихах “Старуха” участь женщины читается во всём её облике, в “содержании глаз” (по А. Блоку), то здесь – в исполнении песни, её “томительном” звучании в вечерних сумерках, усиливающих чувство тоски, одиночества. Это звучание словно слышится в строках стихотворения:

*И взлетали голоса,
Как птицы,
И летели над годами бед...*

*И во тьме
Далёкие зарницы
Начинали вспыхивать в ответ!*

Стихи Передреева об убитых, не достигших ещё и двадцатилетнего (!) возраста братьях и безногом сапожнике, о материнском горе и своём, совпавшем с войной отрочестве, об убогой старушке и вдове-солдатке с её заунывной песней слагаются в подлинные свидетельства горя и страданий, принесённых войной на родную землю.

Передреев никогда не присваивал себе права говорить от имени группы людей, а тем более — всего народа, как это можно встретить в некоторых произведениях о минувшей войне, где “мы”, “нам” звучат без какого-либо оправдания, порою неестественно, неправдоподобно (а порою и нескромно), как, например, у известного поэта: “... нам нужна одна победа... мы за ценой не постоим”. Эти слова звучат от имени ни много ни мало, а целого десантного батальона. Но дело не только в обширности этого войскового подразделения, а и в том, что расхожие слова “мы за ценой не постоим” неуместны в устах отважных десантников, да ещё перед “огнём смертельным”; в таких случаях, по свидетельству Бориса Слуцкого, поступают обычно “с неболтливым сознанием долга, молча помня отчизну свою” (“Есть!”).

В стихах Передреева о войне к читателю обращается не какая-то группа людей, не условный “образ”, не загадочный символ, а живой, узнаваемый человек, живые люди, и каждый из них — со своей участью, своей тревогой, своей душевной болью. Поэт ничего не придумывал, он, верный завету “и виждь, и внемли”, видел каждого такого человека воочию, живьём. Этим разных людей перо поэта объединило общей бедой, общей душевной болью. Потому-то так естественны, так доходчивы и так проникновенны его стихи.

Как уже говорилось, поэт на протяжении всей жизни время от времени возвращался к военной теме. Так, в 1978 году он создаёт стихотворение “К истории войн”. Но это уже не собственные, “живые” впечатления, а размышления о войнах вообще, а точнее — о “кровавой сущности” всей истории Земли. Строфу за строфой в этом довольно большом по объёму стихотворении посвящает поэт памяти погибших в прошедших на земле войнах, начиная с глубокой древности.

*Мне душу б раздавило бремя
Всех жертв походов, боен, войн,
Но с ней — безжалостное время,
Закон диктующее свой.*

*И гибель предков достославных,
Чей клич: “О Русская земля!” —
Быть может, плачем Ярославны
Ещё лишь трогает меня.*

Но после нескольких, казалось бы, отстранённых признаний из глубины души поэта внезапно вырывается:

*Но двадцать,
Двадцать миллионов
Недавних... Памятных... Родных...*

Эти ужасающие цифры словно сковывают речь поэта, перехватывают дыхание, “жгут сердце”. **20 000 000**. Вспомним ещё раз картину Василия Верещагина (созданную в 1871 году) — там апофеоз войны представлен в виде холмика людских черепов. Так какой же высоты Монблан пришлось бы воздвигнуть художнику при изображении последствий минувшей войны?!

И даже предшествующие этим цифрам строфы с их кажущимся равнодушием оборачиваются в итоге общей, так же ужасающей своей обширностью картиной гибели людей в войнах прошлого.

Раздумья поэта о “кровавой сущности” всей истории родной страны и, в то же время, о её стойкости воплотились в стихах “К Отчизне”:

*Из века в век
тебя пытались сжечь
И растоптать...
Но силою неведомой
Свой лик сберечь сумела ты
и речь
И стон свой в песню обратить победную.
.....*

*С какою на земле ещё страной
Сравнить тебя и в доблести, и в горести?*

Как многие поэты, Передреев не был лишён дара предвидения:

*И гибли в поле сыновья твои...
Храм возводился, освещая поле то...
Но не спасли все Спасы-на-Крови
От крови той,
какая будет пролита...*

Не дай Бог, если его предвидения осуществляются.

“УПОВАЯ НА ВОСКРЕСЕНИЕ...”

Первенцев Аркадий. “Дневники 1937—1940”. М., Вече, 2009, 592 с.

Сын известного русского советского писателя Аркадия Алексеевича Первенцева (1905–1981) Владимир Аркадьевич Первенцев давно уже подготовил к печати многотомное собрание дневников своего отца. В этом году удалось издать лишь первый том, охватывающий период 1937–1940 гг. Самому Владимиру Аркадьевичу не пришлось дожить до этого знаменательного события – он скончался в начале 2008 года. Издательство “Вече”, однако, выполняя его волю, всё же осуществило, несмотря на трудные нынешние условия кризиса, издание этих примечательных записок.

А. А. Первенцев был из той плеяды русских литераторов, которые не мыслили себя в отрыве от своего времени, времени Великого Эксперимента – строительства социализма в одной, отдельно взятой стране. Он, родившийся на заре XX века в Ставрополе и воспитывавшийся в кубанской станице Новорождественской в семье священника, всю жизнь потом был вынужден скрывать своё происхождение, выдавая себя за сына сельского учителя. Несмотря на это, заряженный энтузиазмом романтического времени, в которое ему привелось жить, Первенцев стал одним из наиболее ярких творцов, или, как принято было тогда говорить, “инженеров человеческих душ” времён созидания нового, более справедливого, как мыслилось, мира.

Он в полном смысле слова принадлежал к поколению победителей. С ранней юности ему пришлось включиться в беспощадную классовую борьбу. Уже в 15 лет он в составе отряда вихорцев сражается с белоказаками врангелевского атамана Улагая, когда белые, оттеснённые в Крым, высадили десант на Кубани и пытались вновь разжечь пламя гражданской войны на Северном Кавказе. Это у них не получилось, в частности, и потому, что молодые комсомольцы, такие, как Аркадий Первенцев, готовы были пожертвовать своими юными жизнями ради победы. В одном из сражений вражеский снаряд разорвался рядом с танковой, на которой пулемётчиком воевал будущий писатель. Убило одного бойца, двоих ранило, а Первенцева тяжело контузило. Последствия этой травмы ещё долго преследовали его. Госпиталь в Краснодаре, где лежит раненый боец, посещают такие герои гражданской войны, как Ковтюх, Фурманов, Орджоникидзе. Первая его книга, написанная в 30-е годы и изданная в 1937 году, будет посвящена одному из таких героев – Ивану Кочубею, фигуре трагической, необычайно мощной, стихийной в своих человеческих проявлениях. Простой кубанский казак, возглавивший конный красный отряд, он наносил неожиданные разящие удары по тылам белой армии. Его часть была этаким полуанархическим формированием, и потому его недолюбливали в партийных верхах, особенно в троцкистских. В конце концов Кочубей стал жертвой предательства и был выдан белым. Белогвардейцы по достоинству оценили его воинский талант и предложили ему чин генерала, если он перейдёт на их сторону. Но Иван Кочубей предпочёл смерть в петле, но не предательство. Аркадия Первенцева, видимо, привлекли в этой фигуре необычайно глубокий романтизм, самоотверженность, жертвенность. Это вполне соответствовало и его собственным духовным установкам.

Таково было это поколение! Меньше всего они думали о смерти. Жить побеждая, всё время в борьбе за идеалы, всё время жертвуя собой, никогда не успокаиваясь на достигнутом. Вспоминаются известные слова Николая Островского, их когда-то учили в школе – “... чтобы, умирая, мог сказать: “Вся моя жизнь была отдана борьбе за дело освобождения человечества”.

Аркадий Первенцев стал в литературе “младшим братом” Николая Островского и сам потом всю жизнь следовал дорогой своего кумира. Интересно, что и первый свой роман “Кочубей”, сразу сделавший его заметной величиной в советской литературе, он написал тогда, когда был тяжело болен острой формой туберкулёза. Сам он в это время жил в Москве, работал на предприятиях оборонной промышленности, но болезнь заставила его отдать немало времени больницам, санаториям, лечебницам. Но нет худа без добра – было время писать, и так родился новый советский писатель.

В те же годы Аркадий Алексеевич начинает писать и свои дневники. Они, можно сказать, — особый и самый обширный его литературный труд. Он никогда не показывал их никому, даже своим родным, даже жене, а жена его Вера Тихоновна была настолько тактичным человеком, что не пыталась проникнуть в эту тайну своего мужа.

Сын писателя Владимир Аркадьевич Первенцев — известный журналист, фотохудожник, после смерти своего отца, последовавшей в 1981 году, несколько лет разбирал его архив и привёл в порядок множество записных книжек, тетрадей, “ежегодников”, отдельных листов. Выяснилось, что самое интересное, может быть, произведение Аркадия Первенцева так и осталось ещё неопубликованным. Произошло это в силу многих причин, отчасти, вероятно, и потому, что писатель в своих дневниках очень откровенен, часто не скрывает того, что невозможно было в те сложные годы сказать открыто. А ведь, несмотря на весь свой советский патриотизм, Аркадий Алексеевич был очень резким человеком и все тёмные стороны нашей действительности он видел, прекрасно осознавал, но не смаковал их, как делали диссиденты, а писал об этом с огромной сердечной болью и душевной скорбью.

В августе 1941 года, в самые отчаянные дни немецкого наступления на Москву, он доверяет дневнику:

*“Мы оказались слабее в воздухе, мы оказались слабее на земле. Этого не простят нам великие мужи, поставившие на ноги Россию. В могилах поднимаются, как видения “Страшной мести”, Отец Отечества Пётр Великий, Потёмкин, Суворов, Румянцев — победитель Кагула, Кутузов, Богдан, Сагайдачный, Багратион, Нахимов, Корнилов... Поднимаются даже те, кто был сражён в силу своих ограниченных политических знаний, но сильной любви к Отчизне: Лавр Корнилов, Неженцев, Марков, Брусилов, Алексеев, Чернецов, Каледин. Они смотрят на нас: “Вы взяли силой у нас власть из рук — **побейдите**. Мы привыкли видеть, что мы ошиблись, а большевики действительно спасители Отечества русских. Побейдите! Но если вы не победите, почему уничтожили нас, почему не посторонились?”*

Поразительные слова в устах большевика, убеждённого коммуниста, каким всегда был Аркадий Первенцев! Но надо знать его жизненный путь, чтобы понять — эти слова вполне органичны для него, для человека, превыше всего ценившего личную честь, человека храброго, беззаветного, не привыкшего прятаться от трудностей и опасностей.

В годы Великой Отечественной войны он — военный корреспондент “Известий”, и где только не побывал! И на пылающих полях родной Кубани, захваченной врагом в 1942 году. На бомбардировщиках морской авиации он летает помогать сражающемуся Севастополю, участвует в налёте на нефтяные прииски Румынии и видит, как горят огромные хранилища горючего, предназначенного для танковых армий Гота и Гудериана. Он и на боевых позициях морских артиллеристов. Он входит в освобождённый Новороссийск. Вместе с Приморской армией участвует в освобождении Крыма и в первый же день после освобождения Севастополя берёт интервью у вновь назначенного председателя горсовета. И, заметьте, всё это после тяжелейшей травмы, которую он получил 2 июля 1942 года, когда транспортный самолёт, на котором писатель возвращался в Москву с фронта, потерпел катастрофу. В той катастрофе, кстати говоря, погиб летец вместе с Первенцевым известный советский писатель Евгений Петров — соавтор “Двенадцати стульев” и “Золотого телёнка”.

Таков был человек и писатель Аркадий Алексеевич Первенцев. Человек чести и долга. Не удивительно, что один из самых известных его романов, написанный в 1948 году, итог всего пережитого во время войны — назывался “Честь смолоду”. Роман этот получил заслуженную славу и признание сразу после его выхода в свет. Он был удостоен Сталинской премии 1949 года.

Бескомпромиссным патриотом своего Отечества Аркадий Первенцев оставался до конца своей жизни. Всего в его творческом багаже — десять романов, пьесы, рассказы, очерки, статьи, десятки тысяч писем и записок, которые он писал, будучи депутатом Верховного Совета РСФСР от Кубани, ходатайствуя о нуждах своих земляков. Сочинял он также киносценарии — известны они по знаменитым фильмам “Герои Шипки” — об освобождении Болгарии от османского ига, “Щит и меч” — о событиях Великой Отечественной войны.

И вот теперь перед нами — последнее произведение писателя — его “Дневники”. Надеюсь, что они будут изданы в полном объёме. Ведь это не просто календарные записи — день за днём и год за годом, нет — это свидетельство живой человеческой души, это Суд современника, судящего свою эпоху — трагическую, тяжёлую, но великую и прекрасную одновременно! В заключение хотелось бы привести слова Владимира Аркадьевича Первенцева, сына писателя, подготовившего к изданию дневники своего отца: **“С тревогой и волнением отдаю на суд читателей “Дневники” из семейного архива, упоая на воскресение новой Советской России, которой отдал свою жизнь отец, русский советский писатель Аркадий Алексеевич Первенцев”**.

Станислав ЗОТОВ

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“Спасибо Джорджу Соросу” — “Спасибо “Нашему современнику”

1

В конце подписной кампании 1992 года обнаружилось, что в результате гибельных для российской культуры гайдаровских реформ обрушилась, словно карточный домик, подписка на все “толстые” литературные журналы; но особенно тяжёлые утраты понесли те издания, которые с пеной у рта ратовали за эти реформы. Может быть, тем самым подтверждалась истина, выраженная в русской народной пословице: “За что боролись, на то и напоролись”.

Анализируя итоги подписки, я написал тогда в газете “Московский комсомолец” (декабрь 1992 г.): “В 1989 году, когда я стал главным редактором “Нашего современника”, мы были по подписке в конце первой десятки. Впереди был полуторамиллионный гигант “Новый мир”, миллионное “Знамя”, оба ленинградских журнала, “Дружба народов” — все под миллион. Сегодня у “Нового мира” 67 тысяч, у “Знамени” 69, у “Октября” 50, у “Невы” 40, у “Дружбы народов” вообще слёзы, а у “Нашего современника” 86 тысяч подписчиков! Поздравьте нас, проигравшие! Мы победили вас на Вашем рыночном поле.

Ну кому нужны сейчас романы Горенштейна, или похотливая проза Алешковского, или графоманская эротика Марка Харитонов, или механическая заумь Пригова, или злобные статейки Рассадина? Не помогает демократическим журналам и то, что весь прошлый год лики главных редакторов Ананьева, Бакланова, Андрея Дементьева с телеэкранов не сходили. Попцов и Александр Яковлев усердно помогали своим клеветам. Я же ни одной минуты для пропаганды “Нашего современника” в телеэфире получить не сумел. Тем почётнее и веселее победа русского патриотического журнала”.

Однако нашим конкурентам сразу же после их поражения на подписном фронте пришла неожиданная помощь из-за океана: Джордж Сорос, заработавший к тому времени миллиарды на отмывании денег колумбийской наркомафии, спас проельцинские литературные журналы тем, что начал щедро финансировать их библиотечную подписку на последующие 8 лет аж до 2000 года.

Но в 2000 году Сорос, решивший, что все его “нахлебники” сделали всё, что могли, по внедрению рыночных реформ в России (“мавр сделал своё дело”), что в дальнейшем тратиться на эту “пятую колонну” бессмысленно, объявил о завершении проекта.

Тогда все благодарные Соросу функционеры этой программы собрались в газете “Известия” на “круглый стол”, чтобы поблагодарить своего благодетеля и придумать, как выживать дальше. 28.12.2000 г. в “Известиях” были опубликованы выступления участников этого “круглого стола” под общей шапкой: “Спасибо Джорджу Соросу!” Приведём несколько выдержек из благодарных речей.

Владимир Григорьев, замминистра печати:

“В 2000 году Минпечати, Минкульт и фонд Сороса взяли “толстые” журналы под зонтик”.

Евгений Кузьмин, начальник департамента библиотек Министерства культуры:

“В будущем году мы будем помогать всё тем же журналам (т. е. только “демократическим”. — С. К.) хотя другие на нас за это обижаются” (имелись в виду журналы патриотические — “Наш современник”, “Москва”, “Молодая гвардия”. — Ст. К.).

Григорий Чхартишвили (Б. Акунин):

“Без толстых журналов отечественная культура зачахнет, прежде всего они нуждаются в государственной поддержке”.

Екатерина Гениева, президент института “Открытое общество”:

“Эта программа когда-нибудь должна была закончиться. Я должна быть честной и сказать, что “Наш современник” и “Москву” читают больше, чем “Иностранную литературу” или “Новый мир”. Но это другой вопрос”.

Сергей Чупринин, главный редактор журнала “Знамя”:

“Сегодня мы прощаемся с программой, которая на протяжении восьми лет помогала нам жить, выходить регулярно, не сдваивать номера, платить гонорары авторам, публиковать молодых писателей. День грустный. Но были 8 лет, были 10 миллионов”.

Лазарь Лазарев, главный редактор журнала “Вопросы литературы”:

“Журналы были просто спасены”.

Ирина Прохорова, главный редактор журнала “Новое литературное обозрение”:

“НЛО — журнал новый, первые четыре года, с 1992 по 1996 г., едва выживал, поэтому я знаю, что такое Сорос в тяжёлое время”.

Яков Гордин, главный редактор журнала “Звезда”:

“Хочу поблагодарить господина Сороса... В России существуют сотни тысяч людей, готовых читать толстые журналы... Задача толстых журналов — работа по воссозданию гражданского общества”.

Леонид Тер-Акопян (“Дружба народов”):

“Если фонд Сороса поможет спасти почти утраченную школу перевода, он заслужит безграничную признательность...”

Алексей Словесный, главный редактор журнала “Иностранная литература”:

“Все эти восемь лет мы жили как у Христа за пазухой”.

Г. Бакланов, бывший главный редактор журнала “Знамя”:

“Я в глубине души не сомневался, что нас поддержат”.

А. Архангельский, тележурналист:

“Если бы не благотворительная программа фонда Сороса, затеянная восемь лет назад, как знать, обсуждали бы сегодня проблему толстых журналов или уже нет. По той простой причине, что нет журналов — нет проблемы...”

Да, Архангельский прав. Если бы Сорос не поддержал в 1992 г. толстые журналы демократической ориентации, то в 2000 году пришлось бы обсуждать положение только двух журналов — “Наш современник” и “Москва”, потому что они выжили без всякого Сороса, опираясь только на любовь к ним читателей и библиотекарей России. И нет худа без добра: пока наши конкуренты вольготно жили на соросовские регулярные подачки, по словам А. Словесного, “как у Христа за пазухой”, мы выживали, мобилизовав все свои организационные, творческие, физические и прочие способности, не жалея ни времени, ни здоровья, провели за эти несколько лет сотни встреч с читателями всех часовых поясов России. Плоды этой работы помогают нам по сей день: нынешняя ежемесячная подписка на журнал “Наш современник” на 2010 год достигла суммарной подписки трёх когда-то знаменитых литературных грандов — “Нового мира”, “Знамени” и “Дружбы народов”... С той поры, когда их “кинул” Сорос, уверенный, что “гражданское общество” в России уже построено, они, избалованные тепличными условиями жизни при его покровительстве, окончательно промотали остатки своего бывшего авторитета.

Который год подряд эти издания анонсируют при каждой новой подписной кампании раскрученные имена — Василия Аксёнова, Фазиля Искандера, Андрея Битова, Александра Кабакова, Виктора Ерофеева, Беллы Ахмадулиной, Мариэтты Чудаковой, Юрия Карякина, Даниила Гранина, Дины Рубиной, Бенедикта Сарнова и прочих “детей оттепели” и “деятели перестройки”, лауреатов всяческих “триумфов”, “букеров” и “больших литературных премий”.

Но российский читатель уже ничего не ждёт от этих писателей, и даже то, что они прочно оккупировали телевидение, журналам не помогает. Потому и остаются издания, опирающиеся на их имена, при тиражах две, три, хорошо – если четыре тысячи экземпляров... А это означает, что точка невозврата – пройдена. И никаким деньгами тут не поможешь.

А мы закалились и научились выживать в суровых условиях изоляции, идеологического и бюрократического давления, безденежья и оскорбительно-равнодушия структур “гражданского общества”, сплотили вокруг журнала сотни новых авторов великой русской провинции, созидающих не пресловутые “тексты”, а живую реалистическую литературу, сохранили десятки тысяч своих верных читателей, которые любят наших прозаиков и поэтов, историков и публицистов... Конечно, приходится много работать. Лишь в минувшем кризисном 2009 году я сам и сотрудники журнала где только не побывали, встречались с читателями, писателями и местными властями – в Нижнем Новгороде, в Кирове, в Томске, в Воронеже, в Иркутске, в Барнауле, в Казани в Санкт-Петербурге, в Белоруссии... Под лежащий камень вода не течёт... Спасибо Джорджу Соросу и всем распорядителям его грязных денег за то, что они поставили нас в такие условия, что мы должны были либо победить, либо погибнуть. Мы выбрали победу.

2

В июле 2009 года, ознакомившись с результатами подписки на II полугодие, я схватился за голову: мы потеряли по сравнению с I полугодием полторы тысячи подписчиков и скатились до тиража 7 100 экз. (забегая вперёд, скажу, что к началу 2010 года мы отыграли с лихвой все потери и вышли на рубеж 9 тысяч), у других журналов картина подписки была куда более удручающая.

Недолго думая, я взял ручку, белый лист бумаги и начал писать письмо Владимиру Путину, памятуя, что он отметил “Наш современник” по случаю его 50-летия своей Благодарностью Президента РФ. Вот текст моего письма.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Позвольте обратиться к Вам не только как к Главе Правительства, но и как к подлинному национальному лидеру, человеку, взявшему на себя ответственность за все аспекты жизни России, в том числе и за состояние её культуры. Вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, в каком трудном положении оказалась сфера культуры в связи с кризисом. Наиболее драматично положение т. н. толстых литературно-художественных журналов. Последняя подписная кампания принесла катастрофические результаты – подписка упала на 15–30 процентов. Тиражи всероссийских литературных журналов – от 7 тысяч до 700 экземпляров. Велика опасность, что ещё одной подписной кампании они просто не переживут.

Вы, Владимир Владимирович, человек, получивший классическое образование в лучшем университете страны, наверняка прекрасно понимаете значение литературно-художественных журналов. Со времён Карамзина и Новикова, Пушкина и Некрасова именно они были генераторами культуры в самом широком смысле этого слова. Вся русская классика, от “Капитанской дочки” до “Тихого Дона”, пришла к читателям со страниц журналов. Здесь авторы получали не только возможность публиковаться, но и обретали поддержку единомышленников. Ведущие журналы формировали направления литературной и общественной мысли, обозначали идеалы эпохи.

Верховная власть хорошо понимала значение журналов. Ещё Екатерина II активно выступала в них. Даже в годы Великой Отечественной войны ни один центральный журнал не был закрыт.

И сегодня масштабные планы правительства по переходу страны на путь инновационного развития требуют мобилизации ресурсов не только материальных, но и интеллектуальных. Литература, причём именно серьёзная литература, публикуемая в журналах, стимулирует креативное мышление, которое необходимо во всех сферах деятельности, в том числе и в экономике. Литература формирует нравственные ценности, гражданскую позицию человека – это тоже так необходимо, чтобы направить энергию людей на благо страны.

Для того чтобы журналы и впредь смогли выполнять своё общественное служение, их необходимо поддержать в условиях кризиса. Муниципальные бюджеты, на которые возложено финансирование библиотечной подписки, сегодня не в состоянии обеспечить её. Необходима помощь на федеральном уровне.

До 2007 года действовала Федеральная программа, в рамках которой Агентство по культуре и кинематографии ежегодно выделяло средства на приобретение 400 годовых комплектов ведущих толстых литературно-художественных журналов для сельских библиотек. Конечно, этого мало, нужна в серьёзном чтении, особенно на селе, где нет книжных магазинов, огромна. И следовало бы вести речь о более значительной подписке. Но сегодня даже эта скромная программа свёрнута окончательно.

Владимир Владимирович, просим Вас положительно решить вопрос о финансировании подписки на всероссийские толстые литературные журналы для библиотек на федеральном уровне. Ведь находятся же у нас средства на поддержку футбольных и хоккейных команд в то время, когда на краю гибели стоит целая культурная структура – сеть знаменитых литературных журналов. Их спасение потребует минимальных затрат, а польза будет огромная. К сожалению, наши обращения в различные инстанции результата не дали. Вы – наша последняя надежда.

Дошёл я до этого места и задумался: от чьего же имени я пишу это письмо, кто его будет подписывать? И тут мстительное чувство овладело мной: эти “демократические” друзья, когда распределяли соросовскую помощь, нас бортанули, чьего же мне о них заботиться? Подпишем письмо трое: я, Леня Бородин да Женя Юшин, и хватит. Но через мгновение отмёл этот вариант. Если уж хлопотать – так за всех, поскольку колокол звонит по всем нам. И добавил в текст письма последний абзац:

“Разумеется, этот и другие насущные вопросы современной отечественной культуры плодотворнее было бы обсудить в доверительном личном разговоре. Зная о Вашей загруженности, позволим себе всё же выразить надежду, что Вы сможете выкроить время для встречи с главными редакторами ведущих литературных журналов страны”.

После этого редакционный шофёр объехал редакции десяти крупнейших толстых журналов федерального значения, все главные редакторы с удовлетворением поставили свои подписи, и теперь главная задача заключалась в том, как передать это письмо лично Путину... Посылать письмо по почте в руки чиновников мы, наученные горьким опытом, не хотели. Но, как говорится, на ловца и зверь бежит. Вскоре я полетел в Иркутск на праздник “Сияние России”, который вот уже много лет проводит Валентин Распутин. После завершения праздника выяснилось, что он возвращается в Москву на одном со мной самолёте на встречу писателей с Путиным. Я прямо в самолёте торжественно вручил Валентину Григорьевичу текст письма, по счастью, бывшего в моей сумке. Встреча эта, состоявшаяся в середине октября прошлого года, широко освещалась телевидением, я своими глазами видел, как Путин взял из рук Распутина наше письмо и торжественно пообещал, что помощь журналам в подписной кампании 2010 года будет оказана. Потом всех редакторов, подписавших письмо, пригласили на совещание в Министерство связи и пообещали золотые горы, даже назвали суммы, выделенные на подписку.

Потом всё как-то заглохло, и подписка прошла, и несколько месяцев 2010 года закончились... По непроверенным слухам, вопрос будет решаться во второй половине года. У Сороса как-то всё было организованнее – когда и кому дать, а кому нет.

Но ежели этот многострадальный проект всё-таки осуществится, то я надеюсь, что все наши товарищи по несчастью, все главные редакторы-конкуренты когда-то родных изданий, всё таки оценят мою инициативу и, подобно мне, сказавшему в 2000 году – “Спасибо Джорджу Соросу”, произнесут искренне и от души: “Спасибо “Нашему современнику”!”

P. S. Дорогие наши читатели! Как правило, во второй половине года подписка у нас хоть не на много, но сокращается. Давайте нарушим эту досадную традицию! Мы просим всех, кто выписал журнал в I полугодии, продлить свою дружбу с ним. Вас ждут новые интереснейшие публикации.